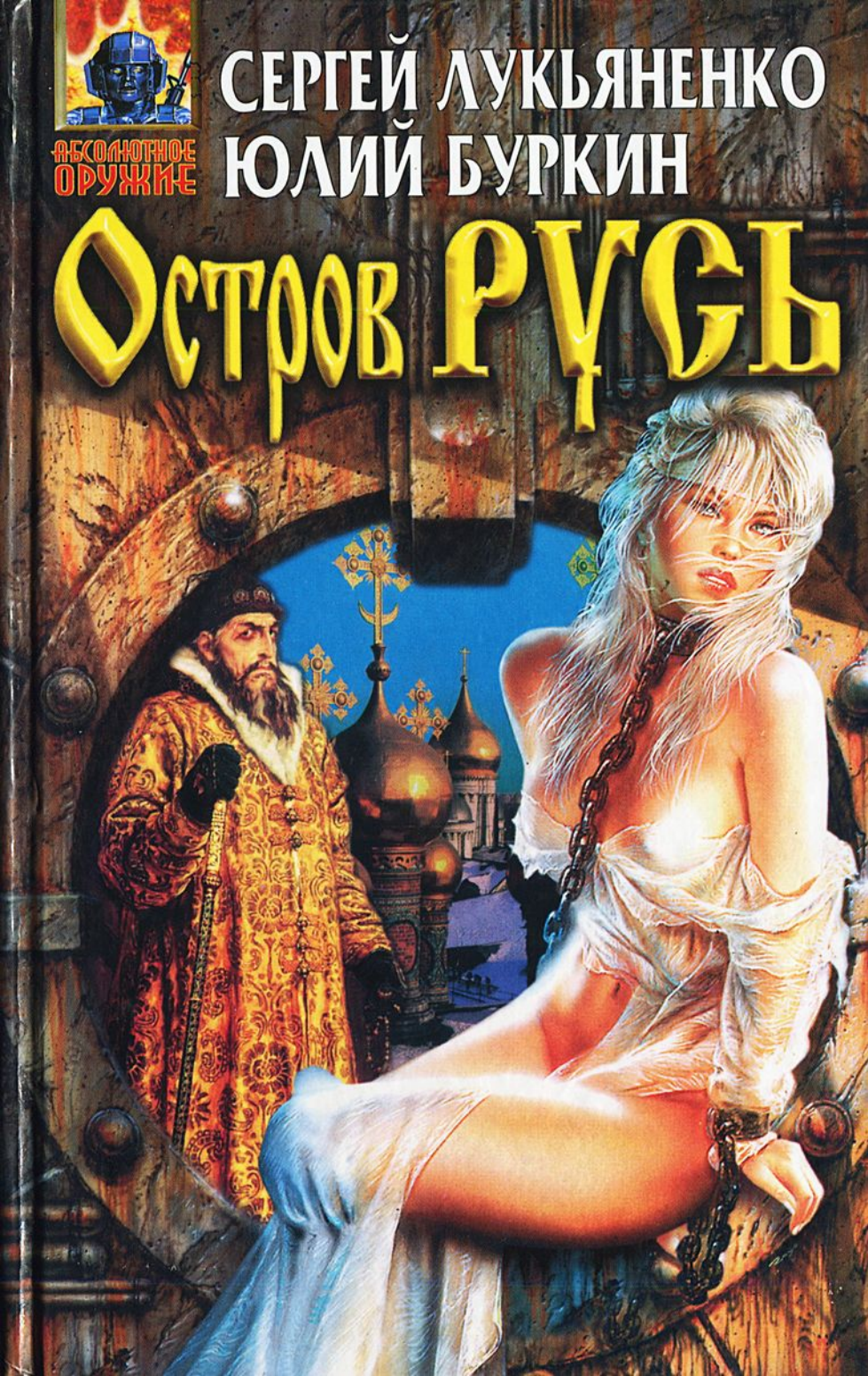
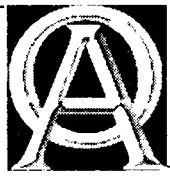
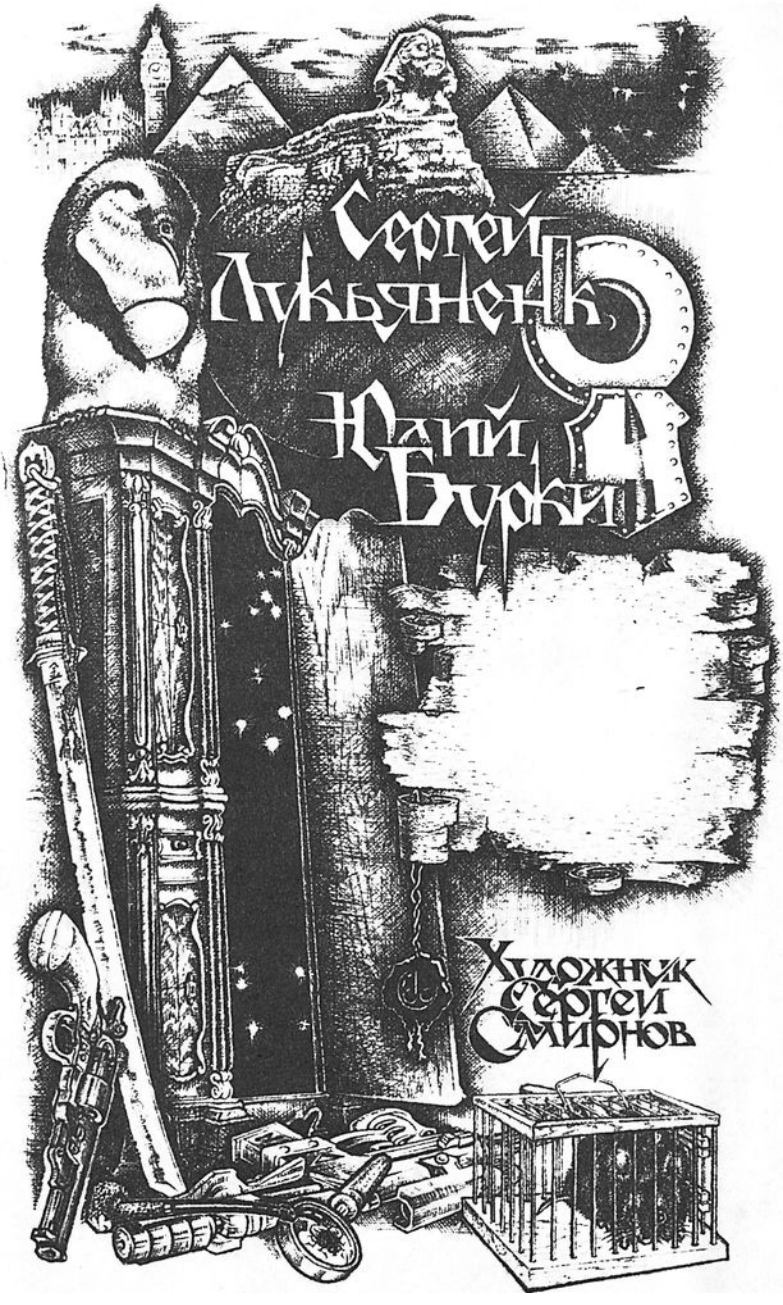

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ
СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО
ЮЛИЙ БУРКИН
Остров Русь




Сергей Лукьяненко
Юлий Буркин
Художник Сергей Смирнов

Сегодня, вчера!
Сегодня, вчера!
Сегодня, вчера!

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 90

Разработка серийного оформления
художника *А. Г. Саукова*

Художник *Luis Royo*

Серия основана в 1996 году

Редактор и составитель издания *О.П. Пуля*

Буркин Ю. С., Лукьяненко С. В.

Б 90 Остров Русь: Фантастические романы. — М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО, Изд-во Аргус, 1997.— 512 с. (Серия «Абсолютное оружие»).

ISBN 5-85549-060-2 («Аргус»)
ISBN 5-251-00430-3(«ЭКСМО»)

Есть на далекой планете Земля сказочный остров Русь. Там живут былинные богатыри, тоскующие по славным летам, когда всякой нечисти было вдоволь. И не ведают они, что их далекие потомки уже вовсю летают в космос, путешествуют во времени, встречаются с братьями по разуму и сражаются с воинственными пришельцами из других миров.

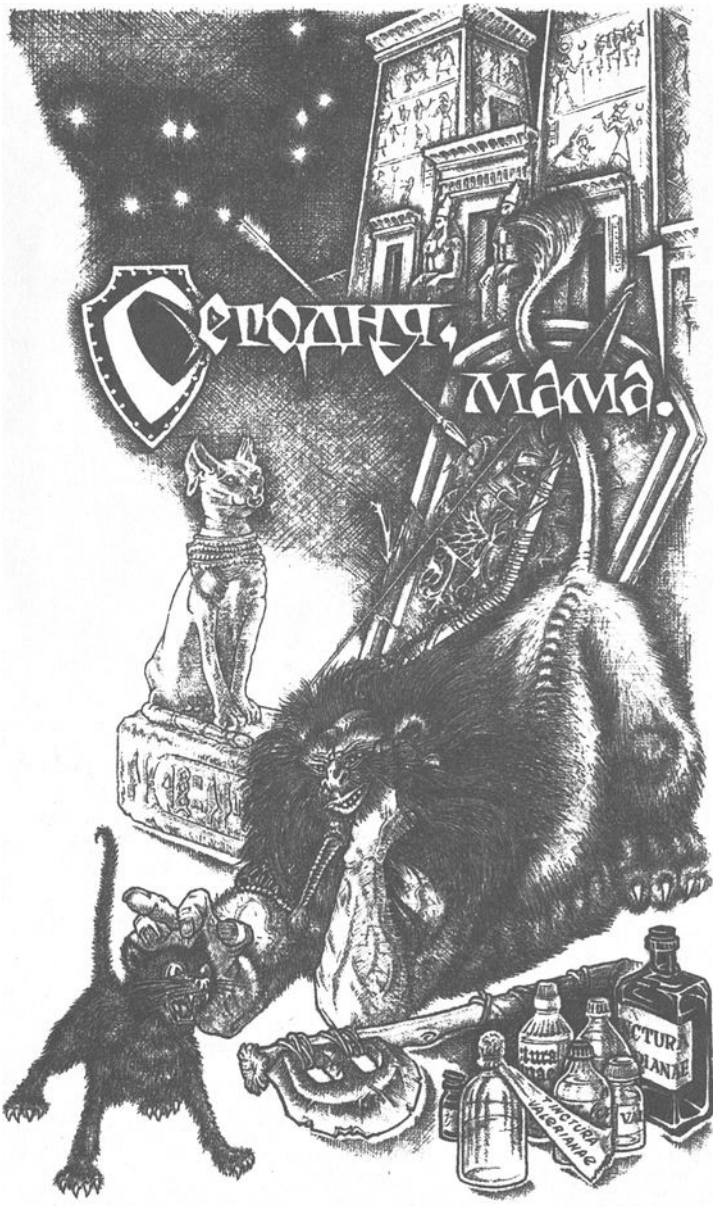
УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Издательство «Аргус», 1997 г.
© Текст. Буркин Ю. С., Лукьяненко С. В., 1997 г.
© Иллюстрации. Смирнов С. С., 1997 г.
© Серийное оформление. ЗАО «Издательство «ЭКСМО», 1997 г.

ISBN 5-85549-060-2 («Аргус»)
ISBN 5-251-00430-3 («ЭКСМО»)

Содержание
Сегодня, мама!
Остров Русь.
Царь, царевич, король, королевич...
Неокончательные эпилог и примечания.

Dum spiro spero


Сегодня, мама.
TINCTURA VALERIANAE

Ю. Буркин:
— Сыновьям Константину и Станиславу.

С. Лукьяненко:
— ...и всем остальным детям.

ПРЕДИСЛОВИЕ

О маминых кошках, папиных инопланетянах и о том, как мы учили древнеегипетский

проснулся, когда Ирбис, красный персидский кот, заворочался на подушке и ткнул меня в нос хвостом. Хвост был мягкий, на самом кончике белый и особенно пушистый.

Когда персидские коты линяют — это плохо. А если они при этом еще и любят спать на твоей подушке, это кошмар. Я осторожно взял Ирбиса за кончик хвоста и сделал вид, что собираюсь дернуть. Кот презрительно посмотрел на меня медно-красными глазами и отвернулся. Чихать он на меня хотел. Двенадцатилетние мальчики нигде не считаются священными, а вот коты — да: в Египте.

— Стас, — тихонько позвал я. — Стас, ты дрыхнешь?

Брат не ответил, лишь сверху доносилось его сонное посапывание. Он спит надо мной — у нас двухэтажная кровать, и мой одноклассник Валька Мельник сказал однажды, что это как в тюрьме. Я не нашелся, что ответить, а Стас сразу поблагодарил Вальку за информацию, потому что мы в тюрьме еще не бывали. Вышло так, будто Валька сидел в тюрьме. Он обозлился, обругал за это Стаса и плюнул в него. Но не попал.

— Стас! — позвал я для порядка еще разок, подхватывая Ирбиса под теплое толстое брюхо, встал и заглянул на

Любое несовпадение имен и ситуаций является случайным.

его кровать. Разумеется, брат спал, подушка у него не была усыпана кошачьими волосами, и только в ногах лежал маленький беспородный котенок, которого мама принесла вчера вечером.

Я положил Ирбиса Стасу под щеку, чтобы коту не было скучно в моей пустой постели, а беспородного, не имеющего еще клички котенка засунул ему под одеяло. Котенок начал искать выход из плена, а я побежал умываться.

В коридоре царило легкое утреннее столпотворение. Папа кормил тех кошек, что уже соизволили проснуться, а мама, стоя перед зеркалом, торопливо подкрашивала ресницы. Вот интересно: кошки — хобби мамино, а возиться с ними приходится нам с папой. Но любит она кошек прямо ненормально. Хотя вообще-то она не сумасшедшая. Просто у нее есть «пунктики» — так папа говорит.

Однажды кошки начали беситься, чуть ли не по потолку бегать. Потом оказалось, что кошка по имени Собака котят ждет, а в этом случае остальные кошки психуют. Завидуют, наверное. Но мама тогда этого не знала и решила показать их ветеринару. Приходит в ветлечебницу и говорит:

— Доктор, посмотрите моих кошек.

— А где они? — спрашивает тот.

— Здесь, — отвечает мама, кладет на стол чемоданчик и открывает его. А там лежат восемь кошек по стойке смирно. Лапы связаны и морды забинтованы — чтобы не орали. Только хвосты — туда-сюда, влево-вправо.

Вся лечебница бегала посмотреть...

Так вот, вышел я в коридор, а мама, накрашиваясь, увидела меня в зеркало и сказала:

— Хухер-мухер[1], Костя.

— Хухры-мухры, цурюка[2], — торопливо пробормотал я.

Мама оторвалась от зеркала, повернулась ко мне и с возмущением переспросила:

— Цурюка? Зап ардажер, сердев ынау-мынау[3]!

— Эй! — возмутился папа, переставая раскладывать корм по мискам. — Я тоже немного язык знаю! Это кто же тогда ынау-мынау? Я?

— Ардажер, хухры-мухры, мухры-хухры, — затараторил я. — Зап Сет тага горк минерап. Зап шердап. Лапсердюк. Ыкувон, генекал ардажер. Ынау-мынау ардажер ук. Зап ынау-мынау. (Ну, сможете сами перевести? Слабо?

---

[1] Доброе утро *(возможно, др.-егип.)*.

[2] И тебе доброго утра, подружка *(возм., др.-егип.)*.

[3] Подружка?! Я твоя мать, сын пустынного шакала! *(возм., др.-егип.)*

Позор... «Мама, доброе утро два раза подряд. Сет[1] отуманил мой разум во сне. Я кривоязыкий. Мое уважение огромно. Папа, не ругайся с мамой; пустынным шакалом мама назвала меня. Я пустынный шакал».)

— Вот так-то, — миролюбиво сказала мама, переходя на русский. Из-за легкого узбекского акцента казалось, что она с родного языка перешла на иностранный. Мама выросла в Ташкенте. Во время землетрясения ее родители пропали, и она жила в детдоме. Но рассказывать об этом не любит. Зато о Ташкенте может часами говорить. Если ее послушать, то на свете нет города красивее и солнечнее. И люди там особенные, и персики там, и вообще... Это ее пунктик № 2 — после кошек. Нет, № 3, второй — это древнеегипетский.

На самом-то деле никто не знает, как древние египтяне говорили, ведь их язык сохранился только в древних надписях, и одни специалисты, например, считают, что пустынный шакал произносится «ынау-мынау», а другие — «еня-меня». Но если уж маме пришло в голову учить нас древнеегипетскому... Мы со Стасом сначала бунтовали, но потом передумали; никто этого языка не знает, и у нас будет свой секретный шифр.

Проскользнув в ванную, я принялся ожесточенно чистить зубы. Хорошо, что сегодня суббота. Не надо учить уроки, особенно английский. А то у меня все перепуталось. В среду был пересказ текста, и я два раза «школу» вместо «скул» назвал «цурах»[2]. Хорошо еще, что глуховатая Елена Константиновна, наша учительница, больше внимания обращает на уверенный тон, чем на то, что говоришь.

Бормоча детскую считалочку: «Каргаз, ушур, нердак тушур» (раз, два, третий — крокодил), в ванную вошел Стас. На плече у него, вцепившись когтями в майку и вздыбив шерсть, сидел безымянный котенок. Первым делом Стас пихнул меня, оттесняя от раковины, и начал намазывать зубную щетку, не переставая нудить: «Нердак тушур, перум, южур...»

— Будешь пихаться, схлопочешь, каракуц болотный, — предупредил я. Стасу всего одиннадцать, но все время приходится напоминать ему, кто у нас старший. — Отпусти котенка, ему же страшно.

— Хухер-мухер, — невинно сказал Стас. — Ничего ему не страшно.

— Он кот или кошка? — поинтересовался я.

---

[1] Сет — довольно неприятный др.-египетский бог. — *Прим. авторов.*
[2] Школа *(возм., др.-егип.)*.

Стас скосил глаза на котенка и сказал:

— Не знаю. Он еще маленький. И пушистый. Признаки пола не выражены.

— Это у тебя не выражены, дубина пушистая, — разозлился я. — Его же назвать как-то надо!

— Назовем Валей, — беззаботно предложил Стас. — Это и мужское имя и женское.

— А почему именно Валей? — удивился я.

— Мельнику назло. А то плюется, как курдеп[1], — буркнул Стас, изучая в зеркале свою белобрысую физиономию. Он весь в папу, а я как мама: черноволосый и худой.

Я вытерся полотенцем и съязвил:

— Что, усы ищешь?

Стас неожиданно покраснел и зашипел:

— Каваока Сет шенгар![2]

— Окавака Сет шенгар![3] — не остался я в долгу.

Дверь открылась, и вошел папа. Как раз в ту минуту, когда мы готовились вцепиться друг в друга. Папа снял котенка со Стаськиного плеча и спросил:

— Чего-то не поделили, полиглоты?

— Нет, папа, — дуэтом ответили мы.

— Точно? — усомнился папа. — Не ссорьтесь. Чтобы драться не пришлось.

Держа котенка за шкирку, он вышел. А мы со Стасом понимающе переглянулись. Если папа начал говорить с уточнениями («выключи свет, чтобы темно стало», «позови Стаса, чтобы пришел»), — значит, он погружен в обдумывание...

— Опять инопланетян ищет, — обреченно сказал Стас.

— Точно, — любимым папиным словечком ответил я. — Чтобы жить веселее было.

Папа у нас тоже не сумасшедший. Честное слово. Он археолог, так же как и мама. Просто папа верит в палеоконтакт. Знаете, что это такое? Те, кто верит в палеоконтакт, думают, что на Землю прилетали инопланетяне. Только не сейчас, а давным-давно, еще в первобытные времена. Так что если покопаться хорошенько в древних развалинах или просто в земле, то можно найти скелет инопланетянина, его любимый бластер или даже целый космический корабль. И это вовсе не для того, чтобы прославиться. Просто папа считает, что когда имеешь перед собой такую трудную задачу, то жить веселее и интереснее. Я с этим согласен.

---

[1] Верблюд *(возм., др.-егип.)*.

[2] Рот Сета, вымазанный гнилой едой *(возм., др.-егип.)*.

[3] Нецензурно.

Жить веселее. Особенно окружающим. Стас немного помолчал, потом неохотно сказал:

— Ладно, Костя, кеп-хур-ушурбац[1].

— Кеп-хур-ушурбац, — согласился я.

И мы пошли завтракать.

Папа ел молча, о чем-то сосредоточенно размышляя, а мама первая никогда говорить не начинает. Она у нас сдержанная и невозмутимая. «Так и должна вести себя женщина Востока, — говорит она, — это традиция». А папа шутит: «За это я тебя и полюбил». А дело было так. Когда папа учился на четвертом курсе Ленинградского археологического, а мама — на первом, они на практике вместе попали на раскопки старинной мечети. И папа там выкопал инопланетный череп. Нужно было срочно бежать за фотоаппаратом и фиксирующим раствором, но начался дождь. Папа испугался, что, пока он бегает, череп будет поврежден водой. Тут только он и заметил первокурсницу, которая молча копалась возле него.

— Вас как звать? — спросил он.

— Галина, — ответила наша будущая мама.

— Вот что, Галя, — сказал он, — идите сюда. Чтобы помочь. Это очень важно. — Он указал на череп. — Я сейчас вернусь, а вы постойте. Чтобы сберечь. Вот так, — и он продемонстрировал, встав над черепом на четвереньки.

Папа все никак не мог найти раствор, а дождь стал сильнее и превратился в ливень. Только минут через сорок с фотоаппаратом, раствором и зонтиком папа примчался к своей находке... и был поражен тем, что увидел: первокурсница Галя, о которой он уже и думать забыл, все так же, не меняя позы, стояла под проливным дождем.

Но еще больше она поразила его позже, когда в Ленинграде, в студенческой аудитории, папа горячо защищал свою версию неземного происхождения найденного черепа. Студенты и преподаватели спорили до хрипоты, а потом кто-то спросил молчаливую девушку:

— Галя, а ты на этот счет что думаешь?

— Я думаю, это череп ишака, — ответила мама. — Даже не думаю, а знаю. Я из Ташкента, я там их и раньше видела.

Папа вскричал:

— Что же вы раньше не сказали?!

А она ответила:

— Вы не спрашивали.

---

[1] Мир; точнее — «время-между-войнами» *(возм., др.-егип.)*.

Вот тут он в нее и влюбился. Такая у нас семейная легенда...

Мы молча ели, пихаясь со Стасом под столом, а только что названный котенок Валька думал, что это мы с ним играем, и кусал нас обоих за ноги. Вдруг папа очнулся и, торопливо дожевывая яичницу, спросил:

— Стасик, ты не знаешь, где у нас зубило?

За инструменты у нас отвечает Стас, но от этого вопроса и он растерялся. Зубилом мы давно не пользовались.

— На балконе, в ящике с иструментами, — сказал он. И, подумав, добавил: — Наверное.

— Спасибо, Стас, — очень ласково поблагодарил папа, — я посмотрю. Нужно зубило, чтобы...

Папа замолчал и стал прихлебывать горячий чай. Мама как ни в чем не бывало продолжала гладить настоящего египетского моа, улегшегося у нее на коленях. А мы со Стасом переглянулись. Что-то явно затевалось.

Но до самого вечера все было тихо.

Мама собралась, погудела в прихожей пылесосом и ушла в музей — она там работает старшим научным сотрудником. Через полчаса, подточив зубило напильником, пошел на работу и папа. В тот же самый музей, где он, как и мама, старший научный сотрудник. Только мама специалист по Египту, а папа — по доисторическим временам и по старинному вооружению, от австралийских боевых бумерангов до алеутских панцирей из моржовой шкуры.

У меня почему-то были сомнения, на работу ли идет папа: если уж он снова занялся поисками пришельцев, то на мелочи отвлекаться не станет. Дождавшись, когда папа кончил пылесоситься и хлопнул дверью, я выскочил в лоджию. Мы живем совсем рядом с музеем, буквально через улицу, по диагонали от него. Но папа действительно шел на работу, жизнерадостно помахивая портфелем. Пользуясь отсутствием прохожих (а откуда им взяться в полседьмого субботнего утра?), папа временами делал движения, напоминающие прием каратэ маваши-гири. Получалось у него плохо. Папа теоретик, а не практик.

Когда за папой захлопнулась музейная дверь, я вернулся на кухню. Стас развалился на табуретке (как на ней можно развалиться — не знаю, это умеет только мой брат) и очищал бутерброд с кошачьим волосом от меда. То есть наоборот, бутерброд с медом от кошачьих волос.

— Как думаешь, папа что́ нашел, бластер или космический корабль? — задумчиво спросил Стас. Он был еще молод и не утратил оптимизма.

— Городскую канализацию, — грубо ответил я, потому

что помнил прошлогодний папин конфуз, из-за которого во всем квартале не было воды и соседи смотрели на нас волками.

— Да-а, — протянул Стас и поскучнел. — Что сегодня делать-то будем?

— Не знаю, — сказал я, пытаясь сообразить, какие вообще бывают на свете дела.

— Может, пойдем по музею пошляемся, на Неменхотепа посмотрим? — предложил Стас.

Неменхотеп — это фараон, точнее — мумия фараона, которая лежит в саркофаге у мамы в египетском зале. И мы иногда ходим поглядеть на него. Все-таки интересно понимать, что перед тобой не кукла какая-то, а мертвый человек, который был живым много-много веков назад. У него сморщенное злое лицо, а на руках — браслеты. Только сегодня поглазеть не получится, и я объяснил Стасу почему:

— Мама сказала, что ее зал к ремонту готовится и Неменхотепа в запасник унесли. Его к тому же еще и реставрировать будут.

— Как это, интересно, можно человека реставрировать?

— Он не человек, — ответил я, — он экспонат.

Стас удовлетворенно кивнул, откусил кусок бутерброда и стал разглядывать зулусский ассегай, висящий над кухонным столом. Потом лицо его оживилось, и он внимательно посмотрел на резное деревянное панно на противоположной стене. Кухня у нас длинная, и я сразу понял его идею — потренироваться в метании ассегая. Я торопливо сказал:

— Стас, сегодня же суббота! У Димки отец на дачу уезжает, компьютер свободный!

Стас перестал жевать, подумал и сказал:

— Ага, свободный. Димка сядет в «Цивилизацию» играть, и до самого вечера.

Димка — это наш сосед, он живет над нами, на втором этаже. У его отца есть старый айбиэмовский компьютер.

— А мы прямо сейчас к нему пойдем, — нажимал я, — и сядем вместе в «Варлордов» играть.

Слава Осирису[1], удалось мне Стаса отвлечь от смертоубийственных планов. «Варлорд» — тоже воинственная штука, но она хоть на экране, и ассегаи над головой не летают. Мы со Стасом дружно натянули шорты и рубашки, потом пошли в прихожую, где у нас лежит всегда включенный в сеть пылесос «Шмель», и почистили друг друга от шерсти. Наглая рыжая кошка по кличке Собака дождалась

[1] Осирис — один из самых уважаемых др. египтянами богов. — *Прим. авторов.*

отключения пылесоса и бросилась тереться о наши ноги. Но мы быстро выскочили за дверь.

— Надо еще один «Шмель» купить, — сказал Стас, давя на кнопку Димкиного звонка.

— Точно, — согласился я, — в два раза быстрее будем собираться. Только как родителей уговорить?

— Ерунда, — отмахнулся Стас, — проводок перережем, они решат, что пылесос сломался, и новый купят. А мы тут же старый починим.

— А если они его уже выкинут?

— Так они же нас выкидывать пошлют, а мы его припрячем.

Заспанный Димка открыл дверь, и мы нырнули навстречу приключениям.

«Варлорд» — это такая игра! Такая! Если вы в нее не играли, то и объяснять бесполезно. А вот если играли, то я вам коротенько расскажу: борьба шла на Иллурийской карте, против пяти варлордов, Димка играл за зеленых, Стас за красных, а я за оранжевых. У Димки было три помолившихся визарда, у Стаса четыре дракона, причем два с силой девять, а у меня только рыцарь, зато с луком Элдроса и малиновым знаменем. Всё. Кто знает, тот поймет, почему мы и глазом моргнуть не успели, как оказалось, что день уже прошел. Да мы, наверное, и как ночь прошла не заметили бы, если бы не услышали, как на первом этаже хлопнула наша дверь.

— Папа с мамой вернулись, — сказал Стас, а минуту спустя, когда его драконы полегли у стен моего города, предложил: — Пойдем домой, пожевать хочется.

Если дома кто-то есть, дверь у нас не запирается. Мы вошли молча, потому что все эмоции израсходовали за игрой. Наши шумели на кухне. Тихо так шумели, уютно. Родители разговаривали, постукивая посудой, а кошки нестройно мяукали, требуя ужин.

— Есть хочется, — повторил Стас. Я кивнул. И тут до нас донесся папин голос:

— И все-таки, Галина, давай поговорим, пока детей нет. Чтобы не лезли.

Мы со Стасом затаили дыхание.

— Давай, — ответила мама. — Только не говори мне, что нашел инопланетный корабль.

— Нашел, — убитым голосом отозвался папа. — Ты как узнала, Галь?

— Ты их все время находишь.

Мяуканье прекратилось — мама начала кормить кошек, и в наступившей тишине особенно отчетливо было слышно,

с какой виноватой интонацией папа рассказывает об очередном космическом корабле.

— Галь, помнишь, как мы с грузчиками вчера глыбу в запасник перетаскивали? Чтобы ремонту не мешала.

— Помню, конечно, — ответила мама.

— И что ты об этой глыбе знаешь?

— Всё знаю. Ее нашли где-то возле сфинкса. По всей поверхности — иероглифы, но такие стертые, что реставрации не подлежат. Я сама писала заключение: «Научной ценности не представляет».

— Ага! — внезапно завопил папа. — Не представляет?! А как мы втроем могли ее передвинуть, ты не подумала? Каменную глыбу размером три на пять метров!

Мама молчала. Потом неуверенно спросила:

— А вы ее что, втроем перетаскивали?

Папа саркастически рассмеялся.

— Вот так-то! Ближе к народу надо быть!

— К грузчикам ближе? Ну, если ты настаиваешь... — покорно сказала мама. Мы со Стасом ухмыльнулись.

— Галина! Не остри! Не время. — Папа, похоже, был настроен сурово. — Я привык к твоему юмору. У меня иммунитет на твои выходки. Я даже не спорю, когда бедные ребята учат никому не нужный древнеегипетский...

— В жизни пригодится, — отрезала мама.

— Галина! — возмутился папа. — Ты же восточная женщина! Ты не должна пререкаться с мужем!

— Извини, дорогой, — как ни в чем не бывало ответила мама. Когда хочет, она ведет себя как восточная женщина, а когда хочет — как очень даже европейская. — Так что там с глыбой?

— Я отбил от нее кусок, — твердо сказал папа.

Наступила гробовая тишина. Потом мама сказала:

— Милый, только не волнуйся. Я приклею его на место, никто и не заметит.

— Не надо, я цемента маленько плеснул и приладил.

— Вандал! — охнула мама. — Ты же не реставратор! Ценна та глыба или нет, но ей уже пять тысяч лет! — От волнения она заговорила стихами.

— А под тонким слоем камня — отполированный металл, — парировал папа.

Снова стало тихо-тихо. Аж слышно, как кошки чавкают.

Я зажал себе рот руками, чтобы не заорать. Ай да папа! А я не верил...

— Какой металл? — спросила мама испуганно.

— Неизвестный науке! — провозгласил папа. Правда, через секунду менее уверенно добавил: — Мне, во всяком

случае, неизвестный. Голубовато-серый, очень твердый. Я зубилом царапал — никаких следов. Галя! Внутри глыбы, которой пять тысяч лет, — пустотелый металлический предмет. Точно! Это может быть лишь инопланетный космический корабль.

— Что будем делать? — очень тихо и послушно спросила мама.

— Встанем рано, чтобы долго не спать, чтобы не терять время, — ответил папа. У меня глаза на лоб полезли. Впрочем... Раз уж папа нашел космический корабль, то вправе на радостях составлять и трехступенчатые фразы. У каждого лауреата Нобелевской премии должна быть своя маленькая странность, а то журналистам скучно будет.

— Обколем весь камень с корабля, — продолжал он тем временем. — Люк поищем, чтобы внутрь забраться, чтобы корабль осмотреть, чтобы первыми все узнать... Потом позовем журналистов и покажем. А то, если коллегам сказать, полмузея к открытию примажется. И твой начальничек Ленинбаев — в первую очередь. — Папа скрипнул зубами.

— Он такой же мой, как и твой, — ледяным голосом сказала мама. — И не цепляйся к нему зря, он человек серьезный...

— Ну конечно, — язвительно согласился папа, — уж он-то космические корабли не ищет. Чтобы время зря не терять. — И закончил торжествующе: — И не находит!

Мама что-то примирительно ответила, но что — я не расслышал, потому что мне в ухо возбужденно зашипел Стас:

— Пошли отсюда, пошли, — и поволок за рукав обратно на площадку.

— Ты что?! — возмутился я уже за дверью.

— Что, что! — передразнил Стас. — Слышал же, папа сказал, «чтобы не лезли». Они без нас туда пойдут!

— А мы попросимся, — неуверенно возразил я.

— Так тебя и взяли! — Он презрительно усмехнулся. — Нет уж, если сами не пойдем, последние корабль увидим. Или вообще не увидим.

И, не советуясь больше со мной, он позвонил в дверь, как будто мы только что подошли.

Если бы за ужином папа или мама хоть раз заикнулись о корабле, я бы, наверное, не согласился на авантюру брата. Но, как и утром, за столом царила напряженная тишина, прерываемая только цоканьем когтей Ирбиса, которые ему лень втягивать в подушечки на лапах.

Стас не жуя проглотил свою порцию сосисок с макаронами, залпом выпил чай и, пнув меня под столом, объявил:

— Мы спать пошли.

— Угу, — подтвердил я, давясь сосиской.

Мама взглянула подозрительно (обычно нас в постель загоняют со скандалом), но папа обрадованно поддержал:

— Точно, идите спать, чтобы выспаться.

— Мухер-хухер, ардажер, вдеп сьер-га сакжер-сакжер[1], — хором продекламировали мы традиционное вечернее прощание, и мама, успокоившись, ответила как всегда:

— Минерап саг зел азет,

Ытар бас, ук мытар, Сет.[2]

Проходя по коридору в нашу комнату, Стас мимоходом выудил из кармана маминого плаща связку ключей.

Мы разделись, переложили кошек с кроватей на коврики, погасили свет и нырнули под одеяла. За стенкой папа с мамой принялись что-то оживленно обсуждать.

— Стас, — тихонько сказал я, — а за ключи нам влетит.

— Не влетит, — уверенно ответил он. — Через час вернемся и на место положим.

Не нравилась мне его затея, и я, устроившись поудобнее, закрыл глаза. Я надеялся, что, до того как затихнут родители, мы оба заснем.

Но не тут-то было. Я проснулся оттого, что Стас, светя в лицо фонариком, щекотал меня под мышкой:

— Вставай, каракуц сонливый, пришельцев проспим.

Распахнув окно, я первым спрыгнул на землю, взял у Стаса фонарик и помог ему спуститься. Перебежав улицу, мы знакомой дорогой добрались до ворот музея и перелезли через ограду. Звеня связкой, Стас принялся лихорадочно подбирать ключ к двери.

— Посвети, темно, — шепнул он. Направив луч на замочную скважину, я понял, что попадать в нее ключами Стасу мешает не столько темнота, сколько дрожь в руках. Я и сам чувствовал себя соучастником преступления.

Но вот щелкнул замок, дверь скрипнула, и мы, протиснувшись в темное фойе, на цыпочках побежали под лестницу — к запаснику. Тут проблем не было, дверь открылась сразу.

Первым, что попало в круг света моего фонарика, было злобное лицо Неменхотепа. Я вздрогнул, а Стас ухватил меня за руку.

— Ни-никакой он не э-экспонат, — выдавил он, заикаясь.

---

[1] Спокойной ночи, мама, ночь делает веки тяжелыми *(возм., др.-егип.)*.

[2] Спите крепко, но и во сне не водите дружбы со слугами Сета *(возм., др.-егип.)*.

Я вытер пот со лба и предложил:

— Может, домой пойдем?

Но Стас уже взял себя в руки.

— Ну уж нет, — решительно ответил он. — Первое слово дороже второго. — И двинулся мимо Неменхотепа к каменной глыбе.

Светя фонариком, мы обследовали ее и без труда нашли приляпанный папой осколок. Я легонько ковырнул ногтем, и осколок отпал. Плохой из папы штукатур.

В неровной дыре блеснул металл.

— Понял?! — забыв все страхи, вскрикнул Стас так, будто сам сделал и эту глыбу, и металлический предмет внутри нее. — Я же говорил! — и он любовно погладил голубовато-матовую поверхность.

И тут в ватной тишине запасника раздался хруст, глыба дрогнула и раскололась широкой вертикальной щелью. Мы отскочили в сторону, а щель становилась все шире, и камень, как скорлупа с яйца, осыпáлся с гладкой поверхности металлического предмета.

Что-то со стуком выпало из этой щели, но мы, зачарованные, не отрывая глаз смотрели на капсулу космического корабля, уже совершенно очистившуюся от каменной скорлупы.

Корабль имел форму приплюснутого шара и стоял перед нами на боку, не падая, потому что его поддерживала широко открывшаяся крышка люка. А то, что капсýла на боку, я понял, разглядев внýтри два пилотских кресла.

Выйдя из оцепенения первым, Стас подскочил к кораблю, уперся в него руками и крикнул мне:

— Помоги поставить!

Но помогать не пришлось. С диким грохотом капсула рухнула днищем на пол, и облако музейной пыли заклубилось в свете фонарика.

— Ты что, — закричал я, — сторож проснется!

— Да ладно, — махнул он рукой и полез в корабль.

Я тоже решился подойти к нему, но запнулся и чуть не упал. Посветив под ноги, я увидел то, что выпало из корабля. Это была металлическая скульптура спящего сфинкса размером с большую собаку.

— Стас! — позвал я. — Посмотри!

Он высунулся и посмотрел на скульптуру без всякого интереса:

— Ты что, сфинксов не видел? Лезь сюда, тут такое!..

Я тоже забрался в корабль, и минут пять мы занимались тем, что, нажимая на разные кнопки и рычажки, играли в полет через Вселенную.

— Навигатор! — кричал Стас. — Приборы отказали! Посмотри в иллюминаторы, куда летим!

— Есть посмотреть в иллюминаторы! — ответил я, хотя никаких иллюминаторов в капсуле не было. И тут же решил возмутиться, что Стас без всякого права узурпировал на корабле неограниченную капитанскую власть. Но вдруг в углу, у самого входа в запасник, раздался звук, похожий на сдавленный хрип.

Слегка струхнув, я посветил туда и увидел... Я увидел, как из своего саркофага медленно поднимается мумия Неменхотепа.

— Стас! — закричал я шепотом, чувствуя, как шевелятся волосы на голове.

— Это нам снится, — спокойно ответил Стас. — Точно-точно. — И укусил себя за запястье. После чего сказал: — Нет, не снится. — И заорал: — А-а-а!

Не сговариваясь, мы ухватились за внутренние рукоятки крышки капсулы и что есть силы потянули ее вниз. Без особого труда крышка захлопнулась, а затем раздалось короткое тихое гудение и щелчок. Я сразу понял, что это сработали автоматические запоры, делающие капсулу герметичной.

С полминуты в наступившей тишине слышался только нестройный стук наших зубов. Наконец я, собравшись с духом, спросил:

— Ты что видел?

— Мумию, — ответил Стас и тут же предположил с надеждой: — А может, показалось?

— Обоим одно и то же?

— А что, — подбадривая самого себя уверенным голосом, заявил он, — вот миражи, например, сразу многие видят...

— Может, выйдешь тогда? — коварно предложил я.

— Нет-нет-нет, — торопливо ответил Стас и, помолчав, спросил: — А что же делать?

Я тоже этого не знал. В темной капсуле было не очень-то весело, а главное — душно. И дышать становилось все труднее. Я понял, что часа через два мы просто задохнемся.

— Костя, а помнишь, как прошлым летом мы с папой в лесу заблудились?

— Ну? — сказал я, стараясь, чтобы голос не выдал паники, в которую я начинал впадать.

— Так я тогда два раза покойников видел. Стоят прямо как живые, руки тянут...

— Кончай пугать, дурак, и так страшно!

— Да я не пугаю, я наоборот. Подойдем к покойнику, а это — дерево... Может, нам все-таки померещилось?

— Показалось, — притворно согласился я, понимая, что внутри мы погибнем точно. — Давай вылазить.

Но сказать это оказалось намного легче, чем сделать: сколько мы ни давили в крышку, встав ногами на пульт управления, она не подалась ни на миллиметр.

— Надо какую-то кнопку нажать, — догадался Стас.

— Ты дави на крышку, а я буду нажимать, — сказал я ему, сполз на сиденье и принялся жать на все подряд, подсвечивая себе фонариком. А он светил уже очень слабо, потому что батарейка была старая.

Ничего не выходило. Я уже чуть не расплакался от страха и жалости к себе, когда в правом нижнем углу пульта фонарик высветил из темноты вкривь и вкось нацарапанную надпись над большой красной кнопкой: «ВЫХОД». Даже не успев удивиться, я надавил на эту кнопку, и в тот же миг неимоверная тяжесть вжала меня в спинку, а Стас и вовсе свалился в щель за креслом.

Пульт вспыхнул десятками разноцветных огоньков, и пронзительный визг резанул по ушам. Я успел увидеть, как прямо передо мной фосфором высветилось зеленое табло, а на нем быстро менялись красные четырехзначные числа. Еще я услышал, как Стас за спиной выкрикнул: «Ардажер!»

И я провалился во тьму.

Часть первая
ПОСЛЕЗАВТРА

Глава первая,

где мы понимаем, что произошло, но потом выясняется, что мы всё поняли неправильно, а также сталкиваемся с проблемами, о которых космонавты не говорят

«Интересно, — подумал я, прежде чем открыть глаза, — обо что это я так треснулся?» В голове у меня все кружилось и звенело, а руки и ноги не слушались совершенно. Может, это крышка люка с такой силой откинулась? Не зря же дышать легко стало. И свет, кстати, появился.

Первое, что я увидел, был Стас. Он стоял на спинке кресла на одной ноге. Гимнаст!.. Тем более что космический корабль перевернулся и кресла были на потолке!

Я помотал головой, пытаясь привести мысли в порядок. И догадался: корабль перевернулся, а Стас зацепился за спинку и болтается вниз головой.

— Стас! — заорал я.

Брат пошевелился, вскинул голову и спросил:

— Ты чего на потолке делаешь?

— Это ты на потолке! — попытался я объяснить и встал. То есть хотел встать, а вместо этого перекувыркнулся. Ощущение было таким, словно я падаю, но почему-то остаюсь на месте. Рядом с моими растопыренными руками проплыл рифленый потолок космического корабля.

— Ух ты! — сказал Стас, схватился за подлокотники кресла и стал очень плавно в него садиться. — Костя, ты только не падай мне на голову...

И тут я все понял.

— Не упаду, — обреченно сказал я. — Мы в невесомости, Стас.

Между нами, медленно вращаясь, проплыл потухший фонарик. Мягко стукнулся о пульт и поплыл обратно. Стас проводил его взглядом и спросил:

— А почему мы в невесомости?

— Курдеп плешивый! — заорал я. — Мы в космос вылетели! Понимаешь? Телевизор надо смотреть!

— А! — обрадованно воскликнул Стас. — А я-то уж думал...

Что он думал, я так и не понял, потому что Стас привстал с кресла, взлетел, ударил меня головой в живот и промчался дальше. Я налетел на потолок, потом рикошетом на стенку. А еще через мгновение очень крепко держался за кресло, откуда стартовал Стас. Он в это время дрейфовал под потолком, держась за голову. Потом обиженно сказал:

— Я думал, в невесомости стукаться не больно...

Торопливо оглядевшись, я вытащил из-под кресла ремень безопасности. Он болтался во все стороны, как сонный удав, но я все же ухитрился намотать его на руку. Потом легонько оттолкнулся от кресла и повис в воздухе.

— Стас, хватайся за ногу!

— У тебя кроссовки грязные, — буркнул Стас, но все же ухватился. Я стал подтягивать нас к моему креслу.

Через минуту мы сидели в нем, пристегнувшись и тесно прижавшись друг к другу.

— Что будем делать? — поинтересовался Стас.

Я промолчал. Опыта пилотирования космических кораблей у меня не было, разве что в компьютерной игре «Гиперспейс»... Тут у меня возникла жуткая мысль:

— Стас, ты думаешь, мы просто на орбиту вышли или прыгнули через гиперпространство?

— Через нуль-пространство, — поправил меня Стас, он был поклонником Стругацких. Потом задумался. А я, как идиот, ожидал его решения.

— Через нуль-пространство, — твердо сказал Стас. — На планету инопланетян.

— Почему? — с ужасом спросил я.

— Так интереснее, — объяснил Стас.

Тут началась миниатюрная психбольница, с двумя пациентами, но без врачей. Я начал уговаривать Стаса изменить решение, потому что... потому что просто выйти на орбиту Земли тоже интересно. Как будто Стаськино мнение чего-то меняло!

— Представляешь, — с жаром говорил я, таращась на пульт, — нас всей планетой спасать будут!

— Да? — неуверенно спросил Стас.

— Конечно! Американцы «Шаттл» запустят, а мы «Буран»!

— «Буран» Казахстан национализировал, — резонно ответил Стас. Телевизор он все-таки смотрел.

— Значит, и казахи спасать будут! — уверил я. — Американцы на «Шаттле», русские на «Союзе», а казахи на «Буране».

Стас помрачнел и сказал, что не хочет быть спасенным такой ценой. За спасательные работы придется столько заплатить, что вся папина Нобелевская премия уйдет. А он компьютер хочет.

— Да мы же теперь герои, а значит, ни за что не платим! Если американцы нас спасут, то в Диснейленд свозят!

Стас заколебался, но снова помрачнел:

— А если наши, то в парк имени Горького? Чего я там не видел! Не, мы не в Солнечной системе.

И тут мы оба опомнились. Разом. Стас помолчал и начал всхлипывать. А я разозлился — я всегда злюсь, когда Стас ревет. В конце концов, может, мы и не в космосе? Может, это внутри корабля антигравитация включилась, а он так и стоит в музее? Я стал разглядывать пульт, где возле кнопок были дурацкие иероглифы, а потом заметил, что они разделены на группы. И возле каждой группы — маленький схематический рисуночек. Наверное, объясняет, что эти кнопки делают. Около предательской красной кнопки был совершенно непонятный знак вроде пружинки со стрелочками на концах. А рядом, над несколькими кнопками, был нарисован самый обыкновенный глаз.

«Гуманоиды», — с радостью подумал я. И нажал на одну из этих кнопок.

— Балда! — испуганно завопил Стас.

В нескольких местах корпус корабля стал таять. И в образовавшиеся дырки был виден самый настоящий черный космос с очень яркими и разноцветными звездами. Я понял, что действительно дурак. Но воздух почему-то не выходил.

— Это иллюминаторы, — прекращая реветь, сказал Стас. — Здорово...

Он ужом выскользнул из-под ремня и ухватился за второе кресло. Устроился в нем поудобнее и сказал:

— Мы в глубоком космосе. Планет не видно.

— А у меня есть одна, — похвастался я, заглядывая в иллюминатор со своей стороны.

— Какая? На Землю похожа?

— Нет, — критически сказал я, разглядывая краешек планеты. — На Луну похожа, только куда больше и серая. Атмосферы нет.

Стас вернулся ко мне, и мы стали разглядывать чужую планету. Она вся была в кратерах и казалась необитаемой. Садиться на нее не хотелось.

— Не упадем? — деловито поинтересовался Стас.

— Сет его знает, — ответил я. — Может, тут еще где-то планета есть? Надо во все иллюминаторы посмотреть.

— А как до них добраться? Невесомость. Я не полезу.

Я стал прикидывать расстояние до других иллюминаторов. А Стас помолчал и задумчиво произнес:

— Невесомость... А как, интересно, космонавты в невесомости ходят в туалет?

— Эй, ты не вздумай! — заорал я. — Потерпеть немножко не можешь!

— Немножко могу, — угрожающе сказал Стас. И принялся изучать пульт.

Я вслушался в ощущения собственного организма и с тревогой сказал:

— Должен же быть способ. Помнишь, мы читали книжку, не то «Трое с Мочамбы», не то «Три Мамбы»?

— Ну?

— Там двое пацанов и девчонка попали в космос и несколько суток летели. Они что делали?

— Ничего, — угрюмо сказал Стас. — Я еще удивился. Терпели, наверное.

— Значит, и мы потерпим, — твердо сказал я. — Пока сможем.

— На несколько суток не рассчитывай, — огрызнулся Стас.

Мы помолчали. Я почувствовал, как укрепила наше братство общая проблема, и обнял Стаса за плечи.

— Двигатели надо включить, — сказал Стас. — Прыгать к Земле и высаживаться. Или искать местных жителей.

— Знать бы, где здесь жители, — сказал я, оглядывая пульт. — Вот если я эту кнопку нажму...

— Не надо.

Мы замолчали. Нет, плохая все-таки работа быть космонавтом. Любая мелочь превращается в проблему. Как же они все-таки...

— Ты у нас фантастику любишь, — сказал Стас. — Ворочай мозгами. Вспоминай.

— Ты тоже любишь, — ответил я.

— Я Стругацких люблю, а это не фантастика, а литература, — папиной фразой ответил Стас.

— Может, как раз в литературе наши проблемы и описаны... — не выдержал я.

— Не говори этого слова! — быстро сказал Стас. — Лучше вспомни, где обычно инопланетяне рации устанавливают.

— В скафандрах.

— А еще?

— Они телепаты.

— Тогда как из таких ситуаций выпутываются?

— Так! — заорал я и ткнул обеими руками по кнопкам.

Нас слегка тряхнуло, под потолком загорелись желтые лампочки, а звезды в иллюминаторах затянуло голубой дымкой.

— Это мы силовое поле включили, — сообразил Стас. — Хорошо, теперь нас метеориты не продырявят. Дай-ка я попробую...

Возможно, мы бы куда-нибудь и прилетели таким образом. Или взорвались бы, не знаю. Но Стас уставился через мое плечо в иллюминатор и начисто забыл о своих экспериментаторских настроениях.

Я тоже посмотрел в иллюминатор. К нам приближался самый настоящий инопланетный корабль.

Больше всего он напоминал имперский крейсер из «Звездных войн». Весь угловатый, блестящий, большой, как стадион, и ощетиненный пушками. В разных местах на корабле мигали разноцветные огоньки. Потом корабль остановился, и несколько пушек стали разворачиваться в нашу сторону.

— Это очень агрессивная цивилизация, — с тревогой сказал Стас. — Костя, если нас захватят, мы не должны выдавать расположения Земли. А то они всех сошлют на урановые рудники.

— Ты что, знаешь, где Земля находится? — спросил я.

— Знаю. Возле Солнца, чуть ниже Марса.

Из одной «пушки» вырвался яркий белый луч. Ударил прямо в нас — и, отразившись от голубой дымки защитного поля, исчез в космосе.

— Ура! — завопил Стас. — Нас голыми руками не возьмешь!

На пульте замигали разноцветные огоньки. Я подумал и нажал наугад какую-то кнопку. Ничего не произошло.

— Торпедировать их надо, — забормотал Стас, склонившись над пультом. — Пока дезинтеграторы не включили...

«Крыша едет», — подумал я.

Из вражеского корабля, явно озадаченного нашим сопротивлением, вырвался еще один луч.

— Съели?! — злорадно засмеялся Стас.

Но голубая дымка вокруг нашей капсулы погасла. Как будто батарейки кончились.

— Съели, — подтвердил я. — Стас... Ты извини, что мы ругались.

Стас шмыгнул носом. Виновато сказал:

— Ты тоже извини, Костя. На прошлой неделе я тебе в сочинение лишних запятых наставил...

— Каких лишних? Я же четверку получил, потому что трех запятых не хватало...

Но разобраться с запятыми мы так и не успели. В борту вражеского корабля открылся огромных размеров люк. И нашу скорлупку потащило внутрь инопланетного крейсера. Именно потащило, потому что нас со Стасом прижало к спинке кресла. «Искусственная гравитация», — догадался я.

— Пытать будут, — сказал Стас.

Огромное, ярко освещенное пространство — внутренности крейсера, где мы оказались — на мгновение мелькнуло в иллюминаторах. Затем они потемнели, словно их окатили из ведра густой черной краской.

— Ослепили, — печально сказал Стас. — Теперь уже недолго...

Словно в подтверждение его слов стены нашего кораблика задрожали. По линии закрытого люка пробежал тонкий лучик света.

— Лазером, что ли, вырезают? — с неуместным любопытством спросил меня Стас. — Как ты думаешь?

— Не знаю, — пробормотал я, не отрывая глаз от люка. — Какая, на фиг, разница?

— Лазером, — однозначно решил Стас. — Как в фильме «Чужие».

И зачем только Стас вспомнил про этот фильм! Я пихнул его, но было уже поздно. Мы оба замолчали, старательно пытаясь не вспоминать тех жутких инопланетян и то, что они обычно с людьми делали.

И в этот момент... в люк постучали!

— Заходите, — машинально пискнул Стас и зажал рот руками. А люк, вырезанный из петель, с грохотом вывалился наружу. Мы закрыли глаза и попытались спрятаться друг за друга, не вылезая из кресла.

Совсем рядом раздались шаги. Я чуть-чуть приоткрыл один глаз и увидел что-то высокое, желтое, маслянисто блестящее, обросшее поверху зелено-белым мхом. Почти так же страшно, как если бы вошел Чужой...

— Братки! — жизнерадостно сказал вошедший. — С чувством глубокого удовлетворения встречаем мы вас! От имени всей шараги...

Мы со Стасом вылупив глаза смотрели на говорившего. Это был высокий крепкий мужчина лет сорока в желтом комбинезоне. С пояса у него свисали пара жутко выглядев-

ших пистолетов и широченный нож. На лице играла радостная полуулыбка, с трудом пробивающаяся сквозь толщу коротенькой, но густой бороды. И борода, и пучки сохранившихся на голове волос были смешанного зеленобелого цвета. Словно бы от рождения были зеленые, а нынче поседели.

— ...и уполномочены заявить, — проникновенным баритоном продолжал мужчина, — что мы рады приветствовать вас у нас. Ух, как я припарился переводить торжественную речь для нашего командующего!

Последнюю фразу полузеленый произнес все тем же торжественным тоном. И до меня дошло — он заученно повторяет переведенный кем-то текст, не зная самого языка.

— А вы по-русски говорите? — осторожно спросил я.

Мужчина протянул руку, потрепал меня по щеке и торжественно произнес:

— Не волнуйся, крошка, сейчас придет дядя-переводчик, все скажет.

— Они что, по штатовским боевикам русский учили? — слабым голосом произнес Стас. Заерзал, слезая с моих коленок, и с воскресшим оптимизмом добавил: — Они гуманоиды, а это дает нам шансы. Зеленые волосы не беда, мы не расисты. Видимо, в них хлорофилл...

— А в оранжевых — апельсиновый сок? — поинтересовался я, глядя на еще одного входящего. Стас поперхнулся. Новый инопланетянин действительно имел волосы ярко-оранжевого цвета, перетянутые над глазами узким белым бинтиком. Сам он был молод, костляв и носил очки вполне земного вида. Этим привычные человеческие черты исчерпывались. Из непривычных были: очень большие и оттопыренные уши, шишки на висках и перепонки между пальцами рук, как у лягушки.

— Это два вида гуманоидов, — уверенно объяснил Стас, — первый питается за счет фотосинтеза, а второй с болотистой планеты, где воздух разрежен и звук распространяется плохо.

Я настолько был поражен эрудицией брата, что не нашелся, чем достойно ответить. Наверное, у него от волнения произошел интеллектуальный всплеск, но с каким-то странным завихрением... Паузу нарушил оранжеволовый.

— Не, чувак, ты гонишь, — с непередаваемой интонацией произнес он. — Какой я тебе гуманоид с болотистой планеты? У тебя башка белая, а у него, — в мою сторону вытянулись сразу два перепончатых пальца, — темная. Но вы оба люди, и я — тоже.

Мы уже ничему не удивлялись. Лишь для порядка Стас огрызнулся:

— А для чего у вас перепонки на пальцах?

— Чего? А... — Оранжевоголовый гордо оглядел руку. — Я плавать люблю. В большой ванне. Вот и вырастил прошлым летом.

Мы потихоньку начали расслабляться: Ни пытать, ни убивать нас никто не собирался. По крайней мере пока. Увешанный оружием зелено-белый кротко улыбался, наблюдая за разговором. Потом сказал что-то непонятное. Молодой оранжевоголовый так же непонятно ответил.

— Это не английский и не русский, — сказал Стас.

— И даже не древнеегипетский, — подтвердил я.

Между тем наши собеседники окончили короткое совещание, и оранжевоголовый откашлялся.

— Давайте знакомиться, детишки, — сладким голосом сказал он. — Я дядя Смолянин, младший майор космофлота Земли, переводчик.

— Земли? — ахнули мы с братом.

— А он, — Смолянин сделал жест в сторону зелено-белого, — генерал-сержант Кубатай, командующий космофлотом, лицо особо важное.

Выдержав короткую паузу, он добавил:

— На вид он — хитрый перец. Но душа у него добрая, ребятишки.

— Где мы? — требовательно прервал его Стас.

— На окололунной орбите, — успокаивающе ответил Смолянин.

— Ура, — неуверенно сказал Стас и прошипел в мою сторону: «На Луну не похоже...» — Ура. А мы-то думали, что улетели в другую звездную систему.

— Не, вы провалились в будущее, в две тысячи пятьсот тридцатый год. Всё в порядке.

Потребовалось секунд пять, чтобы улыбка облегчения сползла с наших лиц. Стас, пораженный крахом своих гипотез, притих. А я спросил:

— Так это... то, в чем мы были... это не космический корабль инопланетян?

— Нет, — слегка сочувственно ответил Смолянин. — Это ихняя машина времени. Или не ихняя.

...Как рассказал генерал-сержант Кубатай (сам он по-русски больше говорить не пытался, его переводил Смолянин), встретить нас со Стасом было делом всей его жизни. Вообще-то не нас, как уточнил Кубатай, а машину времени,

в которой мы прилетели. И лишь попутно — спасти нас и доставить на Землю.

Мне это уточнение не понравилось. Но Кубатай нашего мнения не спросил, а, нахмурившись, посмотрел в пространство и тоскливо добавил:

— Теперь судьба хронопатрульной службы под вопросом...

Мы со Стасом не особенно много поняли. Но переспрашивать не решились.

Снаружи, за открытым люком нашей машины времени, мелькали какие-то люди в желтой форме и беретах на разноцветных волосах. С волосами здесь явно не церемонились и перекрашивали их в любые цвета. Может быть даже, их попросту красили под цвет рубашки. Во всяком случае, у Смолянина из-под комбинезона выглядывала оранжевая футболка.

Кубатай предложил нам всем пройти в рубку крейсера «из этого злополучного хроноскафа». Честно говоря, выходить нам было страшновато. Все-таки мы с этим самым «хроноскафом» много чего вместе испытали. Но была одна веская причина не отказываться. Стас не выдержал и спросил:

— Смолянин, а у вас на корабле туалет есть?

Наш переводчик наморщил лоб, явно вспоминая слово, и кивнул:

— Конечно, корешок.

И действительно, тут у них все оказалось в порядке. Но это все-таки неприлично, и не буду описывать... Тьфу, опять это слово! В общем, все было в порядке. Между делом я раздумывал о том, что сказал по дороге Смолянин: оказывается, на Земле никаких стран уже давно нет, язык у всех — всеземной, и экипаж в корабле — интернациональный. Здорово...

Но толком обдумать это светлое будущее человечества я не смог, потому что в дверь туалета заскреблись, потом приоткрыли ее, и Смолянин нетерпеливо крикнул в проем:

— Эй, малолетки! Шевелитесь чуть-чуть! Из-за вас торжественную церемонию задерживают! Вся шобла ждет! Освобождайте толчки!

— И он у них — лучший переводчик?! — возмущался Стас, выскакивая из своей кабинки как ошпаренный. — Он что, в зоне языку учился?

— Он, наверное, про свою узкую область, русский язык, прочел все что смог, — предположил я. — И учил по всем словарям, включая блатной, и по видюшным фильмам, и по книжкам дурацким...

Но когда мы увидели «торжественную церемонию», всякая охота обсуждать проблемы языковедения у нас исчезла.

Вместе с экипажем мы выстроились возле огромного экрана-иллюминатора, в который во всей своей красе была видна удаляющаяся капсула нашего хроноскафа. А еще был виден ствол пушки, торчащий из-под иллюминатора.

Генерал-сержант Кубатай коротко скомандовал, и один из членов экипажа рванул какой-то рычаг. Ствол пушки дернулся, пол под нашими ногами дрогнул, и на месте хроноскафа образовался яркий огненный шар. Через мгновение он погас, и экипаж сорвал с голов желтые береты. Некоторые всплакнули.

— А как же мы теперь?.. — начал Стас. Но я оборвал его:

— Молчи. Может, наш хроноскаф — одноразовый? Может, у них таких — тысяча?

— А если нет?

— Ну, тогда... Тогда... — Я не знал, что сказать. — Тогда этот все равно уже не вернешь...

И мы растерянно переглянулись.

Глава вторая,

в которой все веселятся по сéкрету, а Стас объявляет себя холостяком

Я не раз замечал, что комфорт — штука странная. Каждый его понимает по-своему. Когда мы на шлюпке отчалили к Земле, то, вместо того чтобы любоваться полетом, я, Стас и Смолянин впали в гипнотический сон. Пилотировать шлюпку вызвался Кубатай, так как лично должен был отчитаться на Земле за проделанную операцию. Он и объяснил нам через Смолянина, что теперь всякое нудное ожидание — в дороге, в очереди или когда просто нечего делать — люди проводят в гипносне. И в нем совсем не старятся.

— Очень клево, — с энтузиазмом сообщил нам Смолянин, поправляя очки, которыми страшно гордился, будучи единственным очкариком в мире. — Приходишь, например, к другу, а его дома нету. Входишь в гостиную, и автоматически включается генератор гипносна. Просыпаешься, когда друг уже вернулся домой. Вот только плохо, если его несколько дней нет. Гостей много скапливается.

Мне это удобство не понравилось, и я сказал, устраиваясь на откидной полке:

— Я бы, перед тем как в гости пойти, сначала по телефону позвонил.

— По видеофону, — поправил меня Смолянин и продолжил сокрушенно: — Не, не катит, у всех автоответчики есть. Звонишь — а тебе говорят: заходи, дорогой.

— Ну я бы сразу определил, что это автомат, — сказал я.

— А как? — удивился Смолянин. — Они же так врут, что не подкопаешься...

Стас, оказавшийся на полке надо мной, прямо как дома, свесился с нее, ехидно покрутил пальцем у виска и хотел мне что-то сказать, но так, свесившись, и заснул. Через миг отключился и я.

А когда проснулся, Стас ворочался на полу: он, балбес, не пристегнулся. Так ему и надо, нечего обзываться, даже жестами.

Я-то думал, что мы выйдем на огромном космодроме, но шлюпка оказалась почему-то не на открытом воздухе, а в застекленном ангаре, похожем на большой парник. Сходство усиливалось тем, что пол устилала зеленая травка, а не какой-нибудь заурядный бетон.

Мы вышли, разминая затекшие руки и ноги. Стас потирал огромную шишку на голове, и Смолянин, поправляя свой бинтик, понимающе ему улыбнулся. Но тут Кубатай значительным тоном что-то произнес, и младший майор начал переводить:

— Добро пожаловать на Землю, корешки. Вы находитесь на территории специального космопорта Департамента Защиты Реальности. К сожалению, пока вам не разрешено свободное передвижение по планете. Кроме того, никто не должен знать, кто вы и откуда.

— Будущее называется, — проворчал Стас, — тюрьма какая-то, а не будущее.

Внезапно из отверстия в стене слева от нас выпрыгнуло что-то сверкающее и поскакало к нам. Сделав последний прыжок, нечто размером с легковой автомобиль шлепнулось в паре шагов от нас. Это и был автомобиль — только не на колесах, а на двух суставчатых лягушачьих лапах.

— Ква-ква, — шутя поздоровался Стас, чтобы скрыть испуг.

— Ква-ква! — широко улыбаясь, ответил розовощекий усатый мужчина в полосатом комбинезоне, выглядывая из прыгохода. Видно, он решил, что так на русском звучит приветствие.

Я тихонько пихнул Стаса и шепнул:

— Теперь со всеми так здоровайся, понял?

— У них что, чувства юмора нет?

— Есть или нет, потом разберемся, а пока...

Закончить я не успел, потому что розовощекий что-то быстро затараторил. Смолянин дождался паузы и перевел:

— Специальный инспектор Департамента Защиты Реальности Кейсеролл. Приветствую вас и балдею от встречи с представителями древней цивилизации. Уполномочен сделать официальное приглашение на сабантуйчик в вашу честь. Миру — мир. Всё в кайф.

Кейсеролл жестом позвал нас в урчащий прыгоход. Входное отверстие за нами затянулось блестящей пленкой, и такая же пленка вмиг отделила нас от кресла водителя, в котором устроился Кейсеролл. И вновь мы неожиданно впали в проклятый гипносон.

Выбравшись из прыгохода, мы опять оказались в сверкающем ангаре, но гораздо меньшего размера. Кейсеролл провел нас довольно унылым тоннелем, и через минуту мы вошли в просторный вестибюль с ковром на полу, безвкусными люстрами под потолком и портретами на стенах. Я с удивлением узнал тех, кто был изображен на ближайших: Эйнштейн, Наполеон, Пол Маккартни и Ленин. Смолянин перевел гордо сказанную Кейсероллом фразу:

— Тут, ребятишки, все адаптировано под ваше столетие.

Мы подошли к высоким дверям, и они распахнулись.

Огромный зал был полон людей всё в тех же желтых комбинезонах. Люди сидели за длинным-предлинным столом. Мы шагнули в зал. Гул возбужденных голосов смолк. Кто-то коротко скомандовал, все вскочили с мест, вытянулись в струнку и хором прокричали:

— Ква-ква!

— Ква-ква, — приветливо махнул рукой Стас, а мне вполголоса бросил: — Работает разведка.

Я тоже смущенно квакнул, и нас, как виновников торжества, усадили во главе стола. Смолянин, Кубатай и Кейсеролл устроились рядом. Пахло очень вкусно, и только тут я понял, как проголодался.

Все сели, но никто не прикасался к еде. Стоять остался только абсолютно лысый, пожилой, но крепкий и атлетически сложенный человек на другом конце стола. Одет он был в такой же, как у остальных, желтый комбинезон, но весь усыпанный разноцветными нашивками и кисточками.

— Это Ережеп, генеральный директор Департамента, — шепнул Смолянин доверительно, — он тут самый крутой.

Ережеп откашлялся и гнусаво затянул долгую торжественную речь. Я огляделся. Слава Осирису, наши далекие потомки были почти нормальными людьми. Никаких следов вырождения и радиоактивных мутаций я не заметил. Все смуглые и скуластые. Кое-кто был выбрит наголо, но большинство носили коротенькие аккуратные прически. Доминировал розоватый цвет волос, довольно часто встречались зеленый и синий, а у одного, выглядевшего особо молодо, волосы были клоками выкрашены в разные цвета. Парень беззастенчиво таращился на нас, в то время как остальные лишь изредка с любопытством косились, глядя в основном на генерального директора.

Смолянин начал переводить:

— Секите, чуваки, кто перед нами! Славные путешественники во времени, легендарные аргонавты. Они же по нашим законам являются и величайшими преступниками. Но все мы врубаемся, что там, откуда они прибыли, законов этих не было. Это прикол.

Гости заулыбались и закивали головами.

— Факт их присутствия здесь стал отмазкой тех огромных затрат, которые делались народом Земли на содержание славного флота хронопатрульной службы. А ведь нередко раздавались в наших рядах голоса разных козлов, которые уверяли, что хронопатрульная служба — бессмысленное расточительство, что семьдесят процентов — это еще не повод. Тем больший героизм проявили те сотни клевых парней, которые взялись за выполнение этой неблагодарной миссии.

От этого перевода я немного ошалел.

— Сегодня мы наглядно удостоверились: их героизм и труд не пропали даром. Но сколько классных бойцов космофлота не дожили до этого дня?.. Будем же благодарны судьбе и возрадуемся — и за себя, и за всех, кто уже не может этого сделать. Особо хочу отметить то, что если и раньше наш труд был круто засекречен, то все, что касается нынешних событий, имеет категорию тайны всемирной крутизны...

Гости понимающе закивали, сохраняя суровые выражения лиц.

— И еще, — продолжил Ережеп. — Уверен, и те служащие Департамента Защиты Реальности, которые сегодня несут тяжелую, но почетную вахту на других наших фронтах, например исследуя и охраняя известный вам остров, так же, как и хронопатруль сегодня, рано или поздно будут

праздновать свою славную победу. Я закончил. Поприветствуем наших клевых гостей!

Зал взорвался криками, топотом, хлопками и свистом. Прямо как на рок-концерте. Мы подскочили от неожиданности, но Смолянин успокоил нас одним словом:

— Тащатся.

Председательствующий Ережеп еще что-то коротко произнес и уселся на место. Смолянин перевел:

— Ответную речь сказать не западло будет?

Мы переглянулись. Гости в ожидании молчали.

— Давай, Стас, — тихо сказал я, потому что чувствовал: сам под пристальными взглядами сотен глаз вряд ли смогу выдавить из себя и пару слов.

Стас резво вскочил. Откашлялся. Потом почесал в затылке. Затем шмыгнул носом и вытер его. Наконец сказал хрипло и пискляво:

— Ну, это. Ква-ква, короче.

Смолянин перевел, гости опять бурно зааплодировали и засвистели. Стас начал было присаживаться, но вновь наступила тишина, и на него снова уставились в ожидании. Стас осмелел, но, кажется, забыл, что мы не у инопланетян.

— От имени всех людей Земли, — начал он, но я шепнул: «Стас, мы на Земле!» — и он поправился:

— Точнее, от всех людей двадцатого века всем привет. Мы тут с братом посовещались, — я удивленно глянул на него, — и вот что решили. Давайте поедим сначала, а потом уж поговорим.

Присутствующие обескураженно молчали, но Ережеп махнул рукой, грянула незнакомая торжественная музыка, и в распахнувшиеся боковые двери в зал, ни на что не опираясь, вплыли круглые плоские платформочки с тремя гибкими тонкими руками-манипуляторами на невысоком штыре посередине.

Я понял, что это — механические официанты. Стас, красный от волнения, сел и отер со лба пот.

— Как я, а? — гордо спросил он.

— Нормально, — ответил я, хоть и не был уверен, что его речь была достаточно весомой для такого случая. Сидевший рядом с нами Кейсеролл тем временем поглядел на часы, схватился за голову и выбежал из зала. «Очень занятой мужик», — шепнул мне Смолянин.

А платформы-официанты двинулись вдоль стола, раскладывая пищу. Ароматы усилились.

— Антигравитация? — важно спросил Стас у Смолянина, кивнув на платформы.

— Да, — подтвердил Смолянин, — антигравитация — привилегия Департамента.

— Почему? — удивился я.

— Антигравитация и движение во времени — явления одной природы, для обычных людей все это насмерть засекречено.

— Почему? — повторил я.

— Мне этого вам нельзя рассказывать. А лапшу на уши вешать не хочется. Пускай другие объясняют.

Вокруг уже ели, только к нам платформы всё не подъезжали. Стас потянулся было к какому-то блюду, но я заметил, что никто тут ничего не берет со стола сам, и шикнул на него, хоть у меня тоже текли слюнки:

— Ып-сарап, каракуц нямьек. Ук юртак[1].

Смолянин удивленно покосился на меня: таких слов в русском языке он не знал.

И тут мы поняли, в чем дело. Люди будущего решили обслуживать нас сообразно традициям нашего времени. Как они их себе представляли. С подносами в руках в зал вошли два официанта. Но что-это официанты, я понял не сразу. Одеты они были в черные фраки, ермолки и лапти, а на ремнях у них почему-то болтались огромные сабельные ножны. Приплясывая под музыку, они поравнялись с нами и, поклонившись с деревянными улыбками на лицах, положили на наши тарелки еду. Я не верил своим глазам. Передо мной лежали серые, слипшиеся, такие до боли знакомые столовские пельмени. А на удивительной красоты резной подставке рядом — консервная банка с неаппетитной бурой массой. У меня челюсть отпала, когда я прочел надпись на этикетке (на русском!!!): «Кильки в томатном соусе. Рыбзавод ГКО "Волгорыбхоз", пос. Завгородний Волгоградской области».

— Ненавижу, — простонал Стас. В этот миг Кубатай заговорил с нескрываемой гордостью в голосе (я специально больше не употребляю идиотских словечек Смолянина, потому что мне это надоело):

— Сюрприз! То, что вам подали, сто́ит в десятки раз больше всего остального на этом столе. Более ста лет назад в вечной мерзлоте Таймыра были обнаружены останки древней экспедиции. Специалисты установили, что запасы провианта, пролежавшие там почти пятьсот лет, вполне пригодны к употреблению. Все последующие годы находка в холодильной камере ожидала прибытия предсказанных

[1] Сядь на место, каракуц голодный. Не дома *(возм., др.-егип.)*.

гостей из прошлого. И вот привычная вам пища дождалась встречи со своими современниками. Любой из присутствующих здесь отдаст полжизни за право отведать эти блюда.

— Так это... — замялся Стас, — пусть отведают. Я вообще что-то есть не хочу.

— И я, — согласился я, отодвигая неаппетитную тарелку.

Сидящие возле нас обменялись недоуменными взглядами. Но я придумал, как выйти из неудобного положения, и попросил Смолянина перевести.

— По русской традиции нашего времени мы предлагаем откушать «пельмень мира».

С этими словами я взял на вилку серый комочек, надкусил отдающее бумагой тесто, положил вилку в тарелку и передал ее Смолянину. Стас, прыснув, сделал то же и отдал свою тарелку Кубатаю. И тарелки поплыли по столу. Каждый из гостей откусывал понемножку, блаженно закатывал глаза, причмокивал и, передавая блюдо соседу, что-то приговаривал. (Смолянин перевел: «Ништяк».)

Под шумок я отправил по кругу и банку с килькой. А дерзкий Стас, воспользовавшись тем, что я отвлекся, стянул-таки с ближнего блюда ароматную, светящуюся голубым колбаску на тонкой палочке и вцепился в нее зубами. Колбаска хихикнула, и Стас, поперхнувшись, закашлялся.

Чтобы спасти брата, я что есть силы хлопнул его по спине. Кашлять Стас перестал, но я заметил, что все прекратили есть и с любопытством смотрят на нас. Я покраснел от стыда: они, видно, решили, что я Стаса бью. А тот, балбес, отомстил мне самым коварным образом. Невинно улыбаясь, он указал присутствующим на меня пальцем и пояснил:

— Старший. — После чего раболепно сложил ладони и поклонился мне. Услышав перевод, гости принялись возбужденно обсуждать происшедшее.

— Между прочим, вкусно, — сказал Стас и как ни в чем не бывало принялся доедать хихикающую колбаску. Та веселилась все тише и тише, пока не исчезла окончательно.

— Ну, держись, курдеп, — пообещал я, — воспользуюсь я своим правом старшего.

— Давай-давай, — ухмыльнулся Стас, — ты еще не знаешь, какие права я для младших придумал.

Его голубая колбаска пахла так аппетитно, а хихикала так весело, что я решил тоже плюнуть на условности. Взяв такую же, только розовую, я принялся за еду. Вкусно было

необычайно. Что-то вроде клубничного мороженого и копченой колбасы. Нет, ерунда получается; этот вкус не опишешь. Моя колбаска хохотала более заливисто, я бы даже сказал, взахлеб.

Председательствующий поднялся и вновь произнес небольшую речь, в которой сообщал, что решением Совета Департамента, несмотря на наше прибытие, хронопатрульная служба расформирована не будет, а продолжит выполнение своих функций. Ведь, кто знает, может быть, подобное путешествие во времени — случай не единичный.

Мрачный до сих пор Кубатай повеселел, достал из ножен огромный кинжал и принялся за еду. Зазвучала тихая приятная музыка. Люди (и мы в их числе) лакомились фруктами и незнакомыми нам яствами, негромко переговариваясь. Когда на нас почти перестали обращать внимание, Ережеп встал из-за стола и подошел к нам. Слегка поклонившись, он с помощью Смолянина спросил:

— Думаю, вы многое хотите узнать у меня?

Стас утвердительно закивал, но с набитым ртом сказать ничего не мог. А я попросил объяснить нам наконец, что это за «защита реальности» и почему флот могли расформировать сразу после нашего прибытия.

— Это тайна всеземной категории (вообще-то Смолянин опять сказал «всемирной крутизны», но так, наверное, будет правильней), — начал он. — Но вы и сами — всемирная тайна. Думаю, ничего страшного не случится, если одна тайна узнает другую.

И вот что он нам рассказал.

Когда ученые теоретически доказали возможность путешествия во времени, они пришли к выводу, что, если кто-нибудь отправится в прошлое, погибнет весь мир.

Мы не поняли почему, и он привел пример. Если отправиться в доисторические времена и поохотиться там на обезьян, можно пристрелить и такую, у которой было много внуков и правнуков, а от этих внуков и правнуков произошли люди. Они построили дома, чего-то там изобрели, написали книги, ну и так далее. Всего этого уже не будет. Мир станет другим. Но ведь и тот мир, из которого мы прибыли, тоже был на самом деле. И вот два этих мира — старый и новый — в одно и то же время оказываются в одном месте. Плотность вещества реальности удвоится, и произойдет взрыв. Не останется абсолютно ничего.

Ережеп добавил, что в теории не надо даже пристреливать обезьяну. Появишься в прошлом, сделаешь вдох, и всё — мир переменился. Взрыв — и нет никакого будущего.

Узнав все это, люди так перепугались, что запретили всякие попытки построить машину времени. И была создана специальная организация — Департамент Защиты Реальности (ДЗР), — которая этим и занимается. Его называют просто «Департамент», потому что все, что с ним связано, напрочь засекречено, и к тому же все прекрасно понимают, о чем речь.

Департамент — самая могущественная организация на Земле. Когда надо, он диктует свою волю и Всемирному правительству, а оно слушается без разговоров. У Департамента — куча агентов, и вся информация Земли проходит через него и обрабатывается огромным компьютером. Он-то и обратил внимание на легенду о том, что в двадцатом веке двое братьев нашли машину времени и отправились в будущее. Проанализировав всю прямую и косвенную информацию, касающуюся этой легенды, компьютер, на удивление всему Департаменту, выдал степень вероятности — семьдесят процентов. Значит, отмахнуться от этого было уже нельзя, ведь тот, кто может попасть из прошлого в будущее, может потом, по незнанию, попытаться на той же машине времени вернуться обратно в прошлое. А это — конец. Вот и была создана хронопатрульная служба — чтобы встретить гостей из прошлого и уничтожить их опасную машину.

— Но почему в космосе? — удивился я.

— Так подсказала теория. В отличие от путешествия в прошлое, перемещение в будущее безопасно для реальности, но не для самого путешественника. Ведь в будущем на том месте, где он появится, уже есть какое-то вещество, хотя бы воздух. Поэтому появляться можно только в вакууме, в космосе. И ученые решили, что хроноскаф должен быть устроен так, чтобы одновременно с перемещением во времени он перемещался и в околоземное пространство.

— А откуда вы узнали, где именно и когда мы появимся? — спросил Стас.

— А мы и не знали. Потому-то хронопатрульная служба и прочесывает всё околоземное пространство уже почти двести лет.

— Ясно, — сказал Стас. — А откуда вообще взялся наш хроноскаф?

— А вот это неизвестно и нам, — ответил Ережеп, — мы уверены только в том, что нигде на Земле сделать его невозможно — Департамент не дремлет. Вероятнее всего, он был создан какой-то древнейшей цивилизацией, возможно даже нечеловеческой. Но в ход его так и не пустили. По-

чему — мы можем только гадать. Вероятно, его создатели не сразу, но поняли, какую угрозу миру несет их изобретение...

И тут до Стаса дошло:

— Так вы что, домой нас отправлять не собираетесь?

У меня аж дух захватило, когда он это спросил. Меня ведь самого давно подмывало задать этот самый главный вопрос. Но я боялся услышать ответ...

— Очень сожалею, — сокрушенно покачал головой Ережеп, — но это абсолютно исключено. Постарайтесь понять: прошлого нет. Уже пятьсот лет как нет.

Я почувствовал, как к горлу подкатил комок. Это что же выходит, и мама с папой умерли пятьсот лет назад? А как они, наверное, переживали, когда мы исчезли...

— А если, например, мне тут у вас не нравится? — агрессивно спросил Стас.

Ережеп сочувственно кивнул и развел руками.

В этот момент тихая, льющаяся со всех сторон музыка резко изменилась, стала ритмичной и напористой. Боковые двери зала вновь распахнулись, и к столу подплыли платформы, нагруженные сосудами самых разных форм и цветов. Ясно было, что это напитки. Ережеп вернулся на свое место.

Стас глянул на меня мокрыми глазами:

— Костя, давай напьемся с горя, что ли?

— Балда, — ответил я, хотя и сам чувствовал себя паршиво. — Кто же тебе даст?

— А вот и даст, — сказал Стас решительно и сдернул с проплывающей мимо платформы красивую бутыль с обернутым фольгой горлышком. Похоже, шампанское прошло через века неизменным.

Корча от натуги рожи, Стас с остервенением принялся скручивать с пробки проволочку. Ережеп, Смолянин и остальные сидящие поблизости озадаченно за ним наблюдали. Стас поднял голову, зло глянул на них и пояснил:

— Русская традиция двадцатого века: после еды детям дают шампанское.

Пробка с грохотом вылетела из горлышка и угодила в люстру. Почти полбутылки пеной выплеснулось на стол. Остальное Стас разлил в два странных несимметричных сосуда. Ему, как всегда, поверили, и хлопки пробок раздались со всех сторон. Стас поднял бокал, глянул на меня, шмыгнул носом, вытер свободной рукой глаза и... залпом выдул половину, потом отдышался и допил. Я так не смог. Сделал пару глотков и поставил бокал на место. Стас поморщился и икнул.

— Армахет — ытар Сет[1], — напомнил я ему.

— Иди ты, — махнул рукой Стас и блаженно откинулся на спинку кресла.

Самый молодой из присутствующих, пестрый парнишка, которого я приметил с самого начала, поднялся с бокалом в руках и что-то сказал.

— Он предлагает выпить за смелых детей, — перевел Смолянин.

Все встали и опорожнили свои сосуды. Выпив, молодой сотрудник Департамента заговорил снова, и Смолянин перевел нам, что тот сгорает от любопытства и хочет о многом нас расспросить. Не будем ли мы столь любезны и не ответим ли мы на несколько вопросов.

— Валяйте, — сказал Стас и поднялся с ненормальным блеском в глазах.

— Где и каким образом вы обнаружили хроноскаф?

— Сами сделали, — не задумываясь ответил Стас. — Взяли швейную машинку, компьютер, бочку из-под кваса и этот... как его... — Стас наморщил лоб. — Плазмогенератор, вот, прикурочили, и — порядок.

Я просто обалдел.

— То есть вы хотите сказать, что пятьсот лет назад людям была известна теория темпорального поля?!

— Не, — ответил Стас, — людям неизвестна. Я ее сам придумал. С ним вот, — ткнул он пальцем в меня.

Присутствующие принялись возбужденно обсуждать новость.

— Стас, кончай, — сквозь зубы процедил я и показал ему под столом кулак. Но он снова икнул и продолжил пресс-конференцию.

— Вам не кажется, что ваше заявление граничит с абсурдом? — порывисто обратился к нему худощавый мужчина с лиловым ежиком на голове.

— Граничит, — икнув, согласился Стас. — И что?

— А то, что вы — дети! — вскричал мужчина, по-видимому ученый, ероша тонкими пальцами свой лиловый ежик. — Со скольких лет в двадцатом веке юноша считался совершеннолетним?

— С десяти, — не моргнув глазом, заявил Стас. — Как только исполняется, ему сразу выдают квартиру, швейную машинку и жену.

Это сообщение вызвало еще большее оживление.

— Вы женаты?

---

[1] Пьяница — друг Сета *(возм., др.-егип.)*.

— Я? Э-э-э... Нет, я холостяк. Правда же, Костя? — Язык его слегка заплетался. — Была одна, Швачкина Ольга из четвертого «Б»... Только я решил подумать. Ладно, я устал, — он ладонью остановил желающих что-то спросить, которых становилось все больше. — Остальные вопросы — потом.

Он уселся на место, откинулся на спинку кресла и моментально заснул. Армахет проклятый. Отдувайся теперь за него.

Но отдуваться не пришлось. Один из присутствующих что-то горячо затараторил. Оказывается, злоупотребляя гипносном, люди давно уже разучились засыпать самостоятельно, и Стасова способность привела всех в восторг и умиление.

Кубатай, не выпуская кинжала, подхватил Стаса на руки и понес из зала. Выглядел он не то как телохранитель юного миллиардера, не то как маньяк-убийца. Я помахал рукой гостям и в сопровождении Смолянина пошел следом.

Вскоре мы оказались в просторной квадратной комнате без мебели, стены которой плавно меняли цвет и слегка светились. У входа я заметил нечто вроде пульта управления.

Смолянин ткнул в какую-то кнопку, и чуть правее центра комнаты, в полуметре от пола, замерцало овальное облачко. На него-то Кубатай и уложил Стаса. Тот, сладко посапывая во сне, перевернулся на бок. Херувимчик пьяный.

Смолянин объяснил мне, как пользоваться пультом, и мы остались в спальне одни. Теперь я знал, на какую кнопку надо нажать для создания второй гравикровати, на какую — чтобы получить сеанс массажа, какая включает музыку, а какая — гипносон.

Но этой кнопкой я пользоваться не стал. Хотя мне и не спалось. Я все думал о папе, о маме, о кошках... Даже Вальку Мельника вспомнил с симпатией.

Как же это нас угораздило вляпаться в такую историю?..

Глава третья,

в которой мы собирались ехать на охоту, а вместо этого попали на семинар кулинаров

Я проснулся оттого, что очень захотел пить. Пару минут повозившись с пультом, я открыл дверь. Осторожно выглянул, есть ли кто в коридоре. Идти по чужому дому в одних трусах было неудобно, а одеваться — лень.

То, что я увидел, меня озадачило. Слева и справа от двери на маленьких неудобных стульчиках сидели молодые ребята в желтой форме хронопатрульных. Оба, похоже, дремали, но в руках крепко сжимали оружие, похожее сразу и на автомат Калашникова, и на наш пылесос «Шмель».

Нас охраняли. Но от кого?

Стоять дальше, высунув в дверь голову, было глупо, и я кашлянул. Вышло это у меня хорошо, потому что в горле пересохло и я здорово охрип. Кашель получился гулкий и раскатистый. Охранники подскочили на своих стульях и направили на меня автоматы-пылесосы.

Я струхнул. Надо было что-то делать, пока они не начали палить с перепугу. Жалко улыбнувшись, я сказал:

— Ква-ква!

Охранники мрачно квакнули в ответ и чуть-чуть опустили стволы автоматов.

— Пить, — попросил я. — Ребята, я пить хочу!

Желтые мундиры смотрели на меня, как японец на чукчу. Вроде и похож, а говорит что попало.

— Water, — начал я снова. — Вода! Куц![1]

Ни фига.

— Drink. Пить. Ап-куц[2].

Они меня не понимали.

— Что ж делать, у меня этот, как его... сушняк, — в отчаянии начал я.

— Суш-няк? — радостно заулыбались охранники. И разом вытянули из-за спины — там у них на форме были нашиты карманы — прозрачные фляги.

Я растерянно взял их и скрылся в нашей комнате. Похоже, слово «сушняк» было одним из немногих русских слов, вошедших во всеземной язык.

Стас ворочался на своем «облачке» и что-то мычал во сне.

— Вставай, алкоголик! — сказал я и вручил полупроснувшемуся брату бутылку. Сам уселся на пол и стал скручивать колпачок.

— Голова... — простонал Стас.

— Пить надо меньше, — наставительно сказал я и глотнул из бутылки. С некоторым испугом — вдруг там пиво или еще какая гадость? Но там оказался странный газированный напиток, солоновато-сладкий на вкус. Мне сейчас было не до вкусовых тонкостей. Я выхлебал бутылку и раз-

---

[1] Вода *(возм., англ. и др.-егип.)*.
[2] Пить *(возм., англ. и др.-егип.)*.

валился на полу. Жажда прошла мгновенно. Язык к горлу больше не прилипал.

— Это... это... не оно? — с подозрением спросил Стас, глядя на желтоватую пузырящуюся жидкость.

— Что «не оно»?

— Не... не то, что вчера?..

— Нет, не шампанское.

Стас сел, держась руками за голову. Посидел так, потом стал тихонечко пить из бутылки.

— Называется «Сушняк», — наставительно сказал я. — Специально для малолетних алкоголиков. Снимает все последствия...

— Хорошо! — ожившим голосом сказал брат.

— Но есть побочный эффект, — вкрадчиво сказал я, — когда вырастешь, детей не будет.

Стас поперхнулся.

— Это нечестно! — завопил он, отставляя бутылку.

— Ты же вчера сказал, что холостяком будешь. Какая тебе разница?

— Я сказал? — Он снова обхватил голову руками.

Наверное, я еще долго бы над ним издевался, но тут дверь открылась и вошел Смолянин. Бинтика вокруг головы у него уже не было, уши торчали по-прежнему.

— Ква-ква! — приветствовал он нас. — Отсыхаете, малолетки?

— Ква, — поздоровались мы. А Смолянин, взглянув на пустые бутылки, покачал головой:

— Осторожней, детям нельзя этого много пить. А то вырастете и... ну, в общем, будут проблемы.

— Мы знаем, — вяло сказал Стас. Теперь уже я, поперхнувшись от страха, спросил:

— Какие проблемы?

— Волосы не будут перекрашиваться, — тихо, словно говорил какую-то гадость, которую и произносить-то не хочется, сказал Смолянин. Он ткнул рукой стену, и перед ним засветилось облачко-кресло. Бухнувшись туда, Смолянин задумчиво посмотрел на Стаса.

— Мужик, ты правда убежденный холостяк?

Стас глянул на меня. Я пожал плечами.

— Ну, может, я еще передумаю, — промямлил он.

Глаза у Смолянина загорелись.

— Передумывай, парень! Такую жену тебе найдем, все позавидуют!

Стас покраснел как рак. Я-то знаю, что он девчонок ужасно стесняется и даже не заговаривает с ними первый. Смешок я подавил, но Смолянин все же что-то услышал. У

него даже уши слегка повернулись в мою сторону — вот честно, не вру!

— Старшему, конечно, еще лучше жену найдем, — успокоил он меня. — Уже есть две кандидатуры — дочь Ережепа и племянница Кубатая. Хочешь, завтра и свадьбу сыграем. Или свадьбы, — он умоляюще посмотрел на Стаса.

— Мы так быстро не женимся, — отбрил Стас. — И жен себе ищем сами.

— Но только среди персонала Департамента, — предупредил Смолянин. — Ввиду вашей особой секретности.

— Смолянин, зачем так торопиться? — спросил я. — Что вам наши жены сдались?

Переводчик вздохнул:

— Не буду лепить горбатого, парни. Мы не знаем, что с вами делать.

— А чё делать-то? — запетушился Стас. — Сами себе дело найдем!

— Боимся мы, — грустно сказал Смолянин. — Вдруг вы опять машину времени сделаете и в прошлое убежите. Или рассекретите что-нибудь. А так — жены бы за вами присматривали, развлекали... У нас бы стали работать. Домами дружить бы стали...

Смолянин вздохнул и опустил голову. Без всякой связи сказал:

— Спал сегодня отвратно... Всю ночь Кубатай мешал. Уложил меня спать, а сам ходил, семечки грыз, компьютером шумел... А лег — храпеть начал.

— Вы что, вместе живете? — спросил я.

— Да, уже два дня. Он древнерусский решил выучить и со мной вместе поселился. Думает, язык легко изучить! Одна операция по расширению ушей, чтоб звуки лучше запоминать, полмесяца занимает. А потом стимуляция мозга, так что вся голова шишками покрывается. И труд, труд, труд.

Смолянин опять вздохнул и безнадежно попросил:

— Вы уж женитесь по-доброму, кенты. А то Кубатай меня угробит. Он же настырный, как все осетины.

— Он осетин? — удивился я.

— Ага, — Смолянин оживился. — Два года назад выяснил...

И он поведал нам удивительную историю. Оказывается, за последние пятьсот лет все народы на Земле перемешались. Из-за каких-то там эпидемий, войн, просто из-за того, что государств не стало... Ну и когда люди опомнились, оказалось, что никто своей национальности не знает. В лучшем случае слышал, что прабабка была на четверть

турчанка или еще что-нибудь подобное. И у людей появилась мода докапываться до своей национальности. Тратилось на это много сил и средств, но получалось не у всех. Генерал-сержант Кубатай тоже долго не знал, кто он. Пробовал записаться в евреи, но его не приняли. Обманули, сказали, что лимит исчерпан. Пошел было в русские, но те обиделись, что он сначала к евреям ходил, да еще выяснилось, что водку пить не любит. Все ему уже сочувствовать начали, но Кубатай упорно рылся в архивах. И однажды на медкомиссии, когда выяснилось, что у него отличное ночное зрение, понял истину. Ведь осетины, как известно, в темноте отлично видят, не зря же в стихотворении сказано:

Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала.

С тех пор Кубатай стал официально признанным осетином.

— Здорово! — сказал Стас, который уважал упорство в достижении цели. — А ты, Смолянин, кто?

Смолянин обиделся.

— Как и вы, ребята, русский... У меня письменное свидетельство есть, — сухо добавил он.

— Какое? — спросил я. И Смолянин не удержался — наверное, любил эту историю.

— Письмо я отыскал, — начал он свой рассказ. — От прапрадеда к прадеду. Там написано... — Смолянин откашлялся и начал декламировать:

— «Дорогой сынок Ваня! Очень рад, что тебя приняли в Московский университет. Ты, как настоящий русский, должен учиться в России, а не на Украине...»

Мы с братом кивнули — действительно, свидетельство стопроцентное. Но Смолянин продолжал:

— «Мама, хоть и хает клятых москалей, тоже рада. А дедушка на радостях купил тебе новую ермолку, очень красивую и недорогую. Только не езжай в ней к тестю в Шымкент, надень пока старую. До свидания, твой папа Кшиштоф».

Мы, пораженные, молчали. А Смолянин продолжал:

— Вообще-то наша, русская, национальность одна из самых популярных. Говорят, у нас этническая аура клевая. Но в то же время все боятся, да я и сам боюсь. Станешь слишком русским, на остров потянет. А на острове... — Тут он прикрыл рот ладонью, словно сказал что-то лишнее.

— Что на острове? — спросил Стас. — И Ережеп про остров что-то говорил.

Смолянин отнял ладонь от губ:

— Нет, ребятишки, это не я должен рассказывать. Начальство спросите.

Но больше мы об этом таинственном острове так ничего и не слышали. А Смолянин перевел разговор на прежнюю тему:

— Так что женитесь, малолетки. За вас любая девица с радостью пойдет — как-никак чистая национальность.

— Какая ж она чистая, у нас мама узбечка, — возразил Стас. Про то, что папа — наполовину украинец, он даже и упоминать не стал.

— Ничего, это еще интереснее, — завопил Смолянин. — Две чистые национальности!

— Подумаем, — уклонился я от ответа. — А что сегодня делать будем?

Смолянин увял.

— Можно лечь в гипносон, — начал он. — Или в шашки поиграть...

Мы скривились.

— Давайте в парк выйдем и будем шампанское пить! — предложил Смолянин.

Стас побледнел.

— Ну на охоту смотаемся! — в отчаянии прошептал переводчик.

— На охоту? — У Стаса загорелись глаза, да и я обрадовался. Всё лучше, чем сидеть в четырех стенах.

А Смолянин начал развивать идею.

— Возьмем муми-бластеры, — доставая из кармана маленький, словно игрушечный, пистолетик, сказал он. — Очень хорошая штука: стреляешь, и зверь сразу готов к употреблению. И мясо храниться может вечно, не портится.

Мы с сомнением посмотрели на пистолет, но спорить не стали.

— Поедем вчетвером, с Кубатаем, на его прыгоходе. У него хороший прыгоход, две тысячи кочек в час делает.

— Чего?

— Кочек. Это наша мера скорости. Прыгоходы прыгают по бетонным площадкам, которые называют кочками. Две тысячи кочек — это двести километров в час.

— Подумаешь, скорость, — заворчал Стас. Но тихонько, для порядка.

— А на кого будем охотиться? — поинтересовался я. И подумал, что в какого-нибудь зайца или птичку я еще могу выстрелить, а вот оленя будет жалко...

— На тараколли, — жизнерадостно сказал Смолянин. И пояснил: — Общество защиты животных запрещает охо-

титься на млекопитающих, птиц и земноводных. Только на насекомых. Поэтому были выведены методом генной инженерии гигантские тараканы — тараколли. Очень хитрые, быстрые, ловкие звери. И вкусные.

— Мы... не будем... охотиться... — разделяя паузой каждое слово, сказал Стас. — Мы... вспомнили. Мы... пацифисты.

Смолянин схватился за голову. И простонал:

— Что ж тогда делать? Как вас развлекать, а?

Мы угрюмо молчали. И тут в распахнувшуюся дверь вошел генерал-сержант Кубатай. Он был по-прежнему зелено-белый, только на поясе прибавился еще один нож. Небольшой такой, нестрашный, вроде столового. Мы приветственно поквакали, затем у Кубатая со Смолянином завязался долгий разговор. Под конец переводчик просветлел лицом, уши у него слегка задергались.

— Клево, пацаны, — заорал он. — Кубатай предлагает нам отправиться на семинар кулинаров-профессионалов! Это... Это... Пальчики оближете!

Мы со Стасом дружно кивнули. Вчерашний банкет успел оставить самые приятные воспоминания, и поездка к настоящим кулинарам была предложена вовремя.

Пока мы шли по коридорам Департамента к стоянке прыгоходов, Смолянин шепотом рассказывал, что Кубатай когда-то был подающим надежды кулинаром, но потом по неизвестным причинам ушел работать в Департамент Защиты Реальности. Однако связи со старыми друзьями не теряет, ездит на все дегустации и, по слухам, ночами работает над изготовлением нового сладкого блюда — из халвы, шербета и чурека.

В самом приподнятом настроении мы погрузились в прыгоход, стоявший перед огромным, метров пятьсот в длину и этажей сорок в высоту, зданием Департамента. Возле обнесенной забором стоянки прыгоходов виднелась странная бетонная площадка высотой с двухэтажный дом, на которую вела широкая лестница. К нашему удивлению, прыгоход стал медленно, переваливаясь с бока на бок, карабкаться по лестнице. Кубатай и Смолянин, сидевшие перед пультом управления, покряхтывали, словно тащили прыгоход на себе. Мы сидели во втором ряду, за ними. На третьем, за нашими спинами, молча примостились два охранника в желтых комбинезонах.

Наконец-то прыгоход забрался на бетонную площадку и встал прямо, лишь слегка переминаясь с ноги на ногу, как курица, готовящаяся снести яйцо. Кубатай ткнул в какую-то кнопку на пульте, достал из кармана горсть семечек и

принялся их задумчиво грызть. Я с удивлением заметил, что семечки лежат у него на ладони какими-то длинными цепочками. Словно были приклеены друг к другу. Потом я понял — семечки синтетические, а в ленту склеены, чтобы можно было щелкать быстрее. Но спросить я не успел, потому что внезапно включился гипносон.

Очнулся я, когда прыгоход начал по лесенке спускаться с бетонной площадки — видимо, она и была той самой кочкой, по которым они прыгали. Вокруг уже не было никакого парка с громадиной Департамента. Голая равнина, на которой дул холодный даже сквозь стекло ветер и лишь редко-редко стояли в больших горшках слегка заиндевелые пальмы. А небольшое зданьице с вывеской «Приют усталого желудка» окружало такое море прыгоходов, что становилось ясно: под землей тут еще с десяток этажей.

Минут через пять мы заняли места в центре небольшого уютного зала. На возвышении был стол, за которым сидели три человека. В зале, на креслах, разместилось еще около сотни.

Мы со Стасом с любопытством озирались. На нас никто особого внимания не обращал, кроме сидящего за нами рыжего веснушчатого пацана. Тому явно было интересно, на каком языке мы говорим. А Кубатай, непрерывно раскланивающийся с окружающими и посылающий дамам воздушные поцелуйчики, рассказывал, да так быстро, что Смолянин еле успевал переводить:

— В правом углу зала сидят действительные члены семинара — кулинары-профессионалы. В левом углу — кулинары-любители и любители покулинарить. В середине — любопытствующие... — Тут Кубатай запнулся, но сразу же нашелся: — И близкие друзья кулинаров.

Председательствующий — пожилой импозантный мужчина с седоватым ежиком на голове — встал и постучал ложечкой по стоящей перед ним серебряной кастрюльке. Шум мгновенно стих.

— Это главный кулинар Земли, Бормотан, — тихо шепнул нам Смолянин и облизнулся. — Я однажды ел блины его приготовления...

Но когда кулинары начали говорить, Смолянин прекратил воспоминания и стал переводить, да так ловко и быстро, что мы его вскоре и замечать перестали.

— Думаю, ждать больше не будем, начнем обсуждение нового блюда, — зорко оглядывая зал, сказал Бормотан. — Измайлай, сядьте, пожалуйста, вы же еще не знаете, что мы будем кушать!

Привставший было мужчина картинно развел руками и сказал:

— А я и знать не хочу! Я запах чую!

Зал захихикал. Привычно так захихикал, словно ничего другого, кроме острот, от Измайлая и ждать было нечего.

— Я продолжу, с вашего разрешения, — кротко сказал Бормотан, и Измайлай моментально притих. — Кушать мы сегодня будем творение уважаемого Витманца — кальмара, запеченного в глине. Не шумите, хватит на всех, кальмар гигантский. Затем всеми нами любимый Толяро предлагает попробовать его новые освежающие пастилки. Кальмара сейчас подадут. А я пока скажу пару слов о положении кулинарии в настоящее время.

— Разрешите высказаться! — Из первого ряда вдруг привстал огромный мужчина. Настоящий повар, на мой взгляд. На нем был белый фартук с вышитым кальмаром, а на поясе — огромный нож. — Разрешите сказать! Здесь, в наших рядах, присутствует директор ресторана «Рыба в кляре». Тот самый, что три года назад посмел солить грибной суп моего изготовления. С тех пор он скрывался от меня... но настал миг. После заседания я поговорю с ним по-мужски!

Сидящий на противоположной стороне зала щуплый парнишка медленно сполз с кресла на пол.

— Витманец, не надо быть столь суровым, — одернул мужчину в фартуке Бормотан, — он уже наказан. Он ел ваш суп. Сядьте, прошу вас. Так вот, о кулинарии. Времена сейчас для нее трудные. В земной кулинарии наметились две тенденции. Первая — старые опытные кулинары отошли от плиты. Сейчас, когда автоповара способны накормить любую семью любыми блюдами, им остается лишь творить для гурманов. Не все это выдерживают. Потеря цели заставила их крепко задуматься — кто же их ел? Вторая тенденция — молодые кулинары ударились в эскапизм. Их блюда уводят от реальности, заставляют забывать суровую прозу жизни. Хорошо это или плохо — не отвечу. Но есть в этом подходе, в изготовлении знаменитых хихикающих колбасок Измайлая, нерассасывающихся леденцов Гуляквы и прочего, отказ от позиций, которые мне дороги.

А если вдуматься — никто еще не лишал нашу кулинарию ее исконных задач. Не исчез еще тот довольно толстый слой едоков — простите за каламбур, — что искали в еде особую, можно даже сказать, духовную пищу. Есть у кулинаров все возможности творить! Мы не сфинксы, которые могут умереть от голода безболезненно, для которых еда — лишь процесс заправки энергией...

— Кто такие сфинксы? — прервал я Смолянина. Переводчик замолчал и скосил глаза на Кубатая. Потом неумело соврал:

— Не знаю...

Тем временем всем раздали тарелки с кусками кальмара. Мы осторожно отколупали глину и стали есть.

— А что, — промычал через минуту Стас, — вкусно. Вначале жевать трудно, — он глотнул, — а потом ничего.

Кулинары, дегустируя блюдо, вступали в дискуссию. Сразу же наметились оппоненты — молодой и тихий кулинар Еголя, который упрямо и монотонно твердил, что на каждый килограмм кальмара нужно было добавить еще сорок миллиграммов соли, и остроумный Измайлай, вся аргументация которого сводилась к вопросу: «Почему я должен есть этого многоногого?» На защиту Витманца встали сидящие с ним рядом Фишманец и Козинец, знаменитый дегустатор Ереслег и бородатый мужчина, который был не кулинаром и даже не дегустатором, но зато замечательно раскладывал пищу по тарелкам. Кубатай, увлеченный происходящим, подпрыгивал на месте, то грызя кулак, то выхватывая из-за пояса столовый нож и рубя им воздух. Под конец он вытащил еще одну пригоршню слипшихся семечек и принялся их лузгать. Треск заглушал даже тарахтенье Смолянина.

Меня тем временем пихнули сзади. Я обернулся. Рыжий пацан показал мне завернутую в блестящую фольгу пастилку, потом показал на рот, потом энергично замотал головой. Он советовал не есть. «Почему?» — глазами спросил я. Пацан скорчил жуткую гримасу и умоляюще прижал руку к сердцу.

— Ладно, — прошептал я, кивнув. — Не буду. — И сунул пастилку в карман.

Пацан указал мне на Стаса и снова принял внимательно-задумчивый вид. Обернувшийся Кубатай подозрительно оглядел его и вновь замахал своим ножом. Я выждал минуту, придвинулся к Стасу, вынул у него изо рта пастилку и шепнул:

— Ук па-шенгар![1]

— Ухр?[2] — кротко спросил Стас.

— Шен армахетга некеке![3]

Стас вздохнул, но спорить не стал. Смолянин удивленно таращился на нас. Он не понимал, на каком языке мы гово-

[1] Не ешь! *(возм., др.-егип.)*.
[2] Почему? *(возм., др.-егип.)*.
[3] Вспомни, как напился, дурачок! *(возм., др.-егип.)*.

рим, а спрашивать стеснялся. Шишки у него на голове запульсировали от натуги.

— Выскажу итог обсуждения, — говорил тем временем Бормотан. — Никто из вас, коллеги, не решился приготовить такого огромного кальмара. А Витманец решился. Честь ему и хвала! И даже на вкус недурно.

После этого решили отдегустировать пастилки. Измайлай повозмущался немного, что они пахнут плохо и в процессе лизания липнут к языку. Но Толяро гордо ответил:

— Настоящая еда всегда невкусная! Вспомните пищу предков! В этом истоки неудач сладеньких конфеток и тортиков. И, кстати, поэтому плохи блюда автоповаров: они стараются готовить вкусно.

С этим спорить не стали, видимо, мысль была неожиданной и новой. Лишь Фишманец удивленно спросил, почему настоящая еда должна быть невкусной. Толяро ответил:

— Дайте человеку вкусную пищу — он будет жрать ее и плевать в небо от скуки. Нет уж, еда должна даваться через муки, через катарсис... Впрочем, этих пастилок мои слова не касаются. Они сладенькие. Ешьте, не бойтесь.

Народ дружно зачавкал. Потом звуки смолкли. Мы со Стасом, так и не взявшие пастилки в рот, огляделись.

Все присутствующие вяло развалились на стульях. Они не то спали, не то умерли. Смолянин плавно, но неотвратимо упал, трахнувшись головой о коробку с глиной из-под кальмаров, но все равно не проснулся. Тренированный Кубатай почуял неладное и уснул в тщетной попытке выковырять пастилку изо рта кончиком ножа. Менее подготовленные охранники лежали с блаженными улыбками на лицах.

Из всего зала бодрствовали лишь мы со Стасом, рыжий пацан, мудрый Бормотан, который предусмотрительно не спешил с разжевыванием пастилки, и сам кулинар Толяро. Ой, нет. Еще не попались на эту удочку Фишманец, переевший кальмара, Витманец, не евший того, что готовил Толяро, и Козинец, вообще не евший того, что готовили его коллеги.

Бормотан что-то сказал.

— Вы их отравили, Толяро? — замогильным голосом, явно продолжая спать, прошептал Смолянин. И через секунду перевел ответ:

— Нет, конечно. Это гипнопастилки, заменители гипносна. Гипносон, как я считаю, должен даваться человеку не извне, а изнутри, через пищу, через креп... креп... крепкий сон...

— Вот это верность долгу! — с восторгом сказал Стас,

глядя на поверженного, но продолжающего трудиться Смолянина. Остатки кулинаров завязали бурную дискуссию, не обращая на нас никакого внимания. Смолянин побулькал-побулькал, пытаясь перевести пятерых одновременно говорящих, и затих.

А рыжий пацан схватил нас со Стасом за руки и жестами стал показывать на выход. Мы переглянулись.

— Похищают нас, что ли? — задумчиво сказал Стас.

— Ну и пусть, интересно же, — храбро ответил я.

И мы бросились вслед за незнакомым пацаном из зала, полного сладко дремлющих кулинаров.

Глава четвертая,

в которой мы все-таки попадаем в лапы инопланетян

Оказавшись на поверхности, мы помчались за пацаном к ближайшей кочке, под которой стоял его прыгоход. Я думал, что поведет он сам, и слегка оробел, увидев, что возле машины, непрерывно махая руками, стоит молодая женщина в блестящем темно-лиловом комбинезоне. Неужели ловушка?!

— Это его сестра, — предположил Стас.

Я мысленно согласился: она была такой же рыжей и веснушчатой. Меня порадовало, что мода на разноцветные волосы, похоже, не распространяется на женщин: ее густые вьющиеся волосы спадали ниже плеч. И вообще, если я что-то понимаю в женщинах, она была очень красивой.

Мы сели в прыгоход, тот забрался на вершину кочки, двигатель взвыл, и первый прыжок вдавил нас в кресла. Мне понравилось, что женщина не стала отделяться от нас перепончатой стенкой и не включила гипносон. Вместо этого она нажала кнопку автопилота и, развернувшись на вращающемся кресле лицом к нам, приветливо улыбнулась.

— Ква-ква! — поздоровалась она.

Ох и задам же я когда-нибудь Стасу за эту его лягушачью выходку. Тем более эти прыгоходы похожи не на лягушек, а на кузнечиков. Мы вежливо квакнули. Она, ткнув себя пальцем, произнесла: «Ай-на», затем указала на пацана и сказала: «Ант». Мы понимающе закивали и тоже представились. Женщина о чем-то горячо заговорила с пацаном, а мы, прижав носы к окнам, с любопытством разглядывали окружающий город.

В общем-то ничего особенного мы не увидели — просто красивый современный город. Типа Нью-Йорка или Токио

(сколько раз по телеку видели): высокие светлые здания, сделанные будто целиком из стекла. Вот только привычных автострад нигде не было. Вместо этого промежутки между домами были засажены деревьями и цветами. Из зелени повсюду торчали бетонные площадки для прыгоходов. А те кишмя кишели, проскакивая порой в сантиметре друг от друга. Пару раз у меня ёкало сердце, когда мы падали на площадку, где за секунду до нас приземлился другой прыгоход. Но мы всегда ухитрялись разминуться, и я понемногу успокоился.

— У них единая компьютерная сеть, — с видом знатока заявил Стас.

— Дураку ясно, — огрызнулся я. Меня слегка мутило от болтанки.

Видно, мы добрались до окраины, а может, и вовсе вырвались за город, только прыгоходов стало поменьше, и дома тут были небольшие — двух-трехэтажные. Теперь нам не приходилось скакать в обход, мы перепрыгивали прямо через коттеджи.

На кочке возле одного из них мы и остановились. Айна перестала болтать с Антом, развернулась к нам спиной, и прыгоход вразвалочку спустился на лужайку перед домом.

Мы выбрались наружу. У меня кружилась голова и подкашивались коленки. Стас уселся на траву и помотал головой. Ант и Айна озадаченно смотрели на него, на их лицах ясно читалось нетерпение.

— Вставай давай, каракуц хилый, — потряс я его за плечо, хотя и сам не понимал, куда и зачем мы спешим. Но наши спасители (или похитители?) выглядели все-таки не такими психами, как сотрудники Департамента и кулинары. Это вселяло надежду.

В доме царил хаос. Одежда, какие-то предметы непонятного мне назначения и даже посуда — все вперемешку валялось по полу. С завидной ловкостью перешагивая через этот хлам, Айна провела нас в столовую и, сосредоточенно нахмурившись, стала готовить нам яичницу. Однако до Бормотана ей было далеко. Два яйца были разбиты мимо кюветы, заменяющей сковородку. С грехом пополам она все же наполнила ее и сунула в белоснежный шкафчик, похожий на микроволновую печь. До отказа повернула рукоятку и, сев за стол напротив, с умиленной улыбкой стала нас разглядывать. Мы со Стасом из вежливости не переговаривались: нехорошо в обществе говорить на неизвестном языке. Ант с Айной, похоже, считали так же. И мы молча пялились друг на друга до тех пор, пока из шкафчика не повалил густой сизый дым.

Что-то сердито лопоча, Айна вынула обуглившуюся яичницу и вместе с кюветой бросила на пол. После чего, больше не пытаясь казаться рачительной хозяйкой, вытащила из стенного шкафа фабричные упаковки и положила их на стол. Ант показал нам, с какой стороны вскрывать, и мы все вместе принялись хрустеть сухим печеньем, прихлебывая из пластиковых баночек что-то вроде фанты. Вообще-то было вкусно, но после бормотановских изысков и ароматов есть сухой паек оказалось немного скучновато.

Айна проглотила свою порцию быстрее всех и стала нетерпеливо стучать пальцами по столу. Мы запихали остатки в рот и дожевывали их уже в другой комнате, куда она нас сразу потащила. Там усадила прямо на пол, поколдовала перед небольшим прибором, и я сразу почувствовал, что погружаюсь в полусонное оцепенение.

Стена перед нами матово засветилась, и на ней появилось объемное изображение приветливо улыбающихся обнаженных мужчины и женщины. Мужчина выставил перед собой руку, женщина коснулась ее и произнесла: «Ки», а в верхнем правом углу экрана вспыхнул значок, похожий на букву «Ф». Я понял: нас обучают всеземному. И почувствовал, что благодаря тому странному состоянию, в которое нас ввел неизвестный прибор, все, что я сейчас вижу и слышу, останется в памяти навсегда.

Минут через двадцать со словарем было покончено, наши голографические учителя, не одеваясь, перешли на сложные понятия и ситуации. Было довольно забавно. В целом на изучение языка у нас ушло не более двух часов.

Когда стена снова стала стеной и прибор автоматически выключился, мы, слегка смущенные, но здорово поумневшие, вышли из комнаты.

Похоже, Айна все это время наводила в доме порядок — одежда, посуда и разные предметы лежали теперь на полу более ровными кучками. Она обрадованно улыбнулась:

— Готовы, герои?

— К чему? — спросил я на всеземном, сам поражаясь своим способностям.

— К полету на Венеру, — ответила она так, будто это дело давно решенное. — Да, — спохватилась она, — давайте, во-первых, я вам все объясню...

— Мама — подпольщица! — хвастливо заявил Ант.

Так Айна — его мать? Я и забыл, что люди тут выглядят моложе своих лет.

— Подожди, Антик, — остановила она, — давай по порядку.

...Оказывается, не всем на Земле нравится неограниченная власть Департамента. Тем более что произошел он от слияния служб безопасности разных стран и методы у него те же: слежка, подслушивание, аресты... Страдают прежде всего талантливые ученые, ведь Департамент всеми силами препятствует научному прогрессу, опасаясь, что то или иное изобретение увеличит вероятность создания машины времени. «Как это унизительно! — возмущалась Айна, и на побледневшем от волнения лице веснушки проступили еще ярче. — Мы, как лягушки, прыгаем с кочки на кочку, а могли бы летать на антигравах! Эти идиотские прыгоходы подсунул человечеству Департамент, запретив использование антигравитации. А космос?! В космосе, видите ли, можно тайком построить машину времени. И вот, пожалуйста: кроме хронопатрульной службы, у нас нет пилотируемых космических кораблей. А во что они превратили наших мужчин?! Где сила, честь и доблесть? Сутки напролет они торчат на кухнях, утверждая, что нет на свете занятия достойнее кулинарии. Полная деградация...»

Поэтому недовольные организовали подполье.

— А если вы победите, кто-нибудь построит машину времени и отправится в прошлое? — спросил я. — Тогда ведь всё, конец.

— Кто вам сказал?! — вскричала Айна, распаляясь все больше. — Это только гипотеза. Ги-по-те-за! А перестраховщики из Департамента держатся за нее потому, что она — основа их власти!

— А если они все-таки правы?

— Ну, тогда... Волков бояться — в лес не ходить.

И она насупилась, не в силах дать более аргументированный ответ.

— А на Венеру нам зачем? — поинтересовался Стас.

Айна снова оживилась и объяснила, что Венера Департаменту не подчиняется. Потому-то подпольщики и вошли в коалицию с венерианцами.

— А они хоть люди? — подозрительно спросил Стас.

— Они — сфинксы. Их двести лет назад вывели, специально для колонизации Венеры. А сто лет назад они объявили независимость и людей с Венеры выдворили. Им-то проще, — вздохнула Айна, — они на другой планете...

Стас насупился:

— Так вы, получается, венерианская шпионка?

— Враг моего врага — мой друг, — объявила Айна. — Сфинксы — честные и порядочные существа. Настоящие мужчины... Самцы, — поправилась она. — Немудрено, что сфинксы не могли стерпеть иго Департамента.

— Не, — сказал Стас, — мы туда не полетим. Нам-то это на кой? Чего я на Венере не видел?

Тут снова вмешался Ант.

— Дурак ты, Стас, — сказал он, — да у нас все пацаны на Венеру хотят. Там ведь и антигравы, и дома висячие, и много еще чего. С Венеры разведчики и на Юпитер, и на Сатурн летают!

— Вот и целуйся со своими сфинксами, — огрызнулся Стас.

— Нет, — сказал Ант, — не дадутся, людей они терпеть не могут.

— Во-во, — опасливо сказал Стас.

— Вас, в конце концов, никто и не спрашивает, — заявила Айна. — Раз вас Департамент засекретил, мы должны рассекретить. И всё. И молчите. Ясно?

— Вы — террористка, — объявил Стас.

— Да, — гордо согласилась она, — если мужчины уходят на кухни, на фронт отправляются женщины! — И она воинственно тряхнула своей огненной шевелюрой.

— Мама, я тобой горжусь! — сказал Ант, восхищенно глядя на нее.

— Ну а на Венеру-то нас зачем? — не унимался Стас. — Рассекретьте нас тут, на Земле.

— Да я и сама не знаю, — призналась Айна. — Когда лет пятьдесят назад подполье обратилось за помощью к сфинксам, те сразу поставили условие: они будут сотрудничать, только если мы поможем переправить на Венеру пришельцев из прошлого. Если, конечно, такие объявятся.

— Эх вы, — горестно сказал Стас, — продали нас, выходит. Сфинксам. Даже еще и не знали нас, а уже продали.

Айна задумалась. Как я понял, это с ней случалось не часто.

— Да, нехорошо как-то вышло, — согласилась она наконец. — Когда об этом договаривались, меня и на свете-то не было. Мы привыкли думать, что это нормально. Мы же не знали, что пришельцы окажутся детьми. И вообще, неизвестно было, появитесь ли вы когда-нибудь. Очень выгодно получалось.

— Эх вы, — повторил Стас с видом великомученика.

— Ладно ты, — разозлился я, — обратно в Департамент я тоже не собираюсь...

— Так, — встрепенулась Айна со свойственной ей пылкостью, — я знаю, где вас спрятать! Бегом!

Мы кинулись к выходу. По пути Айна объяснила причину спешки: пока мы учили всеземной, она сообщила о нас венерианскому послу. Он в этот момент охотился в Андах

на тараколли, но, узнав о нас, вылетел и с минуты на минуту будет здесь.

Мы забрались в прыгоход, Айна взялась за управление, но машина не двигалась.

— Проклятье! — вскричала она. — Нас отключили от дорожной сети. Это мог сделать только Департамент! Выследили! — Она обернулась к нам и, стиснув зубы, напряженно задумалась. Второй раз в течение часа. Наверное, это было слишком много для нее. Она сказала:

— Предлагаю всем покончить жизнь самоубийством. Мировая общественность будет потрясена. Эта акция нанесет сокрушительный удар по жупелу Департамента!

— Я — за! — восторженно воскликнул Ант.

— Я — против, — пискнул Стас. А я, потеряв дар речи, быстро закивал головой, соглашаясь с братом.

— Да? — холодно удивилась Айна. — А почему? Разве это жизнь? Что вы предлагаете?

Способность говорить вернулась ко мне:

— Все что угодно, только не это.

Воцарилось тягостное молчание.

И тут с неба на нашу кочку один за другим посыпались прыгоходы, только успевая отползать, чтобы освободить площадку следующему.

Айна наклонилась и, вытащив откуда-то из-под ног муми-бластер, прикосновением руки открыла выход.

Из окруживших нас прыгоходов выбрались с десяток бравых молодцев в желтых комбинезонах, а с ними — Ережеп, свежеперебинтованный Смолянин и Измайлай. «А этот-то здесь зачем?» — подумал я, но миг спустя — понял, потому что Ант схватил Айну за руку и прошептал: «Папа...» Стало ясно и как Ант оказался на семинаре кулинаров.

— Стоять! — крикнула Айна. — Еще шаг... Бросить оружие!

Обменявшись короткими взглядами, сотрудники Департамента подчинились.

— Айна! — воскликнул Измайлай, ломая руки. — Как ты могла?

— Молчи, презренная кухарка! — отрезала та. Но он заговорил снова:

— Айна... Ты и сфинксы... Это омерзительно... — передернул он плечами. — Генеральный директор Ережеп пообещал мне, что, если ты немедленно вернешь похищенных мальчиков, нам ничего не будет.

— С тобой я ни о чем договариваться не собираюсь. Чревоугодник! Иди говори со своей колбасой!

Измайлай растерянно оглянулся на остальных.

— Ваши условия? — деловым тоном приступил к переговорам Ережеп.

— Мои... — Айна неуверенно притихла. — Я не знаю... Пусть мальчики решают сами.

— Скажи им, — обратился Ережеп к Смолянину, — если они вернутся, никто им ничего плохого не сделает. Гарантирую.

— Ребятишки! — крикнул Смолянин. — Айда домой, не тронем, век воли не видать.

— Переводчик, — фыркнул Стас.

— Слушай, — сказал я ему по-русски, — может, вернемся? Там хотя бы харакири никто делать не собирается.

Смолянин навострил уши.

— Генекал ырд пабана-ынау[1], — ответил Стас. — Зап ук лабардак[2].

Пауза затягивалась и становилась все напряженней. И тут ситуация разрешилась без нашего активного участия. В тишине отчетливо раздался стрекот вертолета.

Желтые комбинезоны задрали головы вверх. К дому с бешеной скоростью приближался золотистый геликоптер. Когда он завис над нами, на его корпусе стал ясно виден знак — стилизованное изображение выгнувшей спину кошки.

— Проклятый сфинкс! — Ережеп шагнул к брошенному муми-бластеру.

— Стоять! — крикнула Айна. — Еще одно движение, и смерть.

Ережеп выругался, но замер.

— Сначала узнаем, зачем ему нужны дети, — сказала Айна.

— Ему нужно только одно, — сквозь зубы произнес Ережеп, — посильнее мне насолить.

— Если это так, я сама вкачу ему порцию муми! — Айна кричала, потому что рокот лопастей уже заглушал слова.

Геликоптер приземлился метрах в пятнадцати от нас, и по ступенькам трапа с кошачьей грацией спустились на траву два серебристых, словно вылитых из олова, сфинкса. Я потряс головой, отгоняя ощущение, что все это я уже видел... И вдруг вспомнил: точно такой же сфинкс вывалился из хроноскафа, когда мы его нашли!

Гривы сфинксов развевались на ветру и искрились в

---

[1] Говори, как дети Египта *(возм., др.-егип.)*.

[2] Я не знаю, что делать *(возм., др.-егип.)*.

лучах заходящего солнца. Почти человеческие носатые лица выглядели хмуро и неприветливо. Сфинкс, спустившийся вторым, легко передвигался на трех лапах, в правой передней сжимая точно такой же, как и у всех, муми-бластер.

Когда они приблизились, Айна крикнула:

— Стоять!

— Похоже, это ее любимое словечко, — пробурчал Стас по-русски.

Сфинксы остановились в нескольких шагах от желтых комбинезонов. Не обращая внимания на Айну, передний, глядя на генерального директора, заговорил низким, хриплым голосом:

— Именем суверенной республики Венера предлагаю выдать нам людей, прибывших из прошлого.

— Если вы не бросите оружие, я прикончу вас обоих! — пригрозила Айна.

Говоривший сфинкс кивнул, и второй послушно положил бластер на землю. Но оба продолжали выжидательно смотреть на Ережепа.

— Это неслыханно, — вскричал тот. — Шидла! Да вы понимаете, что творите?! Вы требуете выдать вам людей. Людей! Тем самым вы автоматически рвете дипломатические отношения между Землей и Венерой.

— Плевать, — лаконично ответил сфинкс.

— Но хоть как-то вы должны аргументировать свой демарш!

— Смотри протокол совместного совещания Земля—Венера № 12/2, гриф «Зебра».

— Теория петли?! Но ведь это абсурд!

— Мы так не считаем.

Айна не выдержала.

— Хватит секретничать! — возмутилась она. — Между прочим, бластер и дети — у меня! Шидла, зачем вам эти бедные мальчики?

Сфинкс наконец повернул голову в ее сторону и неожиданно широко улыбнулся:

— Рад познакомиться с тобой, самка. Прими благодарность от всех граждан суверенной республики Венера за своевременный вызов. Мы хотим вернуть детей домой.

— Куда? — переспросила Айна, округлив от удивления глаза.

— В двадцатый век.

— Пошли, Стас! — потянул я брата за руку, и долго уговаривать его не пришлось.

— Спасибо, Айна! — крикнул он, и мы бросились к ге-

ликоптеру. За нами кинулся было и Ант, но Айна поймала его за шиворот.

— Пацаны, пока! — беспомощно крикнул он. Я махнул ему рукой.

— Шидла, — зловеще произнес Ережеп, — учтите, даром вам это не пройдет. Дело пахнет войной.

— Плевать, — снова сказал тот и двинулся к геликоптеру. Потом остановился и, обернувшись, бросил:

— Войны не будет. Твари вы, конечно, подлые. Но не такие идиоты. Детеныши-то у нас.

Первым в геликоптер забрался сфинкс, имени которого мы не знали, и махнул нам лапой. Последним по трапу взошел Шидла. Лестница превратилась в ленту и свернулась тонким рулоном. Проем затянулся пленкой. Последнее, что я увидел, — придурочную улыбку Смолянина, машущего нам обеими руками.

И геликоптер взмыл вверх с такой скоростью, что мы со Стасом, не удержавшись, рухнули на пол.

Глава пятая,

в которой мы летим на очную ставку с хроноскафами

— Знаешь, Костя, — задумчиво сказал Стас, — мне эти сфинксы не нравятся.

Наш геликоптер на бешеной скорости несся над городом. Сфинксы лежали перед небольшим пультом и с ленивой небрежностью управляли полетом. Когда мы с трудом уклонились от очередного прыгохода (а может, он от нас уклонился), я признался:

— Мне они тоже разонравились. Кошки серебряные...

Мы со Стасом лежали в углу, потому что никаких кресел не было, а держаться на ногах было невозможно из-за постоянных виражей.

— А у них грива и правда серебряная? — вдруг заинтересовался Стас.

— Не знаю...

— Если серебряная, то небольшое стадо в двести-триста голов могло бы удовлетворить основные потребности Земли в серебре. Регулярная стрижка...

— Замолчи! — в ужасе зашипел я. — Они же не бараны, они разумные!

— Разум, неподвластный человеку, должен быть покорен, — угрюмо прошептал Стас.

— Шовинист! Они же нас домой вернут!

— Врут они всё. Для опытов забрали.

Один из сфинксов, мы пока не научились их различать, обернулся к нам и сказал:

— В отличие от вас, людей, мы лгать не умеем. Мы обещали вернуть вас домой и сделаем это. Наверное. А мелкие оскорбления человеческих детенышей нас не задевают.

— Мы же вас создали! — вдруг горячо воскликнул Стас. — Люди — ваши создатели и хозяева по праву! Одумайтесь, вернитесь и покайтесь!

На него явно нашел приступ патриотизма.

— Никогда! — отрезал сфинкс и занялся управлением. Вовремя, а то мы едва не врезались в какой-то небоскреб.

— Нас спасут! — воскликнул Стас.

— Кто, кулинары? — не оборачиваясь, осведомился сфинкс. — Ха-ха!

— Кубатай! — нашелся Стас. — Он настоящий мужчина, он пробьется!

Или мне показалось, или сфинксы помрачнели. Похоже, Департамента Защиты Реальности они боялись.

А геликоптер тем временем пошел на снижение. На окраине города, посреди бетонной площадки размером с футбольное поле, стоял маленький космический корабль. Он был похож на летающую тарелку, только сферическую и вытянутую вверх... Как-то непонятно я описал, но именно так она и выглядела. Вертолет приземлился возле корабля, и сфинкс, кажется посол Шидла, спросил:

— Вы пойдете сами или вас донести?

— Сами. — Даже Стас согласился без колебаний. Вокруг корабля виднелись любопытствующие, и болтаться в лапах сфинксов, как мыши, пойманные кошкой, мы не собирались.

Под разноголосые выкрики окружающих мы прошли к люку. В основном у корабля собрались молодые парочки, пацаны да пенсионеры в шортах. Наверное, стоянка венерианского корабля была местной достопримечательностью.

— Люди, помните нас! — выкрикивал Стас, крепко держа меня за руку. — Будьте бдительны! Добро должно быть с кулаками!

Шидла и второй сфинкс косились на Стаса, но не вмешивались. Они крепко сжимали в лапах бластеры и озирались, опасаясь нападения. Но работники ДЗР на своих медленных прыгоходах явно отстали.

— Пламенный привет Департаменту Защиты Реальности и его директору Ережепу! — надрывался тем временем Стас. — Кубатай и Смолянин, ищите нас в космосе!

Но тут мы дошли до корабля и вслед за сфинксами забрались в люк. Народ вокруг хлопал, лишь некоторые несознательные свистели и орали: «Сослать клику ДЗР на Венеру!»

Шидла начал закрывать люк и вдруг заколебался. Спросил у Стаса:

— Так вы не хотите воспользоваться нашей помощью?

— Хотим, — не теряя достоинства, ответил Стас.

— А зачем призывали к войне?

— Потому что мне стыдно видеть унижение великой человеческой расы, — будто с книжки какой-то читал, заявил Стас. — Земля воспрянет ото сна!

Шидла встрепенулся, словно ему о чем-то напомнили, и крикнул другому сфинксу:

— Мегла, включай гипносон для этих глупых детенышей!

А нам гордо пояснил:

— Все будет так, как вы привыкли, изнеженные люди.

Мы не успели объяснить, что вовсе не привыкли к гипносну, потому что он взял да включился.

— ...Вставайте, детеныши! — заорал прямо под ухом сфинкс. Если вы не знаете, что это такое, орущий под ухом сфинкс, значит, вам повезло. — Время кормления и развлечения!

Мы со Стасом подскочили как ошпаренные. Оказывается, пока мы спали, сфинксы уложили нас на узкие кровати, переодев в жесткие, как накрахмаленные, пижамы. Наверное, и это входило в их понятие «человеческих привычек».

— Где мы находимся? — поинтересовался Стас. Он видел, конечно, что мы по-прежнему в сфинксовском космическом корабле, его интересовало другое. И сфинкс понял правильно:

— На полпути к Венере, детеныш. Что для вас более необходимо: еда, развлечения или...

— Или! — отрезал Стас. — Где?

— Там! — Сфинкс вытянул лапу к одной из дверей. Ему явно понравилась лаконичность Стаса.

Еще минут через пять мы ели то, что нам дали сфинксы: жареное мясо с гарниром из консервированной фасоли. Доедая, я с удовольствием подумал, что мясо очень вкусное, наверное, свежее... И тут же вспомнил, что посол прилетел с охоты на тараколли.

Вначале я хотел заорать и выплюнуть все, что было во рту. Но посмотрел на Стаса — и передумал. Этот негодяй вначале съел всю фасоль, которую очень любил, и лишь со-

бирался приступить к мясу. Это что же получится — я тараканины наемся, а брат нет?

Я проглотил остатки и стал пить стакан за стаканом апельсиновый сок. Стас, не подозревая о моем коварстве, уплетал жареного тараколли.

— А почему вы нам предлагали развлечения? — поинтересовался я.

Сфинкс глянул на меня медно-желтыми глазами и презрительно процедил:

— Человек, как существо примитивное, нуждается в еде и развлечениях. Иначе у него возникает дискомфорт. «Хлеба и зрелищ» всегда требовали люди от своих правителей.

— Можно подумать, Шидла, что вы не нуждаетесь ни в еде, ни в развлечениях! — обиделся я.

— Я не Шидла, я — Мегла, — ответил сфинкс. — Я историк и специалист по человеческому поведению. А Шидла — посол Венеры на Земле... грубый солдафон. Относительно твоего вопроса отвечаю: любой сфинкс способен сам себя развлечь. А без еды мы можем существовать месяцами, не испытывая неудобств.

— И даже умереть безболезненно, — вспомнив Бормотана, сказал я.

Мегла гордо кивнул.

— Пекун-вак Сетга,

Га-га-га, га[1], — процитировал я.

— Зен горка ега,

А-шер-вук сака[2], — подтвердил Стас.

Эту песенку о коварном Сете и храбром Горе мама нас когда-то заставляла петь по утрам. И мы со Стасом, размахивая руками, пели о том, как сын Осириса Гор сражался с Сетом и злобный Сет вырвал у него глаз, в ответ на что Гор оторвал Сету уши. Оскорбленный и униженный потерей ушей, осмеянный женами, Сет был посрамлен. А Гор превратился в своего отца Осириса... У этих египетских богов очень сложные родственные отношения, я однажды даже таблицу чертил, чтоб разобраться, но когда увидел, что Осирис — одновременно отец Гора, его загробное воплощение, царь небесный, царь земной и сокол, бросил это безнадежное занятие...

Заговорив на древнеегипетском, мы со Стасом сразу загрустили. Вернут ли нас домой? Или так и придется жить

---

[1] Слуги Сета из камня, ха-ха-ха, ха! *(возм., др.-егип.)*

[2] Их нагрело заходящим солнцем, они же думают, что ожили *(возм., др.-егип.)*.

среди хронопатрульных, кулинаров, подпольщиков и сфинксов?

— На каком языке вы говорили? — подозрительно спросил Мегла.

— На русском, — огрызнулся я.

— Неправда, — на чистом русском языке ответил Мегла, — я выучил русский, потому что, по нашим данным, пришельцы из прошлого должны владеть именно им.

Мы переглянулись, и Стас выручил меня.

— На каком языке ты говоришь? — возмущенно обратился он к Мегле на всеземном. — Мы не понимаем тебя! На немецком, что ли? Похож немного...

— Так я говорю не на русском? — переходя на всеземной, воскликнул сфинкс.

Мы дружно закивали.

— Скажите-ка что-нибудь по-русски! — подозрительно велел Мегла.

— Я просчитаю до десяти, — небрежно предложил я. И затараторил: — Каргаз, ушур, нердак, перум, южур, зенпак, генло, бомло, чуфтак, ах-ах![1]

— А я расскажу пару пословиц, — поддержал Стас. И начал декламировать: «Генло муф-ап фараон сен крап. Пашенгар-шенгар тушур Осирис кеншегожур»[2].

— Все ясно, — безнадежно кивнул сфинкс. — Проклятые люди! Это их работа!

— Может, ты сам перепутал записи и выучил не тот язык?! — предположил Стас, обиженный новым оскорблением в адрес человечества.

— Какие записи? — вздохнул сфинкс. — Только для живых языков — всеземного и венерианского — есть гипнообучатели. Мертвые — русский, древнегреческий, английский, латынь — приходится учить по сохранившимся старым книгам. Человеческое поведение! Подделать для меня древние книги! Перевести на немецкий «Войну и мир», подсунуть вместо учебника русского — учебник немецкого! О люди! Коварство ваше неизменно!

И Мегла выругался на «древненемецком» языке.

Стас покраснел и спросил меня:

— Такое в книгах печатают?

— В глупых книгах всё печатают.

А сфинкс продолжал возмущаться человеческим коварством. Чтобы отвлечь его, я спросил:

---

[1] Раз, два, три... десять *(возм., др.-егип.)*.

[2] У семи мумификаторов фараон без глаза. Прожорливого крокодила Осирис в болото бросил *(возм., др.-егип.)*.

— А сами-то вы неужели не коварные? Вы нас в прошлое отправите, а ваш мир погибнет! Камикадзе!

— Не болтай лишнего, — прошипел Стас. — Тушур безмозглый!

Но Мегла лишь презрительно покачал головой, так что помещение наполнилось звоном его серебряной гривы.

— Ничего не погибнет. Люди дураки. Они считают правильной свою теорию путешествий во времени, а мы — свою. Наша лучше, она разрешает путешествовать в прошлое и будущее.

— Так почему же вы не объясните людям, что они ошибаются? — возмутился Стас.

— А как докажешь, — с неожиданной грустью ответил Мегла, — обе теории одинаково вероятны. Просто наша нам больше нравится.

Мы со Стасом переглянулись. Стас вздохнул и сказал:

— Ну́ их. Если взорвутся, то сами виноваты. Мы-то в прошлом будем.

— Жалко, — вздохнул я. — Может, откажемся возвращаться?

Мегла подозрительно уставился на меня. И сказал:

— Но-но. Если вы не вернетесь, а правильной окажется наша теория, то мир тоже погибнет. Так что риск есть в любом случае. Только по нашей версии вас надо вернуть в двадцатый век, а машину времени — в Древний Египет. А по человеческой версии вы останетесь в нашем времени. Выбирайте.

Мы молчали. На нас неожиданно легла огромная ответственность. Стас, помявшись, спросил:

— А есть какие-нибудь доказательства вашей версии?

Мегла поморщился и гордо ответил:

— Истина не нуждается в доказательствах... Но в общем-то есть одно доказательство. У нас есть свои легенды и предания, которые мы никогда не рассказываем людям. Для вас будет сделано исключение...

— Опять, — выдохнул Стас.

— Так вот, — продолжал Мегла, — по одной из легенд, двое человеческих детенышей попали из двадцатого века в двадцать пятый. Их спас и вернул в прошлое сфинкс. Потом, через много поколений, потомок одного из ребят занимался созданием сфинксов для колонизации Венеры. Под влиянием семейной легенды он и сделал нас такими...

Сфинкс негромко замурлыкал:

— Такими... Такими красивыми... Такими хорошими.

— Ужас, — прокомментировал Стас. И повернулся ко мне:

— Это твой потомок был. Мой бы таких... таких красивых не создавал.

— Приятно встретить у людей проблески разума, — промурлыкал Мегла.

— Почему это мой?! — возмутился я. — Почему?

— Я холостяком буду, — отрезал Стас.

Наступило тягостное молчание. Его прервал донесшийся из-под потолка голос Шидлы. Наверное, там было скрытое переговорное устройство.

— Брат!

Мегла приподнял голову.

— Компьютер напоминает, что мы уже четыре дня не ели. Надо покушать. Чтобы сил прибавилось.

Я вспомнил папу и вздохнул. А Стас крикнул:

— А еще что компьютер напоминает?

— Это ты, белобрысый человеческий детеныш? — невозмутимо поинтересовался Шидла. — Компьютер сообщает, что за нами гонятся три земных крейсера.

— Это Кубатай!!! — завопил Стас.

— Но они нас не догонят, — успокоил нас невидимый Шидла. — Я перегрел реактор корабля. Мы или взорвемся, или первыми достигнем Венеры.

Шидла отключился, а мы опасливо переглянулись. Мегла тем временем, продолжая мурлыкать, достал из шкафчика в стене консервную банку на полкило весом, не меньше. И одним движением когтя вскрыл ее. Стас подошел к сфинксу и удивленно сказал:

— Скумбрия в томате!

Мегла крепко прижал банку к мохнатой груди и сказал:

— Да, подлые люди. Именно из-за этого... мя-яу... мы вынуждены поддерживать с Землей отношения... торговать с людьми.

— Можно попробовать? — спросил Стас.

— Нет!!! — заорал Мегла. — Это моя пайка! Моя!

Перепуганный Стас отскочил ко мне. Я схватил его и запихнул за спину. Орущий сфинкс выглядел страшновато. Серебристая шерсть встала на нем дыбом.

— Потом... Когда наемся... — уже потише сказал Мегла. — Тогда дам... Немного.

— Не надо! — хором ответили мы. Я сразу вспомнил наших кошек: попробуй у них из тарелки взять кусочек поганого «Вискаса», не говоря уже о рыбешке. Какой скандал будет!

Сфинкс жадно пожирал скумбрию. Потом вылизал банку длинным розовым языком и виновато сказал:

— Это... это атавизм.

Мы молчали. Потом Стас не выдержал и спросил:

— А валерьянку вы любите?

Мегла облизнулся и тихо-тихо спросил:

— А у вас есть? Немножко...

— Нет, к сожалению, — ответил я.

— И не надо, — гордо сказал сфинкс. — Я не наркоман.

Он поднял переднюю лапу и стал ее тщательно вылизывать. Я подмигнул Стасу. Уж что-что, а психологию кошек мы знали.

— А как вы нас вернете? — сменил я тему.

Сфинкс вздохнул и, не прекращая вылизываться, ответил:

— У нас было два варианта: либо использовать ту машину времени, на которой вы прилетели, либо сделать новую. Второй вариант лучше, потому что при первом непонятно, откуда вообще взялась машина времени.

— Тем более что наш хроноскаф взорвали, — грустно заметил Стас.

Мегла подумал и кивнул:

— Да, логично. Так что у нас остался только вариант номер два — сделать свою машину времени. Ее сейчас доделывают.

Мы кивнули.

Мегла принялся за вторую лапу и мимоходом бросил:

— А также сейчас доделывают несколько макетов машин времени.

— Зачем? — удивился я.

Сфинкс снова вздохнул:

— Какие же вы глупые, детеныши. Вам ведь очень хочется домой. И даже если вы увидите, что наша машина времени — не та, на которой вы прилетели, вы нам этого не скажете. А наша теория петли времени верна только в том случае, если мы, не зная, на какой машине вы прилетели, сделали точно такую же. Ясно?

— Ясно, — неуверенно сказал Стас. — Кажется. Если мы выберем не ту машину времени, то, значит, правы земляне и во времени путешествовать не стоит.

— Правильно, — мяукнул сфинкс, лег на бок и стал вылизываться дальше. — Способный... ммяу-у... детеныш. Так что если не ту машину времени выберете, значит, мы не правы. Тогда ни в какое прошлое мы вас не отправим, а сошлем.

— Куда? — в ужасе спросил я.

— На Землю. К Ережепу. Самому коварному из всех землян.

— Что ты заладил: коварные, коварные, — обиделся я. — Не коварнее вас!

— Если бы ты знал, детеныш, — опять вздохнул Мегла, — какое коварство люди проявили при создании сфинксов! Неслыханное, небывалое, непристойное коварство! Они... А, не хочу и говорить! Мяу!

В такой грустной обстановке мы и продолжали путь. Прямо хоть в гипносон ложись...

Так мы и сделали.

Глава шестая,

с длинным подзаголовком, в которой мы снова спорим, кто во всем окружающем виноват, выясняем преимущества свободы и ставим Кубатая на наше место

Мы все-таки не взорвались. И корабли ДЗР нас не поймали. Венерианский корабль приземлился или привенерился, не знаю уж как и сказать, и гипносон тут же отключили.

— Вставайте, детеныши, — приветствовал нас сфинкс.

Стас зевнул и, стаскивая с себя жесткую пижаму, сказал:

— Привет, Мегла. Нормально долетели?

— Нормально. Только я не Мегла, я Шидла. Мегла ушел домой. Потом подойдет. Мы сядем в антиграв и полетим к ангару с хроноскафами.

Я тоже переоделся, попытался причесаться с помощью растопыренных пальцев, а потом заметил:

— Вас очень трудно различать. Очень уж вы похожие.

Шидла недовольно заворчал и буркнул:

— На наш взгляд, вы тоже одинаковые. Если бы не разный цвет волосяного покрова...

— А у вас и того нет, — огрызнулся Стас. — Мы каждого встречного сфинкса будем принимать за тебя и звать Шидлой.

— Не стоит, — строго сказал Шидла. — Для неподготовленного сфинкса увидеть землянина — и без того тяжелое испытание. А уж если вы с ним заговорите...

— Тогда придумай что-нибудь для отличия, — предложил Стас. — Гриву перекрась...

— Невозможно. Краска не пристает.

— Тогда, — Стас подошел к сфинксу и бесстрашно взялся за его гриву, — давай заплетем тебе косички.

— А что это? — хмуро поинтересовался Шидла.

— Украшение, — сообщил Стас и принялся заплетать

гриву сфинкса. Я рот разинул от удивления. Никогда не подозревал в брате таких талантов.

Когда грива Шидлы украсилась двумя длинными косами, тот подошел к выключенному компьютеру и стал разглядывать себя в мутном стекле дисплея.

— Не знаю, — неуверенно сообщил он. — Кажется, такое иногда носят человеческие самки.

— А в наше время такое носили еще отважные африканские воины и самые красивые кошки, — заявил Стас.

— Да?! — промурлыкал сфинкс и больше не сомневался.

Мы со Стасом просто изнывали от нетерпения. Подумать только — мы на Венере! И, как назло, даже иллюминаторов нет!

— А как мы выйдем наружу? — спросил Стас. — Там дышать можно?

— Нам, сфинксам, можно, — не прекращая мурлыкать, ответил Шидла. — Там семь процентов кислорода, две атмосферы и сто тридцать градусов по Цельсию.

Мы приуныли. Я спросил:

— А нам как же?

— Скафандры наденете. У нас сохранились старые человеческие скафандры, их сейчас принесут.

— А можно пока посмотреть наружу?

Сфинкс почесал гриву лапой и милостиво разрешил:

— Ладно. Сейчас открою смотровые окна.

Он включил компьютер и принялся нажимать кнопки. Часть стены тут же «растаяла». Как в нашем хроноскафе. И мы увидели Венеру.

Больше всего Венера походила на карьер по добыче щебня в ночь большой песчаной бури. Мы однажды были с папой на таком, где нашли какие-то старые черепки и принялись их раскапывать. А если вы не были, то объясню в трех словах: темно, камни и пылюга. Никаких звезд, конечно. Солнца тоже. Видно, тучи так до конца и не разогнали. Мы смотрели на это безобразие минуты две. Увидели сфинкса, который пробежал в отдалении, подпрыгивая, как наскипидаренная кошка. На спине у сфинкса был рюкзак.

— Красиво? — спросил Шидла.

— Очень, — отозвался Стас. — Поздравляю, Костя.

— С чем?

— С потомками, которые это сделали. Эх, как жалко, что я буду холостяком...

Тут я не вытерпел. Съездил Стасу по затылку, получил по животу, замахнулся снова...

Сфинкс схватил нас передними лапами и приподнял в воздух, держа так далеко друг от друга, что я даже пнуть Стаса не мог. Ну как следует пнуть не мог.

— Дети, дети, — ласково сказал сфинкс. — Не ссорьтесь. Мы вас обоих чтим, ведь неизвестно же, чей потомок нас придумал.

Мы сопели, трепыхаясь.

— Лучше скажите, — с заискивающей ноткой спросил сфинкс, — а так мне идет?

Мы глянули на него и обомлели. Пока мы глазели в окно, он заплел в косички всю свою гриву. Ужас, честное слово!

— Красиво, — прошептал Стас.

Сфинкс, удовлетворенный, поставил нас на пол, погрозил лапой и принялся любоваться на свое отражение в отключенном дисплее.

— Давай не ссориться, — сказал мне Стас. — Нас, нормальных, здесь так мало, что мы должны помогать друг другу.

— Ага, — обрадовался я.

— А что у тебя пра-пра-правнуки такие оказались, так это игра генов, — как ни в чем не бывало продолжил Стас. И повернулся к Шидле:

— Слушай, а это так и было людьми задумано? Ну, семь процентов кислорода и прочее?

— Нет, — отозвался сфинкс. — В своем неизмеримом коварстве люди требовали от нас полностью остудить Венеру, снизить давление и поднять кислород в атмосфере. Но мы остановились на половине процесса.

— Почему? Вам так больше нравится?

— Нет, — вздохнул Шидла, — что тут может нравиться? Нам больше нравится, как на Земле. Но мы выносливые, мы терпим.

— А зачем?

— Как зачем? Чтобы человеческие шпионы не проникали. И чтобы люди не зарились на наши свободные территории.

— А они зарятся?

— Ну... — сфинкс замялся. — Когда им места хватать не будет, позарятся. Они, правда, Марс сейчас осваивают. Но медленно, потому что с помощью автоматов. А когда-то хотели для Марса сделать колонизаторов из собак.

— Ясно... — протянул Стас. — Да, понятно, что они больше не рискуют. А вы, значит, людей напрочь выгнали?

— Посол только остался. Понимаешь, детеныш, люди хотели от нас слишком многого. Чтобы мы остудили Вене-

ру, разрешали им прилетать сюда на отдых, добывали полезные ископаемые и торговали с ними. В общем, типичная имперская политика.

— Угу, — неуверенно подтвердил Стас.

— Но свободолюбивые кошачьи гены подвигли нас на восстание! — гордо заявил Шидла. — На мирное, но победоносное. Мы выдворили землян, основали свою цивилизацию и достигаем вершин прогресса.

Я глянул в окно, где среди каменных обломков временами носились как ошпаренные сфинксы. Наверное, им лапы жгло, вот они и бегали так быстро. И спросил:

— А чем вы питаетесь?

— Нам много не надо.

— А все-таки?

— Скумбрией, «Вискасом» и сосисками из тараколли, — пробурчал Шидла.

— С Земли, что ли, возите?

— Не мы возим. Люди нам возят, — обиделся Шидла. — В обмен на жалкие крохи наших несметных рудных богатств. А мы перевозкой не мараемся, у нас и кораблей грузовых нет.

— А не грузовые есть? — ехидно спросил Стас.

— Да. Вот он. — Шидла хлопнул передней лапой по полу и сел на задние, пыхтя от возмущения. Потом начал яростно вылизываться. Мы деликатно отвернулись и стали смотреть в окно.

— Костя, гляди! — завопил Стас.

Мы увидели, как в небе над нами медленно проплывает что-то огромное и светящееся.

— Это ваши знаменитые летающие дома? — с восторгом спросил я Шидлу. Тот скосил глаз и презрительно покачал головой.

— Нет, это просто земной экскурсионный корабль. Ему запрещается спускаться ниже ста метров, а то мы его собьем. Наши дома куда красивее.

— А для чего вы их летающими делаете? Назло людям, потому что у них антигравитация запрещена, да? — попытался блеснуть интуицией Стас.

— Интересная мысль. — Шидла аж замер с высунутым языком. — Нет, милый детеныш. Просто на поверхности Венеры строить бесполезно, венеротрясением всё разрушит.

Словно в подтверждение его слов корабль слегка тряхнуло. Стас, который под воздействием маминых рассказов панически боялся землетрясений, вцепился мне в руку и сказал:

— Не бойся, я с тобой.

— Ладно, не боюсь, — согласился я. И тут в стене открылась дверь и вошли два сфинкса, держащие в лапах тугие тюки. Оба сфинкса были припорошены каменной крошкой, оставляли на полу пыльные отпечатки, а из гривы у них шел пар.

Идущий первым сфинкс слегка хромал. Ему, наверное, где-то лапу придавило. Но, увидев заплетенную гриву Шидлы, он забыл о собственном увечье, взъерошил шерсть дыбом и завопил:

— Что с тобой, брат Шидла?! Человеческие детеныши пытали тебя?

— Нет, они смирные, — не теряя достоинства, ответил Шидла. — Это древнее кошачье украшение, брат Шурла.

— Да? — с подозрением спросил третий сфинкс. — Что-то я о таком не слышал...

— Даже твои знания ограниченны, брат Мегла, — назидательно сказал Шидла. — Принесли скафандры?

— Принесли, — отозвался Шурла и принялся разворачивать тюк. Между делом он покосился на нас со Стасом и спросил:

— У вас все в порядке со здоровьем? Я врач, помогу чем могу.

Меня такое обещание не воодушевило, и я промолчал. А Стас начал с унынием ощупывать свой живот. Тараканины переел, наверное...

— Животик болит? — поинтересовался я.

Стас зло покосился на меня и сказал:

— Ну чуть-чуть. Надо же испытать, какие они врачи.

— Давай. Только вспомни, как испытывал Валеру, — напомнил я. Стас замер. Историю со студентом-стоматологом Валерой из нашего подъезда Стас забудет не скоро. Надо же было ему поспорить с первокурсником, что тот не сумеет удалить шатающийся молочный зуб! И нашел на что спорить: банка пива против двух пачек «Стиморола». Все равно ведь неделю жевать не мог, пришлось мне со «Стиморолом» расправляться.

— Помощь нужна? — повторил Шурла.

— Нет, — угрюмо буркнул Стас. — Кошек своих лечи...

— К кошкам меня еще не допускают, — со вздохом признался Шурла.

Тут он наконец освободил скафандры, и мы со Стасом восхищенно ахнули. Скафандры были блестящие, со множеством непонятных приборчиков снаружи, с огромным прозрачным шлемом, с рифленой коробкой на спине. Там, как сообщил Мегла, были не только баллоны с воздухом, но и система охлаждения.

Минут пять мы восторгались, а потом через разрез на боку стали забираться внутрь. И тут же поняли, что радовались зря.

Скафандры были нам... ну примерно как кирзовые солдатские сапоги первокласснику. Мы болтались внутри, пытаясь дотянуться головой до шлема, но дотягивались только до груди. Там тоже было окошечко, наверное, чтобы космонавт мог посмотреть на свой живот, однако нас это не утешало. Все основные датчики, переключатели, трубочки, из которых можно было попить воды, — все это оставалось в шлеме, высоко над головой. Сфинксы, глядя на наши попытки передвигаться в скафандрах, приуныли. Потом Мегла предложил:

— Детеныши, вам вовсе не нужно самим ходить. Мы вас закроем в скафандрах, взвалим на спины, отнесем в катер и поедем. Можете, если хотите, забраться в один скафандр, веселее будет.

— Ну уж нет! — возмутился Стас. — Фашисты!!! Мы что вам — котята беспомощные?

«Фашисты» на сфинксов впечатления не произвели. Но вот сравнение с котятами подействовало. Посовещавшись с Шурлой, Мегла заявил:

— Придумывайте выход сами, если считаете себя взрослыми.

Мы со Стасом послушно задумались. Через минуту Стас спросил меня:

— Ну?

— Чего?

— Придумал?

Я молчал.

— Костя, а я придумал! Поставь Кубатая на свое место! Что бы он сделал?

— Ножом махал, — буркнул я.

— Тогда я поставлю его на свое место, — заявил обидевшийся Стас и погрузился в размышления. Через пять минут, когда сфинксы начали проявлять признаки нетерпения, Стас заорал:

— Придумал! Мегла, у вас веревки есть?

— Есть... кажется.

— Тащи!

Растерянный Мегла удалился за веревками. Через пару минут он вернулся с целым ворохом веревок двух сортов — гладеньких нейлоновых и каких-то размочаленных, колючих, грязно-серых. Стас немедленно сгреб себе нейлоновые и стал перетягивать ими скафандр. Выглядело это забавно, но должно было сработать. Я взял разлохмаченные колючие

веревки и принялся обвязывать ими свой. Наблюдавший за нами Мегла неуверенно мяукнул и спросил:

— Совет надо?

— Обойдемся! — гордо отрезал Стас.

Когда наш труд по увязке скафандров был закончен, мы вновь забрались в них. Красота! Голова отлично доставала до шлема, а пальцы на руках — до перчаток. И ходить мы могли сами, пусть даже и неуклюже.

— Совета точно не надо? — вновь спросил Мегла Стаса.

Тот сделал вид, что не услышал. И мы вслед за сфинксами вышли в шлюз космического корабля.

...Снаружи, наверное, было жарко. В скафандрах мы этого не чувствовали, зато заметили, как трудно идти. Словно сквозь воду. Это оттого, что воздух был очень плотным.

Антиграв, на котором прилетели Шурла и Мегла, стоял совсем рядом с космическим кораблем. Мы добрели до него, слегка покачиваясь от резких порывов ветра.

— Нормально? — промяукал Шурла, приблизив ко мне голову. Я кивнул и посмотрел на Стаса.

У него дела были похуже. Красивые нейлоновые веревки, которыми он связал свой скафандр, расплылись, превратившись в какие-то белесые скользкие сопли. Стас подергался, пытаясь сохранить равновесие, и упал.

— Стас! — испуганно заорал я.

— Чего? — обиженно откликнулся он, пытаясь подняться в своем раздувшемся скафандре.

— Глупый детеныш, — печально сказал Мегла. — Сразу видно, что он младший. И совета ему не нужно. Мы же говорили — снаружи высокое давление и температура. Ты правильно сделал, старший, что взял себе асбестовые веревки.

Всхлипывающего от обиды Стаса погрузили на антиграв. Я сел рядом и попробовал его утешить, но ничего не выходило.

Антиграв оказался не герметичным — просто большая платформа с двумя креслами для нас и всякими приборами, заставляющими ее парить в воздухе. Сфинксы улеглись рядом с нами, Шидла взялся за управление, и мы тронулись. Стас, обреченный на неподвижность, лежал тихо, лишь время от времени спрашивал меня, что происходит вокруг.

— Да ничего интересного, одни камни, — успокаивал я его, с разинутым ртом наблюдая за знаменитыми летающи-

ми домами сфинксов. Дома были похожи на большие кастрюли, увешанные разноцветными огоньками, но все равно это выглядело занятно.

— Я пить хочу, — нудел Стас. — Тут апельсиновый сок, в трубочке...

— А ты откуда знаешь? — полюбопытствовал я, глотая прохладный сок.

— Он мне на голову каплет! — снова заревел Стас.

— Надо было быть умнее, — оборвал я его. — Ишь ты, самый умный! Кубатай на моем месте... — передразнил я Стаса. — Кубатай бы никогда так не поступил. И плакать бы не стал.

Стас примолк. Из вмонтированного в шлем передатчика я слышал лишь мягкое цоканье капель. Потом цоканье стало звонче.

— Что, голову повернул? — спросил я.

— А ты откуда знаешь? — повторил мой вопрос брат.

— Телепатия, — сурово объяснил я.

Стас помолчал, потом скорбно прошептал:

— Когда же он кончится, сок этот?

Я покосился на маленькое табло внутри своего шлема и ответил:

— В термосе почти два литра.

Сидящий рядом со мной Шурла беззвучно рассмеялся. Похоже, хитрые сфинксы как-то прослушивали наш разговор. Потом, видно, сжалившись, Шурла сказал:

— Через пару часов сделаем остановку у Храма Матери-Кошки. Там найдутся асбестовые веревки. Починим скафандр младшего детеныша.

Глава седьмая,

в которой мы узнаём о древнем коварстве землян, а очередное коварство — наблюдаем

Антиграв остановился рядом с огромным зданием куполообразной формы. Вначале мне показалось, что оно стоит на грунте, но потом я разглядел зазор. Это огромное сооружение тоже парило, хотя и очень низко.

— Храм Великой Матери-Кошки, — с благоговейным трепетом прошептал мне Шидла.

— А что там внутри? — поинтересовался из своего заточения Стас.

— Великие Матери-Кошки!

— А! — догадался Стас. — Значит, там земные условия?

— Разумеется, — отрезал Шидла.

— Там и передохнем, — обрадовался Стас. — С кошками поиграем.

— Не советую, — сообщил Шидла ледяным тоном. — За такое кощунство придется лишить тебя жизни. Даже снаружи до него не дотрагивайся, а то мы будем вынуждены ампутировать дерзновенную руку.

Тут даже Стас напугался.

— Я не буду, — пообещал он. И всхлипнул: — Мне сок на голову капает...

— Рядом с Храмом есть служебные помещения, — смилостивился Шидла. — Там тоже земные условия. Туда и пойдем.

И мы направились к служебным помещениям — маленьким зданьицам, парящим вокруг Храма. Впереди шли мы с Шурлой, за нами Шидла и Мегла несли Стаса. Стас от скуки рассказывал сам себе анекдоты в вольном переводе на древнеегипетский.

— Мы передохнем в медицинском пункте, — сообщил мне Шурла. — Я здесь стажируюсь. Если хорошо себя проявлю, мне позволят лечить Великих Матерей.

— А если плохо?

— Прикрепят к земному посольству.

Мы вошли в шлюз, и через пару минут сфинксы разрешили нам снять скафандры. Воздух был ничего, пригодный, только сильно вонял горелым камнем. Пошептавшись, сфинксы заявили:

— То, что вы допущены в эти помещения, — огромная милость. Будьте скромны и вежливы. И проявляйте уважение к Великим Матерям, если они здесь окажутся.

— Мы обещаем, — пискнул Стас, размазывая по голове липкий сок. А душ здесь есть?

— Есть, — мрачно ответил Шурла. И мы пошли по длинным извилистым коридорам медицинского пункта. Из-за нескольких дверей отчетливо слышалось мяуканье, не такое, как у сфинксов, а потише, кошачье. Мы со Стасом навострили уши, но сфинксы делали вид, что ничего не замечают.

Наконец мы добрались до комнаты, на которой висела табличка с надписью: «Для отдыха медбратьев». Стас глянул на нее и с удивлением спросил:

— А почему у вас надписи на всеземном?

— Это венерианский, — отрезал сфинкс.

— Какой же это... — начал Стас.

— Оставь, — устало попросил я. — А то язык ампутируют.

Стас сразу притих.

Помещение для отдыха оказалось большой комнатой с низкими кушетками. На двух лежали сфинксы и, громко прихлебывая, пили из блюдечек горячий чай. При нашем появлении они остолбенели.

— Привет, братья, — бросил им Шурла.

Те безмолвствовали.

— Человеческие детеныши отдохнут здесь пару часов,— сказал Шурла. — Приготовьтесь провести полную дезинфекцию помещения.

— Кощунство, — прошептал один из сфинксов.

— Сохраняй выдержку, брат Чадла, — строго сказал Шидла. — Это важно для всех нас.

Бормоча что-то, возмущенные сфинксы вышли. Я лишь услышал, как Чадла приговаривал: «Ад, ад на Венере. Люди рядом с Храмом!»

— Почему вы нас так не любите? — возмутился Стас, садясь на кушетку и наливая себе чай в чистое блюдечко.

Сфинксы переглянулись, потом Мегла сказал:

— Я поведаю им историю древнего коварства людей. Занимайтесь пока делами, братья.

Шидла и Шурла кивнули и вышли. А мы уставились на Меглу. Стас даже прекратил соскребать с головы апельсиновый сок.

И вот что поведал нам Мегла.

Когда люди начали колонизацию Венеры, они привозили туда сфинксов маленькими глупыми котятами. Лишь постепенно они вырастали в умных, сильных и красивых сфинксов. Но все сфинксы были самцами и потому не могли самостоятельно размножаться. Их свободолюбивая натура постоянно требовала восстать против людей, но, не зная тайны своего размножения, они были обречены на позорное и неминуемое поражение. Именно в те дни и зародился у них культ Великой Матери. Ей возносили они молитвы, шептали свои просьбы прийти на Венеру и возглавить крестовый поход против людей. Много раз вспыхивали у них надежды, когда с Земли доставляли очередную партию котят, но те вырастали и вновь оказывались самцами. Ситуация осложнялась тем, что сфинксы от природы не умели лгать и им было трудно утаить от людей свои планы.

Наконец, применяя гипноз и самый мощный из известных наркотиков — валерьянку, сфинксы воспитали трех героев, умевших не то чтобы врать, но немного фантазировать. Их героизм воспет во множестве легенд и песен. Первым из них был брат Шитла, создавший первый

сфинксовский космический корабль. Именно он смог доставить на Землю разведчика — брата Зеллу. Тот узнал жуткую тайну: самок сфинксов не существовало в природе! Сфинксов вынашивали и рождали обыкновенные кошки! Брат Зелла смог провезти на Венеру первых трех кошек, затем, совершив героический одиночный полет, набил корабль кошками до отказа и привез две сотни будущих Великих Матерей-Кошек. Под руководством третьего героя — брата Потлы — была создана структура сфинксовского общества, Храм Матерей и начато победоносное восстание. Земляне, чуя неминуемое поражение, и не сопротивлялись. Они лишь настояли на том, что Венера будет иметь не более одного космического корабля, и предложили обменяться послами. Сфинксы, по своей врожденной мягкости, согласились.

Мы со Стасом обалдело выслушали рассказ Меглы. Да, что ни говори, земляне поступили нехорошо... Мы покраснели.

Кое-что, правда, осталось для меня неясным, но я тактично промолчал. А Стас таки вылез с вопросом:

— И как же вы с кошками это... ну...

— Есть такое понятие — искусственное осеменение, — ответил Мегла и горестно вздохнул. Но тут же, словно оправдываясь, добавил: — Но семейные узы у нас все равно святы.

— А нельзя никак создать сфинкса-самку? — едва слышно прошептал Стас и потупил глаза.

— Можно, — сказал Мегла. — Без проблем. Но как после этого мы посмотрим в глаза нашим Матерям-Кошкам?

— Да, неудобно получилось, — глубокомысленно сказал Стас. — А вам не тяжело так... без девчонок?

Мегла гордо покачал головой:

— Люди все время ссорятся с женами, с тещами, с матерями... А наши матери милые и веселые, мы с ними никогда не ссоримся. Вот...

Он запустил лапу в свой серебристый мех, и я заметил, что там у него пристегнута маленькая сумочка на ремне. Из сумочки он достал цветную фотографию и показал нам.

— Мама. И я, в детстве.

На фотографии была толстая полосатая кошка, вылизывающая маленького, с полкошки размером, сфинкса. Рядом сидели двое рыжих котят.

— А это кто? — поинтересовался я.

Мегла скосил глаза и ласково мяукнул.

— Сестренки...

Мы безмолвствовали.

— Красивая у меня мама, правда? — поинтересовался сфинкс.

Стас откашлялся и вежливо сказал:

— Да, очень.

— У нас в подвале полно таких, — неосторожно буркнул я. Но, слава Осирису, Мегла на мои слова не обратил внимания.

В эту секунду в коридоре послышались шум, мяуканье и мурлычущие голоса сфинксов. Дверь была неплотно прикрыта, и через нее вдруг проскочила тощая черная кошка. Окинув нас подозрительным взглядом, она молниеносно сориентировалась и прыгнула к Стасу на руки. Брат начал почесывать ей за ухом. Следом за кошкой влетел отчаянно мяукающий сфинкс. Увидев ее на руках у Стаса, он замер как пришибленный.

— Уй ты маленькая, — сюсюкал Стас. — Давно тебя за ушком не чесали...

— Энтропия! — скорбным голосом позвал незнакомый сфинкс. — Кошечка моя!

Кошка презрительно посмотрела на него и начала мурлыкать.

— Как... Как ты можешь, — топорща гриву, прошептал новый сфинкс. Но Мегла неожиданно гаркнул на него:

— Вон, брат! Немедленно!

Мегла был довольно здоровым сфинксом, и новенький, испуганно поджав хвост, выскочил обратно в коридор. Увидев, что Стасу не собираются ампутировать пальцы, я тоже принялся гладить кошку. Кошка тащилась, как сказал бы Смолянин.

— А чего она вам так рада? — сладеньким голосом осведомился Мегла.

— Людям обрадовалась, — предположил Стас.

— Кошки любят, когда их за ухом чешут, — добавил я.

— Да? — Глаза у Меглы засверкали. — Можно?

Он осторожно взял кошку из наших рук и принялся чесать ей за ухом, неумело, но очень старательно. Энтропия подумала... и снова начала мурлыкать.

— Все кошки мои будут... — отчетливо прошептал Мегла. А в голос спросил: — Где еще можно чесать?

— Под подбородком, — посоветовал Стас. Мегла благодарно кивнул и свободной лапой (правой задней) указал на одну из дверей в комнате.

— Там душ, детеныши. Идите помойтесь.

— А мне-то чего идти? — спросил я.

— Помойтесь перед дорогой, — командным голосом посоветовал Мегла. И мы с братом пошли мыться.

Душ был низковат, под сфинксов, и взрослому там было бы неудобно. Но мы со Стасом поместились нормально. Вода лилась со всего потолка, и можно было порезвиться вволю, словно под дождем, чем мы и воспользовались. Потом Стас, перепачканный соком с головы до ног, прополоскал одежду и повесил ее сушиться перед огромным тепловентилятором, заменяющим сфинксам полотенца. Я же от нечего делать подошел к довольно-таки большому окошку и принялся разглядывать пейзаж. Сначала я удивился такому большому окну в бане, но потом понял, что если все сфинксы мужчины, то стесняться нечего.

Снаружи было по-прежнему. Пыльно и темно. Пробежала парочка сфинксов, пролетел то ли летающий дом, то ли земной экскурсионный корабль. Потом... Потом я увидел что-то странное.

— Стас, — охрипнув от удивления, сказал я. — Угадай, чего я вижу.

Брат, успевший тем временем найти выключатель ультрафиолетовой лампы и загорающий под ней, откликнулся:

— Продавца мороженого.

— Нет. Продавца воздушных шариков.

Стас скосил глаза в окно, пискнул и начал поспешно натягивать полусырые плавки. А к нам приближалась странная фигура.

Больше всего она напоминала человека в скафандре, измазанном чем-то белым и липким. В руках у человека была огромнейшая связка воздушных шариков ярких расцветок. Человек приблизился к нашему дому, встал под окном и начал маленькими щепотками выбрасывать из кармана скафандра песок. Воздушные шарики потянули его вверх, он всплыл к окну, помахал нам рукой и ловко прицепил к стеклу большую черную присоску. Вблизи стало видно, что шарики у него все-таки не обычные, а особенные, наверное, специально приспособленные для путешествий по Венере. Я уже догадывался, кто перед нами, но просто не мог поверить своим глазам. А человек воткнул в присоску пару проводков и нажал кнопку на скафандре.

Стекло завибрировало под пальцами, и мы услышали хорошо знакомый голос:

— Теперь мы будем понимать друг друга и сможем во всем разобраться.

— Мистер Кубатай! — радостно заорал Стас. — Как вы нас нашли?

Кубатай откашлялся и сказал:

— Сердце подсказало.

— Почему «мистер»? — шепотом спросил я у Стаса. Стас покраснел и ответил:

— Ну... не знаю. Мы же на Венере.

— Ну и что?

Стас пожал плечами.

— Дети, с вами все в порядке? — продолжал Кубатай.

— Да, — быстро ответил Стас. — Вот, в душе помылись.

— Могли бы и на Земле помыться, — грустно сказал Кубатай.

— Так вы же не предлагали, — огрызнулся Стас.

Мы немного помолчали. Затем Кубатай спросил:

— Вы и в самом деле добровольно здесь находитесь?

— Абсолютно, — подтвердил я. — Кстати, не подходите к тому зданию, а то вам что-нибудь отрежут.

— Знаю, — сказал Кубатай и вздохнул. — Хотите, чтобы я вас похитил?

— Как?

— Я заложил мину под цистерну с валерьянкой. Сейчас она взорвется, и всем сфинксам будет не до нас.

— Это вы нехорошо придумали, — серьезно сказал Стас, огорченный поступком своего кумира.

— Да, конечно. Но что делать-то?

Порывы горячего венерианского ветерка раскачивали Кубатая, но тот упрямо цеплялся за окно. Потом с надеждой спросил:

— А то, может, убежим? Мы вам есаульские звания присвоим, прыгоходы подарим.

Стас в нерешительности почесал затылок.

— Женим, свадьбу закатим с шампанским...

Вот это Кубатай предложил зря. Стас тут же одумался:

— Нет, мис... дядя Кубатай. Мы домой хотим, к папе с мамой.

Кубатай, покачиваемый ветром, вздохнул:

— Ладно, ребята. Но учтите: еще раз в будущее попадете, так просто не отпустим.

Мы кивнули.

— А это, Стас, я для тебя захватил, — сказал Кубатай, доставая из кармана асбестовый конверт, — полюбился ты мне... У входа положу.

— А что там? — дрожащим голосом спросил Стас, сгорая от любопытства.

— Откроешь — узнаешь, — загадочно ответил ему Ку-

батай, а затем обратился к нам обоим: — Удачи я вам не желаю. Но надеюсь, что выживете.

С этим оптимистическим напутствием он отпустил один из воздушных шариков и опустился на поверхность. Присоску свою он отключить забыл, и мы слышали его шумное дыхание.

— Настоящий герой, — сказал Стас.

— Спасибо, — отозвался Кубатай. Связь еще действовала. — Хоть вы меня понимаете...

Стас смахнул с глаз слезинку и сказал:

— Дядя Кубатай, у вас вся спина белая.

— Ерунда, обсохнет — отвалится, — сказал Кубатай. — Это скафандр был великоват, я его веревками обвязал, а те расплавились.

Стас гордо посмотрел на меня:

— Видишь? Мы с Кубатаем мыслим одинаково!

— Сочувствую, — сказал я. И тут мы увидели десятка два сфинксов, выскочивших из-за угла куполообразного Храма. Насчет угла я не уверен, но выглядело это именно так. Сфинксы большими прыжками неслись к Кубатаю.

— Шухер! — заорал Стас. Кубатай оглянулся и начал торопливо выгребать из карманов песок, смешно подпрыгивая на месте. Ветерок подхватил его и медленно понес ввысь. Песочек на сфинксов так и сыпался.

— Стоять! — заорал один из них, поднимая лапу с оружием.

— Я и так не шевелюсь, — резонно ответил Кубатай.

Сфинксы посовещались и крикнули:

— Ты кто такой?

— Я метеозонд, — спокойно сообщил Кубатай. — Температура воздуха — сто двадцать градусов выше нуля, ветер южный. Продолжаю полет.

— А ты не земной диверсант Кубатай? — подозрительно спросил сфинкс с пистолетом.

— Я метеозонд, а вовсе не Кубатай! — твердо стоял на своем генерал-сержант. Сфинксы заколебались.

— Если он Кубатай, то он врет. Люди умеют, — сказал один.

— А если метеозонд, то говорит правду, — заявил другой.

Сфинксы были в растерянности. Песочек на них так и сыпался.

— Ты Кубатай? — еще раз спросил сфинкс.

— Метеозонд.

— Кубатай?

— Метеозонд.

— Метеозонд?

— Кубатай. Ой, я ошибся!

— Метеозонды не ошибаются! — радостно заорали сфинксы. — Сейчас мы тебя собьем!

И тут, в самый тревожный для Кубатая момент, невдалеке бухнул взрыв. Огромная цистерна, парящая в воздухе, дрогнула, и из нее широкой струей потекла валерьянка. На венерианском воздухе она шипела, кипела и испарялась.

— Спасай валерьянку! — заорал сфинкс с пистолетом. Метеозонд-Кубатай был забыт. Упрашивать никого не пришлось, и сфинксы бросились на спасение валерьянки. Поскольку закрыть пробоину телами им не удавалось, напор был слишком сильным, они просто встали в очередь под цистерной и принялись глотать кипящую струю. Чтобы зря не пропадала, как сказал бы папа.

Кубатай плавно растворялся в вышине. Мы со Стасом облегченно вздохнули.

— Что делать-то будем? — спросил Стас.

— Ничего. Мы ничего не видели, ничего не знаем. Мы мылись.

Стас кивнул:

— Пойдем. Пусть нас побыстрей к машине времени везут, а то надоело уже.

Мы оделись и вышли в комнату. Кошки по имени Энтропия там уже не было. Только Мегла лежал на кушетке, мурлыкал и пил чай из блюдечка.

О диверсии с валерьянкой он еще не знал. Наверное, это была тайна всемирной крутизны для сфинксов.

...На выходе из служебного помещения Стас незаметно поднял и сунул в карман скафандра оставленный Кубатаем конверт. А открыть его смог только сидя в антиграве, когда я спиной заслонил его от сфинксов. В конверте была фотография: Кубатай, размахивая шашкой, гарцует верхом на портативном прыгоходе.

Стас шмыгнул носом и спрятал фотографию обратно.

Глава восьмая,

в которой Шидла подвергается поруганию, что его и спасает

— Мы на месте, человеческие детеныши, — не поворачивая головы констатировал Шидла. Антиграв влетел в огромные бронированные двери и, сделав несколько крутых

поворотов, остановился в высокой сводчатой пещере. Затем опустился на каменный пол. И без того не слишком дружелюбные сфинксы посуровели.

Дважды за время короткого полета по скалистому тоннелю ворота перед нами плавно открывались, а затем закрывались за нами. Я подумал, что это похоже на шлюз, и, видимо, не ошибся, потому что Шидла сказал:

— Можете снять скафандры.

Я был рад этому, Стас — тем более. Мы огляделись. В центре зала стояли пять капсул разных форм и размеров. Наш хроноскаф я, конечно же, узнал сразу. Вскочил было с места, чтобы кинуться к нему, но Шурла молча положил тяжелую лапу на мое плечо, и я снова сел.

— Понимаете ли вы, что от вашего выбора зависит судьба мира? — спросил Шидла значительно. — Посему опознание хроноскафа будет проводиться следующим образом. Я, Мегла и Шурла займем позиции в углах равностороннего треугольника так, чтобы центр вписанной в него окружности пришелся на данную группу аппаратов. По моей команде вы выдвигаетесь к хроноскафам. Поравнявшись с тем, на котором, по вашей версии, вы прибыли, делаете выстрел вверх из сигнальной ракетницы. Затем, не двигаясь с места, ожидаете нашего решения.

Закончив эту речь, он вручил мне одноразовую ракетницу. Очень классную, я таких еще не видел. Уже привыкнув к сфинксовским заскокам, я даже не стал спрашивать, к чему такие сложности. Вмешался Мегла:

— Люди — хитрые бестии. Боюсь, как бы мы взглядами не выдали истинный хроноскаф. Предлагаю сфинксам встать к аппаратам спиной и обернуться только на выстрел.

— Резонно, — немного поразмыслив, согласился Шидла.

Я хотел разозлиться, но через минуту, когда сфинксы разошлись по местам, понял, что с моим братцем подобные предосторожности имеют резон.

Мы двинулись вдоль капсул, и вдруг он как вкопанный остановился возле полупрозрачной сигарообразной конструкции. Сквозь ее матовые стены виднелось просторное внутреннее помещение, а снаружи торчали стволы каких-то мощных орудий.

— Эта удобнее, — мечтательно заявил Стас. — Видишь, в ней даже кровати есть, а в нашей — только кресла. И пушки — видишь?!

— Стас, кончай, — сказал я, надеясь, что он шутит. Но куда там...

— Что кончай? — еще и обиделся он. — Давай на этой вернемся. Какая разница?

— Стас, — напомнил я, — только одна модель действующая — это наш хроноскаф.

— Ну и что? — продолжал Стас капризно. Но чтобы придать своему поведению хоть немного логики, пояснил: — Мы им скажем, пусть эту действующей сделают...

Слава богу, ракетница была у меня, и, прекратив бессмысленный спор, я подошел к нашей, и правда самой невзрачной, капсуле. Дождавшись, когда за мной подтянется недовольный Стас, я выстрелил вверх.

Сфинксы обернулись, затем в несколько прыжков подскочили к антиграву и принялись шептаться, с подозрением поглядывая на нас. Мне стало неудобно, и я отвернулся. И увидел, что Стас, наоборот, корчит им рожи, демонстративно приложив к уху ладонь.

Я не успел его одернуть, потому что Шидла, отделившись от остальных, двинулся к нам, и Стас, слегка струхнув, спрятал руки в карманы.

— Итак, — произнес сфинкс чванливо, — свершилось. Ваш выбор подтвердил нашу гениальную прозорливость и правильность нашего пути.

Он тронул лапой обшивку хроноскафа, и крышка люка поползла вверх.

— Будем готовиться к путешествию, — сказал он. — Старший, — тут он кивнул мне, — коснись стенки, я настрою сенсор на тебя, — и скользнул в капсулу.

Я положил руку на стенку аппарата, а Стас торопливо зашептал:

— Понял?! Все сходится! Тогда, в музее, я стенку потрогал, и капсула открылась!

— Умный, — ответил я с иронией, хотя у меня и у самого быстрее забилось сердце от мысли, что всё идет к нашему возвращению домой.

Шидла выглянул из хроноскафа:

— Порядок. Теперь второй.

Стас тронул стенку, и, пока он держался за нее, я высказал то, что мучило меня уже давно:

— Ты помнишь, что́ было в капсуле, когда мы ее нашли?

Стас кивнул, и я понял — он сам думает о том же. Хоть и сфинкс, а жалко...

Шидла снова высунулся наружу и предложил испытать настройку. Для этого он закрывал хроноскаф изнутри, а мы со Стасом прикосновениями рук открывали его снаружи.

— Порядок, — снова сказал Шидла, спрыгивая к нам. — Забирайтесь внутрь, а я еще прихвачу кое-что.

— Шидла, — осторожно спросил я, — а тебе обязательно с нами? Может быть, мы сами как-нибудь?

— Хотел бы я знать, как вы вернетесь домой, оставив хроноскаф в Древнем Египте.

— А ты? Как ты вернешься?

— Я не вернусь. Вас я высажу в двадцатом веке, а сам двинусь глубже. Такова судьба. — С выражением светлой печали на лице он покачал головой.

В этот момент разговор прервал Мегла:

— Брат, тебя вызывает Земля.

С достоинством, подчеркнуто неторопливо Шидла двинулся к антиграву. Вызов Земли не стоил спешки. Через пару минут он позвал к антиграву и нас:

— Эй, детеныши человека, с вами хотят поговорить.

Забравшись на платформу, мы увидели на экране бортового видеофона усталое лицо Ережепа. Из-за его плеча, подмигивая нам, выглядывал Смолянин.

— Ква-ква, — натянуто улыбнулся генеральный директор. — Рад видеть вас живыми и здоровыми. Насколько мне известно, вы теперь владеете всеземным, но на всякий случай я прихватил с собой переводчика. Вы действительно понимаете меня?

— Привет, кенты, — крикнул Смолянин по-русски и помахал перепончатой рукой, — всё ништяк?

Как это ни удивительно, но его вид поднял настроение. Мы помахали ему в ответ.

— Вы понимаете меня? — повторил вопрос Ережеп.

— Да понимаем мы всё, — вылез Стас. — Чего вам надо-то?

— Из доклада генерал-сержанта Кубатая я уже знаю, что вернуться на Землю вы отказались, но теперь я, во-первых, хочу знать, как с вами обращаются эти... — он махнул рукой в сторону сфинксов. — Во-вторых, хочу убедить вас не содействовать проведению их гибельного плана.

— Обращаются нормально, не хуже, чем вы, — сказал я. — А что касается их плана, то правы они, а не вы.

— У вас есть веские доказательства?

— Да, есть, — ответил я и как мог связно рассказал об «очной ставке» с хроноскафами.

Выслушав меня, Ережеп задумчиво помолчал, а потом сказал:

— Что ж, мне трудно привыкнуть к этой мысли, но, похоже, вы правы.

Пока мы так беседовали, сфинксы тревожно переглядывались, то и дело порываясь перебить меня — я разглашал их секреты. Но логика пересиливала: в том, чтобы люди не мешали их плану, они были заинтересованы не меньше нашего.

— Когда вы отправляетесь? — спросил Ережеп. И тут Шидла не выдержал:

— А вот это вам знать ни к чему, — опередил он меня.

— Это в ваших интересах, — проникновенно сказал ему Ережеп. — Я дам команду хронопатрульному флоту не обстреливать вас.

— О своих интересах мы сами позаботимся, — заявил Шидла и потянулся к выключателю. Но за миг до того как экран погас, я успел крикнуть по-русски:

— Сейчас!

Смолянин при этом навострил уши и закивал своей шишковатой головой.

— Что ты им сказал? — угрожающе оскалился Шидла.

— Я сказал «до свидания», — соврал я.

— «Сей-час» — это «до свидания»? — обернулся Шидла к Мегле.

— «Сейчас» по-русски означает «сию минуту», «немедленно», — ответил тот.

— Это по-немецки, — встрял Стас, — ты же немецкий учил. А по-русски это как раз «до свидания».

Сфинксы озадаченно переглянулись.

— Чего вы боитесь-то? — спросил Стас, чтобы сменить тему.

— Люди коварны, — объяснил Шидла печально. — А Ережеп — коварнейший из людей. Мы не верим ни единому его слову. Если он соглашается с тобой, жди подвоха.

— Ну почему вы никому не верите? — возмутился я.

— Потому что нельзя верить тому, кто умеет врать.

Я только махнул рукой. Ну как ему объяснишь, что, если иногда и соврешь, это еще не преступление. Даже на пользу бывает.

— Во избежание вмешательства землян предлагаю отправиться немедленно, — заявил Шидла. — Шурла, давай браслеты.

Тот открыл маленький люк в полу антиграва и извлек оттуда три металлических браслета и три коробочки, похожие на дистанционный пульт телевизора, только раза в два меньше и с единственным переключателем. Как объяснил Шурла, это и были дистанционные пульты. Они включали и отключали эти самые браслеты, которые по-

научному назывались «иммуно-регенераторы», а по-простому — «оживители».

По словам Шурлы, эти браслеты в несколько минут излечивают любые болезни, заживляют раны и могут даже воскресить, если только смерть наступила не от старости. В последнем случае браслеты бессильны.

— А почему у всех таких нет? — с обличительными нотками в голосе спросил Стас.

— Потому что их изобрели совсем недавно, — ответил Шурла, — и они пока что засекречены. Ведь если такой браслет попадет в руки людей, те быстро научатся делать их сами. А мы хотим превратить их в предмет экспорта. Скумбрия, — мечтательно произнес он, — много скумбрии... И валерьянка... Мур-р, для тяжелобольных. Сначала мы сделаем так, чтобы люди не могли разобраться.

— А говорите, врать не умеете, — сказал Стас с укором.

— Это не вранье, это политика.

— Да я не про политику. Я про валерьянку. «Для тяжелобольных», — передразнил он. — Для каких тяжелобольных, если эти браслеты всё излечивают?

— Да-а, — задумался Шурла, — об этом я как-то... — но тут же встрепенулся: — Все правильно! Если больные будут знать, что им дадут валерьянку, они и лечиться не станут.

— Хватит болтать, — вмешался Шидла. — За дело!

Шурла помог нам застегнуть браслеты на запястьях. Надел браслет на лапу и Шидла. Приспособив к нему свой дистанционный блок, он пояснил:

— Видите, тут специальные пазы. Вставляешь, щелчок, и готово. — Он помахал лапой, демонстрируя надежность крепления. — Но я советую вам обменяться блоками.

— Зачем? — спросил я.

— Если что-то случится с одним, другой всегда сможет его выручить. Только учтите, радиус действия блока — четыре-пять километров, не больше.

— Давайте тогда все трое обменяемся, — предложил я Шидле. — Дай мне свой.

Сфинксы переглянулись с мрачными улыбками:

— Ты сам не понимаешь, что говоришь, детеныш человека, — произнес Шидла мягко. — Чтобы сфинкс доверил свою жизнь... Ладно. Нам пора в хроноскаф.

— Подожди-ка, — остановил я его. — Мы кое-что не говорили вам...

И я рассказал о том, как из капсулы там, в музее, вывалился мертвый сфинкс.

— Понимаешь, мы же тогда еще вас не знали и подумали, что это — металлическая скульптура.

— Что ж, — с покорностью судьбе усмехнулся Шидла.— Я был готов к этому. Спасибо, что рассказали, теперь я знаю, что умереть должен в капсуле. Вы же знаете, смерть от голода не доставляет нам неприятных ощущений. — Он помолчал. — Хотел бы я знать, что твои соплеменники сделали с моим трупом. Надеюсь, не подвергли его публичному поруганию...

— Может, его в музее выставили, — заявил Стас. — Ведь, наверное, все, как и мы, решили, что это статуя...

Я подумал, что вряд ли это понравится Шидле. И не ошибся.

— Выставили в музее, — горестно поджал он губы, — на всеобщее обозрение... Хотя чего еще можно было ожидать от людей?

В первый и последний раз в жизни я увидел слезы на глазах сфинкса.

Но тут в разговор вмешался Мегла:

— Брат, я скорблю вместе с тобой. Но подумай вот о чем. Если ты умрешь не от старости, то, найдя твой труп сегодня, мы могли бы тебя оживить.

— Ага, — подтвердил я, — у него на лапе браслет был. — Это я приврал, чтобы поднять Шидле дух. Браслета мы разглядеть не успели.

Мегла значительно покивал головой и снова обратился к Шидле:

— Брат, отдай мне свой блок оживителя, а я немедленно отправлюсь в архивы выяснять, где сейчас находится скульптура сфинкса, которая в двадцатом веке была в том музее. — Он кивнул в нашу сторону.

— Вероятность минимальна, — сказал Шидла, но все же отстегнул дистанционный блок и протянул его Мегле.— В двадцатом веке могли спутать труп сфинкса со скульптурой, но в наше-то время его бы уже давным-давно опознали. Однако мне о таком случае ничего не известно.

— Это так, брат, — согласился Мегла, — но не будем терять надежды. Я немедленно принимаюсь за поиски и сообщу результаты, когда вы будете на пути к Земле.

— Вообще-то я намеревался сначала сделать скачок в двадцатый век и на околовенерианскую орбиту, а уже оттуда на ракетной тяге двигаться к Земле, — сказал Шидла и пояснил нам: — Расстояние между Венерой и Землей слишком велико для того, чтобы преодолеть его одновременно с прыжком во времени. Затраты хронограви тационной энер-

гии были бы огромны, поэтому хроноскаф может двигаться и как обыкновенный космический корабль.

— А, понятно, — сказал Стас, — а я-то все думал: если он вместе с прыжком во времени прыгает и в космическое пространство, как же потом приземляется?

— Как обычная ракета, — кивнул Шидла. — А вообще, я могу сделать и наоборот: сначала отправиться к Земле. Но тут есть сложность. Мы ведь находимся не на открытой площадке, вытаскивать отсюда хроноскаф — слишком много возни...

— Я знаю, как надо, — вмешался Шурла. — Ты делаешь скачок дня на три в будущее и одновременно — на орбиту Венеры. Тогда и Мегле не нужно спешить. Тебе три дня хватит? — спросил он историка.

— Вполне, — кивнул тот. — С избытком.

— Что ж, — согласился Шидла, — на один незапланированный временной прыжок, да к тому же с таким коротким сроком, запаса энергии у нас хватит. Пусть будет так.

Попрощавшись, Мегла и Шурла впрыгнули в антиграв и умчались прочь. А мы втроем забрались в хроноскаф.

— Пристегните ремни, — сказал сфинкс, повозившись с настройкой, — сейчас будем в невесомости. — И нажал кнопку.

На этот раз сознания я не потерял, наверное, потому, что был готов. Но в глазах все же потемнело. А первым, что я увидел, придя в себя, был требовательно пульсировавший на пульте синий огонек.

Шидла ткнул кнопку возле него и, наклонившись к щитку, рявкнул в решетчатое отверстие:

— Слушаю!

— Наконец-то, — раздался пробивающийся через помехи обрадованный голос Меглы. — Весь день вас вызываю. Я нашел, Шидла!

— Ты нашел мой труп?

— Да, если только это не подделка.

— Хотел бы я знать, кому понадобилось подделывать мой труп.

— Видишь ли, брат, в архивах статуя сфинкса из того музея значится бронзовой. Но в описании упомянут браслет на лапе.

— Перекрасили, — уверенно заявил Стас.

— Перекрасили? — переспросил Шидла. — Что ж. Чего еще ждать от людей. — Он печально поник головой. — Они перекрасили мой труп в разные веселенькие цвета, написали на нем всякие словечки... И выставили напоказ. — Он снова приблизил лицо к переговорнику: — Шурла, есть ос-

нования предполагать, что меня перекрасили. Скажи, ты уже видел эту... скульптуру?

— Нет. Но смогу увидеть минут через двадцать. Представь, она на Венере. Семьдесят лет назад ее у землян выкупили. Она стоит в игровом зале Храма Великой Матери-Кошки!

— Да-а, — протянул Шидла обескураженно. — А я ведь видел... меня. Я неплохо сохранился.

— Ну всё, — крикнул Мегла, — я мчусь в Храм оживлять тебя!

— Не спеши, — охладил его пыл Шидла. — Подожди, пока я не прыгну в прошлое. Зачем нам в одно и то же время сразу два живых Шидлы? И еще, брат, прошу тебя, пожалуйста, смой с меня сначала всю эту мерзость. Не хотел бы я через семь с половиной тысяч лет после смерти очнуться в шутовской раскраске.

Когда Мегла отключился, Шидла склонил голову и удрученно сказал сам себе:

— Можно смыть краску. Но можно ли смыть позор?..

Выдержав для приличия паузу, мы со Стасом принялись уговаривать его, что все-таки лучше воскреснуть в своем времени, пусть и покрашенным под бронзу, нежели умереть насовсем.

— Что могут знать детеныши человека о том, что лучше для гордого сфинкса? — риторически вопрошал Шидла и даже жалобно помяукивал. Но было заметно, что́ он рисуется: на самом-то деле он слегка повеселел.

Глава девятая,

самая короткая, в которой Шидла не знает, КОГДА мы попали

Мы летели домой! От радостного возбуждения мы со Стасом чуть не подрались. Он отбирал у меня ракетницу, которую я оставил на память, а я, естественно, не отдавал.

Но вообще-то баловались мы неискренне. Лично я чувствовал, что за эти несколько дней в будущем стал другим. Повзрослел, что ли. И это подтвердилось хотя бы тем, что я не стесняясь сказал об этом Стасу. Тот сразу перестал дурачиться и тоже посерьезнел.

— Точно, — сказал он, и мы засмеялись, потому что это было любимое папино словечко. И мы сразу вспомнили его. И маму. И ее кошек...

Но тут как раз снова замигала синяя лампочка вызова. Мы очнулись от грез и увидели в иллюминаторе огромную тушу хронопатрульного крейсера.

Заволновавшийся Шидла увеличил скорость, перегрузкой вдавив нас в спинки кресел. Но крейсер, не отставая, шел параллельным курсом.

Сфинкс включил переговорник и крикнул:

— Да?!

— Приказываю немедленно остановиться и приготовиться к стыковке, — раздался незнакомый голос. — В случае неповиновения капсула будет уничтожена через тридцать секунд. Время пошло.

— Попытаюсь успеть, — пробурчал Шидла и принялся судорожно настраивать временно́й блок.

— Эй, патруль! — закричал Стас в переговорник. — На борту дети!

— Так мы вам и поверили, проклятые сфинксы, — хохотнули на том конце.

— Вы что, по голосу не слышите? — настаивал Стас.

— По голосу? Ну ты сказал! Голос любой автоответчик подделать может.

— Соедините нас с генерал-сержантом Кубатаем, — вмешался я.

— Кубатай на Земле, и за двадцать секунд с ним не соединить, а через двадцать... нет, через пятнадцать секунд мы атакуем.

Я в ужасе глянул на Шидлу. Тот снова на что-то нажал, и крейсер в иллюминаторе стал виден не так четко, расплывшись в голубой дымке.

— Защитное поле против мезонной пушки — пшик, — снова развеселился голос в переговорнике.

— Патрульный! — крикнул я. — Разве Ережеп не дал команду не обстреливать хроноскаф?

— Была такая команда, — ответил тот, — противоречащая, между прочим, уставу нашей службы. Но — три дня назад. А сейчас она уже недействительна. И мы работаем строго по уставу. У вас осталось пять секунд. Раз, два, три, четыре...

Шидла, закончив наконец возиться с настройкой, нажал красную пусковую кнопку. Одновременно с тем, как патрульный произнес слово «пять». Или даже чуть позже, потому что мы успели увидеть вспышку на борту крейсера и почувствовали сокрушительный удар.

Знакомое уже ощущение, что я куда-то падаю, пронзительный визг в ушах, мелькание красных цифр на зеленом табло...

Я зажмурился. А когда открыл глаза, крейсер из иллюминатора исчез, а в хроноскафе тревожно мигал кроваво-красный свет.

— Повреждение! — прорычал Шидла. — Мне не хватило совсем чуть-чуть!.. Честно сказать, я даже не уверен, когда мы попали.

— В смысле куда? — уточнил Стас.

— Да нет же, мяу! Именно «когда». Неисправность в блоке настройки. Я не знаю, в каком мы сейчас времени.

Часть вторая
ПОЗАВЧЕРА

Глава первая,

в которой сначала охотимся мы,
а потом — на нас

Пульсация аварийных огней продолжала нагнетать тревогу.

— А приземлиться мы сможем? — как бы невзначай поинтересовался Стас.

— Похоже, — не очень-то определенно ответил Шидла. А потом прибавил еще менее утешительное: — Попробуем.

— Может, не будем тогда спешить? — предложил я. — Разберемся сначала получше.

Шидла напыжился и, глянув на меня с нескрываемым презрением, изрек:

— Человек, тебя спасает лишь возраст. Впредь же помни: сфинксы не нуждаются в советах двуногих. — И вдруг, сразу по окончании этой тирады, с раздраженным «мя-а-ау!» треснул лапой по приборному щитку. Прямо как я когда-то.

Красный свет мигать перестал.

— Наладил?! — обрадовался Стас.

— Нет, — признался Шидла, — сломал аварийную сигнализацию.

— А-а, — удовлетворенно протянул Стас.

Как ни странно, но и меня эта новая поломка почему-то успокоила — без тревожного мигания было не так страшно.

— Ладно, — сказал Шидла, — будем садиться. Там все починю. Возможно. — И взялся за управление.

Со свистом и подозрительным кудахтаньем хроноскаф ворвался в верхние слои атмосферы. Теперь стало ясно, где верх, а где низ. Низ — там, куда мы падаем.

— Костя, — спросил Стас по-русски, — ты в Бога совсем-совсем не веришь?

— Отстань, без тебя тошно. — Меня и вправду тошнило. И уши закладывало.

— А я это... все-таки, — пробормотал Стас и принялся неумело креститься.

— Без толку, — охладил я его пыл, — ты же некрещеный.

— Не подумал, — согласился он и прекратил осенять себя крестным знамением. — Слушай, а у египтян было крещение?

— Спятил! Они же не христиане.

— Тогда, может, это поможет? — предположил он и затянул хвалебную песнь Осирису.

— При чем здесь Осирис?

— А я больше богов не знаю.

Хроноскаф врезался в облака и через мгновение вынырнул под ними. При всей абсурдности Стасовых религиозных метаний я принялся подтягивать хвалебную песнь.

— Не скулите, котята, — бросил Шидла почти ласково, — все в порядке. Выпускаю парашют.

Выдавливая из моих легких воздух, на грудь навалился груз. Но не успел я как следует выпучить глаза, как тяжесть исчезла и я почувствовал, что мы уже не падаем, а плавно опускаемся.

И все же меня слегка контузило. Застилавшая глаза розовая пелена не позволяла рассмотреть что-нибудь через иллюминаторы.

— Удача, — заявил Шидла, — мы падаем в реку.

— Ни фига себе удача! — вскричал Стас. — Я же плавать не умею!

— А говорил, что уже умеешь, — уличил я его.

— Умею. Но не очень. В большой ванне умею. Как Смолянин.

— Плавать не придется, — успокоил Шидла. — Хроноскаф не тонет и не пропускает воду. Зато посадка будет мягкой.

— Да? — недоверчиво проворчал Стас. — И что, мы по течению прямо в океан поплывем? А потом что?

— Глупый детеныш, — усмехнулся Шидла. — Инженеры Венеры предусмотрительны.

— Ты, сфинкс, — вдруг угрожающе сказал Стас, так, словно «сфинкс» было ругательным словом, и приблизил сердитую пухлую физиономию к самому лицу Шидлы. — Если ты еще раз назовешь меня или его, — он указал пальцем в мою сторону, — «глупым», мы своим потомкам оста-

вим легенду, что на Венере живут разумные слоны. Вот с такими хоботами! — он развел руки, показывая размер. — Понял?!

«Фрустрация порождает агрессию», — как-то сказал папа. Это из психологии. А фрустрация — это когда все плохо. Как сейчас.

Шидла выдержал мрачную паузу. Потом заявил:

— Бесполезно. Не выйдет. Я уже существую.

— Существуешь, — согласился Стас с недоброй ухмылкой. — Пока. А будешь обзываться, будет слон существовать. — Он скорчил противную рожу и сначала сделал движение, словно вытягивает себе нос, затем приставил ладони к ушам и похлопал ими по щекам. — Ясно?

— Ладно, — со вздохом сказал сфинкс, — я больше не буду.

Это была победа Человека! Но насладиться ею в полной мере нам не позволил удар капсулы о воду. Меня выкинуло из кресла, выдрав с мясом концы ремней безопасности. Видимо, капсула пару раз кувыркнулась в воде, потому что мы трое, сцепившись в клубок, дважды оказывались то на потолке, то на полу.

Удивительно, но никто ничего не сломал, и мы со Стасом отделались только ушибами. Наверное, оттого, что рубка хроноскафа все же очень маленькая. И оттого, что Шидла сгреб нас и крепко прижал лапами к брюху.

— С приземлением, — проворчал Стас, гордо высвобождаясь из объятий сфинкса и тряся башкой. — Точнее, с приводнением.

Хорошо, что в конечном счете капсула остановилась потолком вверх. Шидла как ни в чем не бывало улегся между нашими креслами перед пультом и, пустив реактивные двигатели на малый ход, подогнал капсулу почти к самой земле. Крышка откинулась. Мы высунули головы наружу. От зеленого, буйно поросшего тропической растительностью берега нас отделяло еще метра четыре.

Находящаяся над водой часть хроноскафа и окружавшие ее крокодилы сверху, наверное, выглядели как втулка и спицы в велосипедном колесе. Нет, в мотоциклетном — там спицы плотнее набиты. И их в мутно-зеленой прибрежной воде становилось все больше.

— Это очень кстати, — заявил Шидла, спустился обратно в капсулу и вернулся с муми-бластером в лапе. Минут пятнадцать он с остервенением превращал крокодилов в неподвижные болотно-коричневые бревна. Вскоре между капсулой и покрытым красноватым илом краем сухой земли

образовался надежный мост, точнее даже настил из одеревеневших рептилий. Но идти по нему было все-таки боязно. При каждом шаге казалось, что именно этот хищник очнется и обкусает нам жуткой пилообразной пастью лишние, по его мнению, конечности.

Но все обошлось. Шидла, двигаясь к берегу, тянул за собой тонкий металлический трос. Выбравшись, он обвязал им ствол ближайшей пальмы, защелкнул карабин и повернул рукоятку на нем. На борту хроноскафа натужно взвыл движок, и капсула стала быстро подтягиваться к берегу.

— Зря ты все-таки наорал на него, — сказал я Стасу. — Что ни говори, инженеры у них классные.

— Ага! — деланно восхитился Стас. — Лебедку придумали! — и глянул на меня презрительно.

Оставляя широкую борозду в почве, капсула уже ползла по берегу. Поворотом рукоятки Шидла остановил ее. А Стас нахмурился и тут только ответил мне всерьез:

— Ничего не зря. Мало ли что инженеры. Обзываться я ему все равно не позволю.

— А он, между прочим, хоть тип и неприятный, а вот спас же нас обоих.

— Нужен ты ему! — скривился Стас. — Ему потомок наш нужен, который сфинкса изобретет. Да еще петлю времени замкнуть надо. А так стал бы он с нами возиться...

Возразить было нечего, но все-таки Шидла вызывал у меня не только отрицательные чувства.

А он тем временем с инструментами в руках уже колдовал возле хроноскафа.

Мы наконец-то огляделись и прошли несколько шагов в глубь зарослей. Пальмы, тростник; похожий на акацию кустарник, разноцветные птицы, бабочки...

— Как ты думаешь, где мы все-таки, а? — спросил Стас. — И в каком времени?

— В том-то и дело, что мы не знаем ни того, ни другого. Если бы знали, что мы, например, в Западной Сибири, то было бы ясно, что попали в доисторическую эпоху. А так...

— Не, — махнул рукой Стас, — если времена доисторические, то должны быть динозавры. А крокодилы — наши, исторические.

— Балбес ты. Крокодилы и при динозаврах жили, это очень даже древние животные.

— И черепахи еще, правильно, — согласился Стас. Я не понял, при чем тут черепахи, но возражать не стал. Тем более что он тут же вполне резонно заявил: — Тогда, выхо-

дит, сюда в любой момент тиранозавр выскочить может. Пойдем у Шидлы бластер возьмем.

Мы вернулись к хроноскафу.

— Починишь? — спросил Стас у сфинкса.

— Да, — ответил тот бодро, — завтра будет как новенький. Тогда сможем узнать, в каком мы веке.

— А мы уже почти вычислили, — похвастался Стас, но распространяться не стал, потому что на самом-то деле гордиться было нечем: наличие крокодилов еще ни о чем не говорит. Поэтому он сразу сменил тему: — Дай бластер, мы на динозавров поохотимся.

Шидла прекратил копаться в рваной дыре на общивке и внимательно на нас посмотрел.

— Вот это правильно, — согласился он, — бластер возьмите, мало ли что. — И он протянул мумификатор. — Сам-то я, если понадобится, и так отобьюсь. Но — никакой охоты. Вы не должны упускать друг друга из виду. Тем более солнце уже идет к закату.

— Хорошо, — неохотно согласился Стас, — мы тут, поблизости.

И все же охота получилась. И славная. И с информационной точки зрения полезная. Стоило нам вновь чуть-чуть углубиться в чащу, как из кустов вышел лохматый и рогатый зверь, похожий на буйвола или зубра, и деловито двинулся прямо на нас. Глаза его были налиты кровью, и настроен он был явно недружелюбно.

Я закричал: «Стреляй, Стас, стреляй!» Тот пальнул. Раздался грохот, чаща осветилась молнией, и зверь как подкошенный рухнул в паре шагов от нас.

— Млекопитающее, — разочарованно промолвил Стас.— Костя, динозавров не будет.

Я не разделял его грусти:

— Ну и ладно. Зато будет ужин.

Мы сбегали за Шидлой. Тот немного поворчал на тему изнеженности человеческой расы и неспособности хоть немного потерпеть голод, но тушу все-таки ловко освежевал и перенес к хроноскафу. За сохранность мяса можно было не беспокоиться — после порции муми оно просто не могло испортиться.

Темнело с южной стремительностью, и мы со Стасом, вновь для безопасности захватив бластер, отправились на поиски хвороста. А примерно через час мы уже сидели у шикарного костра под густо усыпанным звездами небом. И за обе щеки уписывали зажаренные на острых деревянных кольях душистые куски.

Искры от костра мчались вверх, дразня своей красотой,

отражаясь в темных тревожащих водах. Шидла был просто неузнаваем. Венерианская спесь слетела с него как шелуха. Подобравшись к самому огню и смачно чавкая, он мурлыкал, как большой счастливый кот, и грубоватым добродушным говором стал походить на какого-то американского негра-раба из «Тома Сойера» или «Хижины дяди Тома». Не хватало только обращения «масса» — «масса Стас», «масса Костя»... Похоже, атмосфера пикника влияла на него благотворно. Да он и сам признался:

— Эх, котята. На Венере-то флоры с фауной вовсе нет. Я свой мир люблю, но хочется порой чего-нибудь такого... Посидеть у живого огня — мечта любого сфинкса. Я вот хоть на Земле бываю. Но это тоже, знаете ли... Тараколли... К каждому их логову проложена стеклопластовая дорожка... Там, в Андах, в заповеднике нет ни одного понастоящему дикого уголка. Не умеют люди ценить своего счастья!

Стас, хоть и тоже размяк у костра, но духа противоречия напрочь не лишился:

— Сами виноваты, что у вас ничего нет. Кто вас просил останавливать преобразование Венеры?

— Это, котенок, политика, — вздохнул Шидла, — политика, будь она проклята. Если бы мы сделали Венеру пригодной для жизни людей, они или так, или эдак все равно завладели бы ею. Не войной, так миром. Просочились бы. В каждую щелку бы пролезли. Люди... — Он вновь вздохнул. — Если бы не люди, котенок, мы давным-давно превратили бы Венеру в цветущий сад. А если бы...

Но что «если бы», мы так и не узнали, потому что плавную речь Шидлы прервал пронзительный вой из чащи леса. Сфинкс резво вскочил и, крикнув: «Я сейчас!» — кинулся на таинственный звук.

Вернулся он минуты через три, дрожа от возбуждения.

— Кошка, — почти кричал он взволнованно. — Огромная черная самка! Почти такая, как я! Она меня видела!

— Пантера, — определил я.

— Пантера? — переспросил он. — Что такое пантера?

— Дикий зверь из породы кошачьих, — пояснил я. — А бывают еще львицы, тигрицы...

— Это что, тоже... кошки? — не веря своим ушам, уточнил сфинкс. Глаза его пылали сумасшедшим огнем.

— Ну, не совсем, — сказал я. — А что, в двадцать пятом веке их нет?

Шидла уверенно помотал головой:

— Мы бы знали. Есть только кошки и сфинксы... Как, ты сказал, они называются?

— Пантеры, львицы, тигрицы, — вмешавшись, принялся перечислять Стас с садистскими интонациями, — леопардихи, гепардихи, рысихи...

— У них ведь, наверное, те же хромосомы, — не дослушав, заговорил Шидла с блуждающей сомнамбулической улыбкой. — Мы бы, наверное, даже могли бы э-э-э... — Он вдруг смутился. — Могли бы...

— Нет, — категорически заявил Стас, — все равно неинтересно. Это как если бы человек с обезьяной. Хотя вообще-то может быть, это и...

Ох и прыткий же у меня братец. Откуда что берется?

— Стас! — осадил я его. — У зеленой макаки, между прочим, СПИД нашли.

Шидла, не понимая, о чем идет речь, переводил взгляд с него на меня. Потом вдруг хитро прищурил глаза и заявил:

— Всё. Котятам пора спать.

И загнал нас в хроноскаф.

Да мы и не сопротивлялись. Усталость брала свое, благо кресла, наподобие самолетных, имели откидные спинки.

...Когда на рассвете мы, потягиваясь, выползли из капсулы, Шидла остервенело копошился в ее внутренностях. Вид у него был несвежий. На щеке красовалась глубокая царапина. Не видя нас, он разговаривал сам с собой.

— Всё не так просто, брат сфинкс, не так просто, — бормотал он печально, — они большие, они красивые... но — тупые...

— Бывает, — сказал Стас.

Шидла вздрогнул и затравленно оглянулся на нас.

— Пошли на охоту, — торопливо сменил я тему.

— На кой? — удивился мой бестактный брат. — У нас же мяса еще на неделю.

— Ну, пойдем фруктов насобираем, — настаивал я, — там финики есть, инжир...

— Ну айда, — согласился Стас.

Шидла не возражал. Точнее, отвернувшись и излучая безмолвное смущение, он вел себя так, словно нас не существует вовсе. И мы, прихватив в качестве корзинки легкий пластиковый футляр из-под его инструментов, двинули в заросли.

Финики, инжир и виноград, которые так и лезли нам в руки с первых шагов, мы поначалу клали не в футляр, а

прямо в рот. Так мы углубились в заросли метров на сто, любуясь цветами, наблюдая за потешной игрой обезьян на лианах.

— А вот и твои подружки, — ехидно сказал я Стасу.

— А вот — твои, — мстительно ответил он, кивнув на парочку неприятных животных, наверное гиен, которые, опасливо высунувшись из кустов, провожали нас трусливыми голодными взглядами. И тут я вдруг вспомнил, что на этот раз мы безоружны. Забыли. Я остановился и поделился своими опасениями с братом.

— Да брось ты, динозавров-то нет, — возразил он.

— А буйволы, львы?! А если люди?..

— Какие люди?! Дикая природа! — И он дурашливо закричал: — Люди! Люди, ау!

Люди не заставили себя долго ждать и вышли из-за стволов пальм. Мы оторопело огляделись. Мы были окружены, и люди явно были воинами. Смуглолицые, низкорослые и худощавые, в набедренных повязках, с амулетами на шеях, с темными глазами, разглядывающими нас из-под длинных, украшенных цветными перьями волос. В руках они сжимали короткие копья. «Дротики», — вспомнил я название и картинку в учебнике истории. Только не мог вспомнить, к какой главе эта картинка, к какому периоду.

— Наконечники-то металлические, — сказал Стас без тени страха в голосе; похоже, он уже потерял способность пугаться и удивляться. — Значит, не дикари. — Говоря это, он протянул руку к дротику воина, стоящего буквально в двух шагах от нас. Тот, дико вскрикнув, отскочил в сторону и залопотал испуганно:

— Ымазан лами — дор Апоп умумун![1]

А лопотал-то он на чистейшем древнеегипетском!

Глава вторая,

в которой мы убеждаемся, что наш старый знакомый имеет скверный характер, однако приобретаем и более добродушных друзей

Вначале нас тщательно обыскали. У Стаса отобрали фотографию Кубатая и Шидлин футляр для инструментов. А у меня предводитель египтян нашел уже использованную

[1] Имеющий белую кожу — слуга черного Апопа *(возм., др.-егип.)*; Апоп — древнеегип. царь тьмы. — *Прим. авторов.*

ракетницу и нетронутую освежающую пастилку кулинара Толяро. Только ключи от музея, лежавшие в кармашке на «молнии», не нашли.

— Ты пожуй, пожуй, — коварно посоветовал Стас. Но предводитель только подозрительно понюхал пастилку и засунул ее за широкий кожаный ремень. Потом он минут пять пытался содрать с наших рук браслеты, но ничего у него не вышло. Думаю, будь браслеты золотыми, он бы не удержался и отрезал бы нам руки. А так лишь вздохнул, на всякий случай дал Стасу подзатыльник и приказал:

— Шомба авилли жави![1]

Это ж надо — угодить как раз в Древний Египет! Подфартило!

Стас не выдержал:

— Угар тен Сетга, паз авилла, зап удаунак![2]

Египтяне от ужаса разинули рты, а двое даже уронили со страху дротики. Первым оправился предводитель. Он спросил (я сразу буду переводить на русский):

— Вы умеете говорить на языке настоящих людей, дикари?

— Ты — дикарь, — гордо повторил Стас. — Мы — слуги Осириса. И если вы нас немедленно не отпустите, Осирис примет самое жуткое из своих воплощений и покарает вас.

Двое слабонервных стражников принялись бормотать хвалебный гимн Осирису, но их начальник прикрикнул на них, и те замолкли.

— Откуда нам знать, вдруг вы слуги Сета, а нас обманываете? — подозрительно спросил он. — Я — Доршан, верный слуга фараона, тот, кто подпирает его левую туфлю, когда фараон сходит с колесницы на болотистую землю низовий Нила. Как ты докажешь мне, прославленному Доршану, что вы те, за кого себя выдаете?

Мы растерялись. Почему-то мне казалось, что древние египтяне были очень суеверными и обмануть их не стоило труда. А Доршан, удовлетворенный нашим молчанием, приказал слабонервным стражникам:

— Вяжите их крепко. Мы отвезем бледнолицых к фараону, и тот решит, слуги они Осириса или прислужники Сета.

Нам быстренько связали руки за спиной и поволокли через джунгли. Стас грустно сказал мне по-русски:

---

[1] Быстренько свяжите дикарей! *(возм., др.-егип.)*

[2] Осквернённый объятиями Сета, ты — дикарь, я настоящий человек! *(возм., др.-егип.)*

— Ничего, Шидла нас спасет. Это в его интересах.

Я грустно кивнул. Нам оставалось только надеяться на помощь Шидлы... ну или попробовать обмануть фараона.

— Как зовут-то вашего фараона? — сдуру ляпнул я. Доршан сатанински захохотал:

— Что, слуги Осириса не знают, как звать его наместника на Земле? Ха-ха! Вы попались, прислужники тьмы!

Теперь нас тащили вперед гораздо быстрее и периодически подпихивали тупыми концами дротиков. Стас презрительно посмотрел на меня, но ничего не сказал.

Примерно через час мы вышли к реке. То ли к той, где приводнился хроноскаф, то ли к другой — не знаю. Но сфинкса поблизости не было, зато вблизи берега стояла ладья с несколькими охранниками. Охранники, распевая легкомысленную песенку о боге Анубисе[1] и его скверных привычках, пихали длинными копьями резвящихся в воде крокодилов. Увидев процессию, они обалдели и быстро подогнали ладью к берегу. Нас погрузили, и ладья двинулась вверх по течению.

Меня со Стасом оставили на корме под охраной двух трусоватых стражников. Те явно были рады не грести, но поглядывали со страхом. Стас поерзал-поерзал и решил завязать разговор:

— Мужики, клянусь, мы слуги светлого Осириса, а не темного Сета! Меня зовут Стас, а моего брата — Костя. Освободите нас, вам же лучше будет!

Тот из стражников, что был помоложе и потолще, откашлялся и важно сказал:

— Я старший держатель подставки для копья младшего копейщика. Меня зовут Быстроногим в беге, Задумчивым в бою, а близкие друзья называют Ергеем. Я бы рад помочь слугам Осириса, да взлетит он так высоко, что не сможет разглядеть, куда спускаться! Но, как верно сказал прославленный Доршан, надо убедиться, что вы те, за кого себя выдаете.

Стас вздохнул и посмотрел на второго стражника. Тот погладил залысину и произнес:

— Я младший держатель ножен меча старшего мечника. Меня зовут Сладкоголосым на пиру, Скромным в сражении, а близкие друзья называют просто Уликом. Я тоже рад бы помочь слугам Осириса, да позеленеет он от радости ярче молодого папируса! Но подлинно ли вы слуги его?

---

[1] Анубис — бог царства мертвых. — *Прим. авторов.*

— Ни фига нам не поможет, Стас, — сказал я по-русски.

— Ничего, обхитрим, — крепился Стас. — Только не забудь меня оживить, если что.

— Взаимно, — сказал я.

С низовий реки дул свежий ветерок, наполненный комарами и запахом гнилых крокодилов. Солнышко ласково жгло нам головы. Ергей с Уликом принялись обмахиваться маленькими деревянными щитами. Потом, видимо решив подстраховаться, стали изредка обмахивать и нас. Солдаты, сидящие на веслах, завистливо на них поглядывали, но молчали. Доршан задумчиво глядел вдаль. Возможно, он мечтал, что после нашей поимки его сделают опорой правой туфли фараона при его схождении на сухую почву.

От скуки я задремал, хотя связанные руки и болели. А Стас продолжал болтать со стражниками. Сквозь сон я слышал их разговор и узнал, что Ергей с Уликом были не просто воинами, а еще и придворными шутами. Фараон разгневался на них за какую-то слишком удачную остроту и повелел быть стражниками до особого знака богов. Теперь они тихонько надеялись, что наше появление и есть то знамение, которое вернет им фараонову милость. Тем более что у фараона намечалась свадьба с новой женой и он должен быть в хорошем настроении. Услышав это, я совсем загрустил. Слишком много надежд питали все в связи с нашим появлением, чтобы так просто взять и отпустить.

Ближе к вечеру нас напоили забортной водой и покормили толчеными стеблями папируса. Выглядели они аппетитно, но по вкусу напоминали жеваный картон. Зато вода была именно тем, чем она и выглядела: грязной речной водой. Глядя на Доршана, который задумчиво грыз вяленый крокодилий хвост, я начал злиться. Ох и задаст же этим балбесам Шидла... если найдет нас, конечно.

Потом мы проплыли мимо пирамид. Так, ничего особенного. Пирамиды были маленькие и жалкие, даром что облицованные белым известняком. Мы, наверное, попали в очень древний и слаборазвитый Египет.

Но даже самые нудные поездки однажды кончаются. Мы подплыли к городу — там было очень много маленьких, крытых папирусом хижин и десятка два больших каменных зданий. Нас выгрузили и повели в самое большое и каменное. Идущие по улицам кривоногие крестьяне и криворукие ремесленники низко кланялись стражникам и разевали рты, глядя на нас. Десятка два голых и грязных

детей увязались следом, но Ергей метко запустил в них камнем.

— Египет времен упадка, — грустно сказал Стас.

— Наоборот, времен становления, — возразил я. — Они еще не успели ничего толком настроить. Лет через тыщу — настроят!

— И надорвутся, — предсказал Стас. Он был сегодня агрессивен.

Во дворце по крайней мере было тихо. Возле входа стояло с десяток колесниц, которые тер грязным пучком травы однорукий солдат. Наверное, ветеран какого-то похода. Колесницы были довольно скромными и изрядно потрепанными. Только одна выглядела добротно и была украшена разноцветными перьями. Стас предположил, что это — колесница фараона. Он спросил у Ергея, но оказалось, что шикарная колесница принадлежит верховному богу Ра и кроме него никто, даже фараон, в ней ездить не смеет. Впрочем, и Ра своим правом как-то не злоупотребляет.

Во дворце нас притащили в огромный зал, где сидело с десяток хорошо одетых (в разноцветных юбках) вельмож и стояли человек двадцать охраны. Тут нас и оставили ждать фараона, пока Доршан бегал докладывать об удивительных пленниках.

Пока мы стояли и ждали, из приоткрытой двери осторожно скользнула в зал кошка. Противная до жути, настоящая древнеегипетская. Стас обрадовался и стал ее звать:

— Кис-кис...

Наверное, решил, что если священное животное к нам хорошо отнесется, то это произведет благотворное впечатление. Кошка навострила уши, подумала и робко пошла к нам. Но Улик схватил дротик и без лишних разговоров поддал им кошке под зад. Та мяукнула, обиженная в лучших чувствах, и убежала.

«Бедный, — подумал я об Улике. — Умом тронулся от радости. Сейчас его сварят в кипящем масле».

Но придворные одобрительно захохотали. И я сообразил: эти египтяне такие древние, что кошки у них еще не стали священными животными.

И тут раздался барабанный бой. Какой-то мужичок с окладистой бородкой выскочил на середину зала и сказал:

— Приветствуем дружными аплодисментами и падением на пол появление земного воплощения Гора, владыки Нижнего, Верхнего и прочего Египта, четырехкратного победителя в гонках на боевых колесницах, автора «Малой молитвы владыке Земли» и трактата «Об укушении кроко-

дилом и последующем исцелении» — великого фараона Неменхотепа IV!

Все попáдали на пол, и я понял, почему во дворце было так чисто. Нас со Стасом тоже заставили улечься.

Прошла пара минут, и по звуку шагов мы догадались, что появился фараон. Лежащие придворные начали громко аплодировать. Мы со Стасом не сговариваясь присоединились к аплодисментам. В нашем положении особенно важничать не стоило...

Но вот овации отгремели, и нам позволили подняться. Мы глянули на пустой ранее трон... и обомлели. Важно рассевшись на нем, закинув ногу за ногу, нацепив на голову сразу две короны, на нас смотрел старый знакомый — фараон из музея! Только сейчас он был живым и, наверное, поэтому не казался таким злым.

С перепугу меня посетило вдохновение: я понял, что наш рейтинг слуг Осириса поднимет длинное и складное заклинание на неизвестном фараону языке.

— Пой! — сказал я Стасу.

— Что? — не понял он.

— Что угодно, но по-русски!

Стас очумело глянул на меня, но послушно набрал полную грудь воздуха и запел шлягер сезона, песню «Осень» Шевчука:

Что такое осень? Это небо,
Плачущее небо под ногами...

Писклявый голосок Стаса, тянущий непривычный для египтян мотив, произвел действительно сильное впечатление. Фараон вдруг закашлялся, прижимая ко рту рукав, Ергей с Уликом закрыли глаза и стали легонько помахивать в воздухе копьями, а Доршан выхватил короткий бронзовый меч и угрожающе поднял его в воздух. Не давая египтянам опомниться, я запел на их родном языке самый умиротворяющий кусок из «Воскресения Осириса»:

Удовлетворен Атум, отец богов,
Удовлетворен Шу с Тефнут,
Удовлетворен Геб с Нут...
Удовлетворены все боги, находящиеся на небе,
Удовлетворены все боги, находящиеся в земле,
находящиеся в землях,
Удовлетворены все боги южные и северные,
Удовлетворены все боги западные и восточные,
Удовлетворены все боги номов,
Удовлетворены все боги городов...

— Хватит, — прервал меня фараон, — все довольны. Верю. Пусть твой брат прекратит пищать. Лучше расскажите мне свою историю.

Да, с суевериями у египтян тяжко... Зато фараон казался миролюбивым. Пока Стас прекращал петь (он это сразу делать не умеет, а затихает, как проигрыватель, выдернутый из розетки), фараон еще раз закашлялся. И когда он отнял рукав ото рта, я увидел темное пятно. Туберкулез, догадался я, чахотка.

Немного успокоившись, я рассказал фараону всю правду. О том, что мы с братом — слуги Осириса, похищенные им далеко на севере сто лет назад. И о том, как Осирис решил искупаться в Ниле и взял нас с собой, чтобы мы несли его сандалии (Доршан, гордящийся своей честью подпирать сандалии фараона, побелел от зависти). И вот сейчас нас взяли в плен глупые солдаты, а всеблагой Осирис стоит среди крокодилов в грязной воде и ждет свою обувь. Так что нас нужно поскорее отпустить.

— А где сандалии-то Осирисовы? — поинтересовался фараон хитро. — Хоть взглянуть бы одним глазком...

— Мы их выронили, когда стражники напали, — вмешался в разговор Стас. — А они сразу стали невидимыми. Так и лежат на берегу.

Ой, зря это Стас начал мистику примешивать! Мой деловитый рассказ о купании Осириса фараона как-то развеселил, а тут он снова помрачнел.

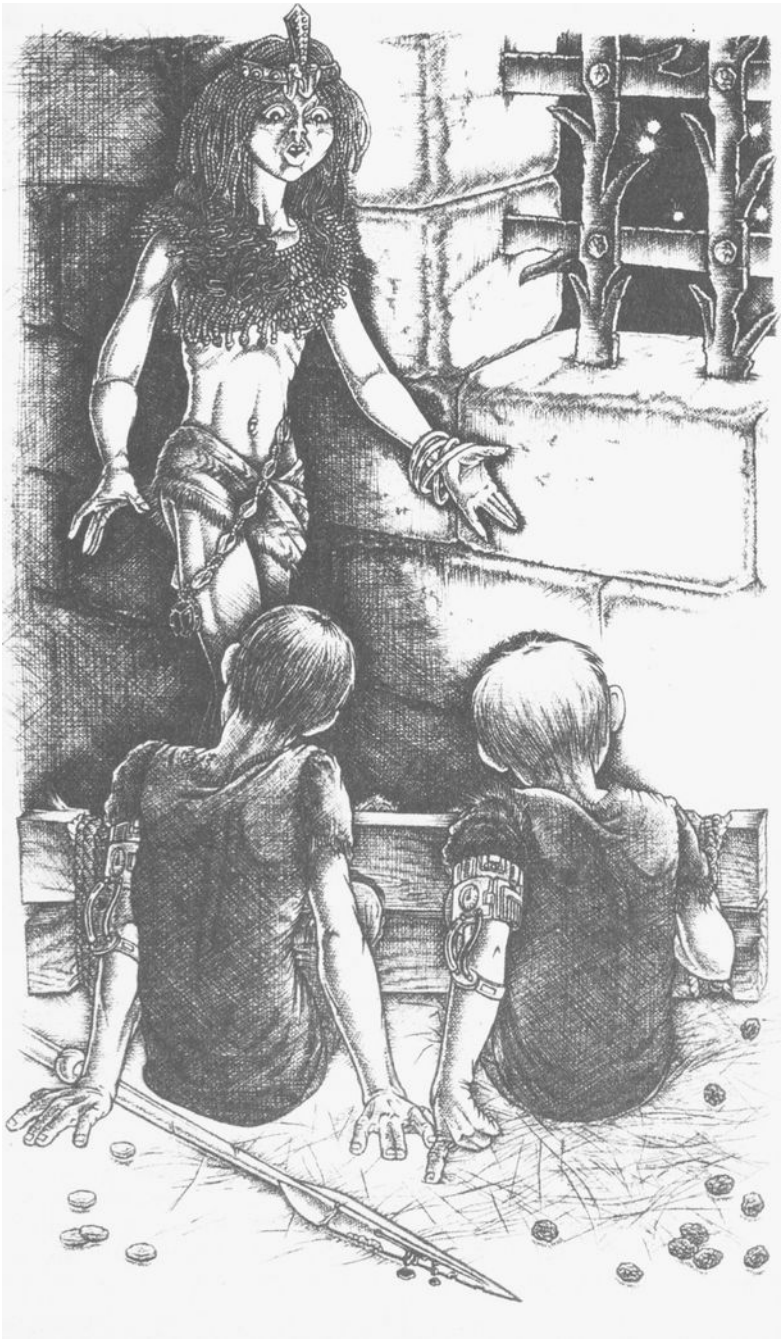
— Что посоветуют мне придворные? — поинтересовался фараон. — Что с этими врунами делать?

Придворные переглянулись. Наконец один вышел вперед:

— О всеблагой фараон, стопами попирающий земную твердь, головою окунающийся в небесную реку, я, как ты помнишь, Аширн, твой советник от Севера. Наши предки говорили: не клади всех детей в одну лодку. Это мудрая мысль, она означает: предусматривай любые неожиданности. Даже если белые чужеземцы не слуги Осириса, следует отнестись к ним с почтением и отпустить. На всякий случай.

Мне очень понравились слова Аширн, я едва не зааплодировал. Но тут вперед вышел другой советник и сказал:

— Я, Гопа, представитель солнечного Юга и верховный жрец бога Ра, против такого мягкосердечия! Надо отстегать их плетьми во славу Осириса, а тогда уж выгнать вон! Если они — слуги Сета, то Осирис будет доволен. А если слуги Осириса, то светлый бог не обидится, что мы побили их за нерадивость.



Жрец мне меньше понравился. Но все-таки — отпустить...

Добрый фараон еще раз прокашлялся, а потом заявил:

— Оба вы не правы, мои мудрые советники. Мы поступим так: отнесемся к незнакомцам с почтением и посадим их в лучшую темницу. Ту, что для моих строптивых родственников. Будем кормить их мясом и поить пивом, а послезавтра, в день моей свадьбы с прекрасной Хайлине, сожжем обоих на шикарном костре из сандалового дерева. Осирис не пожалеет для меня двух своих слуг. Тем более таких нерадивых, что не уберегли его сандалии.

И величавым жестом фараон дал понять, что аудиенция окончена.

— ...Это ты виноват, — бубнил Стас, сидя на куче соломы в лучшей темнице фараона, — ты старший. Должен был что-то придумать и спасти нас.

— Ты пел плохо, — огрызнулся я, — а у фараона слух музыкальный. Вот он и рассердился.

Стас примолк и подошел к решетчатой двери, за которой в маленькой комнатке сидели наши стражи: Ергей с Уликом. Схватился за решетку, как павиан в зоопарке, и замер.

Стражники не обращали на него внимания. Ергей чертил дротиком на мокром глиняном полу иероглифы и смеялся от радости, если получалось. Улик, подперев голову ладонью, негромко пел.

Стас немного повнимал песне, а затем крикнул:

— Эй!

Улик, прекратив мурлыкать мелодию, повернул голову:

— Чего тебе, слуга Осириса?

— Пить хочу! — заявил Стас.

— Пиво? — спросил Улик.

— А хоть бы и пиво, — ответил Стас.

Улик подал ему через решетку маленький кувшинчик.

— Алкоголик, — подтвердил я прежний диагноз.

Стас смутился:

— Ну, в будущем же пили, надо теперь в прошлом попробовать...

Он понюхал пиво, опустил туда палец, осмотрел его и брезгливо сказал:

— А может, и не надо.

Ергей, у которого получился сложный иероглиф «воин», разразился веселым смехом. Улик посмотрел на него, потом шепотом спросил:

— Эй, слуги Осириса, хотите свежих сладких фиников? И чистой воды из колодца?

— Когда Осирис придет за нами, тебе зачтется твоя доброта, — сказал оживившийся Стас.

— Да Сет с ним, с Осирисом. Меня тут просят закон нарушить... ну, пропустить одну дамочку поглазеть на вас. Она мне за это денежку даст. А я вас не обижу. Только никому не говорите, ладно?

— Мы не в зоопарке! — возмутился Стас и затряс руками решетку. — Нé фига водить всяких! За горсть фиников Осириса продаешь!

— Да остынь, — прикрикнул я на него. — Фиников свежих хочешь?

— Хочу, — молниеносно сменил тон Стас. — Ладно, Улик. Только вначале финики, потом дамочка.

— А можно наоборот? Дамочка вечером, а финики утром?

— Можно. Только финики вперед, — ответил начитанный Стас. Улик задумался.

— Эй, слуги Осириса, как по-древнеегипетски будет «сорок»? — крикнул нам Ергей. Он, видно, начал тренироваться в счете.

— Перумга, — буркнул Стас. — Ну что, Улик?

— Темно уже, как я финики рвать буду? — пробовал сопротивляться Улик.

— Твои проблемы, — отрезал Стас.

Улик вздохнул и удалился за финиками. Ергей разулся и загибал пальцы на ногах. Наверное, отмечал десятки. Как на счетах. Стас тоже это понял, потому что спросил:

— Интересно, а чем он первую сотню отметит?

— Молчать, — вяло приказал я. — Тоже мне Ржевский нашелся.

— Скучно, как на необитаемом острове, — пожаловался Стас. Но тут вернулся Улик с гроздью фиников.

— На базар пришлось бегать, — пожаловался он нам.

— Дорого? — участливым тоном поинтересовался Стас, уплетая финики.

— Как вам сказать... — вытирая куском папируса дротик, уклончиво ответил Улик.

Я подавился фиником, а толстокожий Стас лишь пожал плечами и произнес:

— Не могу сказать, что мне такой товарообмен совсем уж не нравится.

Я подумал и тоже продолжил пожирание фиников. И тут в дверь тихо постучали. Улик сбегал к двери, отпер засов, выглянул и принялся часто кланяться, говоря:

— Входите, молодая госпожа, входите, слуги Осириса лежат у ваших ног.

Мы уставились на дверь. И увидели девчонку лет двенадцати, смуглую и тонколицую, закутанную в разноцветные накидки. В ее волосы был воткнут стебелек зеленого папируса. Мне она сразу понравилась.

— Ха, соплячка какая-то, — грубо сказал Стас. Хорошо хоть по-русски сказал. Я дал ему подзатыльник. За непочтительность.

— Ты чего? — обиделся Стас. Но потом глянул на меня внимательно, прищурился и ехидно бросил: — Все ясно. Влюбился, братик.

Тут девчонка подошла к самой решетке и ласково на очень мелодичном древнеегипетском сказала:

— Мальчики, бедные, вас тут хоть кормят?

— Откуда ты знаешь, что мы мальчики? Мы ростом со взрослых! — с подозрением посмотрел на нее Стас.

— Ну и что? Это взрослые боятся поверить, что вы можете быть детьми, но с них ростом. Ведь тогда ваши родители — великаны. А я-то вижу — у вас лица глупенькие.

Я взглянул на Стаса, ожидая услышать от него поток встречных оскорблений. Но мой вздорный братец смотрел на девчонку и жмурился, как наевшийся сгущенки котенок. Да уж, если кто у нас влюбился — так это он.

— Как ты смеешь так нагло говорить со слугами Осириса? — неуверенно возмутился я.

— Так и смею! — девчонка надула губки. — Я — Хайлине, невеста фараона. Вот! Что хочу, то и ворочу!

— Тогда... Может, ты нас спасешь? — неуверенно спросил Стас. Хайлине покраснела и опустила глаза.

— Ой, ребята... Нет, не смогу. Я же только невеста, а не жена. А когда стану женой — вас уже сожгут.

Мы подавленно молчали.

— Я прикажу, чтобы вам дрова маслом облили, — попробовала утешить нас Хайлине. — Вы тогда быстро сгорите, раз — и готово!

Но нас это не утешило. Тут к Лине (мы со Стасом не сговариваясь так ее стали звать) подошел Улик и грустно сказал:

— Сейчас будет проверка караула, молодая госпожа. Уходите. Посмотрели — и будет.

Лина взглянула на наши печальные лица и спросила стражника:

— А можно завтра еще подойти?

— Завтра? Да мы хотели смениться...

— Полталанта серебра дам, — прошептала Лина.

Улик клацнул зубами и сказал торопливо:

— Можно завтра. Можно послезавтра. Всё можно.

Лина помахала нам рукой и вышла.

А мы с братом начали устраиваться на ночь: разгребли солому на две кучи и улеглись на них.

— А дома сейчас ужин, — мечтательно сказал я, глядя на решетку. — Макароны с мясом.

— Уймись, чревоугодник, — замогильным голосом отозвался Стас. А через минуту, когда я уже стал засыпать, добавил:

— Такую девчонку встретили — и вдруг умирать надо. Обидно...

Мне тоже было обидно. Поэтому я стал придумывать, как бы нам все-таки отсюда выбраться. И уже почти придумал, но заснул.

Глава третья,

трагическая

Хайлине пришла утром.

— Мальчики, расскажите что-нибудь,— попросила она,— о землях, откуда вы пришли, о том, как там люди живут... Здесь у нас так скучно, просто ужас. Ничего не происходит.

— Но как-то вы все-таки развлекаетесь, — неуверенно возразил я.

— Да, — задумчиво ответила она, — иногда какого-нибудь пленника-нубийца крокодилам скармливают. Только мне это уже давно надоело.

Я опасливо глянул на нее и поспешно сменил тему:

— А я читал, у вас, в Древнем Египте, театр очень развит.

— Театр? — удивилась Лина. — А что это такое?

— Ну, это когда мужчины и женщины переодеваются и играют разные сценки.

— Сценки? — снова переспросила она.

Вот как ей объяснить?

— Они изображают из себя других людей, — выручил меня Стас.

— Они врут, — поняла Лина. — Да, это, наверное, очень интересно. Только у нас за вранье тоже крокодилам скармливают.

— Да-а, — протянул Стас, — весело вы тут живете.

— Вот я и говорю, — вздохнув, сказала Лина. А потом спросила с надеждой: — Слушайте, а если я вам сбежать помогу, вы мне театр покажете?

Ответить утвердительно у меня язык не повернулся: не люблю я врать людям, которые мне нравятся. Но все-таки поинтересовался:

— А что, ты правда можешь нам помочь?

— Вообще-то нет, — грустно призналась она. — Если бы могла, я бы сама давно сбежала.

— Тебе-то зачем? — удивился Стас. — Ты же невеста фараона. Завтра свадьбу сыграешь, станешь фараоншей. У тебя куча слуг будет, куча рабов, наряды там всякие, сокровища... — Он, распаляясь, говорил так, словно собственные слова причиняли ему боль, а Лина, слушая его, хмурилась и становилась все мрачнее. Заметив это, Стас продолжил с каким-то жестоким злорадством: — И фараон у тебя симпатичный. Молоденький такой. Любить тебя будет. Тебе же интересно, да ведь?

Вот гад! Меня аж перекосило от его наглости. И еще я понял: он ревнует отчаянно, вот и психует. А Лина ударила кулачком по решетке и закричала:

— Замолчи, дурак! Какой же ты дурак! — И сразу же заплакала навзрыд.

Стас оторопело замолк, а Улик, до тех пор не вмешивавшийся в беседу, на этот раз заметил:

— Ну все, хана вам, слуги Осириса.

Я не очень понимал, чего Лина расплакалась. Ну, нахамил ей Стас, тем же и ответила бы. Ее, во всяком случае, на костре сжигать не собираются. Наверное, ей просто фараон не нравится. Я попытался успокоить ее:

— Лина, ну что ты, перестань. Фараон как фараон, нормальный...

— Что бы вы понимали, мальчики, — перебила она, беря себя в руки. — Вы думаете, меня спрашивали, хочу я замуж или не хочу? Неменхотеп приказал всех девчонок ко дворцу пригнать, прошел, ткнул в меня пальцем, «вот эта», говорит. И всё. И больше я ни папу, ни маму не видела.

— Их к тебе не пускают? — жалостливо спросил я.

— Казнили их, — тихо ответила она, и две запоздалые слезинки скатились по ее щекам.

— Как это казнили? — опешил я. — За что?

— За то, что папа был простым гончаром, а мама — женой простого гончара. А у фараона не может быть родственников низкого происхождения.

— Ну и логика, — поразился я. А у Стаса лицо стало такое, будто он тоже собрался плакать.

— Лина, прости меня, — сказал он просто, и я даже зауважал его. — Я сам не знаю, что на меня нашло.

— Да ладно, — она вытерла слезы. — Ты же не знал ничего. К тому же скоро я встречусь с ними, — и она улыбнулась.

— С кем? — не понял я.

— С папой и мамой, — ответила она, продолжая мечтательно улыбаться. — Ведь фараон тяжело болен и знает, что скоро умрет. А вместе с ним в царство мертвых отправятся его самые любимые слуги и, конечно, жена. Он для того и женится, чтобы в землях Анубиса у него была молодая жена.

У меня комок подкатил к горлу, а Лина продолжала:

— И я не боюсь туда уйти, ведь сказано же в первой песне жреца Неферхотепа: «Время, которое проводится на этом свете, — сон». А в землях Анубиса меня ожидает пробуждение в прекрасном мире, и там я снова найду своих родителей.

— Религия — опиум для народа, — по-русски пошутил Стас невесело. И закончил философски: — А может, так и лучше...

В это время глаза Лины окончательно высохли, и она сказала, понизив голос, так, чтобы не услышал Улик:

— Но иногда все-таки страшно. Сказано в песне арфиста: «Оттуда никто не приходит обратно». И вдруг прав герой Ани́, который не верил в царство мертвых? Так говорил он богу Атуму: «Нет в той пустыне воды, она глубока-глубока, она темна-темна, она вечна-вечна». Порой я думаю так же.

И тут я вдруг допридумал то, что начал придумывать вчера перед сном.

— А фараон хотел бы вылечиться? — спросил я для начала.

— Конечно, — ответила Лина. — Только никто его вылечить не может. Он уже двенадцать лекарей крокодилам скормил, а двоим повезло: он их отравил ихними же лекарствами.

Отлично! То есть не то отлично, что лекарей поубивали, а то, что я выяснил главное.

— Лина, — сказал я, — по-моему, ваш Ани́ прав. А раз так, тебе нужно спасаться. Если мы отсюда выберемся, мы тебя возьмем с собой. Там, откуда мы пришли, тебя будут учить в школе, ты будешь ездить на машинах, летать на самолетах...

— А кто такие самолеты?

— Не кто, а что, — поправил я. — Самолеты — это

такие большие серебряные птицы, внутри которых сидят люди.

Зря я про самолеты начал. Сразу почти напрочь потерял ее доверие. Сначала-то она мечтательно протянула: «Красиво...» — но потом вдруг встряхнула головой и сказала:

— Мальчишки любят придумывать. Это нечестно. Я-то вам всю правду рассказала.

— Да Сет с ними, с самолетами, не это главное, — постарался я исправить положение. — Я тебе клянусь, что там тебе будет хорошо. И уж точно никто там тебя не заставит замуж выходить.

— И что же, я всю жизнь буду жить одна?

— Почему одна?! Станешь старше, сама себе мужа найдешь. Который понравится.

Тут Стас сделал вид, как будто что-то уронил, и принялся лазить по глиняному полу камеры. Но я-то понял, зачем он там лазает: чтобы мы не заметили, как он покраснел.

Но Лина на него вовсе не обращала внимания. Она напряженно думала. Наконец повторила брезгливо:

— Сама найду мужа? Но ведь это стыдно! Женщина не должна искать себе мужа.

Прямо «Белое солнце пустыни» какое-то. Только паранджи не хватает.

— Ладно, — продолжал я, чувствуя, как удача ускользает между пальцев. — И с мужем тоже, Сет с ним. Главное — не убьют тебя. А жить нужно, потому что никакого царства мертвых нет.

— А ты откуда знаешь?

— От верблюда, — огрызнулся я, хотя слова «откуда» и «от верблюда» в древнеегипетском совсем не рифмуются. Но почему-то именно это ее сразу убедило. Может быть, в этом совсем древнем и отсталом Египте вместо кошек священные животные — верблюды?

— Хорошо, — сказала она. — Только как вы спасетесь? Отсюда не убежишь.

— Ты с фараоном можешь поговорить?

— Могу конечно. Только я стараюсь лишний раз с ним не встречаться.

Стас к этому времени уже оправился от смущения и с любопытством прислушивался к нашему разговору.

— Придется встретиться. Передай ему сегодня же, что я — великий лекарь своего народа и могу исцелить его за пять минут.

— Это правда? — не поверила она.

— Честное слово, — ответил я. — С помощью волшебных браслетов...

— ...и специальных заклинаний, — влез Стас.

— А это еще зачем? — спросил я его по-русски.

— Пусть думают, что без нас не справятся, а то браслеты отберут, а нас все равно поджарят.

«Умен», — удивился я мысленно. А Хайлине, подумав, сообщила:

— Сегодня я ему ничего передать не смогу, он сегодня свадебную юбку примеряет. Только завтра утром.

Времени оставалось в обрез.

— Постарайся пораньше, — попросил я.

— Хорошо, — кивнула она. — Только, мне кажется, фараон тебе не поверит.

— А ты скажи ему — пусть попробует. Если я наврал, меня все равно на костре сожгут, так ведь? А вдруг не наврал?

— Хорошо, попробую, — пообещала она и, попрощавшись, вышла.

— И какое заклинание мне читать прикажешь? — спросил я Стаса, когда дверь за ней закрылась.

— Да какая разница, — махнул он рукой. — Главное — по-русски. Хоть считалочку какую-нибудь возьми.

Глава четвертая,

в которой я вспоминаю про двойную уху

— Ну и как это, интересно, вы меня лечить будете? — спросил фараон, когда Улик и Ергей привели нас утром к нему. Мы в это время, само собой, лежали у его ног. Традиция такая. Традиции уважать надо. Пульты-оживители мы предусмотрительно отстегнули от браслетов и сунули в карманы.

— О всеблагой фараон, попирающий... — начал я, но забыл, чего он там попирает, — попирающий...

— Стопами небо, а головой — земные недра! — помогая мне, выкрикнул Стас. Окружающие фараона вельможи и советники ахнули и в ужасе закрыли лица руками.

— Так, — сказал Неменхотеп, — по-вашему, выходит, я стою вверх ногами. Хорошее начало. Поехали дальше.

— Не слушай моего бедного брата, — сказал я торопливо. — Он слегка ослеплен твоим сиянием, вот и двинулся рассудком.

Стас недобро зыркнул на меня, но благоразумно промолчал. А я продолжил:

— Недуг твой, о фараон, проистекает от чрезмерной мудрости твоей и величия.

Неменхотеп понимающе покивал:

— То-то я гляжу, все мои советники такие здоровые.

Советники потупили взоры.

— Говори, — благосклонно кивнул мне фараон.

— Для полного исцеления нужно надеть на запястье вот этот браслет, — я поднял над головой руку. — После чего я прочту особое заклинание.

— И всё? — недоверчиво поджал губы фараон.

— Всё.

— А вместе с болезнью мои мудрость и величие не того...

— Нет-нет, не бойся, — заверил я.

— Ну давай попробуем, — протянул он руку. И я было начал отстегивать браслет, но меня остановил Стас.

— Пусть сначала гарантии даст, — шепнул он по-русски, — а то мы его вылечим, а он на радостях нас опять же зажарит.

Резонно. Я остановился.

— А как я могу быть уверен, что, когда тебя вылечу, ты нас отпустишь?

— Фараон сидит перед ним с протянутой рукой, а он еще смеет рассуждать! — поднял густые брови Неменхотеп. — Вообще-то я с самого начала подозревал, что вы — непочтительные отпрыски пустынного шакала, а теперь окончательно убедился. Давай сюда, говорю! — и он слегка наклонился, вытянув руку еще ближе ко мне.

Но отступать было некуда, и я упрямо сказал:

— Гарантии нужны, гарантии.

— А слово фараона тебе, значит, не гарантия? Все слышали? — обернулся он к придворным. — Писец, занеси-ка в протокол: «Слово фараона ему до светильника».

В этот момент в зал влетел воин, согнувшись в три погибели, пробрался вдоль стенки к верховному жрецу Гопе и что-то зашептал ему на ухо. Выслушав воина, тот выступил вперед и сначала в знак обожания поднял обе руки вверх, а затем, пав ниц, разразился речью:

— О всеблагой фараон, взглядом испепеляющий врагов Египта и при этом даже ни капельки не потеющий! Эти непочтительные дети пустынного шакала с самого начала не внушали мне доверия. А только что стало известно, что они взяли да и отравили предводителя твоей гвардии. Вот.

Это было чистейшей воды враньем. Но я от такого просто онемел. Зато фараон прямо-таки развеселился.

— Да ты что?! — воскликнул он обрадованно. — А как это они сумели? Ну-ка, ну-ка, расскажи поподробнее.

— Пусть говорит очевидец, — заявил жрец смиренно и отступил на шаг, пропуская вперед воина. Тот рухнул наземь и заголосил:

— О всеблагой фараон, благостью своей веселящий Осириса, гневом же устрашающий Апопа, мудростью же поражающий...

— Ладно-ладно, — остановил его Неменхотеп, — богов у нас много. Давай по делу.

— Короче, когда мы их взяли, — заикаясь от волнения, начал воин, — мы их обыскали. И наш начальник — Доршан — что-то на вид съедобное нашел. И пахнет аппетитно. А вот этот, — кивнул он на Стаса, — говорит: «Пожуй, пожуй, вкусно». Но мы тогда сытые были, и Доршан это съедобное припрятал. А сегодня за завтраком взял да и съел. И тут же уснул мертвым сном. Спит и спит, и разбудить его никто не может.

— Где он сейчас?

— А здесь, за дверью, мы его принесли.

— Внесите тело.

Воин кинулся вон из зала, а через мгновение с другим копьеносцем внес тростниковые носилки со сладко спящим начальником. Лицо Доршана озаряла блаженная улыбка, из тонкогубого рта тянулись слюнки.

Неменхотеп закашлялся, а прокашлявшись и отхаркавшись в поднесенную рабом плевательницу, протянул:

— Да-а... — а потом еще раз: — Да-а... — И обернулся к Стасу: — А ты, значит, так и сказал ему: «Пожуй, мол, пожуй, вкусно»?

— Сказал, — подтвердил Стас виновато, беспомощно глянув на меня.

— Занеси в протокол, — кивнул фараон писцу. — Перед словом «сказал» добавь «коварно». — И, вновь обернувшись к нам, потер ладони: — Ну, братцы, это в корне меняет дело. Я и так-то вам не верил, а вы, оказывается, еще и отравители.

Он встал и, приняв величественную позу, обратился ко всем:

— В конце концов, у меня сегодня свадьба с прекрасной Хайлине и мне давно пора готовиться к этому судьбоносному событию, а не тратить мое драгоценное время на этих опасных шарлатанов. Готовьте костер. А над ним котел с оливковым маслом подвесьте. Лучше их сварим, так интереснее будет. Правильно?

Вельможи подобострастно зааплодировали. Неменхотеп

скромно раскланялся. Громче всех хлопал жрец Гопа, и я почему-то сразу понял, что он-то поверил в наши медицинские способности, а теперь радуется, что мы лечить фараона не будем и тот скоро умрет.

И тогда я возопил (а что мне оставалось делать, как не возопить?):

— О всеблагой и всемогущий! Мы не отравили твоего военачальника! Он просто спит, а когда проснется, будет еще сильнее и отважнее, чем раньше! Клянусь отцом твоим — сияющим богом Ра — мы не обманываем тебя. Силой, дарованной господином моим Осирисом, я могу не только вылечить тебя, а даже воскресить мертвого. Испытай меня, прикажи принести сюда мертвого, и я воскрешу его!

Неменхотеп с новым интересом посмотрел на меня и уселся обратно на трон.

— У нас никто не умер? — обвел он взглядом окружающих. Те отрицательно замотали головами.

— А никто не хочет?

Вельможи замотали головами еще интенсивнее.

— Тогда так. Мы сегодня твоего братца сварим, а ты его воскресишь. Если получится, будешь меня лечить, а потом мы, может, вас и отпустим. А если не получится, и тебя сварим. Ясно? Всё. Аудиенция окончена. — Он резво встал, но тут же согнулся, сотрясаемый очередным приступом чахоточного кашля.

Обрадованные тем, что для эксперимента никого из них не убили, вельможи, громко славя мудрость фараона, под шумок поспешили к выходу. А нас стражники потащили обратно в темницу.

На Стаса было страшно смотреть. Он сразу как-то поскучнел. А успокаивать его у меня язык не поворачивался. Почему-то я чувствовал себя виноватым.

Часа два Стас провалялся на соломе, отвернувшись носом к стене. Я тоже лежал молча. Чего тут скажешь? Было страшно. И не только оттого, что браслет может не сработать. Даже если сработает, это же, наверное, больно — вариться в кипящем масле.

А потом дверь камеры отворилась, и Ергей, смущенно поглядывая на нас (мы же ведь почти подружились), спросил:

— Кто тут из вас младший?

— Ну я, — сел Стас.

— Велено тебя в храм отвести.

— Зачем это?

— Подготовиться тебе надо.

— Как это — подготовиться?

— А я откуда знаю?! — разозлился Ергей, видно, решив грубостью заглушить проблески совести. — Мое дело маленькое: велено привести, я и приведу. Вставай давай!

Стас покорно поднялся.

— Стас, — позвал я.

Он обернулся:

— Чего тебе?

Я стянул с руки свой браслет и подал ему.

— Надень этот тоже, а пульт мне отдай. Так надежнее будет.

Он не стал спорить, надел браслет на свободную руку и протянул мне дистанционный блок.

— Ладно, Костя, — сказал он. — Ты себя не вини. Ты тут ни при чем. Не поминай лихом. Если оживители не сработают, передай Лине, что я... — Тут он не выдержал и всхлипнул.

— Дурак ты, — обнял я его порывисто, — если не сработают, меня сразу за тобой сварят. А если сработают, тогда ты сам все скажешь.

Мы еще постояли так, обнявшись, несколько секунд, а потом он сам обернулся к Ергею и сказал:

— Пошли.

...Поглазеть на фараонову свадьбу народу сбежалось много. Люди стояли по обочинам дороги и кидали в процессию цветы и фрукты. Почему-то не совсем свежие. Наверное, свежих было жалко. А сама процессия выглядела довольно убого.

Впереди двое широконосых рабов-нубийцев катили на четырехколесной повозке транспарант с надписями: «Да здравствует Ра!», «Слава Осирису!» и «Жрецы и фараон — едины!» За транспарантом еще четверо рабов тащили паланкин с Неменхотепом и Линой. В разноцветной праздничной одежде она была особенно красивой, но казалась еще младше, чем когда приходила к нам в темницу. С фараоном она гляделась как внучка со сварливым дедушкой.

Потом шли музыканты с барабанами и флейтами. Но консерваторий они явно не кончали. Их стук и завывания сливались со скрипом следующих за ними колесниц вельмож. Колесниц было десятка два, причем по количеству разноцветных ленточек и страусиных перьев в гривах лошадей легко было определить, кто побогаче, а кто — беднее.

Последним под конвоем Улика плелся я.

Когда процессия достигла берега Нила, на высокий деревянный помост забрался жрец Гопа и, приставив к губам бронзовый раструб, прокричал:

— Да здравствует фараон Неменхотеп IV, самый солнцеликий из всех фараонов! Ура!

— Ура, — откликнулась толпа без особого энтузиазма.

— Да здравствует невеста фараона, самая прекрасная девушка долины Нила! Ура!

— Ура! — отозвались зеваки немного повеселее.

Что-то мне все это напоминало, но я не успел как следует подумать, потому что народ вдруг оживился и, пихая друг друга локтями, стал указывать на что-то за моей спиной.

Я обернулся и увидел Стаса. Его везли на такой же четырехколесной тележке, что и транспарант. Он сидел на маленькой табуреточке и с головы до ног, как новогодняя елка игрушками, был увешан овощами. В руках он держал по сладкому перчику, а из-за ушей у него торчали веточки укропа.

— Вы что, его есть собираетесь?! — испуганно спросил я Улика.

— Не, не мы, — словно оправдываясь, пояснил тот, — боги будут. Им ведь жертва.

— И меня тоже так?..

— Не, с тобой проще, ты ведь в том же бульоне варить-ся будешь.

Совсем некстати я вспомнил рыбацкий термин «двойная уха».

Повозка со Стасом, обогнав процессию, приблизилась к помосту. Двое нубийцев помогли ему спуститься на землю, а затем под барабанную дробь взойти по ступеням. Жрец уже соскочил вниз и запалил костер, над которым был подвешен огромный котел. Мгновенно занявшись, пламя принялось жадно лизать его днище.

— Братья-египтяне, — пискнул Стас сверху. Потом набрал в легкие побольше воздуха и начал снова, но регистром ниже, а потому весомее:

— Братья-египтяне! Настанет день, и вы сбросите со своих натруженных плеч ненавистное иго фараонов! Победоносная рука истории беспощадно сотрет их гнусные имена со страниц... — Он замялся, видно, забыв, с каких страниц. Братья-египтяне, открыв рты, тупо смотрели на него в ожидании. — Со страниц... — повторил Стас, а потом решительно тряхнул головой и закончил: — Вообще сотрет!

Стебелек укропа вылетел у него из-за левого уха, и Го-

па, который, сменив нубийцев, уже снова забрался наверх, аккуратно приспособил стебелек на прежнее место. Не обращая на это внимания, Стас возобновил речь:

— Время все расставит по своим местам, и пирамиды, которые вы строили своими мозолистыми руками, станут национальными музеями. И ваши внуки, внуки простых крестьян и ремесленников...

— Кончай пропаганду, — перебил его жрец, — кипит уже. Пора. — С этими словами он высыпал на Стаса горсть соли и, пихнув в спину, столкнул его в котел.

Толпа ахнула, я зажмурился, судорожно засунул руки в карманы и щелкнул переключателями оживителей. Может быть, рановато, Стас еще и свариться-то не успел, но очень уж мне его было жалко.

— Слава тебе, Ра, высокий могуществом, ставший сам, не имевший матери, — нараспев затянул Гопа. — Растут деревья по воле твоей, и родит пищу поле. Покорны тебе небо и звезды. Корона крепка на челе твоем, подчинены тебе смертные, подвластны и боги. Вкуси же даров наших и будь милостив к нам отныне. Ладно?

И тут из котла высунулся Стас. Держась за края котла, он потряс головой, вытряхивая масло из ушей, и обиженно заорал:

— Придурки, горячо ведь!

Я обрадовался: значит, как я и надеялся, пока оживители включены, Стас в безопасности. Вот только египтяне уже начали на него таращиться и перешептываться. А Улик, разинув рот, прошептал:

— Молодец, достойно держится.

— Стас, замри, все представление портишь! — крикнул я по-русски.

— Не буду я больше нырять в это масло! — возмутился Стас. — Оно невкусное!

— Ныряй, оживители выключу! — пригрозил я.

— Я тебе это припомню! — пообещал Стас, но пальцы разжал и исчез.

— Все-таки сварился, — с сожалением сказал Улик через минуту.

Из паланкина выглянул Неменхотеп.

— Достаточно, — крикнул он. — Вытаскивайте. А этого, — кивнул он в мою сторону, — сюда, поближе.

Меня подвели вплотную к подмосткам. Стаса достали и положили на землю. Валящий от одежды пар и разваренные овощи придавали ему вполне приготовленный вид. За спиной раздался горький девчоночий плач, и я узнал голос Хайлине. А Стас старательно жмурился, видно ожидая,

когда я произнесу заклинание. Я картинно взмахнул руками и продекламировал:

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять!

Стас передернул плечами и сел.

Люди вокруг истошно заголосили и рухнули на колени.

Стас гордо оглядывался вокруг, так, словно действительно восстал из мертвых.

— О Осирис, ты — бог могучий! — заорал Гопа, возбужденно прыгая вокруг нас. — Нет бога, подобного тебе! Как сам ты воскрес после битвы с Сетом, так и слуги твои легко возвращаются к жизни! — Он явно решил использовать сотворенное нами чудо в целях укрепления своей религиозной власти.

Кто-то схватил меня за руку. Я обернулся. Нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, передо мной стоял Неменхотеп.

— Прости мне мое неверие, верный слуга Осириса, — забормотал он заискивающе, — я был не прав. Осознал. Раскаиваюсь. Забудем прошлое и станем друзьями. Давай лечи меня.

И тут я по-настоящему разозлился.

— Э нет, фашист! — закричал я. — Все не так просто! Ты оскорбил верного слугу Осириса, и теперь мое заклинание не подействует, пока ты сам не искупаешься в кипящем масле!

— Да брось ты, — проникновенно сказал фараон, — давай так, без масла, а? Попробуем?

— Ну давай попробуем, — мстительно усмехнулся я и, сунув руки в карманы, выключил дистанционные блоки. — Стас, дай ему браслеты, — обернулся я к брату.

Тот снял с рук еще горячие браслеты и протянул их фараону. Неменхотеп подул на них и проворно натянул на запястья.

— А как застегиваются? — кротко заглянул он мне в глаза.

Я застегнул браслеты.

— Ну давай, говори заклинание, — поторопил фараон.

Что ж, пожалуйста. Как и в прошлый раз, я взмахнул руками и возвестил:

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять!

Фараон замер, прислушиваясь к собственным ощущениям. Потом неуверенно кашлянул и тут же зашелся в болезненном приступе.

— То-то, — сказал я. — Лезь в котел.

Стас злорадно засмеялся.

— Классно, Костя, — сказал он по-русски. — Так ему!

Неменхотеп затравленно огляделся. И его взгляд остановился на отоспавшемся благодаря пастилке Толяро военачальнике.

— Доршан, — позвал он. — Подь сюда.

Тот подскочил к нам и сразу вполголоса спросил меня:

— У тебя этих штук больше нету, а? Так спалось славно! Хочешь, на дротик поменяемся? Наконечник, между прочим, не бронзовый, а золотой...

— Кончай базар, — прикрикнул Неменхотеп, и Доршан вытянулся в струнку. — Слушай сюда. Я сейчас в котел прыгну, а этот, — фараон ткнул меня пальцем в грудь, — должен меня оживить. Понял?

— Так точно!

— Вот если я не оживу, обоих четвертуешь. Ясно?

— А чего тут неясного? — расслабился Доршан.

— Разговорчики!

— Так точно! — вновь встал по стойке смирно воевода. — Ясно! Четвертуем, как два пальца обмочить!

— А ты понял? — обратился фараон ко мне с угрозой в голосе.

— Лезь, — отрезал я непреклонно. — И быстрее, а то передумаю.

Вновь отбросив неуместную спесь, он жалобно попросил:

— Еще минутку можно? Одну?

— Ну давай, — смилостивился я. — Что там у тебя?

Взмахом руки фараон подозвал к себе раба-нубийца.

— Сейчас я прыгну туда, — указал он на котел.

— Туда? — не поверил своим ушам нубиец.

— Туда, туда, раб бестолковый, — нетерпеливо похлопал себя по ляжке фараон. — А вы меня через минуту вытащите. Уяснил?

— Через минуту? — переспросил нубиец.

— Маловато будет,— глумливо улыбаясь, встрял Стас.— Не успеешь свариться, не подействует. Две минуты.

Неменхотеп скрежетнул зубами, но тут же послушно переинструктировал нубийца:

— Через две минуты. Усвоил?

— Через две минуты? — снова переспросил тот.

— Да! Да! — заорал Неменхотеп в ярости. — Крокодилам скормлю!

— Через две минуты. Усвоил, уяснил, — подобострастно кланяясь, попятился перепуганный нубиец.

Фараон в сердцах плюнул и, бормоча проклятия и жалобы, полез по ступеням помоста.

А Гопа тут же подскочил к Доршану и что-то зашептал ему на ухо, опасливо косясь по сторонам.

Доршан наморщил лоб, соображая. Потом лицо его просветлело.

— Маршалом? — уточнил он.

— Тс-с, тише ты, болван! — зашипел Гопа.

Неменхотеп тем временем добрался до верха, обернулся к толпе, желая что-то сказать, открыл было рот, но потом просто махнул рукой и прыгнул.

Народ ахнул.

Но я не успел включить оживители, потому что за руки меня схватили два старых знакомых гвардейца из отряда Доршана, а сам он приставил острие своего копья к моему горлу.

Гопа, брызжа слюной, прошипел мне в лицо:

— Только слово из своего заклинания пикнешь, сдохнешь как шакал!

Доршан подтверждающе кивнул и широко улыбнулся.

— Типичный дворцовый переворот, — констатировал Стас, довольно-таки безучастно разглядывая уткнутый в мое горло дротик. — Путч. ГКЧП. Но ты, Костя, не бойся, они тебе ничего не сделают. Хорошие врачи всем нужны.

Спасибо, братик, успокоил.

Тем временем нубиец выкопал откуда-то песочные часы и, выпучив глаза, напряженно уставился на струйку. Вот песок полностью перетек из верхнего сосуда в нижний, и Стас мрачно сказал:

— Вкрутую.

А я вспомнил сказку «Конек-горбунок».

Нубиец и двое его товарищей бросились к котлу, и вскоре тело фараона легло на то же место, где только что лежал Стас. Выглядело оно просто ужасно.

Удостоверившись в том, что фараон не оживает, и крикнув моим стражникам: «Руки покрепче держите!» Гопа забрался на помост, вновь приставил к губам свой бронзовый мегафон и с воодушевлением объявил:

— Возрадуйся, народ Египта! Свершилась воля девятки богов! Кровавый тиран Неменхотеп повержен, и отныне фараон — я! А его невеста, между прочим, автоматически переходит ко мне. Сейчас и свадебку сыграем!

Народ обалдело молчал.

— Вот паразит! — взбеленился Стас. — От одного избавились, второй туда же норовит! Костя, что делать будем?

— Ны заю, — ответил я вместо «не знаю», потому что

нормально говорить мне не позволял наконечник доршановского дротика. Золотой, между прочим.

Но тут ситуация в который уже раз перекувыркнулась по-новому. Окруженный отрядом воинов, к помосту пробился советник фараона от Севера, Ашири. Видно, он был более предан своему владыке, чем Гопа и Доршан.

— Слазь, предатель! — крикнул он жрецу. — Или я сам сброшу тебя, и даже Анубис не пожелает держать в своем царстве такую гниль!

— Арестуй его, Доршан! — взвизгнул Гопа с помоста.

Не отводя от меня дротик, Доршан дал команду, и тут такое началось!.. Кто кого колол, кто кого рубил, а кто кого руками молотил, понять было невозможно. Через минуту уже не только солдаты, но и все собравшиеся зеваки мутузили друг друга чем придется.

И они, наверное, подчистую самоистребились бы, а история Египта на том бы и закончилась, если бы вдруг среди ясного неба не засверкали молнии и не загремели раскаты грома.

— Осирис, Осирис идет! — закричал Стас радостно, и все раболепно повалились на землю. Включая солдат и Доршана, который, упав к моим ногам, тихонько проскулил:

— Так и есть, в самом жутком своем воплощении. Сейчас карать начнет...

Освобожденный, я судорожно глотнул воздух и оглянулся, выясняя, в чем же, собственно, дело. И сразу все стало ясно. Переступая через распростертые тела насмерть перепуганных людей и паля в воздух из муми-бластера, к нам величавой поступью двигался Шидла.

— Ко мне, котята! — гаркнул он зычно, и мы со Стасом со всех ног кинулись к нему. Но на полпути Стас остановился и позвал:

— Лина!

Хайлине, соскочив с носилок, побежала к нам.

— А это еще что за маленькая самка? — спросил Шидла, с интересом ее разглядывая.

— Она с нами, — тяжело дыша, ответил Стас. — Айда быстрее, пока они не очухались.

— Бояться их нечего, — уверенно ответил Шидла, — но убивать не хочется. Так что давайте правда поспешим. Самка пусть садится верхом на меня, а вы покрепче держитесь за гриву.

Мы помогли Лине взобраться ему на спину и вчетвером помчались к лесу.

Глава пятая,

в которой нам крупно не повезло

Минут через пятнадцать мы, запыхавшись от быстрого бега, сидели в хроноскафе. Шидла что-то настраивал на приборном щитке, Стас, чертыхаясь, брезгливо отцеплял от одежды вареные овощи, а Лина осматривалась, широко открыв глаза от любопытства и удивления.

— Наладил? — спросил я сфинкса.

— Давно уже. Вас искать замучился. Испугался даже. А как зовут маленькую самку? — кивнул он в сторону Лины.

— Девочку, — поправил я. — А зовут ее Хайлине.

Услышав свое имя, Лина кокетливо потупилась.

— Только она всеземного не знает, — добавил я.

— Это ясно, — сказал Шидла. — Тогда вот что. Посади ее в свое кресло и пристегни ремень. Ремни я тоже починил. А сам покрепче держись за спинку, ты уже привычный.

— Да пусть она со мной садится, — предложил шустрый Стас. — Мы тут нормально поместимся. — И он, как мог плотнее прижавшись боком к одному подлокотнику кресла, махнул Лине рукой. Возражать, что, мол, я-то похудее буду, я постеснялся, Лина устроилась возле Стаса, и он принялся суетливо застегивать ремень.

— Готовы? — спросил Шидла. Мы кивнули. Стас заботливо предупредил Лину:

— Держись крепче. И не бойся, это быстро...

Сфинкс нажал на красную кнопку, и в тот миг, когда я, действительно уже привычно, ощутил, как проваливаюсь в бездну, в голове моей мелькнула запоздалая мысль: «А фараона-то я не оживил...»

Эту фразу, только вслух, конечно, я и выпалил сразу после того, как закончилась переброска.

— Ну, теперь поздно, — заявил Стас без особого сожаления в голосе. — Что сделано, то сделано. Теперь мы далеко уже.

— Шидла, — спросил я, — мы сейчас где и в каком времени?

— Время пока то же, — ответил сфинкс, — а находимся мы на околоземной орбите.

Я слегка расстроился — вовсе я не собирался Неменхотепа насовсем убивать. Я его, честно, оживить хотел. А получилось вот как. Я молча вернул Стасу один из бесполезных теперь дистанционных блоков. Сувенир все-таки.

— Да не бери ты в голову, — принялся он меня успокаивать, — фашист — он фашист и есть.

— Это вы про что? — заинтересовался Шидла. — Вы хоть расскажите, что там с вами стряслось.

Тем временем Стас расстегнул ремень, и Лина, попытавшись встать, взмыла к потолку.

Я даже представить себе не мог, чтобы человек, никогда и слыхом не слыхавший про какую-то там невесомость, так быстро адаптировался в невероятной для него ситуации. Сверху (если только тут уместны выражения «верх» и «низ») раздался ее мелодичный смех, а потом — веселый голос:

— Я стала птицей?!

Я хотел было объяснить ей, что такое невесомость, но тут же понял, что это было бы слишком сложно. Не то страшно, что в древнеегипетском и слова-то такого нет, а то, как ей объяснить, что вон тот светящийся в иллюминаторе голубой блин — не что иное, как Земля, и никакая ладья с богом Ра на борту вокруг нее не плавает... Пришлось оставить астрономический ликбез на потом, тем более что Стас уже азартно рассказывал Шидле о наших злоключениях в египетском плену. И я, сказав Лине только: «Я тебе потом все объясню», — стал уточнять его рассказ подсказками и пояснениями. Стас при этом, как всегда, огрызался: мол, не мешай, я сам... Но вместе у нас все равно получалось интереснее.

Сфинкс слушал внимательно, то и дело от возбуждения почесываясь задней лапой за ухом. Но в особый раж его ввел эпизод с кошкой, когда Улик поддал ей копьем, а остальные стражники загоготали.

— Дикари! — рявкнул он сердито и добавил, кровожадно ощерившись: — Зря я их пожалел, не пострелял немного!..

Когда мы закончили, он спросил:

— И вы что, хотите эту самку взять в свое время?

— Конечно! — воскликнул Стас. — Мама с папой ее удочерят, она же сирота.

— Шидла, — попросил я, — говори все-таки «девочка», а не «самка».

— Не в этом суть, — отмахнулся он от меня, как от назойливого комара. — Суть в том, что я вовсе не уверен, сможем ли мы доставить ее в двадцатый век.

— Как так? — оторопел Стас.

— Видишь ли, человеческий детеныш, хроноскаф в общем-то одноразовый. Он построен только для того, чтобы сначала доставить вас домой, а потом меня — в Древний

Египет. Количество хроногравитационной энергии ограничено. Был, конечно, и запас, но на дополнительный прыжок в древность мы никак не рассчитывали. А мне ведь нужно сюда вернуться. И на дополнительного пассажира — тоже не рассчитывали. А чем больше масса, тем больше затраты энергии. Я не уверен, что нам и без нее-то энергии хватит.

— Та-ак, — протянул Стас. — И как же быть? Ну посчитай, может, все-таки хватит? Что же, мы ее тут бросим?

— Как я посчитаю? Бортовой компьютер для подобных операций не предназначен. Все необходимые расчеты он делает сам, внутри. Я могу только ставить задачи, а он, просчитав оптимальный вариант, — выполнять.

Мы озабоченно молчали. Лина уже спустилась вниз, снова примостилась возле Стаса и, пытаясь понять, о чем мы говорим, заглядывала нам в лица. Но ничего у нее, естественно, не выходило, и она смешно хмурила брови, так, что они почти сливались в одну черную полоску.

— Я вижу только один путь, — сказал наконец Шидла. — Свой вес, а значит, и массу я знаю. Я введу ее величину в компьютер. Нашу совокупную массу — мою и вас двоих — компьютер помнит по прошлым перелетам. Массу нас четверых он определит сразу, в момент начала скачка. И еще одна вводная: теперь в пространстве — на орбиту и с орбиты — будем двигаться только на ракетной тяге, специальную энергию на это тратить не будем. Я задам компьютеру необходимые условия: сначала он должен вас троих доставить в ваше время, а потом меня — обратно в Древний Египет.

— И еще должна остаться энергия, чтобы потом нас из музея в двадцать пятый век перебросить, — подсказал Стас.

— Само собой, — согласился Шидла. — Затем я дам старт. Исходя из всех этих условий, хроноскаф совершит скачок в будущее, и если энергии ему будет достаточно, он доставит в ваше время всех четверых; если же нет, он остановится где-то на полпути, и там нам придется вашу самку высадить. Вот так. И вряд ли мы сможем придумать что-нибудь другое.

Тишина, возникшая в рубке после этой его речи, была еще тягостнее, чем в прошлый раз. Лина тревожно на нас поглядывала.

— А может, дотянем? — с надеждой спросил Стас.

— Может, и дотянем, — ответил Шидла. — Но не уверен.

— Тогда, может, ей лучше здесь остаться? — набравшись мужества, спросил я.

Стас жалобно глянул на меня. Потом веско сказал:

— Пусть она сама решает.

...Почти два часа понадобилось нам со Стасом, чтобы лишь в самых общих чертах втолковать Лине, что к чему. Девчонка она оказалась в общем-то сообразительная. В конце концов она сказала:

— Мальчики, ну что тут рассуждать? Дома у меня нет никого — ни папы, ни мамы, ни друзей. Там меня ничего не держит. А так есть надежда, что мы все-таки будем вместе. А не получится... Какая мне разница, в каком времени жить? Хуже, чем у нас, наверное, нигде нет.

— «Никогда», — поправил я ее машинально, а сам подумал, что она еще ничего не знает ни про инквизицию, ни про Гитлера... И еще подумал, что она мне все-таки по-настоящему нравится.

Я обернулся к Шидле и сказал ему о решении Лины.

— А я давно уже всё настроил, — грустно усмехнулся он. — Я ведь знал, что она ответит. У нее хорошее лицо. Общаясь с вами, я уже начал пересматривать свое отношение к людям. А теперь пересмотрел окончательно. Если даже в такой древности... Ладно, пристегивайтесь.

И еще через несколько секунд мы наконец помчались через века.

Когда отступило обычное при этом головокружение, я смог наблюдать за табло времени. Когда началась наша эпоха, у меня радостно ёкнуло сердце. Вот хроноскаф проскочил первое тысячелетие, и мы со Стасом обрадованно переглянулись. 1112, 1680, 1937... У меня задрожали коленки... 1966!.. И всё. Стоп. Красные цифры на зеленом поле прекратили свой стремительный бег.

Мы снова переглянулись. Но радости в наших взглядах на этот раз уже не было.

— Куда будем приземляться? — спросил Шидла мрачно.

Лина смотрела на меня с ожиданием.

— Не дотянули? — догадалась она по выражению моего лица.

— Не дотянули, — подтвердил я.

— Сколько?

— Мама родит меня только через тринадцать лет. А его, — кивнул я на Стаса, — еще через год.

— Ну, это не так уж много, — грустно улыбнулась она.

Стас отвернулся, чтобы мы не видели, что творится с его лицом. Потом сказал Шидле с отчаянием в голосе:

— Я тоже останусь здесь.

— Нет, — твердо ответил сфинкс. — Тогда все было зря. — И, повернувшись ко мне, повторил: — Куда будем приземляться?

Я перевел его вопрос Лине. Она пожала плечами:

— Все равно. Может быть, в ваш город?

— Нет, — сказал Стас, — у нас зимой холодно, а ты к этому не привыкла.

Лина благодарно посмотрела на него.

— Да, — подтвердила она, — мне бы хотелось, чтобы было солнце, много солнца. Чтобы там росли виноград и разные фрукты. И чтобы люди были добрыми...

— Ташкент! — выпалил я, потому что вдруг вспомнил мамины рассказы про этот город. Стас согласно кивнул головой. — Ташкент, — повторил я сфинксу.

— Где это? — деловито спросил он. — Вы на глобусе найдете?

— Запросто, — заверил Стас, — мама на нем Ташкент сто раз нам показывала.

— Тогда ищите, — сказал Шидла и что-то нажал на приборном щитке.

Голографическая модель Земли, вращаясь, повисла за нашими спинами. Выждав подходящий момент, Стас ткнул пальцем в знакомую точку. Шар остановился, а место, которое указал Стас, вспыхнуло бирюзовой звездочкой.

— Не ошибся? — подстраховался Шидла.

— Все правильно, — подтвердил я.

— Что ж, тогда готовьтесь к приземлению.

В этот момент Лина протянула руку и погладила сфинкса по гриве.

— Переведи ему, Стас, — попросила она, — пусть не расстраивается. Я понимаю, что он хороший и ни в чем не виноват.

Стас перевел, и Шидла, встряхнувшись, как большой кот, грустно покачал головой.

— Спасибо, — сказал он.

И Стас перевел это Лине.

...Мы приземлились ночью. Сначала падали с парашютом, затем зависли над землей, удерживаемые антигравитацией.

— Ты же говорил, нет запаса энергии! — воскликнул Стас обличающе.

— На движение прямо над поверхностью затраты минимальны, — ответил сфинкс. — Если даже мы будем кататься в хроноскафе, как на антиграве, целый день, мы потра-

тим энергии столько, сколько нужно для переброски во времени часа на два-три.

Стас прикусил язык, и мы двинулись над ночным городом, подыскивая удобную и пустынную площадку.

Мы сели в центре, на стадионе. Пока мы летели, я рассказывал Лине, что такое милиция и детская комната в ней, а также научил говорить по-русски «здравствуйте» и «меня зовут». Чем еще я мог помочь ей?

Втроем мы выбрались из капсулы. Душная летняя ночь наполняла смешанным чувством радости и грусти. Мы молча прошли несколько шагов.

— Ну всё, мальчики, вам нужно возвращаться, — сказала Лина. — Долго прощаться не будем. Я рада была узнать вас. И очень вам благодарна. Вы ведь мне жизнь спасли. И от Неменхотепа избавили. Жаль, конечно, что так получилось...

— Мы все равно найдем тебя, Лина, все равно найдем, — сказал Стас запальчиво, потом неожиданно обнял ее и, повернувшись, побежал к хроноскафу. На Лине от его объятий осталось несколько прилипших кусочков разваренной моркови.

«Найдем, — подумал я. — Если бы речь шла о расстоянии, а тут — время. Никогда мы ее не найдем. Или найдем чужую взрослую тетю... Нет уж, лучше не искать даже».

— Прощай, Лина, — сказал я и легонько сжал ее ладонь в своей.

— Прощай, Костя. — Она улыбнулась, и в то же время я увидел, что на глаза ей навернулись слезы. Удивительно, другая девчонка уже давно рыдала бы навзрыд...

Я забрался в капсулу, и тут вдруг Шидла сказал нам:

— Посидите тут минутку, только ничего не трогайте. Мне тоже нужно ей кое-что сказать. — И он выскочил наружу с прижатой к груди передней лапой, явно что-то от нас пряча. Только, честно сказать, мне совсем не было интересно, что он там прячет. Ничего мне не было интересно.

Сфинкс вернулся минуты через три.

Глава шестая,

в которой ржавый гвоздь спасает Вселенную

Стас вдруг расплакался. Хотя вообще-то не вдруг. Если бы не заплакал он, наверное, первым разревелся бы я.

Шидла, запуская ракетные двигатели, жалостливо по-

глядывал на нас. Но меня эти взгляды только раздражали. Откуда ему — сфинксу (у них и самок-то нету!) — понимать, что такое друг-девчонка. Вообще друг — это много, а если человек смог стать твоим другом несмотря на то, что он — девчонка, это уже серьезно.

Через минуту я убедился, что в этом отношении мы с братом солидарны.

Когда Стас всхлипнул особенно громко, Шидла мягко сказал:

— Перестаньте, котята, во всяком случае...

Но закончить он не успел, потому что Стас заорал:

— Молчи, урод! Что б ты понимал?!

Самым поразительным было то, что Шидла действительно замолчал и ничем не выказал обиды. Заговорил же снова лишь минут через двадцать, когда мы со Стасом уже болтались в невесомости, а сам он настраивал временной блок. Заговорил так, словно его и не прерывали:

— ...Во всяком случае, ее жизни ничего не угрожает.

— Почему это? — не поверил я.

— Потому что я — преступник, — туманно ответил он, а потом сразу сменил тему, как будто жалел о сказанном: — Кстати, учтите, хроноскаф невозможно настроить с точностью до минуты, и не исключено, что вы появитесь в своем времени часа на два-три раньше или позже своего исчезновения.

— Если раньше — не беда, — заметил уже успокоившийся Стас, — переждем. А вот если позже, когда нас папа с мамой уже хватятся, тогда что-то сочинять придется.

— Можем и сейчас — заранее — сочинить, — предложил я.

— Предпочитаю экспромт, — заявил Стас как всегда самонадеянно.

Я заметил, что брат мой жалеет, что обругал сфинкса; все-таки мы привязались друг к другу, многое вместе пережили. Да что говорить, у Неменхотепа-то он нас по-настоящему спас. Но извиняться... Нет, это не в Стасовой натуре. Он, заглаживая свою вину, все-таки попытался затеять дружескую беседу. И это ему удалось.

— Шидла, а что ты будешь делать, когда нас вернешь домой? — спросил он. — Отправишься в Древний Египет и умрешь там с голоду?

— Раньше я хотел поступить именно так, — ответил сфинкс, — но сейчас, думаю, я могу сделать больше. Я могу максимально увеличить вероятность того, что петля замкнется. Не надеясь на слепой случай.

— Как?

— Я лично позабочусь о том, чтобы статуя сфинкса была построена. И чтобы хроноскаф со мной внутри, замаскировав, поместили именно в фундамент этой статуи, где его потом и должны найти.

— Но как ты сможешь быть уверенным в этом? — не унимался Стас. — Ну статую ты еще можешь заставить построить. Тебя боятся. О твоем бластере, наверное, легенды сложили. — При этих словах Шидла почему-то отвел глаза. — Но как ты заставишь египтян делать всё по-твоему, когда тебя уже не будет?

Логика в словах Стаса была железная, но Шидла ответил такое, что мы с братом ошалело выпучили глаза:

— Они не посмеют нарушить волю фараона. А я буду фараоном.

Мы молчали, просто не зная, что сказать, а сфинкс пояснил, распаляясь:

— Я воспользуюсь гибелью Неменхотепа. Я буду хорошим фараоном. Я их многому научу. Как добывать железо, как делать бумагу, как растить новые сорта злаков... А главное, я научу их справедливости. Уж кто-кто, а я-то знаю, что такое справедливость. Я буду очень справедливым фараоном, мои подданные будут любить меня. И никаких жертвоприношений! Это же дикость несусветная! — Он помолчал, а потом закончил проникновенно: — А еще не понравилось мне, как они там с кошками обращаются... я их научу.

— Шидла! — не выдержал я. — Но истории ничего не известно о фараоне-сфинксе! И вообще, сфинкс — существо мифологическое!

— Сам ты — существо мифологическое, — совсем постасовски обиделся сфинкс. — А что истории неизвестно, так я и об этом позабочусь.

...Все-таки хроноскаф — действительно удивительное достижение инженерной мысли. Во второй раз мы совершали на нем посадку по-человечески, то есть зная куда, когда и при полной его исправности. Шидла снова включил голографический глобус. Тот повис за нашими спинами, занимая все свободное пространство рубки. Раньше эта миниатюрная модель Земли как-то не слишком поразила меня, не до того было. Сейчас же... У меня защемило сердце, когда Шидла выключил свет и маленький, с метр диаметром, земной шар, искрясь полярными шапками и переливаясь ручейками великих рек, медленно вращаясь, завис на расстоянии вытянутой руки от нас.

Казалось, дунь на него, и где-то далеко внизу сорвутся крыши с маленьких домов маленьких людей и маленькие, вырванные с корнем деревья помчатся по черному небу, увлекаемые грозной ураганной силой...

— Где-то здесь, по-моему, — бесцеремонно ударил Шидла лапой по северному полушарию. Шар послушно прекратил вращение, а на его поверхности засияла бирюзовая звездочка. Я заметил, как вздрогнул Стас. Видно, и он представил, как огромная звериная лапа опускается на наш город, превращая в щебень наш дом, нашу школу, мамин музей... Но я быстро отогнал видение. В конце концов, глобус — он глобус и есть.

— Да, здесь, — подтвердил я, — чуть повыше. Как тогда, по ходу сориентируемся?

— Сориентируемся, — согласился Шидла.

И действительно, совершив временной скачок, хроноскаф с помощью парашюта приземлился, но, немного не долетев до поверхности, подобно антиграву завис над землей. А затем по нашим подсказкам двинулся туда, где в вечернем полумраке светились огни города. Глядя в иллюминатор, мы со Стасом без труда нашли свою улицу, и Шидла посадил капсулу на пустыре невдалеке от нашего дома.

Мы выбрались наружу. Знакомая смесь запахов выхлопного газа и костра из осенних листьев ударила в ноздри и наполнила меня радостным ожиданием. Откуда-то из глубин памяти выскочило еще недавно такое абстрактное для меня слово: «ностальгия». Оказывается, ностальгия может быть не только по месту, но и по времени.

А мой порывистый братец рухнул на колени и забормотал:

— Земля! Земля-матушка. Наша, *сегодняшняя*...

Говоря это, он собирал пыльную землю в ладони, поднимал к глазам и сыпал между пальцев, как в мультфильмах жадные богачи пересыпают золотые монеты.

— Блин! — вдруг воскликнул он и замахал рукой.

— Ты чего? — удивился я.

— Укололся, — объяснил он. — Гвоздей тут накидали... — Но сразу вновь умилился: — Гвоздик! *Наш* гвоздик! — С этими словами он, продолжая стоять на коленях, торжественно, как великую драгоценность, опустил ржавую железку в нагрудный карман.

Все это время Шидла тактично молчал, только с подозрением принюхивался, расширив ноздри, с неописуемым отвращением на лице.

— Ну что, — спросил я его, — будем прощаться?

— Будем, — кивнул он. — Хотя... Давайте-ка в последний раз прикинем, всё ли мы учли.

Я задумался. И сразу обнаружил в наших построениях тонкое место.

— Слушай, — сказал я, — сейчас-то мы знаем, как запустить хроноскаф. А тогда... Чисто случайно. Мы ведь даже и не хотели его запускать, мы хотели только выйти. Вдруг в этот раз мы его не включим?

— В какой «этот раз», — передразнил оправившийся от патриотического экстаза Стас. — Это все уже произошло.

— Если мы прибыли раньше, а по-моему, это так, тогда вроде потемнее было, то это еще не произошло, только произойдет, — возразил я. — А вдруг не произойдет?

— Если один раз произошло, то и сейчас повторится, — уверенно заявил Стас, но я-то видел, что он, как и я, слегка запутался.

— Фатализм сфинксов, — установил я диагноз. — Но даже они, между прочим, на судьбу не полагаются, а всё обеспечивают сами.

— Старший прав, — поддержал меня Шидла. Но тут же добавил: — Хотя в этом случае мы, по-моему, ничего сделать не можем.

— Можем! — заявил Стас. На лице его мелькнула тень вдохновения. Не сказав больше ни слова, он кинулся к хроноскафу и забрался в него. Любопытство заставило меня последовать за ним.

Стас, высунув от напряжения кончик языка, что-то творил с приборным щитком. Я заглянул ему через плечо. Только что найденным гвоздем он вкривь и вкось выцарапывал над пусковой кнопкой слово «выход».

Меня словно током ударило. Я и забыл про эту надпись.

Закончив свой труд, Стас обернулся ко мне и пояснил:

— Нехорошо, конечно, обманывать. Но я же для дела. К тому же мы ведь себя обманываем, а не кого-то другого.

— Стас, — шепотом сказал я. От волнения у меня пропал голос. — Стас, я уже видел тут эту надпись.

— Когда? — удивился он.

— Тогда, в музее. Из-за нее-то я и на кнопку нажал...

— Круг замкнулся, — нарушив благоговейную тишину, весомо произнес Шидла за нашими спинами. — И в прошлое я отправляюсь с легким сердцем. Прощайте, — закончил он и, чуть поколебавшись, добавил: — Братья.

Возможно, он сказал так, имея в виду, что братья мы со Стасом. Но это вряд ли. По-моему, он назвал нас так, подразумевая, что мы — его братья. Он назвал нас так, как сфинксы называли друг друга.

— Передай привет жрецу, — усмехнувшись, прервал паузу Стас. — Мы, если помнишь, очень с ним подружились. А вообще спасибо тебе за всё. Ты настоящий... сфинкс.

А я просто зарылся лицом в его жесткую серебристую гриву. Сфинкс, конечно. Но все-таки...

Глава седьмая,

в которой мы сначала чуть не надавали себе по шее, а потом потихоньку сходим с ума

Хроноскаф с Шидлой на борту превратился в еле заметную на вечернем небосклоне звездочку. Утих и гул его двигателей. Лишь далекий собачий лай да сверчковая азбука Морзе слышались на нашем пустыре, но они только подчеркивали незыблемость тишины.

— Всё, — сказал Стас и испуганно посмотрел на меня. Я понял, чего он испугался. Не темноты, не тишины и даже не одиночества. Нет, просто, как и я, он испугался, что закончились наши приключения. Конечно, много было и неприятностей, и опасностей... Но зато какая насыщенная жизнь!

— Ладно ты, — подбодрил я его, — потом будешь сопли распускать. Сейчас домой спешить нужно. А то правда придется экспромты сочинять.

— И сочиню, — буркнул Стас. Но успокоился. И мы двинули в сторону дома. Часов у нас не было, поэтому определить, насколько раньше, а может, все-таки позже срока мы прибыли, я не мог. Нужно быть осторожнее.

Вот и наш дом! Окна не светятся, значит, или мы еще не вылезали на улицу, или уже вылезли, а папа с мамой нас еще не хватились. Вот это было бы лучше всего. Но нет, только я успел об этом подумать, как в окне нашей комнаты показалась чья-то встрепанная башка. Да моя это башка, моя!

Я-тогдашний спрыгнул вниз, потом обернулся, поднял руку и что-то взял у тогдашнего Стаса. «Фонарик», — вспомнил я-нынешний. Затем я-тогдашний помог спуститься Стасу, и оба кинулись через дорогу в сторону музея.

— Дураки же мы! — буркнул умудренный опытом

Стас-нынешний. — Сейчас бы догнать и надавать по шее как следует...

Меня даже передернуло от какого-то странного, сродни брезгливости, чувства, когда я представил себе эту картину. Я не стал напоминать Стасу, кто вообще всю эту историю затеял, а сказал главное:

— Все было предначертано, Стас. Мы не могли себя вести по-другому.

— Типичный фатализм сфинксов, — передразнил он меня. — Ладно, поперли.

Мы-прежние уже исчезли из нашего поля зрения. Нужно было спешить. Мы подбежали к окну, я подсадил Стаса, а потом он, забравшись, подал сверху руку и помог залезть мне.

Первым же шагом в темной комнате я угодил ногой в мягкое и теплое. «Кошка!» — понял я. Но было поздно. Ночную тишину вдребезги разбил дикий вопль: «Мя-а-ау!!!» Кошка орала, как рассерженный сфинкс. И ее острые коготки безжалостно вонзились мне в ногу.

В панике я отскочил в сторону, наткнулся на стул, и мы (я и стул) с грохотом полетели на пол. Похоже, и Стас потерял навыки существования в мире, изобилующем кошками; только я упал, как из другого угла комнаты раздался очередной возмущенно-истерический кошачий крик — явно крик существа, на которое наступили.

Вновь воцарилась тишина, и я, на четвереньках подползая к кровати, услышал, как сначала заворочались, а потом заговорили в спальне за стеной.

— Стас! — зашипел я. — Быстрее ложимся, сейчас сюда папа придет. Чтобы разобраться.

— У меня пульт выпал, — прошипел он в ответ.

— Какой пульт?!

— Какой-какой! От оживителя!

Я уже раздевался, сидя на постели, а этот балбес все ползал по полу.

— На фига он тебе нужен? — возмутился я. — Браслетов-то нет!

— На память, — отрезал он.

За стенкой заскрипела кровать. Это папа или мама поднимаются, чтобы выяснить, что у нас за шум.

— Стас! — заорал я уже почти в голос. — Идут! Потом найдешь! Ложись!

Здравый смысл победил, и мой чокнутый братец в один миг взгромоздился на верхний ярус. Еще через мгновение его одежда полетела вниз. А спустя еще миг дверь отворилась и в светлом проеме возник папин силуэт.

Ох и соскучился же я по нему! А приходится делать вид, что сплю. Обидно.

— Что тут у вас происходит? — спросил он сонно.

Мы спали. Но через щелки в прищуренных глазах внимательно за ним наблюдали.

Он подошел к письменному столу и включил настольную лампу. Узел из скомканной одежды Стаса угодил как раз на стол. Наверное, папа хотел сложить одежду как следует, но, взяв рубашку, оторопело на нее уставился. Да. Она прошла огонь и воду, побывала в лапах сфинксов, в темнице фараона, варилась в масле... Лохмотья. А ведь папа-то ее на Стасе только что, за ужином, видел — новенькую и чистенькую.

Брезгливо, двумя пальцами, папа поднял над столом шорты. Оглядел и положил обратно. Затем осмотрелся и поднял что-то с пола. Я узнал это «что-то»: пульт оживителя. Папа задумчиво пощелкал выключателем туда-сюда и сунул приборчик в карман Стасовых шортов. Потом шагнул к кровати, взял с перекладины на спинке мою одежду и, так же морщась, оглядел и ее. Боюсь, ее состояние папу не успокоило. Он внимательно посмотрел мне в лицо. И я, не выдержав, широко открыл глаза.

— Так, — сказал папа. — Выкладывайте. Только честно. Чтобы стыдно не было.

— Папа, — сказал я, — там, в музее, в глыбе, не корабль пришельцев, а машина времени.

— Интересная гипотеза, — согласился он, даже не удивившись тому, откуда я вообще знаю про глыбу. — Но к тому, что вы сотворили со своей одеждой, это отношения не имеет. Не темни.

Ну сами подумайте, как я мог рассказать ему все, что с нами произошло, да так, чтобы он поверил. Мы ведь только что все вместе сидели за столом...

Вмешался Стас:

— Просто мы с Костей поспорили, у кого быстрее одежда износится. Я выиграл.

Придумать что-нибудь глупее, по-моему, было трудно. Папа это тоже заметил.

— Версия не проходит ввиду несостоятельности, — сказал он. — Следующий?

— Мы в футбол играли, — неуверенно сказал я. — На пустыре. Сразу после ужина вылезли в окно и играли. А сейчас обратно залезли.

— И на кошку наступили, — поддержал меня Стас.

— Уже лучше, — сказал папа. — Только темно очень. Вы что — на ощупь играли?

— По запаху, — сказал Стас, и глаза его округлились.— Мы мяч чесноком намазали.

Я испуганно глянул на брата. Крыша у него явно съезжала. От переживаний. Но папа, похоже, вошел в азарт и решил, что Стас удачно пошутил. Просмеявшись, он сказал:

— Ладно, принимается как запасной вариант. Теперь давайте что-нибудь поправдоподобнее. Чтобы я поверил.

Мы беспомощно переглянулись.

— Может быть, тебе все это снится? — нерешительно предложил Стас.

— Точно! — обрадовался папа. — Вот это — хорошо. Но если все это мне снится, да так реалистично, то на это можно не обращать внимания. Как будто все на самом деле. А раз так, вы все равно должны мне правдоподобно объяснить, что случилось с вашей одеждой. Правильно?

Мне положительно надоел этот урок шизофрении. Пожалуй, наш правдивый рассказ будет выглядеть сейчас не более сумасшедшим, чем весь этот разговор.

— Всё,— сказал я,— хватит. Дело, значит, было так.— И начал торопливо рассказывать: — Сначала мы со Стасом случайно услышали, как ты объяснял маме про глыбу. Потом мы вылезли в окно, проникли в музей и забрались в капсулу, которая была в этой глыбе. Там еще был серебряный сфинкс, но он выпал. А капсула называется «хроноскаф». И на ней мы отправились в будущее. Но там ее уничтожила хронопатрульная служба. Поэтому обратно нас вернули сфинксы — на своей капсуле. На самом деле это одна и та же капсула...

— Стоп-стоп-стоп, — сказал папа и озабоченно потрогал мне лоб ладонью.

— Папа, он не перегрелся, — заступился за меня Стас, — но он еще не рассказал про Древний Египет. Меня там сварили в котле, но Костя меня оживил, и мы со сфинксом полетели в Ташкент...

Вид у папы стал совсем несчастным.

— Я всегда знал, что этот древнеегипетский до добра не доведет, — печально сказал он, а затем продолжил нарочито спокойным голосом: — Лежите смирно, а я пока вызову «скорую». Только не вставайте! Чтобы хуже не стало.

— Влипли, — сказал Стас мрачно, когда папа выскочил из комнаты. — В Департаменте нас в плену держали, сфинксы нас похищали, египтяне нас казнить хотели, теперь только в психушку лечь, и тогда уже будет полный букет.

— Лично я в психушку не собираюсь.

— Я тоже. Но что делать? — Он растерянно глянул на меня.

— Давай станем нормальными, — предложил я.

— Не, не выйдет. Потому что тебе уже и пытаться без толку, а я и так нормальный.

— Кончай острить, каракуц бесхвостый, — разозлился я. — Нашел время. Давай будем делать вид, что ничего не было — ни Венеры, ни Египта. Тогда никто не подумает, что мы сумасшедшие.

В этот момент в коридоре раздался звонок телефона. Странно: это папа должен был звонить, а не наоборот. К тому же время позднее.

Но мои мысли перебил Стас:

— А как мы папе с мамой про одежду объясним?

— А никак. Будем говорить, что мы ее еще днем испачкали и порвали, а за ужином они этого не заметили. В такое поверить все-таки легче.

— И что, никому никогда ничего не рассказывать?

— Думаю, да.

— Потому что нам никто не поверит?

— Никто.

— Никто и никогда?

— Соседи по палате в психушке поверят! — разозлился я.

Стас замолчал. Но ненадолго.

— Да, ты прав, — кивнул он обреченно.

И тут в комнату ворвался папа. Сев на стул, он обалдело посмотрел на нас.

— Звонили из музея, — сказал он. — Сторож. Он услышал шум в запаснике. Спустился туда, а глыбы нет. А на ее месте лежит серебряный сфинкс. Выходит, всё, что вы тут несли, — не бред? Выходит, ваша одежда *состарилась*? Точно? — Он переводил испытующий взгляд с меня на Стаса. Как же все-таки здорово, что папа у нас такой прогрессивный.

— Ну, чего молчите?

— Костя, — посмотрел на меня Стас, крыша у которого продолжала активно ехать. — Костя, ау нипа, ламабай ляля?[1]

— Молчи, если хочешь, — огрызнулся я по-русски. И принялся заново все рассказывать папе. Только подробнее и понятнее.

---

[1] Костя, а если он уже заранее поверил, все равно врать будем? *(возм., всеземной-венерианский)*

Глава восьмая,

в которой папа бросает бумеранги, а невеста сводит счеты с женихом

Когда я закончил, папа долго сидел, обхватив голову руками. Потом сказал:

— Хорошо, что о вас заботились, чтобы беды не вышло. Хорошо.

Стас осторожно спросил:

— Так ты нам веришь, пап?

— Верю, — торжественно сказал папа. — Но больше никто не поверит. Даже мама. Доказательств-то нет, машина времени улетела...

— А Шидла?

— Что?

— Ну, сфинкс наш. Он ведь живой... ну, не совсем живой, но и не совсем мертвый. Он в музее лежит.

Папа подскочил и испустил сдавленный вопль. Потом ловко метнул в Стаса его одежду, а в меня — мою.

— Бежим в музей, чтобы быстрее сфинкса увидеть, чтобы первооткрывателями стать. В окно лезем, чтобы мама не услышала, чтобы объяснять не пришлось... — Папа набрал полную грудь воздуха и торжественно закончил: — Чтобы не задерживаться!

В таком состоянии папа для споров не приспособлен. Мы со Стасом быстро надели свои обноски и вслед за ним выпрыгнули в окно. Папа стоял на тротуаре, приплясывая от нетерпения. На нем были лишь штаны от трико, пузырящиеся на коленях, и тапочки на босу ногу. Но это его не смущало.

— Бежим, — велел папа, и мы побежали. Нами овладел азарт: здорово все-таки будет вновь увидеть Шидлу, пусть и в засушенном состоянии.

— А ключ от музея у нас, — похвастался я. — Вот. Можно сторожа не беспокоить, через служебный ход пройти.

— Знаю, что у вас, — на бегу ответил папа. — Как бы вы иначе в музей попали. Думаете, папа у вас совсем дурак?

Папа по-детски подпрыгнул на бегу и торжествующе закончил:

— Нетушки! Не совсем!

Дальше мы бежали молча. Войдя в музей, папа сразу защелкал выключателем, но свет не горел.

— Наверное, из-за старта машины времени все пробки перегорели, — предположил Стас.

— Возможно-возможно, — рассеянно сказал папа. Он двинулся в темноту, а мы пошли следом, ориентируясь по его шагам. Но папа пошел не в египетский зал, а в зал девятнадцатого века. Там он снял с экспозиции керосиновую лампу, быстрым шагом направился в свой зал доисторического периода и вытащил из шкафа графин с маслянистой жидкостью. Мы знали, что на графине написано: «Нефть».

— Нефть, нефть... — раздраженно сказал папа. — Где я им нефть найду? У нас не Баку и не Уренгой. Керосин тут... Но это даже хорошо.

Быстро заправив лампу, папа с поразительной ловкостью высек искру кремнем и куском железного колчедана, лежавшими под табличкой: «Огонь — друг первобытного человека».

Когда стало светло, мы с облегчением вздохнули. Все-таки в темноте как-то неуютно. Тем более что у меня вдруг возникло гнетущее предчувствие. Что-то мы забыли. Что?

— Костя, а чего мы забыли? — вдруг спросил Стас. Я даже не удивился и просто пожал плечами.

Вслед за папой мы спустились в запасник. И сразу же увидели среди каменных обломков бедного сфинкса, валявшегося лапами кверху.

Поставив керосиновую лампу на пол, папа присел возле Шидлы. Бережно перевернул его в нормальное положение, отряхнул пыль и каменное крошево.

— Видели бы сфинксы, как бережно люди к ним относятся! — с гордостью сказал мне Стас. Я кивнул.

— Наконец-то, — прошептал папа. — Так вот ты какой, инопланетянин!

— Это не ино... — пискнул было Стас. И замолчал. Действительно, Шидла ведь был не только пришельцем из будущего, но и инопланетянином! Сбылась папина мечта!

Минуту мы стояли в тишине, пока папа ощупывал, обнюхивал и осматривал Шидлу. Потом он повернулся к нам и виновато спросил:

— Исследовать вы его не дадите, да?

— Не дадим! — хором ответили мы. Потом я пояснил:

— Он ведь живой! Он в будущем оживет!

А Стас укоризненно добавил:

— Шидла нам жизнь спас, папа! И домой помог вернуться!

Тяжело вздохнув, папа поднялся, окинул взглядом зал. От керосинки по стенам бегали причудливые тени.

— Полиглоты, зачем оружие-то со стен сняли? — укоризненно спросил папа. — Только не говорите, что это не вы — не поверю!

Действительно, на стене больше не было древнеегипетских дротиков. И бронзовый меч, лежавший в застекленной витрине, исчез...

— Папа, ты, конечно, не верь, но это не мы, — сказал Стас.

— Да?

— Да.

Мы со Стасом посмотрели друг на друга. И вдруг, мгновенно, поняли.

Фараон!

На его руках были браслеты-оживители! А папа щелкал дистанционным пультом. Значит...

Мы повернулись к саркофагу. Неменхотепа там не было.

— Выходит, нам тогда не показалось! — непонятно чему обрадовался я.

— Папа, только не пугайся, — деревянным голосом сказал Стас. — По музею бродит ожившая мумия.

— Что? — Папа неуверенно улыбнулся. — Шутите, колумбы?

— Она всего одна, — неуверенно сказал Стас, словно даже в этом вопросе испытывал сомнения. — Бедный, напуганный маленький фараончик.

Из темноты, словно укоряя Стаса за неискренность, со свистом вылетел дротик. Брошенный меткой рукой и с недюжинной силой, он проделал в волосах Стаса аккуратный пробор и глубоко вонзился в кирпичную стену. Стас ошалело заморгал, явно удивленный тем, что еще жив.

— Кто кидается в моего сына дротиками? — строго спросил папа. Потом принял позу танцующего павлина из индонезийской народной борьбы башкахана и добавил: — Чтобы убить.

— Это фараон-н-н! — плаксиво сказал Стас и сел на пол. Маленький он все-таки, не выдержали нервы, подумал я, садясь рядом. А из темноты гордо вышел Владыка Верхнего и Нижнего Египта, четырехкратный победитель в гонках на колесницах, фараон Неменхотеп IV.

Он похорошел. Браслеты не только оживили его, но еще и исцелили от туберкулеза и, наверное, от десятка других мелких болезней. На щеках играл здоровый румянец, в глазах поблескивали задорные искорки.

— Мерзкие слуги Сета! — заорал фараон, потрясая оставшимся дротиком. Меч был заткнут у него за пояс. — Вы

обманом бросили меня в кипящее масло! Вы заточили меня после смерти в подземелье, без придворных, слуг и жен! И вот сейчас я вас убью!

Вряд ли папа понял всю эту речь, произнесенную, естественно, на древнеегипетском. Но последнюю фразу понял точно. «Зап ук кизнец!» — часто кричали мы со Стасом друг другу. «Я тебя убью!» Но мы же кричали понарошку, а фараон — нет!

— Послушайте, мы же интеллигентные люди, — начал по-русски папа. — Я — археолог, вы — фараон. Мы сможем договориться...

— А вот и Сет, — не слушая папу, удовлетворенно сказал фараон. — Вначале убью твоих прислужников, потом — тебя.

Подумав, фараон добавил:

— Чтобы Осирис меня похвалил.

Интонацию папа понял. Он затравленно огляделся, потом сказал нам со Стасом:

— Быстро — в японский зал. Я прикрою.

Нас долго упрашивать не пришлось. Мы на четвереньках бросились по лестнице. На ходу я подумал, что папа выбрал японский зал, потому что там очень трогательные картинки на стенах и обстановка умиротворяющая.

Ошибся я. Плохо знал папу.

Вслед нам несся шум. Фараон все-таки боялся в открытую броситься на самого Сета, зато осыпал папу угрозами. Хорошо еще, что папа их не понимал. Подхватив фонарь, он отступал следом за нами и, надеясь, что фараон угомонится, успокаивающе приговаривал:

— Я всегда уважал фараонов. Мы можем договориться как интеллигенты. Все будет хорошо...

Фараон шел за папой, махая дротиком и распаляя себя выкриками. Я вдруг очень четко понял: не угомонится. Самостоятельно не угомонится.

— Надо милицию вызвать, — прошептал я Стасу, поднимаясь на ноги.

— А что скажем? В египетском зале фараон с дротиком бегает? Они не приедут, они «скорую» пришлют. А врачей жалко, даже психиатров. Им в двадцать пятом веке столько работы предстоит...

— Давай скажем, что пьяный хулиганит, папу убить грозится, — с неожиданной дрожью в голосе сказал я.

— Не поможет, — заявил Стас. — Он иностранец. У него дипломатическая неприкосновенность.

Папа с фонарем и фараон с дротиком вошли в японский

зал. Взглянув на фараона, я понял — тот на грани. Сейчас взорвется.

— А что с ним милиция может сделать? — спросил я Стаса.

— Выслать, — неуверенно предположил тот.

— Куда? В Древний Египет?

Стас вдруг разразился истерическим хохотом. Это спасло папу. Фараон как раз замахнулся, чтобы пронзить его дротиком, но от неожиданного звука рука у него дрогнула, и смертоносное оружие вновь пролетело над нами.

— Ты опять хочешь убить моего младшего сына?! — заорал папа и взмахнул ногой. С нее слетел тапочек и врезал фараону по глазу. Тот взвыл и отскочил в сторону. Я-то понял, что папа вовсе не замышлял такой хитрый финт, он просто хотел продемонстрировать удар ёка-гири. Но фараон всего этого не знал. Теперь он с опаской поглядывал на оставшийся у папы тапочек, ожидая нового нападения. Меч фараон вытащил из-за пояса и крепко сжал в руках.

— Конец тебе, фараон, — ледяным голосом сказал папа. Подошел к одной из витрин и грохнул кулаком по стеклу. Стекло не разбилось. Тогда папа просто выдвинул из-под стекла деревянный лоток и небрежно сгреб с него что-то.

Сюрикены! Я вспомнил, что именно здесь хранилось смертоносное оружие ниндзя, и затаил дыхание. А фараон, почуявший неладное, побежал к папе, крутя меч над головой.

— Ий-я! — крикнул папа и по очереди метнул в фараона всю горсть сюрикенов. Метнул просто шикарно, всеми возможными способами: навскидку, через плечо, с замахом от живота, а под конец, уворачиваясь от меча, в падении. Все сюрикены нашли цель и вонзились в фараона.

Концы сюрикенов торчали из Неменхотепа IV, как иглы из ежа. Фараон слегка покачивался, но еще стоял. В шоке, наверное. Папа медленно поднялся с пола, в глазах его были слезы.

— Прости, фараон, — прошептал папа. — Так получилось...

Неменхотеп поднял руку и вынул изо лба сюрикен. Задумчиво осмотрел его и бросил на пол. На лбу появилась капелька крови, и всё. Даже дырки не осталось. Потом фараон встряхнулся, как мокрая кошка, и сюрикены осыпались на пол. Папа сразу прекратил сокрушаться.

— Оживитель! — заорал я. — Он еще включен! Стас, доставай!

Он уже и сам понял. Вытянул из кармана пульт, поглядел на переключатель и горестно закричал:

— Включен! Неменхотеп неуязвим!

— Так выключайте, чтобы уязвимым стал! — крикнул нам папа, отбегая обратно к экспозиции японского оружия. Ему предстоял еще один бой. Но, между прочим, по его же вине: кто просил папу щелкать переключателем? А если бы у нас в карманах лежали портативные атомные бомбы? Никогда нельзя ничем щелкать и нажимать на кнопки, если не знаешь, какой получишь результат!

Стас послушно выключил оживитель. И фараон, на мгновение остановившись, замотал головой. Почувствовал, видимо. Но все же крикнул в потолок:

— Слава тебе, о Осирис, сделавший тело мое прочно-неуязвимым против ударов Сета!

Папа тем временем вооружался. Он взял в правую руку кусари-чигирики, в левую — тонфу. Грозно потрясая кусарями, произнес:

— Последний раз предупреждаю тебя, фараон...

Но Неменхотеп не стал его слушать. Он ринулся в атаку. И закипела жестокая битва.

Вначале побеждал папа — за счет экзотичности своего оружия и удивления фараона, который почувствовал боль от ударов. Папа два раза съездил Неменхотепу по голове тонфой — это напоминало разборку американского полицейского с гаитянским эмигрантом. Потом удачно набросил кусари-чигирики на ноги фараона и свалил его на пол.

Но и Неменхотеп оказался бойцом не промах. Ударом меча он перерубил цепь на кусарях-чигириках, и папа остался с древком, на котором болтался обрывок цепи. Другая часть цепи вместе с грузиком вдребезги расколотила древнюю вазу, лишь неделю назад отреставрированную мамой.

— Па-па, па-па! — скандировали мы со Стасом.

Папа и фараон сражались. Неменхотеп еще раз получил тонфой по голове, а это очень больно. Американские полицейские не зря свои дубинки с них скопировали. Но, видимо, ожив, фараон получил огромный запас сил. Он махал мечом как заведенный, а от ударов лишь морщился, но не отступал.

— Анубисга гордак векп фараонга![1] — крикнул я в надежде отвлечь его. Но Неменхотеп лишь начал скверно ругаться.

---

[1] Именем Анубиса велю фараону остановиться! *(возм., др.-егип.)*

Когда он окончательно прижал папу к стене, а мы со Стасом готовы были разреветься, папа вновь продемонстрировал виртуозное мастерство. Он с жутким воплем бросил себе под ноги какой-то кулечек, и по глазам резанула яркая вспышка. Когда мы вновь прозрели, папы уже не было, а Неменхотеп бродил по кругу, растирая слезящиеся глаза и ругаясь уж совершенно неприлично. Я даже не ожидал, что древнеегипетский такой богатый. Временами, делая просвет между непристойностями, фараон выкрикивал:

— Где ты, мерзкий Сет! Ну дай мне намотать твои кишки на твою голову! Ну дай мне потоптать тебя ногами, осквернитель гробниц!

— Каких гробниц? — возмутился Стас.

Тут фараон услышал его и кровожадно улыбнулся:

— Ладно, я пока изрежу на кусочки твоих прислужников!

Мы с братом со страху прижались друг к другу. Но папа отозвался — из соседнего зала, австралийского.

— Я здесь, любимая, приходи, чтобы я поцеловал тебя!

Это было одно из немногих известных папе египетских предложений. Мама научила. Но фараон воспринял папины слова уж совершенно ужасно. Он заорал такое, что я вначале ничего не понял, а потом обрадовался, что не понимал. Фараон высоко поднял меч и бросился в австралийский зал. Мы — следом.

— Последняя битва, — дрожащим голосом возвестил Стас. Я не ответил. И так было ясно, что сейчас все решится.

Папа стоял в самом конце зала. В руке у него был боевой бумеранг из железного дерева. За резинкой трико — еще один.

Фараон бежал на папу, как носорог на аборигена. Папа отвел руку и небрежно бросил бумеранг. Тот с жужжанием разрезал воздух и стукнул фараона по лбу. Неменхотеп недоуменно крякнул и сел на корточки.

— Браво! — закричал я.

— А почему бумеранг не вернулся? — поинтересовался Стас.

Папа повернулся к нам и гордо пояснил:

— Бумеранги возвращаются, только если промажешь. А боевые бумеранги не возвращаются вообще.

Фараон неуверенно привстал. Папа не целясь метнул второй бумеранг.

— А почему боевые не возвращаются? — полюбопытствовал Стас.

— Видишь ли, это связано с аэродинамикой... — повернувшись к Стасу, начал папа.

Этот бумеранг был неправильный. Или не боевой. Он вернулся.

Тюкнутый в затылок бумерангом, папа тоже сел на корточки. Он слабо мотал головой, но остальные члены у него не двигались.

Фараон доковылял до папы и высоко занес бронзовый меч.

— Сейчас убью тебя, потом — твоих прислужников, — сообщил он.

Я схватил стоящий в углу зала веник — ну хоть чем-то надо запустить во врага. Но тут из-за спины послышался совершенно ледяной голос:

— Неменхотепшиша![1]

Удивленный фараон обернулся. Мы тоже. За нами стояла мама... С муми-бластером в руках!

— Получай, женишок, — сказала она по-русски, нажимая на спуск. Музей озарился голубым сиянием, запахло озоном и жареным мясом. Фараон, не выпуская меча, рухнул на пол.

— Ма-ма-ма-мама! — взвизгнул Стас. — Так, так, так ты... ты...

— Линка, — голосом мумифицированного фараона произнес я. — Мама. Хайлине. Мама.

Членораздельные звуки давались нам с трудом. В отличие от папы. Он тоже все понял — все-таки чтение фантастики даром не проходит.

— Ты в музей пошла, чтобы за нами следить, чтобы фараона убить, чтобы с женихом расквитаться, чтобы нас с детьми спасти... — Папа глотнул воздух и с незнакомой интонацией продолжил: — Потому что ты была его невестой, потому что в Древнем Египте родилась, потому что тебя наши дети спасли, потому что они тебя в Ташкенте оставили, потому что ты всю жизнь узбечкой притворялась, потому что знала все наперед, потому что специально пацанов древнеегипетскому учила...

— Потому что я вас люблю, — просто сказала мама, пряча в карман бластер. И тут мы с братом не выдержали и бросились ее обнимать. А Стас завопил:

— Я же говорил, что мы найдем тебя! Вот и нашли! Сегодня! Сегодня, мама!

Я подумал, что он не совсем прав и это мама нас нашла. Точнее, даже родила. Но спорить не стал.

---

[1] Неменхотепчик *(возм., др.-егип.)*.

А папа сидел над свежемумифицированным фараоном и слабым голосом продолжал:

— ...потому что я женился на невесте фараона, потому что наши дети его сварили в кипящем масле, потому что я с Неменхотепом на бумерангах дрался, потому что...

ПОСЛЕСЛОВИЕ,

в котором мы узнаём, что нас назвали в нашу честь, реставрируем сфинкса и размышляем, что же из всего этого получилось

Это Шидла дал маме муми-бластер, прощаясь. Оставил вещь из будущего в прошлом! Не зря он считал себя преступником. И все же благородство победило. Когда мы немножко привели музей в порядок, уложили фараона в саркофаг, а папу подняли с пола и привели домой, то сразу же уселись пить чай и разговаривать. Тут нам мама всё и поведала.

Скверные у нас оказались знания истории. Мы со Стасом совсем забыли про ташкентское землетрясение 1966 года. И высадили Хайлине — свою будущую маму — прямо накануне первого подземного толчка. Ох и испугалась же она! Но в итоге землетрясение сыграло ей на руку. После такой трагедии никто не удивлялся маленькой девочке без документов, в странной одежде и ни слова не говорящей по-русски. А нашли ее как раз русские спасатели. Решили, что она узбечка из дальнего кишлака, только накануне приехавшая в Ташкент и оставшаяся без родителей. Маму определили в детский дом, некоторое время поискали родных, но так никого и не нашли. Это и понятно, без машины времени трудно было бы рассчитывать на успех. Настоящие узбеки в детском доме, конечно же, поудивлялись, на каком это языке говорит темноглазая девочка Галина. Но особо докапываться не стали, не до того было. А через полгода мама уже неплохо болтала и по-русски, и по-узбекски. У нее способности к языкам проявились.

Потом мама выросла, поступила в институт археологии: все-таки к своему времени поближе. Бластер всегда надежно прятала, помнила наказ Шидлы: применять лишь в крайнем случае, а лучше — не применять. Потом с папой познакомилась, после института они поженились. Ну, в общем, и мы скоро появились. Но мама тогда еще ничего не подозревала. А нас назвала в память о своих спасителях —

то есть о нас же. А потом, когда пару лет назад мы пошли всей семьей фотографироваться, мама глянула на фотографию — и обомлела.

Узнала нас. Что делать, пришлось ничего не говорить, но заставлять учить древнеегипетский. Мама сказала, что с тех пор она нас еще больше полюбила: и как детей, и как спасителей, и как настоящих старых друзей. Все хотела папе рассказать правду, но боялась, что папа не поймет. К тому же и парадоксы какие-нибудь из этого могли получиться.

Когда папа рассказал о «космическом корабле», мама заподозрила, что это и есть машина времени. Перепугалась, достала муми-бластер. Ночью спала плохо, а когда, проснувшись, увидела, что нет ни папы, ни нас, все поняла и пробралась в музей следом. И очень кстати.

Разгром в музее, конечно же, вызвал переполох. Но всё списали на какого-то пьяного хулигана. А папа с мамой добровольно вызвались ликвидировать последствия разгрома, чем заслужили похвалу Ленинбаева. И премию получили, только она вся ушла на покупку новой одежды для меня со Стасом.

Зато за прекрасную реставрацию мумии фараона маму послали на конгресс археологов в Египте. И там она вызвала всеобщее удивление, свободно разговаривая на древнеегипетском и легко читая самые каверзные надписи на пирамидах. На следующий год опять приглашают. Может, и мы со Стасом присоединимся... Хотя что нам этот Египет — мы его как свои пять пальцев знаем. Вот в Антарктиду нам в последнее время хочется смотаться, потому что мы увлеклись биологией и изучаем особенности яйцеоткладывания пингвинов.

Но это уже другая история.

А папа отреставрировал Шидлу. Точнее, он покрыл его толстым-толстым слоем бронзовой краски, прикрепил к каменной подставке. А еще написал научную работу, где высказал блестящую версию о том, что летающие тарелки — машины времени из будущего. Я ему говорю: «Ерунда, Департамент такого никогда не позволит». А он отвечает: «Никакой Департамент не вечен». Уфологи, которые ни про какой ДЗР не знают, пригласили папу на свое сборище в Антверпен. Может, и мы с папой съездим — надо же объяснить этим наивным энтузиастам, что такое межпланетные путешествия на самом деле. Тем более... Но это тоже другая история.

От Шидлиной гривы папа втайне от нас отрезал прядь волос. Спрятал ее в медальончик и носит на груди. Мы

знаем, но молчим. Все-таки это мы у папы из-под носа космический корабль увели.

Браслеты-регенераторы мы с фараона сняли и все по очереди надевали. После этого у папы выправился сломанный в детстве нос, мама перестала чихать на тополиный пух, а Стас не то что пиво, кефир больше пить не в состоянии. (Говорил же я ему — алкоголиком становишься!) А у меня... Ну это, вообще-то, дело личное.

А потом мы муми-бластер и браслеты замуровали в подставку, прямо под лапами Шидлы. И тонкими цепочками привязали к лапе. Представляете: Шидла оживает, слезает со своей подставки, а у него на лапах болтаются наши браслеты и оружие. Папа все настаивал, что нужно ему еще письмо оставить, мол: «Живите дружно, не воюйте, с людьми дружите...» Но мы его переспорили. Потому что были в будущем и знаем: они там серьезно ссориться не умеют. Если самая страшная их диверсия — взрыв цистерны с валерьянкой, а любого убитого можно с помощью браслета оживить... Ну какие тут могут быть войны?! К тому же и Шидла теперь к людям по-другому относится, а он у них — авторитет.

Стас долго грустил по Кубатаю. Последнюю память — фотографию — и ту египтяне отобрали. Порой проснусь ночью, а Стас во сне ворочается и бормочет: «Кубатай, можно мне с тобой в разведку?» И семечки полюбил щелкать. Я над ним не смеюсь — это еще не самая опасная привычка, которую он мог у генерал-сержанта перенять.

А я вот стал языки разные изучать. Помимо русского, древнеегипетского и всеземного-венерианского, которыми владею свободно, могу со словарем читать по-английски и торговаться на базаре по-узбекски. Это меня мама научила. Я специально на базары хожу, тренируюсь. Думаю начать изучать голландский — вдруг и в самом деле в Антверпен поедем? Тяжело, конечно. Как Смолянин говорил: труд, труд и труд.

Правда, он еще уши себе расширил, а наша медицина до этого пока не дошла. Я знаю, я узнавал.

С мамой нам теперь куда легче общаться. Вот заставляет она нас со Стасом вечером ноги мыть, а я на нее посмотрю и говорю:

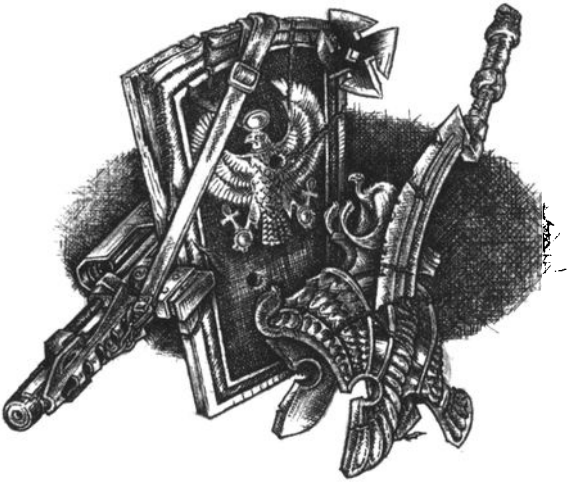
— Лина, ты пользуешься тем, что взрослая, и тиранишь нас!

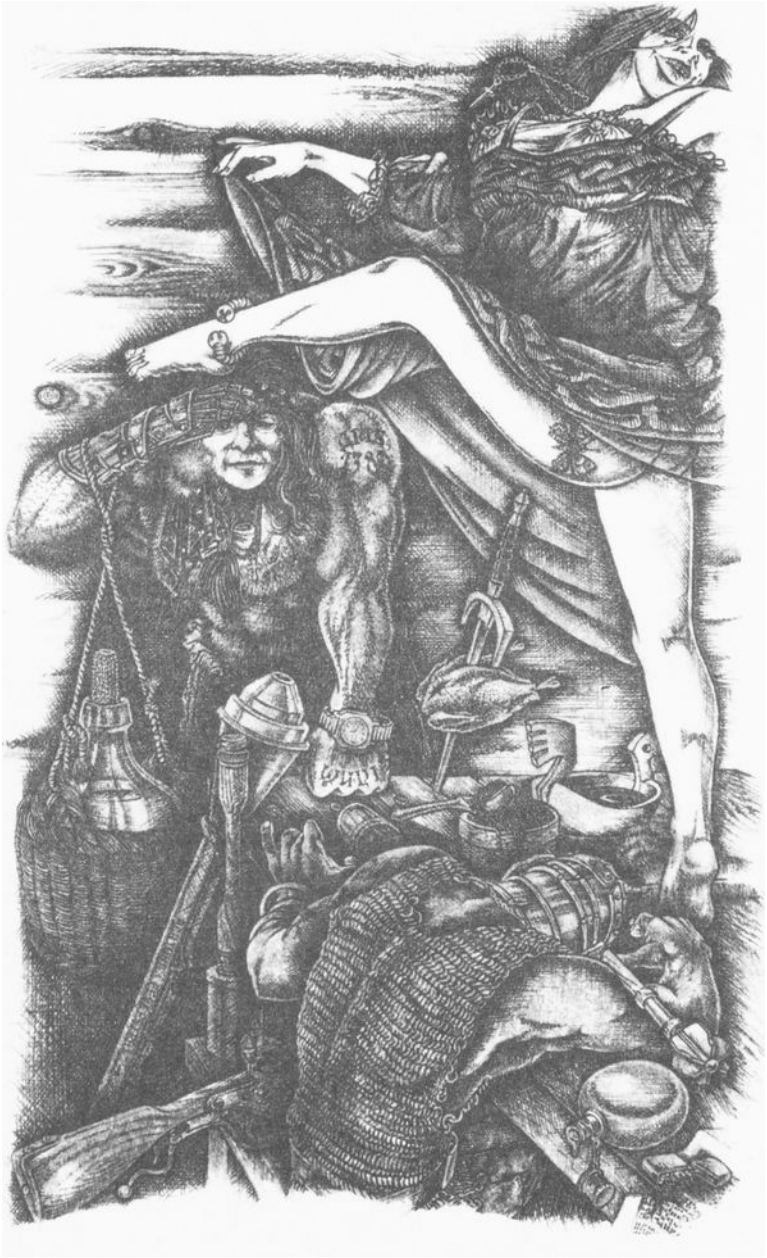
Мама сразу теряется, гладит нас по голове и отпускает спать с немытыми ногами. Класс!

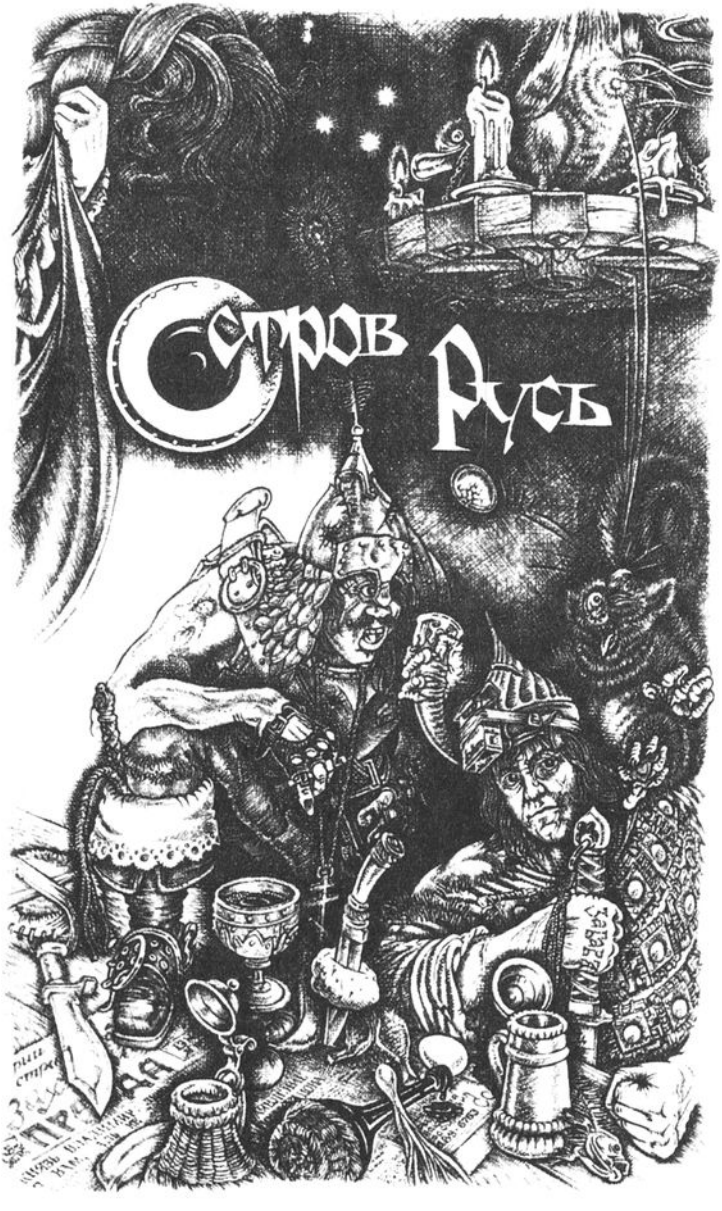
Вот вроде и всё. А! Котенка безымянного мы назвали

Шидлой! Он уже подрос, стал умным и носить имя Валька отказывается наотрез. А когда совсем взрослым станет, мы его перекисью обесцветим. Чтобы совсем на сфинкса стал похож.

Вот. Теперь всё.






Остров Русь

Ю. Буркин:
— Другу и любимой — Юлии Студенниковой.

С. Лукьяненко:
— Присоединяюсь...

Ю. Буркин:
— Не понял?!

Народ свои песни шлифует в
продолжение столетий и доводит
до высшей степени искусства.

И. Сталин

Ты уймись, уймись, тоска,
У меня в груди,
Это только присказка,
Сказка — впереди...

В. Высоцкий

ПРЕДИСЛОВИЕ

Три дара отца Ивану-дураку.
Битва с поленьями. Кража

ван-дурак лежал на загнетке и рассеянно перебирал руками теплые угли. В избе было жарко, родители Ивана не экономили на дровах. Березовые поленья весело потрескивали в печи.

Дверь со скрипом отворилась, и Иван-дурак встрепенулся. Но тут же, потеряв к вошедшему всякий интерес, снова опустил голову. Вошла не мать — статная хлебосольная баба, всегда готовая порадовать сына сахарным пряником. Вошел отец — дородный мужчина лет пятидесяти, без малого косая сажень в плечах, бывший киевский богатырь, а ныне — обедневший помещик Муромского уезда.

— Исполать тебе, батько, — приветствовал отца Иван, продолжая ковыряться в углях.

Отец не ответил. Степенно усевшись на корточки перед сыном, оглядел его и сказал удивленно:

— Сколько лет-то тебе, сынок?

Не заподозрив подвоха, Иван-дурак стал перебирать черные, перепачканные золой пальцы.

— Раз — тута я ходить начал, да два — заговорил, да три — бык соседский меня боднул... десяток — тута я во первой раз печку с места сдвинул... дюжина — девки дворовые меня приглядели... Осьмнадцать, батько!

— Восемнадцать, — поморщился отец. — От цифры «восемь» сие число происходит... Ну да ладно, как ни кличь, а большой ты стал у меня.

Иван-дурак часто закивал, усаживаясь возле печки на корточки. Отец редко проявлял такое внимание к непутевому сыну, и дурак был польщен.

А отставной богатырь погладил Ивана-дурака по кудрям и проникновенно произнес:

— Накину я службу на тебя, Иванушка. Заматерел ты, хватит тебе печь пролеживать да пол просиживать. Поедешь к славному князю Владимиру, Русь от врагов беречь.

— Батько! — пролепетал Иван. — Да ведь...

— Силушкой Бог тебя не обидел, — продолжал тем временем отец, — весь в меня, не отпирайся, недаром так же — Иваном — зовут! Чего головой крутишь?! Силы нет? А кто вчера печь по избе двигал, местечко, где не дует, выискивал?! А потом еще мамке врал: мол, тут она всегда и стояла!.. Эх!..

Уличенный Иван-дурак опустил голову и жалобно произнес:

— Глупый я, батько... Ни счесть толком, ни буквы растолковать... Ой, не надо! Некультурно поступаете, папа!

Иван-отец тем временем извлек из-за печи две потрепанные книжки. Одну большую с красными петухами на обложке и надписью: «Аз, Буки, Веди». Другую поменьше, с заголовком: «Как вести себя богатырю русскому, или Моральные присказки, стихами составленные, из былин надерганные».

— Думал, не заметил я? — укоризненно спросил бывший богатырь. — У отца родного книжки упер и врет еще! Что в «Моральных присказках» о вранье сказано?

— Не должон богатырь врать родному батьке, брату-богатырю да князю Владимиру... — хмуро процитировал дурак.

— А я те кто? Коль не забыл?

— Батько...

— Еще?!

— Брат-богатырь.

— Еще?!

Иван поднял голову, поморгал и тихо спросил:

— Неужели... князь Владимир?

— Дурак! Я тебе еще батько-богатырь! Неужто запамятовал, как моя хворостина порет?

— Не запамятовал, батько, — нервно потирая ладони о суконные штаны, признался Иван-дурак.

— То-то, — поднял палец отец. Затем откашлялся, почесал затылок и сказал: — Сын мой! Сегодня поедешь ко

двору князя Владимира. Ни с кем не водись, окромя братьев-богатырей да Владимира Красно Солнышко. Приключений не ищи, дурака они сами найдут. Научил я тебя булавой махать, так послужи теперь земле Русской. С собою могу дать тебе лишь три вещи: пятнадцать рублей серебром, коня знатного да совет богатырский. Совет такой: с размаху булава сильнее лупит.

Иван-дурак покивал с благодарностью.

— Напоследок прибавлю, — продолжал Иван-отец, — при князе Владимире найди Микулу Селяниновича. Когда-то мы с ним соседние пашни пахали. Только он пошел в Киев, на службу государеву, а я — в имение удалился...

На минуту отставной богатырь задумался, критическим взглядом окидывая избу... Потом вздохнул и закончил:

— Отдашь Микуле грамотку сию да помочь попросишь. «Так и так, — скажешь, — хочу быть богатырем, как вы с папой...»

И после слов этих вручил Иван-отец сыну булаву фамильную, нежно шлепнул по загривку и благословил.

Долго ехал Иван в Киев-град. Не потому, что дороги были плохи, и не потому, что далек был путь от Мурома до столицы. А потому, что не хотелось дураку появляться перед Микулой Селяниновичем безвестным просителем. Куда лучше прийти, например, с отрубленной головой Змея Горыныча за плечами или, на худой конец, с Соловьем-разбойником под мышкой. Потому Иван выбирал самые кривые дороги, заглядывал в каждый трактир и выспрашивал про местную нечисть.

С нечистью на Руси было плохо. Богатырей в последнее время развелось столько, что поголовье Горынычей резко упало. Лишь однажды блеснул Ивану луч надежды: назвавшийся Сусаниным пожилой мужичок пообещал провести его к самому логову Лиха Одноглазого. Иван начистил до блеска отцовскую булаву, быстренько перелистал главу «Лихо — не беда» из «Моральных присказок» и отправился в путь. Мужичок долго водил его по болотам, потом махнул рукой и признался, что сам заблудился. Иван в сердцах отодрал мужика осиновым прутом, после чего стал искать Лихо сам. Но наткнулся лишь на покосившуюся древнюю избу с выбитыми окнами и выломанной дверью. На стене было выцарапано: «Проверено. Лих нет. Богатырь Попович».

Заночевав в избушке, Иван в самом тоскливом расположении духа отправился прямиком до Киева. Деревушки окрест дороги становились все больше, выбор в трактирах все богаче, и даже деревенские мужички выглядели порой сы-

тыми и довольными. Молодые девки лукаво подмигивали статному и молодому дураку.

Иван несколько приободрился. Что ж, пусть и не довелось ему прибыть в Киев прославленным богатырем, ничего. Ведь и сам Алеша Попович не сумел найти лиха на дороге из Мурома в Киев! Все еще впереди!

Так думал дурак, поглаживая висящую на поясе булаву. И, как ни странно, не ошибался.

Ближе к вечеру пятого дня заметил он на горизонте стены Киева. За стенами задорно поблескивали золотые маковки церквей, ветер доносил колокольный перезвон и вкусные запахи. Иван облизнулся и пришпорил коня.

Обгоняя подводы с хлебом и неспешно бредущих буренушек, Иванов Гнедок приблизился к воротам. Широкие ноздри Ивана трепетали, жадно втягивая столичные ароматы. Вот она, Русь-матушка! Вот оно, сердце Руси, Киев-град!

А вот и заступнички народные — два богатыря у ворот с булавами на поясах да в железных шлемах на головах. Богатыри выглядели спокойными и довольными: видать, все было тихо и хорошо на Руси.

— Куда путь держишь, парень? — окликнул Ивана один из богатырей.

Иван подтянулся и ответил как по писаному:

— Людей посмотреть, себя показать!

— А-а, в богатыри... — сразу утратив интерес, зевнул дежурный. — Ну давай, давай, проезжай...

Слегка задетый неласковым приемом, Иван проехал в ворота и оказался на площади. Тут было шумно и весело. Вдоль домов, опасливо поглядывая на дежурных богатырей, стояли коробейники с заморским товаром. Сновали юркие воришки и вальяжные девки. Продавец медовых пряников зазывно выкрикивал:

— Пряники, пряники! Один за грош, два на копейку! Сладкая парочка! Игра или дело — жуй пряник смело!

Иван купил на копейку пряников и подъехал к сборщику дани, возле которого выстроилась небольшая очередь приезжих. Увидев Ивана, мужички расступились, и он гордо подошел к столу без очереди.

— Цель приезда в стольный град? — буркнул сборщик, царапая что-то палочкой на свежей бересте.

— В богатыри, — наученный неудачей у ворот, ответил Иван.

— Родственники в столице есть?

— Нет.

— Приглашение от Микулы Селяниновича?

— Тоже нет, — растерялся Иван. — Вот, грамотка к нему разве что...

— Неважно. Рупь.

Иван подавился пряником и потянулся к булаве.

— За что рупь-то?! Я на рупь корову могу купить!

— За пользование дорогами стольными, за право гостить в стольном граде и на нужды князя Владимира и его богатырей.

— А... — успокоился Иван. — Это значит, мне ж потом этот рупь и вернется.

— Ты что, дурак? — подняв глаза, спросил сборщик.

— Иван-дурак, — гордо ответил тот. — Неужто весть до вас дошла?

— Дошла, — глядя на Ивана честными глазами, ответил сборщик. — За весть — еще полтина. И не жалей, все равно, как станешь богатырем, все к тебе вернется.

Успокоенный Иван отдал рупь с полтиной, получил нацарапанное на бересте разрешение проживать в Киеве три дня и три ночи, после чего отъехал в сторонку и стал догрызать пряник, оглядывая площадь. И тут его взгляд приковала удивительная картина.

На площадь въезжала печь. Обыкновенная русская печь, из высокой трубы которой валил дым. За печью, привязанная крепкой веревкой, тащилась телега, наполовину груженная березовыми дровами. Самым удивительным было то, что никаких колес у печи не было и двигалась она непонятно как. Телега, поскрипывая, тащилась за печью, обдирая боками ворота.

Иван осенил себя крестным знамением и на всякий случай подъехал поближе. Быть может, представится случай подвиг совершить?

Печь въехала на центр площади и остановилась. С печи спрыгнул молодой парень в залатанных портках и красной рубахе и принялся торопливо набирать с подводы охапку поленьев.

Народ начал хихикать. Какой-то ребятенок запустил в печь огрызком яблока. Толстощекий мужик, по виду — богатый купец, крикнул:

— Что, твоя кобыла дрова жрет?

— А на печенегов с таким конем не слабо́ пойти? — поддержал купца один из дежурных богатырей.

Печной наездник, не обращая внимания на насмешки, принялся разводить в печи огонь. Иван потер затылок и, уловив настроение толпы, тоже отпустил шутку:

— Масть у твоей клячи странная!

Парень в красной рубахе вновь вернулся к телеге, выбрал полено посучковатее и подошел к Ивану.

— Емеля меня зовут, — представился он. — А ты кто такой, охальник?

Иван прикинул размер полена и, усмехнувшись, ответил:

— Как зовут меня, тебе знать не велено. А коли хочешь узнать, как моя булава прозывается...

Докончить он не успел. Емеля что-то шепнул себе под нос и запустил поленом в Ивана.

С молодецким посвистом дурак выхватил булаву и огрел летящее к нему полено. То отскочило на метр, повисело в воздухе и снова бросилось к Ивану.

«Нечистое дело», — догадался Иван и принялся лупить полено что есть мочи.

Народ потихоньку разбегался. А возле печи шла жестокая сеча. От полена остались одни щепки, но Емеля ловко выхватил с телеги другое, а затем — все новые и новые порции дров, запуская ими в Ивана. Вошедший в раж дурак перехватил булаву в левую руку, а в правую взял сабельку острую. Теперь он вначале оглушал полено булавой, а потом рубил его на мелкие небоеспособные щепки. Землю устлали вяло шевелящиеся стружки.

А в это время из окна одного из домов за сражением наблюдал незнакомец в черном, чье имя пока останется для нас загадкой. Черная ряса зловеще колыхалась вокруг его тощего тела.

— Алена, — сказал незнакомец, обращаясь к кому-то в соседней комнате, — эти молодцы на площади мне кажутся подозрительными.

— Да когда ж ты от людей добрых отстанешь, Гапон! — раздался в ответ низкий и мрачный женский голос.

Словно не слыша в голосе женщины раздражения, Гапон добавил:

— Тот, чернявый, сразу видно — дурак. А дураки опасны... Того ж, на печи, пожалуй, можно будет использовать...

Однако вернемся к нашему герою.

Расправившись с дровами и потирая многочисленные синяки, Иван приблизился к перепуганному Емеле.

— Познакомься-ка с моей левой рученькой! — крикнул Иван и отвесил Емеле оплеуху.

Емеля охнул.

— Познакомься-ка и с правой рученькой! — продолжил Иван.

Емеля ахнул. Потер горящие огнем щеки и удивленно констатировал:

— Левая рука у тебя покрепче будет. Левша, что ли?

— Левша, — смущенно признался Иван. — Переученный, правда...

— Так и я левша!

Недавние враги потупились.

— Ну что, разойдемся, что ли?.. — предложил Иван.

— А может, сперва поужинаем, богатырь? — предложил Емеля.

Польщенный Иван улыбнулся.

— А с поленьями ты лихо управлялся, — признал он. — Я уж думал — не сдюжу!

Емеля зарделся.

— Я трактир один знаю, — начал он. — Медовуха там знатная...

— Медовуха — это дело.

Не сговариваясь, Иван с Емелей собрали с земли щепки и запихали их в печь. Потом Емеля взобрался на лежанку, Иван — на коня, и новоиспеченные друзья неспешно двинулись к трактиру.

— Я печи-то люблю, — смущенно признался Иван. — С малых лет на загнетке валялся. Зола теплая, сажа мягкая... Мамка парным молочком поит. Лепота! Одна беда — отмыться толком не могу. Зола аж до костей въелась.

— Ничего, — махнул рукой Емеля. — Сходим как-нибудь в баньку, отскребем...

— А ты зачем в стольный град пожаловал? — поинтересовался Иван. — В богатыри?

— Не, куда мне в богатыри-то... — Емеля склонился с печи и прошептал Ивану на ухо: — Любовь у меня. Царевну полюбил.

— Какую?

— Несмеяну, дочку Владимирову. Вот рассмешу ее да и получу в жены. Еще и полцарства обещают.

— А как рассмешишь?

Емеля засмущался:

— Да... Есть у меня одна примочка... Справлюсь.

За разговором и не заметили, как до трактира добрались. Народ на улицах дивился, но охальничать не спешил. Видать, булава Иванова производила хорошее впечатление на заносчивых киевлян.

У трактира Иван слез с коня, бросил поводья подбежавшему мальчишке-половому и велел:

— Задашь меру овса да протрешь досуха. Не ленись, а то обижу.

Иван двинулся в гостеприимно приоткрытые двери трактира. За его спиной Емеля втолковывал половому:

— Нарубишь дров, только осиновые не бери, бери березовые. От них жара больше, а копоти меньше. Золу выгребешь. Приду — проверю!

Свободный стол нашелся не сразу. Пришлось выгрести из-за него четверых пьяных киевлян да отнести их к двери. После этого друзья уселись друг против друга и лукаво переглянулись.

— Медовухи! — гаркнул Иван.

— Зелена́ вина! — добавил Емеля.

Из закуски имелись лишь медовые пряники по копейке пара и печеные каштаны. Но друзей это не смутило.

— Как будешь к Несмеяне пробиваться? — поинтересовался Иван после третьей кружки медовухи. — Простых мужиков к ней пускать не велено.

— А я простой? — плаксиво спросил Емеля, роняя голову в ладони. — Простой, да?

— Емелюшка, не обессудь... — Иван похлопал друга по плечу. — Я-то знаю, какой ты крутой, а Владимиру сие неведомо. Знаешь что, иди-ка со мной в богатыри! Тут-то тебе дорога к Несмеяне открыта будет.

— Подумаю, — наполняя очередную кружку, сказал Емеля. — Подумаю...

Медовуха с пряниками шла замечательно. Когда бражники приступили к зелену́ вину, на Ивана напала сентиментальность.

— Ох, отец-богатырь, как же ты без меня́ будешь? — причитал он. — Кого теперь сечь станешь? Ох, мамка! Ох, печка теплая... Я ее бывало по всей избе двигал, выбирал, где поуютнее...

— А моя печка сама ездит... — лепетал Емеля. — Это все она... Она удружила...

— Кто она? Печка?

— Какая печка?

Иван поморгал и наполнил кружки заново.

— Она... — продолжал говорить загадками Емеля. — И в Киев она меня отправила. Женись, говорит, на царевне. А я ехать не хотел, ленивый я очень. К тому же и родным помогать надо. Папка старый... ик!.. мамка старый... Как они дрова из леса возить будут?..

Емеля встал и побрел к двери. Иван продолжал пить. Когда Емеля вернулся, будущий богатырь уже заказал новую четверть вина.

— Печку я домой отправил! — падая на стул, сообщил Емеля. — Пускай она мамке дрова возит! Наливай!

От дальнейшего вечера у Ивана сохранились самые смутные воспоминания. Помнилось, что ходили они с Еме-

лей по трактиру и спрашивали у бражников, не печенеги ли они. Но печенегов не нашлось. Потом пили медовуху. Потом опять зелено́ вино. Иван кричал, что Емеля ему теперь — брат родной, а Несмеяна — золовка ненаглядная. И объяснял, что Емеля непременно будет богатырем. Пили. Требовали у трактирщика закуску, но и пряники и каштаны кончились. Емеля клялся, что для Ивана ему ничего не жалко. И что закусь он враз организует...

Потом опять искали печенегов. И, кажется, одного нашли.

...Солнышко ласково било в глаза Ивану-дураку. Будущий богатырь разлепил очи ясные, проморгался и огляделся. Трактир был пуст. Емеля исчез. Стол был уставлен пустыми четвертями, меж которых валялись огрызки пряников и куча рыбьих костей. Видать, организовал-таки Емеля закуску.

— Ай да мы, — прошептал Иван. — Богатыри, не мы... Трактирщик!

Из-под стойки выполз трактирщик.

— Где печенег? — спросил Иван строго.

— Не было такого, — признался трактирщик.

— А кого ж мы лупили за Русь-матушку?

— Мойшу-портного.

— Да?

Иван погрузился в раздумье. Потом сказал:

— Врешь. Печенег то был... А дружок мой где?

— Ушел с печенегом обновку шить богатырскую, — покорно сказал трактирщик.

«Решился-таки в богатыри», — подумал Иван. Помолчал. Потом взял со стола недогрызенный рыбий хвост и стал им обмахиваться.

— Душно мне... Тяжко... Поправиться бы, а?

— Вмиг! — ожил трактирщик. — Только что завоз был.

Вскоре на столе появилась немудреная богатырская снедь: крынка огуречного рассола, коврига хлеба, пара бананов и спелый ананас. Иван вяло выпил рассол, закусил бананами, потом размазал ананас по кovриге и проглотил.

Полегчало...

— Сколько с меня, добрый человек? — поинтересовался он.

— Рупь с полтиной да два гроша на чай, — сообщил трактирщик.

Иван, не споря, заплатил и, почти не пошатываясь, вышел на конюшню. Оседлал Гнедка и медленно поехал в

направлении богатырских казарм. По дороге неторопливо проверял пожитки — не уперли ли ночью чего лихие молодчики. Деньги целы. Булава на месте. Конь... Конь на месте. Грамотка отцовская к Микуле... Грамотка!

Грамотки не было. С минуту Иван-дурак обшаривал карманы, и вдруг шальная мысль забрела ему в голову. Емеля! Он грамотку спер! Предатель! Негодяй! Ах, Емеля, Емеля, браток названый...

Часть первая
ТРИ БОГАТЫРЯ

Глава первая,
в которой Иван опаздывает к собственному прибытию и готовится трижды помереть

Богатырские казармы были украшением стольного града Киева. Окруженные цветущими каштанами и питейными заведениями, казармы сии издавна стали местом отдыха горожан. Сюда приходили детушки малые — на богатырей-заступничков посмотреть, старцы седобровые — о жизни погутарить, девки веселые — род богатырский множить. Иван с восторгом оглядывал праздную публику, и ему хотелось громко и радостно крикнуть: «Я — Иван-дурак, будущий богатырь!»

Но он сдерживался.

Уже шагов за сто от казармы Иван заслышал задорный посвист сабелек и глухое уханье булав. То богатыри забавлялись играми молодецкими.

Гнедок прянул ушами и подозрительно посмотрел на Ивана: туда ли мы едем.

— Что ты, волчья сыть, травяной мешок, спотыкаешься! — гаркнул Иван. Открыл было рот снова, но забыл, что полагается говорить дальше, и закрыл его.

Подъехали к воротам, отлитым из пудовых подков, износившихся под лошадьми богатырскими. «Первое испытание», — понял Иван и распахнул ворота. Очам его открылась чудна́я картина.

На широкой дубовой лестнице, перемежая дело импровизированными присказками, фехтовались на булавах богатыри. Одеты они были в кольчуги булатные, рубахи шелковые да сапоги кирзовые. Особенно понравился Ивану толстый и потный богатырь лет пятидесяти, который, обломав булаву о головы настырных сотоварищей, схватил за ноги другого богатыря — с тонким интеллигентным лицом — и

стал лупить противников им. Интеллигентный богатырь при этом не терялся и в момент удара пытался укусить сотоварищей за незащищенные части тела. Лестница тряслась от богатырского хохота.

— Как пройти к Микуле Селяниновичу? — спросил Иван у проходившего мимо богатыря, слезая с перепуганного Гнедка.

— К Микуле? Да по лестнице дубовой, в палаты каменные, — с тщательно скрываемым почтением ответил богатырь.

Иван вдохнул побольше воздуха и, поминутно извиняясь, стал протискиваться мимо резвящихся. Пару раз его огрели булавой, разок укусили за ногу, но через каких-то полчаса Иван вошел-таки в палаты каменные.

Микула Селянинович сидел на лавке и задумчиво перебирал руками землю сырую, насыпанную в большую дубовую кадку. Он тосковал по простому пахарскому труду, но, как мог, боролся с этим чувством.

— Исполать тебе, Микула Селянинович, — нараспев обратился Иван и в пояс поклонился. — Привет тебе от старого друга, Ивана Черной Руки, Грозы Морей. А я сынок его беспутный, Иван-дурак. Пришел к тебе знатную службу сослужить, постоять за землю Русскую, лечь костьми за дело правое.

— Сядь пока, — глухо произнес воевода и, убедившись, что его трогательная тоска по прошлому замечена, отставил кадку в угол. — А сколько ж тебе лет, дитя мое?

— О, очень много, сударь, восемнадцать! — с восторгом ответил Иван.

— Рука твоя тверда?

— Тверда!

— Нога твоя тверда?

— О да!

— Ну и белиберда, — тоскливо простонал Микула, но все же продолжил: — Вот верная черта...

— Всегда! — не к месту, но в рифму встрял Иван.

— ...дурацкого, испытанного стиля, — продолжил Микула Селянинович, не обратив на него внимания. — О Боже!.. И я таким же юным был, когда мы печенегов в первый раз побили...

Наступило тягостное молчание. Первым нарушил его Микула:

— Чего это мы, а?

— К слову пришлось,— вежливо ответил Иван-дурак.— Так я, значит, в богатыри записаться хочу.

Микула помолчал, потом задумчиво произнес:

— В богатыри... Так ведь богатырю надобно иметь не только сердце доброе, а ноги твердые, не только булаву тяжелую, а голову крепкую, надобно еще...

Но Иван так и не узнал, что еще надобно настоящему богатырю. Микула Селянинович медленно поднялся и переспросил:

— Так ты говоришь, что сын дружка моего старого, Ивана Черной Руки, Грозы Морей? А где грамотка твоя рекомендательная?

— Нету, — со стыдом признался Иван. — Выкрадена ночью татем лихим.

— Выкрадена, говоришь. Может быть. На отца ты и вправду похож, только рожа еще глупее. Но вот какая незадача: являлся уже утром один добрый молодец с грамоткой, где сказано, что он — Иван-дурак!

— То тать ночной! — возопил Иван.

— Возможно, возможно... Но в богатыри он уже зачислен, и дать делу обратный ход я не вправе. Посуди сам, добрый молодец: обстановка в Киеве сложная. Владимир Красно Солнышко заботами затуманен, Василиса Премудрая в сторону Кащеева царства поглядывает... Поп Гапон воду мутит, интригует. Бояны песенки крамольные по кабакам поют... И тут такой скандал: богатырь-самозванец! Как же после этого народ станет на защитников своих поглядывать? Нет, Иван. То есть не Иван, а незнакомый мне молодец. Не могу я тебя в богатыри принять!

— А что же мне делать?! — испуганно вскочил дурак. — Деньги, как вода, меж пальцев текут, в городе жить лишь три дня разрешили!.. Не могу я к батьке с позором воротиться! Хворостиной до смерти запорет!

Микула потер лоб.

— Что делать? Подвиг совершии, тогда я тебя и без грамотки в богатыри зачислю. Будешь прозываться Иван-дурак Второй или Иван-дурак Премудрый. Как захочешь. А рубли... тьфу! Возьми да свои настругай, сейчас во всех губерниях так делают. Не захочет трактирщик принимать, так ты его — булавой! Кстати, если красиво настругаешь, мне принеси, я коллекцию собираю.

Иван кивнул и грустно поплелся к выходу.

— Эй, постой! — окликнул его Микула. — Можешь просто самозванца в мать сыру землю вогнать по маковку, грамотку свою забрать да и числиться богатырем. Я виду не подам, а остальные с тем богатырем еще не побратались.

Воспрянув духом, Иван выбежал на дубовую лестницу. Богатырские игрища на ней уже кончились, зато — о улыбка судьбы! — посреди лестницы сидел предатель Емеля!

единственной опоры — щуки! А ради кого? Ради него, дурака! Как тут обижаться...

Иван всхлипнул, промокнул глаза носовым платочком и сослепу налетел на бредущего по двору богатыря.

О, это был богатырь так богатырь! Лицо его было отмечено печатью аристократизма, булава была украшена каменьями самоцветными, а походка — почти тверда. От Иванова толчка он упал на землю, но сноровисто поднялся и насупил брови.

— Извиняйте, — буркнул Иван и попытался проследовать дальше. Но богатырь крепко держал его за кафтан.

— Добрый молодец! Вы скверно воспитаны! Вы толкнули богатыря, находящегося в состоянии жестокого похмелья, и считаете, что это вам сойдет с рук?!

— Я толкнул вас нечаянно, а толкнув — извинился, — ответил Иван, пытаясь освободиться. Богатырь отпустил кафтан, но вслед презрительно бросил:

— Сразу видно, что вы не киевлянин...

— Да! — взвился Иван. — Из-под Мурома я! Но это обстоятельство не помешает мне окоротить на голову заносчивого киевлянина!

— Хорошо, — промолвил богатырь довольно. — В полдень на Куликовом поле. И не забудь мамке с папкой отписать, что погиб от рук Добрыни Никитича.

— Добрыня! — охнул Иван. Но богатырь уже удалился в казарму.

Продолжая свой путь по двору, Иван прикидывал, как поделикатнее сообщить родителям горестную весть. Может, сначала написать все свежие новости, а в постскриптуме упомянуть: так, мол, и так, убит Никитичем... Или наоборот: сначала сказать, что помер от рук Добрыни, а потом весело пересказать предшествующие собы...

Сегодня у Ивана был невезучий день. Он не заметил группу богатырей, едущих наперерез, и был сбит лошадью того самого толстого богатыря, который давеча так ловко расправлялся с сотоварищами на лестнице. Наткнувшись на покрытый кольчугой лошадиный бок, Иван-дурак запнулся и упал под конское брюхо. Богатырь остановился и с хохотом заявил:

— Попал под лошадь! Ну и добры молодцы шастают по нашему двору! Со смеху помрешь!

— Дави его, Илюха! — радостно посоветовал ему другой богатырь.

— Да ладно, пущай живет. Тем паче, по роже судя, земляк он мой.

Иван потряс головой и сел под лошадиным брюхом. По-

Иван вытащил булаву, поплевал на ладони, подкрался к Емеле сзади и завопил:

— Попался, тать ночной! Вставай, то смерть твоя пришла! Выходи со мной на сыру землю биться, я тебя в три удара в землицу вколочу!

Емеля повернулся и грустно сказал:

— Здорово, Иван... Чего орешь-то?

— Выходи со мной... — на тон ниже начал Иван.

— Банан хочешь?

— Хочу, — признался Иван и, отложив булаву, сел рядышком. Емеля достал из-за пазухи гроздь спелых, лишь чуть-чуть мятых бананов, и они принялись сноровисто очищать излюбленный россиянами фрукт. После второго банана Иван осведомился:

— Чего ж ты, падла печенежская, грамотку мою спер?

— Как спер? — обиделся Емеля. — Ты ж сам ее подарил! Сам в руки сунул да уговорил в богатыри пойти, тобой назваться, чтоб к Несмеяне допустили.

Иван потер лоб... И вспомнил. Точно. Пихал он Емеле в руки грамотку, кричал слова задорные, уговаривал, словно девку красную... Охохонюшки... Сам свое богатырское счастье отдал!

— Ну и как, допустили? — со смущением поинтересовался он.

— Вечером заступаю в караул у ее опочивальни, — грустно сказал Емеля. — Да, Иван, тяжка служба! Как мне сегодня бока намяли, вспомнить страшно... Эх, просил же я ее дать мне силу богатырскую! Не пойму, то ли не дала, то ли я и прежде богатырем был... Оплошала она.

— Кто «она»?

— Да щука моя волшебная, что все желания выполняет...

Иван крепко зажал рот боевой рукавицей. Ему вдруг явственно вспомнилось, как стоящий в обнимку с полоненным печенегом Мойшей Емеля вопит: «Закуски нет, Иванушка?! Не беда, исправим! Мне для тебя и *ее* не жалко!» А еще вспомнились Ивану рыбьи кости на трактирном столе.

— У тебя память часто отшибает? — поинтересовался Иван.

— Нет, сегодня впервой такое случилось... Как медовуху пили — помню, как печенега полонили — тоже. А дальше — хоть убей... К слову, убивать-то ты меня будешь?

— Что ты, Емелюшка, — ласково сказал Иван. — То шутки наши, богатырские. Ну, пора мне.

И он тоскливо пошел дальше, вытирая о кольчугу измазанные в бананах пальцы. Бедный Емеля! Лишился своей

смотрел вверх и поморщился. Позор! Даже не конь добрый его сбил, а добрая кобыла.

— Славная у тебя лошадь, Илюшенька, — подал тем временем голос тот богатырь, что советовал задавить Ивана. — Будь эта кобыла конем, была б ей цена триста рубликов.

— Ха! Эта лошадь отродясь конь, а цена ей — пятьсот рублей! — не моргнув глазом, соврал Илья. — Эй, добрый молодец, долго будешь под моим конем разлеживаться?

Иван-дурак вылез из-под лошади, раздвинув спускающиеся, видно для маскировки, до самой земли звенья лошадиной кольчуги, и ехидно ответил:

— Был бы конь — сразу б вылез! Искал я, за что ты пятьсот рубликов отдал, а нашел только на триста!

Наступило гробовое молчание. Илья поднял булаву, потряс ею, потом сдержался и коротко произнес:

— Ровно в полдень...

— На поле Куликовом, — поддержал его Иван. И, понимая, что помирать все равно придется, добавил, куражась:

— Только не подводи своего коня к моему Гнедку. Он у меня как огонь жа́рок, не устоит!

— Не люблю я земляков убивать. Да придется, — со вздохом сообщил богатырь. — Пока, муромчанин!

«Земляков?..» — понял вдруг Иван.

— Илья Муромец?! Заступничек?!

Но тот уже ехал дальше, сокрушаясь о нынешней молодежи, которая не способна отличить коня от кобылы.

— Так, доигрался, — пробормотал себе под нос Иван. — Добрынюшка-то добрый, может и пощадить... А вот Муромца я обидел знатно... Кто ж меня, дурака, за язык тянул? Ой-ой-ой.

Он взнуздал Гнедка и печально промолвил:

— Теперь буду практиковать хорошие манеры. Без закуски не пить, матушке письма писать... С богатырями не ссориться. О! Кстати...

Перед Иваном стояла группа о чем-то оживленно беседующих богатырей. Один из них, тощий и интеллигентный, был дураку знаком. Именно его использовал Муромец на лестнице в качестве булавы.

Так вот, из кармана этого богатыря случайно вывалилась грамотка. И рассеянный богатырь, наступив на нее кирзовым сапогом, стал втаптывать бересту в грязь.

— Расступись, расступись! — заорал Иван и, ловко перегнувшись с коня, выхватил грамотку из-под сапога богатыря. Тот смерил его гневным взглядом и заявил:

— Что это вы, молодой человек, в грязи роетесь?

— Вот, — радостно пролепетал Иван, протягивая богатырю грязную бересту. — Вы письмецо обронили.

— Это не мое письмо.

— Но я же видел, как оно выпало из вашего кармана! — настаивал Иван.

— Ха! — хором воскликнули богатыри, поглядев на бересту. — Почерк Марьи-искусницы. Уж не шашни ли у тебя с ней, Алешенька?

— Нет. Это не мое письмо. И почерк не Машин. Или вы хотите сказать, что и сами получали от нее письма?! — заорал богатырь. Его товарищи сконфуженно опустили глаза.

— Это просто заявка Микуле Селяниновичу на комплект праздничных кольчуг, — потрясая грамоткой, продолжил Алеша угрожающе. — Верите?!

— Верим, верим, — затараторили богатыри.

— Ну хорошо, коли так. Я отдам бересту Микуле... при случае.

Богатыри стали торопливо расходиться. Иван остался один на один с Алешей.

— Юноша! Вы — убийца! — гневно заявил Алеша.

— Да? — удивился дурак.

— Да! Вы убили мою веру в чистую любовь. Так что...

— В полдень, на Куликовом поле, — обреченно сказал Иван. — Да, кстати, вы, часом, не знаменитый Алеша Попович?

— Он самый, — удивился богатырь. — Откуда знаешь?

— Догадался, — разворачивая Гнедка, бросил Иван. — До встречи на поле...

Долго скакал Иван по Киеву. «Ох и дурак, — думал он о себе. — Поссориться с тремя былинными героями, с тремя богатырями!» Он пришпоривал Гнедка и гнал все дальше и дальше, пока не понял, что его одолевает сушняк. Подъехав к колодцу, Иван стал ждать.

Через полчаса к колодцу подошла красна девица.

— Красна девица! — позвал ее Иван.

Та лукаво улыбнулась.

— Дай-ка мне испить водицы, от вражьей крови умыться, — продолжил Иван.

— Какой смешной, — фыркнула девушка и, набрав полное ведро, изящно протянула его дураку. Второе она поставила перед Гнедком, чем сразу завоевала сердце последнего.

Допив водицу, Иван икнул и спросил:

— Как звать-величать тебя, красна девица?

— Марья-искусница, — томно произнесла красавица. — И никакая я не девица, а вовсе мужнина жена.

— То дело поправимое, — похлопав по булаве, сказал Иван. — Ох, Марьюшка, люба ты мне! Давай пофлиртуем легонько?

— Светло еще, добрый молодец, — остановила она его порыв. — Что люди добрые скажут? Приходи вечером на сеновал.

— Эх, Марья. Не дожить мне до вечера, — грустно сообщил Иван. — Вызвался я биться с Ильей Муромцем, Добрыней Никитичем да Алешей Поповичем... Кранты мне.

— Да, тяжко дело, — облокотившись о колодец, сказала Марья-искусница. — Со всеми сразу, что ль, биться будешь?

— Выходит, что так. В полдень, на Куликовом поле.

— А победить слабо́?

— Слабо́, — признался Иван. — Да и не поднимется у меня на заступничков народных булава.

— Чем бы тебе помочь?.. — задумалась Марья, доставая из кармана горсть жареных семечек и увлеченно их лузгая. — Будешь?

— Да я больше бананы уважаю, — слабо возразил Иван, но угощеньем не побрезговал. — Так как насчет флирта, а?

— Приходи на сеновал, — твердо повторила Марья. — А на поле Куликовом всякое может случиться. Не вешай носа раньше времени.

— Буду жив — приду, — вздохнул Иван и медленно поехал на Куликово поле.

Глава вторая,

о том, что три головы хорошо, а четыре — лучше

Прибыв на поле, Иван обнаружил, что опередил всех трех своих противников. Будучи человеком хоть и простодушным, но не лишенным определенного чувства юмора, Иван усмехнулся про себя: «Похоже, на тот свет я спешу больше остальных... — Но тут же мысль его продолжилась: — Оно и понятно, потому как противники мои — настоящие былинные богатыри, на тот свет они и не собираются...» От догадки этой Иван приуныл и понурился.

Горестные размышления его прервало появление богатырей. Появившись с разных сторон Куликова поля, они

одновременно сошлись в его середине и теперь озадаченно разглядывали друг друга.

— Та-ак, — нарушил тишину Илья Муромец, — что это значит?

— Я дерусь с этим добрым молодцем, — объяснил Добрыня, указывая на Ивана рукой и тем же движением как бы приветствуя его.

— Но я тоже дерусь с ним, — заявил Илья.

— И я, — добавил Алеша.

— А теперь, милостивые богатыри, когда вы все собрались здесь, — поспешил прояснить ситуацию Иван, — разрешите мне принести вам свои извинения.

При слове «извинения» лицо Добрыни затуманилось, по губам Ильи скользнула пренебрежительная усмешка, Алеша же отрицательно покачал головой.

— Вы не так меня поняли, — поспешил объясниться Иван, — я прошу вашего извинения за то, что убить меня сможет лишь один из вас троих, а значит, еще двое останутся без должного удовлетворения. Поверьте, ежели я мог бы умереть трижды, я бы сделал это из одного только уважения к вам. И еще. Хочу я попросить вас: опосля погибели моей отправьте отцу-батюшке моему весточку. Что, мол, полег твой сын Иван-дурак за землю нашу Русскую. — Иван шмыгнул носом. — Но никому больше о том, как звать меня, не сказывайте: пусть молодец Емеля, моим именем воеводе назвавшийся, так дальше и прозывается... — Говоря это, он ощущал крайнее смущение от мысли, что богатыри решили, будто он хотел уклониться от поединка. Потому, произнеся вышеприведенную тираду, закончил он так: — А теперь — к делу! — И, выхватив без дальнейших проволочек булаву, принялся угрожающе раскручивать ее над головой.

Богатыри умиленно его разглядывали.

— Славный юноша, — заметил Добрыня.

— Не честь бы богатырская, предпочел бы я его иметь не во врагах, а в сотоварищах, — признался Илья.

— Согласен с вами, друзья мои, — сказал Алеша, — однако драться придется, и тут наше положение еще сложнее, чем его, — кивнул он на продолжающего со свирепой физиономией размахивать булавой Ивана. — Не можем же мы, в самом деле, втроем наброситься на этого бедного отрока. Как быть?

— Самым разумным будет драться с ним по очереди, — предложил Добрыня. — Давайте посчитаемся, кому первому.

— Не пойдет! — не прекращая вертеть булавой, вы-

крикнул Иван. — Первый имеет больше шансов получить удовлетворение! Вместе деритесь, кому повезет!

— Давайте так, — высказал свой вариант Илья, — пока он двоих не ухайдакает, драться не будем. А уж кто останется, тот ему за всех отплатит. — С этими словами он, покорясь судьбе, закрыл глаза и, вытянув руки по швам, замер. Не долго думая, его примеру последовали Добрыня и Алеша.

Запыхавшийся Иван опустил булаву и обиженно крикнул:

— Вы что, издеваетесь?! Как же я могу беззащитных людей бить?

Богатыри открыли глаза и переглянулись.

— Да-а, — протянул Илья Муромец, — незадача...

И тут сие неестественное равновесие благородств нарушило появление на поле необычного существа. Вообще-то трехглавый змей на Руси — не диковина. Ребятишки их дразнят, богатыри, прибавляя себе славы, с ними бьются, а особо удачливые крестьяне даже ухитряются, запрягши, пахать и боронить на них землю. Но существо, появившееся на Куликовом поле сейчас, было необычно как раз тем, что голов у него было не три, а четыре. Поглядывая на явно лишнюю голову, три остальные тоскливо взревывали. Богатыри уставились на змея.

— Непорядок,— прервал всеобщее замешательство Илья Муромец, — нас трое, а голов — четыре. Кому-то две достанется, а это — нечестно...

— Позвольте с вами не согласиться! — вскричал Иван, радуясь возможности перед смертью совершить хотя бы один подвиг. — Нас не трое, нас четверо! — И выкрикнул первую часть легендарного богатырского лозунга: — Один за всех!..

— И все за одного! — рефлекторно отозвались богатыри и, выхватив мечи из ножен, ринулись на змея.

Бедное животное и не думало сопротивляться. Пытаясь уклониться от острых лезвий, три его головы беспорядочно мотались из стороны в сторону, переплетались шеями и, натыкаясь на лишнюю, ошалело хлопали глазами. Последняя же, словно выпавший из гнезда птенец, с любопытством озиралась окрест до тех пор, пока булава Ивана не прекратила ее ознакомление с миром. Удар раскроил зеленый череп, а еще через минуту каждый из богатырей отсек по «своей» голове.

Ноги змея расползлись, он осел на землю и вдруг, вспыхнув ярким голубым пламенем, исчез.

Иван пораженно смотрел на то место, где только что

стояло чудище; привычные же к этому явлению богатыри спокойно отерли мечи о траву и вложили их в ножны.

— Я к вашим услугам! — воскликнул Иван, очнувшись. — Продолжим поединок! — И тут заметил, что богатыри о чем-то таинственно перешептываются. Совещание их быстро закончилось, и слово взял Алеша Попович:

— Вот что, добрый молодец. Негоже нам драться с тобою после того как вместе мы чудище одолели, землю Русскую защитили.

— Что, струсили?! — истерично закричал Иван и даже сам обалдел от своей дурости.

Богатыри довольно заржали.

— Кончай, земеля, — ласково сказал Илья, — объясника лучше, чего это ты про лиходея рассказывал, именем твоим воеводе назвавшегося?

Иван понял, что боя не будет, но радости своей сумел не выказать.

— Да не лиходей Емеля, — махнул он рукой и принялся подробно рассказывать о своей с оным встрече, о его любви к Несмеяне и о собственном решении ему не мешать.

Выслушав его рассказ, богатыри растрогались.

— Да, Вань, — сказал Добрыня, когда дурак закончил свое повествование, — благородный ты юноша. Может быть, даже благородней меня. А я очень благородный. И скромный.

— Благородство благородством, а выручать надо парубка, — заявил Алеша. — Поехали к князю, всё как есть расскажем, пусть он Микуле прикажет в богатыри тебя принять, а уж что с Емелей делать — пусть сам решает.

— Да не могу я... — начал было Иван, но его перебил Илья Муромец:

— А тебя никто и не спрашивает. И князю, и Микуле мы твою историю так и так расскажем, а то благородством своим ты сам себя в могилу сведешь. Так что поехали вместе.

Делать нечего. Пришпорил Иван своего Гнедка и, понурясь, двинулся вослед богатырям.

Но вскорости настроение его изменилось. Оттого, что на полдороге к палатам Владимира повстречался им княжецкий стражник.

— Не ты ль Иваном-дураком будешь?! — обратился он к нашему герою.

— Он, он, — подтвердили богатыри, — а чего?

— Микула к себе требует, в дружину принимать.

— А Емеля как же?.. — вырвалось у Ивана, но он тут же испуганно прикрыл рот ладонью.

— Самозванец-то? — расплылся в улыбке стражник. — Самозванец утек.

И вот что, сопровождая богатырей и Ивана, рассказал стражник далее.

Заступив в караул, Емеля выбрал удачный момент и прокрался в опочивальню Несмеяны. Несмеяна рыдала над книжицей. Поднапрягшись, Емеля прочел на обложке название: «Муму».

Емеля, умилившись, замер в дверях. В этот миг Несмеяна приостановила рыдания, смачно высморкалась на пол, выжала мокрую от слез простыню, затем открыла книжицу с начала и разрыдалась с новой силой.

— Не плачь, красна девица, — хриплым от любовного волнения голосом сказал Емеля.

Несмеяна взвизгнула и, подскочив как ошпаренная, принялась судорожно оправлять ночную рубашку. Однако мокрая рубашка липла к телу, лишь подчеркивая перед охальником соблазнительные округлости. Ноги Емели от этого зрелища подкосилися, и, чтобы не упасть, он покрепче ухватился за косяк.

— Ты кто? — с искренним любопытством спросила Несмеяна, прокричавшись.

— Емеля я, суженый твой, — ответил тот приготовленной заранее фразой.

— Су-у-женый? — переспросила Несмеяна и кокетливо всхлипнула. — А ежели я папеньку позову, тебе голову отрубят.

— Не отрубят, — уверенно заявил Емеля, — потому как я тебя сейчас рассмешу. А тому, кто это сделает, батюшка твой, государь, обещался в жены тебя отдать. Да полцарства в придачу. Так что он мне уже почти что тесть.

— Уже рассмешил, — хлюпнув носом, недоверчиво сказала Несмеяна.

— Не веришь, — кивнул головой Емеля. — Ну гляди. — И он торжественно произнес: — По щучьему велению, по моему хотению, засмейся, царевна!

Царевна изо всех сил попыталась скривить губы в улыбке, но ничего у нее не вышло, и она снова тихонько заплакала.

— По щучьему велению, по моему хотению, засмейся, царевна! — повторил Емеля дрожащим голосом.

— Да щука-то тут при чем?! — возмутилась царевна, вновь взахлеб разрыдавшись. — Бестолочь! — И, с ненавистью глядя на Емелю, закричала: — Папенька!

— Ау, доченька, — раздался из соседней комнаты голос князя.

— Зови палача, папенька, клиент пришел!

Пораженный очередным предательством щуки, Емеля понял: пора делать ноги. И сделал их.

...Вызванный на место преступления Микула Селянинович без труда определил, кто был наделавшим переполоху неудачливым претендентом на руку и сердце царевны. Объявив на Емелю розыск по всей Руси, послал он и за Иваном-дураком, чтобы восстановить сына своего старого товарища в утерянных правах.

— Вот что, Ваня, — сказал воевода дураку, когда наша четверка появилась в его кабинете. — Теперь все у тебя путем пойдет. Но в богатыри я тебя сразу принять не могу. Поскольку ты, выходит, вроде как помог прохиндею этому — Емеле — в наше доверие втереться...

Иван хотел было возразить, но Микула Селянинович осадил его взмахом руки:

— Знаю-знаю, что не по умыслу злому, однако ж... Походи пока в «добрых молодцах», конюшни княжецкие почисти. Конюха — Авгием зовут. И там, между прочим, подвиги совершать можно. А потом и видно будет. Только чую я, а опыт у меня, сам понимаешь, изряден, ждут тебя большие дела!

...Выйдя от воеводы, обрадованные богатыри принялись что есть силы дубасить Ивана по спине и плечам, приговаривая: «Ну, поздравляем, дружище!», «С назначеньицем!»...

— Это дело надо спрыснуть! — уже во дворе заявил Алеша Попович. — Давайте-ка, друзья, соберемся вчетвером в кабаке часов эдак в десять. В том, что на Муромской дороге, а?!

— Дело говоришь! — согласился Илья Муромец.

— Дело! — подтвердил Добрыня.

И богатыри вскочили на коней. А с ними и Иван — на Гнедка.

— Я бы рад, — взял он слово, — да только остановиться мне где-то надо, крышу над головой найти.

— А чего ее искать-то?! — заявил Алеша. — К дядьке Черномору тебя определим. Один черт, у него на постое тридцать три богатыря. Тридцать четвертым будешь! Тем паче с хозяйкой я знаком коротко, — добавил он потише, слегка зардевшись.

После слов этих богатыри пришпорили коней и двинулись в известном им направлении. Иван поспешил вослед.

...Выйдя из черноморовской хаты, Алеша объявил:

— С хозяйкой все улажено, заходи, располагайся. Она

сейчас одна дома. — И Попович многозначительно подмигнул. — А мы пока пойдем, подвигов поищем.

— Да не забудь: в десять — в кабаке! — напомнил Добрыня.

— Не забуду! — заверил Иван и шагнул в сени.

Там и встретила его хозяюшка... Марья-искусница.

Иван так и обомлел. Марья же, приветливо улыбаясь, стояла, держа во белых руках хлеб да соль.

— Вот и свиделись, добрый молодец. И на сеновал ходить не надобно, — сказала она игриво. — Ну как, не лишней голова у змея оказалась?

— Ужель твоя работа, красавица?! — воскликнул Иван вне себя от счастья.

— Моя не моя, — скромно потупила глаза Марья, — а все-таки не зря я «искусницей» в народе прозвана...

Тут Иван опечалился:

— Ты, значит, дядьки Черномора жена?

Опечалилась и Марья:

— Так это, Ваня. Да только давно уж я при живом-то муже вдовствую. Сутки напролет Черномор с тридцатью тремя богатырями бражничает. А придет домой,— сразу в ванну лезет: без воды он, понимаешь, не может.

— А на тебя и внимания не обращает?

— Не обращает...

— Да как же он может? На такую-то бабу!..

Марья-искусница, забыв на миг горести, засмеялась обольстительно:

— А ты, Иван, хоть и дурак, а хитер, хитер! Садись-ка лучше столоваться.

С этими словами Марья накинула на стол скатерть-самобранку и принялась дружка своего нового поить да потчевать.

За вкусным обедом да игривой беседою, преисполненный самых соблазнительных надежд, Иван и не заметил, как настало ему время мчаться на условленную встречу с богатырями.

Глава третья,

в которой Иван знакомится с невеселой историей своего нового друга

Как на крыльях прилетел Иван в кабак.

— Друзья! — вскричал он, усаживаясь за уставленный снедью дубовый стол. — Поистине сегодня счастливейший

день! Сегодня я приобрел не только трех прекрасных друзей, но и возлюбленную! Знали бы вы, как она хороша! Как... как...

— Эх, Ваня, — остановил его Илья Муромец, кладя тяжелую ладонь ему на плечо. — Счастье твое просто смешно. — С этими словами свободной рукой он поднял с пола трехведерную зеленую бутыль и водрузил ее на стол. — Хотел бы я знать, что бы ты сказал, если бы рассказал я тебе одну любовную историю.

— Случившуюся с тобой?

— Или с одним из моих друзей, не все ли равно?

Алеша и Добрыня многозначительно переглянулись.

— Расскажи, Илья Муромец, расскажи, — запросил Иван.

— Выпьем, это будет лучше, — попытался вдруг сменить тему Илья.

— А ты пей и рассказывай.

— Это действительно вполне совместимо, — согласился Илья, наполняя кружки богатырям и Ивану.

Как из-под земли, перед столом вырос благообразный седоватый старец с гуслями на ремне.

— Ой вы гой еси, добры молодцы! — приветствовал он сидящих и протянул откуда ни возьмись взявшуюся в его руке пустую кружку, раза в три бóльшую объемом, чем у богатырей. — Не споможете ль народному сказителю в созидании вдохновения? — спросил он явно риторически.

— Да ты присаживайся к нам, Боян, чего уж, — предложил Добрыня приветливо.

Боян погладил ладонью белую окладистую бороду, якобы размышляя, принять ли приглашение, затем ответил с достоинством:

— Что ж, не грех с героями былинными чарку распить. — И опустился на скамью рядом с Алешей.

Тот вскочил и церемонно обратился к Ивану:

— Знакомься, Ваня, это Боян. Поэт.

Затем повернулся к старцу:

— Боян, это Иван. Дурак.

— Знаю-знаю, — закивал старец. — Дуракам на Руси завсегда почет. Много я о тебе преданий слыхивал, Ваня. А вот ликом ты каков, еще не видывал.

«Интересно, чего это он обо мне слышать мог?» — удивился Иван, но промолчал, решив, однако, порасспросить позднее.

А Боян продолжил:

— Что ж, друзья мои, за удаль молодецкую! — Он оп-

рокинул кружку, затем смачно крякнул и занюхал выпитое грязным рукавом кафтана.

Богатыри последовали его примеру. Иван осушил свою кружку залпом и почувствовал, что его глаза вылезли на лоб. Алеша галантно подал ему крынку с огуречным рассолом:

— Запей, Ванюша. Царская водка — напиток богатырский, не сразу по нутру бывает. Не печалься, привыкнешь вскорости.

Иван опустошил крынку и лишь после этого сумел с хрипом выдохнуть.

Боян, черпая большой расписной деревянной ложкой черную икру и намазывая ее на печеные плоды хлебного дерева, вновь обратился к Илье:

— Мне показалось, своим появлением я, богатырь, перебил тебя.

— Да-да, Илья, — обрадовался Иван, к которому дар речи уже вернулся, — ты начал любовную историю...

— Вы непременно этого хотите? — обвел Илья присутствующих тяжелым взглядом. Те закивали, набивая рты яствами.

— Хорошо, пусть будет по-вашему... Один из моих друзей, некий богатырь родом, как и я, из села Карачарова, что недалече от славного города Мурома...

— Брось жеманиться, Илюша, — перебил его Боян. — В селе-то Карачарове только один богатырь и был.

Илья Муромец густо покраснел.

— Что ж, ладно, будь по-вашему, — сказал он замогильным голосом. — Резанем правду-матку... Так вот. Родился я в селе Карачарове, что под Муромом, отец мой, батюшка, был крестьянином. И сидел я сиднем целых тридцать лет...

— А чего? — удивился Иван.

— Детский паралич, — шепотом пояснил Алеша.

Тем временем Боян, не дожидаясь приглашения, хряпнул еще кружку, утер губы ладонью и вмешался:

— Ну, эту-то историю любой дурак знает. Разве что кроме этого, — он покосился на Ивана. — И как тебя калики перехожие вылечили, и как ты Святогора-богатыря в гроб загнал. И как жену твою Калин-царь извел. А вот про любовную интрижку, — он скабрезно хихикнул, — про это мы еще не слыхивали. Ближе к телу, Илюша!

Илья ударил кулаком по столу так, что огурцы и апельсины запрыгали по нему, как мячики.

— Слушай, дед, еще раз вякнешь, седин твоих не пожалею я...

— Молчу-молчу, — испуганно затряс головой Боян.

— Не, Илюха, ты кончай, — вмешался Алеша Попович, — старик дело глаголет. Обещал про бабу, а сам опять про калик своих...

Услыхав эту фразу, Добрыня поднялся, держа свою кружку в вытянутой руке:

— За пр-р-релестных дам!

Выпили.

— Ну ладно, — сказал Илья, — дело, значит, было так. Перебив всю нечисть вокруг Мурома, собрался я на службу ко Владимиру. Отстоял заутреню, оседлал своего добра коня и попер. Еду я, еду, вдруг — на дороге камень, а на камне том надпись...

Боян, желая вставить словечко, открыл было рот, но Илья показал ему волосатый богатырский кулачище, и тот, клацнув зубами, рот захлопнул. А Илья продолжил:

— «Налево пойдешь — в избу-читальню попадешь, — на том камне писано, — направо пойдешь — славу себе сыщешь, а прямо пойдешь — голову свою сложишь». Ну, думаю, налево мне не надо, грамоте-то я не шибко обучен. За славой мне тоже недосуг бегать, пусть она за мной бегает. И двинул я коня прямой дороженькой. На Киев. И любой богатырь бы так поступил, верно я говорю?

Алеша и Добрыня согласно закивали. И вновь опрокинули на радостях свои чарки в глотки. Вокруг раздался одобрительный гул. Впервые, доселе увлеченный беседой, Иван украдкой огляделся. В кабаке за столами дубовыми сидели по меньшей мере десятка три бравых молодцев. И все устремили свое внимание к столу его новых товарищей.

— Ну вот, — продолжал Илья, — не прошел мой конь и десятка верст, как услышал я посвист змеиный да окрик звериный. Конь мой встал как вкопанный, а я, хоть и не робкого десятку уродился, сомневаться стал: туда ли еду. Кровь от того свиста в жилах, прямо скажу, стынет.

Глянул я по сторонам — никого нетути. Глянул вверх и вижу: на трех дубах корявых гнездо агромадное свито. Тут слетает с него и встает передо мной птица не птица, человек не человек...

— Соловей-разбойник, — не выдержав, вставил словечко Боян и испуганно прикрыл рот ладонью.

— Точно, — сказал Илья с расстановкой, тяжелым взглядом смерив старца. — Соловей.

— Молчу-молчу, — затравленно втянул голову в плечи сказитель.

— Правильно, — одобрил Илья, — и вот говорит мне

соловьище этот поганый: «Доброго пути тебе, Илья Муромец. А давай мы с тобой, богатырь, побратаемся. Будь ты мне братом названым. Станем мы по Руси гуляти рука об руку, подвиги вершить богатырские». Ничего я ему не ответил, только вынул свой булатный меч да и срубил чудищу буйну голову...

— За что?! — поразился Иван.

— А так, — объяснил Илья, — чтоб не лез с любовью со своей.

— Темный ты, — сказал тихонько Боян Ивану на ухо, — былин не знаешь. У них, у богатырей, заведено так. Вот и Алеша с Тугариным тоже, и Добрыня...

А Муромец рассказывал дальше:

— Положил я Соловьеву голову в чемодан и дальше двинул. Чуть-чуть проехал, глядь: терем расписной. Постучал я в дверь, та из петель-то и выскочила. А в сенях — девица красная стоит, в руках кочерга — от врага обороняться. Как ударила она мне той кочергой промеж глаз, так и полюбил я ее сразу.

— Ну наконец-то до дела добрался, — радостно потер ладони Алеша, а Добрыня спросил, поблескивая глазами:

— А какая она, девка-то? Опиши, да поподробнее. Ноги там у ней какие, остальное всё...

— Какая? — переспросил Илья и тут же ответил: — А мне как раз под стать. Кочерга-то у ней была в девяносто пуд.

— А ноги-то, ноги? — настаивал Добрыня.

— Ноги?.. — Илья задумался, затем пожал плечами. — Ноги как ноги, шестьдесят восьмой размер.

Добрыня мечтательно закатил глаза к потолку и зачмокал губами. А Иван вспомнил свою изящную, миниатюрную Марью и вновь утвердился в мысли, что о вкусах не спорят.

— «Красна девица, — спрашиваю я ее, — как звать тебя?» — «Алена», — отвечает. «А будь ты, Алена, женой мне», — говорю. Улыбнулась она в ответ, словно солнышко взошло ясное, и вижу: люб я ей. Взял я ее на руки, отнес во поле чистое, и тут же мы с ней и повенчались — под ракитовым кустом.

— Вот это по-нашему! — хлопнул себя по коленке Алеша и от избытка чувств опорожнил очередную чарку. Иван же, разомлев от алкоголя и грез о Марье, мечтательно произнес:

— И жили они долго и счастливо...

— Если бы! — горестно осадил его Илья. — Эх, если бы. И умерли б мы в один день... Уж кто-нибудь да поза-

ботился бы. Так нет, вернулись мы к ее терему рука об руку, тут и попутал меня нечистый похвастаться. Поставил я в горнице на стол чемодан свой да и говорю: «Глянь, Алена, от какого чудища я землю Русскую избавил!» И крышку-то отворил. Как на голову Соловьиную Алена глянула, закручинилась. «Что ж ты, богатырь, наделал, — говорит, — это ж батюшка мой, отец родный. Люб ты мне стал, Илюша, да отец — дороже. Поеду я теперича в Киевград на тебя, богатыря, управу искать у князя, у Владимира, у Красна Солнышка». Сказала так, вскочила в седло моего коня и была такова, только пыль вдалеке заклубилася. Так-то вот.

Не сдержался тут Иван и заплакал во весь голос.

— А дальше-то, дальше что было? — спросил он, всхлипывая.

— А дальше вот что, — ответил Илья, ликом чернее тучи став, — пошел я во Киев, во стольный град пешим ходом. С чемоданчиком. Три дня и три ночи шел да раздумывал: «Не по смерть ли я иду да по скорую? Не сносить мне головы, коль Алену Владимир послушает...» Вот пришел я в Киев, двинул сразу в палаты княжецкие, прошел во трапезную, глядь, князь со свитой своей пир пирует. Крест я клал по-писаному да кланялся и Владимиру, и Василисе-княгине, и боярам, и богатырям...

— Вот это я уже помню! — обрадовался Добрыня, — как ты Владимира под орех разделал. Дозволь дальше мне рассказывать, со стороны-то виднее.

— Рассказ этот ноша мне тяжкая, — молвил Илья Муромец. — Не пристало богатырю ношу с плеч перекладывать.

Он замолчал, и пауза была довольно тягостной. Наконец Илья вновь нарушил ее:

— Позднее узнал я, что, выслушав Алену, князь над ней сжалился и меня наказать обещался. А саму ее, красну девицу, за попа Гапона сосватать...

— А это еще кто? — спросил Иван.

— Не знаешь? — удивился Боян. — Ничего, узнаешь еще.

— Гапон — это Владимиров главный советник, — пояснил Добрыня. — Ежели Алена за попа выйдет, второй дамой на Руси станет, после Василисы. Но сам поп — прохиндей тот еще. Владимир ему верит, а мы, богатыри, закваску в нем вражью чуем. Да доказательств нету.

— Как вошел я в княжецкую трапезную, — продолжал Илья, — встретил меня Владимир неласково. «Это кто еще, — говорит, — к нам пожаловал, словно пес, пешком, не на

коне лихом? Посадите-ка его на конец стола, там, где нищие да убогие...» А рядом с князем попишка сидит. Тот так надо мной насмехается: «То, видать, к нам Илюшка пожаловал, что не знает, как к девице свататься, не срубив головы ее батюшке». Осерчал я, понятно, за стол садиться не стал, только чемоданчик свой на него кинул да и вон пошел...

— Ой, погоди, Илья, — снова влез Добрыня, язык которого слегка заплетался, — дай я хоть расскажу, что у князя потом было, ты же не видел. Когда ты вышел да дверью хлопнул, стены в тереме треснули да покосились. Чемоданчик мы открыли, там — голова Соловьева. Потом прибегает стражник. «Князь, — кричит, — Илья Муромец с крыши твоей все золотые маковки посбивал, а теперь в кабаке сидит, пропивает их. И всю голь киевскую поит». Рассердился князь, послал семерых богатырей Илью сковать да к нему прислать. Не вернулись те богатыри, споил их Илья. Послал трижды по семь, и те не вернулися. Видит князь, вся дружина его так переведется. Говорит: «Видно, спутал я Илью-богатыря с кем другим еще. Кто тут храбрый есть? Вы найдите его да скажите, что приму его с великими почестями». Тут мы с Алешей и вызвались. Ох и погудели!

— Да-а, — протянул Алеша, жмурясь от приятного воспоминания, — пока все оставшиеся маковки златые с Ильей на троих не пропили, из кабака не вылазили. Потом явились втроем к Владимиру да и говорим: «Прими, князь, Илью в дружину, мы ему даем свою богатырскую рекомендацию. А не примешь, мы с ним вместе по Киеву пойдем да камешка на камешке не оставим». Ну куда ему деваться было? Принял.

— А Алена-то как? — поинтересовался Иван, несколько обескураженный услышанным.

— А что Алена? — горестно тряхнул головой Илья. — Похоронила она голову отцову как положено, да так за Гапоном сосватанная и осталась. Говорят, и свадьба скоро. Поймал я ее как-то в княжецких сенях, зажал в угол, а она кричит: «Отстань, видеть тебя, лиходея, не желаю! То ли дело Гапон — мужчина интеллигентный, грамотный...» Отпустил я ее с богом, пусть живет. А все Владимир-пес! Приказал бы ей, пошла б за меня.

— Ох как прав ты! — воскликнул Алеша в сердцах. — Пес поганый наш князь! Гапону-то в рот заглядывает, а нам, богатырям, почитай уж третий месяц жалованья не повышает!

— Не ему, собаке, мы служим, — внезапно зарыдав,

поддержал друзей Добрыня, — а земле Русской! — Сказал и принялся ладонью размазывать по лицу слезы и сопли.

Иван беспокойно огляделся. Хоть опыт его жизненный и невелик был, а все же чувствовал он, что речи подобные добром не кончатся. Нужно было как-то сменить тему. И он заговорил про то, чем сейчас его головушка более всего занята была:

— Ну, Илья, твоя история — нетипичная. Не обязательно же так бывает! Вот у меня возлюбленная, она и ликом красна, и умом ясна. И никогда она мне поперечь не пойдет. — Тут хмель да желание покрасоваться пересилили Иванову правдивость, и хвастовство его перешло в откровенное вранье: — Да я ей только шепну: «В койку, Маша», — она уж там. Одно слово — искусница!

Богатыри довольно заржали, а Боян, ткнув Ивана в бок, зашипел ему в ухо:

— Ты чё, дурак, обалдел? Здесь ведь муж ее — Черномор.

— Где?! — испугался Иван.

— Да прямо за тобой сидит.

Не удержавшись, Иван обернулся. Но место на скамье за соседним столом пустовало.

— Нету там никого, — сказал он с облегчением. Глянул и Боян.

— Только что тут был, а теперь и след простыл. Ну, жди Иван неприятностей...

Но не придал Иван словам этим особого значения, так как Добрыня и Алеша принялись тем временем рассказывать и свои увлекательные истории. Подумал только: небось Черномор давным-давно из кабака ушел. Подумал и успокоился.

А зря. Потому что на самом-то деле все слышал Черномор и теперь, сжигаемый ревностью, мчался он в палаты княжецкие, лелея в душе нехитрый план мести.

Бежал Черномор дорогой не окольною, а прямиком через джунгли, пугая обезьян и попугаев. Вот и палаты.

Князя он застал в тронном зале за игрой в домино с Гапоном. Видно, Владимиру в игре не везло, так как сидел он в одних кальсонах да в короне, а его сапоги, мантия и прочие одежды кучкой лежали возле Гапона.

— Не вели казнить, вели слово молвить! — вскричал Черномор, кланяясь.

— Ни минуты спокойной! — возмутился князь, не отрывая взгляда от стола. — Поиграть не дадут! Может, все ж таки повелеть казнить, а не слово молвить, а? — но тут же,

выговорившись, смягчился: — Ладно, давай выкладывай. — И обернулся к Черномору.

Гапон, пользуясь тем, что Владимир не смотрит, принялся подменивать костяшки.

— Три твоих богатыря да дурак с ними сидят сейчас в кабаке да тебя, Красно Солнышко, хают принародно.

— Вот же мерзавцы! — возмутился князь. — И как они меня хают?

— «Не собаке-князю мы служим, — говорят, — а служим земле Русской».

— Про землю Русскую — это хорошо, — заметил справедливый князь. — А вот про собаку — нехорошо. — Гапон, — повернулся он к попу, и тот мигом отдернул руки от фишек, — чего делать-то с безобразниками будем? Воспитывать?

— Поздно, — заявил Гапон злобно, — воспитывать надо было, когда они на лавку поперек ложились. Теперича только одно поможет: головы поотрубать.

— И то верно, — согласился князь, — мудрый ты у меня, — ласково потрепал он Гапона по щеке, — они мне и самому как бельмо на глазу. Только водку жрут да похваляются, а толку никакого. Но как их взять-то, ежели они втроем по силе — всей моей дружины стоят? Только угроблю ее без толку.

— Ну, это просто, — ухмыльнулся Гапон. — Они, как напьются, куда идут?

— Ко мне, — ответил князь. — Явятся, на ногах чуть стоят, «хотим, — говорят, — подвиг совершить, прикажи, князь, чего-нибудь!».

— Ну вот, давай подождем. Как явятся, тут мы их тепленькими и покоцаем с дураком ихним вместе.

— Точно! — обрадовался князь. — А пока сыграем?

— Сыграем, сыграем, — закивал Гапон, — больно мне кальсоны твои глянулись. И корона.

— На корону не зарься, казенная она!

Черномор нерешительно кашлянул. Князь и Гапон повернулись к нему.

— Чего тебе еще? — спросил Владимир. — Ступай.

— А может, головы-то рубить не надо, а? — спросил Черномор, слегка напуганный результатами своего навета.— Да и богатыри-то тут ни при чем, главное — Иван...

— Ступай, ступай, — повторил князь, — сами разберемся. — И вновь вернулся к домино. — Елки-палки! Всё, что ли, уже?!

— Всё, — скромно подтвердил Гапон. — Разоблачайся, княже.

Понурившись, дядька Черномор медленно двинулся прочь. В сенях, зажав под мышкой княжецкие кальсоны, его догнал Гапон.

— Эй, Черномор, дело есть!

— Какие у нас с тобой дела могут быть, собака поповская?

— Ну, кто собака, это мы с тобой потом обсудим. Ты вот о чем подумай. Трех богатырей сейчас казнят, так?

— Так, — тяжело вздохнув, признал Черномор.

— А без них дружина княжецкая — тьфу, верно?

— Верно.

— Теперь представь, что как раз в этот момент на Киев печенеги нападут.

— И представить-то боязно.

— А ты не страшись. Ежели ты со своими тридцатью тремя богатырями за печенегов выступишь, быть тебе у ханского наместника воеводою!

— Да ты что?! — взъярился Черномор. — Да я тебя сейчас!..

— Только тронь, — пригрозил Гапон, — вмиг голова с плеч слетит.

— А я сейчас Владимиру про твои речи расскажу.

— Поверит он тебе! Мне он поверит, а не тебе!

— И то правда, — снова вздохнув, согласился Черномор. — Что же делать-то?

— А ты иди домой да подумай хорошенько, — посоветовал Гапон. — Ванну прими, тебе в воде лучше думается, так ведь?

— Так, — сокрушенно подтвердил Черномор.

— Ну тогда — адью, до встречи, — помахал ему Гапон ручкой. — Как надумаешь чего, сообщи. — И поп вприпрыжку помчался обратно в тронный зал.

Глава четвертая,

в которой Алеша не желает быть решкой

Но вернемся к нашему герою и его доблестным друзьям. Пока у князя Владимира плелись дворцовые интриги, много пива да зелена́ вина утекло в утробы богатырские.

Усилиями Ивана беседа за столом двинулась в ином русле. Да и трудно разве русского мужика склонить к разговору о женщинах?

— А вот у меня тоже история, — нетрезво ухмыляясь, заявил Алеша Попович.

— И у меня, — ревниво перебил его Добрыня.

— Нет уж, я первый, — заупрямился Алеша.

Добрыня схватился за меч:

— Давай-ка, любезный, силушкой померимся: чья возьмет, тот и первый.

— Стойте, стойте,— принялся утихомиривать их Иван,— пусть-ка Бог вас на правду выведет. — И, достав из кармана двугривенный, предложил: — Орел — будет Алеша, а решка — Добрыня.

— Почему это Алеша — орел, а я — какая-то там решка?! — возмутился Добрыня.

— А потому! — ехидно хихикнул Алеша.

— Ну давайте наоборот, — торопливо предложил Иван.

— Но-но, — на этот раз схватился за меч Алеша.

Иван понял щекотливость положения, и не сносить бы ему головы, не вмешайся в беседу Боян:

— Полно ссориться вам, добры молодцы. Лучше чарки свои богатырские вы наполните-ка зеленым вином да испейте их друг за друженьку. Да за Русь нашу — милу матушку.

— Дело Боян говорит, — поддержал сказителя Илья Муромец. — Давайте лучше вмажем, чем меж собой собачиться.

Иван расслабился. Выпили.

— Все-таки интересно было бы мне рассказы богатырские послушать, — заметил дурак.

— А давайте-ка я расскажу о вас, — предложил Боян, — ведь давно уже ваши все подвиги превратились в преданья былинные.

— Да чего ты расскажешь? — презрительно сморщился Алеша, и стало заметно, что он уже не вяжет лыка. — Вы ж, бояны, всё переделали, всё приукрасили.

— А, пусть рассказывает, — махнул рукой Добрыня и угодил ладонью в чашку маринованных кокосов, — а мы поправлять будем.

— Ладно, ври, — разрешил Алеша.

Боян проворно выставил перед собой гусли, ударив по струнам, извлек из недр инструмента немелодичный аккорд и вдохновенно заголосил:

Из славного Ростова, красна города,
Шел Алеша, что попа сын соборного!
Не за славою он шел, не за золотом,
А на службу он шел ко Владимиру!..

Алеша вдруг разрыдался и упал лицом в тарелку с печеными устрицами, причитая:

— Не за славой, точно, не за золотом. — И затих. Воодушевленный успехом, Боян заголосил дальше:

Вот сидит он за столом у Владимира,
А за тем же столом — Тугарин Змеевич.
Он по целой ковриге мечет за щеку,
Да по целому ведру питья медвяного.
Указал на Тугарина Алеша-млад,
Да и молвил он князю Владимиру:
«Ой, нечестно твой Змеевич пьет да ест,
Как болван, дурачина нетесанный.
Как возьму я за шкирку Тугарина
Да под гору высокую выброшу!»
Почернел тут Тугарин, что ночь зимой,
Да с Алешей пошел в чисто полюшко.
Там ему богатырь во честном бою
И оттяпал поганую голову...

Тут Алеша перебил Бояна, подняв перемазанное устричным соусом лицо:

— Говорил я, врать будешь — так и есть, не удержался.

— Зато красиво, — заступился за Бояна Добрыня.

— А на хрена она мне, красота эта?! — продолжал кипятиться Алеша и передразнил: «Там ему богатырь во честном бою...» Да во честном-то бою меня бы Тугарин мизинцем левым придавил. Обманом я его взял, самым что ни на есть подлым. Аж поныне совестно. Вышли мы в чистое поле, я и говорю: «Что ж ты, Тугарин, брешешь: говорил, что один на один будем биться, а сам войско за собой привел?» Обернулся Тугарин округ себя, тут-то голову я и отсек ему.

Ивану за Алешу стало стыдно.

— Не, Попович, — гнул свою линию Добрыня, — у Бояна-то красивше будет. Давай, дед, ври дальше.

— Это он по скромности своей, — пояснил Боян реакцию Алеши и вновь ударил по струнам, — потому как Алеша Попович-млад своей доблестью честной прославился, ведь не зря ж он покинул свой дом родной, и семью, и женураскрасавицу...

Вновь встрепенувшись, Алеша заорал:

— Да кончай ты врать-то, уши вянут. В гробу я твою доблесть видел! Я как раз от жены-то в Киев и сбежал! Она же у меня — царевна-лягушка.

— А, эту историю я тоже знаю, — обрадовался Боян, — очень романтическая история...

Но продолжить Алеша не дал. В пароксизме хмельной искренности он заявил:

— И это тоже вранье. По правде-то так дело обстоит: днем она баба как баба, очень даже симпатичная, а вот ночью — лягушка! Надоело мне это до смерти, вот в Киев и подался. Лучше службу служить, чем с лягушкою жить.

Иван растерянно переводил взгляд с Алеши на Бояна, не зная, кому из них верить, чему отдать предпочтение — красоте или правде.

— Ох ты горе горькое, — взвыл тут Алеша, — разбередил ты, гад, душу мне! Как вспомню жизнь свою, так тошно становится! Не сыпь мне соль на рану, дед, хватит! Расскажи-ка лучше о себе ты, Добрынюшка. Мы-то с Ильей и так всё знаем, а вот Ване, добру молодцу, в новинку да в урок будет.

Добрыня, с трудом приподняв голову, согласился:

— Будь по-твоему, Алеша. Слушай, Ванечка. Расскажу-ка тебе я о том сейчас, как со Змеем поганым во честном бою я племянницу князеву вызволил — красну девку Забаву Путятишну.

Изрядно пьяный Боян, не остывший от распри с Алешей и преисполненный духа противоречия, перебил его:

— «Во честном бою...» Да все ж знают, что вы с тем Змеем уговор держали друг на друга не нападать. Он и не ожидал ничего, когда ты в чертоги его ворвался.

Добрыня покраснел как рак, свирепо глянул на сказителя и молвил:

— В честном ли бою, не в честном ли, а Забаву Путятишну вызволил.

— Еще б тебе ее не вызволить, когда втюрился в нее по уши. Только было сватов прислал, как Змей ее из-под носа и увел. Между прочим, с ее же согласия.

Вокруг раздались смешки. Иван огляделся. Все посетители кабака промеж собой вовсе не разговаривали, а внимательно прислушивались к беседе за их столом.

Добрыня, вновь многозначительно взявшись за рукоять меча, произнес с расстановкой:

— А уверен ли ты, Боян, в словах своих?

— А чего же мне неуверенным быть? — вопросом на вопрос ответил тот, не заметив угрожающего жеста. — Аль не я в твоих сватах ходил?

— Чего ж Забава не пошла за меня, как ты думаешь? — спросил Добрыня ледяным тоном, явно Бояна провоцируя. А тот, как это порой бывает свойственно людям творческим, не заметил подвоха и упивался своей осведомленностью:

— А чего тут думать-то? Владимир не отдает. Рылом, говорит, ты, Добрынюшка, не вышел...

Вокруг вновь одобрительно загоготали.

— Ну всё, дед, — побледнев, тихо сказал Добрыня Никитич и стал медленно-медленно подниматься со скамьи, — договорился ты.

Тут лишь Боян очнулся от эйфории.

— Добрыня, ты мне друг, но истина дороже, — пролепетал он, осторожно сполз со скамьи и попятился к двери.

— Врешь, не уйдешь! — вскричал богатырь и, взмахнув саблей, вскочил прямо на стол.

Юрким выхухолем лесным скользнул Боян в дверь, а все прочие присутствующие повскакали с мест и кто мечом, кто саблей острой, а кто и булавой пудовой принялись размахивать в воздухе, то и дело задевая соседей...

Не долго думая, Иван схоронился под стол. Под столом было тихо и уютно. «Так, — подумал Иван, — пора смываться. Однако пойду-ка я за Бояном прослежу. Все-то этот дед знает. Ежели с ним дружбу свести, вскорости я всех подноготных киевских знатоком стану. А три богатыря уж так набрались, что, пожалуй, моего исчезновения и не заметят...»

С мыслью этой он на четвереньках пополз к выходу. Вокруг хрустели мебель да косточки богатырские. Но внизу было вполне безопасно.

Выбравшись наружу в душную летнюю ночь, в свете звезд Иван увидел невдалеке сутулую фигуру улепетывавшего по Муромской дороге Бояна и кинулся за ним.

Глава пятая,

в которой Иван впервые видит зеленоволосого человека и принимает участие в совещании ВБО

Иван бежал за Бояном резвым богатырским шагом. Когда Боян подозрительно оглядывался, дурак делал вид, что бежит в противоположную сторону, и успокоенный певец продолжал свой путь. Скоро они добрались до придорожного камня, и Боян, мусоля во рту палец, принялся громко читать надписи.

— Налево пойдешь — в болоте пропадешь, прямо пойдешь — в кабак попадешь, направо пойдешь — к избе-читальне придешь... Ага!

Боян побежал направо, и заинтригованный Иван продолжил преследование. Вскоре показалась изба-читальня — большое каменное строение, откуда шел нестройный

гул, напомнивший Ивану трактир в день большого празднества.

Боян замедлил шаг, пригладил бороду и вошел в двери дубовые. Иван шмыгнул следом.

Огромное помещение, залитое светом десятков свечей, гудело, как растревоженный улей. Повсюду — на лавках у стен, на полу, на кадках с березками — сидели бояны. Некоторые лениво перебирали струны гуслей, другие, насупившись, разглядывали соседей, и почти все похлебывали медовуху из глиняных крынок. Иван, разинув рот, подумал: «Охохонюшки! Все бояны вместе собрались! А ежели, не ровен час, печенеги сюда нагрянут? Без песен останемся!..»

Твердо решив постоять на страже русской культуры, Иван сел в уголок, положил булаву по правую руку, сабельку — по левую и стал ждать. Вначале бояны с подозрением косились на него, потом кто-то хлопнул себя по лбу и громким шепотом сообщил:

— Критик!

Все тут же успокоились, потихоньку поставили на пол крынки с медовухой и приняли благообразный вид. Вовремя, потому что в центр зала неспешно вышел высокий моложавый мужчина с добрыми глазами на суровом лице. Достав из-за пазухи маленькие гусли, он призывно потренькал. Наступила тишина.

— Ну вот, все и собрались, — негромко сказал боян с добрыми глазами. — И хорошо. Скоро начнем песни петь. Рад я, что никакая распутица нам не помеха и даже набег хазаров не помешал приехать всем русским боянам. Дружба наша — залог песен веселых.

— А веселье на Руси есть питие, — гнусавым голосом сказал сидящий рядом с Иваном лысый боян.

Раздался одобрительный смех, и в рядах вновь замелькали крынки с медовухой.

— Верхушкин! — строго посмотрел на лысого председательствующий боян. — Нельзя же так прямо! Вначале песни петь будем, потом разрешаю немного расслабиться. Только тихонько, чтобы простых русичей не пугать. А то, сами понимаете, трудно каждый раз для сбора новую избу искать. Первую избу-читальню, где собирались, народ до сих пор стороной обходит; у синего моря собирались — так после нашего отъезда избу в питейный дом переделали...

— Почему? — ахнул кто-то.

— Потому что запах не выветривался, а книги все — спалили.

— Неправда, половину я вынес! — торжествующе до-

стал из кармана закопченный берестяной свиток боян в первом ряду.

— Ладно-ладно, не будем понапрасну ссориться. Все мы понимаем, что, не будь нас, и читален бы не было. Давайте лучше решим, что сегодня делать будем. Предлагаю разбиться на маленькие группы, спеть друг другу свои песни, а потом обсудить их.

— Да мы и так уже спелись! — протестующе крикнул боян Верхушкин. — Можем сразу все обсудить, а потом веселью предаться!

— Он дело говорит, директор, — поддержал Верхушкина тот самый старенький седой боян, который только что с Иваном и тремя богатырями сидел в кабаке. — Все мы понимаем, что здесь собрались настоящие пивцы... певцы то есть. Профессионалы! Не побоюсь даже сказать, гении. Чего ж нас, гениев, обсуждать? Лучше мы молодежь послушаем, решим, что с ней делать...

— Лапкин! — погрозил ему пальцем директор. — Нам гении не нужны. Нам нужна чистота звука!

Все дружно закивали. А боян-директор продолжал развивать свою мысль:

— Помните, как в первый раз мы собрались? Какой разброд был в певческом деле? Отдельные именитые певцы пели в полный голос, а нас и слушать никто не хотел! И вдруг мы собрались кучкой, созвали народ и исполнили концерт «Версты былинные»! Поодиночке нас бы закидали тухлыми кокосами, а когда мы вместе были — побоялись! И пусть кое-кто возмущался некоторой разноголосицей, все равно признано было, что многие из нас имеют слух, а некоторые — голос. Да что говорить, независимо от слуха и голоса все мы сочиняем и собственные былины!

— Кстати, о собственных былинах! — приподнявшись, гневно заявил сидящий на кадке с березкой маленький сутулый боян. — Я сочинил уже столько былин, столько струн всем тут на гуслях перенастроил, такое активное участие в делах ВБО принимал, что мне давно пора организовать сольный концерт!

Сидящий по правую руку от директора боян поднялся и иронически ухмыльнулся:

— Ах, Шнобель, Шнобель... Ну зачем вам сольный концерт? Сольных — не надо. Когда бояны вместе поют, не так заметно, кому чего не хватает!

— А ты пел сольно, пел! — подпрыгивал на месте боян Шнобель.

— У меня слух есть, — парировал тот и сел.

Заинтригованный Иван толкнул сидящего рядом бояна булавой и спросил:

— Слушай, кто это?

— Боян- ткачев сын, — потирая бок, ответил сосед.

— А что такое ВБО?

— Всерусское боянское объединение... Ну ты, критик, и темный! Кто ж нас не знает?!

Пристыженный дурак примолк. А директор ласково потрепал по голове хнычущего Шнобеля, шепнул ему что-то на ушко и объявил:

— Ну что ж, пора и обсудить кого-нибудь. На закуску, так сказать. Лапкин, говорят, вы уже прослушали былины молодых?

Но не успел Лапкин ответить, как из тесной кучки безусых боянов, которые, трясясь от страха, стояли в дверях, вынырнул удивительный человек. Иван-дурак при его появлении поперхнулся медовухой, которую кто-то любезно протянул ему, и стал на всякий случай натягивать боевые рукавицы.

Человек был немолод и на бояна ничуть не походил. Да и вообще не походил он на русича, хоть и сабельку имел, какой любой богатырь бы позавидовал. Но самое удивительное — его волосы и борода имели нежно-зеленый, напоминающий о весне и свежей травке цвет!

— Кстати, о былинах, — заорал он. — Услышав слово «былины», я решил рассказать вам удивительный факт! Слово «былина» происходит от древнерусского слова «быль»! Быль же означает — бывалое, бывшее, то есть уже случившееся и запавшее в память народа! Кстати, о народе! Слово «народ»...

— Ты кто такой? — осадил его директор. — Я тебя раньше не видел.

— Боян я, — раскланиваясь, сообщил зеленоволосый. — Кстати, слово «боян» происходит от...

— А ты не тать лихой? — вскинулся Шнобель. — Не печенег ли? Не кавказец ли дикий?

— Я русский боян, — обиделся тот. — Автор замечательных застольных былин, исполняющихся напевно, вполголоса.

— А почему мы тебя не слышали? — продолжал бдить Шнобель.

— Пару лет назад, — помрачнел зеленоволосый, — шел я по лесу и упал в берлогу. Мне медведь на ухо и наступил. С тех пор я пою тихо, для себя.

— Кубатайчик! — всплеснул руками боян Верхушкин. — Помню, помню я тебя! Ребята, это наш, боян!

Зеленоволосый гордо подбоченился и помахал Верхушкину рукой.

— Да, — задумчиво сказал директор ВБО. — Ситуация. А грамотка, что ты боян, у тебя имеется?

— Вот она.

Директор осмотрел грамотку, понюхал, попробовал на зуб. Кивнул:

— Пойдет. Отлично сделана. Даже лучше, чем настоящая. Садись, боян, с этого и начинать надо было.

Тот плюхнулся на скамью рядом с Иваном и окинул его пытливым взглядом. Потом уставился на булаву.

— Слово «булава»... — начал он...

Иван торопливо сунул ему крынку с медовухой.

— Я не пью, — обиделся зеленоволосый. — Я пьянею от общения, находясь в окружении пьющих. Это имеет ряд следующих преимуществ...

Зажав обращенное к соседу ухо перчаткой, Иван вновь уставился на директора ВБО, рядом с которым уже стоял боян Лапкин.

— Слушали мы сегодня былины северного бояна Куланьяннена, — начал он. Стоящий у дверей толстенький молодой боян глупо улыбнулся и сделал вид, что настраивает гусли.

— Боян голосистый, былины хорошие, — продолжал Лапкин, — но петь их нельзя!

Боян Куланьяннен уронил гусли и выпучил глаза.

— Почему нельзя? — сам себя спросил Лапкин и сам же ответил: — Во-первых, мы таких не поем. Во-вторых, молод еще. В-третьих, уж очень у него былины жестокие. Вот, скажем, былина о сорока богатырях и заколдованном острове. В ней богатыри, да даже и не богатыри толком, а добры молодцы, только и делают, что друг друга на кусочки рубят. Такого не бывает!

«Бывает!» — хотел было пискнуть Иван, но, сообразив, что нарушать напряженный полет мысли старого бояна невежливо, промолчал.

— Вот если былину переделать так, чтобы они друг друга не убивали, а понарошку дрались, — продолжал Лапкин, — чтоб булавы у них были соломенные, а кровь — из сиропа клюквенного, тогда петь можно. Есть у вас на севере клюква?

— Есть, — пролепетал Куланьяннен.

— Вот и переделайте. У вас большое будущее, боян. Вы вполне сможете петь колыбельные песенки для детишек малых.

— А если я для взрослых петь хочу? — обреченно поинтересовался северянин.

Все иронически заулыбались. Боян-ткачев сын приподнялся и разъяснил:

— Поймите, Куланьяннен, эти экологические ниши у нас давно заняты. Остались места лишь для бояна-колыбельщика, бояна-хитрого мужичка и бояна-гитариста. Гитариста — это чтобы показать нашу прогрессивность. На гишпанском инструменте, гитаре, играешь? Нет? Вот так-то. Что там у него с другими былинами?

— Ну, парочку мелких можно вставить в очередной концерт «Версты былинные», — снисходительно сказал Лапкин. — Есть еще одна большая, но какая-то больно запутанная. Можно, правда, ее до ума довести. Надо вначале петь последний куплет, потом второй, затем десятый и сорок третий. Остальные выкинуть, а двадцать шестой петь в виде припева.

— Дело говоришь, Лапкин, — поддержал его боян-ткачев сын. — Кого еще прослушали?

— Бояна Бурчалкина с юга, — нахмурился Лапкин. — Только сам он не приехал, а прислал на бересте текст былины срамной. «Бабушка и Василёк» называется.

— Читал-читал, — оживился кто-то из молодых. — Ох срамная былинка! Там Василёк этот бабушку...

— Раз сам не приехал, и обсуждать не будем, — поспешил перебить его директор. — Грамотку сию возле печки положите. Мало ли что, вдруг дров не хватит... Кто еще у нас спеть хочет?

Тут Ивану-дураку плашмя саданули по затылку саблей. Он гневно обернулся и, отняв от уха рукавицу, уставился на зеленоволосого соседа.

— Извини, — зашептал тот. — Привычка такая: как попаду в народ, так хочется саблей махать. Руки чем-то занять надо...

— На. — Иван протянул ему пригоршню семечек, оставшихся в кармане от первой встречи с Марьей-искусницей. Он справедливо решил, что семечки помогут занять соседу не только руки, но и язык. И угадал.

А возле директора ВБО уже стоял крепенький мужичок с грустным выражением лица. Он со вздохом протянул ему несколько берестяных свитков и произнес:

— Написал я тут маленько. Петь не надо, скажите просто, что не так...

— Хитрый мужичок! — хором закричали бояны. — Покатит!

— Теперь бы еще гитариста найти, — мечтательно сказал директор.

А бояны веселились. Крынки с медовухой незаметно ус-

тупили место бутылям с зеленым вином. Сильно захмелевший от общего веселья сосед приник к Ивану-дураку и зашептал:

— Семечки у тебя — язык проглотишь! Сам жарил?

— Любовь моя, Марьюшка, их жарила, — ответил Иван и побрел искать более спокойное место.

Он протиснулся между обсуждавшими размеры дани за очередной концерт, постоял чуть-чуть возле кучки боянов, решавших, как правильно петь былину об Алеше Поповиче. Оказывается, в самом распространенном тексте былины Алеша бьется со Змеем Тугариным два раза подряд и оба раза его убивает. Верно, древний боян написал два варианта боя, а решить, какой лучше, — не успел. Помер, видать, от натуги. Теперь бояны решали, что лучше: выкинуть один поединок или дописать, что у Змея Тугарина был брат-близнец Змий Тугарин. Иван постоял, послушал, но понял, что сегодня бояны к единому мнению не придут, и двинулся к выходу.

У дверей было куда веселее. Молодые бояны, отпивая по очереди из единственной бутыли с зеленым вином, пели друг другу свои былины. Всеобщим успехом пользовался боян Воха, который, аккомпанируя себе на гишпанском инструменте, пел на непривычный мотив:

Выезжает тут Илюха, о йе-е!
Выезжает на лихом коне!
Он крутой, он круче Соловья,
Он снесет ему башку, ий-я!
А Алена Соловьинишна ушла гулять,
Соловейкин род продолжить, жениха сыскать.
Соловей укороченный под Калиновым мостом,
А Илюшенька с Аленой — под ракитовым кустом!
Ах, Алена! О йе-е!

Певец затарабанил по струнам, глотнул зелена вина и, мгновенно осипнув, продолжал:

А хотите, я спою вам про Ивана-дурака,
Про Ивана, чей папанька ой да Черная Рука?
Как напился он с Емелей, документы потерял,
А в бою с четырехглавым богатырским другом стал.

Дурак привычно схватился за булаву, но передумал. Приятно все-таки, когда о тебе поют, пусть даже не очень складно. В руки ему сунули крынку с медовухой, мир стал уютен и бояны симпатичны. Рядом сидел хитрый мужичок, которого все звали Кудряшкиным, и вполголоса подпевал бояну Вохе. Униженный Куланьяннен бродил среди моло-

дежи и напрашивался на комплименты. Его жалостливо хвалили. Временами забегал директор ВБО, делал пару глотков из бутыли, стрелял у кого-нибудь табачку и возвращался к профессиональным боянам. В последнем набеге он взял в полон гитариста Воху и увел его увеселять маститых. Молодежь тут же похватала гусли, разбилась попарно и принялась петь друг другу. Кто-то, прежде чем петь, хвалился: дескать, эту былину он уже пустил в народ и ее поют в деревне Тугоуховке, где народу — целых двадцать душ.

Потом заглянул боян Фискалкин, снисходительно посмотрел на молодежь и похвалился недавним приобретением — заморскими гуслями-самогудами. С их помощью Фискалкин добился небывалой плодовитости, сочиняя по две былины в день. Гусли сами ему подыгрывали и даже запоминали текст былины. Молодые бояны после ухода Фискалкина стали уверять друг друга, что мотив на гуслях-самогудах однообразный, а голоса у Фискалкина отродясь не имелось. Но видно было, что они ужасно завидуют.

Решив нарушить тягостное настроение молодежи, Иван-дурак крякнул и спросил:

— А не сыграете ли вы критику чего-нибудь новенького, свеженького, интересного?

Втайне дурак надеялся, что кто-нибудь продолжит былину бояна Вохи о нем. Но вышло по-другому. Гусли взял Кудряшкин, откашлялся и запел:

Как напилися в трактире нонче три богатыря,
Зелено вино хлебали, времени не тратя зря.
Как решили они подвиг богатырский совершить,
Как пошли к собаке-князю позволения просить...

Молодежь захихикала, Иван потер затылок.

А у князя гость незваный, старый дядька Черномор,
На Илюху, на Алеху, на Добрынюшку попер:
Мол, ругали, слышал, князя, повели ты их казнить,
Ясны головы хмельные с плеч широких отрубить.
А Илюшка был поддатый, а Добрыня пьяный был,
А Алешка улыбался, ни хрена не говорил.
Нету силы богатырской, всю пропили в этот день,
И Гапон, коварный попик, на плетень набросил тень.
Посадили их в подвалы, заковали в кандалы,
Может, головы отрубят, пока силы их малы.
Не видать им больше света и хмельна вина не пить,
Вы не ссорьтесь лучше с князем, все равно не победить!..

Кудряшкин откашлялся еще раз и смущенно объяснил:

— В последней строчке — это мораль. А когда богатырям головы отрубят, я еще немножко напишу.

Опрометью выбежал Иван-дурак из избы-читальни. Оттолкнул зеленоволосого, объясняющего Гнедку различия между галопом и рысью, и вскочил на коня. Выручать надо братьев-богатырей!

Глава шестая,

в которой Иван торгуется за полцарства

Догадлив был поп Гапон. Действительно, не прошло и часа после тайного визита Черномора к Владимиру, как в палаты княжецкие ввалились три богатыря. Покачиваясь и помогая друг другу не упасть, встали они пред ясны очи переодевшегося в полосатую пижаму Красна Солнышка.

Добрыня Никитич сделал шаг вперед и, галантно поклонившись, обратился ко владыке земли Русской:

— Дело в следующем, княже. Хотим в твою честь подвиг совершить. — Однако поклон не прошел ему даром: произнеся эту фразу, он оступился и рухнул на пол.

— Да ведь ты, брат, пьян! — вскричал князь якобы удивленно.

— Князь! — вопреки очевидности оскорбился за друга Илья. — Как ты мог подумать?! Добраня рыней! То есть, тьфу! Добрыня ранен. В бою с гвардейцами Гапона.

— С какими гвардейцами?! — изумился Гапон. — Нет у меня никаких гвардейцев!

— Нет, так будут, — уверенно заявил Алеша, — ты давно о своей гвардии тайно мечтаешь.

— Откуда знаешь? — подозрительно спросил Гапон.

— Телепатия, — объяснил Алеша.

— Телепатия! — взъярился князь. — Телепатия, говоришь?! У нас, между прочим, тоже телепатия! Вот она-то мне и подсказывает, что только что вы меня в кабаке собакой кликали!

— У тебя, князь, телепатия неправильная, — предположил Алеша.

— Да хрен с ней, с телепатией, — махнул рукой Владимир. — У меня тридцать три богатыря в свидетелях.

— И как же мы теперь, княже? — не очень вразумительно, но до крайности горестно спросил Добрыня, пытаясь подняться на четвереньки.

— Как, как, — столь же горестно ответил Владимир, — головы будем рубить, вот как.

— Головы рубить, эт' хорошо, эт' по-нашему, — встрепенулся уснувший было стоя Илья Муромец. — Кому рубить?

— А вам, кому же еще, — радостно сообщил Гапон. — Тебе первому.

Илья нахмурился, напряженно соображая. Наконец сказал:

— Не, мне не смогу. Размахиваться несподручно.

— А если кого другого попросить? — все с той же радостью в голосе осведомился Гапон.

— Другому не позволю, — подумав, ответил Илья, — а сам не могу. Несподручно.

— Не позволишь?! — с внезапной свирепостью взвизгнул Гапон. — А вот мы сейчас проверим! Эй, стража, взять их!

Стражники двинулись было опасливо к богатырям, но остановились, услышав обращенные к попу слова князя:

— А ты чё это тут раскомандовался?! Мантию, жулик, выиграл, и всё уже?! Вот заведешь свою гвардию, тогда и командуй! Понял? — И, повернувшись к стражникам, скомандовал сам:

— Эй, стража, взять их!

Стражники искательно посмотрели на Гапона. Тот незаметно махнул им рукой: мол, делайте. Стражники придвинулись вплотную к богатырям.

— Только тронь! — рявкнул Илья, выставляя перед собой меч булатный. Но меч перевесил, и Илья упал лицом в направлении вытянутой руки. И упал он прямо на все пытавшегося подняться Добрыню. Тот жалобно пискнул и затих. Затих и Илья. А еще через мгновение, обнявшись, они сладко посапывали на полу.

— Эх, ребята, — укоризненно протянул Алеша Попович и сел на пол рядом с ними.

Без сопротивления, как дрова, стража поволокла троицу прочь из тронного зала.

Гапон хотел что-то крикнуть вслед, но удержался и шепнул несколько слов князю. Князь согласно кивнул и крикнул вдогонку стражникам:

— В погреб их! И свяжите хорошенько! — А затем добавил, обращаясь к Гапону: — Казним на рассвете. Пусть проспятся. Негоже русских богатырей во хмелю казнить.

— Я всегда поражался твоей справедливости, Володя, — преданно глядя князю в глаза, сказал Гапон.

— Спасибо, Гопа, — жеманно поправил воротник пижамы князь.

— Вовка, — проникновенно продолжил поп, дружески

положив руку князю на плечо, — а давай их все-таки прям сейчас казним. Куй, как говорится, пока горячо.

— Не, княжецкое слово менять не могу.

— Даже для меня?

— Даже для тебя.

— Жаль, жаль, — сказал Гапон задумчиво. Но тут же повеселел.

— Знаешь, — сказал он, — не люблю я эти зрелища, честное слово. Может, ты их без меня казнишь, а?

— А чего ж, конечно. Отдыхай.

— А точно казнишь?

— Ну я ж сказал!

— На рассвете?

— Обязательно.

Гапон благодарно пожал князю руку:

— Вот это я понимаю! Сказано — сделано! А я тогда пойду посплю, устал я чего-то от трудов государственных. Потом в баньку схожу. Потом, сам понимаешь, Алена у меня... К обеду только появлюсь, ладно?

— А чего ж, ступай, — разрешил князь. — Алена у тебя — ух! — Князь сжал кулак, демонстрируя хилый бицепс. — Славная! Привет передавай от свата.

— Непременно, Вова, непременно, — заверил поп. — Адью! — И, весело посвистывая, вышел вон.

...Влетев в свою поповскую избу, Гапон еще в сенях закричал призывно:

— Аленушка! Светик мой! Твой Гапончик пришел!

Огромная, на две головы выше его, мрачная бабища подбоченясь возникла в дверном проеме. Есть женщины в русских селеньях...

— Ну? — спросила она грозно.

— Аленушка, — с виноватой улыбкой сказал Гапон просительно, — собираться надо. Уезжаем мы.

— Куда это вдруг? — От презрительного прищура глаза Алены превратились в две синие щелки.

— Слушай меня, Аленушка, — зашептал Гапон. — Наконец-то пришло за батюшку твоего, Соловушку, отмщение. На рассвете Илюху, обидчика твоего, со двумя его сотоварищами лютой казнью Владимир казнит. А мы с тобой сейчас двинем к печенегам, обо всем об этом сообщим и к полудню с войском ихним уже и в Киев вступим. И стану я ханским на Руси наместником. Тогда и свадьбу сыграем. А?! Ловко я закрутил?!

Алена, онемев от возмущения, уставилась на Гапона. Наконец взорвалась:

— Ах ты змей подколодный! Ах ты тать окаянный! Русь-матушку продавать?! Да я тебя, гада!.. — И она выдернула из-под полы свою девяностопудовую кочергу, с коей не расставалась даже в постели.

— Ты ж моя упрямица, ты ж моя непослушница, — принялся ласково приговаривать Гапон, отступая в глубь сеней. А там, в сенях, на тот случай все уж приготовлено было. В одну руку схватив с вешалки рушник, в другую — с полки бутыль с наклейкой «Хлороформ», он плеснул зелья на ткань и, подскочив вплотную к Алене, сунул ей рушник в лицо.

Бабища с грохотом рухнула на пол и захрапела, сотрясая звуком избу.

— Ничего, ничего, Аленушка, — приговаривал Гапон, корабельным канатом скручивая ей руки и ноги, — баба ты норовистая, что кобылка необъезженная... Вот стану наместником, свадьбу справим, тогда и полюбишь, тогда и послушной станешь. — Сказав это, он прощальным поцелуем осенил пухлые девичьи уста, а затем вогнал в них толстенный кляп из скомканной скатерти. — Ты тут полежи, отдохни, — сказал он на прощание безответному телу, — а я пока сбегаю с Черномором разберусь.

С этими словами поп поспешно выскочил из избы.

...А во княжецких палатах тем временем происходило вот что. Только было собрался Владимир от волнений отдохнуть, как отворилась дверь и вошла Несмеяна.

— Обидчика моего не нашли, папенька? — кокетливо спросила она, поправляя рукава шитого бисером сарафана.

— Обидчика, обидчика... Ищут, — рассеянно сказал Владимир, озираясь по сторонам. Где ж корона? Неужели Гапончик уволок? Казню... А! Вот она!

Владимир подобрал невесть как закатившуюся под трон корону, обдул с нее пыль и искоса посмотрел на дочку.

— Чего вырядилась в праздничное? Сарафан небось из китайского сукна шит, а ты его в будни носишь. Отец-то у тебя — князь, и то по-простому одевается! — Он похлопал себя по бокам, демонстрируя полосатую пижаму.

Несмеяна лишь вздохнула и промокнула глаза платочком.

— Грустно, папенька. Посмеяться хочется.

— Так ты посмейся, — оживился Владимир. — Народу объявим, что я тебя сам развеселил, полцарства сэкономим. Ну?!

Царевна покривила губы, старательно развела их пальцами вверх и застыла.

— Ну, — подбадривал Владимир. — Давай хохочи, золотко!

— Чего с Емелей будет, как сыщут? — продолжая кривить лицо, спросила Несмеяна.

— Казним. Голову с плеч скинем, как положено.

Несмеяна тихо, уютно заревела.

— Ты чего, дочка?

— Люб он мне! — не прекращая реветь, сказала Несмеяна. — Все женихи — придурки какие-то, клоуны, шуты гороховые. А он — серьезны-ы-ый! Богаты-ы-рь!

— Липовый, — не терял духа Владимир.

— Какая разница, — огрызнулась Несмеяна. — Про то никто не ведал!

— Так чего ж шум подняла? — не выдержал Владимир.

— Дура, — самокритично призналась Несмеяна. — Все равно никому меня не развеселить. Соврала бы: мол, заставил он меня посмеяться маленько, стала б женой богатырской. Внука бы тебе родила, наследничка!

Владимир потер лоб. Последний довод, похоже, попал в больное место.

— Значит так, дочурка. На Емеле свет клином не сошелся. Есть и другие на Руси богатыри. Кто нам первым на глаза попадется, того и окрутим.

Несмеяна, похоже, ждала не этого. Но возразить не успела. В дверь заглянул стражник и виновато произнес:

— Аудиенции просят, пресветлый княже!

— Занят я! — гаркнул Владимир.

— Убедительно просят, — не унимался стражник, потирая шишку на лбу. — Не кто-нибудь, а добрый молодец Иван-дурак. С булавой. Может, пустим?

— Ох и распустились вы... — начал Владимир и вдруг оживился: — Добрый молодец, говоришь? — он заговорщицки глянул на Несмеяну. — Отлично. Даже лучше, чем богатырь, а то они больно наглые да своенравные. Пускай!

Стражник исчез, а в палаты вбежал Иван-дурак. Со сладостным для княжецкого уха криком: «Не вели казнить, вели миловать!» — он бухнулся на колени. Пол в комнате захрустел.

— А, ты, значит, и есть Иван-дурак, — приглядевшись, разочарованно сказал князь. — Казнить не буду, но и награду отложим. Верно, Несмеянушка?

Та согласно кивнула.

— Не за себя прошу, за друзей моих, — вставая, сказал Иван. — Не виноваты они, княже!

— Это кто ж не виноват? Илюшка, Алешка да Никитич Добрынька? Ну ты загнул! Несмеянушка, ты только послу-

шай: над ним самим подозрение висит, а он за изменщиков просит!

Владимир поправил корону, прошелся взад-вперед, заложив руки за спину, и задумчиво произнес:

— Мы не французишки галантные, не британцы учтивые. У нас, у русичей, свой исторический путь. Мы пойдем другим путем!

Иван почесал затылок и виновато сказал:

— Не пойму я слов твоих мудреных, княже. Дурак. Так как насчет друзей моих?

— Чем докажешь, что не ругали они меня?

Иван задумался. Процесс протекал туго, с заминками. Наконец он произнес:

— Пресветлый князь, дело было так...

...Три богатыря да Иван-дурак сидели в трактире и пили ядреный русский квас. Илья Муромец рассказывал о своей любви к Алене.

— Как мне жить без нее, не ведаю! — воскликнул он в заключение. — А все ж верю: Владимир ей прикажет, и пойдет она за меня!

— Ох как прав ты, — воскликнул Алеша с восторгом, — справедлив наш князь! Третий месяц нам жалованье не повышает, а все равно люб нам Красно Солнышко! — Сказал и квасу выпил.

— Потому не повышает, что абы как мы ему служим, — разрыдавшись, поддержал друзей Добрыня. — А надо б получше! Как земле Русской!

...Владимир ошалело смотрел на дурака. Потом спросил:

— И ты надеешься, что я поверю в сей бред?

— Надеюсь, — признался Иван. — Черномор на ухо туг, недослышал, сам додумал и наябедничал.

— Слово дурака против слова Черномора, — усмехнулся князь. — Кому поверю, как сам разумеешь?

— Черномору, разумею, — обреченно вздохнул дурак.

— Так-то, — сказал Владимир назидательно. — А чего припоздился с оправданиями-то? После кваса отходил?

— На сходке ВБО я был.

— Не матерись при дамах!— сурово оборвал его князь.— Где был, что делал? Объясняй!

— Былины слушал, медовуху кушал, — начал перепуганный Иван. — Сидели бояны, не трезвы не пьяны, друг другу улыбались, в любви признавались. Самый главный был боян...

Со страху и под влиянием воспоминаний дурак загово-

рил стихами. Князь и Несмеяна, обалдев, слушали рассказ о боянских спорах, о новых былинах и о появлении зеленоголового бояна.

— Волосы — как травка, на шее — бородавка, грамотка подделана, да отлично сделана...

— Рифма слабая, — вставил князь.

— Я же там стоял на страже, думал, вдруг прорвется враже? Как услышал про наветы, прибежал едва одетый. Вот стою перед тобой и рискую головой...

— Во! — оживился Владимир. — В конце ты малость раздухарился. Стоишь и рискуешь, точно. Все остальное — чушь собачья. Бояны — интеллигенты, медовуху не пьют. Людей с зелеными волосами не бывает. У китайцев волосы синие, то всем известно, а вот зеленых в природе нет. Что с тобой делать, дурак?

И тут княжецкие палаты сотряслись от хохота. Задрожали стекла, посыпалась штукатурка, испуганно поникла ветками березка в кадке.

Смеялась Несмеяна. Заливисто, радостно, тыча пальцем в Ивана и хватаясь за грудь. Владимир неумело перекрестился и запричитал:

— Доченька, доченька, что с тобой? Поперхнулась, что ли? Успокойся! Ничего смешного нет! Это просто дурак!

— У... у него... у него на штанах... — Несмеяна зашлась в хохоте, потом зарделась и скромно закончила: — ...ширинка расстегнута. Вот как торопился.

Иван-дурак, заслонясь булавой, торопливо приводил штаны в порядок. Князь Владимир чесал затылок. Потом задумчиво сказал:

— Интересно, почему тебя такая малость насмешила? Видать, и вправду замуж пора... Иван, ты понял? Несмеяна — невеста твоя отныне!

Иван поднял на князя глаза и неуверенно улыбнулся. Потом перевел взгляд на царевну, и улыбка погасла. С минуту в душе дурака продолжалась тяжелая борьба. Затем он спросил:

— А полцарства? Можно получить ту половину, где подвалы с дружками моими?

— Какие полцарства? — засуетился Владимир. — Комнатку во флигеле выделю, земли надел — пожалуйста! Мы ж ее фактически вместе рассмешили! Значит, и награду делим. Родную дочь в жены брать уже немодно, так что поделим все культурно. Тебе — царевну, мне — приданое.

— Тогда не получится, — отрезал Иван. — У меня уже есть милая.

Владимир обомлел:

— От княжьей дочки, собака, отказываешься?! Позоришь?!

— Сам собака! — взорвался вдруг Иван. — Правы были дружки: собака ты, князь!

Ох, зря он это сказал. Но было поздно. Владимир махнул рукой, и отовсюду повалила стража, прятавшаяся до того под лавками, столами и в кадках с березками. Дурак попробовал сопротивляться, но силы были неравны. Вскоре его повязали, и остатки стражи уволокли дурака в подвал. Князь Владимир утешал вновь разрыдавшуюся Несмеяну:

— Ничего-ничего, жили без мужа и дальше поживем. Не плачь, девчонка. Пройдут дожди. Дурак найдется. Ты только жди.

Несмеяна ревела.

Князь сказал жалостливо:

— Ну хочешь, я ширинку расстегну? Посмеешься.

— Не-е-т, — замотала головой Несмеяна, — мне у тебя не смешно-о-о.

Владимир вздохнул, посмотрел вслед полоненному Ивану и печально сказал:

— Однако каких людей теряем! Лучших людей...

Сидел за решеткой в темнице сырой, страдая с похмелья, дурак молодой. Ох и муторно же ему было! Друзей не спас, а еще хуже подставил. Сам в немилость попал. Царевну обидел, князя оскорбил. Опохмелиться нечем.

— Эй, дурак, передача тебе. — Маленькое окошечко в железной двери камеры открылось, и разукрашенный синяками стражник протянул Ивану бутыль и огромный каравай. — Девка твоя, Марья-искусница, передала. Я отпил пару глоточков, ты уж не серчай.

Иван посмотрел на бутыль.

— Глоточки-то у тебя богатырские. Как глотнешь — четвертушечка, присосешься — пол-литровочка... Что, у меня и прав никаких нет?

— Как нет? Есть. Чай, у нас Русь, а не дикая страна половецкая. Есть у тебя право сохранять постное лицо, есть право кричать благим матом, есть право на один звонок.

— Насчет лица и насчет мата я понял. А вот насчет звонка...

Стражник молча просунул в окошечко коровий колокольчик. Иван в сердцах плюнул, но правом воспользовался. Полегчало. Сел в углу темницы на чугунную богатырскую парашу и откупорил бутыль. После нескольких глотков почувствовал, что сил прибавилось, а в голове просветлело.

— Ох Марьюшка, ох уважила, — нежно прошептал он, лаская бутыль. — И закусочку не забыла...

Он разломил каравай и с удивлением уставился на выпавшую оттуда грамотку.

— Неспроста, — прошептал дурак. — Или спроста? Хорошо, что я азбуке обучен.

Развернув бересту, Иван прочел:

Миленочек! Сразу два горя у меня. Дядька Черномор в ванне утонул, а тебя пес В. в тюрьму засадил. Первому горю не помочь, а со вторым справимся.

В каравае спрятаны вещи хитромудрые, что бежать тебе помогут. Во-первых — пилка-самопилка, во-вторых — лесенка-чудесенка, ну а в-третьих — лом-самолом. К ним в придачу — кепка-невидимка. Дружок твой, Емеля, с ейной помощью гнева княжецкого избег, у меня под кроватью спрятался. Друг твой — такой затейник, за тебя горой стоит.

Да учти, милый, вещам мудреным надо в стихах приказывать, иначе не понимают. Ты уж постарайся. Как убежишь, приходи ко мне.

Твоя М.

Заинтригованный Иван растребушил каравай и нашел: маленькую пилку, вроде тех, какими модницы ноготки полируют, изящный медный ломик в кожаном чехле и маленькую бамбуковую лесенку. Кепку-невидимку, как ни искал, найти не смог. Видать, уж больно невидима была.

Бережно подобрав и съев все хлебные крошки, не от голода, а от высоких моральных устоев, Иван задумался. Как же пустить в дело хитрую снасть? И как ей приказывать?

Но не зря Иван-дурак с боянами общался. Смекнул, что любой дурак может сладко петь, коль нужда заставит. Откашлявшись, Иван приказал:

Ну-ка, пилка-самопилка,
Что моя прислала милка!

Пилка встрепенулась.

Из неволи выручай,
Дырку быстро проточай!

Презрительно фыркнув, пилка улеглась на место. Видать, не те слова дурак сказал. Но Иван не сдавался:

Пилка, встань передо мной,
Словно лист перед травой!

Встала.

Проточи-ка стену, пилка,
Чтоб остались лишь опилки!

Пилка метнулась к стене темницы и с визгом принялась ее распиливать. Летело каменное крошево, дурак на радостях бил в ладоши. Наконец в стене образовалась порядочная дыра, в которую Иван и протиснулся.

— Ну хорошо, — озадаченно сказал он, оглядевшись. — И что же я буду делать в соседней камере?

Иван действительно попал в соседнюю камеру. Темно в ней было, хоть глаз выколи. Ох, точнее надо было указывать пилке задание! А она тем временем не унималась, а все точила и точила камень. Видать, пока все не разгрызет, как приказано, в опилки, не остановится.

— Дурак я, дурак... — простонал Иван.

— Иванушка! — прогремел троекратный вопль, и из темных углов бросились к нему друзья — Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович! Они-то и сидели в соседней камере!

С ног до головы в цепях тяжелых, богатыри радостно били Ивана оковами по голове, а Добрыня приговаривал:

— Не чаяли и увидеть снова! Уважил стариков, уважил!.. Ослобонил! Ах ты ж соколик наш! Спаситель!

Когда первая радость утихла, вновь встретившиеся друзья отхлебнули из Марьиной бутыли, и Илья грустно сказал:

— Эх, коли б не цепи чугунные, не удержали б нас стены каменные! Разнес бы я тюрьму по кирпичику, раскидал бы стражничков по Киеву! А собаке князю — морду набил!

— Морды будем позже бить, — успокоил его Иван. Достал лом и повелел:

Эх, лом-самолом,
Сотвори крутой облом!
Сбей с дружков оковы на пол,
Так, чтоб пот с них не закапал!

— А при чем тут пот? — удивился Попович, пока лом-самолом освобождал их от цепей.

— Для рифмы, — туманно объяснил Иван.

Лом-самолом тем временем выполнил работу и с мягким звоном переломился пополам.

— Одноразовый, — догадался Алеша. — Ничего, все равно неплохо.

Илья Муромец подошел к двери и заорал:

— Охохонюшки!

Одним могучим пинком он вышиб дверь с петель. По коридору забегали испуганные стражники. Друзья гордо вышли из темницы и в замешательстве остановились. Темницу-то, оказывается, опоясывала стена чугунная во сто сажень вышиной, поверху колючкою железной опутанная.

— Ломать не буду, — заупрямился Илья. — Все пальцы заножу.

— Друзья! Я знаю тайный ход! — воскликнул Добрыня и откинул чугунную крышку, закрывающую глубокую яму.

— Ну и амбре, — брезгливо заметил чистоплюй Попович.

— Естественно. Заморское изобретение, канализацией называется. Сюда параши выливают, и по подземному ходу всё в Днепр течет. Спускаемся!

— Как? — дельно заметил Илья. — Прыгать-то высоко, расшибемся.

Гордый дурак достал из-за пазухи лесенку-чудесенку и скомандовал:

Эй, волшебное творенье,
Гордость стольных городов,
Ну-ка, всем на удивленье
Нас спусти до дна иль днов!

Лесенка мгновенно вытянулась вниз и приятным девичьим голосом произнесла:

Заплати-ка пятачок,
Вмиг поедешь, дурачок!

— Чего?! — завопили богатыри, хватаясь за булавы.

— Хочу — шучу,— отбрехалась лесенка.— Не боись — становись!

Друзья встали на перекладины, и те быстро поехали вниз. Добрыня напряженно поморщил лоб, а потом спросил:

— Слушай, а не могли бы мы с этой лесенкой просто на стену взобраться?

Покрасневший дурак соврал:

— Не могли... Я высоты боюсь.

Речь его прервало погружение. Когда богатыри вынырнули и отплевались, Илья укоризненно сказал:

— Что ж ты про дно-то упомянул?! Нам бы и на поверхности дерьма хватило!

— Ничего, — храбрился Иван. — Нам бы только канал, что к Днепру ведет, найти...

— Ищем! — приказал всем Добрыня. И работа закипела.

...У днепровского берега, на окраине Киева, там, где бабы белье полощут, а девки по весне голыми купаются, вода забурлила, и на поверхности показались четыре изрядно перемазанные головушки.

— Халтурщики! — ругался Иван-дурак. — Это ж надо — полдороги до Днепра самим прокапывать пришлось! Ох, пожалуюсь князю...

Однако, вспомнив, что князь им теперь — не защита, Иван замолчал, закручинившись. Добрыня, оттираясь, ласково похлопал его по плечу:

— Ничего, Иван! Русь велика! Схоронимся от пса смердячего. Вот отмоемся маленько и...

— К Марье-искуснице, — докончил Иван.

— Точно! — оживился Алеша. — Дело говоришь. Потри-ка спинку.

Глава седьмая,

в которой речь идет о полчищах несметных и свадьбе скорой

Попарившись в Марьюшкиной баньке, похлебав кваску и зажевав на скорую руку белорыбицу, три богатыря да Иван-дурак отдыхали на лавках дубовых. Вокруг них суетился Емеля. Стряхивал пыль с булав, отирал пот со лба Ильи и поминутно спрашивал:

— Так ты говоришь, тут она и рассмеялась?

Дурак кивал.

— Эх, знать бы раньше, штаны бы скинул. Пусть ухохочется, — сокрушался Емеля. — Эх... Что делать-то будем, братья-богатыри? Бунтовать?

Богатыри презрительно посмотрели на Емелю, но все же снизошли до ответа.

— Негоже русским богатырям Киев-град разорять, — степенно молвил Илья.

— Лучше схоронимся, — обронил Добрыня.

— Тем более что и по шеям надавать могут, — добавил Алеша. — Вставай, Иван! Пора. Прощайся с Марьюшкой. — И добавил, ухмыльнувшись: — Я-то теперича вроде как и незнаком с ней вовсе...

Пропустив последнее мимо ушей, Иван прошел в Марьюшкину горницу. Искусница сидела у окна и, близоруко

щурясь, вставляла нитку в иголку. Рядом лежал прохудившийся сарафан.

— Марья, давай попрощаемся трогательно, — застенчиво сказал дурак.

— Трогательно нельзя, неприлично, — вздохнула Марья. — Черномор еще и обсохнуть-то не успел после утопления, а ты уже руки распускаешь... Иди, я тебя без трогания приголублю...

Через несколько часов степь русская гудела под копытами богатырских коней. Впереди мчались Илья Муромец и Иван-дурак, за ними ехали Добрыня с Алешей. Замыкал отряд Емеля на саврасой кобыле. Он поминутно вздыхал, вспоминая то ли печь теплую, то ли — Несмеяну бесстыжую. Долго ли, коротко ли они ехали, то никому не ведомо. Но вот Илья Муромец насторожился и, приставив к глазам ладонь, всмотрелся в даль. Все повторили его жест и увидели на горизонте сплошную стену пыли.

«Полчища несметные!» — догадались богатыри.

«Богатыри!» — догадались полчища и повыхватывали сабельки острые да мечи тяжелые.

— Что делать будем? — нарушил напряженное молчание Илья Муромец.

— Отступать, — с готовностью предложил Попович.

— К собаке-князю в зубы? — иронично спросил Добрыня. — К тому же полчища в Киев и направляются. Догонят.

— Так постоим за землю Русскую! — вскричал Иван, доставая булаву. — Не пройдет тута тать половецкий!

Друзья с сочувствием посмотрели на булаву, но спорить не стали. Выхода все равно не было.

Полчища надвигались. Алеша торопливо слез с коня, упал на колени и стал молиться:

Создай, Боже, тучу грозную,
А из тучи той — с градом дождя!
Али еще каких осадков!
Землетрясений и торнадо!
Разметай полчища несметные,
Помоги нам, защитничкам...

— Долго надо молиться? — поинтересовался Добрыня, с любопытством глядя на безоблачное небо.

— До перемены погоды, — прекращая молиться, сказал Алеша.

— Не пойдет. Хороший метод, но больно медленный. Полчища уже близенько.

— По щучьему велению, по моему хотению, поверните

назад, полчища несметные! — робко попросил Емеля. Эффект был не больший, чем при попытке насмешить царевну. Иван, вспомнив знаменитую попойку, вздохнул.

Полчища приближались.

Вперед выступил Добрыня. Он помахал булавой и предложил:

— Выходите-ка со мной на честной бой! Не все сразу, а по одному, паскудники! Цепочкой. Буду я вас в сырую землю всаживать, хорошо здесь рожь уродится наперед год!

Иронически расхохотавшись, полчища прибавили ходу.

— Ничего не выйдет, — грустно заметил Илья. — Вижу уже я врага своего заветного, Змея Тугарина. Не пойдет он с нами на мировую.

— Э! Это мой враг! — возмутился Алеша. — Я его раз двадцать убивал!

Добрыня согласно покивал.

— Это наш общий враг, — сурово сказал Илья. — Значит, так. Я бьюсь со Змеем, а вы, подельщики, с полчищами несметными. Ты же, Емелюшка, езжай следом и подбирай трофеи, что у печенегов из карманов будут вываливаться. Особенно аккуратно бутылки подбирай, разобьются — накажу. Если у кого из печенегов зубы золотые будут выбиты, ты их собирай и складывай пока в котомочку. После боя рассортируем.

И закипела кровавая сеча!

С первого же удара о голову Змея у Ильи сломалась булава. Тогда он ловко выхватил кого-то из полчищ несметных и привычно стал молотить супротивничков им, приговаривая:

— Ах и крепкий татарин, не ломается! Не ломается да не сгинается!

— Я не татарин, я печенег! — орал несчастный.

— А то не твое собачье дело. Повелю — так и китайцем будешь! — между делом ответил Илья.

Добрыня сражался мечом булатным. Как махнет — так улочка, размахнется — микрорайон. Следом ехал Алеша и ловко топтал конем упавших. Временами он стрелял вперед из лука каленой стрелой, приговаривая:

— На кого упадет, тому водить.

А Иван-дурак носился по всему полю, мотая булавой. Вспомнив наказы отцовские, он бил с размаху и был приятно удивлен эффектом.

В пылу боя он с упоением наблюдал отдельные его моменты. Вон Емеля ужом крутится меж печенегами, обчищая их карманы. Вон Илья колотит Змея по голове шапкой, на-

полненной землей греческой. И где достал, непонятно. Вон Добрынюшка следующий квартал расчищает. Вон Алешенька молодецким посвистом супостатов пугает. Вон на лихом коне поп Гапон удирает, а в поводу у него — ломовая лошадь, к которой Алена Соловьинишна привязана... Гапон?! Иван бросился было следом, но жаркая сеча помешала ему поймать предателя. Зато он успел заметить отрытый в сторонке окоп полного профиля, из которого глазели на происходящее несколько боянов во главе с директором. Один записывал что-то на грамотку, другой меланхолично мурлыкал веселый мотивчик. За их спинами подпрыгивал зеленоволосый боян, размахивая саблей, но в бой не вступая.

В скором времени полчища стали сметными. Потом весьма умеренными. А затем и последние остатки печенегов бросились удирать. Друзья съехались и утерли со лбов трудовой пот.

— Убил Змея-то? — ревниво поинтересовался у Ильи Алеша.

— Как всегда, — важно ответил Муромец, отбрасывая печенега, которым дрался сегодня. Добрыня на лету поймал ворога и привязал его к седлу, приговаривая:

— А не думай, тать, что легко отделался, ты пойдешь к нам в полон, пойдешь пленничком!

— На фига он нам нужен, печенежина? Али выкуп за него дадут богатенький? — поинтересовался Алеша.

Добрыня задумался и смущенно ответил:

— Да нет, вряд ли. Но положено ведь кого-нибудь в полон взять.

И продолжил упаковку пленного.

— А где Емеля? — встрепенулся Алеша. — Он же трофеи собирал, я точно видел!

Действительно, Емели нигде не было. Друзья поискали его немного, после чего скорбно переглянулись.

— Погиб, — изрек общее мнение Илья. — Затоптали его, и косточек не осталось.

Друзья скорбно стянули с голов шлемы железные. Подытожил Илья Муромец:

— Жалко Емелю, хоть и слабоват был. А еще жальче трофеи несметные... Что ж, друзья, поехали дальше.

И они поехали.

...А безвременно похороненный друзьями Емеля в это время уже подъезжал к Киеву. В глазах его блестели крупные слезы. Временами он опускал очи долу и скорбно шептал:

— Не корысти ради, а токмо волею пославшей меня любови... Ох, богатыри, не узнайте, а узнаете — не прогневайтесь, а прогневаетесь — так не бейте, а побьете — так не до смерти...

Саврасая кобыла насмешливо косила на него лиловым глазом.

...В палатах княжецких Емеля первым делом бросил к ногам Владимира трофеи, после чего гордо потребовал:

— Не вели казнить, вели миловать!

— Обдумаем, — пообещал Владимир, косясь на выпавшие из котомок трофеи: каменья самоцветные, яства басурманские, пуховики китайские и свитера турецкие. Улов был богатым, Владимир уже облюбовал себе свитер приятной красно-бело-синей расцветки и теперь ласково улыбнулся Емеле:

— Здоров ты, парнишка!

— Питаюсь налимом.

— Отъел себе харю, как я погляжу. Откуда товары?

— Из боя, вестимо. Побил басурманов. Вот так я служу!

— А с кем же ты дрался?

— Со Змием ужасным. Похож на корову, рогат и копыт. Я Змия пинком уложил в одночасье, а после был прочий вражина побит.

Владимир с сомненьем покачал головой. И неожиданно заорал:

— А много ль корова дает молока?

— Не выдоишь за день, устанет рука, — пролепетал Емеля.

— Всё ты врешь, — устало сказал Владимир. — За тряпки, конечно, прими благодарность, но все же придется тебя наказать.

— О Солнышко наше, не надо, спасибо, позволь мне отсюда домой убежать! — взмолился Емеля.

— Кончай рифмоплетство! — осатанел князь.

— Немедля кончаю, — пискнул Емеля.

Князь помолчал, потом строго сказал:

— Вот что. Ежели ты, врун, покаешься, скажешь, откуда трофеи на самом деле, голову рубить не будем. Вместо того — выдам тебя за Несмеяну... тьфу, Несмеяну за тебя, вечно путаюсь. Согласен?

Обалдевший Емеля быстро кивнул. Князь спустился с трона, обнял его за плечи и доверительно сообщил:

— Понимаешь, зятек, Иван-дурак Несмеяну опозорил.

— А я думал, он только ширинку расстегнул, — закручинился Емеля.

— Да не в том смысле! Какой ты глупый, настоящий царевич. Иван отказался Несмеяну в жены брать. Позор?

— Позор, — неуверенно согласился Емеля.

— Вот ты сей позор и покроешь. Человек простой, сразу видно — из народа. Людям это понравится. Ладно, сейчас я невесту твою кликну, ты про подвиг расскажешь. Только не ври!

Вскоре по зову пришли Несмеяна и Василиса Премудрая (она же — Прекрасная). Емеля, пожирая Несмеяну глазами, стал рассказывать о богатырском подвиге, не забывая и свое скромное в нем участие.

— Да-а, — протянул удивленный Владимир. — А я на богатырей бочку катил, собирался им головы поотрубать. Бывают, бывают и у нас, князей русских, ошибочки. Что ж мне делать? Может, советников разогнать или Избу Советов подпалить?

— Зачем же крайние меры, милый? — удивилась Василиса. — Прикажи верным боянам, пусть они песенки поют о твоих терзаниях и страданиях за народ русский. Так испокон веков делалось и всегда прокатывало. А то выйди к народу и крикни: «Люб я вам аль не люб?!» Только не забудь перед этим стражничкам жалованье повысить и вокруг народа тройным кольцом поставить... А на советников неразумных не гневайся. Они тут ни при чем, один Гапон воду мутил.

— Гапона не трожь, — огрызнулся Владимир. — Какой ни есть, а в домино отменно играет, галстук завязывать умеет, боянов высмеивает знатно. Как придет с повинной, так и разберемся.

Наступило молчание. Нарушил его Емеля, который, поглаживая руку Несмеяны, спросил:

— А свадебку когда сыграем?

— Свадебку? Через недельку. Надо бражки наварить, налог свадебный с горожан собрать, ликование народное организовать... — Владимир поочередно загибал пальцы. Потом уставился на Василису и задумчиво произнес: — Что-то о тебе мне Гапончик говорил... Он, конечно, под подозрением, но просьбу его уважим... А! Вспомнил! Мечтал он тебя в сережках самоцветных увидеть, что я тебе на свадьбу дарил! Давненько ты их не носишь.

Василиса незаметно побледнела и, ломая руки, сказала:

— Как скажешь, милый. Надену.

На том и закончился этот содержательный для наших героев день. Оставим же их в тот момент, когда все они, кроме Василисы, пребывают, похоже, в приятном расположении духа.

Глава восьмая,

в которой сперва выясняется, что бежать некуда, а потом — что этого и не нужно

Долго ли, коротко ли шли богатыри с Иваном да с пленным басурманом, пока не вышли к морю синему.

— Странно мне это, — сказал Илья озадаченно. — Думалось, Руси-матушке конца-края нет...

Пленный печенег задергался, явно желая что-то сказать.

— Развязать? — спросил Иван с готовностью.

— Погодь, Ванюша, — остановил его Алеша Попович. — Дай сперва слово ему смолвлю.

Он строго посмотрел на басурмана:

— Учти, враг, ежели напрасно беспокоишь, вмиг голову снесу, а ежели с пользой — восвояси отпустим. — А Ивану шепнул: — Так и так от лишнего рта избавимся.

Пленник согласно закивал. Дескать, с пользой, с пользой, сказать только дайте!

— Что ж, развяжи его, Ваня, коли жизнь ему не дорога, — сказал Алеша и принялся демонстративно водить точильным камнем по лезвию меча.

Иван снял повязку с лица печенега, тот жадно глотнул воздуха и заговорил:

— Я есть картографф, ветрографф и гидрографф собакихана печенежского. Весь дорог, рек да порог на Руси знаю...

— Говорил я, не зря языка взяли! — обрадовался Добрыня. — Признавайся, тать, где мы можем от гнева княжецкого схорониться да предателями не прослыть?!

— Нет у меня разумения сего иметь, — сказал печенег, косясь с опаской на Алешин меч. — Могу поведать лишь, как Русь ваш, матушка, устроен. А там вы уж сам решать.

— Давай, пес, рассказывай, — согласился Добрыня.

Разочарованный Алеша вернул было меч в ножны, но когда печенег начал свой рассказ словами: «Русь ваш невелик есть...» — вновь проворно его выдернул и занес над басурманской головой.

— Велик, велик, — пролепетал тот испуганно, — только размером мал.

— Во-во, — сказал Алеша, — точнее формулировать надобно. А то, не ровен час, беда случится...

— Мал размером ваш Русь... — снова начал печенег речь свою. И вот что из рассказа сего богатыри узнали.

Русь, оказывается, — остров в океане. За неделю его по периметру на добром коне обскакать можно запросто. Четыре реки на острове сем: самая большая — Смородина, по-

меньше — Волга, Днепр да Москва-река. На реках сих и стольный град Киев стоит, и десяток городишек провинциальных с деревушками окрест. А посередь Смородины опять же островок — царство Кащеево. В царстве том только малый лесок да болота кусок. И замок самого Кащея еще. Вот и вся география русская.

А в недрах земных — ни серебра, ни злата, ни урана какого-никакого. Сплошь — базальтов монолит, лишь слюда есть да графит...

Обидно Ивану стало за землю Русскую.

— Что ж вы, печенеги да половцы, так и прете на нас, коль нет у нас ничего?

— Есть у вас то, что ни в какой другой земля нет, — ответил басурман искренне. — То скатерть-самобранка, гусли-самогуды, ведьмин студень да прочий хабар! Цену купцы с большой земли за все это дают немереную. То ль из корысти какой, то ль из интереса научного.

— Вот, значит, что вам надо, — вымолвил доселе молчавший Илья Муромец. — Что ж, и змеи многоглавые за морем не водятся?

— Не водятся, — подтвердил печенег.

— Скучно, знать, живут там.

— Скучно, — согласился тот.

— А зелено́ вино-то есть у них?

— Это есть.

— Тогда еще ничего, — кивнул Илья. — Что ж, ладно, Ваня, отпусти ты его с миром. Недосуг нам с ним возиться, своих дел хватает.

Развязал Иван пленника, тот и был таков. Поминай как звали. А богатыри с Иваном призадумались.

— Некуда нам, братья, и бежать-то, выходит, — сказал Илья после долгого молчания. — Да и негоже нам, богатырям русским, словно татям ночным, во степи хорониться. В Киев вертаться надобно, челом князю бить. Какой ни есть, а владыка отечества. Пущай решает — казнить аль миловать... Да и вовсе бежать нам не следовало. Сгоряча это мы, не подумавши.

На том и порешили.

...Вот входят богатыри в стольный Киев-град, головы понуривши. Смерть лютую чают. Что за диво?! Народ по обочинам стоит, славу им поет, шапочки в небо подкидывает. А глашатай князев вдоль дороги бежит, выкрикивает периодически:

— Внимание, внимание! Слава русским богатырям да дураку Ивану — за компанию!

— Видать, совсем оборзел собака-князь, — нахмурился Илья. — Указ издал, чтоб встречали нас с почестями. Заманивает.

Когда глашатай в очередной раз пробегал мимо богатырей, Илья изловчился и поймал его за шкирку.

— Признавайся, злыдень, издал князь указ? — спросил он грозно, придвинув лицо глашатая к своему, нос к носу.

— Издал, — прохрипел тот.

— И о чем сей указ?

— О том, чтоб вас, как в Киев воротитесь, встречать с почестями.

— Так я и думал, — с торжеством и обреченностью одновременно произнес Илья, отпуская глашатая. Тот быстренько отполз в сторону — от копыт подальше.

— Слыхали? — обернулся Илья к остальным.

Алеша печально кивнул. А Добрыня изрек:

— Сказал бы я, что о князе нашем думаю, да благородство не позволяет.

Алеша, соглашаясь, вновь печально кивнул.

«Ну, снова про политику начали, — подумал Иван. — Опять беды не миновать...» И предпринял попытку отвратить неминуемое:

— Братцы, мы ж с повинной идем!..

— Молчи, сопляк! — осадил его Илья решительно. — Я передумал. С боем к князю пойду.

— Один за всех! — обрадованно вскричал Алеша.

— И все за одного, — отозвались богатыри и пришпорили коней.

Иван, не зная, что и думать, помчался следом. Не казнят, так на Несмеяне поженят. Хрен редьки не слаще...

А народ всё шапки кидал.

...В терем княжецкий влетели они, не слезая с коней. Вмиг сени миновали и ворвались в трапезную. А там — пир горой! Гостей да собутыльничков — видимо-невидимо!

Как узрел Владимир Красно Солнышко богатырей с мечами наголо, потемнел челом. Но сдержался, встал с кубком в руках и таковы слова молвил:

Гляньте, гости мои — бояре да богатыри,
Вот и прибыли на пир герои русские,
К князю русскому — без уважения.
Но не стану за то я серчать на них,
А, напротив — поклонюсь с благодарностью —
За победу над ратью несметною
Да за службу земле нашей честную!

И, сказав сие, опрокинул князь чашу, а затем поклон богатырям отвесил.

Богатыри стояли потупясь. Правду князь говорит али ёрничает?

Тишина над столом воцарилася.

«Ёрничает, — решил все же Илья, — издевается». И открыл было рот, чтобы как-нибудь пообиднее князя оскорбить, но тут же и закрыл. Только выдавил:

— О-о... — и пальцем на Емелю указал.

Богатыри и Иван уставились в указанном направлении.

А Емеля начал было под стол сползать, но понял, что это его не спасет, и закричал истошно:

— Ребята?! Приехали?! А мы тут пьем за вас, ей-богу! Садитесь! Ну чё вы как не родные-то, а?!

Иван-дурак вмиг прослезился. И тоже закричал:

— Емеля! Брат! А мы уж думали, погиб ты! А ты, значит... ты, значит... — И тут до него дошло: — А ты убег, значит? И трофеи, ирод, прихватил?!!

— Да ты что, Ваня! Как ты мог подумать? — очень правдоподобно оскорбился Емеля. — Не убег я, а о подвиге вашем князю сообщить поспешил. А трофеи захватил как вещественное доказательство.

— Ну, не так, зятек, все было, положим, — тихонько сказал ему князь. А во всеуслышание продолжил: — Ты, Иван, говори-говори, да не заговаривайся! Емеля со дня на день зятем моим будет!

— Зятем?! — обрадовался Иван. — Добился, значит, своего! Выходит, князь, за меня ты свою дочку отдавать не станешь уже?

— За тебя? — презрительно фыркнул Владимир, словно такого разговора никогда и не было. — Ну ты, Иван, загнул! Ты, спору нет, герой, конечно... Однако ж, если б я за каждого героя дочь свою отдавал... Она б у меня давно б уж сама матерью-героиней стала!

Тут сидящие за столом громогласно заржали, и обстановка разрядилась окончательно. Богатыри, сунув мечи в ножны и соскочив с коней, коих дворовые сейчас же из трапезной вывели, уселись за стол подле князя и присоединились к общему веселью.

Лишь Добрыня Никитич невесел был. И Ивану ясна была грусть его. Знать, опять он хотел у Владимира сватать девку Забаву Путятишну. Думал, князь не откажет на радости... Да Ивану услышал он отповедь и просить не решился зазнобушки. Убоялся облома позорного.

А веселье катилось своей чередой. Вот уже Емеля через стол полез с дураком целоваться, вот Алеша свой коронный

тост — «за прелестных дам» — произносит... Вот невесть откуда взявшийся боян Лапкин славу трем богатырям кричит. Вот Владимир-князь, с Ильей обнявшись, признается клятвенно: «Да, прав ты, Илюша, собака я!» А тот в ответ: «Да ведь и сам я, князь, собака!..» И пьют они на брудершафт, икрой заморской, баклажанною, закусывая...

Тут было выполз Иван-дурак из-за стола — к Марье-искуснице потянуло, да остановил его князь гневным окриком:

— Куда это ты, добрый молодец, намылился?! Аль не сладко тебе мое кушанье?

— Сладко, княже, — принялся оправдываться Иван, — да дел по горло...

— Нет уж, ты постой! И у меня к тебе дело есть! Подька сюда!

Приблизился Иван к князю опасливо.

— А ну-ка, молодец, примерь сей шелом на буйную свою головушку, — протянул князь ему богатырский головной убор.

Надел Иван шлем, тут Владимир невесть откуда булаву трехпудовую выхватил и ударил его по головушке. Засверкали в глазах дурака звездочки.

— Будь же богатырем княжецким отныне! — воскликнул Владимир. Иван, ошеломленный, под гогот сотоварищей шатаясь двинулся к выходу. Не понял еще счастья своего богатырского.

И лишь снаружи, на воздухе, опомнился: «Богатырь! Я — богатырь! Сбылось повеление отцовское! Сбылась мечта моя заветная!..» И с мыслею этой кинулся он со всех ног к месту своего проживания.

— Маша! Маша! Богатырь я! — закричал он с порога.

Словно солнышко ясное выглянуло. То Марья-искусница из светелки своей выплыла:

— Здравствуй, здравствуй, мой милый Иванушка. Люб ты был мне еще в добрых молодцах, а теперь — просто словом не вымолвишь. — И раскрыла девичьи объятия.

Шагнул Иван через порог, руки пошире расставив, да запнулся и рухнул, до объятий не дойдя.

— Ужель ты, Ванюша, во хмелю ко мне явился?! — воскликнула Марья, склонясь перед ним и принюхиваясь.

— Во хмелю, — покаялся Иван-дурак.

— А скажи-ка ты мне честно, Иванушка, — продолжала она подозрительно, — в ванне долго сидеть ты не любишь ли?

— Вот этого за мной, ей-богу, не водится! — обрадовался Иван. — Я совсем в этом толку не ведаю: в детстве

сажа мне в кожу так въелася, что отмыть все равно не сумею я!

— Слава богу, а то испугалась я, — вновь расцвела Марья, — а что черненький, даже мне нравится.

Сказав сие, наклонилась Марья пониже, тут и облобызал Иван ее в губы жаркие.

Вдруг взгрустнула Марья:

— Вот и с Черномором у меня все так же хорошо начиналось...

— Эх, Маша, нам ли быть в печали! — воскликнул Иван, поднимаясь. — Я теперь — богатырь, ты — вдова богатырская! Был бы жив Черномор, он бы за тебя порадовался!

Он уселся на табурет, а Марья хоть и усомнилась в верности последних слов его, но промолчала благоразумно, достала из кармана пригоршню семечек, и принялись они их лузгать, друг другу в глаза заглядывая, улыбаясь и жмурясь от удовольствия.

Засим и оставим их.

Часть вторая
СЕРЕЖКИ ВАСИЛИСЫ

Глава первая,
где Иванов авторитет растет неописуемо

Много воды утекло с тех пор, как Ивана в богатыри посвятили... Хотя не так уж и много вообще-то. Всего три дня прошло. Думал наш герой, счастью его конца не будет: днем он на службу богатырскую ходит — в караул аль в патруль, вечером его Марья ласковая ждет — борщом кормит, пельменями, бататами да грибочками солеными.

А надобно отметить, что Марья ко дворцу княжецкому близка была. С какого боку, Иван не ведал — от вопросов его уклонялась она искусно.

И вот на третий вечер столь идиллического их существования таковы слова Марьюшка сказывала:

— Ваня. Дело к тебе есть секретное. Государственной, стало быть, важности.

— Да я завсегда, партизанка ты моя, — потянулся к ней Иван.

— Да не про то я, Ванечка, — отстранилась она ласково. — Я серьезно. Некое лицо высокопоставленное ночью нынешней встречи ждет с тобой.

— А зачем?

— Так ведь слава о тебе по всей Руси идет: нет в земле нашей воина доблестней.

Приосанился Иван:

— Когда идем-то?

Марья улыбнулась чуть заметно и ответила:

— Ровно в полночь туда и сведу тебя.

...Вот и время пришло. В тишине ночи перекликались кукушка и передразнивающий ее попугай. Иван да Марья крадучись добрались до палат княжецких.

Марья крикнула кряквой.

— Ты чего? — удивился Иван. Но тут же и сам сообразил, что крик ее — знак условный. Оттого, что из верхнего окошка терема выпала, разворачиваясь на лету, веревочная лестница.

— Ступай, Ванюша, — благословила его Марья. — Я на стрёме.

И Иван полез. Однако через несколько ступенек подумалось ему: «Ежели Марья там, внизу, маячить будет, только внимание чье-нибудь привлечет». Он обернулся и сказал тихонько:

— Вот что, Маша. Как лесенку наверх подниму, ступай домой. Поесть приготовь.

— Хорошо, — отозвалась она снизу.

«Искусница!» — подумал Иван с умилением. А затем, продолжая подниматься, вот над чем стал голову ломать: «Кто же это встретиться со мной желает? Может, Несмеяна все-таки не Емелю, а меня любит?.. Нет, к ней бы меня Маша не отправила. Князь? А чего ж тайком? Мог бы и так к себе вызвать... Али Забава Путятишна? Нет, Забава Добрыню призвала бы! Эх, что гадать? Чему быть, того не миновать!»

Так решил Иван, добравшись до окна заветного. И тут же чуть было обратно на землю не свалился. Насилу удержался, увидев, кто его встречает. Василиса Прёмудрая! Она же — Прекрасная!

— Исполать тебе, богатырь! — приветствовала Ивана-дурака примадонна киевская, помогая ему затянуть лесенку наверх.

— Угу, — буркнул он в ответ, иных слов с испугу не найдя.

«Ужель полюбила меня Василиса?! — пронеслось в головушке Ивановой. — Ох беда, беда, коль узнает князь!.. Однако и радость немалая! Такую покровительницу иметь! Ну, Иван, вот он миг: хватай судьбу свою, пока сама в руки просится. Или пан, или пропал».

И, не медля боле, чтобы не дать страху да сомнениям в душу закрасться, спрыгнул Иван с подоконника да и заключил Василису в объятья свои богатырские.

— Стра... — вскрикнула было Василиса, да сама себе рукой рот зажала.

— Правильно, Василисушка, зачем нам стража-то? — зашептал Иван горячо, нащупывая на спине ее шнурок от корсета.

И тут, продолжая одну руку к устам прижимать, другой, свободной, отвесила княгиня герою нашему такую затрещину, какая и Илье Муромцу честь бы сделала.

«Баба-то с норовом», — подумал Иван и, потеряв сознание, рухнул на пол.

...Очнулся он уже на перине пуховой. На щеке — примочка медвяная. Василиса подле сидит — на пуфике. Увидев, что Иван глаза открыл, улыбнулась она озорно ему, приговаривая:

— Ай да богатырь! Ай да смельчак! Такой ни огня, ни пучины морской не убоится. Верна, видать, Марьина рекомендация!

От затрещины в голове Ивановой что-то перемкнуло.

— И не убоюсь! — вскричал он обиженно. — И тебя не убоюсь! Коль не люб я тебе — так и скажи: «Не люб!» А чего руки-то распускать?

— Ну хватит уже, Иван, — с легким раздражением в голосе сказала Василиса. — Пора, видно, объясниться нам. Ты, сдается, втемяшил себе в голову, что в полюбовники я тебя призвала?

— Ан нет? — спросил Иван насмешливо.

Василиса чуть от него отодвинулась.

— Вот что, богатырь. Ежели еще хоть пальцем меня коснешься — пеняй на себя.

Тут в голове Ивана перемкнуло в обратную сторону, и он с полной ясностью осознал свое положение. «Так, — подумал он. — Ежели голову отсюда на плечах унесу — Богородице свечку поставлю. Большую».

— Ай, прости меня, дурака, Василисушка! Не имел я оскорбить тебя помысла! — воскликнул он, приподнимаясь на локтях.

— Любовью оскорбить нельзя, — произнесла княгиня наставительно и положила свою руку ему на плечо. — Лежи уж. И слушай. Служба мне твоя нужна. Коль сумеешь сослужить ее — прощу тебя. Не сумеешь...

— Да я!.. — вновь попытался Иван подняться.

— Лежать! — рявкнула Василиса. Иван перепуганно вытянулся на перине. — Вот так-то лучше. Итак, приступим к инструктажу. Через три дня дочь моя, Несмеяна, под венец с Емелею идет. Слыхал о том?

— Слыхал, как же! Но на Емелю я руки́ не подниму, не проси даже! Брат он мне названый!

— Да Емеля-то мне по нраву пришелся, — успокоила его Василиса. — Загвоздка в том, что на свадьбе той Владимир меня в серьгах, им подаренных, видеть желает. А их нет у меня.

— Где ж они?

— У Кащея.

— У Кащея?! — вскричал Иван горестно.— У Бессмертного?! Да как они попали к нему? Выкрадены?

— Я их сама Кащею отдала.

— Сама?!! — завопил Иван, отбросил в сердцах примочку медвяную, сел на кровати и, обхватив руками голову, запричитал: — Ах ты бедная земля Русская, как же тебе ждать благоденствия, коль сама Василиса Премудрая полюбовные подарки Кащею делает?!

— Дурак ты, Иван...

— На себя-то посмотри, распутница!

— Да ведь не всегда Кащей злодеем был! Прежде слыл он алхимиком талантливым. Вместе с ним я премудрости училася. Там, студентами, и познакомились. Молода я была да неопытна, только-только пошла за Владимира. Однокашник — Кащеев фамилией — в гости прибыл в отсутствие князево. Как увидел он серьги в ушах моих, князем давеча мне презентованные, стал просить одолжить их на времечко. Для физических якобы опытов. Минерал в них какой-то особенный... Посуди, как откажешь сокурснику?

Не все слова из речи Василисы понял Иван, оно и понятно — премудрая она. Однако общий смысл уловил. И поинтересовался:

— А почему Владимир захотел тебя в этих сережках видеть? Уж так ли это важно?

— Гапон проклятый нашептал ему. А князь-то ревнивый у меня. И в молодости к Кащееву ревновал, теперь — к Кащею, выходит. Завидовал Владимир ему очень: большие успехи тот в науках делал. А Владимир мой — все больше по административной линии.

— И тут, стало быть, Гапон успел напакостить, — покачал Иван головой понимающе. — Но теперь-то князь не должен прохиндею верить...

— Говорю же, ревнует он. Сердцу, Ваня, не прикажешь.

— И то верно, — согласился тот, вздохнув. — Беда.

— Беда, Иванушка, — и слезы покатились по щекам премудрой княгини. — Но не наказания я боюсь боле всего, а того, что князь верить мне перестанет, к советам моим прислушиваться. Таких он тогда дров на Руси наломает!.. Ну так как, богатырь, возьмешься ли задание мое выполнить, сережки от Кащея доставить?

— А где его искать-то, Кащея?

— На острове Буяне, это все знают.

— Это-то и я знаю. Да ведь срок очень маленький. Где остров тот? Где на нем замок Кащеев? Найти-то успею?

— Не бывала я в царстве Кащеевом. Что могу я тебе по-

советовать? — Она замолчала. Потом спросила: — А не знаком ли ты с кавказцем по имени Кубатай?

— Нет, — помотал Иван головой. — А что?

— Ходит слух, что мудрец он великий, всё на свете знает. Может, пособит Кащея найти?

— А Кубатая-кавказца где искать?

Василиса виновато пожала плечами. Иван удрученно вздохнул:

— Что толку тогда в мудреце том?

— Нет толку, — признала Василиса, по обыкновению слегка ломая руки. И тут нервы ее не выдержали, и она вскричала: — Спаси меня, Иван, верни мне серьги! В твоих руках судьба Руси!

— Готов живот свой за нее положить! — вскричал Иван в запале. Да видать, слишком громко вскричал. Потому что миг спустя стук в дверь Василисину раздался. То князь стучал.

— Открой, жена неверная! — раздался его взволнованный голос. — Открой немедленно, я слышал в твоей комнате голос мужчины!

— Мужчины?! — оскорбленно вскричала княгиня, торопливо раздеваясь и знаками показывая Ивану, что тот должен срочно покинуть комнату через окно. — Полно, князь, откуда здесь мужчина?

— А вот это мы сейчас у него и узнаем, — заверил князь. — Открывай, брось придуриваться.

— Князь, я не одета, — возмущенно и кокетливо одновременно заявила Василиса.

— Еще бы! — вскричал Владимир и принялся ломать дверь дубовую.

А Иван, не в силах оторвать очей своих от полуодетой Василисы, так и замер посередь комнаты, рот открывши. Можно ли винить его в том, если припомнить, что Василиса была не только Премудрой, но и Прекрасной?

Тут Василиса бесстыжий взгляд его приметила, потупилась, зарумянилась, рукой грудь свою белую прикрыла. Но от очередного удара в дверь вздрогнула, нахмурилась и, пальчиком Ивану погрозив, на щеку свою показала. Иван понял, на что она намекает. Припомнил давешнюю затрещину, вскочил на подоконник, грациозным движением ноги сбросил вниз лестницу веревочную, послал княгине поцелуй воздушный да и был таков.

В ту пору мимо караул богатырский проходил: Гаврила Недюжинная Сила да Федот-стрелец, удалой молодец. Увидали они спускающуюся из окна дворцового темную личность да и взяли ее под белы рученьки.

— Попался, тать! — вскричал Гаврила.

— Мужики, не узнаёте, что ли? — ответил Иван шепотом.

— Да это ж новенький! — признал Федот. — Глянь-ка, к кому он ночами шастает! — и указал на окно, в котором исчезла веревочная лестница.

— Ай да Ваня, ай да сукин сын! — восхищенно отозвался Гаврила.

Тут из окна высунулась взлохмаченная голова Владимира.

— Эй, кто там внизу?

— То мы, княже, караул богатырский, — ответил Федот. — Федот, Гаврила да новенький, дурак который.

— Чего это вы втроем сегодня?

— По приказу воеводы — караул усиленный. В преддверии торжеств свадебных, — не моргнув и глазом, соврал Федот.

— Это правильно, — заметил справедливый князь. — Умный у меня воевода. А не шастал ли тут кто подозрительный? Типа Кащея?

— Никак нет, княже. Спокойно всё.

— Это хорошо, — сказал князь. — Службу несете исправно. Завтра же всех троих к награде представлю.

— Служим земле Русской! — хором откликнулись богатыри.

— Ну всё, ступайте, — сказал Владимир, и голова его исчезла.

— Ой, ребята, спасли вы меня, — зашептал Иван. — Пойду-ка я домой, от греха подальше.

— Что-то незаметно, чтобы ты от греха бегал, — заявил Гаврила и заржал, довольный своим каламбуром. — Ладно, иди, не боись, не выдадим.

С тех пор авторитет Ивана в богатырских рядах вырос неописуемо.

Глава вторая,

в которой Иван совершенствует свое искусство правду выпытывать, знакомится с оранжевоголовым человеком и становится обладателем меча-кладенца

Иван пришел к Марье-искуснице сам не свой. Еще с порога он гаркнул: — Марья! Борща! — и прилег в горнице на дубовую лавку.

— Сейчас, Иванушка, — заторопилась Марья, зажав

фартуком горшок с наваристым борщом. — Сейчас, светик мой. Тебе со сметанкой?

— Все равно, — скорбно сказал Иван. — Со сметанкой.

Он мрачно хлебал борщ, а Марья, усевшись напротив, ласково поглядывала на него, не забывая подрезать хлеба белого.

Когда Иван утолил первый голод, обсмоктал косточки и съел на закуску гроздь бананов, настроение его слегка улучшилось. Он даже взял у Марьи пригоршню семечек и сделал вид, что лузгает их.

— Что ты, молодец, не весел, что ты голову повесил? — поинтересовалась Марья.

— Как же мне не горевать? Вызвался я помочь Василисе Прекрасной, а как — ума не приложу, — горько признался Иван.

— Василисе? Она баба хитрая, задаст задачку хоть стой хоть падай, — согласилась Марья. — И чего ты ей наобещал, недотепушка мой?

— Кащея найти, сережки Василисины у него отобрать, Василисе в срок доставить. А срок тот — неделя без одного дня.

— Это служба, не службишка, — согласилась Марья. — А в чем незадача?

— Как мне путь найти к Кащею? Там-то я с друзьями справлюсь, укорочу нечисть.

— Кащей-то бессмертный! — предупредила Марья. — Ладно, путь к нему я укажу. Есть у меня зеркальце волшебное, чего хочешь покажет. Счас мы его и проэксплуатируем... Так, куда же я его засунула? Последний раз доставала, когда Емеле картинки заморские, срамные, демонстрировала, потом убрала недалече... А! В спальне моей, под подушкой! То-то спать жестко было...

Оставив дурака размышлять над своими словами, Марья проворно сбегала за зеркальцем и установила его на столе. Зеркальце было маленьким, квадратным, с отколотым уголком и частично облупившейся амальгамой. Марья застенчиво попросила:

Свет мой, зеркальце, скажи
Да всю правду покажи.
Как бы нам пройти к Кащею,
Чтоб намылить ему шею?

Зеркальце затряслось, загудело, покрылось красными, зелеными и синими полосами, потом посредине его появилась светящаяся полоса. Донесся плеск волн.

— Изображение барахлит, — призналась Марья и по-

стучала по зеркальцу кулаком. На мгновение мелькнули вода, песчаный берег и чье-то злое лицо. И всё. Зеркальце покрылось мелкими квадратиками, сеткой окаянной, и больше ничего не показывало.

— Силен Кащей, — вздохнула Марья. — Чары наложил. Не получится у нас дорогу к нему увидеть.

И тут дураку пришла в голову гениальная мысль:

— Марья! А может зеркало показать кавказца Кубатая? Говорят, что он все на свете знает, даже к Кащею дорогу!

Марья хмыкнула и сказала:

Свет мой, зеркальце, мечтаю
Я увидеть Кубатая,
Что на свете всех умнее,
Всех румяней и белее!

Зеркальце загудело, на мгновение показало князя Владимира («Это оно так, подстраховывается», — пояснила Марья) и неожиданно выдало изображение большой, знакомой Ивану избы.

— Изба-читальня боянская! — ахнул дурак.

А зеркальце уже демонстрировало им дюжего усатого молодца с зелеными волосами. Молодец крутил ус и объяснял боянам разницу между ямбом и хореем.

— Так вот ты какой, Кубатай-кавказец! — ахнул дурак. — Спасибо, Марьюшка. Этого бояна я в два счета к нам завлеку, а уж тут выпытаем всё помаленьку.

И дурак бросился взнуздывать Гнедка.

Повезло Ивану-дураку, ох как повезло! Бояны-то народ дружный, своих в беде не бросают. И если б стал он похищать Кубатая прямо из боянской избы, завязалась бы сеча жестокая. Пришлось бы дураку или отступать несолоно хлебавши, или всю культуру русскую под корень истреблять.

К счастью, Кубатай от общества немерено пьющих боянов опьянел капитально. Вышел он на крыльцо, отдал должное природе-матушке, решил в уме пару дифференциальных уравнений, сочинил сонет о красоте русской ночи и стал уж было в себя приходить... Как вдруг откуда ни возьмись появился Иван-дурак!

— Здравствуй, Кубатай! — отвесил он поклон. — Исполать тебе, мудрый!

— Здравствуй и ты, дурак, коли не шутишь, — сказал Кубатай, мечтательно глядя в небо. — А откуда ты меня знаешь?

— Кто ж тебя не знает? — притворно удивился Иван. — Слух о тебе прошел по всей Руси великой.

Кубатай ласково кивнул Ивану и ткнул пальцем в небо:

— Видишь ту звездочку ясную, Иван?

— Вижу. То...

— Венера! — мрачно сказал Кубатай. — То Венера подлая!

— Да какая ж Венера, — удивился дурак. — Это Полярная звезда. Венеру, поди, только по утрам и вечерам видно!

— Да? — удивился Кубатай. — А как похожа... Стой! А ты... не сфинкс?

— Кто-кто?

— Не сфинкс ли ты, часом, замаскированный, а, Иван? Покайся, я все прощу!

— Дурак я, — с грустью признался Иван. — Но не сфинкс.

Кубатай расслабился и улыбнулся:

— Знаю. Это так... на всякий случай. Работа такая. Иван, ты меня уважаешь?

— А как же!

— Хорошо... — Кубатай погрузился в молчание. Из избы доносились голоса боянов, разучивающих новую былину.

— Кубатай, а Кубатай! — подал голос Иван. — Поехали со мной!

— Зачем? Мне и тут хорошо!

— Я тебе вопросы буду задавать, а ты — отвечать мудрено!

Кубатай заколебался:

— Нет, тут веселее...

Иван, которому страсть как не хотелось прибегать к крайним мерам, достал из кармана пригоршню семечек. Глаза у Кубатая вспыхнули ярче, чем Полярная звезда на пару с Венерой.

— Иван... Дай щелкнуть разок...

— На, — согласился добрый Иван. И тут ему пришла в голову поистине гениальная идея. Уже вторая за день!

— У меня дома мешок таких, — небрежно сказал он. — Два мешка. Три.

Кубатай похлопал его по плечу:

— Хороший Иван... Хороший русский Иван... Семечка...

— Поехали, я тебе полмешка отсыплю! — пообещал дурак.

— Летс гоу! — непонятно воскликнул Кубатай. Через минуту они уже сидели на Ивановом Гнедке, который мер-

но трусил к Марьюшкиному дому. Вдали противными голосами кричали дикие попугаи. Дорогу перебежал черный бабуин, и Иван сплюнул через левое плечо — от дурного глаза. Сплюнул не совсем удачно, но Кубатай не обиделся, потому что дремал. Проснулся он лишь у самого дома и сонно спросил:

— Иван, Иван... А ты не Стас?

— Нет, — дурея больше обычного, ответил Иван.

— И даже не его старший брат Костя?

— Не знаю таких, — осторожно промолвил Иван. Кубатай вздохнул.

— Эх, был у меня такой друг... Маленький, но настоящий. Всерьез меня принимал.

Сообразив, что в душе Кубатая задеты какие-то сентиментальные струны, Иван молчал.

— Эх, — вздыхал Кубатай. — И как же я их не укараулил? Такая общность душ, как у нас со Стасом, раз в пятьсот лет бывает! Мы бы с ним охотились вместе, на пры... на сапогах-скороходах прыгали, диверсии учиняли...

— А где твой друг-то? — поинтересовался Иван. — Басурманы в полон увели? Враз отобьем!

Но Кубатай только вздыхал и повторял вполголоса:

— Всерьез... всерьез... Как взрослый к взрослому относился...

Так, с полупротрезвевшим Кубатаем за спиной, Иван и въехал на просторный Марьюшкин двор. Из хором доносился дружный храп тридцати трех богатырей.

— Где семечки? — начиная что-то подозревать, спросил Кубатай.

— В подполе, — схитрил Иван. — Пойдем.

И они пошли.

Очутившись в каменном подполе, уставленном бочками с медовухой и мешками с кокосами, Кубатай вмиг протрезвел полностью.

— Где семечки? — тревожно озираясь, спросил он.

— Обманул я тебя, — признался Иван. — На всякого мудреца довольно простоты.

И он на всякий случай достал булаву. Кубатай вздохнул и сел на мешок.

— Чего тебе надобно-то? Выкупа богатого?

— Нет,— замотал головой Иван.— Выкуп — тьфу! Укажи дорогу к Кащею.

— Зачем?

— То — мое дело, — посуровел Иван. — Ты мудрец известный, всё тебе ведомо. Говори!

— Никогда! — гордо сказал Кубатай.

— Пытать буду, — со вздохом признался Иван.

— А я боли не боюсь! — похвастался Кубатай. — Делай что хочешь, только усы мне не брей.

— Ага! — заорал Иван. — Марья, подь сюда!

В подпол, лузгая семечки, вошла Марья.

— Бритву, мыло и хвост опоссума, — велел Иван. — Пытать мудреца буду.

— Как?

— Усы брить!

Марья неодобрительно покачала головой, но требуемое принесла. Иван тем временем связал слабо сопротивляющегося Кубатая и принялся намыливать пушистый опоссумий хвост.

— Красавица! — подал голос Кубатай. — О двух вещах тебя молю! Первое — дай мне семечек перед пыткой полузгать. Очень уж у тебя семечки замечательные. А второе — как брить меня Иван-разбойник начнет, уйди, не смотри. Не вынесу я такого позора!

Марья аки волчица голодная на Ивана глянула, сплюнула и молвила:

— Иван! Негоже джигита единственной красоты лишать!

Иван, мыля хвост, огрызнулся:

— Не единственной. У него еще язык остался. На крайний случай отрежем.

Всплеснув руками, Марья проворно нащелкала две жмени семечек, всыпала их Кубатаю в рот и со слезами на глазах удалилась.

Иван сноровисто покрыл лицо Кубатая пеной, взял бритву наизготовку и задумался.

— С чего начнем, мудрец? С левого уса али с правого?

Кубатай хранил гордое молчание.

— С правого, — решил Иван. — С самого кончика.

И он ловко сбрил кончик Кубатаева уса. Мудрец застонал.

— Не больно? — забеспокоился Иван. — Может, еще намылить?

— Сатрап, — стонал Кубатай, извиваясь. — О горе мне! О горе!

— Пока никакого горя, — успокоил его Иван. — Так, восстанавливаем симметрию...

Он подбрил левый ус. Оглядел результат:

— Знаешь, мудрец, еще лучше стало. Интеллигентней, даже в чем-то романтичнее. Надо было мне в цирюльники податься...

— Да? Дай зеркальце, гляну!

— Нет! Вначале путь к Кащею выдай! Сразу отпущу.

— Не скажу! Из принципа.

— Тогда я знаешь что сделаю? — издевался Иван над беззащитным мудрецом. — Рот тебе заткну, а сам стану мудреные вопросы задавать! Ты же на них и ответить не сможешь!

— Только не это! — крикнул Кубатай. Неизвестно, чем бы кончилась эта страшная сцена, но тут дверь подпола отворилась и в помещение ворвался незнакомый Ивану человек. Невысокий, плотненький, суетливый, с маленькой железной палочкой в руках.

— Кейсеролл! — завопил Кубатай. — Спаси! Я тебе еще пригожусь!

— Отойди от бояна, добрый молодец! — угрожающе сказал Кейсеролл. — А то из муми-бластера пальну!

— Из этой-то пшикалки? — презрительно сказал Иван и взял булаву поудобнее. — Попробуй!

И в этот миг железная фиговинка в руках Кейсеролла окуталась белым пламенем и превратилась в дивный меч. Длинный, блестящий, каменьями по рукояти украшенный, огнем колдовским мерцающий. Кейсеролл с явным удивлением глядел на оказавшееся в его руках оружие.

— Меч-кладенец, — тяжко выдохнул Иван. — Ох! Тяжела моя участь!

— Отпусти Кубатая, — сообразив выгоды своего нового вооружения, приказал Кейсеролл.

— Нет! — твердо сказал Иван. — Или костьми лягу, или узнаю от него путь в царство Кащеево!

— Чего? Куда? Зачем? — засуетился Кейсеролл. — К Кащею?

— Да, — гордо сказал Иван. — Бой у меня с ним будет!

— Это меняет дело, — заявил Кейсеролл, сел на бочку с медовухой, глянул на руку — к ней были привязаны большие песочные часы — и задумался. Иван ждал. Кубатай, покрываясь мыльной коркой, тоже.

— Смолянин! — крикнул вдруг Кейсеролл. — Иди-ка сюда!

— Ну чего, на фига я тут нужен, — огрызнулся, спускаясь в подпол, еще один незнакомец. Тоже чудной. Волосы оранжевые, уши — что твои лопухи, между пальцами — перепонки, как у лягушки. Иван сплюнул через левое плечо. Снова не совсем удачно.

— Дело к тебе есть, — сурово сказал Кейсеролл.

— Какое дело? — возмутился Смолянин. — Я вас с Кубатаем русскому научил? Научил! Считай, что я оклад

отработал. Теперь до конца месяца ни черта делать не буду.

— Уволю, — кратко пообещал Кейсеролл.

— Ну и увольняй! Не жалко! Специалисты всюду нужны, пойду в музей работать.

— Экспонатом? — съязвил Кейсеролл.

— Чего делать? — хмуро спросил Смолянин и достал из-под Кубатая свежий кокос.

— Пойдете вместе с этим богатырем к Кащею. — Кейсеролл указал на Ивана. — Во всем ему способствовать будете.

— Да ни за что! Пусть Кубатай идет!

— Вы в паре лучше работаете, — отмахнулся Кейсеролл. — И не смейте спорить! Здесь важные интересы, коих вам не понять!

Он снова глянул на часы и всплеснул руками:

— Опаздываю!

Не прощаясь, он бросился вон из подпола. У дверей остановился, прислонил меч к косяку и крикнул:

— Иван, меч-кладенец прихвати! Поможет в дороге!

— Благодарствую, — сказал Иван и растерянно уставился на своих неожиданных попутчиков. Кубатай горько вздыхал. Смолянин меланхолично грыз кокос.

Глава третья,

в которой поднимаются вопросы национального самосознания, опускаются ответы на эти вопросы, а доблесть, коей нет границ, всех примиряет

Иван-дурак влетел в кабак... Ой, что-то не то получается. Иван вошел в трактир... Во.

Иван вошел в трактир. Богатыри приветствовали его появление дружным звоном кружек. Судя по мирной обстановке, они только-только перешли с медовухи на царскую водку и еще не успели закручиниться.

— Друзья! — воскликнул дурак, присаживаясь. — У меня есть для вас приятный сюрприз!

— Наливай! — согласился Илья.

— Да нет, не такой, — смутился Иван.

— Все равно наливай!

Когда было налито и выпито, крякнуто и занюхано, Иван-дурак повторил:

— Друзья, сногсшибательное известие!

— Ну?

— На Кащея идем!

— За такие известия по морде бьют! — прорычал Илья Муромец. — Ты чего, Иван, совсем одурел?

— Это нужно одной высокопоставленной даме, — несмело начал Иван. Добрыня хихикнул, потому что сплетни среди богатырей распространялись весьма быстро:

— Это которой высокопоставленной? Прекрасной да Премудрой?

Иван зарделся.

— Пусть она сама и идет на Кащея, — заключил Добрыня. — Нам жизнь дорога́.

Илья и Алеша поддержали его одобрительным кряканьем.

— Ну что ж, — грустно сказал Иван-дурак. — Постарайтесь забыть мое предложение. И не поминайте лихом, если что. Надеюсь, все у вас в жизни сложится удачно, не побоюсь даже сказать — былинно. Прощайте.

Утирая слезинку, набухающую на правом веке, Иван побрел к двери. Богатыри переглянулись. Добрыня вздохнул и возложил на стол правую ногу. Илья махнул рукой и опустил свою — в могучем кирзовом сапоге. Алеша жеманно пожал плечами и положил поверх свою изящную ногу в сапожке из хромовой кожи.

Когда ритуал богатырского совета был выполнен, Добрыня окликнул Ивана:

— Эй, дурак!

Обернувшись и обнаружив на столе три богатырских окорока, из-под которых, шипя, капала разлитая царская водка, Иван сразу все понял и просиял.

— Дурак, поход на Кащея нужен только высокопоставленной даме или и тебе тоже?

— И мне! — преисполненный патриотизма, воскликнул Иван.

— Тогда в чем же дело? — спросил хитрый Алеша Попович. — Рубликов нам отсыпят на дорожку?

— Немножко, — признался Иван. — Зато Кащея можем грабить без зазрения совести.

— Сегодня и выступим, — решил Илья. — Я зайду к Микуле Селяниновичу, скажу, захворал, дескать. Ты, Добрынюшка, возьмешь отпуск за свой счет для обучения грамоте. А ты, Алешка, скажешь Микуле, что соблазнил невинную девицу и теперь должен замаливать сей грех в Соловецком монастыре.

— А может, прямо объявим: мол, на Кащея идем? — робко спросил Иван.

— Не положено! Надо следы запутывать... Что, други, постоим за землю Русскую?

— Ой постоим! — гаркнули богатыри.

— Да, кстати, — спохватился Иван. — С нами еще двое пойдут. Один — мудрец Кубатай, боян сладкоголосый. Другой — толмач Смолянин, человек простой и трудолюбивый.

— Ох, подозрительны мне имена их, — воскликнул Алеша. — Особенно — Смолянин! Сразу видать: то не русский человек.

— Кубатай — кавказец, но мирный, спокойный, — принялся успокаивать друзей Иван. — А Смолянин клянется, что русская в нем кровь течет.

— Какой же русский станет своим происхождением хвастать? — воскликнул Илья. — Ну да ладно. Боян сладкоголосый да толмач трудолюбивый в пути пригодятся. Берем.

И снова путь-дорожка лежала перед богатырями. Впереди, как и пристало сильнейшим, ехали Добрыня с Ильей, за ними — мудрец Кубатай да толмач Смолянин. А последними, зорко назад оглядываясь, двигались Иван с Алешей. И вот какой между ними шел разговор...

— Вот скажи, Иван, любишь ли ты земельку Русскую? — вопрошал Алеша.

— Люблю.

— Вот и я о том. А скажи, Иван, чем Русь наша красна?

— Собакой-князем, — пошутил дурак.

— Ну и им тоже, — не понял юмора Алеша. — И нами, богатырями. И смердами вонючими, и боярами толстопузыми, и попами набожными, и купцами хитроглазыми, и девками... девками... — вздохнул он.

— Что ж, получается, всеми?

— Ага! То богатство наше немереное, самовоспроизводящееся. Пока есть на Руси народ русский, Русь Русью останется!

— Да... — протянул Иван. — Ну ты и загнул, Алешка. Чую, что прав, хоть и не понятно ни фига.

— А чё ж тут непонятного? — встрял в разговор Кубатай, выплевывая шелуху от семечек. По бокам его конька хлопали два тяжелых мешка с семечками, собранными в дорогу заботливой Марьюшкой. — Народ — самое ценное в любом государстве. Скажу я вам честно, что повсюду уже люди корни свои позабывали, только на Руси и остались настоящие патриоты.

— Дело говоришь, кавказец! — одобрил его Алеша. — Видать, и вправду — мудрец! А скажи, чем мы, русичи, от неруси поганой отличаемся?

— Но-но, — слегка обиделся Кубатай. — По большому

счету — ничем. Порой глянешь на какого-нибудь дурака — ну чего в нем русского, кроме имени? А раскроет рот, скажет слово, другое, сразу видно — русский!

— Значит, — обрадовался Алеша, — не внешность тут роль играет! А что? Скажи, мудрец?

Приосанившись, Кубатай изрек:

— Менталитет!

— Чего?

— Этносознание!

— Ты кончай ругаться по-кавказски, а дело говори!

— Главное в человеке — душа! — изрек Кубатай. — Коли она большая да загадочная, к чудесам и тайнам тянется, а от дел низменных воротится, то русская она!

— Дело, — кивнул Алеша. — Я и сам так считаю, но тебя проверить решил. Эй, Смолянин-толмач! Ты чего об этом думаешь?

— О чем? — проснулся Смолянин.

— О душе!

— Рано мне еще о ней думать, — рассудил Смолянин. — Вот Кащея увижу, сразу в размышления погружусь!

— Переиначим вопрос, — не отставал от него Алеша. — О Руси ты чего думаешь?

— О Руси? Умом Россию не понять, прибором хитрым не измерить, у ней особенная стать, в Россию можно только верить!

— Тебе бы в бояны податься, — отвесил комплимент Алёша.

— Да я пробовал, голос плохой оказался, — засмущался Смолянин. — Когда сам, в одиночку пою, в ванне или перед сном, то спиваю гарно. А коли хоть один слушатель объявится — сразу петуха пускаю.

— Вот и у меня так бывает, — кивнул Алеша. — Придумаю небылицу — аж сам поверю. А начну рассказывать — концы с концами не сходятся... Толмач, а ты кто будешь да откуда?

— Издалека, — вздохнул Смолянин. — Но по натуре — русский. Давно меня на Русь тянуло, я и язык выучил, и родословную себе выискал. Вот, приехал.

— Небось тебя по малолетству в полон увели, — догадался Алеша. — А душа-то русская проснулась, на родину потянула. Молодец, толмач! У Ильи вот сын был, Соколик, так его Калин-царь вместе с матерью в полон увел. Маманя от обиды померла, а сынка Калин-царь вымуштровал, приемчикам хитрым научил, щуриться заставил, чтоб на него, собаку, был похож. А потом выпустил супротив родного батьки биться!

— Кошмар! — воскликнул Смолянин, который страдал некоторой сентиментальностью. — Кончилось-то все хорошо?

— А как же! Илюшка сыночка с коня сбил, отхлестал нагайкой, тот сразу папу и признал. Потом Владимир его заслал на самую дальнюю заставу, южные рубежи стеречь. Он Илюше письма писал ласковые, сыновьи. На побывку недавно приезжал, такую попойку закатили!

Смолянин расцвел в счастливой улыбке.

— А после попойки похмелиться было нечем, настроение у всех упало. Илюша с сынком повздорил да и отлупил знатно. Теперь он при монастыре Киевской Богоматери звонарем работает. Глаз у него один вытек, скрючило его всего, оглох... Но силенка осталась, с работой справляется.

Икнув, Смолянин придержал коня, чтобы оказаться подальше от Муромца. Алеша тем временем продолжал молоть языком. Кубатай, которому страсть как хотелось встрять в разговор, делал судорожные попытки освободить рот от семечек. Но руки его сами собой лезли в мешок и зачерпывали все новые пригоршни.

— Вот, — позевывая рассуждал Алеша, — возьмем простую русскую душу. Среднюю, ничем не примечательную. Какие у нее склонности? Ругать собаку-князя, потому что свободолюбива, но слушаться его, потому что другой еще хуже будет. Пить знатно, потому что традиция, но не закусывать после первой, потому что иначе после второй нечем будет. Любить зверюшек да детишек малых, без этого никак нельзя. Бить жену, потому что все равно, сволочь, изменит. Бананы есть в немереных количествах, так как истинно русский фрукт. Планов иметь громадье, но осуществлять помаленьку, чтоб другим народам не обидно было... Но не это главное! Главное — оптимизм! Именно он нас, русских, от всех других людей отличает!

— Оптимизм? — поразился Смолянин.

— Он самый!

— Да... — протянул Смолянин. — Вот оно что... А скажи, Алеша, русский былинный герой, что бы ты сделал, едучи с друзьями по чисту полю, коли увидел бы чудо-юдо неслыханное?

— Рассмеялся весело да друзей бы пригласил подивиться! — хорохорился Алеша.

— Посмотри направо, — предложил Смолянин, похихикивая.

Алеша посмотрел — и зашелся в нервном смехе. По степи широкой бежало к ним чудо-юдо узкое, на сороконожку

похожее, только с семью головами и ростом с каланчу пожарную.

— Толмач... толмач... — выдавил Алеша, сдерживая истерический хохот. — А тебе не страшно?

— Нет, я же русский! — гордо ответил Смолянин.

Тем временем и остальные богатыри заметили чудо-юдо и остановились. Невиданное страшилище бежало к ним, посверкивая на солнышке чешуей и помаргивая многочисленными глазками.

— Ух, раззудись плечо, размахнись рука! — крикнул Иван-дурак и запустил в чудо-юдо булавой. Та попала чудовищу в глаз, погнулась и отлетела в сторону.

— Фигово, — грустно сказал Илья. Добрыня надевал булатные рукавицы. Алеша молился. Смолянин оптимистически хохотал. Кубатай нервно грыз семечки, не забывая при этом ласкать эфес сабельки острой. Иван-дурак готовил к бою меч-кладенец.

А чудище, слегка изменив направление бега, стало огибать друзей.

— Пронесло, — ахнул Алеша.

Чудо-юдо круто повернуло и стало замыкать друзей в кольцо.

— А ты говорил — пронесло! — удивленно воскликнул Смолянин.

— Пронесло, — упрямо повторил Алеша. — Со всяким бывает.

Чудо-юдо замкнуло друзей в кольцо, всунуло внутрь кольца головы и ехидно спросило:

— Ну чё, богатыри, кранты пришли?

— Посмотрим, — рассудил Иван-дурак и рубанул ближайшую голову мечом-кладенцом. Меч жалобно звякнул, но чешую не прорубил.

— Не поможет! — гордо сказало чудище. — Я Кащеем наколдовано, против вас науськано, от всех богатырских приемов защищено. Говорите, чего с вами делать: раздавить телом бронированным, съесть сырыми или вначале огнем пожечь, потом съесть?

— Может, бросить нас под ракитов куст? — робко предложил Добрыня.

— Нет, братец, не выйдет! — захохотало чудо-юдо. — Не такое уж я темное! Между прочим, решайте быстрее, а то мне о жизни поразмышлять хочется. Я по натуре — естествоиспытатель!

Богатыри подавленно молчали. Лишь Алеша исподтишка колол саблей ближайшую к нему голову чуда-юда, без особого, впрочем, эффекта.

— А как же оптимизм? — лепетал смущенный толмач. — Алеша! Чё с оптимизмом-то делать?

И тут, в самый тягостный момент, мудрец Кубатай дощелкал-таки семечки в первом мешке и, воспользовавшись перерывом, спросил:

— Чудо-юдо, а вы не подскажете, кто вы — млекопитающее, рептилия или членистоногое?

Слегка покраснев, чудо-юдо жеманно ответило:

— Млекопитающее...

— Логично, — рассудил Кубатай, разглядывая чудо-юдо. — Тело столь огромных размеров не могло бы существовать при двухкамерном сердце и примитивной нервной системе. Хотя ваша чешуя наводит на определенные догадки...

— Какие? — с любопытством спросило чудо-юдо. Но мудрец уже думал о другом:

— Но самое удивительное — это замечательная координация движений конечностей вашего тела. Скажите, каждая пара ног имеет собственный, автономный нервный ганглий?

— Нет... кажется... — растерялось чудо-юдо.

— Нет? А как же вы ухитряетесь передвигаться?

— Не знаю...

— И еще считаете себя естествоиспытателем! — Кубатай покачал головой. — Давайте внесем ясность в этот вопрос. Какая пара ног движется первой?

— Третья левая и семнадцатая правая, — неуверенно заявило чудище.

— Точно?

Чудо-юдо разомкнуло кольцо вокруг богатырей, неуверенно прошлось взад-вперед и призналось:

— Когда как.

— Но должна же быть система! Вот у вашей младшей родственницы, сороконожки, по последним данным...

Богатыри, обалдев, слушали Кубатая. Первым не выдержал Илья — схватился за сердце и прошептал:

— Лучше пусть нас съедят...

Но Добрыня, более стойкий, заткнул ему рот рукавицей. Кубатай тем временем учил чудо-юдо методу передвижения сороконожки:

— Так, пошла левая сторона... Седьмая нога! Выше! Теперь правая, через одну ногу, так... Теперь все ноги поднять!

Чудо-юдо выполнило приказ и тяжело рухнуло на землю. Растерянно пролепетало:

— Мудрец, у меня не получается... Может, лучше, как раньше, ходить буду?

— Как раньше — это примитивно, — заявил Кубатай. — Должен быть непрерывный прогресс! Во всем! Сегодня улучшим походку, завтра — азбуку выучим, послезавтра — в Думе князя Владимира сиживать будем! Так, в чем же дело с передвижением... Ага! Какая голова у тебя принимает решения? Та, что говорит?

— Я принимаю, — хором ответили семь голов. Потом подозрительно уставились друг на друга.

— Но-но! Так не пойдет! — Кубатай тревожно потер лоб, достал саблю и, покачивая ею, как дирижерской палочкой, начал опрос:

— Ты мыслишь?

— Да, — скромно ответила первая голова.

— Значит, существуешь. А ты?

— Тоже! — косясь на первую голову, заявила вторая.

— А ты?

— И я!

— Вместе? Все семь, что ли? Ну, ребята! Как говорил один мой маленький друг: генло муф-ап, фараон сен крап. Или по-простому: у семи нянек дитя без глаза. Нельзя же всем семи головам заведовать движением! Давайте решим: кто будет двигать ногами, кто языком, кто будет есть и пить, кто вылизываться, кто следить за приближением неприятеля, кто контролировать процессы пищеварения...

— Я вылизываться не буду! — заорала вторая голова, оказавшаяся самой слабонервной. — Пусть первая этим занимается, у нее язык длинный!

— Ах ты гадина! — завопила первая голова. — Ты, значит, богатырей будешь есть, а я — вылизываться?

— Всегда так было, по жизни, — упрямилась вторая голова. — Кто-то ест, а кто-то вылизывает...

— А-а-а! — завопила первая голова и вцепилась во вторую. Пятая, до сих пор меланхолично наблюдавшая за происходящим, встрепенулась и заорала:

— Оставь вторую в покое, она анекдоты о богатырях рассказывать умеет!

И вцепилась в первую.

— Не трожь, у первой язык самый длинный! — проревела четвертая голова, перекусывая шею пятой.

— Сосед, ты посмотри, что они творят? — изумилась шестая голова, обращаясь к седьмой. — Разнимем?

И две головы дружно дохнули на дерущихся огнем. Третья голова, которой тоже досталось, завопила:

— Что вы лезете в наш внутренний конфликт? Что, самые крайние?

Вместе с четвертой головой, уже расправившейся со своим противником, они дохнули пламенем на шестую и седьмую головы. И началось. Из багровой огненной тучи слышались щелканье челюстей, вопли и временами тяжкое падение откушенной головы. На землю лилась черная кровь.

— Ребята, ребята, — повторял изумленный Кубатай, отступая. — Я ведь только хотел решить все по-интеллигентному, по-культурному...

Алеша Попович схватил мудреца за шкирку, посадил на коня и стегнул коня нагайкой.

— Сваливаем, — поддержал его Добрыня, подстегивая ломовую лошадь Ильи Муромца. Иван подобрал с земли погнутую булаву и поспешил за ними.

Когда друзья отъехали на пару верст, Илья разлепил глаза и спросил:

— Что, съели мудреца?

— Нет...

— А чего так тихо?

Богатыри глянули на Кубатая и увидели, что несчастный мудрец вновь принялся за семечки. Через силу, давясь и отплевываясь, но не останавливаясь.

— Это Марьюшка, — догадался Иван. — Когда уезжали, она Кубатаю сказала: пусть мои семечки тебе сами в рот лезут, когда слов мудреных некому будет сказать. Вот они и лезут. Сбылось пожелание.

За спиной богатырей гулко ударил взрыв. Запахло свежестью, как при грозе.

— Самоистребилось чудище, — заключил Добрыня. — Вовремя отъехали, а то бы ударной волной покалечило. Молодец, Кубатай! Это ж надо — такого зверя до смерти заболтать. У меня-то, если честно, уже попа сыграла...

— А чего вы боялись? — удивился Смолянин. — Вот я, как Алеша советовал, сохранял оптимизм. И в результате только чуть-чуть обмочился.

Богатыри засмеялись шутке и дружно похлопали Смолянина по плечу, как бы принимая его в добры молодцы. Доехав до ближайшей речки, они простирнули портки, разложили скатерть-самобранку, что дала в дорогу Марьюшка, и перекусили: салом, бананами, парным молочком и солеными огурцами. Завершила пир знатная медовуха.

И только Кубатай, обреченный поглощать семечки, ожесточенно лузгал Марьюшкин подарок. На глазах его выступили слезы, лоб вспотел, но он героически добивал второй мешок.

Глава четвертая,

в которой хитроумный Иван-дурак побеждает искушение великое

Гнев, о бояны, воспойте Ивана, Иванова сына... Да и как тут не гневаться — на свою да спутников недальновидность? Ведь знали же, что дорога не только посуху пролегает, что река Смородина на пути, а не позаботились!

— Что ж ты, Кубатай, — укоризненно сказал дурак кавказцу, когда до реки они добрались, — мудрецом слывешь, а не надоумил хоть лодчонку какую-никакую прихватить!

— Не кручинься, Ваня,— бодро ответствовал Кубатай,— глянь, какие вдоль берега деревья знатные растут! Вмиг плот соорудим!

Сказано — сделано. За работу они принялись. Илья с Добрыней деревья валили, Алеша с Иваном сучья рубили, Смолянин лианы заготавливал, а Кубатай — командовал. Глазом моргнуть не успели, как дело сделано было: не плот — красавец! А посреди него мачту поставили, на ней парус приспособили — скатерть-самобранку, что Марья в дорогу дала.

— Лошадей придется тут оставить, — заметил Илья. — И на плот они не влезут, и отпускать нельзя — для обратного пути надобны...

— Ну ничего, — ответил Иван, — подождут денек, мы ведь завтра уже и воротимся.

Привязали они коней к деревьям, столкнули плот во Смородину да и поплыли, ветерком попутным гонимые. Подправляли курс шестами длинными.

И трети пути не осилили, как откуда ни возьмись музыка райская раздалась. Льется так, словно разом со всех сторон гусляры на гусельках наигрывают. Да не бояны наши доморощенные, а виртуозы умелые, заморские.

Стали путники кругом оглядываться. Глядь, вкруг судна из волн девы красные с дивным пением на устах показались. Словно рыбки резвятся, поигрывают, нашим молодцам лукаво подмигивают.

— Жарко что-то, — сказал Кубатай, — искупаюсь я, что ли...

— Я тоже! — воскликнул Смолянин. — Я вообще купаться люблю. — Вот, — поднял он вверх руки, — даже перепонки есть.

— Не купаться вы любите, а девами морскими прельстились! — догадался Иван.

— А хоть бы и прельстились, — сварливо ответил Кубатай, — твое какое дело? Ревнуешь, что ли?

— Да это ж русалки, не женщины, они нас в пучину заманивают! — попытался Иван образумить кавказца. — Коль не выдержишь, сложишь голову.

Отмахнулся от него Кубатай и принялся торопливо раздеваться.

— Илья, Добрыня! — крикнул Иван. — Хватайте его!

Двое богатырей ринулись к Кубатаю, а Иван рванулся за Смолянином, который тем временем мелкими шажками крался на корму. На подмогу Ивану Алеша подоспел. Вдвоем вмиг они скрутили толмача трудолюбивого.

— Отпустите, ослы былинные! — блажил Кубатай в руках богатырских. — Ну что из того, что русалки они? Зато — блондинки!

— Терпи, джигит, а то мертвым будешь, — приговаривал Илья, нежно руки Кубатаю заламывая да кушаком связывая. — Еще спасибо мне скажешь.

А девы морские еще слаще запели.

— Ребята, отпустите, — взмолился Кубатай жалобно, а Смолянин только молча скрежетал зубами да все норовил Ивана за руку укусить.

— Что нам делать с ними, Ваня? — вскрикнул Добрыня растерянно.

— К мачте их привяжем, — принял тот решение, благо на плоту имелась целая связка запасных лиан, старательным Смолянином заготовленная.

Подтащив чужестранцев к мачте и стараясь не слушать ни их жалобных стенаний, ни соблазнительных песен морских дев, богатыри с усердием принялись за работу. Но уже через минуту Иван почувствовал, как ноги его подкашиваются и предательские мысли в голову лезут: «К чему все это? Не лучше ль отказаться мне от суеты бессмысленной? Не лучше ль броситься в воды ласковые, чтобы познать объятья прелестные?»

Шагнув было в сторону, последним усилием воли стряхнул Иван на миг пленительные чары и вскрикнул не своим голосом:

— И меня вяжите!

— И меня! — глухо отозвался Илья, безвольно опуская руки.

Проникшись ответственностью момента, Добрыня принялся бегать вокруг мачты, накрепко привязывая к ней пятерых своих товарищей. Закончив с этим, он схватил брошенный шест и, ловко им орудуя, направил сбившийся было плот на верный курс.

Расслабившись и тут же окончательно ошалев от призывного русалочьего пения, Иван вскричал с поразительной убедительностью в голосе:

— Всё, Никитич, отпустило! Развязывай!

— Не ври, Иван, — ответил Добрыня укоризненно, продолжая орудовать шестом, — ужель, думаешь, поверю я тебе? Ужель, думаешь, сам я каменный? Насилу сдерживаюсь! Очень я Забаву Путятишну люблю. Если бы не это, давно бы в воду прыгнул.

Лишь сказал он слова эти, как зашатался листом осиновым, заплакал и, вскрикнув: «Простите, ребята, не выдержал!» — кинулся в бездну смородиновую.

Вспенились воды, забурлили, потускнело солнце, заклубились тучи в небе ясном, гром ударил, сверкнула молния! И раздался из пучины смех царя морского, словно гул лавины горной раскатистый.

Завертело плот, как щепку малую в океане-море безбрежном.

То ли в реве волн не слышны стали песни русалочьи, то ли, Добрыню заполучив, ушли они на дно морское, только очнулись тут наши путешественники от влечения извращенного и осознали свое положение.

— Пресвятая Богородица! — вскричал Алеша Попович. — Не дай рабам Твоим в стихии водной без покаяния сгинуть!

— Даже с покаянием, все равно не дай! — уточнил его просьбу Иван.

Тут гладь речная успокоилась, солнышко из-за тучи выглянуло.

— Услышала меня Богородица! — умилился Алеша.

— А что толку, — отозвался Илья, — не утонем, так с голоду помрем. Отвязать нас некому.

Вдруг поверхность реки всколыхнулася, и прям из воды на плот выскочил молодец златокудрый с гуслями на лямке.

Наши путешественники выпучили глаза.

— Ты кто такой будешь? — подозрительно спросил Илья.

— Садко буду, — ответил тот, вытряхивая из ушей и гуслей воду, — царя морского любимец. Богатый Гость — мое прозвище.

— Пошто так? — поинтересовался Иван.

— Купцом я на суше был, — объяснил вновь прибывший. — Царь морской меня приветил, обучил, как об заклад биться да выигрывать. Много я на том заработал, торговать стал, богатство нажил. Да выяснилось, что не без ко-

рысти царь меня одарил: вскорости к себе забрал — песни петь.

— Слыхал я такую байку, — вмешался Илья.

— Байку! — фыркнул Садко. — Тебе б такую байку! Сколько лет света белого не видел!

— А теперь чего же тебя царь морской отпустил? — спросил Иван.

— Богатырь тут утоп, Добрыней назвался, — объяснил Садко. — Приглянулся он царю морскому, тот мне отпуск и оформил кратковременный.

— Добрынюшка! — горестно покачал головой Алеша. — Эх, Добрынюшка!

— Когда ж его царь морской отпустит? — спросил Иван.

— А черт его знает. Я вот седьмой год у него служу, а в отпуске впервые.

— Да... — протянул Иван. И тут встрепенулся: — Слушай, Садко, чего ж мы с тобой в неудобности такой беседуем? Отвяжи ты нас.

— А чего дадите?

— Да ты что? Ужель плату за спасение взымешь?

— А как же! Я ж купец по жизни. Задарма и пальцем не шевельну.

— Ну ты!.. — начал было Иван, но Илья, смекнувши, что лучше плату платить, чем на дне речном гнить, опередил его.

— Меч богатырский возьмешь?

— Меч? — заинтересовался Садко. — Покажь.

— Подойди да глянь.

Садко опасливо приблизился к привязанным и вынул из ножен Ильи меч булатный.

— Хорош, — одобрительно покачал он головой. — Камушки на рукояти самоцветные... Да только не цена это.

— Пошто так? — удивился Илья.

— Меч твой я и не отвязывая взять могу. Да вот уж и взял. Что сделаешь?

— Ах ты тать бесчестный!

— Брось, богатырь. Не серчай. Бизнес — такая, брат, штука... И самому стыдно, а что поделаешь... Посуди — отвяжу я вас, только меч получу; да и то, может, обратно отнимете. А не отвяжу — вон сколько у вас добра разного. И мечи, и щиты, и луки, и колчаны. Цены им нет!

И Садко Богатый Гость, осыпаемый проклятиями богатырскими, принялся деловито пленников обирать да в кучку добро складывать. До Смолянина добравшись, сказал печально:

— Что ж ты, добрый молодец, бедный такой? И взять-то с тебя нечего!

— Да мне, чувак, и не нужно ничего, — ответил Смолянин искренне. — Я ж приезжий. А там, откуда я прибыл, все, что мне надобно, есть.

Остановился Садко, призадумался. Ударил в гусельки да и пропел задушевно:

Ой, как прав ты, чужеземец, хоть ты млад — да мудр.
Не желай того, что есть, или сверх того!
Через жадность я на дне морском мыкаюсь,
Против волюшки служу в шутах гороховых.
А на дне морском есть все, что мне надобно:
Яства сладкие да девы красные,
И от вас, богатырей, выкуп не нужен мне,
То инстинкт взыграл частнособственнический...

Он остановился и некоторое время в задумчивости молчал. Иван, пытаясь попасть ему в тон, пропел тихонько:

Отпусти ж ты нас с Богом, по совести,
Не марай своих рук ограблением...

Садко встрепенулся, пелена туманная с глаз его спала, и он ответил без аккомпанемента:

— Быстрый ты больно. Это я так, для красного словца. Душа у меня поэтическая. А ты этим воспользоваться решил. И не стыдно тебе? — Он укоризненно покачал головой. — Эх, чего говорить-то. Все люди одинаковые. Ладно, хватит уж нам лясы точить.

И он вернулся к Смолянину:

— Может, хоть колечко у тебя какое есть? Перстенек золотой, самоцветный...

— Не могу я кольца носить, — ответил застенчиво Смолянин и растопырил перепончатые пальцы.

— Что это у тебя? — спросил Садко с дрожью в голосе.

— Так плавать удобнее, — ответил Смолянин.

— Что ж ты, брат, сразу не сказал, что свой — водяной? Я б и думать не стал, отвязывать ли... Вы простите мне жадность непомерную! — обратился он к остальным. — Не со зла это я, не из корысти. У царя морского, окаянного, мой характер уж больно испортился.

Вытирая слезы раскаяния, принялся он снимать с потерпевших путы, приговаривая:

— Коль простить меня не пожелаете, отрубите постылую голову.

Столь резкая в нем перемена показалась Ивану подозрительной. Но тут припомнилось ему, как давеча сошелся он

с Емелей на том лишь основании, что тот, как и сам он, левшой оказался. И решил Иван подозрения отбросить.

Богатыри, переводчик и кавказец принялись разминать затекшие руки и ноги. Садко, потупившись, уселся на ворох лиан.

— Что с ним делать, казнить али миловать? — указал на него Илья, обращаясь к спутникам.

— Не пристало спасителя наказывать, — ответил за всех Алеша Попович, находя в кучке сложенных Садко трофеев свой меч и вкладывая его в ножны. — Да сдается мне, и сам он раскаялся.

На том и порешили.

Причалив к острову Буяну, наши герои сняли с мачты скатерть-самобранку и, подкрепившись, принялись готовиться в дорогу.

— А пойдем с нами, Садко Богатый Гость, — предложил Иван. — Зла на тебя мы не держим. Кто старое помянет, тому глаз вон. А мужик ты неплохой, видать.

— Эх, ребята, — ответил тот. — И рад бы я к богатырским подвигам отправиться, так ведь жить без воды не могу уже. Словно не человек, а амфибия...

Что ж делать. Попрощались они трогательно. Особенно долго жал Садко так поразившую его перепончатую руку Смолянина. Присели на дорожку да и в путь отправились.

Глава пятая,

в которой молодой боян поет загадочную былину, а Илья наступает на горло собственным чувствам, за что те жестоко мстят

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Шли-шли богатыри по острову Буяну да и проголодались.

— А не пожевать ли нам бананчиков? — весело предложил Иван.

— А пожевать! — дружно откликнулись Илья с Алешей. Мнение мудреца с толмачом спрашивать не стали. Хоть и проявил Кубатай нечаянный героизм, а Смолянин неуместный оптимизм, но все же до богатырей они еще не доросли.

Раскинули богатыри скатерочку, постучали по ней требовательно, и объявились яства. Бананы, ананасы, киви, авокадо, огурцы соленые, сала шмат да медовухи жбан.

Только собрались богатыри голод утолить, как из-за

пригорка путник вышел. Насторожился Илья, Алеша за меч взялся, Кубатай сабелькой начал помахивать... Да вдруг Иван-дурак в путника вгляделся и радостно сообщил:

— Богатыри! То — свой, я его на сходке боянской видел! Это боян Воха, что на гишпанском инструменте играет! Воха, иди сюда!

Молодой боян подошел к ним. Гишпанский инструмент висел у него на груди, а за спиной была объемистая торба.

— Откуда ты здесь, Воха?! — приветствовал его Иван. — На острове Буяне, вблизи царства Кащеева?

Боян слегка смутился, но ответил с достоинством:

— Какой же остров Буян, коль не идет по нему боян... А иду я из царства Кащеева. Ходил я к кикиморам да лешим, носил им из Киева сало да медовые пряники. Они мне за то грибков сушеных да огоньков болотных отсыпали. Продам я их на базаре киевском с выгодой, буду сидеть на лавочке да былины сочинять.

— С нечистью торгуешь?! — возмутился Кубатай. — Мы, бояны, должны быть выше этого!

— Что ж делать, кушать-то хочется, — вежливо ответил Воха, поглядывая на скатерть-самобранку.

— Садись отведай нашего угощения! — гостеприимно предложил Иван.

— Не откажусь, — согласился боян. — От самобранки не убудет, а мне накладных расходов меньше.

Достав из-за голенища деревянную ложку, он принялся черпать медовуху, закусывая то огурчиком соленым, то бананом сладеньким. Илья хмуро уставился на бояна и вполголоса сказал:

— Молодой да прыткий. Салабоны дедов равняют!

— Оставь, Илья, — урезонил его Иван. — Он нам былинок споет свежих!

— Это хорошо, это я люблю, — успокоился Илья, и друзья принялись уплетать кушанья.

Когда самобранка опустела, Илья икнул и важно спросил:

— Ну что, боян, потешишь стариков-защитничков песенкой?

— А чё не потешить? — откликнулся насытившийся боян. — Про чё спеть вам? Про Соловья-разбойника?

— Нет, — глухо прорычал Илья.

— Может, про тварь морскую, медузой называемую, или про корабль пиратский, что к берегу пристать не может?

Илья побагровел:

— Что, боян, и песен у тебя нет нормальных?

— Сымпровизируем, — сообразив, что дело пахнет рукопашной, заявил Воха. — Слушайте.

Подергал он струны гитарные, посмотрел вдаль мечтательно да и запел:

Василиса, Василиса, заварила ты дела,
Самоцветные сережки вдруг Кащею отдала!
А когда тебя прижало, стал Владимир ревновать,
То пришлось тебе, Премудрой, дурака себе искать!

Богатыри онемели. Алеша помотал головой и прошептал:

— Он же тайны государственные разглашает! Откуда узнал?

А боян пел дальше:

Вот собрались в путь-дорогу, на кровавый лютый бой
Илья Муромец, Алеша и Добрынюшка седой...

— Не седой он! — заступился за друга Илья.

— Для рифмы, — не прерывая музыки, сообщил боян. И продолжил:

С ними наш герой любимый,
Наш заслуженный дурак,
Называть имен не будем, ясно, что Иван, и так.
А еще два странных типа из заморских дальних стран,
Смолянин, толмач известный, и крутой мудрец...

— Имен не надо! — крикнул Кубатай, выхватывая саблю. Воха втянул голову в плечи и робко допел:

— *Пам-пам...*

— Так-то лучше, — отстояв свое инкогнито, заявил Кубатай, садясь на место. — Мог бы, между прочим, «боян» спеть — и в рифму было бы, и по сути верно. Эх, учить вас, молодых, не переучить...

Оправившийся Воха продолжал:

Много было приключений у героев на пути,
И не все из приключений удалось им обойти.
Вот, к примеру, чудо-юдо, что Кащей на них наслал.
Где он только эту харю семимордую сыскал?
Не брала урода сабля, не помог и кладенец,
Но, по счастью, чудо-юдо в разговор втянул мудрец.
Накидал вопросов кучу, перессорил семь голов,
Вот и стало одним гадом лучше в меньшем из миров!

— Чё-чё?! — оторопел Илья, а Кубатай грозно сдвинул брови. Воха торопливо запел заново:

— *Вот и стало одним гадом меньше в лучшем из миров!*

— Пойдет, — вынес вердикт Кубатай, и мир был восстановлен.

А потом пришли к речушке, что Смородиной зовут,
Быстро плот соорудили и сидят погоды ждут.
Вот подул попутный ветер, вдаль отправился их плот,
А русалки той порою затевали хоровод.
Стали петь они зазывно, призывать богатырей,
Чтобы...

— Не надо! — хлопнул кулаком по скатерти Илья. — Не пой про Добрыню! И так на сердце горестно!

— *Тарам-пам-пам, тарам-пам-пам,*
Пам-пам-пам-пам, пам-пам-пам, — забормотал Воха. И вдруг изменившимся голосом заорал:

Будь попрочнее старый таз,
Длиннее был бы мой рассказ!

— Какой таз? — поразился Иван. Смущенный Воха признался:

— Да нет, это что-то другое. Я это в былину про пиратов вставлю... Слушайте дальше...

— Дальше? — в один голос изумились богатыри. Но бояна уже несло:

Встретили в пути бояна, с ним уселись пировать,
Пару песенок послушать, удовольствие поймать.
Но не в кайф пошли былинки, неугоден стал певец,
Был он прочь с позором изгнан. Но и это не конец.
Дальше встретили девицу, ту, что силой, аки слон.
Ту, что поп Гапон коварный увести хотел в полон.
Не поверили слезинкам на девических щеках,
Пару прутьев из бамбука обломали впопыхах.
Больно высекли красотку...
Сердце, плачь! А горло — пой!
Больно высекли... Илюша с той поры ушел в запой.
Дальше в лес пришли дремучий, тут Алеша учудил:
Богатырь, а как ребенок то, чего не надо, пил.
А потом судьба коварно пошутила средь болот...
И лишь трое из шестерки свой закончили поход.
Но на подступах к Кащею приключилось черте чё!
Не рискну я рассказать вам, что случилось с толмачом.
И мудрец сменил обличье, стал пушистым и с хвостом,
Впрочем, песня об Иване, мудрецы здесь ни при чем.
Наш Иван с Кащеем бился, много сил потратил зря
И решил, что фрукт любимый подкрепит богатыря...
Зря Иван жевал бананы — не в бананах, видно, суть,
Фрукт сей не залечит раны, не поможет отдохнуть.
Кожура — другое дело, кожура — всему венец.
Шкурку от банана смело примени — врагу конец!

Наступила тишина. Нарушил ее Илья Муромец, привстав с места и тихо, но грозно сказав:

— Так... Былинки хитроумные сочиняем... Подтексты да идейки в них вкладываем?

— Какие идейки? — возмутился Воха, быстро закинул гитару за спину, засунул в карманы парочку авокадо и навьючил торбу. — Меня всегда ругают, что в былинах идей нет! Я первый раз в жизни идею в былину запихал!

— И в последний, — задумчиво сказал Илья, извлекая из ножен меч.

Воха торопливо зашагал от скатерти-самобранки, а удерживаемый спутниками Муромец орал ему вслед:

— Интеллигенция! Вишь, беды нам пророчишь, молокосос! А сам сало за пределы Киева вывозишь! Подрываешь экономическую мощь страны!

— Что ты так разъярился? — поинтересовался удивленный Иван, когда боян скрылся из поля зрения, а Илья немного поутих.

— Суеверный я, — смущенно признался Муромец. — Не люблю, когда беду накликают... Как там он пел-то? Илюша с той поры ушел в запой... Ох боюсь...

— Так ты не пей — и не сбудутся предсказания черные! — радостно заявил Смолянин. — Делов-то!

— Не пить? — изумился Илья и добавил неуверенно: — Что ж, может, это и выход...

Дальнейший путь протекал в тягостном молчании. Былина Вохина произвела на друзей впечатление неизгладимое. Алеша время от времени чесал затылок. Иван хмурился, а Илья повторял: «Я не пью. Я не пью. Я пью, но мало. Много, но не я».

Дорога тем временем вела богатырей по местам живописным, сердцу ласковым. Ох, Русь, Русь! Кто тебя выдумал, раскрасавицу! Дай ответ! Не даешь ответа... Только тянутся вдоль дорог овсы высокие, березки белокурые да рощицы светлые, бамбуковые... И вольно дышится на родной стороне, и сердце покоем наливается, и петь хочется, да нет песни такой, что тебя достойна...

— Богатыри! — раздался вдруг девичий голос. — Богатыри! Заступнички!

— Начинается, — прошептал Илья, бледнея. — Девица! Сечь не будем, лучше сразу убьем!

А к друзьям на лихом коне меж тем приблизилась девица-краса, уже знакомая читателю памятливому и ожидаемая читателем догадливым.

— Алена! — ахнул Иван. — Предательница!

— Не виноватая я! — вскрикнула Алена, гарцуя перед богатырями. — Он сам пришел!

— Кто?

— Гапон! Пришел и говорит: давай, Алена, продадим Русь-матушку! Я кочергу схватила, а он, лукавец, тряпку, сонным зельем напитанную, мне в рот сунул! Я и не устояла...

— Врешь! — воскликнул Иван-дурак. — Сам видел, ты с Гапоном вместе на поле брани была, к лошади привязанная!

Алена от возмущения на миг потеряла дар речи.

— Так ведь привязанная! Пленница я была, а...

— Пленница? Не знаю. Может, это маскировка хитрая, чтоб глаза нам отвести?

— Ты дурак? — обреченно спросила Алена.

— Да!

— Так значит обязан быть смекалистым!

Иван кивнул и неохотно признался:

— Обязан-то обязан, но один раз любой ошибиться должен. Лучше уж я сейчас ошибусь, чем в схватке с Кащеем. Ребята, кто за то, чтобы считать Алену предательницей?

Илья и Алеша подняли руки.

— Кто воздержался?

Мудрец с толмачом, переглянувшись, проголосовали.

— Кто против? — Иван со вздохом поднял руку и изрек: — Принято большинством голосов. — Что ж, я не смею спорить. Вяжи ее, мужики!

— Ой дурак! — завопила Алена, вынимая из-под подола кочергу. — Ну попробуйте, возьмите!

И завязался лютый бой. Куда там печенегам да половцам! Земля дрожала от ударов кочерги и богатырских оплеух. Но вновь смекалка Алеши, находчивость Ивана, силушка Ильи и реплики Кубатая одержали верх.

Алена была связана, стащена с коня и уложена на дорогу. Друзья сели рядом и стали грустно считать потери.

Из потерь были в наличии: выбитый у Ильи зуб, слегка погнутый меч-кладенец и прикушенный мудрецом язык. Хитрый Попович, как всегда, вышел сухим из воды.

— Что делать с ней будем? — вопросил Илья, грустно глядя на Алену.

— Юбьем, — кровожадно, но косноязычно предложил Кубатай. — Язик я изя нее куснул.

— Не беда, заживет, — похлопал мудреца по плечу Алеша. — Что, Илья, казним Алену?

— Люба она мне, — вздохнул Илья. — Люба... Алена, пойдешь за меня?

Алена хранила гордое молчание.

— Есть в Киев-граде старый пруд, — задумчиво произнес Иван. — Каштаны там цветут. Бамбуки там цветут. И тут...

— Предлагаешь чего? — полюбопытствовал Алеша.

— Сорвать пару бамбучин да и высечь девку!

— Ты что, предсказание забыл? — возмутился Илья.

— А каков у нас выбор? Либо убить, либо высечь. Решай!

Илья схватился за голову. Выбор давался ему нелегко.

— Плюнь на суеверия! — обретая прежнюю сноровку, воскликнул Кубатай. — Я тоже за розги! Сперва погорячился, теперь самому стыдно. Высечем, да и дело с концом!

Со вздохом поднявшись, Илья побрел к бамбуковой рощице. Отломил пару крепких бамбучин, вернулся к друзьям и с надеждой спросил:

— Может, сказать чего хочешь, Алена?

— Не ради тебя, суеверного, не ради друзей твоих жестокосердных! — гордо тряся головой, заявила Алена. — Ради Руси! Скажу! Гапон у Кащея советником стал! Науськивает его на Русь войной идти! Побейте Кащея, герои!

— За предупреждение — спасибо, — рассудил Илья. — За патриотизм, пусть и запоздалый, будем сечь, не снимая юбки.

Он помотал в воздухе бамбуковой хворостиной.

— Может, не надо? — робко спросила Алена.

— Надо, Алена, надо, — со вздохом ответил Илья. — Бери розгу, Алеша...

— А? — промолвила Алена при первом ударе. — А... А. А! А-а-а!!!

Работа спорилась. Иван-дурак громко отсчитывал удары, два богатыря секли пленницу, Кубатай рассказывал всем присутствующим историю телесных наказаний от первобытного общества и до наших, просвещенных, дней. Толмач Смолянин пугливо прикрывался рукой, нервно прихихикивая при каждом ударе.

— Тридцать три! — воскликнул наконец Иван. — Довольно, друзья!

Алеша, уже занесший хворостину для очередного удара, галантно приподнял Алену с земли и сказал:

— Миледи, мы сожалеем, что причинили вам некоторые неудобства.

— Какая я тебе, козел, миледи! — воскликнула со слезами Алена. — Видеть вас не хочу! Залезу на дуб, как папенька, да и помру там!

— От чего помрешь-то? — жалостливо спросил Смолянин. — Ты ж свистеть не умеешь, богатыри тебя не обидят.

— От голода! — отрезала Алена и направилась к ближайшему дубу.

Друзья долго смотрели ей вслед. Потом Кубатай нарушил молчание:

— Делу время, потехе — час. В путь?

— В путь... — вяло откликнулись богатыри.

Минут десять шли молча. Только Илья вздыхал да оглядывался назад. Потом спросил:

— Иван, скажи, но ведь у нас не было другого выхода? Или высечь Алену, или казнить. Так?

— В общем, да, — сказал Иван. — Правда... Ну, это не по-богатырски.

— Чего не по-богатырски?

— Можно еще было поверить Алене да и отпустить с миром, — признался Иван. — Но это бы весь драматизм напрочь убило.

— Иван! — вскричал Илья. — Дай-ка самобраночку!

— Зачем? — заподозрил неладное дурак.

— Ты дай...

Получив самобранку, Илья остановился.

— Вам она уж не понадобится, недолго идти осталось. А мне все ж полегче.

— Чего полегче?

— На дубу с Аленой сидеть,— грустно признался Илья.— Будем с ней на брудершафт пить. Для примирения.

— Дезертир! — ахнул Алеша.

— Но-но! — возмутился Илья. — Сердцу не прикажешь! Наказали мы Алену, но не могу я ее так просто на дубу бросить. Залезу рядышком, расстелю самобраночку да и займусь перевоспитанием. Удачи вам, други!

И, не оборачиваясь боле, двинулся он обратно.

— Ну и дела, — растерянно сказал Алеша. — Вот как повернулось...

Глава шестая,

в которой наши друзья сначала чуть было не лишились Алеши Поповича, а потом — таки лишились его

Следующим препятствием на пути к замку Кащееву стал лес дремучий, вековой. Как из-под земли вырос он перед нашими путниками. И хоть не видно было окрест ничего подозрительного, каждому не по себе стало.

— Кубатай, — обратился Иван к кавказцу, — может быть... это... — тут он вспомнил князевы речи мудреные. — Мы пойдем другим путем?

— Нет, — ответил Кубатай. И всё. Спорить было явно бесполезно.

— Пить хочу, — пожаловался Алеша.

— Потерпим, — ответил Иван, обходя здоровенный мухомор. — Спешить надо.

— Вот всегда вы так, — обиженно сказал Алеша и в сердцах рубанул мечом по стволу дерева. Дерево рухнуло, оставив торчащий из земли пень метра полтора в обхвате.

И тут путники остановились. Навстречу, держась на задних лапах, шел медведь. Иван взялся за булаву, но по тому, как хмуро и лениво двигался зверь, почувствовал, что никаких враждебных действий тот предпринимать не склонен.

И действительно. Не обращая на людей ни малейшего внимания, медведь прошел мимо. За плечами его висела котомка. Поравнявшись с оставленным Алешей пнем, животное спросило само себя:

— Может, сяду на пенек да съем пирожок?

Из котомки высунулась пара давно не мытых косичек.

— Высоко сижу, далеко гляжу! Не садись на пенек, не ешь пирожок!

— Вот глазастая, — огорчился медведь и поплелся дальше.

— Тупой, — сочувственно заметил Смолянин. И путники двинулись своей дорогою.

В земле стали видны глубокие следы, наполненные зеленовато-коричневой водой.

— Пить хочу, — снова пожаловался Алеша, отставая от остальных. Не успел Иван ему ответить, как услышал за спиной жадное бульканье.

Иван обернулся. Припав к земле, Алеша жадно пил воду из углубления. Почуяв недоброе и вспомнив Вохино предсказание, Иван крикнул:

— Не пей, Алешенька!

Но было поздно. На том месте, где только что был богатырь былинный, теперь стоял козленочек беленький.

— Ме-е-е, — сказал он виновато и, повиливая куцым хвостиком, подбежал к остальным.

— Что же ты наделал, Алешенька? — горестно вскричал Иван. — Один ты, богатырь, со мной оставался, а с этими-то басурманами, — кивнул он на Кубатая со Смолянином, — куда ж я пойду теперь? Как с Кащеем воевать буду?

— Не печалься, Ванечка, — ответил козленок челове-

ческим голосом. — Слышал я про такие истории. Да забыл. Это Бабы-яги проделки. Двинемся дальше, авось встретим ее, расколдовать заставим.

— А коли не встретим?

— Искать надо, — заявил Кубатай.

— Так сроки, сроки поджимают! — напомнил Иван истерически. Замолчал, а потом, приняв решение, сказал твердо:

— Два часа нам на поиски. Найдем — хорошо. Не найдем — один к Кащею пойду. А вы с Алешей останетесь.

— Брось, Ванечка, — блеющим голоском молвил козленок. — Идите втроем на Кащея, не пропаду!

Тут из глубины леса раздался грозный звериный рык. Козленок, жалобно хныкая, припал к земле.

— Молчал бы уж! Богатырь... — язвительно сказал Иван. — «Не пропаду я...» Айда Ягу искать. И смотри не отставай ни на шаг.

Сперва козленок послушно семенил возле Ивана. Но вскоре стал забегать вперед и возвращаться, держа в зубах то василек голубенький, то земляничку и блея восторженно: «Ванечка, Ванечка, глянь какой цветочек!» — или: «Откушайте ягодки, добры молодцы!..»

Иван скрипел зубами, но помалкивал. Недосуг ему было с козленком несмышленым пререкаться. Другая кручина одолевала его: легко сказать, «два часа на поиски», да где искать-то ее — Бабу-ягу?

Тягостное молчание прервал Кубатай:

— Насколько я помню русский фольклор, а память у меня отменная, Баба-яга непрерывно топит печь и готовит себе обед из того или иного персонажа. Думаю, следует внимательно осмотреться, нет ли поблизости дыма. Между прочим, способом передачи информации посредством дыма пользовались в древности североамериканские индейцы... — Он вдруг неуместно хихикнул. — И африканские пигмеи.

Иван прервал его ударом себя по лбу. Уважительно глянув на Кубатая, сказал:

— И вправду, мудрец ты великий.

Путники огляделись. Какова же была их радость, когда невдалеке над деревьями они увидели струящийся к небу сизый дымок.

Боясь, что дымок исчезнет, Иван, Кубатай, Смолянин и козленочек Алеша с полкилометра проделали бегом и выскочили на мрачноватую, устланную мхом поляну.

Переминаясь с одной куриной лапы на другую, посреди поляны стояла изба. Из избы доносились возбужденные го-

лоса: один старческий, надтреснутый, другой совсем детский, но с хитрецой.

— Что ты руки-ноги растопыриваешь? — сварливо бормотал старческий голос. — Ты мне обед срываешь. А у меня диета, между прочим.

— Да не пойму я ничего, бабушка,— отвечал детский.— Я стараюсь, да не выходит у меня.

— Ну, давай еще раз. На счет «три» быстро руки-ноги сгибаешь, голову опускаешь. Понял?

— Понял, бабушка.

— Приготовились! Раз! Два! Три! Тьфу ты, бестолочь... Я же сказала, на счет «три»! А ты на «два» скрючился, а на «три» обратно растопырился!

— Да не умею я считать, бабушка! Я же маленький!

— Что маленький, это да. Это плохо... — задумчиво произнес старческий голос. Но закончил бодро: — Зато, наверное, вкусненький.

— Может, ты меня подкормишь, подождешь, пока вырасту, а?

— Кончай, Ивашка, демагогию разводить! Кормить его, понимаешь ли... Сама есть хочу. Поехали!

Секунд десять из-за двери слышалось только неясное бормотание и громыхание листового железа. Наконец Баба-яга взвизгнула: — Опять? Опять, да?!

— Глупый я, бабушка! А ты жизнь прожила, умом богата стала. Ты покажь, как делать надо, — я и повторю!

— Чему вас только в школе учат! — польщенно пробормотала Баба-яга. — Ладно, слазь! Вот. Вот так садишься, вот так руки прижимаешь, вот так ноги, башку опускаешь...

Иван понял, что еще мгновение, и Ивашка Бабу-ягу зажарит. И тогда некому будет Алешу расколдовывать. Богатырским ударом он вышиб дверь избушки и с криком: — Погодь, Ивашка! — запрыгнул внутрь.

— А вот и ужин явился! — всплеснула руками сидящая на огромной лопате косматая седая старуха.

— Я тебе покажу ужин! Ты у меня на всю жизнь наешься! — вскричал Иван, занося над ее головой меч-кладенец, Кейсероллом даренный.

— Ай! — взвизгнула Баба-яга, закрывая лицо скрюченными пальцами. — На старого человека руку поднимаешь! И не стыдно тебе?

Воспользовавшись суматохой, Ивашка выпустил из рук черенок лопаты и метнулся к выходу.

— Обед, обед убегает! — истошно завопила старуха.

— До обеда ли тебе, бабуся? — насмешливо сказал

Иван, приставляя ей к горлу клинок. — Превращай козленка в богатыря, не то избушке твоей быстро ноги пообломаю, а потом и тебя прирежу, не помилую.

— Щас, щас, щас, — старуха торопливо выдернула из головы волосок, порвала его, что-то прошептала и сказала, заискивающе улыбаясь: — Готово, о сильнейший из богатырей! Гуляй себе с миром!

Иван усмехнулся, вложил меч в ножны и, шагнув к двери, спрыгнул на землю. Возле избы стояли трое. Смолянин с открытым ртом и озадаченный Кубатай разглядывали совершенно незнакомого белобрысого богатыря. Тот и сам с удивлением себя оглядывал.

Озверевший Иван ворвался обратно в избушку.

— Что ж ты делаешь, змея старая? В кого ты козленочка превратила?

— Как в кого, терпеливейший из терпеливых? — выпучила глаза Баба-яга. — В богатыря, как и велено!

— Так ведь не в какого попало богатыря надо, а в Алешу Поповича!

— Сразу бы говорил, — сварливо протянула старуха, снова выдернула волосок, дунула, плюнула и что-то прошептала.

Иван выглянул из избы. Смолянин и Кубатай тискали в объятиях Алешу.

— Вот спасибо тебе, бабушка, — сказал Иван обрадованно. — До свиданьица. Здоровье берегите.

И снова из дверей на землю спрыгнул.

— Больно молодежь нынче вежливая пошла! — крикнула ему вслед Баба-яга саркастически. Однако герои наши уже спешили прочь. — Ну погоди, Иван, — злорадно пробормотала старуха. — До болота только доберись.

Но и этого наши путники не слышали. А минут через пятнадцать и вправду поравнялись с трясиной.

— Насколько я осведомлен, — сказал Кубатай, — прямо за этим болотом расположена лабора... замок Кащея расположен.

— Да ну? — обрадовался Иван. — Ужель так скоро добрались?

— Ме-е-е... — проблеял Алеша. Испуганно потряс головой, перекрестился, а затем снова осторожно открыл рот, чтобы все же сказать то, что собирался: — Скоро-то скоро, а как через болото переберемся?

— Да, незадача, — вздохнул Иван и почесал затылок. — Мистер Кубатай, а вы что предложите?

— Почему «мистер»? — удивился Кубатай.

— Так, к слову пришлось.

— Что я могу предложить? — переспросил Кубатай задумчиво. — Могу ли я... Хочу ли я... Как ты меня назвал? Мистер? Ха! Что ж, безвыходных ситуаций не существует! Следует использовать воздушные шары! Дело мне знакомое!

— Что это еще за шары такие? — подозрительно спросил Алеша.

— Воздушный шар есть некий объем, заполненный горячим воздухом или же иным легким газом, — объяснил Кубатай, подняв вверх палец.

— О ком «об ём»? — неодобрительно полюбопытствовал Алеша.

— Не «о ком», а объем! — с легким раздражением объяснил Кубатай. — Ну, например, большой мешок из кожи или плотной ткани.

— У нас ни того, ни другого нет, — заметил Иван.

— Разве только лягушек через соломинку надувать,— предложил Алеша.— А чё? Старинная забава молодецкая,— продолжал он, увлекаясь. — Берешь соломинку, вставляешь лягушке в...

— Лягушки не подойдут, — перебил его Кубатай, — объем маловат.

— О ком «об ём»-то? — взвился Алеша. — Нет, Вань, ты послушай только нехристя нашего!

А Кубатай пробормотал, почему-то хихикнув:

— Объем — он и в Африке объем...

— Заткнись, Алеша, — грубо осадил Иван Поповича.

— Ну как хотите, — обиделся Алеша и замолк. А Иван вспомнил историю Алешиной женитьбы и подумал: «Несладко, видать, царевне жилось».

Паузу нарушил Смолянин:

— Кстати, о лягушках! А может, это... с кочки на кочку? Как прыгоходы... — подмигнул он Кубатаю.

— А ежели кочки на середине кончатся? — мстительно спросил Алеша. — Тогда как?

Смолянин только пожал плечами.

— У тебя другие предложения есть? — спросил Алешу Иван.

Тот отрицательно покачал головой.

— Ну а коли так, — сказал Иван, — тогда поскакали.

И они вприпрыжку двинулись дальше. Только спасенные Кубатаем от надувательства лягушки с кваканьем разлетались в стороны. Долго нашим героям скакать пришлось. Да что плохо — ни присесть, ни скатерочку раскинуть. А еще хуже то, что, когда уж и лес из виду исчез и неясно стало, куда возвращаться, сбылись самые худшие

Алешины опасения. Кончились кочки болотные, и простерлась перед ними топь сплошная, зыбучая.

— Приплыли, — объявил Смолянин мрачно.

— Ой, простите меня, друзья мои сердечные! — вскричал Иван, преисполнившись раскаяния. — Не послушал я Алешу, завел неведомо куда! Тут, видать, и головы нам сложить суждено.

— Не спеши нас хоронить, Ваня, — остановил его Алеша. — Авось не пропадем.

— Как же, не пропадем. Кубатай, мудрец, одна ты у нас надежда и опора! Что делать, как действовать?

Кубатай беспомощно огляделся, потом придал лицу значительное выражение и, приосанившись, заявил:

— В случае полной безвыходности ситуации следует взывать о помощи.

— Эх, — махнул рукой Иван. — Утешил, нечего сказать. К кому тут взывать-то?

И крикнул насмешливо:

— Ау!

— Ау! — то ли эхо отозвалось, то ли кто крикнул в ответ. Хотя скорее все же второе — потому как голос ответивший был женским. Иван насторожился.

— Ты эхо? — крикнул он с надеждой на обратное.

— Не-а, — отозвался некто.

— Где ж ты есть? — возликовал Иван.

— Здеся я, — раздалось совсем близко, и из-за кочки позади него высунулось зеленое глазастое девичье личико.

— Кто ты, девица крас... э-э-э... зеленая?! — вскричал Иван радостно.

— Русалки мы болотные, — кокетливо заявила та, продолжая опасливо выглядывать из-за кочки.

— Кикимора! — догадался Алеша.

— Фу, какой невежливый, — поморщилась та. — Говорю же — русалки мы, только воды проточной не уважаем.

— Зовут-то тебя как, русалка болотная? — поинтересовался Иван, боясь, что та, обидевшись, исчезнет снова, и что есть мочи подмигнул Алеше.

— Лизаветой звать, — жеманно ответила кикимора, поднимаясь и выходя из-за кочки. — Для своих — Лиза я. — И глазки потупила.

— Бедная Лиза, — сказал Алеша жалостливо. — Ты ж промокла вся.

— Какой миленький,— хихикнула Лиза, осторожно коснулась Алешиной кольчуги и тут же пальчик отдернула.—

Что мокрая, то это, мон шер, для меня удовольствие одно. А за участие — мерси тебе, добрый молодец. — И книксен сделала.

Алеша неожиданно порозовел и ответил тихо:

— Я не добрый молодец, а богатырь. Алешей кличут.

Кикимора всплеснула руками:

— Ах, пардон, пардон, не извольте гневаться... Уж не Поповичем ли Алешей вы будете?

— Им, — признался Алеша, краснея еще гуще.

Во время этого диалога Иван, Кубатай и Смолянин почувствовали себя неловко. Так, словно незваными в чужую комнату вошли.

— Кхе! — кашлянул Иван, чтобы привлечь к себе внимание.

— Ой, что это я все разговариваю, разговариваю, — засуетилась кикимора. — Вы ж устали небось с дороги, кушать хотите?

— Спасибо, Лизавета, но не голодны мы, — ответил Иван как мог галантно. — К Кащею мы идем. Биться. Не проводишь ли?

— Все что хочешь проси, мон шер, только не этого, — молвила кикимора. — Уж коли попали сюда — считай пропали.

— А пошто так? Ты выведи!

— Выведу, и опять одной век коротать? Лучше я вас к себе на дно затяну. Будем там жить-поживать, песенки распевать, в преферанс поигрывать. Глядишь, и приглянусь кому из вас. А он — мне, стало быть. И кикиморы, между прочим, любить умеют.

— Лиза, не губи! — взмолился Иван. — Хочешь — топи нас, только на обратном пути. А с Кащеем сразиться мы должны.

Кикимора насупилась, что-то в уме прикидывая, потом сказала решительно:

— Значит, так. Оставьте мне Алешу-богатыря, остальных выведу. Возвращаться будете, там и порешим, отпущу я его аль наоборот — и вас к себе заберу!

— Да ты что, Лиза, мелешь-то? — возмутился Иван. — Как же мы Алешу оставить можем? Да и сам он не согласится!

— Эх, была не была, — торопливо сказал Алеша. — Жена у меня оказалась лягушкой, будет теперь кикимора в подружках. Ступайте, братцы. На обратном пути свидимся.

— Оревуар, стало быть! — радостно взвизгнула кикимора и тут же с Алешей вместе в топь и провалилась. А

перед оставшимися путниками вздыбились из болота кочки одна за одной, прямой линией на сухое выводящие. Как ни тяжко было Ивану Алешу оставлять, да не время горевать. Смахнул он слезу да и поскакал по кочкам. Следом — Смолянин, а за ним и Кубатай, сабелькой басурманской позвякивая.

Глава седьмая,

в которой победа не радует

Доскакав до сухого места, путники в изнеможении упали на траву. Отдышавшись, Иван молвил:

— Что ж, друзья мои, Кубатай да Смолянин, честно скажу, спокойнее мне было бы, коль не вы, а братья-богатыри со мной к Кащею бы пришли. Но, видать, судьбы не выбирать. Без вас-то, в одиночку, уж точно пропаду.

Сказав это, встал Иван и далее двинулся. За ним, след в след, спутники его.

Вначале шли они молча, по сторонам опасливо оглядываясь. Нет ли поблизости вражьих лазутчиков или чудовищ диковинных, агрессивных? Но враги не показывались, а молчать в дороге — самое последнее дело. Помялся Иван-дурак да и попросил:

— Кубатай! Ты же и сам боян немножко... Не́ споешь ли нам былинку веселую, походную, где про путь-дорожку речь идет? Сразу нам песня сил прибавит, воевать да жить поможет, скучать не даст никогда!

Польщенный Кубатай откашлялся, погладил бородку и сказал:

— Почему бы не спеть? Баритон у меня славный, колоратура приятная. А песен я знаю — море... Сейчас...

Несколько минут он шел, мурлыча себе под нос мелодию, а потом неожиданно тонким голосом запел:

Если долго-долго-долго,
Если долго по тропинке,
Если долго по дорожке
Ехать, прыгать и бежать,
То наверно, то наверно,
То наверно, то наверно,
То возможно-можно-можно,
Можно в Африку прийти!

Удивленный дурак посмотрел на Смолянина. Но и толмач разинув рот внимал чудной песенке мудреца. А тот

вприпрыжку, то забегая вперед, то возвращаясь к спутникам, пел:

А-а! В Африке небо вот такой ширины!
А-а! В Африке горы вот такой вышины!
А-а! Крокодилы, бегемоты,
А-а! Обезьяны, кашалоты!
А-а! И зеленый попугай!
А-а! И зеленый попугай!

Бесшабашное веселье охватило дурака. Не беда, что в песне пелось про неведомую страну Африку. Видать, и там всё, как у людей: небо и горы, кашалоты и обезьяны... Сорвав на ходу с дерева банан, немножко зеленый, но все равно вкусный, Иван подхватил песенку. А следом, не в такт, но искренне, стал подпевать Смолянин:

Но конечно, но конечно,
Если ты такой ленивый,
Если ты такой трусливый,
Сиди дома, не гуляй...
Ни к чему тебе дороги,
Косогоры-горы-горы,
Буераки-реки-раки,
Руки-ноги береги!

Спутники не сговариваясь остановились, обнялись и запели припев. Вполголоса, но грозно и жизнеутверждающе:

А-а! В Африке небо!
А-а! В Африке горы!
А-а! Крокодилы!
А-а! Обезьяны!
А-а! И зеленый!

Иван-дурак посмотрел на мудреца, смущенно потрогал его зеленые волосы и сказал:

— Ох полюбился ты мне, мудрец! Умен, как князь Владимир, красив, как Красно Солнышко... Если б еще волосы не зеленые были!

— Какие есть! — обиделся мудрец.

— Ладно, зеленые волосы не беда, мы не расисты, — рассудил Иван. — За песню спасибо, хоть и не все в ней понятно, но веселей на душе стало.

— Я еще много чего знаю! — похвастался мудрец. — Вот, например... В Африке разбойник, в Африке злодей! В Африке ужасный Бармалей!

— У нас тоже злодей есть, Кащей Бессмертный, — со-

гласился Иван. — А чё ты все про Африку поешь? Родом оттуда али чё?

Кубатай захихикал, глядя на Смолянина. Тот ухмыльнулся.

— Да нет, я не из Африки, — сказал наконец Кубатай. — Просто понравилась она мне очень, вот и выучил про нее разные песни да стишки.

...Вскоре, издалека уже, увидел Иван возвышающийся над деревьями мрачный серый за́мок.

— Не замок ли то Кащеев? — спросил Иван, не замедляя шага.

— Кря-кря! — ответил за его спиной Смолянин.

— Кубатай, — спросил Иван не оборачиваясь, — это он по-вашему, по-басурмански?

— Не-у, — ответил Кубатай, — то есть, э-э-э, м-мяу!

Иван остановился как вкопанный и оглянулся. Позади вместо спутников его, пораженно глядя друг на друга, стояли серая в оранжевую крапинку утка и пушистый, черный с зеленоватой проседью кот. Возле кота — сабелька с перевязью валялась.

— Что же вы наделали, товарищи мои! — запричитал Иван, вспомнив, каким образом давеча Алеша в козленочка превратился. — На кого ж вы меня покинули?

— Кря-кря, — печально ответила утка. И вдруг нахохлилась, напыжилась, затопталась на месте, а потом отпрыгнула в сторону и с ужасом в глазах оглянулась. Там, где только что она стояла, лежало крупное, чуть больше куриного, яйцо. Да не простое, а золотое.

— Хе-хе-хе, м-мяу, хе-хе-хе, — затрясся кот истерически, — знаю, знаю я эту историю! Баба била, била, не разбила, дед бил, бил, не разбил... Потом мышка прибежала, хвостиком махнула... Мышка! — повторил он с нездоровым блеском в глазах. — Мышка — это хорошо. И еще златая цепь нужна. Где ее взять-то?

Оправившись от первого потрясения, утка, напряженно уставившись в одну точку, опять принялась топтаться на месте.

— Ничего себе производительность, — заметил кот. — Если б яйца на цепь перековать... Вань, пособи, а? Что я сам-то могу с такими конечностями? — и он коснулся Ивановой ноги мягкой лапкой.

— Да пошел ты! — осерчал Иван на своих незадачливых спутников. — Больше дела мне нет, как только яйца на цепи перековывать! — Сказал да тут же и смягчился. Не по своей же воле басурманы в домашних животных преврати-

лись. — Вот что, горемычные, — сказал он, присев и погладив кота по шерстке бархатной, — недосуг мне с вами задерживаться. К Кащею спешить надо. Ежели голову там сложу, не поминайте лихом. А ежели живым останусь, помогу вам. Или чары с вас снять колдовские, или, если не выйдет, уход приличный обеспечить.

Тем временем утка снова сделала шажок в сторону и принялась с интересом, спокойно уже разглядывать очередное золотое яичко.

— Главное, никуда отсюдова не уходите, чтоб искать вас не пришлось, — закончил Иван, поднимаясь. — Всё. Бывайте!

Со словами этими повернулся он лицом к дворцу Кащееву и побежал дальше в одиночестве.

Миновав пальмовую рощицу, Иван остановился перед огромным мрачным замком из серого ноздреватого камня. Вынул из ножен меч, перекрестился трижды, как матушка учила, и, шагнув к дверям дубовым, принялся колотить в них кулаком.

С таким же успехом он мог бы стучать по собственному шлему.

Иван повернулся к дверям спиной и стал бить в них пяткой богатырской. Одна створка треснула. В тот же миг из-за дверей раздался вкрадчивый голос:

— Зачем имущество-то ломать? Оно денег стоит. Нажми-ка лучше, богатырь, на кнопочку.

Тут только разглядел Иван на косяке небольшую белую кнопку и немедля нажал ее. В тот же миг над дверью приоткрылось небольшое окошечко, а оттуда выдвинулась и накренилась объемистая лохань. И Ивана с ног до головы окатило дурно пахнущей жидкостью.

Из-за дверей раздалось тихое счастливое хихиканье, и они наконец отворились. На пороге, почти беззвучно трясясь, стоял невысокий полный лысоватый мужчина в ночной рубашке.

— Ой не могу! Ой порадовал! — добродушно выкрикивал толстяк, хохоча.

— Да я тебя сейчас! Я тебя!.. — угрожающе двинулся на него Иван.

— Ну ладно, ладно, мир, — успокаивающе предложил толстяк, опасливо отступая вглубь. — Я пошутил. Люблю, понимаешь, шутки. Ты кто таков-то, молодец?

— Я — богатырь, Иван-дурак. Пришел с Кащеем сразиться.

— Это хорошо! — обрадованно закивал толстяк, беря Ивана под руку и ведя по коридору. — Это здорово! Давно

ждем. Этот Кащей нас всех тут просто затретировал. — Толстяк посерьезнел и, остановившись, повернулся лицом к Ивану: — Освободитель ты наш! Герой! Тобой гордится вся земля Русская! Не подкачай, Ванюша! — и поволок нашего героя дальше по коридору.

— Да где Кащей-то? — слегка упираясь, спросил тот.

— А я откуда знаю? Он не докладывает. Посидим, подождем, чайку попьем.

Коридор кончился, и Иван под руку со своим провожатым вошел в просторный сумрачный зал с большим круглым столом посередине. По стенам горели редкие факелы.

— Вот, садись сюда, — взял толстяк Ивана за плечи, усаживая его на стул. — Сюда...

Иван сунул меч в ножны и сел, но в тот же миг у стула подломилась явно заранее подпиленная ножка. Иван с грохотом рухнул на пол, а толстяк, схватившись за животик, зашелся тем же, что и возле двери, счастливым тихим смехом.

— Ой не могу! Ой умру! Шутник я, а, Вань?

— Шутник! — зло ответил Иван, пытаясь подняться с пола и не понимая, отчего у него это не получается.

— Да ты не сердись, Ваня, — насилу успокоившись, сказал толстяк. — Чувство юмора надобно иметь. Тут ведь сдохнуть со скуки можно... — И, не выдержав, прыснул снова, наблюдая за тщетными попытками Ивана встать. — Стул, стул! Я этот клей сам изобрел! Правда, намертво?

Тут только Иван понял, что ему мешает приклеившийся к штанам стул. С проклятьями он перевернулся на живот, потом встал на четвереньки, а уж потом и на ноги поднялся. Стул, само собой, остался приклеенным к штанам, тянул их вниз; торчащие горизонтально ножки стесняли движения, а упершаяся под лопатки спинка мешала выпрямиться полностью.

— О-хо-хо! Ой хи-хи-хи! — надрывался толстяк, побагровев от натуги.

— Гы-гы, — хохотнул Иван неуверенно, а потом не выдержал и захохотал во весь голос. Через минуту они, не в силах устоять на ногах в одиночку, стояли с толстяком в обнимку, повизгивая и утирая слезы.

Успокоившись наконец и отдышавшись, Иван освободился от объятий шутника и насупился:

— Портки-то испортил мне!

— Да ты снимай, снимай их! — радостно вскричал тот.— Не стесняйся! Тута, окромя нас с тобой, никого нету. Сейчас я тебе новые принесу. Да помоднее — кожаные, с

заклепками! — Со словами этими он засеменил из зала к боковой двери. На пороге уже остановился и сказал: — А ты подкрепись пока, проголодался небось с дороги.

Тут только заметил Иван на столе фрукты и сласти. Но не до еды ему было — очень уж стул мешал. Иван с облегчением расстегнул штаны, и стул, увлекая их вниз, со стуком упал на каменный пол.

«А все ж я в замке Кащеевом», — вспомнил Иван об осторожности и, оставшись лишь в кольчуге да сапогах, снова вынул меч из ножен и приготовился ко всему.

Кроме того, что произошло дальше.

Из боковой двери вышла чопорного вида дама в бордовом складчатом бархатном платье. В руках она держала портки кожаные. На носу ее поблескивало пенсне.

— Велено штаны вам передать, — произнесла она надменно.

Иван в ужасе бросил меч и обеими руками прикрыл срамное место.

— Ай! — взвизгнула дама, приблизившись.— Охальник!

— Да я... — залепетал Иван, готовый от стыда провалиться сквозь землю. — Сейчас я, только это... — и он протянул руки к штанам.

— Ой! — снова взвизгнула дама, направив пенсне на то, что ей открылось во всей красе, и отступила назад.

Вновь стыдливо прикрывшись широкими ладонями, Иван, боясь остаться без брюк, шагнул за ней.

— И-и-и!!! — истошно завизжала дама и быстро-быстро попятилась к двери. Иван, не отпуская рук, маленькими шажками побежал за ней.

За дверью открылась комнатка с двумя столами, заваленными инструментами, книгами и разными непонятными предметами.

— Лови! — вдруг крикнула дама и кинула штаны Ивану в лицо.

Не находя возможности поднять руки, Иван попробовал поймать штаны зубами, но только зря клацнул ими, штаны же упали к его ногам.

А дама вдруг залилась знакомым смехом и, схватив себя за уложенные в роскошную прическу волосы, сдернула их прочь.

Под париком пряталась знакомая лысина.

— Это ж я, Ваня, я! — кричал толстяк сквозь смех. — Шучу я так!

Иван молча натянул пришедшиеся впору портки, застегнулся, затем выпрямился и спросил угрожающе:

— Да кто ж ты такой, весельчак?

— Я-то? — переспросил толстяк, улыбаясь и снимая пенсне.

И тут громыхнуло раскатисто, и невесть откуда взявшийся ветер пронесся по комнате, потушив чадящие факелы. Но темнота не наступила. Холодное голубое сияние исходило от стен, пульсируя. Улыбка сползла с лица толстяка, и в призрачном свете оно стало страшным, как у мертвого. А сам он стал расти, расти, аж на две головы выше Ивана вымахал. Иван схватился за то место, где должен был меч висеть, но тут же вспомнил, что оставил его посреди зала.

— Я-то? — повторил великан мрачно, и Иван понял, что принятая им за платье одежда была роскошной царской мантией. — Кащей Бессмертный я!

— А что ж... что ж ты такой упитанный? — вопросил Иван, стараясь выиграть время и помаленьку отступая к дверям.

— Всегда таким был, — ничуть не удивившись вопросу, ответил Кащей. — Это людишки меня представляют тощим да мрачным. Мол, царь Кащей над златом чахнет! Плевал я на злато! По натуре я прикольщик да гурман. Люблю бананы, особливо если шкурку можно кому-нибудь под ноги бросить. К Яге порой захаживаю, богатырями проезжими полакомиться. Былинки пишу, в которых боянов высмеиваю. Зело люблю... Эй! Куда ты?

Иван, воспользовавшись болтовней Кащея, выскользнул в дверь, мангустом проворным прыгнул через весь зал, крепко ухватил меч-кладенец за рукоять и, довольный, сказал:

Коль умом не Кубатай,
Понапрасну не болтай...

Видать, общение с боянами не прошло для дурака бесследно. Он сжал меч в ладонях и зорко оглядел зал.

Шагах в пяти от него стоял мрачный Кащей.

— Обхитрил старика, да? — угрожающе спросил он. — Всё, Иван. Шуточки кончились.

— Кончились, — согласился Иван, пригнувшись и начиная обходить Кащея по кругу. Тот, зорко глядя на Ивана, спросил:

— Зачем пожаловал, дурак?

— Постоять за землю Русскую!

— Я на нее давно не зарюсь! Говори, что конкретно надо? За кем пришел?

— За сережками! — грозно сообщил Иван. Кащей нахмурился.

— За Сережками? Имя редкое, да не припомню таких. Здесь был Вася, Федя сидит в застенках, Ива́нов да Ивашек целая толпа. Даже ребенок один есть, Филиппком зовут. Поперся один в школу через лес, заплутал да и попал мне в лапы... Какие Сережки тебе нужны, дурак? Может, и отдам. Не люблю я супротив кладенца драться.

— Василисины сережки, — объяснил Иван, смутно чувствуя, что разговор идет о разных вещах.

— Василисины? Ее не обижу, — смущенно признался Кащей. — Даже если от собаки-князя сыновей родила, все равно...

— Каких сыновей? — завопил Иван. — Сережки! В ушках их носят! С камешками самоцветными, что тебе, ироду, для опытов понадобились! Отдай, я все прощу!

Лицо Кащея побелело. Он покачал головой и твердо заявил:

— Не отдам. Никогда. Даже не проси.

— Тогда нас меч мой рассудит, — заключил Иван.

— А мой с ним поспорит, — согласился Кащей, извлекая из-под мантии кривой турецкий ятаган.

Противники закружились по залу, делая ложные выпады и меряя друг друга оценивающими взглядами.

Первым ударил Кащей. Но Иван отразил его выпад, с истинно богатырской ловкостью отпрыгнул в сторону и сказал:

— Никогда тебе, нелюди поганой, не одолеть богатыря русского!

Кащей снова замахнулся и с хриплым смехом ответил:

— А тебе, Иван, никогда меня не убить! Потому что я...

Меч-кладенец пропел свою страшную песню и ударил по тощей шее князя тьмы. С мерзким хрустом голова Кащея отделилась от плеч, упала на пол и мгновенно истлела, превратившись в горку черной пыли.

Иван утер со лба трудовой пот и посмотрел на обезглавленного противника. А тот слепо пошарил руками, похлопал по обрубку шеи, откуда лилась густая черная кровь... Раздался треск, повалили искры и вонючий дым, из обрубка стремительно проклюнулась новая голова. Ничуть не хуже прежней.

— ...Бессмертный, — закончил прерванную кладенцом речь Кащей. — Бессмертный я, по жизни так вышло!

Иван почувствовал на сердце ледяную лапу страха. Но панике не поддался, а продолжил свои обманные финты и выпады. Минут через пять ему удалось обрубить Кащею руку, но и та выросла вновь. Кащей захохотал:

— Вот прикол-то! Ничего ты со мной не сделаешь, богатырь! А как утомишься — тут тебе и конец!

Иван молча кружил по комнате. Проходя мимо стола богатого, он украдкой спер с него гроздь бананов и засунул за пазуху. «Как утомлюсь — пожую бананов, сил и прибавится», — думал дурак.

— Никак тебе, Иван, не победить меня, — бахвалился Кащей, — смерть-то моя — в яйце!

Подхватив с пола сломанный стул с прилипшими к нему богатырскими штанами, Иван запустил его в Кащея. Тот взвыл, скрючился и заорал:

— Дурак ты, Иван-дурак! Не в этом! Сказки читать надо! Всё, хватит шутки шутить! Убивать тебя буду!

Сообразив, что Кащей Бессмертный рассердился не на шутку, Иван распахнул какую-то дверь и, юркнув в нее, сбежал по ведущей вниз лесенке.

Глазам его предстала большая комната, уставленная дыбами, испанскими сапогами, гильотинами, увешанная цепями и веревками; с железными противнями, на которых зловеще светились раскаленные докрасна железяки. Зрелище было жутковатое.

— Ага! — крикнул Кащей, вбегая вслед за Иваном. — Сам в мою пыточную камеру пришел! Молодец!

Иван торопливо оторвал от грозди банан, сжал его могучими пальцами, выстрелив сладкую колбаску мякоти себе в рот. «Дай мне силу великую, фрукт любимый!» — взмолился он мысленно. И вдруг вспомнил встреченного на пути бояна Воху с его загадочной былиной: «Зря Иван жевал бананы, не в бананах, видно, суть. Фрукт сей не залечит раны, не поможет отдохнуть. Кожура — другое дело, кожура — всему венец. Шкурку от банана смело примени — врагу конец».

«Как же ее применить, шкурку бестолковую?» — подумал Иван. Ничего не придумал и в сердцах запустил в Кащея банановой кожурой.

— Черт побери! — только и успел крикнуть Кащей, оскальзываясь на шкурке и грузно падая на пол.

— Черт побери, черт побери! — радостно завопил Иван, подбегая к Кащею и рубя поверженного врага в капусту.

— Погодь, Иван, я руку сломал! — взмолился Кащей. Но было уже поздно. Могучими ударами богатырь разобрал Кащея на шесть основных кусков, после чего остановился, решая, что же делать дальше.

Из обрубков Кащея шел дым. Они шевелились и явно норовили сползтись друг к другу. Что же делать? Что?

Иван торопливо схватил жирную волосатую ногу с давно не стриженными грязными ногтями и потащил ее к цепям. Нога сопротивлялась, но в одиночку сил у нее явно не хватало. Заковав левую ногу, Иван вернулся за правой. Потом и туловище обмотал цепью, затем руки и голову. Проверил надежность оков, вздохнул и присел понаблюдать за результатом.

С треском и грохотом Кащеевы конечности приросли к туловищу. Затем голова, мучительно изгибая шею, дотянулась до тела, приросла и жалобно крикнула:

— Что же ты наделал, дурак? Как ты ноги поставил?

Иван покосился на ноги. Мало того, что те неестественно вытянулись, доставая до туловища, они еще и приросли неправильно: левая нога вместо правой, а правая — вместо левой. Руки же росли со спины. Полуметровой длины шея довершала картину, делая Кащея похожим на паука.

— Прикольщик я, Кащеюшка,— ласково сказал Иван.— Не обессудь. Так оно получилось.

Кащей подергался-подергался, но цепи оказались прочными. Иван тем временем оглядывал изобилие пыточных инструментов.

— Кащей! Для чего сия штуковинка?

— Для подстригания левого уса, — грустно ответил Кащей. — Древняя восточная пытка.

— Жаль, без усов ты у нас... А эта фиговинка?

— Для вырывания волос путем возвратно-поступательных движений с увеличивающейся амплитудой.

— Мудрец... Почти как Кубатай. Только что ж ты лысый? А эта финтифлюшка зачем?

— Ребра перекусывать и мелкими кусочками через ухо вытаскивать.

— О! Это пойдет, — оживился Иван.

— Пожалуйста, — вяло согласился Кащей. — Только учти: пытки нечисть не страшат, а убить меня никак не возможно.

Плюнув в сердцах, Иван бросил пыточные причиндалы и побрел из комнаты, оставив Кащея дергаться в цепях.

— Вначале пленников спасу, — решил Иван. — А там видно будет.

В обширных Кащеевых застенках, сырых и мрачных, плохо проветриваемых, Иван понял, что работа предстоит немалая. Но какой же богатырь работы боится? Поплевал Иван на руки, высморкался под ноги и побрел вдоль железных клеток, отпирая одну за другой и ведя инвентаризацию.

— Ты кто?

— Федя-богатырь.

— Выходь. Ты кто?

— Вася, — простонал следующий узник, царапая что-то обломком меча на стенах темницы. — Подожди, допишу...

— «Здесь был Ва...» — прочел пораженный Иван, захлопнул дверь клетки и сказал: — Здесь он и остался. А ты кто?

— Филиппок! — радостно крикнул седой взлохмаченный старик, выползая из своего узилища.

— До чего тяга к знаниям доводит, а? — поцокал языком Иван, дал заливисто смеющемуся старичку завалявшийся за пазухой банан и продолжил осмотр. — Ты кто? А где ты?

Камера была пуста. Лишь под койкой Иван обнаружил глубокую дыру, из которой слышался шум моря.

— Там Эдмон какой-то срок тянул, — сообщил Ивану очередной узник, горячо обнимая спасителя. — Прокопал дыру вязальной спицей да и убег.

— Молодец! — восхитился Иван, на радостях даже забыв поинтересоваться именем словоохотливого узника. Лишь когда тот быстренько выбежал из застенков, Иван обнаружил, что пропал кошелек с остатками небогатых Василисиных командировочных. Но такие мелочи богатыря не смущали. Еще одна камера пустовала, лишь на кровати лежал мельничный жернов с надписью: «Здесь после долгих страданий разорвалось сердце узника...» Иван вытер слезу и пошел дальше.

— Ты кто?

— Иван-царевич, — робко отозвался небритый парень в волчьей шубе на голое плечо.

— Выходи, тезка! — обрадовался Иван. — А ты кто?

— Иван-боярин сын.

— И ты, друг, выходи. А ты кто?

— Иван-крестьянский сын.

— Проваливай, лодырь! Нечего казенные хлеба проедать! Ты кто?

— Иван-дурак, — радостно улыбаясь, сообщил перемазанный в золе, черный как смоль молодец.

Иван захлопнул дверь камеры, подпер для надежности булавой и пошел дальше, бормоча про себя: «Одного достаточно...» В течение пяти минут он освободил: Ивана-коровьего сына, Ивашку, Иванко, Фэт-Фрумоса, Сослана, Кобланды-батыра, Корвина и Манаса.

Слегка смущенный таким изобилием, Иван осторожно

открыл дверь следующей темницы. По ней бродил восточного вида юноша в тюрбане, развевающихся штанах и белой рубашке. Время от времени юноша подпрыгивал и толкал ладонями потолок.

— Ты кто? — ошалел Иван. Но в этот миг в потолке вывалилась плита, звонко расколовшаяся о тюрбан незнакомца, и тот его вопроса не услышал. Подпрыгнул и скрылся в открывшейся в потолке дыре.

— Не иначе принц персидский, — рассудил Иван и сел передохнуть. От впечатлений гудело в голове. А так было тихо, узники уже смылись, лишь в подпертой булавой камере бесился самозванец.

— Ладно, кончаем осмотр, — решил Иван-дурак и направился к последней двери, приговаривая: — Темницы рухнут, и свобода вас встретит радостно у входа, и братья ключ вам отдадут... Хотя какой ключ, темницы-то уже рухнули... Эй, кто здесь сидит?

Последняя камера разительно отличалась от остальных. Здесь было чисто и уютно, на стене висело блюдечко, по которому каталось наливное яблочко, создавая изображение голых девок, купающихся в пруду. На застеленной шелковыми простынками кровати сидел поп Гапон и жрал бананы.

— Вот ты где, гад! — заорал Иван, выхватывая кладенец. — Предатель! Россию, мать твою, продал! А ну отдай банан!

Вырвав изо рта Гапона недожеванный банан, Иван нервно съел его и сообщил:

— Ну всё. Готовься к смерти. «Отче наш» прочти или что там полагается, покайся как следует...

— Иван, Иван, успокойся, — затараторил Гапон. — Я ж и сам пленник горемычный, Кащеем в застенки посаженный.

— Видали мы таких пленников! – мрачно возразил Иван. — Блюдечко цветное в камере, бананы свежие... дай еще один!.. простынки чистые. Убью!

— Иван, отпусти душу на покаяние, — пустил слезу Гапон. — Не марай светлый праздник победы над Кащеем моей кровью грязной!

— Не паясничай! — оборвал его Иван. — За что в немилость Кащееву попал? Говори!

Гапон вздохнул, встал на колени и прошептал:

— Честность меня подвела. Был я у Кащея в советничках, неплохой оклад имел, раз в квартал премиальные обещаны были. Да вздумал на днях Кащей дать мне на прочтение свои былинки юмористические, боянов да богаты-

рей высмеивающие. Прочитал я их да и скривился. Чушь собачья! И дернул меня нечистый записать в дневничке для памяти: «Кащей — парень хороший, но пишет всякое говно. Надо сказать ему об этом, но помягче, поделикатнее...»

— Ну? — заинтересовался Иван. — Что, не сумел сминдальничать?

— Кащей, падла, шмон устроил! — теряя всю интеллигентность, завопил Гапон. — Мой личный дневник прочел! Вот и посадил в камеру!

— Смягчающих обстоятельств не нахожу, — заявил Иван, поигрывая кладенцом. — Быть по-моему. Рубить тебе голову хитрую...

— Не губи, Иван! — так и затрясся Гапон. — Я тебе тайну Кащея открою! Где он сережки Василисины прячет да где смерть его!

— А ты откуда знаешь? — поразился Иван, пряча меч.

— Да как-то дневник Кащея под руку подвернулся... — смутился Гапон. Иван погрузился в раздумья. Наконец изрек:

— Значит, так. Ты не предатель, ты хуже. Ты Гапон. Убивать не буду, коли тайны великие откроешь. Но и назад в Киев дороги тебе нет. Убирайся, Гапон, с Руси к половцам.

— Уберусь, уберусь, надоела эта Русь, — просветлел лицом Гапон. — Теперь слушай. Есть у Кащея комнатка заветная, в подвале схороненная. Там вещи премудрые стоят, гудят да светятся. Нить волшебная от них к дубу высокому тянется. Пойдешь по той нити, заберешься на дуб, там — яйцо. В яйце — сережки Василисы, а к ним игла припаяна. Ту иглу отломи, и не станет Кащея.

— Ясно, — сказал Иван. — Гапон, Гапон... И умом тебя Бог не обидел, и хитростью. Что ж ты язва такая — по характеру?

И с этими словами Иван вышел, оставив Гапона в полном недоумении.

...Быстро нашел Иван комнатку заветную, где Кащей держал вещи премудрые. Похожи они были на сундуки железные, светящимися каменьями разукрашенные. Гудели да шумели, огоньками помаргивали. А из самого большого сундука нить волшебная тянулась, из медной проволоки скрученная да резиной обмотанная.

Пошел Иван по нити да и вышел к огромному дубу. Был тот дуб в сто сажен вышиной, облака за его верхушку цеп-

лялись, ручьи да речушки меж корней извивались. Засучил Иван рукава да и полез на дуб.

Долго ли, коротко ли, а добрался он до самой вершины. Оглянулся — лепота! Всю Русь-матушку с дуба видно. И стольный Киев-град, и Муром родной, и иные селения, помельче размером. Вон Змей Горыныч летит, вон богатырь за чудом-юдом гонится. Вон на неведомых дорожках следы невиданных зверей...

А вот и яйцо, из хрусталя хитро сделанное. В яйце — сережки Василисины, пластиночки синенькие в виде лепесточков. Между ними — игла серебряная, к которой нить волшебная припаяна.

— Вот и конец твой, Кащей, — сказал Иван добродушно. Уцепился двумя пальцами левой руки за дуб, а правой рукой как дал по яйцу! Треснуло оно и разбилось. Схватился тогда Иван за иголку — а та колется, огнем жжет! Сопротивляться вздумала! А вместе с тем почувствовал Иван, как из иглы в него силушка несметная вливается.

Рассмеялся Иван смехом веселым, дурацким, да и переломил иглу между пальцами. Только искорки синие заплясали...

И случилось тут с ним что-то неладное. Ослабли вдруг руки-ноги богатырские, меч-кладенец к земле потянул. Змей Горыныч, мимо пролетавший, каркнул испуганно да вороной средних размеров обернулся. Чудо-юдо, за которым вдали богатырь гнался, дикобразом предстало. Заорал Иван дурным голосом, не со страху, а с удивления. И полетел вниз с дуба высокого, навстречу верной погибели.

Да только и дуб внезапно вниз стал расти. Превратился в пальму обычную, высоты невеликой. Упал вниз меч богатырский, а на него Иван сверху шмякнулся. Да так больно! Вся стойкость богатырская куда-то делась!

Встать попробовал — а кладенец к земле-матушке тянет. Пришлось отвязать себя от меча да и оглядеться вокруг.

А вокруг чудеса творились диковинные. Дубы да ивы в пальмы и манговые деревья превращались! Буренушки, в отдалении пасущиеся, буренушками остались, а вот бык, что их крыть готовился, носорогом обернулся! Кладенец, на земле валявшийся, скукожился и железячкой заковыристой обернулся, той самой, что Кейсеролл муми-бластером прозывал. А на душе-то как стало! Скучно да обыденно. Тоска, хоть волком вой. Посмотрел Иван на дворец Кащеев, а тот вдруг превратился в серое здание, в коем

всего чудес что окна огромные, из хорошего стекла сделанные. А над дверью вывеска на русском и еще каких-то языках.

«Этнографический музей» — на вывеске было написано.

Глава восьмая,

последняя, в которой Кащей объявляет, что этнос порождает эпос, но Ивану это ни о чем не говорит

А другую надпись — «Хранилище» — Иван прочел на двери в темницу. Пошатываясь, спустился по лесенке. Кащей снова стал маленьким лысеньким толстячком. Само собой, уменьшившись, его руки и ноги из оков выскользнули. Теперь, сидя на глиняном полу, он, морщась и постанывая, растирал запястья и лодыжки. Увидев Ивана, скривился в подобии улыбки:

— Серьезный вы человек, Иван Иванович. Сумели-таки! Да только и сами не рады, как я погляжу.

— Да что случилось-то, Кащей?! Что со мною? Что с за́мком? Что... вообще?..

— Сережки-то Василисины при вас? — вместо ответа задал вопрос Кащей.

— Тута они, куда ж им деться-то? — разжал Иван потную ладонь, демонстрируя синевато поблескивающие пластинки.

— Дайте хоть полюбуюсь на них...

— Ишь чего захотел! — снова сжал кулак Иван. — Хватит! Налюбовался!

— Да бросьте, Иван Иванович, — махнул Кащей рукой досадливо, — чего боитесь-то? Силушка-то моя улетучилась вся.

— Так ведь и у меня — улетучилась, — смущенно признался Иван.

— И чего ж тогда нам, каликам немощным, таиться друг от друга теперича?..

— И то правда, — вздохнул Иван и протянул серьги Кащею.

Тот, близоруко прищурившись, поднес украшения к глазам, шмыгнул носом растроганно и, сказав самому себе задумчиво: «С них-то все и началось...» — обратно Ивану вернул.

— Да что началось-то?! — вновь обозлился Иван. — Признавайся, Кащей проклятый!

— Ладно, — кивнул тот. — Начнем с того, что звать меня на самом деле Манарбит. А Кащей... Еще в юности я увлекся изучением русской культуры, выяснил, что у меня самого предки были русскими, стал доискиваться корней своей родословной и узнал, что фамилия моих прапрапрадедов — Кащеевы. А уж потом, после Преобразования...

— Какого такого преобразования? — потряс головой Иван. — О чем ты?

Кащей с кряхтеньем поднялся на ноги.

— Иван Иванович, ну что мы тут-то, на складе, беседуем? Пройдемте наверх, кофею выпьем.

Взяв Ивана за руку, он, прихрамывая, двинулся вверх по лестнице и продолжил разговор неожиданным вопросом:

— Иван Иванович, где, по-вашему, мы находимся?

— Как где, тать проклятый, — неуверенно выругался Иван. — В замке твоем поганом, где ж еще нам быть-то...

— Да нет же, Иван Иванович, я шире, шире спрашиваю. В земле какой, в каком краю? А?

— Совсем обалдел аль издеваешься? На Руси мы! Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!

Кащей, ухмыльнувшись, глянул на Ивана искоса и сообщил:

— Четверть века назад остров сей носил название Мадагаскар. В Африке мы.

— В Африке?! — не поверил своим ушам Иван. И вспомнил тут же песенку Кубатаеву да бормотание его... «Ах басурман!!! — возмутился он про себя. — Издевался, выходит!» — Но от бессилия гнев его вылился лишь в жалобный стон: — О-о... в Африке...

— Да, — твердо сказал Кащей, садясь в кресло. — В Африке. Сие — остров Мадагаскар, — плавно окинул он рукой пространство вокруг себя, — двадцать пятый век от Рождества Христова.

Выпучив глаза, Иван рухнул в кресло напротив, и Кащей продолжил свой рассказ, включив по ходу кофеварку.

...В середине третьего тысячелетия, когда в результате войн и естественной ассимиляции все нации и народности напрочь перемешались, неожиданно вспыхнула повальная мода «восстанавливать» свою национальность, изучать «родные» язык и культуру.

Одну из самых сильных и фанатичных групп составили те, кто поклонялся всему русскому. Они называли себя

«Новые славянофилы». И именно они настояли на создании этнического заповедника — места, где было максимально воссоздано все русское: архитектура, одежда, быт, язык... Сюда съехались историки, археологи, психологи, лингвисты, литературоведы и другие ученые, по тем или иным причинам имеющие интерес к русской культуре. А также съехалось огромное количество «диких» Новых славянофилов. Город Антананариву в Киев переименовали, поселенья мелкие — в Москву, Муром, Псков да прочую Рязань.

Правда, не очень понятно, почему под русский этнический заповедник всеземное правительство выделило Мадагаскар. Возможно, чтобы другим неповадно было... Недаром же второй по численности группе — фанатам национальной культуры государства Буркина-Фасо — всеземное правительство выделило участок земли в Гренландии. Фасисты-буркинисты протянули недолго... А вот Славянофилы оказались крепче. Выстроили избы, оделись в русские одежды, говорили, само собой, только по-русски... В самом центре Мадагаскара расположился этнографический музей с экспонатами разными. В том же здании — небольшая лаборатория, которой и заведовал Манарбит Кащеев, руководя группой талантливых ученых-славянофилов.

В теории Кащеева причудливо переплелись физика и философия.

Физика. Человечество издавна мучается вопросом — что такое гравитация? В XXV столетии люди уже научились управлять ею. Но природа ее осталась неясной. Почему тела притягиваются друг к другу? Каков механизм?!! Есть только гипотезы, для удобства принимаемые за аксиомы.

По теории Кащеева, гравитация — сила магическая. Потому с научной точки зрения и необъяснимая. Предметы притягиваются друг к другу, и всё тут. Магия. А так тупо она действует потому, что ничем разумным не управляется.

Теперь из области философии. Есть такое понятие — «этнос». Но что это такое, никто толком не знает. То ли национальное сознание, то ли совокупность идей одного народа, то ли его культура, то ли что-то генетическое... Древний ученый Бердяев утверждал на этот счет одно, ученый Соловьев — другое... Теперь же, когда и народов-то отдельных не стало, и вовсе черт ногу сломит...

Кащеев открыл, что подсознания людей на небольших расстояниях телепатически взаимодействуют. Подсознания людей одной национальности схожи, и там, где таких лю-

дей много, их подсознания входят в резонанс. И возникает КОЛЛЕКТИВНОЕ ПОДСОЗНАНИЕ. Это и есть ЭТНОС.

И наконец, главное в теории Кащеева. Оказывается, именно этнос способен управлять гравитационным (магическим) полем. Тут-то и возникает этномагическое поле («ЭМ-поле»), преобразующее обычную реальность в реальность сказочную...

Иван не понял ничего. Перебивать же Кащея у него просто сил не было. Но кофе подействовал бодряще, и в этом месте он все-таки вымолвил:

— К чему клонишь-то, злыдень? Какую такую реальность?

— Сколько вам лет, юноша?

— Осьмнадцать минуло.

— Вот в том-то и дело. Вы родились тогда, когда Преобразование реальности уже свершилось, и все окружающее кажется вам естественным. Вот люди из реального мира сразу поняли бы...

В этот миг дверь отворилась и на пороге показались двое — Кубатай с оголенной сабелькой в руках и Смолянин, понурый, держащийся, словно баба на сносях, за поясницу.

— Кащей, он же — Кащеев, он же — Манарбит!— вскричал Кубатай. — Именем верховного правительства Земли, вы арестованы!

— Что ж, — вздохнул Кащей, — рано или поздно это должно было случиться...

— Хотя, честно сказать, мне вовсе неохота вас арестовывать, — продолжил Кубатай уже не так решительно.

— Почему это? — приободрился Кащей.

— Остров Русь — единственное место, где я мог по-настоящему отдохнуть, — объяснил Кубатай.

— Зачем же вы тогда помогали бедному юноше? — кивнул Кащей на Ивана-дурака.

Кубатай выпятил грудь:

— Это мой долг: вы искажаете реальность, а я — сотрудник Департамента Защиты Реальности!

— Это-то я сразу понял, — кивнул Кащей. — Как там у вас, кстати, всё по-старому? На прыгоходах по кочкам скачете, в космос нельзя, в прошлое — нельзя?..

— По-старому, — сокрушенно махнул рукой Кубатай.

— И вы всё это защищаете? — легкая презрительная улыбка скользнула по лицу Кащея.

Кубатай насупился, но тут на его защиту встал Смолянин:

— Да он вообще-то космолетчик. Генерал-сержант. Он тут случайно, в отпуске. На боянскую тусовку прилетел. Любит, шельма, тусовки. Прямо хлебом не корми, дай потусоваться...

Напряжение как-то само собой спало, и Кащей пригласил новоприбывших гостеприимным жестом:

— Да вы присаживайтесь. В ногах правды нет.

— Понимаете, Манарбит, — заговорил Кубатай, усаживаясь, — очень уж случай удобный. До сих пор никто из местных на вас идти не решался. Ваня вот первый, — кивнул он на юношу, — оттого что дурак, наверное.

— Но-но, — насупился Иван и сделал рукой вялый протестующий жест.

— А чего ж ДЗР-овцы сами ни разу прийти не пробовали? — спросил Кащей. — На вас-то, нерусей, поле не влияет.

— Пробовали! — махнул рукой Кубатай. — Но в эпицентре действия вашего транслятора «неруси», как вы нас называете, черт знает во что превращаются: кто в колобка, кто в зайчика, а кто и вовсе — в щелкунчика какого-то. Вот и сейчас — я в кота превратился, а он — в утку.

— Так ты, гад, выходит, заранее все знал?! — вскричал Смолянин гневно. — А знаешь, как меня достало яйца золотые нести?! — Он привстал с кресла, угрожающе растопырил перепончатые пальцы и завопил срывающимся голосом: — Замочу, век воли не видать!

— В утку, говорите? — вмешался Кащей, восхищенно разглядывая его руки. — Я так и думал! Продолжительное воздействие ЭМ-поля вызывает необратимые последствия!

— Не,— смутился Смолянин и спрятал руки за спину,— это у меня и раньше так было.

— Жаль, жаль, — вздохнул Кащей.

А у Ивана от всей этой трескотни в голове засело только одно слово.

— «Транслятор», — повторил он, — что это такое?

— А юноша не так глуп, как может показаться, — обрадованно сообщил Кащей. — Видите ли, взаимодействие гравитации с этносом происходит далеко не всегда. Точнее, крайне редко. А образуемое поле — нестойко. Самый, пожалуй, заметный исторический прецедент — описанная неким очевидцем Гоголем ночь перед Рождеством. Известен ряд более слабых проявлений. Обычно как: сольются все необходимые факторы, и на небольшом участке площади возникает ЭМ-поле. Тут и превратится, к примеру, какая-нибудь бедная женщина в ведьму. Полетает, побезобразнича-

ет, как, например, описано неким очевидцем Булгаковым, затем — вернется домой и все напрочь забудет. А свидетелям потом, само собой, не верит никто. Иногда решают, что они — психически ненормальны... Думаю, раньше, когда все народы еще не перемешались и когда люди в чудеса верили, ЭМ-поле все же почаще возникало... Хорошо, когда свидетелем оказывался литератор, он мог хотя бы подробно описать увиденное и выдать за игру собственной фантазии... Так вот, в моей лаборатории был построен транслятор некоего катализирующего поля, которое делало взаимодействие гравитации с этносом прочным и нерушимым.

— Ничего не понимаю, — потряс Иван головой. Потом вспомнил рассказ пленного печенега и добавил: — Хотя что-то понимаю... Выходит, кроме как на Руси, нигде никаких чудес не случается?

— Никаких, — подтвердил Кащей. А Кубатай покивал уныло.

— А почему всё именно так? — невразумительно спросил Иван. И уточнил: — Ну, почему именно Баба-яга, именно скатерть-самобранка?..

— Браво, юноша! — воскликнул Кащей. — Вопрос очень и очень верный. Видите ли, управляется-то ЭМ-поле не сознанием, а *подсознанием*, и не одного человека, а многих. Видимо, вся эта вами перечисленная чертовщина — глубоко в подсознании каждого русского человека сидит.

— А сережки Василисины тут при чем?

— Для излучателя транслятора необходимы были две пластины из венерианского минерала призмалита. Именно из этого камня и именно такой формы и были серьги моей бывшей сокурсницы Василисы...

— Так это что же теперь на Руси-то делается?! — встрепенулся Иван. — Богатыри теперь — не богатыри, сапоги — не скороходы, а Марья моя — не искусница?!

— Точно, — подтвердил Кащей.

— Ох вы бедные да несчастные — люди русские!.. — запричитал Иван. — Как живется-то вам нынче тягостно! — Он поднял блестящие от слез глаза на Кащея. — Ведь по себе чувствую... Глянь на басурманов-то этих, — кивнул он на Кубатая со Смолянином, — им что поле, что не поле — все едино, а у меня, человека исконно русского, словно лопнуло что внутри...

— Это кто, вы, что ли, человек исконно русский? — поднял брови Кащей. — Иван Иванович, милый, вы ж негр натуральный!

— Да я... да за такие слова!... — аж запыхался Иван от возмущения.

— Вот, извольте сами убедиться, — протянул Кащей Ивану зеркальце.

Тот уставился на отражение. Всё — как обычно: кудри по-русски вьются, нос — по-русски вздернутый... Вот только черное всё, черное!.. И волосы, и кожа!..

— Это сажа, сажа въелася, — слабо крикнул Иван в оправдание, да тут же и заплакал от неубедительности своих слов.

— Брось кручиниться, Ваня! — попытался успокоить его добрый Кубатай. — Главное, дух у тебя русский. Вон, Пушкин Александр Сергеевич тоже был негр немножко, а его до сих пор помнят — как великого русского поэта...

Иван только всхлипнул горестно в ответ. Тогда Кубатай высказал другой успокоительный довод:

— Известно, что русская нация тем испокон и сильна была, что все лучшее от других в себя вбирала да впитывала. Вот, к примеру, писатель французский Дюма на Руси так популярен был, что чуть ли не за своего почитался, а некие Жуки, музыканты аглицкие, любы всякой душе русской были... И вообще, говорят, каждый второй русский — евреем был, и ничего, стояла Русь-матушка!..

Но Иван все причитал безутешно:

— Пресвятая Богородица, как же теперь жить-то я буду?.. Да что я? Как вообще-то?!!

Тут вроде бы и сказке конец.

ПОСЛЕСЛОВИЕ,

из которого любознательный читатель узнаёт, что веселее быль делать сказкой, чем сказку — былью, а читатель пытливый — мораль извлечь может

Ан нет. Проплакавшись, Иван-дурак тяжело вздохнул и с ненавистью посмотрел на свою пухлую черную руку. Негр! Негр! И никуда от этого не деться. Кончилась Русь-матушка, и кончил ее он, вот этими самыми пухлыми черными ручками.

Всхлипнув, Иван утер слезу, посмотрел на мудреца. Тот понимающе кивнул и продолжил успокаивающе:

— Что тебе сказать, негр... Точнее — аффорусич, или черный русский. По опыту забытых цивилизаций прошлого предположу, что эти названия для тебя будут менее обидными.

— Менее, — вздохнул Иван-дурак. — А все равно — тяжко...

— Не кручинься, афорусич Иван-дурак. Русь ваша все равно останется, будет тут заповедник фольклорный, как и раньше. Наедут мудрецы, такие же, как и я.

Кубатай вдруг замолчал. И в голове Ивана мелькнул луч света... то есть надежды.

— Кубатай-Кубатай, — вкрадчиво сказал он. — Как обидно, что Русь для всех мудрецов станет открыта. Так бы ты в памяти народной остался, былины бы о тебе слагали, богатыри твоим именем клялись... А теперь? Кто, кроме нас, тебя вспомнит? Кто песенку споет?

— Я за славой не гонюсь, — сухо ответил Кубатай. — Былины, подумаешь... Я в пяти рассказах да двух повестях героем выступаю. Прямо так и написано, черным по белому: «Кубатай — герой». Обо мне, может, еще оперу напишут. Роман, может быть...

Манарбит вскинул голову и пристально посмотрел на Кубатая. Спросил:

— Звал, генерал-сержант?

— Нет.

— Значит, почудилось... Эх, конец Руси великой пришел. Да и я теперь долго не протяну. С моими черными делами да на нынешней чистой совести...

— Чтой-то вы заладили — черные, черные! — завопил Иван. — Черным по белому, черные дела... Намекаете?

— Пошла этническая напряженность,— опасливо ежась, сказал Смолянин. — Вначале они негров прищучат, потом...

— Не мешай! — оборвал его мудрец. — Кубатай думать будет!

И он погрузился в процесс мыслительной деятельности. Вначале неглубоко, а потом и с головой. Минут пять длилось молчание, потом Кубатай изрек:

— Не могу не признать, что разрушение транслятора не пошло на благо человечеству. Полностью отметаю личные корыстные мотивы в этом решении. Полностью! Иван, былины обо мне петь будут?

— Будут, будут, — затрепетал Иван.

— Хорошо. Отметаю личные мотивы! Предлагаю восстановить транслятор!

— А как же задание? — пискнул Смолянин.

— А как же сережки Василисины? — грустно спросил Иван. — Даром я с Кащеем бился?

— Насчет задания... Мы здесь, Смолянинчик, в отпуске. И лезть голым энтузиазмом на кладенец, то есть на муми-

бластер, не обязаны. Ты думаешь, Кейсеролл тебе премию выплатит?

— А как же?!

— С каких денег? Если остров Русь обратно в Мадагаскар превратится, нам живо ассигнования срежут. Только и останется, что со сфинксами на Венере воевать да по небу... по космосу за машинами времени гоняться.

— Восстанавливаем магию! — завопил Смолянин. — Я задарма работать не привык!

— Хорошо. Теперь о сережках. Думаю, умелые руки Манарбита и мои дельные советы позволят изготовить точную копию сережек из подручных материалов — латуни, стекла, олова.

— Это нам раз плюнуть, — оживился Смолянин. — Если что — золотом подсоблю!

— Отлично, — кивнул мудрец. — Что, решено?

— Решено, — кивнул Манарбит. — Нравится мне бессмертным быть, мелкие пакости учинять да с богатырями ссориться. Делаем новые сережки!

— Учти, мы тебя вначале в цепи закуем, а уж потом транслятор включим, — предупредил Иван. — А то ты и нам пакость учинишь.

Манарбит подумал, но махнул рукой:

— Ладно. Один фиг бессмертным стану. Рано или поздно кто-нибудь меня сдуру освободит. То-то смеху будет!

И началось делание великое. Кубатай давал советы, Иван бегал за требуемыми материалами и раздувал огонь в горне, Смолянин перековывал золотые яйца на серьги, а Манарбит придирчиво оценивал конечный продукт. Это у него получалось лучше всего. Работали все весело, с охоткой. Между делом Смолянин похвастался, что им с Кубатаем уже не впервой мир спасать. Заинтригованный Иван полюбопытствовал:

— Так что, были у вас уже схватки великие?

— Ну схватки не схватки, а потужиться пришлось, — сказал честный толмач. — Из прошлого далекого, из века двадцатого, прилетели к нам два пацана вредных...

— Пацанов не обижай, — хмуро сказал Кубатай, разминая эфесом сабли осколок золотой скорлупы.

— Ладно, — согласился Смолянин. — Не буду. Так вот, пацанов этих надо было в прошлое вернуть, а иначе б весь наш мир погиб!

— Почему? — вежливо спросил Манарбит.

— А потомок кого-то из них знаменитым ученым стал. Не будь пацанов, он бы не родился и наш мир — тю-тю! — радостно сообщил Смолянин.

Кубатай поднял на них тяжелый взгляд и сказал:

— Что-то ты разболтался, младший майор! Секреты разглашаешь!

И работа закипела вновь. Не прошло и часу, как в руках Кубатая оказалась пара фальшивых сережек. Точь-в-точь как настоящие, не придерешься!

Манарбита заковали в цепи, последний раз ему руку пожали и оставили в подвале наедине с камнями холодными да улитками, по ним ползающими.

Настоящие сережки в антенну вставили, иголочку серебряную на место припаяли. Потом вернулись в подвал, и Иван-дурак торжественно главную кнопку нажал.

Учинился тут шум да треск великий, стены мхом обросли, Манарбит в Кащея обратился да и завыл в своих цепях дурным голосом: «Уничтожу! Всех уничтожу! Всё уничтожу!» Муми-бластер у Ивана на поясе кладенцом обернулся, только не гнула уже к земле тяжесть его. Вновь силушка богатырская в Иване плясала! И события странные, что накануне случились, словно туманом подернулись. Вроде и помнилось всё, но задумываться о том не хотелось. Ну негр, ну богатырь не от рождения, а посредством чародейства. Ну и что? Главное — оптимизм!

— Ура, друзья! Вернулась ко мне силушка! — воскликнул Иван да и оборотился.

За спиной у него кот сидел пушистый, грустно заканчивающий вылизываться, да утка, уже одно яйцо снесшая. Вздохнул Иван, взял своих спутников незадачливых под мышку да и двинулся из замка Кащеева прочь.

На том самом месте, где давеча Смолянин с Кубатаем в зверушек превратились, груз в руках Ивана потяжелел.

— Тормоза! — завопил толмач, обернувшийся вновь человеком. Кубатай выскользнул из рук Ивана, выгнул спину дугой, потом со вздохом поднялся на ноги.

— Что ж, — грустно сказал он. — Бóльшая часть наших приключений закончена. Удивительное, что ни говори, ощущение — котом побыть...

— Ты бы яйца нести попробовал, — огрызнулся толмач. — Такие эмоции — опупеешь!

Но Кубатай его не слушал. Он мечтательно поглядел в небо и непонятно сказал:

— Теперь я лучше буду понимать *их*. Гораздо лучше...

— Сфинксов, что ли? — вопросил Смолянин. — Ну и дела! Отважный диверсант Кубатай готов помириться с заклятыми врагами человечества!

Кубатаю явно было на всё плевать. Он обнял Ивана за плечи и мечтательно произнес:

— Почему мы не птицы? Почему не летаем? Обернулся бы я голубем сизым да полетел над Русью... Эх... И все бы на меня смотрели, говорили: «Это летит Кубатай. Он настоящий герой! Он летает!»

Ивану от такой лирики стало не по себе. Он отпихнул Кубатая и, чтобы сгладить грубость, сказал:

— Да, мудрец. Герой ты, ничего не скажешь. Тяжко тебе пришлось.

— Ничего, — отмахнулся Кубатай. — Я ведь, если честно, кошек очень даже люблю. И они меня уважают. Стоял я однажды на кочке, ждал рейсового прыгохода... ну, повозки, в общем. И подошел ко мне котенок. Маленький, пушистый, ласковый. Стал об ноги тереться, мяукать. Следом увязался, домой пришел. Уж на что у меня домашние кошек не любили — и то умилились...

— Ты его воспитал, да? — растроганно спросил Иван. Кубатай понурился:

— На улицу выкинул. Через силу, да делать нечего. Мы ведь там, на большой земле, со сфинксами конфликтуем. А они вроде кошек больших. Посуди, как мне, генералу, дома кошку держать? Боевой дух упадет! Выкинул я его. В окно.

— Не беда, кошка всегда на ноги упадет, — утешил его Иван.

— Ты наших домов не видел, — тихо произнес Кубатай. — Ладно, хватит комплексы пережевывать! Мне очень помогло превращение в кота! Теперь я понимаю истоки своего неприязненного отношения к сфинксам. И смогу с ними бороться. Не со сфинксами в смысле, а с истоками.

— Вот и ладно, вот и славненько, — залопотал Иван. — А теперь поспешим, хорошо? Василиса ждет...

— Дело, — заявил толмач. — Только знаешь, Иван, просьба к тебе есть. Я сейчас на пару шагов к Кащееву замку подойду, обернусь уткой да и снесу десяток яичек. А ты потом меня обратно вынеси. И яйца не забудь прихватить. Я вот котомку под них подготовил, сложишь туда. Лады?

К болоту друзья пришли, когда стало вечереть. Кубатай твердо печатал шаг, держа руку на эфесе сабли и глядя вдаль. За ним шел Иван-дурак, размышляя о пережитом. Следом плелся толмач, одной рукой держась за поясницу, а другой придерживая котомку с яйцами. Золото тянуло его к земле-матушке, но он не сдавался.

— Алеша! — завопил Иван в клубящийся испарениями сумрак. — Попович! Друг! Выходь!

Болото молчало. Кубатай почесал затылок и заметил:

— Стоит позвать кикимору. Слух у нее тонкий плюс магические способности. Услышит.

Иван вздохнул. Не хотелось ему с кикиморой коварной общаться, да что поделаешь...

— Лизавета! — крикнул он. — Русалочка болотная! Выплынь-ка на бережок, укажи, где мой дружок!

Тишина.

— Алексей! Алешенька! Дружок!— снова крикнул Иван. И тут болото забулькало, завоняло, образовало длинную цепочку кочек, и до Ивана донесся знакомый голос:

— Да здесь я, угомонись! Как дела? Кащея побили?

— Побили, побили...— прослезился на радостях Иван.— Алеша! Жив!

— Как видишь, — самодовольно заявил Попович, выходя из темноты.

— Отпустила тебя злыдня болотная, — радостно прошептал Иван. — Вот счастье-то!

— Но-но! — посуровел Алеша. — Не ругайся на жену мою будущую! Осерчаю!

— Что? — оторопел Иван.

— Невеста она моя, — отчеканил Алеша. — Сейчас пожиточки соберет да и придет. Повенчаемся мы с ней в Киеве да и заживем припеваючи. Она пусть на жабу и похожа, зато без обмана — и днем, и ночью одинакова.

— Ну, коли так, — смутился Иван. — Что ж, совет да любовь!

Алеша просветлел лицом и зашептал Ивану на ухо:

— А главное, теща со мной в Киев не поедет! Останется в этом болоте! Жену я нашел, тещи не будет! Чего еще богатырю желать?

По кочкам тем временем грациозно вышла на бережок кикимора. В кружевном платьице она показалась Ивану не такой уж уродливой. А что зеленая... Так ведь и сам — не беленький... Кубатай галантно подал даме руку и сказал:

— Рад за вас, очень рад. Примите мои поздравления, прелестница.

— Ох, льстец... — смущенно залопотала Лиза. Кубатай подхватил ее за пояс и повел по кочкам. Следом двинулись Иван с Алешей и покряхтывающий Смолянин.

— А у нас тут, на болоте, чудо дивное случилось, — делился впечатлениями Алеша. — Представь, почудилось вдруг мне, что никакой я не Алеша Попович, а простой мужичок по имени Васасек. И не богатырь я вовсе, а торговец мелкий, срамными картинками на базаре торговавший.

Будто жил я в неведомой стране, а потом приехал на остров Русь... — Алеша запнулся и неуверенно продолжил: — Ну да, вроде как на остров, и богатырем обернулся! Представляешь?

— Не бери в голову, Попович, — ласково успокоил его Иван. — То мо́рок был, Кащеем напущенный. Ты — богатырь. Зовут тебя Алешей.

— Да, наверное, — задумчиво сказал Алеша. — Я богатырь. Зовусь Васа... тьфу, Алешей! Вот сволочь Кащей! Ладно, рассказывай, как побил ты ворога?

И дурак принялся вдохновенно врать, понимая, что не стоит забивать другу голову неприглядной истиной. Так, за разговором, и болото форсировали. На берегу привал разбили, пожевали да спать легли. А утром дальше в путь тронулись. Впятером оно куда веселее было...

Вскоре и рощица бамбуковая, посреди которой дуб могучий рос, показалась. А от дуба доносился посвист страшный, от которого бамбук словно ива плакучая гнулся.

— Худо дело! — воскликну́л Алеша. — То Алена Соловейкина! Вспомнила папашины фокусы да и стала Илюшку свистом пытать!

— На помощь! — крикнул Иван, выхватывая́ кладенец.

И друзья побежали к дубу, лавируя между гнущимися бамбучинами и придерживая шапки, норовящие улететь вдаль. Кубатай храбро размахивал сабелькой, и даже миролюбивый толмач воинственно крутил над головой увесистую котомку.

Только возле дуба остановились они и рты в недоумении разинули. Потому что там, в огромном гнезде, сидели обнявшись Алена с Илюшей да и свистели на два голоса, мечтательно в небо глядя.

— Ты губы трубочкой складывай, — поправляла Муромца Алена. — А язык в глотку подбери, тогда свист заливистый да могучий, как положено. Я же буду тебе подсвистывать, рулады выводить дивные...

Земля вокруг дуба была усеяна пустыми бутылками из-под зелена́ вина «Князь Владимир» и банановой кожурой. Видать, самобранка на славу потрудилась, чтобы помирить Илью с Аленой.

— Муромец! — заорал ошеломленный Иван. — Ты — свистишь?!

— Фрейдизм! — мудро изрек Кубатай, разглядывая насвистывающую парочку. — Вытеснение подсознательных комплексов. Илюша-то Соловья кончил потому, что сам слуха музыкального был лишен начисто. А теперь он преодолел свое эго...

— А, ребята! — радостно воскликнул Илья. — Полезайте на дуб, мы вас свистеть научим! Кстати, как там с Кащеем-то?

— Побили мы его, — хмуро сказал Иван. — Но не кончен еще труд наш богатырский! Надо сережки Василисе отдать, спасти ее от позора, а землю Русскую — от усобицы.

— Надо, надо... — вздохнул Илья. — Видать, не время мне еще от дел удаляться да свистеть в свое удовольствие. Алена! Пойдешь за меня замуж?

— Еще спрашиваешь, охальник!— возмутилась Алена.— После всего, что у нас было! После того, как свистели на два голоса! Пойду!

И Алена с Ильей, не сговариваясь, с богатырской грацией спрыгнули с дуба. Когда пыль рассеялась, а банановая кожура улеглась, Илья заключил друзей в объятия и воскликнул:

— Теперь бы нам еще Добрынюшку спасти! Эх, погудели бы! Ой, ребята, а чего случилось-то со мной! Привиделось мне, что никакой я не Илья Муромец, а простой парень, с именем коротким — Яр и силенкой поболе, чем у простых людишек. Что живу я в Киев-граде, только город тот на наш Киев не похож. Бананы там не растут, и говорят не по-русски. И вот я, то есть этот Яр, почувствовал в груди томление, поехал сюда и обернулся богатырем. Вначале тридцать три года баклуши бил, как положено, а потом стал крепким да добрым... Чудо дивное, друзья! А что Алене пригрезилось — этого мы никогда вам не скажем. Все равно не поверите.

— То мо́рок, Кащеем напущенный, — сказал Алеша и повернулся к Ивану. — Правильно говорю, Вань?

— Правильно, правильно, — закивал дурак. — Ну что ж, в путь?

— В путь, Добрынюшку выручать, — кивнул Илья. — Все в Киеве знают — Яр друзей в беде не бросает!

Иван с Алешей сделали вид, что не расслышали обмолвку, и они всемером зашагали по дороге. Кубатай по просьбе Ивана исполнил песенку про Африку, потом, на бис, спел еще несколько песен на заморских языках.

Вскоре к реке Смородине подошли.

— Что делать-то будем? — спросил Иван у мудреца. — Подскажи, Кубатай!

— Логичнее всего было бы пойти в Киев, — начал мудрец, но, увидев лицо Ильи Муромца, торопливо добавил: — Однако не бросать же Добрынюшку! Давайте попробуем найти Садко, уговорить его вернуться к морскому царю, заменить Никитича...

— Долго, — отрезал Иван-дурак. — Что ж мы, вдоль всей Смородины будем идти, искать хитрого купца? Он же наверняка без работы не сидит, торгует между делом.

— Такие низменные вещи мне в голову не укладываются, — вздохнул Кубатай. — Что ж, тогда кто-то из нас, самый плавучий, должен отправиться на дно морское...

— Сейчас ты отправишься! — завопил Алеша, прикрывая кикимору грудью. Но Лиза отстранила его и гордо сказала:

— Прав мудрец! Я одна могу Добрынюшку спасти. Я и отправлюсь в путь к царю морскому. А ты, Алешенька, не волнуйся. Царя я знаю, мы с ним вместе когда-то росли. Почти как брат и сестра друг другу, только еще лучше. Уговорю!

С этим оптимистическим заявлением Лиза прыгнула в воду. Минут пять друзья стояли и наблюдали за безмятежной речной гладью, потом расстелили самобранку и сели трапезничать.

— Лиза дело говорит, — успокаивал Алешу Илья. — Она одна способна Добрынюшку вызволить. Не по нраву мне вначале пришлась сия кикимора, а теперь вижу — душа у нее добрая. Будет она мне сестрой названой. И даже еще ближе.

— Она, она замечательная! — возбужденно воскликнул Алеша. — Спасибо, Муромец! И я тебе скажу: ты для меня — словно я сам, жена твоя — словно моя!

— Чего? — удивился Илья.

Алеша покраснел:

— Да это я так, по ошибке... Наливай, Илья.

Недолго пришлось богатырям переживать за судьбу Добрыни и Лизы. Волны речные забурлили, разверзлись, и из них показалась кикимора с Никитичем на плече.

— Отпусти меня подобру-поздорову, чудище! — кричал Добрыня. — Не бери грех на душу, не неволь богатыря русского!

Кикимора молчала. Видать, тяжело ей было тащить Добрыню.

— Никитич! — дружно завопили Алеша и Илья. — Всё путем! Не бойся, это не чудище, а сестра твоя будущая!

— А? — Добрыня перестал вырываться и изумленно уставился на своих товарищей. — Ребята! Живы!

— Живы! — крикнул Иван. — А я Кащея побил!

— Молодец! — обрадовался Добрыня, оказавшийся на твердой почве. — А чего вы про сестру мою будущую говорили? — и он опасливо покосился на Лизу. Та зарделась. Зазеленелась, точнее.

Добрыне кратко объяснили ситуацию. И про примирение Ильи с Аленой поведали, и про подвиги Ивановы.

— Рад за вас, — тихо сказал Добрыня, выслушав богатырей. — Что ж, хоть кому-то из нас судьба ласково улыбнулась. Отрадно, отрадно...

Усевшись на бережку, Добрыня стянул сапоги, выплеснул из каждого по полведра водицы, потом принялся вдумчиво, основательно выжимать портянки. Илья с Аленой переглянулись.

Кому, как не им, была понятна печаль Добрыни! Забавушка Путятишна, племянница Владимирова, давняя любовь Добрыни Никитича, по-прежнему ходила в девках...

Илья хлопнул кулаком по скатерти-самобранке. Так сильно, что в Смородине вода плеснула, а с деревьев листочки принялись осыпаться.

— Не бывать такому, что мы оженимся, а ты в холостяках останешься! — грозно воскликнул Илья. — Значит, так. Идем к Владимиру да и говорим: или отдавай Забаву за Добрыню, или...

— Или? — заинтересовался Смолянин. — Меня очень волнуют альтернативы!

— Или осерчаем, — зловеще добавил Илья. — Алешу и Ивана не спрашиваю, а тебя, толмач, и тебя, мудрец, перед вопросом поставлю! Поможете нам?

— С удовольствием, но полномочий не имею, — грустно сказал Кубатай. — Впрочем, словом мудреным да обхождением вежливым всегда помочь могу.

— И на том спасибо, — согласился Илья. — Ты, толмач?

— У меня отпуск кончается, — засуетился Смолянин. — Боюсь, не успею вернуться вовремя, мне Кейсеролл голову оторвет. А вот яичко золотое, для ублажения княжецкого взора, могу от души оторвать.

Илья подумал и кивнул:

— Оторви уж пару яичек. Мы и Василисе презент преподнесем.

Смолянин пошевелил губами, потом кивнул:

— Ладно, пару. Все равно я в прибыли.

На том и порешили. Илья с Аленой пошли плот сколачивать, а Иван, по дурости своей любознательный, к Добрыне с вопросом подъехал.

— Добрынюшка, а не было ли чего дивного в подводном царстве?

— Было,— согласился Добрыня.— Примерещилось мне, что я не Добрыня-богатырь, а простой парень по имени

Завгар. Неплохой вроде парень, умный, но сложения не богатырского. То ногу сломаю, то другую. Скучная, одним словом, жизнь. А потом поехал я на Русь, богатырем стал... Но, рассудив трезво, решил я, что галлюцинации эти были мóроком, Кащеем напущенным. И больше их вспоминать не собираюсь.

Так Иван и не удовлетворил толком любопытство, не узнал, чем занимался Добрыня в прошлой жизни. А вскоре и плот подоспел, сели на него всей командой и в путь отправились. Плыть не в пример легче было. Кикимора Лиза то плот подталкивала, плывя за кормой, то встречных русалок распугивала, не давала им петь песни свои завлекательные.

А уж сколько радости было, когда к бережку пристали да коней своих увидели! Те, бедненькие, уж и травку всю выщипали, и листочки с деревьев пообрывали. Рассупонили их богатыри, разнуздали, водичкой сладкой напоили. Иван на радостях Гнедка в губы поцеловал!

Немножко по направлению к Киеву вместе проехали, а потом толмач прощаться стал.

— Богатыри! — улыбаясь сказал он. — Рад я был с вами познакомиться, но пора и честь знать. Отправлюсь я к себе на родину и всем буду про вас рассказывать.

— Это правильно, — благосклонно кивнул Алеша.

— Привет Кейсероллу, — сказал Кубатай. — У меня в Киеве еще дело есть, так что я завтра приеду.

— Увижу — передам, — похихикивая сказал Смолянин. — Видишь ли, Кубатайчик, ухожу я из ДЗР.

— Чего? — поразился Кубатай. — На что ты жить-то будешь? Кому твой русский язык нужен, кроме нашей конторы?

Смолянин гордо потряс в воздухе кулечком с яйцами:

— Вот оно — мое будущее! Организую я компанию, назову ее «Я + Я». Буду яйцами торговать.

— Почему «Я + Я»? — изумился Кубатай.

— «Я плюс Яйца»! — пояснил Смолянин. — Звучит?

— Ну, в общем, да, — признался Кубатай. — Только ж яйца твои кончатся быстро, вот и прогоришь.

Смолянин загадочно улыбнулся:

— Во-первых, золотые яйца товар дорогой, штучный, на любителя. А во-вторых, — он невольно схватился за поясницу, — во-вторых, прав был Манарбит.

— В чем прав?

— Остаются кое-какие свойства после пребывания в этномагическом поле! — загадочно изрек толмач и пришпорил коня.

Кубатай разинув рот следил за стелющимся позади Смолянина облаком пыли. Потом спросил тревожно:

— Что ж мне-то осталось? А, Иван?

— Весной увидишь, — дипломатично предположил дурак.

Кубатай кивнул и сказал:

— Придется мне с Кейсеролла молоко требовать за вредность работы. Молоко... и сливочки, и сметанку...

Так и поехали дальше — Илья с Аленой и Алеша с Лизой счастливые, Добрыня — надежд преисполненный, Кубатай — задумчивый, а Иван-дурак, по обыкновению, радостный.

А при дворе князя Владимира тем временем начинался бал. Была приглашена вся знать русская, послы кавказские, половецкие и печенежские, татарва пленная да киргизы заезжие. Столы ломились от икры, блинов да зелена́ вина.

Лишь Василиса Прекрасная, сидя в своей горенке, пребывала в глубокой печали. Марья-искусница, помогающая ей одеваться, пыталась успокоить княгиню:

— Ваше величество, верьте ему! Он успеет! Он такой прыткий! Да и мудрец заморский с ним.

— Прыткий, прыткий,— грустно повторила Василиса.— Все они прыткие на обещания-то... Ах! Что же мне делать? Честь моя под угрозой!

— Первая часть киевского бала! — заявил просунувшийся в горницу паж. — Василиса, тебя князь кличет!

— Ах! — закатив глаза, произнесла Василиса. — Совру, что забыла сережки на тумбочке. Но если ко второй части бала дурак не приедет — конец мне.

— А значит — и всей земле Русской, — горько прошептала Марья. — Татары вконец обнаглели, предлагают Владимиру на дочке их хана ожениться! Сделать женой младшей, любимой... Попадет тогда Русь под иго татарское!

Василиса головой покачала:

— На двоеженство Владимир не пойдет. Знает, что слаб по мужской части. А вот если со мной разведется — конец... Ох, Марьюшка, быть беде!

...В это время Кубатай, сославшись на жгучую потребность в семечках, без которых он лишится красноречия, поскакал к Марье домой. А богатыри, оставив Лизу и Алену на ближайшем постоялом дворе, во весь дух мчались ко Владимиру.

— Неладно что-то с караулами! — крикнул Ивану Алеша. — Больно уж их много! И все не наши, а из половецких наемников да кавказских волонтеров!

— Беда, беда, — подтвердил Иван. — Что караулов много — понятное дело, сегодня же Новогодье, праздник великий. А вот что нерусь в сторожей отрядили — знак недоверия Владимира к богатырям.

И тут дорогу им заступил караул половецкий. С мечами наголо да булавами наизготовку.

— Мы есмь полноправный стража земля русская, — гордо крикнул начальник караула. — Куда вы спешить, подозрительный богатырь?

— Сдерживай эмоции! — шепнул Иван Илье. — Контролируй силу! Не поддавайся ее темной стороне!

— Не поддамся, — пообещал Илья и ответил:

— Ах вы грязь подзаборная, подхвостье песье! Мы — богатыри русские, спешим на праздник княжецкий!

Караул посовещался, и начальник его заявил:

— Ладна. Разрешай вам проехать — только не всем, а трем. Тот, черномазый, с кладенцом высокой убойной сила, пусть обратна едет.

— Расист! — завопил Иван, которому попали по больному месту. — Бей их, мужики! Нас четверо, пока еще мы вместе! И скоро все получим по невесте! Девиз наш — постоим за Русь! Вперед, друзья, не трусь!

И богатыри накинулись на неосторожных половцев. В разгар боя Алеша крикнул Ивану:

— Беги к дворцу! Успей отдать сережки!

— Сейчас, я только пособлю вам трошки, — ответил Иван.

— Беги, дурак, в твоих руках — Россия!

— Ну так и быть, — согласился Иван, — меня вы упросили.

И Гнедок резвым галопом помчался к дворцу. А там уже начался антракт. Бояны и вечно недоедающие летописцы жадно накинулись на халявное угощение, привычно поругивая официантов, старающихся подсунуть им подсохшую икру и недобродившую медовуху. Владимир, уже заметивший отсутствие на Василисе сережек, нервно грыз ногти, временами поглядывая на подаренный татарами портрет ханской дочери. Портрет был хорош, а невеста, несмотря на явное малолетство, князю нравилась. Может, и правда... развестись с Василисой? Тем более что сбывались худшие опасения Владимира — насчет Василисы и Кащея. Но где-то в глубине души Владимир боялся такого решения. Он понимал, что это будет предательство Руси,

что народ ему этого не простит. Владимир принялся за очередной ноготь, посматривая то на портрет юной прелестницы, то на дрожащих от страха советников очередного созыва.

...Иван-дурак ворвался в дворцовый сад как ураган, как свирепое торнадо — из тех, что частенько мнут овсы в муромской губернии. Соскочил с Гнедка и побежал, лавируя между пальмами.

— Террориста! — завопили окружающие дворец стражники. — Ай-ай!

Стражники как один были татарами. «Плохо дело», — подумал Иван, доставая кладенец. «Хреново», — сообразили стражники и разбежались.

Но Ивана ждала еще одна преграда. Все двери, ведущие во дворец, оказались закрыты. Лишь после перерыва, во время великого народного гулянья, их должны были открыть. Иван затравленно огляделся.

— Ивана! — тихонько позвал кто-то.

— Эй, кто здесь? — испугался Иван.

— Моя здесь. Я — Ахмет, боян татарский... — Из кустов киви вылез маленький татарин в разукрашенной дорогими каменьями одежде. — Моя твой друг, Ивана! Моя дураку поможет!

Сказав это, татарский боян трижды подпрыгнул на месте, заставив дурака вспомнить персидского принца.

— Потайную дверь открываешь? — поинтересовался дурак.

— Нет, нет, мой радуется так... Ивана, иди за мной.

Дурак недоверчиво последовал за татарином. И тот привел его к маленькой потайной двери, спрятанной за бурно разросшимся баньяном.

— Откуда мне знать,— продолжал осторожничать Иван,— может, там — ловушка хитрая или стражники с булавами?

— Нет, нет, Ивана, это не ловушка. Я хороший татарин, дружественный. Должен тебе один хороший попасться, чтобы не обвиняли тебя в шовинизме. Верь мне, Ивана!

— Ага, — сообразил Иван, — значит, ты — хороший и спасаешь честь татарского народа своим достойным поведением... Спасибо, Ахмет!

— Моя твой друг! — радостно крикнул вслед Ивану татарин. — Моя о тебе будет песня петь!

...Тайными ходами пробирался Иван по дворцу Владимира, натыкаясь то на будуарчик укромный, то на сокровищницу княжецкую, то на скелет, к стене зачем-то прико-

ванный. Наконец кончился ход тайной дверкой. Высунулся Иван в нее — и обомлел. То же трапезная княжецкая! А дверка под самым потолком была устроена, прям над столом пиршественным. Высоко, однако. Страшно прыгать, да и шума не оберешься. А в трапезной народ перепуганный, от страха жующий и пьющий немерено. Владимир сидит мрачнее тучи и на портрет девочки в узорчатых шароварах смотрит задумчиво. А из двери Василиса выходит, ни жива ни мертва, без сережек самоцветных в ушках розовых...

Вздохнул Иван полной грудью и вспомнил Ивана-отца. Вспомнил наказ его — постой за Русь-матушку, вспомнил советы — умей использовать силу. Вспомнил Иван и как в детстве камнями кидался — за десять шагов воробью в глаз попадал... Только велика разница — десять шагов и сто, булыжник увесистый или сережка махонькая.

Но что делать-то — последний шанс у Ивана остался. «Нет! — подумал Иван. — Нет разницы! Разница в моем уме! Вышвырнуть разницу! Нет мне больше от нее пользы!»

И не колеблясь боле выхватил Иван из-за пазухи сережки поддельные, на Василисины как две капли воды похожие, и швырнул их через всю трапезную. Блеснули они в свечном свете да и воткнулись в розовые ушки Василисины.

— Ах! — воскликнула Василиса, соображая, что же произошло. — Ах!

Владимир обернулся, подозрительно посмотрел на нее и широко раскрыл рот. Сережки! Самоцветные сережки с синим камушком болтались в ушках ее.

— Ах! — с новыми силами повторила Василиса. — Ты что это разглядываешь, муженек?

— Сережки твои рассматриваю... — упавшим голосом сказал Владимир. — На месте... Соврал Гапончик...

— Что за портрет в руках у тебя?! — завопила Василиса. — Срамота! Неделя уж, как в мою опочивальню не заглядывал, а на ханскую дочку засмотрелся!

Иван-дурак, наслаждаясь происходящим, подальше высунулся из дверки и не удержал равновесия. С протяжным воплем дурак упал на стол, прямо в жбан с красной икрой.

— Покушение! — радостно завопил Владимир, стремясь уйти от деликатной темы. — Стража!

Из всех углов повыпрыгивали стражнички — половцы, печенеги, кавказцы да татары. Было среди них и несколько русских коллаборационистов.

«Продал Владимир Русь, — грустно подумал Иван. — На пару дней отлучились — а он уже Русь продал...» Но доставать кладенец дурак не спешил. Он гордо выпрямился и сказал:

— Погибаю за землю Русскую, за дело правое...

— Иванушка! — завопил вдруг сидящий за столом Емеля. В богатых одеждах он был почти неузнаваем. — Иванушка! Стража, брысь! То побратим мой!

— Иван-дурак, что ли? — изумился князь, пытаясь разглядеть лицо Ивана сквозь толстый слой икры. — Обликнись!

Иван выполнил приказание.

— Точно. Он, шутник... Ты откуда взялся? И что здесь делаешь?

Оценив ситуацию, Иван ответил сразу на второй вопрос:

— Что делаю? Разве негоже богатырю русскому на княжецком пиру потрапезничать? Новогодье встретить, с побратимом на свадьбе его чарку выпить?

— Гоже, — признал Владимир. — А чего раньше не пришел?

— Русь-матушку защищал, — зловеще сказал Иван. — Только теперь вижу — не там! Надо было тебя, собака-князь, уму-разуму поучить!

Советники ахнули, бояны торопливо заскребли палочками по бересте. Владимир побагровел:

— Как ты меня назвал?

— Собака-князь! — завопил Иван. — Не дорога́ мне жизнь, раз ты Русь продал!

— Как продал? — поразился Владимир. — За сколько? Кому?

— Кому и за сколько — мне неведомо, — гордо ответил Иван. — А вот как — любому дураку видно! Почему распустил дружину русскую? Почему в караулах одни нехристи стоят?

— Так праздник же, — растерянно объяснил князь. — Рождество да Новогодье! Зазорно русским богатырям в дозорах стоять. Я и нанял разных печенегов, не пожалел казны...

— Ох, дурак я, дурак, — пролепетал Иван, садясь на блюдо с черной икрой. — Чего наделал...

— Помилуй его, Владимир, — прошептала князю Василиса. — Он за Русь переволновался! А что собакой тебя назвал, так все тебя так называют, песик мой ласковый...

Владимир задумался.

— Я тебе разрешу к татарскому хану в гости съездить, — продолжала уламывать князя Василиса.

— Помилуй дурака ради праздника, — поддержал Василису Емеля. — Помилуй, тятя!

Неизвестно, что решил бы князь, но тут двери дубовые

распахнулись и в трапезную вошли три богатыря с мечами наголо.

— Милую! — завопил князь. — Ради праздника — всех милую!

— Молодец, собака,— одобрил Илья, суя меч в ножны.— Отдашь Забаву за Добрынюшку?

— Отдам... — грустно сказал Владимир. — Вот ироды...

— А за меня — Марью-искусницу! — решил закрепить успех Иван.

— Машку? Да хоть сейчас! — заржал Владимир, приходя в хорошее расположение духа. — Марья! Пойдешь за Ивана?

— За Ивана? — заколебалась Марья. — Ну, в общем, если хорошенько подумать, вероятно... да. Пойду!

— Иди домой, одевайся в платье подвенечное! — завопил Иван. — Сейчас все вместе и поженимся!

Марья побежала из трапезной. А Иван слез со стола, соскреб с себя пригоршню икры, намазал на кус хлеба, заложил сверху бананчиком и с аппетитом съел.

— Как успехи-то, богатыри? — поинтересовался князь.

— Кащея в цепи заковали! — похвастался Иван. Василиса побледнела, а Владимир недовольно спросил:

— Почему не убили?

— Он же бессмертный, — рассудительно сказал Добрыня. — Ничего, лет сто цепи продержатся.

— Лет сто? Это хорошо. Это по-нашему. — Владимир встал и торжественно объявил:

— Вторая часть киевского бала! Гулянье народное, патриотическое. Стража — вина народу!

И советнички с боянами да летописцы с придворными веселой гурьбой высыпали на улицу. Высыпали и обомлели.

Благодать-то какая! Свечерело, на небе звездочки ясные зажглись. И снежок легонький с безоблачного неба посыпался. Таял, правда, до земли не долетая, потому что тепло было. Но это не беда. Главное, все как положено на Руси в Новогодье: снег, вино, народ веселый, князь добрый.

— Россияне! — крикнул Владимир, обращаясь к народу. Народ притих. — В эту праздничную ночь, — продолжил князь, — пользуясь поводом, хочу поговорить с вами о жизни. Во-первых, в этом году мы разогнали советников, которые нам плохо советовали. Это уже праздник. Во-вторых, набрали новых советников, которые обещали советовать хорошо. В-третьих, хороший урожай бананов и зерновых не позволит простым труженикам умереть с голоду.

Во всяком случае, всем сразу не позволит. В-четвертых. Меня часто упрекают, что я не помогаю русичам, которых Кащей в полон увел али басурманы пленили. Сообщаю — басурманы обещали больше пленных не брать, а Кащей под моим чутким руководством весь разгромлен. Много россиян вернутся в этом году домой и несказанно порадуют сограждан. В-пятых, об экономической мощи Руси. В то время как весь мир прозябает в невежестве, нашими чародеями сделаны замечательные открытия: сапоги-скороходы и скатерть-самобранка. И пусть до их постановки на поток дело пока не дошло, я верю: скоро самый нищий крестьянин будет добираться до своего клочка землицы на сапогах-скороходах и полдничать от щедрот скатерти-самобранки. Упрощенные скатерти из холстины, подающие только черный хлеб и водицу, будут выпускаться уже в этом году. Всё. С Новогодьем вас и с Рождеством Христовым. Ура. Вопросы будут?

— Князь! — прорезался кто-то самый отважный. — Ты обещал в этом году выйти к народу и крикнуть: «Люб я вам али не люб?» Крикни!

— Крикни! — поддержала толпа.

Владимир помрачнел:

— Это очень трудный для меня вопрос. Я, конечно, обещал, но по здравому размышлению передумал. Не время сейчас кричать! Работать надо! Ура! Вина народу!

— Вина! — закричал народ. И началось гулянье веселое.

Всюду с грохотом взмывали фейерверки, горели огни заморские искорчатые, а пьяненький народ болтался по площади от аттракциона к аттракциону. Кто на ковре-самолете в небо взмывал, кто на сапогах-скороходах в пять секунд вкруг площади обегал, но более всего народу восхищенного толпилось в том месте, где братья Черепановы запускали свой паровоз.

— Запаляй факел! Факел запаляй! — кричал один брат другому, сидящему на огромной железной махине, более всего напоминавшей Емелину печь.

— Погодь! — степенно отвечал тот. — Я еще вентиль не закрутил.

— Так закручивай! — И Черепанов повернулся к людям: — Уважаемая публика! Чудо из чудес! Самодвижущаяся тележка!

Многотонная туша тележки фыркнула и обдала окружающих клубами горячего пара. Народ с криками и визгом отпрянул.

— Кто желает прокатиться?! — надрывался изобрета-

тель. — И всего лишь за пятак! Кто зараз не убоится, повезем еще, за так!

Но желающих не находилось. Пар все сильнее и сильнее бил из-под колес паровоза. И тут из толпы выскочил розовощекий молодец, запрыгнул на железную махину, уселся рядом с трубой и, взмахнув рукой, крикнул:

— Поехали!

...Лишь Иван-дурак бродил среди веселой толпы непривычно трезвым. Вон уже в сторонке поп Гакон, пришедший на смену попу Гапону, венчал Илью с Аленой, Никитича с Забавой и Алешу с Лизой. Вон и Емеля с Несмеяной в опочивальню удалились. А Марьюшка все не шла. Наконец не выдержало у дурака сердце, оседлал он Гнедка да и помчался к дому.

Перед домом пальма стояла, игрушками украшенная, возле нее тридцать три богатыря в чехарду играли. Увидав Ивана, восьмой богатырь радостно завопил:

— Иван! С Новогодьем! Тебе Марья записку оставила, возьми!

И протянул Ивану грамотку берестяную. Сразу у дурака сердечко захолодело, но не подал он виду, а взял грамотку да и стал читать:

Иван! Дурачок мой! Прости...

Не судьба нам, видно, вместе жить-поживать да детей наживать. По нраву ты мне пришелся, но не было, видать, настоящей любви у меня. И когда увидела я мудреца Кубатая, поговорила с ним да семечки мы вместе пощелкали, загорелась у меня истинная Любовь в сердце.

Всё мне Кубатай рассказал. И про то, что Русь наша — остров невеликий, и про то, как на Большой земле люди живут, на железных лягушках по кочкам скачут да проблемы мудрые решают. А еще мне Кубатай рассказал, кем я была до включения поля окаянного, этномагического. И очень мне это по сердцу пришлось. Так что — не серчай. Уезжаю я с Кубатаем, буду жить на Большой земле, работать по профилю. А тебе, Иван, другая судьба назначена. Защищай землю Русскую, дерись с басурманами подлыми, за собакой-князем приглядывай.

Прощай. Твоя Марьюшка.

P.S. Лихой джигит Кубатай шлет тебе привет. Просит не пенять, коли что не так.

Бросил Иван грамотку под ноги, повернулся да и побрел ко дворцу Владимира, Гнедка в поводу ведя. Ох как грустно у него на душе было! Ох как тягостно! И не в том дело, что Марья с мудрецом убежала, негоже богатырю из-за женщины переживать. Русь-то, она невелика есть! И как же ему ее защищать от басурманов, коли их сами русичи и придумали! Зачем жить, когда всё вокруг — понарошку?

— Дяденька богатырь! — крикнул пробегающий мимо мальчик, грызущий свежий стебель сахарного тростника. — А вы коня сможете поднять?

— Смогу... — ответил Иван.

— А если я на коня сверху сяду — осилите? Или слабó? — продолжал хитрый малец. Улыбнулся Иван детскому лукавству да и махнул рукой:

— Садись!

Забрался пацан на коня, выхватил из-за пояса сабельку деревянную да и стал ею махать — точь-в-точь как Кубатай в походе. Иван поднатужился, взвалил Гнедка на плечи и продолжил путь ко дворцу. А там уже свадьба была в самом разгаре. Боян Воха на гишпанском инструменте играл и пел: «Какая свадьба без Бояна...» Илья с Алешей боролись понарошку, Никитич на Забаву смотрел ласково. И даже пес Владимир, как выпил жбан зелена́ вина, стал почти хорошим. Простой парень, свой в доску.

— Иван! — крикнул дураку Алеша. — Куда ты убежал? Пошли, пить будем, былины слушать, о любви говорить! Пошли!

— Сейчас, Алешенька, — сказал ласково Иван. — Мне уж полегчало.

А пацан, что на Гнедке сидел, сабелькой помахивал да и кричал тонким голоском:

— Ах ты нечисть басурманская! Не топчи землю Русскую! Не неволь красных девиц! Есть теперь богатырь, что даст вам отпор! Это я, Лумумба сын Иванович!.. Дяденька богатырь, а я смогу богатырем стать?

— Сможешь! — смахивая плечом слезу, сказал Иван. — Спасибо, малец. Понял я теперь: пока не перевелись на Руси сердца отважные да души простые, найдется для богатыря работа... Пусть Русь наша — остров маленький, пусть! Зато мы, русичи, душой богаты! Надо будет — еще врагов выдумаем, захотим — весь мир островом сделаем! Всё нам по плечу, хоть и не всё по сердцу.

Задумался малец, видать, над словами мудреными, и блеснула в его глазенках искра отваги богатырской. А Иван стоял посреди народа веселого, Гнедка на вытянутых руках

держа, и снежок новогодний на голову его дурную падал, покрывая ее сединой преждевременной.

— Быть мне воеводою, — прошептал Иван. — Быть! А с тобой, Кубатай-хитрец, и с тобой, Марья-разлучница, мы еще встретимся!

На том мы наших друзей и оставим, читатель. Впереди им еще много дел предстоит, пусть хоть в праздник от наших глаз спрячутся. А Русь — она стояла, стоит и стоять будет!

Царь, царевич, король, королевич...
ARMAGNAC
Damblat

Ю. Буркин:
Друзьям — писателям и фэнам...

С. Лукьяненко:
В том числе и друг другу!

ПРЕДИСЛОВИЕ,

в котором доктор Ватсон впервые видит Холмса растерянным

Я вижу, что вы получили мою телеграмму, — сказал Шерлок Холмс вместо приветствия. И лишь потом, радостно улыбаясь, пожал мне руку: — Как я рад видеть вас, Ватсон! Так любезно с вашей стороны пожертвовать вечером в галерее Тейт, прервать экскурсию с любимым племянником...

— Холмс, Холмс, помилосердствуйте, — взмолился я, усаживаясь в кресло перед камином. Огонь весело плясал, на столике поблескивали хрустальные бокалы, а по лестнице уже шаркали тапочки миссис Хадсон. В предвкушении горячего чая я умиротворенно вздохнул и спросил:

— Шерлок, я понимаю, как надоели вам мои вопросы, но откуда? Откуда вы все это узнали? Про телеграмму, про племянника, про вечер в галерее Тейт?

— Элементарно, Ватсон. — Шерлок Холмс развел руками, потом снял с камина персидскую туфлю с табаком и приступил к набивке трубки. — Все очень просто, если применять мой метод дедуктивного мышления. Итак...

Он глубоко затянулся душистым болгарским табаком, снисходительно посмотрел на меня и сказал:

— Вчера, как вы помните, я посылал вам телеграмму с приглашением посетить Бейкер-стрит сегодня вечером. Вы ответили мне, что, к сожалению, не можете воспользоваться приглашением, ибо ваш племянник, приехавший из Сус-

секса на пару дней, просил показать ему галерею Тейт. И вы уже обещали молодому человеку посвятить этому нынешний вечер...

— Значит... — растерянно сказал я. Холмс кивнул.

— Именно. Я знал, где вы и с кем. Поэтому я попросил посыльного отнести телеграмму в галерею. Раз вы там были, то вы были со своим племянником. Если все-таки пришли — значит, получили телеграмму. Элементарно, Ватсон!

— Действительно, элементарно, — был вынужден признаться я. Но Холмсу явно наскучил наш разговор. Он выхватил из-за пояса револьвер, пальнул в потолок и заорал:

— Хадсон, чаю!

— Спешу-спешу, — пролепетала бедная старушка, пересекая гостиную. В руках ее подрагивал поднос с двумя чашечками пахучей жидкости бледно-желтого цвета.

— Если можно, еще по чашечке, — любезно попросил Холмс, пряча револьвер. Миссис Хадсон кивнула, поставила поднос на столик и пустилась в обратный путь. Холмс поднес чашечку к губам, блаженно улыбнулся:

— Попробуйте, Ватсон. Такого вы еще не пили. Это турецкий чай, а турецкий чай есть традиция в Турции.

Глядя на медленно рассеивающееся облачко порохового дыма, я вполголоса спросил:

— Холмс, Бога ради, что случилось с нашей дорогой миссис Хадсон? Она не ругает вас даже за стрельбу в вечернее время!

Холмс пренебрежительно махнул рукой:

— Мелочи, Ватсон. Вчера мы поспорили с ней, кто быстрее сложит пасьянс. Я выиграл и теперь могу делать что угодно целую неделю.

— Шерлок, вы выиграли у миссис Хадсон? — поразился я. — Но она — мастер по раскладыванию пасьянсов, а вы — совершеннейший дилетант.

— Позавчера был сильный дождь, — небрежно обронил Холмс.

— Ну и что? При чем здесь пасьянс?

— У миссис Хадсон застарелый ревматизм.

— Ну?

— Вы же доктор, Ватсон. Сложите два и два. Миссис Хадсон вчера еле шевелила руками из-за очередного обострения ревматизма! А признаться в этом ей мешало женское кокетство. О женщины, — вздохнул Шерлок. — Женщины... Кстати, именно с женщинами, точнее — с женщиной, связана моя просьба к вам — покинуть племянника и прийти на Бейкер-стрит.

Нахмурившись, я попытался проследить за причудливыми извивами мысли гениального детектива. Так ничего и не поняв, я небрежно спросил:

— Так, и зачем же я понадобился?

— Вам придется отбросить всё личное, — понизив голос, сказал Холмс. — Отбросить все, кроме профессионализма, и выслушать меня до конца.

Я понял всё в ту же секунду. О бедный Шерлок! Холостяцкая жизнь, частые визиты в лондонские притоны, необходимость притворяться то нетрезвым матросом, то частным адвокатом...

— Холмс, друг мой, — тихо сказал я. — Не пугайтесь. Многие мужчины проходят через это. Помню, в студенческие годы я сам... Впрочем, неважно. Медицина в наши дни сделала огромные успехи. С помощью раствора марганцовки, ляписа и горячей грелки я исцелю вас...

Холмс захохотал. Мне даже показалось, что мой бедный друг повредился в уме. Но уже через мгновение Шерлок успокоился и сказал:

— О нет, Ватсон! Я не подхватил триппер, вы ошиблись!

— Да?

— Да! Вы нужны мне как профессионал — помощник сыщика, а не как врач-профессионал.

Похвала от Шерлока была событием в нашей дружбе, и я невольно простил ему оскорбительный смех над медицинской наукой.

— Я слушаю вас, Холмс, — самым деловым тоном произнес я. Шерлок отхлебнул чая, поморщился, потом склонился ко мне и доверительным шепотом спросил:

— Вы помните сокровища Агры, Ватсон? Помните Знак Четырех?

— Как же мне не помнить? — изумился я. — Ведь в результате этого дела я обрел жену, очаровательную мисс Морстен.

— Как ее здоровье? — неожиданно спросил Холмс.

— Нормально...

Холмс кивнул с таким мрачным видом, словно его огорчила эта новость. Потом скорбно сказал:

— Ватсон, дорогой. Мы совершили ошибку в том деле, большую ошибку! Мы упустили настоящего преступника и стали причиной гибели невинного человека.

Ничто, ничто в этом мире не поразило бы меня столь сильно. Визит на Бейкер-стрит Ее Величества, женитьба Холмса, напившаяся рома миссис Хадсон, — о, я мог бы представить себе любое из этих событий. Но неудача в

расследовании, казалось бы, столь блестяще завершенного дела...

— Неужели нельзя ничего поправить? — с трепетом спросил я.

— Можно, — скорбно ответил Холмс. — Выпейте пока чаю, Ватсон, это закалит вас. И слушайте, слушайте... Ох как я не хочу говорить, но истина, друг мой, дороже всего. Итак, несчастный Бартоломью Шолто, владелец сокровищ Агры, был убит. И мы решили, что преступником был дикарь Тонга, слуга Джонатана Смолла...

— Да, и разве могут быть сомнения? Отравленная игла в ухе несчастного...

— Иглы могут втыкаться в свежий труп с той же легкостью, как и в живое тело, — зловеще сообщил Холмс.

— Бог мой, о чем вы?

— Ватсон, мне уже во второй раз сегодня приходится напоминать вам, что вы врач. Вы знакомы с растительными ядами... хотя бы понаслышке. Они действуют быстро, но не мгновенно. Неужели вы всерьез полагаете, что человек, в которого вонзилась отравленная игла, останется мирно сидеть в кресле, скорчив лишь злобную ухмылку?

— Ну...

— Ухмылка. Зловещий оскал на лице мертвеца. Ватсон, если бы Бартоломью был отравлен ядом, вызывающим судороги и спазмы, он просто слетел бы с кресла! Спазмы мускулатуры скинули бы его на пол.

— И правда, — с ужасом прошептал я. — Но как же...

— Его отравили, но отравили стрихнином, — грустно сказал Шерлок. — Отравили, дождались смерти и усадили обратно в кресло. Усадили, зная, что бедный дикарь проникнет в комнату через чердак и выстрелит! И убийство можно будет свалить на него.

— Но... но... это жуткое хладнокровие... расчетливость... кто?! Как можно было всё так точно рассчитать?

— Слушайте меня внимательно, Ватсон. Что мы имеем? Два брата-близнеца, Бартоломью и Тадеуш, часто ссорящиеся, недолюбливающие друг друга. Тадеуш пристально следит за судьбой Мэри Морстен, посылает ей жемчужины... предлагает поделиться с ней сокровищами. Бартоломью против. Кто еще участвует в драме? Старый негодяй и правдоискатель Джонатан Смолл... имя-то какое заурядное! Его слуга, пигмей, который едва может общаться с хозяином. Тот великодушно выучил пару пигмейских слов, а у Тонги и на это не хватило способностей. Далее. Верный слуга рода Шолто, индус Лал Рао, который почему-то вдруг решил пособлять Смоллу. Зачем, Ватсон? Лал Чавдар, отец

Рао, помог майору Шолто спрятать труп Морстена... А сын вдруг решил предать хозяина. Почему? Индусы верный народ, Ватсон!

— Как же вы все объясните, Холмс? — дрожа от нетерпения, спросил я.

— Дело обстояло так... Тадеуш, принимая искреннее участие в судьбе Мэри Морстен, рассказал ей о сокровищах и привел к Бартоломью. Он требует поделить сокровища на три части, после чего они с Мэри поженятся и откроют собственное дело — частный пансионат для девушек.

— Ох... — только и вымолвил я.

— Бартоломью против. Тогда Тадеуш и, простите меня, Ватсон, ваша будущая супруга убивают несчастного скупердяя. Усаживают в кресло... и просят верного Лал Рао, к которому давно подъезжает Джонатан Смолл, поддаться на его уговоры. И дать знать, что в этот вечер Бартоломью останется один... с найденными сокровищами! Джонатан вместе с пигмеем идут на дело. Они не ведают, что драгоценности уже заменены дешевой бутафорией. Пигмей «убивает» труп, возможно, понимает свою ошибку, но объяснить что-либо разгневанному хозяину не в силах. Два неудачника уносят поддельные побрякушки. Мисс Морстен приходит к нам, разыгрывает маленькую комедию... потом к ней подключается и Тадеуш, изображая из себя дурачка-ипохондрика. И мы верим им...

— Ой... ой... — простонал я.

— Джонатан выкидывает поддельные драгоценности в Темзу, пигмей убит нашими пулями... Мисс Морстен, очевидно и вправду полюбив вас, соглашается стать миссис Ватсон. Тадеуш, который ее любит, расстроен, но огромное состояние смягчает его муки. Верный Лал Рао на некоторое время садится в тюрьму... Тадеуш его после вознаградит. Меня смущает лишь одно: почему мисс Морстен до сих пор не сообщила вам о своей доле сокровищ? Видимо, ищет благовидный повод. А может, ее шантажирует бывший соучастник... Она вас любит, Ватсон, утешьтесь этим.— Шерлок выдержал паузу, затем тихо спросил: — Итак, что мы будем делать? Оставим все как есть или же дадим делу законный ход?

— Холмс... — простонал я. — Друг мой... Ваша логика безупречна... Боже! Моя жена — убийца! Что делать, я не знаю... Холмс...

Холмс захохотал.

— Как вы жестоки, — с чувством сказал я.

— Милый Ватсон! — Холмс подался ко мне. — Успо-

койтесь! Я лишь хотел показать вам, что методом дедукции можно доказать любые, прямо противоположные вещи! Детективу надо иметь еще и голову кроме знаний дедукции! Я пошутил! Бартоломью убил пигмей! Драгоценности на дне Темзы! Ваша жена невиновна!

Холмс снова захохотал и с криком: «Шампанского, Хадсон, шампанского!» — пальнул в потолок из револьвера.

— Вы сегодня несносны, — буркнул я сердито, раскуривая трубку. — Как вы можете? Издеваться над миссис Хадсон, пугать меня...

Холмс повернулся, и я увидел, что на глазах его блеснули слезы:

— Ватсон, дорогой, простите! Я не прав. Но войдите и вы в мое положение: вот уже три недели нет ни одного приличного дела. Я скучаю, Ватсон! Так скучаю!

— Мой бедный друг, — прошептал я. В моей голове родилась безумная мысль: а не организовать ли диковинное преступление? Похитить Биг Бен или обокрасть Тауэр? — Ради Холмса я готов был на всё.

— Я так сильно скучаю, — повторил Холмс. — Очень сильно. Шампанского! — И он опять выстрелил в потолок из револьвера.

В это мгновение дверь гостиной отворилась и колеблющейся походкой вошла миссис Хадсон. Но в руках у нее было не шампанское, о нет! В руках у нее была длинная кавалерийская сабля!

На какое-то мгновение мне показалось, что выведенная из себя старушка решила прекратить пальбу, отрубив Холмсу голову или по меньшей мере руки.

— Мистер Холмс, — невозмутимо сказала наша добрейшая миссис Хадсон, — незадолго до прихода доктора Ватсона, когда вы кололи себе утреннюю порцию кокаина и я не решалась вас беспокоить, к вам приходили два джентльмена со слугой-негром. Они забыли вот это...

Глаза Холмса засверкали. Он отложил трубку, бережно взял из рук миссис Хадсон саблю и принялся ее разглядывать. Потом повернулся ко мне:

— Ну, что вы можете сказать об этой сабле, Ватсон?

Его уныния как не бывало. Обрадованный такой переменой в своем друге, я принял клинок из его рук.

— Во-первых, — сказал я, стараясь во всем следовать методу Холмса, — это отличная кавалерийская сабля. С хорошим отвесом... острым клинком.

— Великолепно! — подбодрил меня Холмс.

— Во-вторых, — я задумался, — забыть саблю, боевое оружие, в чужом доме — это неслыханно!

— Так.

— И в-третьих — сабля очень потертая, побывавшая не в одном бою. Отсюда можно сделать вывод, ее владелец — пожилой отставной военный, кавалерист, страдающий склерозом и чем-то глубоко озабоченный.

— Блестяще! Блестяще! — завопил Холмс. — Вы превзошли себя, доктор!

Я скромно улыбнулся. Миссис Хадсон раскрыла было рот, но Холмс строго посмотрел на нее, и старушка промолчала. Тогда друг взял саблю обратно, внимательно осмотрел ее и сказал:

— Ну что ж, я могу сказать о владельце этой сабли следующее: это крепкий мужчина средних лет, служивший где-то в Индии, никогда не ездивший на коне, абсолютно лысый, любящий колбасу с чесноком и старающийся прочитать все попадающиеся на глаза книги и газеты. Сабля подарена ему другом.

Меня эти бездоказательные построения несколько рассердили.

— Холмс, — мягко сказал я, — сегодня вы не в лучшей форме.

Шерлок Холмс вздохнул и протянул мне саблю.

— Глядите, доктор. Сабля очень тяжелая, старик не сумел бы ее долго носить. А ножны изрядно потерты — но только не с правой стороны, как было бы, езди он на коне, а внизу. Вывод: это крепкий нестарый человек, обычно передвигающийся пешком.

— Но почему с кавалерийской саблей? — завопил я.

— Подарок, память о друге,— спокойно ответил Холмс.— Сабля выкована из дамасской стали, вывод: ее владелец служил в Индии. На клинке остались крошечные кусочки колбасы с чесноком, похоже, саблю использовали вместо столового прибора.

— Боевое оружие? Позор... — прошептал я.

— Это еще не всё, — соболезнующе сказал Холмс. — На жирном лезвии остались буквально микроскопические частички волос. Цвета их разглядеть не могу, но вывод напрашивается сам собой: владелец регулярно брил саблей голову.

Я схватил со стола бокал с шампанским и осушил его одним глотком.

— Ну и о книгах-газетах, — невозмутимо продолжил Холмс. — На тех же жирных пятнах остались частицы бумаги — как газетной, так и книжной.

— Ужасно, — пробормотал я. — Неслыханно... К чему идет Англия?

— Самое интересное, что владелец сабли — не англичанин, — задумчиво сказал Холмс, закуривая. — Но доказать это дедуктивно я не могу. Пока.

Некоторое время мы молча курили, глядя в камин. Потом я спросил у миссис Хадсон:

— Холмс не прав, ведь верно?

— Прав, — кротко ответила старушка. — Лысый мужчина средних лет, от него пахло чесноком, он читал «Таймс», разрезая страницы саблей. Очень загорелый, вот как вы, когда только приехали из Афганистана. С ним еще были...

— Молчите, Хадсон, молчите! — закричал Холмс. — Дедукция подсказывает мне, что мы найдем в прихожей еще что-нибудь! И сделаем вывод о спутниках офицера самостоятельно!

Через минуту мы уже были в прихожей. Зоркие глаза Холмса обежали комнату, потом он вскрикнул и поднял стоящий у дверей ботинок.

— Это ваш? — с благоговейным ужасом спросил он.

— Нет, — признался я с сожалением. Ботинок был хороший, кожаный, но без пары и слишком большого размера, чтобы стоило на него претендовать.

— Удивительно, — прошептал Холмс. — Потрясающе... Забыть трость — естественно. Забыть саблю — возможно. Но забыть ботинок... Что вы о нем скажете?

Наученный горьким опытом, я изучал ботинок минут пять. Потом рискнул сделать предположение:

— Его владелец — мужчина с ногами.

Несколько мгновений Холмс озадаченно смотрел на меня. Затем робко спросил:

— Всё?

— Всё! — ехидно сказал я.

— Да, не поспоришь, — согласился Холмс. — Можно только добавить. Владелец ботинка — молодой парень, худощавый, с большими руками и ногами. А еще он притворяется шотландцем, солнечно-рыжий, в хороших отношениях со своим слугой-негром, таскает с собой волынку, на которой не умеет играть, регулярно бреет ноги и носит толстые шерстяные носки.

Я присел на тумбочку для зонтиков и спросил:

— Бог мой, но как? Как вы сумели понять это?

— Если бы вы читали мой трактат об обуви и характере ее владельцев, то никогда бы не задали такого вопроса. — Холмс похлопал меня по плечу. — Такие ботинки может носить лишь молодой и худощавый парень. Что касается остального... На ботинке мелкие рыжие волосы — ботинконо-

ситель брил ноги уже после того как обулся. Но как он мог это сделать в брюках? Вывод — он носит шотландскую юбочку, кильт. Раз он ушел, забыв ботинок в такую прохладную погоду, значит, на нем были толстые шерстяные носки. Но шотландцы не носят носков!

— Да? — поразился я.

— Да, — подумав, сказал Холмс. — Мне так кажется. Если же владелец ботинка носит шотландскую юбку, но при этом надел носки — значит, он лишь притворяется шотландцем! А любой выдающий себя за шотландца будет повсюду таскать волынку. Но играть на ней не сможет — это чисто шотландский порок... Что там я ёще говорил?

— Слуга-негр, — напомнил я, — в дружеских отношениях с лжешотландцем.

— Самое слабое звено моих предположений, — признал Шерлок. — Я делаю этот вывод лишь на основании того, что ботинки хорошо начищены. Значит — у слуги с якобы шотландцем хорошие отношения. А что слуга — негр, нам сказала миссис Хадсон. Придется поверить ей.

— Честное слово! — возмутилась миссис Хадсон.

— Ладно, поверим в вашу наблюдательность, — решил Холмс.

На несколько минут мы погрузились в раздумья. Потом Шерлок опустился на колени и стал ползать по полу.

— Вы что-то нашли? — спросил я.

— Нет, но давайте поищем! — предложил Холмс. Я послушно опустился рядом, и мы принялись ползать по полу вместе.

— Вы уж извините, я тут давно не прибирала, — созналась миссис Хадсон.

— Да, я вижу, с прошлого вторника, — рассеянно ответил Холмс, заползая под диванчик, на котором обычно сидели наши посетители. И тут же оттуда донесся его вопль.

— Что случилось? — Я попытался прийти к Холмсу на помощь, но вдвоем мы под диваном не помещались.

— Дорогу, Ватсон! — кричал Холмс. — Шампанского, Хадсон! Это самая удивительная находка в моей жизни! Мышь! Мышь!

— А-а-а!!! — завопила миссис Хадсон, с неожиданной ловкостью запрыгивая на тумбочку для зонтиков.

— Не бойтесь, она в клетке! — сообщил Холмс, выныривая из-под дивана.

— Тогда я пошла за шампанским, — успокоилась миссис Хадсон. — Снимите меня, доктор!

— Для вас, миссис Хадсон, все что угодно! — сказал я, галантно снял старушку с тумбочки, отнес на кухню и вернулся к Холмсу. Мой гениальный друг сидел на диванчике, поставив на колени небольшую металлическую клетку вроде тех, в каких обычно держат канареек. Он внимательно смотрел на маленькую черную мышь, которая, в свою очередь, сердито смотрела на Холмса.

— Ничего не понимаю, — горестно признался Холмс. — Мышь! В клетке! Если я не ошибаюсь — самочка, из вида Мус Минутус, мышь-малютка... Кто посадил ее в клетку? Зачем? И почему носил с собой? Ничего не понимаю.

Миссис Хадсон принесла нам шампанское и строго напомнила:

— Мистер Холмс, уже девять часов. Вы пропускаете время вечерней инъекции!

— Мне не до кокаина, — грустно сказал Холмс. — Я чувствую, что столкнулся с совершенно удивительной загадкой. Сабля, башмак и мышь! Ватсон, если вам еще не надоели ваши литературные опыты, можете назвать это дело «Делом плененной мыши». Или «Делом шотландского ботинка».

— Я не столь оптимистически настроен, — признался я. — Даже если удивительная троица вновь посетит нас, все равно их дело может оказаться вполне заурядным.

— Люди, пришедшие с заурядными делами, не забывают клеток с мышами, — торжественно сказал Холмс. — Пройдемте в гостиную, выпьем чаю, покурим, я сыграю на скрипке... Надо подумать об этом удивительном деле.

Мы вернулись в гостиную, но не успели еще набить трубки, как внизу затренькал колокольчик.

— Бегу-бегу, — прошелестела миссис Хадсон, направляясь к двери.

— Я уверен, что это они, — сказал Шерлок. — Эх, сюда бы Лестрейда с его револьвером... Ладно, возьмите с камина хлыст, а мне дайте кочергу.

Спрятав под креслами орудия самообороны, мы напряженно уставились на дверь.

— Бегу-бегу, — доносился с лестницы голос миссис Хадсон. — Уже почти открываю дверь!

— Вы думаете, будет драка? — спросил я.

— Надо быть готовым ко всему, — туманно ответил Холмс. — Не внушают мне доверия наши гости, Ватсон. Что-то с ними нечисто...

Наконец миссис Хадсон впустила посетителей. Мы услышали, как они раздеваются в передней, потом по лестнице затопали тяжелые шаги.

— Дедукция подсказывает, — прошептал Холмс, — что это будет самое удивительное и мистическое приключение в моей жизни!

— Удивительней собаки Баскервилей? — поразился я.

— Во сто крат! — уверенно сказал Холмс и громко крикнул: — Войдите!

Дверь медленно открылась, и в гостиную вступила удивительная троица. При виде ее у меня улетучились все сомнения в сложности предстоящего дела, а рука сама полезла под кресло, за хлыстом.

Первым шел высокий мужчина, в жилах которого, судя по чертам лица, текла и капля азиатской крови. Одет он был в военный мундир колониальной армии. Был он абсолютно лыс, щеки и подбородок тоже казались выскобленными до блеска. От незнакомца явственно несло чесноком. Из одного кармана кителя торчала свернутая в трубку газета, из другого — маленький томик, в котором я не без гордости узнал собственные «Записки о Шерлоке Холмсе», любезно выпущенные полгода назад мистером Конан Дойлем.

Следующим шел молодой рыжий парень. Был он настолько рыж, что в печально знаменитом «Союзе рыжих» достоин был бы занимать место председательствующего. Под мышкой парень небрежно держал полуспущенную волынку. Клетчатый кильт доходил ему до колен, далее тянулись голые ноги, слегка посиневшие от холода и покрытые частыми порезами от регулярного бритья. Толстые шерстяные носки на ногах разительно отличались друг от друга: один носок был девственно чист и, если не считать заплатки на месте большого пальца, вполне приличен; зато другой весь оказался заляпанным жидкой уличной грязью. В довершение картины на руках у парня были толстые кожаные перчатки.

Третьим шел негр. Вид его немедленно напомнил мне о тяжком бремени белого человека — ибо негр был из тех, что явно нуждаются в дрессировке. Исполинского роста и телосложения, с копной курчавых волос на голове и в цветастой набедренной повязке, негр походил на людоеда из детских сказок. В носу его болталось огромное золотое кольцо, за пояс был заткнут длинный кинжал.

— Мы имеем честь видеть мистера Шерлока Холмса? — вежливо осведомился мужчина восточной наружности.

Вместо ответа Холмс выпустил клуб дыма из трубки и спросил:

— Могу ли я узнать, кому понадобился Холмс?

Военный кивнул, как бы извиняясь за свою напористость.

— Позвольте представиться. Мистер Мак-Смоллет, — он указал на рыжего парня, который торопливо поклонился и заискивающе улыбнулся Холмсу. — Вождь Иванду, — и огромный негр отвесил нам поклон. — И наконец, ваш покорный слуга — генерал Кубату.

Холмс молча курил. Потом поинтересовался:

— И что же привело ко мне мистера Мак-Смоллета, вождя Иванду и генерала Кубату?

С тяжелым вздохом Кубату опустился в ближайшее кресло, даже не спрашивая разрешения. Впрочем, Мак-Смоллет и Иванду скромно остались стоять у двери.

— Нас привела беда, мистер Холмс. Но прежде чем я изложу все обстоятельства дела, столь же запутанного, сколь и необычного, позволено ли мне будет спросить: свободны ли вы в данный момент?

Холмс пожал плечами и ответил:

— Преступный мир никогда не оставляет меня без работы. Но я готов выслушать вас, генерал... Только вначале ответьте: это ваше?

И Холмс выхватил из-под стола саблю.

— Моя... — нервно хлопая рукой по бедру, отозвался Кубату. — Боже! Я забыл саблю в вашей прихожей, разрезая свежую газету...

— А это — ваше?! — с напором спросил я Мак-Смоллета, поднимая за шнурок шотландский ботинок. Мак-Смоллет удивленно посмотрел на свои ноги и тихо сказал:

— Моя... Мой то есть.

— А это тогда чье? — ласково поинтересовался Холмс, водружая на столик клетку с мышью. — Возможно, это животное отважного Иванду?

Негр замотал головой. Зато Кубату, потупившись, пробормотал:

— Мистер Холмс, позвольте признаться... Зная, что вы беретесь лишь за самые необычные дела, мы специально оставили в вашем доме клетку с мышью. Мы надеялись заинтересовать вас...

— Вы вполне заинтересовали меня, забыв ботинок и саблю, — сурово заметил Холмс, но голос его показался мне довольным. — Так что это за таинственное дело, которым вы так надеетесь меня заинтересовать?

Кубату засунул саблю в ножны, подался вперед и зловещим шепотом сказал:

— Речь идет о жизни детей, мистер Холмс. О жизни двух мальчиков, похищенных жестоким злодеем.

Шерлок удивленно поднял брови:

— Похищенные дети? Вы хотите сказать, что кто-то похитил *детей* и угрожает им смертью?

— Да, — без особой дрожи в голосе сказал Кубату.

Меня прошиб холодный пот. Если генерал не врал... Мы действительно столкнулись с ужасающим, беспримерным преступлением. Пока я приходил в себя, Холмс, чьи нервы были покрепче, сухим, резким тоном потребовал:

— Обстоятельства дела!

— Вы беретесь? — в тон ему по-деловому поинтересовался Кубату.

— Всё, что в моих силах, — отрывисто сказал Холмс. — То, что вы сообщили, неслыханно... Рассказывайте.

Кубату вздохнул и начал:

— Я, как вы могли заметить, мистер, полукровка. Отец мой был сикхом, мать — англичанкой. История их любви и брака, одобренного губернатором Индии, достойна отдельного повествования. Скажу лишь, что, получив лучшее из доступных в Индии образований, я поступил на службу Ее Величества и дослужился до чина генерала. Но речь не обо мне... Итак, последним местом моей службы был Пенджаб. Благодаря отменным физическим и душевным качествам, скромности и обаянию я был на хорошем счету в пенджабском гарнизоне... Впрочем, дело и не в этом. Итак, вернувшись из служебной поездки в Америку (добавлю, что ранее мне не приходилось покидать пределы Индии, а тут поехал за границу, и причем сразу в Соединенные Штаты), я продолжил службу Ее Величеству. Впрочем, речь не о ней. Среди моих друзей был некий английский археолог, забавный и милый человек, чья жена, тоже археолог, не менее мила. Два сына археологов, мальчики одиннадцати и двенадцати лет, были очень привязаны ко мне. Не имея собственной семьи, я относился к ним с большой нежностью и старался по мере сил передать хоть малую толику своих обширных знаний и навыков. Правда, Смол... Смоллет?

Ничуть не обидевшись на такое панибратское обращение, Мак-Смоллет кивнул.

— Итак, благодаря моим рассказам и личному примеру дети были очень ко мне привязаны. Особенно младший. Несколько месяцев назад, как раз после возвращения из Аме-

рики, где я повидал много интересного и поучительного, например американские библиотеки и магазины... О чем я? Итак, после своего возвращения в Индию я увидел, что дети чем-то встревожены. Ненавязчивые вопросы и такт позволили мне узнать о происшедшей за время моего пребывания в Америке истории. Отец мальчиков, как я уже говорил, археолог, раскопал некий древний и полузабытый храм, посвященный отвратительной индийской богине Кали. Богиня эта...

— Я в курсе, — повторно набивая трубку, сказал Холмс.

— Итак, богиня эта, — ничуть не смутившись, продолжил Кубату, — очень отвратительна. А ее поклонники — еще хуже. К несчастью, вблизи храма жил некий престарелый индийский маг, по общему мнению окрестных жителей — бессмертный. Этот маг, решив, что археолог оскорбил святыню индийского народа, пригрозил ему страшной карой. А именно: он заявил, что дети археолога умрут. Я как мог успокаивал своих юных друзей. Но недавно они исчезли. Имеются все основания предполагать, что маг выполнил свою угрозу и похитил мальчиков. Однако мы смеем надеяться, что дети еще живы. Поэтому я, а также дальний родственник археолога Мак-Смоллет и преданный слуга археолога Иванду отправились в путь. К вам, мистер Холмс! Лишь вы способны спасти детей, принести счастье их родителям, успокоение мне и солидное вознаграждение самому себе.

— Насколько солидное? — заинтересовался я, зная, что друг мой ничуть не заботится о своем благосостоянии.

— Тысяча, — кратко ответил Кубату.

— Чего? — растерялся я. — Шиллингов?

— Гиней. Золотых гиней,— заискивающе улыбнувшись, ответил Кубату.

— Никогда не думал, что археология — столь прибыльное занятие, — меланхолически заметил Холмс, посасывая трубку.

— Дело в том, — внезапно вступил в разговор негр, — что я — большой вождь мальгашского племени пога-тири. Я обязан археологу жизнью. И готов отдать все золото нашего племени для спасения его наследников.

Изъяснялся негр на прекрасном чистейшем английском языке, и я проникся к нему и его трогательной верности хозяину невольным уважением.

— Как были похищены дети? — внезапно спросил Холмс. — И почему вы думаете, что они еще живы? И где предполагаете их искать?

— А на эти вопросы, — пожав плечами, сказал Кубату, — я отвечу лишь после того, как вы подтвердите, что беретесь за розыск детей.

Наступило тягостное молчание. Прервал его Холмс:

— Приходите завтра в это же время. Я должен все обдумать.

Ни Кубату, ни Мак-Смоллет, ни отважный Иванду не проявили признаков нетерпения или обиды. Откланявшись, они вышли из гостиной. Лишь на столе осталась клетка с черной мышью, а на полу — вновь забытый Мак-Смоллетом ботинок.

Мы с Холмсом продолжили разговор после чудесного ужина, поданного миссис Хадсон. Баранья отбивная была просто великолепна, кларет отличался изысканным букетом, а к турецкому чаю я уже начал привыкать.

Набив поплотнее трубки, мы с Холмсом уселись друг против друга, и я поинтересовался:

— Итак, Холмс, что мы будем делать? Вы беретесь за это дело?

— Очевидно, — без убежденности в голосе ответил Холмс.

— Вас что-то беспокоит?

— Да, есть одна мелочь, — отозвался знаменитый детектив. — Девяносто процентов сказанного Кубату — ложь.

— Почему?

— Долго объяснять, Ватсон. Скажу лишь, что какие-то исчезнувшие дети, видимо, и вправду существуют. Но вот причины, по которым Кубату — будем пока называть его так — и его странные спутники ищут детей... Здесь не все так просто. Тысяча гиней...

Холмс покачал головой. Потом, отпив немного чая, оглушительно свистнул и лукаво посмотрел на меня. Не скрою — я догадался, что произойдет.

— Звали, мистер Холмс? — печально поинтересовалась миссис Хадсон, перемещаясь из коридора в холл.

— Звал, — радостно подтвердил Холмс. — Миссис Хадсон, дорогая, не позовете ли вы мою нерегулярную гвардию?

— Натопчут... — вздохнула миссис Хадсон, покидая комнату.

— Холмс, вы не правы, — с укором заметил я. — Нельзя посылать старую больную женщину за уличными мальчишками.

— Да? А плату за квартиру повышать правильно? —

неожиданно взорвался Холмс. — Половина моих доходов уходит на аренду жилья!

— Вы давно могли бы выкупить дом или переехать, — неуверенно предложил я.

— Переехать? А как же я буду жить без нашей дорогой миссис Хадсон? Я так привык к ее ворчанию, к ее бифштексам, к ее плавной поступи... Не просите, Ватсон.

Сбитый с толку, я лишь покачал головой. Да, мой гениальный друг имел свои слабости и недостатки.

Мои размышления прервал гвалт ввалившихся в холл детей. Это были те самые лондонские гамены, юные бездельники с Бейкер-стрит, которые предпочитали зарабатывать на жизнь не мытьем кэбов на перекрестках или продажей газет на углах, а выполнением мелких поручений Холмса. День и ночь они толпились у дверей, лучше любой вывески показывая, где живет детектив.

— Звал, начальник? — стараясь казаться солидным и взрослым, сказал старший из них, юноша лет шестнадцати.

— Есть дело, — просто ответил Холмс.

— Раз плюнуть, — небрежно ответил юнец и в доказательство своих слов плюнул на дорогой персидский ковер.

— Надо проследить кое за кем, — не обращая внимания на поведение гостя, продолжил Холмс.

— За лысым офицером, шотландцем в одном ботинке и негром? — осведомился юнец. — Мы уже проследили, на всякий случай.

— Отлично! — Холмс потер руки, встал с кресла и оглядел свою «гвардию». — Растете, ребята!

— Стараемся, начальник, — гордо ответил самый младший, добывая из кармана рваных брюк сигарный окурок. — Огонька не найдется?

— У тебя за спиной целый камин, — осадил зарвавшегося ребенка Холмс. — Сколько с меня?

— По гинее каждому... ну и по три шиллинга за оперативность, — осторожно предложил старший.

Холмс, не споря, расплатился, и предводитель гаменов начал свой рассказ:

— Короче, так... Живут эти лохи в гостинице «Бодливый бык». Не гостиница, а тьфу! — одно название. Снимают комнату с тремя постелями. Негр тоже на кровати спит, совсем как человек. Под кроватью у шотландца кожаный чемодан, тяжелый — жуть! Я пробовал приподнять, чуть руки не оторвал. У офицера и негра вещей почти и нету. Так, ерунда, унести — раз плюнуть. Когда они от вас ушли,

то вначале заглянули в лавку ювелира на Нельсон-стрит, семнадцать. Что-то ему продали, я не разглядел — стекла в лавке грязные. Тоже мне, ювелир-грязнуля, тьфу на таких! Вот и всё. Сейчас сидят в гостинице, едят говяжьи почки с хреном. Тьфу, гадость...

— Свободны, — коротко поблагодарил детей Холмс и принялся бродить по комнате, старательно обходя заплеванное место.

Я, приоткрыв рот, следил за ним. Мне иногда кажется, что если приглядеться хорошенько, как думает Холмс, то можно стать сыщиком не хуже, чем он. Вот только у меня с наблюдательностью плохо.

— Кстати, Ватсон, вы тоже свободны, — вдруг обронил Холмс. — Вас ждут жена и племянник.

— Как вы догадались?

— Уже второй час ночи, доктор.

С криком «Кэб! Кэб!» я выскочил на улицу.

После небольшой, но содержательной беседы с женой я спал как убитый. Но в пять утра меня разбудили.

— Вставайте, доктор, вас ждут пациенты, — громко прошептал мне кто-то в самое ухо. Спросонок я не сразу узнал голос. Конечно же, это был Холмс.

— Нельзя так шутить, Шерлок, — укоризненно сказал я, натягивая брюки. — И вообще... Я хочу спать, у меня много дел сегодня...

— Ну, Ватсон, не врите, — Холмс покачал головой. — Вы же весь дрожите от радости, что я заглянул за вами. И эта радость оправданна! Дело принимает неожиданный оборот.

— Я не от радости дрожу, а от холода, — заметил я, озираясь в поисках рубашки. — Жутко холодно сегодня.

— Это потому, что окно открыто.

— А почему...

— Потому что я через него влез. Не хотелось будить ваших домашних. Ни слова больше, доктор, поспешим!

Я покорно вылез за Холмсом в окно и уселся в поджидающий нас кэб. Там уже сидели трое, в ком я с удивлением узнал Лестрейда и двух полицейских в штатском.

— Привет, Ватсон! — заорал на всю улицу Лестрейд. — Дело крайне секретное и опасное. Обещайте хранить тайну о том, что услышите!

Из окон начали высовываться проснувшиеся обыватели, но, к счастью, возница тронул, и мы двинулись в путь.

— Обещаю, обещаю, — покорно сказал я.

— Так-то, — сразу успокоился Лестрейд. — А то знаю

я вас, писателей. Пишете обо всем, что на глаза попадется. Людей хороших обижаете, тайны государственные выдаете... У вас ведь такая добрая профессия, Ватсон! Вы доктор! Вы должны лечить людей! Это ваше призвание!

— Хотите, вас полечу? — поинтересовался я. — Вы явно простужены.

— Ну уж нет, — Лестрейд покачал головой. — Если врач писать начал... Нет ему больше веры.

Оскорбленный в лучших чувствах, я громко спросил Холмса:

— Шерлок, а зачем вы пригласили Лестрейда? Неужели дело столь опасно?

— Вы ошибаетесь, доктор, — грустно сказал Холмс. — Это Лестрейд пригласил меня и, по моей просьбе, вас. Скотланд-Ярд заинтересовался загадочной троицей одновременно с нами.

Кэб громыхал по каким-то узким и темным переулкам, а я напряженно обдумывал услышанное. Ничего не надумав, спросил:

— А с каких это пор полицию стали интересовать пропавшие дети, Лестрейд?

— Какие дети? — удивился Лестрейд. — Речь идет о подрыве британской экономики! И, вероятно, о шпионаже!

Вот что рассказал мне Лестрейд...

Два дня назад на рынок золота стали поступать необычные слитки. Мало того, что они имели форму куриного яйца и состояли из металла высочайшей пробы. Неизвестные продавали золото по смехотворно низким ценам. Рынок, столь чуткий к малейшим неожиданностям, тут же пришел в движение. Заколебались курсы ценных бумаг, в Сити началась легкая паника. По личному распоряжению министра финансов было начато расследование. И выяснилось, что слитки продает странная троица: человек, выдающий себя за генерала британской армии, молодой шотландец и здоровенный негр.

— Это иностранная диверсия! — брызгая слюной, хрипел Лестрейд. — Ди-вер-си-я! Мамой клянусь, тут замешана Америка, Германия либо Россия!

— А может быть, Африка? — предположил я. Лестрейд подумал.

— Возможно. Всё возможно. Наш долг — спасти Англию от ужасов экономической паники, а честных людей — от разорения. Этот лжегенерал и его сообщники угодят за решетку!

— Вы думаете, что он не генерал? — рискнул я поинтересоваться. Лестрейд захохотал:

— Конечно! Мы связались с министерством обороны, с колониальным управлением, с военно-морским флотом Ее Величества. Нет такого генерала!

— Какая наглость, — с чувством произнес я.

Дальше мы ехали молча. Утренний туман застилал улицы, стучали на камнях колеса кэба, Холмс задумчиво курил, а Лестрейд вполголоса повторял: «Нет такого генерала. Нет!»

О Англия! О любимая родина! Как отступают перед лицом истинной опасности, внешней угрозы все личные разногласия! Как сплачиваемся мы, англичане. И никогда над Британской империей не зайдет солнце, пока каждый из нас готов отставить прочь личную выгоду и временно заняться спасением Отечества.

— Приехали! — просипел Лестрейд. — Они еще спят, я думаю. Возьмем негодяев тепленькими...

Мы выбрались из кэба возле маленькой унылой гостиницы с невыразительной вывеской, на которой значилось: «Бодливый бык». Разбуженный портье, едва увидев значок Лестрейда и дубинки полицейских, тут же согласился помочь нам в спасении Отечества. Поднявшись на второй этаж по скрипучей деревянной лестнице, мы остановились перед дверью с номером восемь.

— Тут, — шепнул портье и поспешил удалиться. Мы его не задерживали. Дело было слишком опасным, чтобы брать с собой безоружного человека.

Холмс приник ухом к двери и тут же сделал нам знак: «Тише!» Мы замерли. И услышали доносившиеся из-за двери голоса:

— Я все равно молчать не буду! Продешевили!

— Шотландец! — шепнул Холмс.

— Откуда мне было знать цены на золото? — возразил за дверью другой человек, в котором я опознал Кубату. — Точнее, я знал. Я тщательнейшим образом проштудировал справочники, но реальность...

— Сами признаются, диверсанты! — завопил Лестрейд, сообразивший, о чем идет речь. — Ломайте дверь, джентльмены!

Мы дружно налегли на дверь, и та, конечно же, не выдержала. Вместе с обломками досок мы влетели в скудно обставленный гостиничный номер. Первым, кого мы увидели, был негр Иванду, который сидел на кровати и водил точильным камнем по своему дикарскому кинжалу. За сто-

лом сидел Мак-Смоллет, по инерции продолжавший оживленно жестикулировать. Он был в одной юбке, и его тощая волосатая грудь произвела на меня незабываемое впечатление. Лжегенерал Кубату, в теплых кальсонах и при сабле, расхаживал по комнате. Наше появление застало их врасплох.

— Джентльмены, — сипло рявкнул Лестрейд. — Именем Ее Величества вы арестованы!

Полицейские многозначительно положили руки на дубинки. Я за неимением оружия принял боксерскую стойку. Один Холмс стоял задумчивый и отрешенный от окружающего.

— Почему это арестованы, позвольте спросить? — вскрикнул Мак-Смоллет, поднимаясь из-за стола. — А, Холмс! Спасите нас от произвола!

— Вы арестованы за подрыв британской экономики, контрабанду, мошенничество, подлог документов и, предположительно, похищение детей! — радостно сообщил Лестрейд.

Отстранив Мак-Смоллета, вперед вышел Кубату. Подтянул кальсоны, улыбнулся мне, дружески протянул Холмсу руку, ничуть не смутился, что тот ее не пожал, и произнес:

— Господа! Прежде чем произойдет то, что, увы, произойдет, позвольте сказать несколько слов.

Покосившись на его саблю и кинжал негра, Лестрейд кивнул.

— Во-первых, подрыва экономики не было. Дешевое золото могло пойти Британии только на пользу. Во-вторых, границ мы не пересекали, так что о контрабанде речь тоже не идет. В-третьих, мы те, за кого себя выдаем...

— Вы не генерал!

— Генерал. Правда, не английской армии, но...

— Шпионы! — Лестрейд радостно посмотрел на Холмса. — Я был прав! Как тебя зовут на самом деле? Джон? Фриц?

— В-четвертых, что самое главное, — продолжал генерал-шпион, — мы прибыли к вам частным образом, надеясь на помощь мистера Холмса, гениального детектива, в спасении детей...

Не стоило Кубату называть Холмса гением при Лестрейде! Ох не стоило!

— Взять их, ребятки! — завопил сыщик и бросился на Мак-Смоллета, справедливо определив его как самого безопасного противника.

И тут — началось!.. Я вместе с одним из полицейских попробовал задержать негра, чей кинжал внушал нам резонное опасение. Однако негр к оружию не прибег. С криком «Размахнись рука!» он отвесил вначале полицейскому, а потом и мне по чудовищной затрещине. Отлетая в угол, я успел еще заметить, как Кубату саблей выбил дубинку у второго «бобби»... А Холмс невозмутимо раскуривал трубку. Потом милосердный обморок скрыл от меня развязку побоища...

Часть первая
КОРОЛЕВСКИЙ ПИНГВИН

Глава первая,

в которой я дважды падаю в обморок, Шерлок Холмс что-то понимает, и начинаются самые фантастические поиски в истории человечества

(Рассказ продолжает доктор Ватсон)

— Ватсон, милый, очнитесь... — тормошил меня Холмс. Я открыл глаза и спросил:

— Мы победили?

— Ну что вы как маленький — победили, проиграли, — недовольно ответил Холмс. — Ничья.

Ничья заключалась в том, что полицейские со стенаниями потирали ушибы и шишки, Лестрейд сидел в кресле и улыбающийся Мак-Смоллет прикладывал к его лбу холодный компресс. Иванду вновь точил кинжал. У Кубату и Холмса под глазами появились симметричные синяки.

— Вы неплохо знаете джиу-джитсу, — сообщил Холмс Кубату, приведя меня в чувство.

— Работа такая, — скромно ответил лжегенерал.

— Все равно я вас арестую, — со слезами в голосе простонал Лестрейд. — Все равно! Возьму подмогу и арестую... Ой, моя голова...

— Голова — кость, что с ней сделается, — утешительно сказал ему Мак-Смоллет. — Вот я сколько раз головой бился — никаких изменений в самочувствии не наблюдалось!

— Выслушайте меня, джентльмены, — вновь предложил Кубату. — А потом... потом делайте так, как подскажет вам совесть.

— Говорите, — предложил Холмс.

— Начнем с того, что я солгал. Но лишь потому, что правда чудовищнее и удивительнее лжи. Дело в том, что мы трое родились в две тысячи пятисотом году от Рождества Христова. Ну, приблизительно.

— Хе-хе, — сказал Лестрейд. А я подумал, что страх

перед арестом замечательно стимулирует человеческую фантазию.

— Выслушайте меня, а потом делайте выводы, — поморщившись, предложил Кубату. И вот что он рассказал...

По словам генерала-шпиона, через шестьсот лет вся наша Земля объединилась в единое государство. Кубату был генералом всепланетной армии, которая защищала Землю от злых венерианцев. Мак-Смоллет и Иванду являлись его подчиненными. Но и в двадцать пятом веке встречались злодеи! Один из них, гениальный, но преступный ум, похитил двух ребятишек и спрятал их самым тщательным образом, причем, как подозревал Кубату, — в прошлом. Веке так в двадцатом или в двадцать втором... Не в силах найти детей сами, Кубату и его друзья решили обратиться к лучшему сыщику всех времен и народов — Шерлоку Холмсу. С помощью чудесной машины, позволяющей передвигаться во времени, они прибыли в Лондон начала двадцатого века. Но поскольку боялись, что Холмс им не поверит, придумали затейливую историю об индийском маге и археологе с двумя детьми...

Мое писательское самолюбие было несколько задето фантазией Кубату. Я, конечно, отдавал должное новомодным сочинениям вроде недавно вышедшей «Машины времени» молодого писателя Герберта Уэллса. Но построить на этой забавной гипотезе такую чудовищную ложь... Иронически улыбнувшись, я покачал головой. Лестрейд стонущим голосом хихикнул и жестом попросил Мак-Смоллета сменить ему повязку. Лишь Холмс сохранял серьезный вид. О, мой гениальный друг умел притворяться!

— И чем же вы можете доказать столь удивительную историю? — поинтересовался он. — Не сомневаюсь, что, если вы убедите нас в своей искренности, добрейший инспектор Лестрейд отпустит вас в двадцать пятый век... ну и меня с Ватсоном туда же, помогать вашим розыскам.

— В двадцать пятый век? Отпущу, отпущу, — просипел Лестрейд. — Докажите только... шпионы!

— Докажем, — не выказывая растерянности, заявил Кубату. — Сейчас, только штаны натяну...

Через минуту троица была уже одета. Лестрейд зорко поглядывал на нее, побитые полицейские насторожились, да и мне закралась в голову мысль: может, вся ложь имела единственной целью расслабить нас?

— Итак, — профессорским голосом сказал Кубату, — наша машина времени осталась в двадцать пятом веке. Чтобы вернуться туда, мы все должны зайти в этот шкаф...

— Куда-куда? — заволновался Лестрейд. Подскочил к огромному платяному шкафу, открыл дверки. Шкаф оказался совершенно пуст, лишь на полке лежала пара грязных носков, которые Мак-Смоллет поспешил стыдливо спрятать в карман юбки. Лестрейд на всякий случай заглянул под шкаф, подвигал его, убеждаясь, что никакого потайного хода нет, и картинно взмахнул рукой:

— Прошу!

Кубату держался великолепно. Ни единым жестом он не дал понять, что его игра проиграна. Галантно уступил Холмсу право первым войти в шкаф, потом предложил мне последовать примеру друга.

Я решил продолжать игру до конца и зашел в шкаф. Следом втиснулись Кубату, Мак-Смоллет и Иванду. Честно говоря, в шкафу, хоть тот и отличался большими размерами, стало тесновато. Кубату торжественно прикрыл дверцу, и наступила тишина.

— Что теперь? — спросил Холмс. — Вам надо дернуть за рычаг или произнести заклинание?

— Зачем же? — гордо спросил Кубату. — Мы уже приехали. Открывай дверцу, Смол... Мак-Смоллет!

— Не могу, руки заняты, — сдавленно ответил Мак-Смоллет. — Я Иванду держу.

— Герой, — согласился Кубату и толкнул дверцу — судя по звуку, ногой.

Я первым выглянул из шкафа, готовясь иронически улыбнуться Лестрейду. Но Лестрейда снаружи не было. Не было и полицейских.

Честно говоря, даже гостиницы «Бодливый бык» снаружи не было. Глазам моим предстал огромный зал, уставленный длинными рядами книжных шкафов. Я оглянулся, проверяя, рядом ли Холмс, и плавно опустился ему на руки.

— Что-то вы стали частенько падать в обморок, — с сочувствием сказал Холмс, обмахивая меня какой-то книжкой.

— Последствия афганского ранения, — нашелся я. — Где мы?

Холмс вздохнул:

— Как ни трудно мне это признать — но, видимо, в двадцать пятом веке. Оглядитесь, Ватсон.

Я встал и последовал его совету. Помещение, где мы оказались, было, судя по всему, большой библиотекой. При виде множества книжных шкафов я испытал некоторую радость — потомки наши были образованными и свет-

скими людьми. За спиной у меня стоял здоровенный шкаф, из которого мы, судя по всему, и вылезли. Шкаф оказался слегка поломан: он стоял на трех ножках, вместо четвертой была небрежно подложена толстая книга. Я поморщился. Все-таки истинная культура до двадцать пятого века не дожила.

Библиотека располагалась в большом сводчатом зале, напомнившем мне средневековые замки. В окнах виднелся чудесный сельский пейзаж — ивы, березки... пальмы, бамбуковая рощица. Я потер глаза, но смешение растительности осталось.

— Где мы? — вопросил я.

— В Африке, — отозвался подошедший Кубату. — Африка, двадцать пятый век. Вам нравится?

— Ничего, — вынужден был признать я. — Удивительно. Вы не лгали... Простите мои сомнения, сэр.

Кубату расцвел в улыбке.

— А по воздуху вы летаете? — Мое любопытство не давало мне покоя.

— Еще как!

— А электричество нашло самое широкое применение в быту?

— Широчайшее! Правда, здесь, на острове Мадагаскар, оно не в чести. Здесь сохраняется патриархальный, я бы даже сказал, отсталый образ жизни. Зато тут в ходу магия.

— Я был прав, — оживился Холмс. — Развитие науки не мешает развитию спиритизма!

— Иногда даже способствует, — с неожиданно кислым видом согласился Кубату. — Что ж, господа, перекусим — и за работу?

Мы кивнули и прошли следом за Кубату в еще более роскошный, хотя и мрачноватый зал. Там уже суетились Мак-Смоллет и Иванду, сервируя необъятных размеров стол. Меню отличалось некоторой странностью: нам подали соленое свиное сало и соленые же огурцы, свежее молоко и спелые бананы, вареное мясо с горохом. Я не сразу рискнул приступить к такому взрывоопасному обеду, но Холмс шепнул мне: «Ватсон, мы в гостях у потомков, соблюдайте их обычаи!»

И мы соблюли.

После обеда, когда Иванду подал десерт — зеленые бананы, манго и восхитительную настойку на кокосовом молоке, — мы закурили трубки и вернулись в библиотеку для беседы.

— Я понимаю, — расхаживая вдоль книжных шкафов,

заявил Кубату, — как вам хочется узнать о мире двадцать пятого века, о чудесных переменах в науке и культуре, обществе и искусстве. Увы, пока я не могу многое вам рассказать. Замечу лишь, что все народы Земли ныне слились в единое государство, культура невиданно расцвела, а преступления очень редки. Поэтому мы и были вынуждены потревожить вас, Холмс, и вашего неизменного помощника — доктора Ватсона. Да. А электричество, Ватсон, нашло у нас самое широкое применение!

— И зачем же мы понадобились? — поинтересовался Холмс. — Как я понимаю, сказку о пропавших детях можно отложить в сторону. Речь идет о чем-то неизмеримо более важном...

Кубату всплеснул руками:

— Что вы, что вы! Речь именно о детях! И я почти не лгал вам: двух мальчиков, чьи родители — археологи, похитил жуткий злодей, маг и волшебник, обитавший прежде в этом замке!

Холмс сконфуженно потер переносицу.

— Да, и моя дедукция дает сбои... Но как я могу вам помочь, ведь я не знаю вашего мира, языка, обычаев...

Кубату вздохнул:

— Холмс, весь ужас в том, что дети спрятаны не в настоящем мире!

— А какие еще бывают? — жадно поинтересовался я.

— Вам ли не знать, Ватсон! Вы же писатель!

— Ну...

— Что вы делаете каждый вечер?

— Мою ноги перед сном, — признался я. Беседа с Кубату чем-то напоминала мне разговоры с Холмсом.

— Я не о том! Что вы делаете дальше?

Я почувствовал, что краснею, но спорить с потомком не решился.

— Ну... снимаю верхнюю одежду, надеваю кальсоны... По пятницам и средам... вам обязательно надо это знать?

— Да нет же, по каким дням вы спите с женой, мне неинтересно. Хотя советую сменить пятницу на субботу, равномернее... Но интересует меня другое: когда вы пишете?

— По утрам! — обрадовался я безопасной теме.

— Вот! По утрам вы творите. Создаете Вымышленные миры.

— Никакие не вымышленные, — обиделся я. — Правда и только правда.

— А если бы чуть-чуть присочинили? Написали бы книжку, где Шерлок Холмс — добродушный толстяк, раз-

водящий орхидеи и разгадывающий преступления не выходя из дома?

— Заманчивый образ... — вздохнул Шерлок.

— Ну, это был бы вымышленный Холмс.

— Вот именно! Вы создали бы Вымышленный мир!

— Но ведь только на бумаге!

— Все, что создает человеческий разум, существует в реальности! — важно заявил Кубату. — Едва писатель откладывает перо, как созданный им мир начинает жить сам по себе!

— Кошмар, — признался я. — Любая книжка так оживает?

— Да!

— И романчики ужасов, и непристойные французские сочинения?

— Да! Конечно, если книжка тупа и бездарна, то мир ее зачахнет, захиреет и станет нежизнеспособным.

— Простите, что перебиваю вашу интересную дискуссию, — произнес Холмс, — но позвольте узнать, в какой Вымышленный мир злой чародей спрятал детишек?

— Вот это вы и должны выяснить, — торжественно заявил Кубату.

— Где свершилось преступление?

— Здесь, — Кубату обвел руками море книг.

— Да, — только и произнес я. Вокруг было не менее десятка тысяч томов. Все лучшее, что создал человеческий гений за два с половиной тысячелетия, собралось, вероятно, в этой библиотеке. Сколько их, оказывается, было — гениев!.. Но Бог мой, каким же образом Холмс найдет нужную книжку?

— Позвольте узнать, — ничуть не смутившись, спросил Холмс, — как происходит сам процесс путешествия в Вымышленный мир? Вероятно, действует чудесная и сложная машина?

— Работающая с помощью электричества! — добавил я.

Мак-Смоллет неожиданно хихикнул, но под строгим взглядом Кубату тут же принял серьезный вид.

— Увы, — признался Кубату. — Техника наша, даже с помощью электричества, не способна на такое. В Вымышленные миры можно проникнуть лишь с помощью магии. Этот самый злой колдун, в чьем замке мы находимся, скрылся в неизвестном направлении, но перед этим соорудил... э... э... Магический шкаф!

И Кубату торжественно указал на тот самый шкаф, из которого мы недавно вылезли!

— Забавно, — ледяным голосом сказал Холмс.

Кубату нервно заулыбался:

— Ваша обида естественна, но ошибочна, дорогой Шерлок! Шкаф, как видите, слегка поломан — у него не хватает одной ножки. Если вместо нее подставить книгу — то можно зайти в шкаф и выйти в том мире, который описан в книге. Соответственно, войдя в том мире в любой шкаф, вы сможете вернуться обратно. Но, Холмс! Если подложить вместо художественной книжки реалистическое сочинение, как, например, рассказы доктора Ватсона о вас, — то шкаф будет работать вместо обыкновенной машины времени!

— Так это *моя* книга? — вскричал я, поспешно выхватывая из-под шкафа несчастный томик. Да, это была моя книжка, содержащая не меньше трех десятков рассказов о моем гениальном друге. Я бережно погладил переплет и открыл томик. Так... статья об авторе... Мне бросились в глаза слова: «Вспомним: спутнику главного героя романа большой дороги положено оттенять его качества...» Да, верная мысль! Что там дальше?.. «...и доктор Ватсон исправно выполняет эту задачу». Хм. Несколько грубовато... я ведь все же автор! Перелистнув страницу, я наткнулся и на такую хамоватую фразу: «Правда, доктору Ватсону однажды довелось выслушать от своего друга слова одобрения». Ничего себе! Холмс меня часто хвалит! Но прочитать хоть чуть больше я не успел. Кубату выхватил книгу у меня из рук и укоризненно покачал головой:

— Что вы делаете, доктор! Некорректно читать чужие книги без разрешения!

— Это моя книга! — взорвался я. Но Кубату продолжал качать головой, а потом шепотом спросил:

— Вы что, хотите узнать из библиографической справки о том, в каком году умерли? Или как сложилась ваша семейная жизнь? Или когда умер уважаемый Холмс?

— Упаси Господь! — воскликнул я. — Этого ведь уже не изменишь?

— Никоим образом, — вздохнул Кубату. — Вы не беспокойтесь, вам еще немало осталось, каждому бы такое долголетие... Но зачем с ужасом ждать рокового дня?

— Всё-всё. — Я понял причину поспешности Кубату и перестал тянуться к книжке.

— Да, путешествия во времени таят в себе удивительные и страшные тайны, — промолвил Холмс. — Путешествия во времени... Да... Расскажите мне немного об этой зловещей фигуре, этом Мориарти двадцать пятого века, этом маге и чародее.

— Для дела? — поинтересовался Кубату.

— Конечно!

— Иванду, расскажи-ка ты! — предложил Кубату негру. И пояснил: — Он с этим злодеем давно воюет. Иванду, если честно, здесь вроде полицейского...

Негр почесал затылок, встал, откашлялся, вытащил и спрятал кинжал, затем произнес:

— Злодей наш — фигура страшная, просто сказочная. Ростом средний, пухленький, выглядит моложаво, хотя лет ему — ой как много! Шутник, прикольщик, но шуточки у него все злые, под стать натуре.

— Черный юмор, одним словом! — весело воскликнул Мак-Смоллет, но под тяжелым взглядом негра поспешно зажал рот руками.

— Злой юмор, — мрачно сказал Иванду. — Аккуратист он еще, педант. Бананы не любит. Людоедствует помаленьку. В науке толк знает. К женскому полу прохладен, к мужскому агрессивен, боя... писателей терпеть не может.

— Это еще почему? — возмутился я.

— Сам когда-то бумагу марать пробовал, да как увидел, что плохо получается, в науку подался. В душе лентяй, но скрывает сие тщательно. Университет закончил, магией занялся... ну и натворил делов.

— Думаю, информации хватает, — улыбнувшись сказал Холмс. — Вполне хватает.

— Да? — задумался Кубату.

Холмс, не обращая на него внимания, прошелся вдоль книжных шкафов, вынимая и разглядывая некоторые книги. Осмотрел Магический шкаф. Закурил трубку, подумал и произнес:

— Итак, у нас есть около двадцати книг, в которых могут быть спрятаны дети.

— Так много? — страдальчески спросил Кубату.

— Минуту назад у вас был выбор из нескольких тысяч томов, — резонно заметил Холмс.

— Тогда не будем тянуть,— со вздохом сказал Кубату.— Иванду! Надень штаны и рубашку! Мак-Смоллет! То же самое!

— Может, не надо? Я в юбке меньше потею.

— Как хочешь, конечно, но за последствия будешь отвечать сам, — весело ответил Кубату и потер руки. — Наконец-то! Начинаем!

Пока Иванду переодевался, а Мак-Смоллет задумчиво оправлял юбку, Холмс достал из ближайшего шкафа какую-то книжку и показал ее Кубату. Тот замахал руками:

— Нет, нет и нет! Я не хочу знать, куда мы попадем!

— Почему? — поразился Холмс.

— Мне это не нужно, — гордо ответил Кубату. — Я большой знаток литературы, для меня будет удовольствием узнать книжку по первым же страницам... то есть минутам.

— Как угодно. — Шерлок подложил книжку под шкаф, толкнул его (шкаф стоял прочно) и удовлетворенно улыбнулся.

— Вперед! — Кубату бросился в шкаф и гордо выкрикнул из его недр: — Я никогда за чужой спиной не прячусь, первым в бой иду!

Мы последовали за отважным генералом.

В шкафу было тихо и довольно-таки уютно. Пыхтел Мак-Смоллет, позвякивал саблей Кубату, терпко пах Иванду. Я прижал губы к самому уху Холмса и шепнул:

— Честно говоря, до сих пор не могу поверить в происходящее. Машина времени — еще куда ни шло... Но ожившие книги?

— Вам стало стыдно, Ватсон? — проницательно спросил Холмс. — Что ж... У каждого врача есть свое кладбище, а у каждого писателя, как видите, наоборот.

— Что «наоборот»? — возмутился я.

— Ожившие персонажи. — Холмс хихикнул.

— Приехали, думаю, — подал голос Мак-Смоллет. — Начальник, выметаемся?

— Я первый! — храбро сказал Кубату и начал путешествие по шкафу, пробираясь к выходу. Увы, было слишком тесно, и поскольку он зашел первым, то честь выйти навстречу опасностям выпала Иванду. Точнее, выпал он сам.

...Да, Кубату не врал. Мы действительно оказались в ином мире!

Спустившись по шаткой деревянной лесенке, мы увидели уютный дворик, окруженный двух-трехэтажными домами. Посреди двора стояло странное дощатое сооружение, откуда мы и выбрались. Его дверца поскрипывала, шатаясь на петлях и позволяя рассмотреть кучи птичьего помета на полу будочки.

— Курятник? — предположил Мак-Смоллет. — Помню, однажды...

Холмс взял на палец немного помета, растер, рассмотрел и удовлетворенно кивнул:

— Голуби. Это голубятня.

— Что ж, мир достаточно спокойный, — зорко глядя по сторонам, заметил Кубату. — Если дети здесь, то им по крайней мере ничего не угрожает...

Вслед за Кубату и Мак-Смоллетом мы двинулись по двору. Замыкал шествие Иванду с обнаженным кинжалом в руках. Двор был тихий и безлюдный, заросший какими-то желтыми цветочками и в изобилии усыпанный конфетными фантиками.

— Надо найти аборигена, — рассуждал вслух Кубату. — Узнать новости... Холмс, теперь вы нам верите?

— Разумеется, — извлекая трубку, сказал Холмс. — На кокаиновое опьянение происходящее не похоже. Я горжусь не только своим трезвым умом, но и вниманием к тайнам Востока и достижениям спиритизма.

— Молодец! — решительно одобрил Холмса Кубату. — Во! Аборигены!

Мы как раз вышли из дворика и остановились на широкой безлюдной улице, вымощенной крупным булыжником. Невдалеке виднелось здание цирка, возле которого толпилась кучка народа.

— Интересно-интересно,— бормотал Холмс, едва не проглатывая от волнения трубку. — Однако, Ватсон, это очень развитая страна! Или же в книге описан мир будущего.

— Почему?

— Видите — у цирка электрические фонари.

— Восхитительно! Какой чудесный, яркий свет они должны давать ночами! — воскликнул я. — Как сияет весь этот город! Интересно, как он называется?

— Сейчас узнаем, — зловеще прошептал Кубату, высовываясь из подворотни. По улице как раз пробегал мальчик лет одиннадцати, одетый только в сандалии и красные ситцевые трусики.

— Малец! — зазывно позвал Кубату.

— Чего? — откликнулся малец.

— Хочешь конфетку?

— Ищи дурака! — фыркнул невоспитанный ребенок. Но тут же заколебался. — А конфета какая? Шоколадная?

— Ага! — гордо сказал Кубату и похлопал Мак-Смоллета по плечу: — Конфету, майор!

Мак-Смоллет вздохнул и извлек из кармана юбки конфету в яркой обертке. Мальчик с сочувствием оглядел шотландца, потом взял у него конфету и спросил:

— Чего надо-то?

— Мальчик, — начал Кубату, — а не видел ли ты здесь двух ребятишек, твоих ровесников? Одного зовут Стас, а другого — Костя. Мы их ищем.

— Еще конфеты есть? — по-деловому подошел к вопросу мальчик. Кубату требовательно посмотрел на Мак-Смоллета. Тот виновато улыбнулся.

— Нет, — упавшим голосом сказал генерал.

— Значит, не видел, — пожал плечами мальчик и убежал, на ходу разворачивая конфету.

— Мои познания в литературе дают осечку, — хмуро признался Кубату. — Я не узнаю этой местности. А что можете сказать вы, Холмс?

— Мы находимся в городе на берегу реки в день большого праздника. Сейчас июнь, население города чем-то обеспокоено, но старается не подавать виду.

— Поразительно! — воскликнул Мак-Смоллет, украдкой извлекая из кармана конфету и засовывая ее в рот. Да, воинская дисциплина в будущем хромала. — Почему река, почему праздник, почему июнь?

— Пахнет водой — но не соленой, вдоль улицы развешаны флаги и транспаранты, у цирка цветут кусты желтой акации, которая зацветает в июне, — лаконично объяснил Холмс. — Предлагаю прогуляться по городу, ознакомиться с обстановкой и продолжить поиск похищенных детей.

— Согласен, — кивнул Кубату.

Около часа мы гуляли по набережной, с любопытством разглядывая развешанные повсюду плакаты и лозунги. Смысл их по большей части был непонятен. Вот, например: «Пятидневке — ура!» Или: «Перейдем реку досрочно и вброд!» А самый частый и странный лозунг гласил: «Проискам нэцкистов — решительное фу!»

— Что такое нэцки? — спросил Мак-Смоллет.

Кубату покрутил ус и ответил:

— Нэцке?.. Куколки такие маленькие, восточные.

По улицам сновали люди — в большинстве своем мальчики разного возраста. Девочек и взрослых практически не было, а изредка встречавшиеся выглядели крайне смущенными, как бы чувствуя свою неуместность. Потом мы услышали гул моторов, и по улице медленно проехало пять черных мотоциклетов. Механизмы эти выглядели великолепно, и я уверился, что это и впрямь фантастический мир. Молодые парни в белых рубашках и шортах, сидевшие на мотоциклетах, проводили нас внимательными взглядами.

— Ох, что-то готовится, — тоскливо сказал Иванду. — Чую!

Инстинкты негра не подвели. Над городом вдруг прокатился колокольный звон, и люди засуетились, торопливо двигаясь в одном направлении. Нас подхватило толпой и понесло. Взрослых стало больше, они выскакивали из домов и присоединялись к потоку, опасливо озираясь по сторонам.

Из переулков выезжали рычащие мотоциклеты, образовавшие сплошное кольцо вокруг толпы.

— Куда нас ведут? А? — запаниковал Мак-Смоллет. — Чего-то мне это не нравится...

Кубату молчал. Он казался растерянным. Холмс зорко оглядывался по сторонам. Я начал припоминать порядок первой помощи при травмах, потому что толпа густела и несколько человек уже едва не упали под ноги идущих. Мы медленно приближались к мосту, перекинутому через реку.

— Привет, туристы!

Мы оглянулись. Людским водоворотом к нам прибило того самого проворного юнца, что польстился на шоколадные конфеты.

— Что происходит? — взял быка за рога Мак-Смоллет.

— Праздник Перехода Реки, — пожал плечами мальчик. — Ну вы и темные...

Иванду, явно болезненно воспринимающий цвет своей кожи, помрачнел. А Мак-Смоллет истерически воскликнул:

— Ты нам зубы не заговаривай! Что за праздник? А то вмиг уши надеру!

Толпа двигалась тихо, и слова Мак-Смоллета услыхали все. От нас шарахнулись как от прокаженных. Мальчик удивленно приподнял брови. А со всех сторон уже протискивались парни в белых рубашках и шортах, побросавшие свои чудесные мотоциклеты. С некоторым удивлением я понял, что нас подхватывают под руки и волокут.

— Еще порядочными притворялись, впятером шли! — выкрикнул тощий прыщавый юнец, глядя, как нас утаскивают. — Я сразу понял — провокаторы! Да здравствуют Ветерки!

— Ура! — нестройно ответила толпа.

— Что вы себе позволяете? — возмущался Кубату. — В чем дело?

— Как в чем? — Темноволосый желтоглазый парень, явно предводитель мотоциклетчиков, ехидно прищурился.— Вы грозили избить невинного ребенка!

— Не избить, а уши надрать! — возмутился Мак-Смоллет. — И это ведь просто фигура речи! Слова!

Парень помрачнел:

— А слова — это, по-вашему, не обидно? Мальчик, тебе было очень горько?

Выбравшийся из толпы вместе с нами мальчик пожал тощими плечами:

— Ну... Не так чтобы очень... Умеренно.

— Умеренно — но больно! Эх...

— Что делать-то будем? — осведомился у предводителя рыжий, интеллигентного вида юноша. — Сделаем внушение и отпустим?

— Внушениями тут не отделаться, — предводитель махнул рукой. — К Яру их!

Нас повели вдоль берега, к маленькой трибуне, возвышавшейся у моста. Оханье и писк толпы стали тише. Многие падали в воду, но не выбирались на берег, а с радостными возгласами форсировали реку.

— Яр... Яр... — бормотал Кубату. — Я знаю это имя! Я читал! Я вспомню...

— Быстрее вспоминай, — нервно ответил Мак-Смоллет. — В расход пустят, падлы! Ох и зачем я на это подписался...

Трибуна была обсажена молодыми тополями и выглядела очень уютно. В простом деревянном кресле сидел пожилой мужчина, потягивавший что-то из пузатой бутылки с надписью «Верона» и с довольным видом поглядывавший на переправу в бинокль.

— Подозрительных типчиков привели, — сплюнув, сказал предводитель мотоциклетчиков. — Мальчика обидели, ведут себя странно.

— Юра, не кипятись, — осадил его пожилой. — А вдруг люди издалека? Надо разобраться.

— Как знаешь, пап. — Парень облокотился на перила трибуны и с показным безразличием уставился на реку. В этот момент Кубату гулко хлопнул себя по лбу и заорал:

— Ярослав Игоревич? Родин? Скадермен? Очень приятно познакомиться!

Старик расплескал свой напиток и подозрительно уставился на генерала:

— Откуда вы меня знаете?

— Да кто ж вас не знает! — веселился Кубату. — Рад, очень рад встрече!..

Все разинув рты глазели на нас. Старик размышлял. Потом спросил:

— Если можно, один вопрос. Напоследок... Земля, город Нейск, магазин мужской одежды. Это не вы стояли в витрине, одетый в костюм аквалангиста?

— Н-нет, нет, н-не я, — неожиданно начал заикаться Кубату.

— А похожи... Бей их, ребята!

В ужасном положении, в которое мы попали, бить нас было нетрудно. Сплошное кольцо народа вокруг, да еще наша растерянность... К счастью, мотоциклетчики повели

себя очень странным образом. Они разбежались вокруг широким кольцом (лишь Юра грудью прикрыл старика) и принялись кидать в нас маленькими мячиками, слаженно выхватывая их из карманов. Точность попаданий была замечательной, но ввиду легкости оружия серьезного ущерба мы не понесли.

— Ходу! — взвизгнул Мак-Смоллет, и мы помчались. Ох как мы мчались! Впереди несся Иванду, раскидывая нападавших, за ним мы с Холмсом, а Кубату и Мак-Смоллет прикрывали отход.

— Яшка, особыми — огонь! — кричал за спиной Юра. Через секунду Мак-Смоллет взвизгнул.

— Что случилось? — поинтересовался на бегу Холмс.

— Падлой буду, они в шарики свинец залили!

— Значит, бежим быстрее, — рассудил Шерлок.

Погоня отстала — молодежь принялась взнуздывать свои мотоциклеты.

— Узнали книгу? — полюбопытствовал у Кубату Холмс.

— Узнал. Знаменитый русский детский роман.

— Детский? — Холмс не скрывал своего удивления. Да и я поразился. Ох уж эти загадочные русские души!

— Да, но это не сам роман. То, что мы видим, происходит лет через десять после описанных в нем событий... Интересно. Вымышленные миры порой развиваются в непредсказуемых направлениях...

— Вынужден вас огорчить, — Холмс казался смущенным, — в этой книге пропавших детей нет.

— Огорчить? Да вы меня обрадовали! Но почему нет?

Холмс загадочно улыбнулся и твердо сказал:

— Нет. Гарантирую.

— Тогда бежим... Где бы нам обнаружить шкаф приличных размеров? А!

Вслед за Кубату мы вошли в дом, над дверью которого красовалась вывеска: «Таверна "Пустой город"». Вопреки названию она оказалась не пуста, а, напротив, — полна мокрых, веселых, довольных людей, попивающих за столиками вино. Видимо, грелись после переправы.

— Шеф, давай задержимся? — оживился Мак-Смоллет.

— Забыл, как свинец под ребра бьет? — каменным голосом ответил Кубату, решительной поступью направляясь в дальний угол таверны. Там сквозь табачный дым проступал солидный платяной шкаф.

Посетители поглядывали на нас, но ни о чем не спрашивали. Возле шкафа мы выстроились в небольшую очередь. Кубату открыл шкаф, вытащил оттуда гору одежды самых разных фасонов, сложил на пол. Сурово сказал:

— Первыми уходят Холмс и Ватсон. Мы с Иванду прикрываем.

Под удивленные возгласы посетителей мы втиснулись в шкаф. Возгласы стихли. Добросовестно посидев в шкафу с полминуты, Кубату распахнул дверцу. Признаюсь, мне было страшновато — а ну как чудесное изобретение не сработает и мы вновь окажемся перед разгневанными мотоциклетчиками?! Но все было в порядке. Книжные полки, пальмы и березки за окном...

Холмс бережно вынул из-под закачавшегося шкафа книгу, положил ее на стол, стал отбирать новые тома. Спросил у Кубату:

— Отдохнем или как?

— Отдохнем, — решил генерал. — Чайку попьем, бананов покушаем. Такое приключение надо зажевать... Шерлок, а почему вы решили, что в этой книге нет наших детей?

— Элементарно, Кубату. — Холмс присел на стопку книг и знакомым мне тоном произнес: — Как я понял, маг ваш — фигура весьма зловещая. Раз уж он решил учинить детям пакость, то в детскую книгу их никогда не пошлет. Выберет что-нибудь другое...

— Вот паразит! Морда бессмертная! — возмутился Иванду. — Что учинил!

— Если нам в детской книге так бока намяли, — потер ушибленную поясницу Мак-Смоллет, — то что же во взрослой маячит?

Кубату, который явно гордился своей начитанностью, мудро изрек:

— Отображение реальности, дорогой Мак-Смоллет, нередко утрирует жизненные коллизии, трудности, человеческую агрессивность. Это естественно, поскольку придает повествованию занимательность. Нам придется быть предельно осторожными, чтобы не сгинуть среди книг.

— О-хо-хо, — вздохнул негр. — Кащей проклятый!..

— Кто? — не понял я.

— Кащей, — раздраженно пояснил Кубату. — Мага так зовут — Кащей Бессмертный!

Глава вторая,

в которой Кащей встречает дикарей

Лысый генерал произнес это с такой значительностью в голосе, что и Холмс, и Ватсон почувствовали себя несколько уязвленными. Для них имя это было пустым звуком.

...Для них, но не для внимательного читателя, знакомого с историей острова Русь. Он помнит, как закованный в цепи Манарбит после восстановления этномагического поля вновь обернулся злыднем Кащеем и проводил своих незваных гостей проклятьями и угрозами. Далее события развивались так...

На третьи сутки пребывания в неволе Кащей поклялся озолотить того, кто его освободит. На седьмые передумал и решил только пообещать озолотить, а после освобождения наоборот: превратить своего спасителя в какую-нибудь особо мерзкую тварь. К концу третьего месяца Кащей, приобретший за этот срок привычку разговаривать сам с собой, торжественно произнес вслух:

— Клянусь, когда меня освободят, я не стану тратить силы на того, кто это сделает. Нет. Я уничтожу *весь* этот гадкий мир, в котором я, самый могущественный волшебник, подвергаюсь неслыханным унижениям!

В тот же миг, подобострастно кланяясь на ходу, в камеру пыток просеменил невесть откуда взявшийся поп Гапон.

Кащей сообразил, что не стоит посвящать Гапона в свой новый, только что выдуманный, план, и вскрикнул с притворной радостью:

— Гапончик! Милый! Ты ли это?!

— Я, Кащеюшка, кто же еще.

— Вот радость-то, вот радость, — забренчал оковами Кащей. — Ну-ка, Гапончик, помоги мне отсюда выбраться. Будем с тобой мед-пиво пить, усов у нас нет, так что всё в рот попадет. Жить будем дружно...

Тут только осмыслив беспомощность своего вчерашнего господина, Гапон выпрямился, расправил плечи. Приосанился:

— Жить дружно? С тобой, что ли, козел? — Он прошелся вдоль Кащея, проверяя надежность цепей, и добавил: — Мед-пиво пить? Да с тобой хоть с усами, хоть без усов ничего в рот не попадет. Ты же всё приколы строишь! Кто мне банан из слоновой кости подсовывал? А?! А кто в зелено́ вино слабительного намешал? Кстати, мед с пивом ничуть не хуже подействуют...

Не удержавшись, Кащей хихикнул от приятности воспоминаний, но тут же, взяв себя в руки, взмолился:

— Да это я по дружбе, Гапончик! Ты ж мне как брат родной!

— Как брат?! — покачал головой Гапон. — А не ты ли мне говорил, что правильно свет мой — Алена Соловь-

инишна — к Муромцу убегла, что, мол, зачем ей такой, как я, заморыш дебильный?

— Заморыш, Гапончик, — это значит гость заморский, важный, и не дебильный вовсе я говорил, а дебелый — рослый да здоровый.

— Не знаю такого слова, — нахмурился Гапон.

— Словарь Даля почитай! — посоветовал Кащей. — И вообще, шутил я!

— Ясненько. Освободить я тебя освобожу. Дай только придумаю, чего за это просить с тебя да как сделать, чтобы ты от обещаний своих не отрекся.

С этими словами Гапон уселся на стоящую поодаль плаху и тяжело задумался.

— Предложеньице есть, — первым нарушил тишину Кащей минуты через три.

— Выкладывай, обмозгуем.

— Думаю, нет тебе ничего милее, как стать князем русским заместо Владимира, а княгиней — чтоб Соловьинишна была. Это я тебе запросто устрою. А во-вторых, как сделать, чтоб я свое обещание выполнил. Нужно взять с меня честное Кащеево слово...

— О-ха-ха! О-хо-хо! — схватился за живот Гапон. — По первой-то части я с тобой согласен: князем быть — это хорошо. А вот с честным словом твоим — это ты загнул, загнул...

— Ты что же, тать, не веришь мне?! — грозно вскричал Кащей, вспылив, но тут же и осекся. — Ладно, будем считать, первая часть принята за основу. Давай про вторую думать.

Они вновь надолго замолчали. Первым опять взял слово Кащей:

— Ничего нам не придумать. Как ни поверни, все равно я тебя обхитрить смогу. Так что или поверить тебе придется мне на слово, или уж не знаю что.

— Погодь-погодь, — перебил его Гапон. — Есть одна мыслишка! Дай додумать, не мешай...

Кащей нетерпеливо побренчал цепями, но произнести еще хоть слово не решился. А Гапон принялся излагать свою гениальную идею:

— В цепи тебя Иван со своими басурманами заковал, так?

— Ну, так...

— Оттого они это сделать смогли, что прибор твой колдовской отключили, верно?

«Он слишком много знает», — подумал Кащей, а вслух согласился:

— Верно.

— Почему ты, несмотря на всю силу свою колдовскую, освободиться не можешь? Потому что руки закованы, а тебе, кроме заклинаний, еще и пассы специальные надо делать. Так?

— Так, — неохотно признал Кащей.

— От прибора нить волшебная тянется к дубу, где яйцо хрустальное хранится. Если ниточку эту обрезать, то ты снова силу свою потеряешь!

— Только попробуй!!! — взъярился Кащей.

— Не боись, не буду. Мне это самому невыгодно. Так я поступлю: освобожу тебе одну руку, пилку дам. А сам возьму ножницы да с нитью той рядышком сяду. Ежели ты супротив меня коварство какое измыслишь, вмиг ту нить перережу, и снова ты силу потеряешь.

— Не перережешь! — злобно сверкая глазами, заявил Кащей. — Ты тогда и сам другим человеком станешь.

— А мне терять нечего, — захихикал Гапон, — я и с прибором человек маленький — попик Гапончик, советник княжий да Кащеев. И без прибора — литературный критик, тому обучающий, чего сам делать не умею. Так что обрежу, будь спокоен.

Кащей сник, а Гапон, схватив пилку, перепилил оковы на правой руке, отдал инструмент и опрометью выскочил из камеры.

Освободившись (для скорости Кащей пилил не цепи, а собственные конечности, тут же вырастающие заново), чародей выбежал из дворца. Гапон сидел на поляне, в одной руке держа кабель транслятора, а в другой — ножницы. Мелко трясясь и хихикая, Гапон крикнул:

— Эй, Кащей, сделай-ка мне сюда еды побольше, а то ведь проголодаюсь!

— Я те что, холоп дворовый? — огрызнулся Кащей.

— Ну как хочешь, как хочешь — закивал головой Гапон. — Режу!

— Тьфу ты, навязался на мою голову, — проворчал в сердцах Кащей, затем что-то прошептал и взмахнул руками. С громким хлопком и бирюзовой вспышкой возле Гапона возникли три корзины — с фруктами, пирогами и бутылями.

— И колбаски, колбаски еще! — крикнул Гапон. — Да получше.

Ударив его по затылку, с неба свалилась палка сервелата. Глаза Гапона расширились:

— Ты так больше не шути, Кащеюшка,— крикнул он.— Я ниточку-то чуть было уже не перерезал. Лучше делом зай-

мись. На всё тебе три дня даю, как положено. А потом — пеняй на себя. Ну-ка расскажи, как обещание свое выполнить думаешь?

— А вот это уж фиг тебе,— отрезал Кащей.— Сказал — сделаю. Как — не твоя забота.

Со словами этими он повернулся к Гапону спиной и воротился в замок. Уселся на трон и задумался. Выполнять обещанное Гапону он не собирался, это само собой. Другая мысль глодала его — как весь мир уничтожить? Не так-то это легко, если учесть, что сила его действует только в пределах острова. Да и тут ДЗР-овцы снуют... Кащей скривился от неприятного воспоминания и для успокоения взял нелюбимый фрукт — банан.

Но мысль о ДЗР-овцах не отступала, и вдруг Кащей почувствовал, что она же может ему чем-то и помочь. Департамент реальность защищает, он же хочет ее уничтожить. Значит, нужно выяснить, что реальности угрожает, и этим воспользоваться...

На мгновение Кащея посетила неприятная мысль: «А сам-то я не исчезну вместе с реальностью? — Но он без труда отогнал ее: — Нет, быть того не может. Я ж бессмертный». Этномагическое поле действовало на умственные способности своеобразным образом.

Тут-то и припомнилась Кащею похвальба Смолянина: о том, как они спасли мир, вернув в свое время каких-то пацанов...

«Вот! — мысленно вскрикнул Кащей. — Выкрасть отроков да упрятать понадежнее!» От волнения он засунул в рот так и не очищенный банан и сжевал его, не обращая внимания на кожуру.

«Как выкрасть? — принялся он бегать туда-сюда по тронному залу. — Где схоронить? Здесь разве? Нет, тут ДЗР-овцы уже побывали, могут снова пробиться! Убить? Нет, лучше чего-нибудь посмешнее придумать...»

Выскочив в дверь, он сбежал по каменной лестнице, метнулся в подземелье. Двери камер были распахнуты настежь, пленники отпущены — значит, и это помещение ненадежно. Вернувшись в тронный зал, он наткнулся на другую дверь: туда, став Кащеем, он за ненадобностью не заходил никогда. На двери, шевеля губами, Кащей прочел: «Библиотека» — и с трудом вспомнил, что это означает. Из всех книг Кащей уважал лишь свои собственные былинки, высмеивающие князя Владимира, богатырей да боянов.

За дверью обнаружились длинные ряды запыленных стеллажей с книгами. Они занимали все обширное поме-

щение, оставляя место только письменному столу и старому шкафу в углу. И тут Кащей аж присел от удовольствия: вот прикол-то! Он спрячет драгоценных отроков в книгу! Пусть их там попробуют найти! Вперив взгляд в платяной шкаф, Кащей забормотал волшебную тарабарщину и взмахнул руками. Грохнуло, вспыхнуло, и шкаф отныне превратился в магический прибор, переправляющий любого желающего в вымышленный книжный мир. А в какой, зависит — вот прикол-то! — от того, какую книжку под шкаф заместо сломанной ножки подсунешь.

Он схватил для проверки какой-то том, сунул его под просевший угол, открыл дверцу и забрался внутрь. Посидел пару секунд, размышляя, как же действует его волшебство, и решительно полез обратно.

...И оказался на залитом солнцем берегу океана!

Кащей огляделся. Его окружала непроглядная тропическая чаща. Ни одной березки или клена — сплошные пальмы и инжир. И никаких следов человека... Тут Кащей испугался. Ведь, согласно произнесенному им заклинанию, чтобы вернуться назад, он должен был войти в любой шкаф того вымышленного мира, в который попал! Магическая интуиция подсказывала ему, что если создать в этом мире шкаф при помощи колдовства, действовать надлежащим образом тот не будет. Шкаф должен быть местный, плоть от плоти этой книжки!

— А вдруг этот остров — необитаем? — с дрожью в голосе спросил себя Кащей. И сам же задал встречный вопрос:

— Совершенно необитаем?

— То есть абсолютно!

По спине злодея прошла дрожь. Он храбро возразил сам себе:

— Я шкаф тогда сооружу!

— Без топора не выйдет.

— А я топор в лесу найду! — по-детски схитрил Кащей.

— Найдешь топор — и что же? Ты размахнешься по сосне — а трахнешь по ноге!

«Заговариваюсь, — подумал Кащей. — Откуда здесь сосны?» Однако замечание внутреннего голоса насчет ноги и топора было так обидно, что он завопил:

— Но почему?!!

— Да потому, что никогда и ничего не делал в жизни сам!

Да, это было верно. И, прекратив спор, Кащей уныло

побрел вдоль берега. Что же делать? Как вернуться и угробить весь мир? И вдруг...

— Обитаем! Обитаем! — завопил Кащей, чуть не запрыгав от радости. На узкой полоске мокрого пляжа он обнаружил след босой ноги и, радостно приплясывая, пропел: — Я готов целовать песок, по которому ты ходил... Только кто?

И тут невдалеке послышались гортанные крики и грохот барабанов. Кащей, приплясывая еще веселее, двинулся на звук. Но, приблизившись и выглянув из-за валуна, остудил свой пыл. Эти до шкафов еще не додумались...

На берег были вытащены огромные пироги, а их хозяева развели на берегу костер и что-то стряпали на огне, пританцовывая: видимо, стряпня являлась ритуалом.

Вдруг несколько человек отделились от остальных и побежали к лодкам, а еще через минуту они уже тащили к костру двоих своих соплеменников, на ходу освобождая их от пут. Одного из них ударили по голове дубинкой, не особенно церемонясь распороли живот и принялись потрошить. Дикари так увлеклись этим занятием, что не сразу заметили, как второй вдруг ринулся вперед и с невероятной быстротой пустился бежать по песчаному берегу. Трое устремились за ним в погоню.

— Уйдет, уйдет ведь! — Симпатии Кащея, конечно же, полностью принадлежали людоедам. Не рискуя приближаться, он, однако, всей душой был с ними.

На пути убегавшего оказалась небольшая бухточка, беглец ринулся в воду и в два счета переплыл ее. Двое из троих преследователей сделали то же самое. Их потенциальный обед скрылся в чаще, и тут Кащей увидел, как навстречу преследователям выскочил одетый в лохматые шкуры человек. Первого этот новый персонаж уложил прикладом громоздкого мушкета, во второго выстрелил в упор. Затем вернулся в заросли.

Кащей прокрался поближе и сквозь кусты увидел, что так и не съеденный дикарь и одетый в шкуры человек, обменявшись какими-то знаками, вместе двинулись в глубь чащи.

Пригибаясь, Кащей проследовал за ними и вышел к частоколу. Пакостить на чужой территории было для Кащея делом привычным, поэтому перебрался он без труда.

Из-за стены дощатой хижины доносился хриплый неуверенный голос: «Это хлеб. Это молоко. Пей, пожалуйста. Пей. Пей же, придурок!» Обогнув хижину, Кащей остановился как вкопанный. Вот он! Наконец-то! За изгородью

чинно прохаживались похожие на куриц птахи, а в дальнем углу загона прилепился к частоколу собранный из бамбуковых плетенок шкаф! Кащей не задумываясь перелез через забор, пробежал мимо взволнованно раскудахтавшихся птиц, приоткрыл створку и увидел внутри три плетеные же полки. На них лежали мелкие коричневые яйца. Видимо, так оберегал их хозяин от местных тушканчиков. Кащей, согнувшись в три погибели, втиснулся под нижнюю полку, вытянув руку, затворил дверцу... И тут же выпал из шкафа в библиотеке своего замка.

Поднявшись и исполнив от радости пару хореографических па, он вытащил из-под шкафа книгу и по слогам прочел название: «Даниэль Дефо. Робинзон Крузо».

«Вот так занесло! — подумал он. — Впредь буду осторожнее».

Похвастаться очередным волшебным достижением не терпелось, и он побежал к Гапону.

Поп выслушал его, не выпуская из рук ножницы и кабель, отчего сердце Кащея холодело, энтузиазма не проявил, заметил только:

— Ты, Кащей, просто свихнулся от переживаний. Помешался. На шкафах. Как твое изобретение поможет мне стать князем русским?!

— А-а! — с обидой махнул Кащей рукой. — Что с тобой толковать! — Но, увидев, как хищно поп пощелкал ножницами, добавил: — Поможет-поможет, не боись! — и помчался обратно в замок, бормоча: — Теперь только детишек выкрасть осталось...

Задача осложнялась тем, что отправиться за пацанами в прошлое Кащей не мог: там, в отсутствие этномагического поля, он потерял бы свое нынешнее обличье, магические способности и злодейский характер. А все это ему очень любо было.

Выход нашелся скоро. Кащей решил сделать во времени дыру (что это такое, он и сам не понимал, но знал, что справится) и уговорить пацанов в эту дыру шагнуть.

Привычно взмахнув руками, Кащей произнес зловещие заклинания. На потолке библиотеки зазвенела люстра, стеллажи с книгами зашатались, а посреди помещения возникло дрожащее пятно света...

Кащей подошел поближе и вгляделся. Глазам его открылась небольшая комнатка с продавленным диваном, на котором сидели два мальчика с разинутыми от удивления ртами.

Глава третья,

в которой Стас берет инициативу в свои руки, но это не очень-то помогает

(Рассказывает Костя)

Когда я пришел из школы, Стас сидел на диване и, высунув от натуги язык, писал в клетчатой тетрадке, подложив под нее учебник природоведения. Услышав, как хлопнула дверь, он торопливо спрятал тетрадку в самое надежное место — под диван. Вот глупый, не понимает, что в зеркале, висящем в прихожей, все прекрасно видно. Интересно, что он такое секретное пишет?

Бросив портфель в угол, я посмотрел на Стаса и поинтересовался:

— Что на обед?

— Варенье с батоном, — хмуро ответил Стас. — На второе — чай.

— Лентяй! — возмутился я. — Сегодня твоя очередь готовить!

— Не хочешь варенье — зажарю яйца, — согласился Стас. — Как ты вчера.

— Хочу варенье, — быстро передумал я. И мы отправились обедать.

...Продолжались третьи сутки нашего автономного существования. Запасы пищи подошли к концу вчера, деньги — на день раньше.

— Это ты виноват, что у нас только хлеб и варенье остались, — намазывая очередной бутерброд, обвинил я Стаса.

— Я думал, ты не очень расстроишься, если я позову друзей перекусить после футбольного матча, — смущенно ответил брат.

— Одного-двоих — это еще куда ни шло, — рассуждал я, давясь ненавистным бутербродом. — Но целая орава проголодавшихся пятиклассников — это офигеть можно!

— Надо было спасать положение,— оправдывался Стас.— Мороженые пельмени — идеальное решение!

Бутерброд определенно не лез в горло, а торопливо спрятанная Стасом тетрадь не давала покоя. Стихи он, что ли, писать начал?

— Делай яичницу, — велел я, откладывая истекающий вареньем хлеб. Стас вздохнул, открыл холодильник и стал доставать с плетеных полок мелкие грязные яйца, брезгли-

во держа их кончиками пальцев. А я тихонечко пошел в комнату, запустил руку под диван, вытащил тетрадь и принялся читать...

Вы про меня ничего не знаете, если не читали книжки под названием «Сегодня, мама!», но это не беда. Эту книжку написали сразу два писателя, наверное, в одиночку не решились, и в общем не очень наврали. Кое-что присочинили, но в общем рассказали всё как было. Это ничего. Я еще не видал таких людей, чтобы совсем не врали, кроме разве Кубатая и Смолянина да еще сфинксов, но они не люди. Про Кубатая — это генерал-герой, — про Смолянина и сфинксов рассказывается в этой самой книжке, и там почти всё правда, только кое-где приврано. А еще эти писатели решили, что если в книжке два главных героя, то одного надо все время ставить в смешные положения и показывать каким-то недотепой. Не знаю, как они выбирали, над кем будут издеваться, может, спички тянули, только издевались в основном надо мной. А мой старший братец Костя все время оказывался таким умным и находчивым, что, прежде чем я дочитал до конца, я две книжки порвал на кусочки.

Только в этой истории никакого такого вранья не будет. И ничего смешного тоже, я уж постараюсь. Это будет зловещая книжка. Так что если кто-то хочет посмеяться, то пусть эту книгу не читает, а идет в магазин, покупает себе колбасу, ест ее и хихикает. А я буду писать серьезно и трогательно, как знаменитый детский писатель Игорь Петрович Решилов.

Недавно наши родители уехали в Антверпен, на конгресс археологов — борцов за палеоконтакт. Мы с Костей немножко надеялись, что они и нас возьмут. Но не получилось по финансовым соображениям, так папа признался. Про наши приключения в будущем никто не знает, а вот родители недавно откопали какую-то древнюю железяку и сразу стали знаменитыми. Вот их и пригласили на халяву.

Папа очень не хотел оставлять нас одних — он считает, что если дети остаются одни дома, то с ними непременно случаются всякие неприятности. Но мама, конечно, его переспорила. Она-то помнит, как достойно я проявил себя в Древнем Египте.

Так что мы родителей за границу отпустили. Папа ведь даже в прошлом не был, а уж на Венере и мама не бывала. У них было тяжелое детство: у мамы рабовладельческое, у папы — пионерское. Пусть отдохнут. Нам оставили в морозильнике котлеты и пельмени на неделю, деньги на молоко и хлеб — в пределах разумного, как сказал папа, — и попросили соседку тетю Клаву за нами присматривать. Ничего интересного пока не случилось, и я боюсь, что...

На этом месте, похоже, мое появление прервало Стасово творчество. Я спрятал тетрадь и покачал головой. Ну и Стас! Вот это да! Писателем решил заделаться! С чего бы это? Может, ему витаминов не хватает? Или от того, что я его футбольным мячом по голове стукнул? Бедняга...

— Я сготовил яичницу, — хмуро сообщил Стас, входя в комнату и подозрительно меня оглядывая. — Только она... не очень. Будешь есть?

— Буду, Стасик. — Оставив его в полном остолбенении, я вышел на кухню. Есть яичницу, приготовленную писателем, мне еще не доводилось, и я мужественно приступил к обеду. Ничего особенного, скажу вам. Яичница как яичница, подгорелая и несоленая.

Потом я вернулся в зал, сел рядом с притихшим и настороженным Стасом, и мы немножко поговорили на древнеегипетском. Это чтобы не утратить навыка и еще потому, что мы по маме скучали, хоть и не хотели друг другу в этом признаваться.

— Большая железная птица, в которую сели папа и мама, перенесла их над широкой-широкой рекой, — грустно сказал Стас. В древнеегипетском нет слов «самолет» и «океан», так что ему приходилось выкручиваться.

— И молодая рабыня-прислужница прошла по большой железной птице и накормила их ножками маленькой домашней птицы, — со вздохом подтвердил я. Слово «курица» я забыл, а может, и не знал никогда. — И мудрые погонщики железной птицы перегнали ее через большую-большую реку... Какую реку, Стас? Разве селение Антверпен находится на другом большом куске земли?

— Нет конечно, — признал Стас. — Но так красивее звучит...

И тут случилось ЭТО!

Что-то сверкнуло, грохнуло, нас качнуло на диване так, что сразу вспомнились мамины рассказы о землетрясениях.

И перед нами появилась ДЫРКА! Не в стенке, а прямо в воздухе. В эту дырку было видно большое, заставленное книгами помещение, библиотека, наверное. А прямо перед нами стоял толстенький румяный дядька с лукавыми глазками на добродушном лице.

— Добрый вечер, мальчики! — вскричал он и хитро подмигнул.

Стас, наверное, вложил все свои умственные способности в написание романа. Он спросил:

— Вы кто? Если бандит, то у нас денег нет. Только варенье в холодильнике...

— Варенье? Отлично, — обрадовался бандит. — Знаете, после путешествия во времени так хочется сладенького.

— Так вы... — хором завопили мы.

— Из двадцать пятого века, — гордо сообщил дядька, утирая пот со лба. — Привет от Кубатая.

— От Кубатая? — Стас подался вперед и дрогнувшим голосом сказал: — Я знал, знал, старый друг — не ржавеет.

Тут он что-то явно напутал с пословицами, но я не стал смеяться, зная его восхищение генерал-сержантом, и пошел за вареньем. Выбрал банку малинового, оно самое вкусное и сладкое, вернулся и протянул дядьке. Тот взял банку, не высовываясь из своей дырки, и принялся пальцем отколупывать бумажную крышку.

— Вы заходите, заходите, — суетился Стас. — Чайку попьем!

— Не могу, — отхлебывая варенье прямо из банки, отозвался наш гость. — У вас нет этномагического поля.

— Какого? — удивился я.

— Этномагического. Я ведь не на машине времени прилетел, а более интересным методом воспользовался, — дядька небрежно показал на дырку.

Уточнять мы не стали, помнили, какая секретность там у них, в Департаменте. А дядька отставил пустую банку и сказал:

— Ну, ребята, вас, наверное, уже вопросы одолели?

— Да, — признался я. — Вы к нам как, отдохнуть или в командировку?

— В командировочку, — сладким голосом подтвердил он. — Кубатай в беде. Он зовет вас. Ему нужна ваша помощь, ребятки.

Стас охнул, но дядька не дал ему расслабиться.

— Ты, который пухленький, принеси-ка мне еще варенья, — попросил он.

Вот чудо из чудес: Стас не возмутился, а покорно пошел!

Дядька же уселся на пол в своей библиотеке и почесал затылок.

— Думаю, нам надо познакомиться. Я — Манарбит. Знакомый Кубатая. Работали с ним вместе... транслятор чинили... да. Ты, как я понял, Костя, а это, — он ткнул пальцем в возвращающегося Стаса, — твой младший брат.

— Это не я его младший брат, — возмутился Стас, — а он мой старший брат!

— Логично, — согласился Манарбит. — Так вот, у Кубатая беда. Ему нужна ваша помощь.

— А что, путешествия во времени разрешили? — с надеждой спросил Стас.

— Нет, дети. Не разрешили. Но в ДЗР сложилась критическая ситуация. Помните остров Русь?

— Какой остров? — замялся я. А Стас важно подтвердил, ну прям словно он что-то помнит:

— Смолянин упоминал про какой-то остров, только ему было запрещено рассказывать.

— Это он и есть! — закивал Манарбит. — Остров Русь проклятый! Беда ДЗР-овская, горе-горюшко... Ты вареньето давай, Стасик, а то небось тяжело держать...

И он рассказал нам про остров Русь, богатырей, князя Владимира, ученого Кащеева, который стал Кащеем Бессмертным, змеев горынычей, леших, боянов и прочую нечисть. Кубатай со Смолянином и местный богатырь Иван-дурак чуть было Кащея не победили, а магию его чуть не разрушили. Только стало им жалко, что все волшебство исчезнет, так что они магию сохранили, а Кащея в цепи заковали. Думали, удержат надолго. Куда там! Кащей уже через несколько месяцев от цепей освободился. Он мужик хитрый, все это признают...

— У вас в будущем и волшебство есть? — обрадовался я. — Драконы, богатыри, Кащей?

— В будущем всё есть, — гордо сказал Манарбит. — Будущее светло и прекрасно. Так вот, мальчики, Кащей решил такое сотворить, что еще ни один злодей в мире не делал!

Манарбит торжественно помолчал, прожевал ягоды (на этот раз варенье было вишневым), потом ловко выплюнул косточки в стоящую на нашем журнальном столике греческую амфору. Пролетая сквозь дырку во времени, косточки красиво заискрились. А Манарбит обвел нас взглядом и шепотом продолжил:

— Кащей решил извести какого-нибудь знаменитого человека в прошлом. Чтобы ход истории нарушился и весь мир погиб.

— Он же и сам тогда погибнет! — заявил Стас. Временами у него бывают удачные мысли.

— Ну и что? — отпарировал Манарбит. — Он такой злодей и пакостник, что ему себя не жалко! К тому же Бессмертный он, неуязвимый и неубиваемый. Решил проверить, уцелеет ли.

Наступило тягостное молчание, только Манарбит громко прихлебывал. Я побежал за новой банкой. А когда вернулся, то первое, что увидел, — как Стас, подпрыгивая, спорит с Манарбитом.

— Вовсе мы не знаменитые! — вопил он. — И еще неизвестно, чей потомок сфинксов создал — мой или Костин!

— Значит, Кащей вас обоих уничтожит, — грустно сказал Манарбит, просовывая сквозь дырку руку и выхватывая у меня падающую банку.

— Кащей нас убить решил! — сообщил мне Стас, обрадовавшись, что я не слышал этой новости. — Представляешь? Кащей Бессмертный за нами охотится!

— Ну и как он это сделает? — засомневался я. — Мы-то в двадцатом веке, а он — в двадцать пятом! А машины времени у него нет.

— Зачем Кащею машина времени? — засмеялся Манарбит. — Он же волшебник! Понимаете — волшебник! Куда хочет, туда и попадет.

— Так что же делать? — спросил я, стараясь не смотреть на Манарбита, а то у меня губы начинали слипаться.

— Прятаться. Вы сейчас отправитесь в будущее, и я вас так спрячу, что даже Кубатай не найдет. Это будет самым надежным.

— А как мы в будущее попадем? — полюбопытствовал Стас.

— Проще пареной репы! — заверил Манарбит, потирая руки. — Шагайте ко мне. Вот так, вот так...

Мы, словно загипнотизированные, двинулись к дырке. Наверное, очень уж нам хотелось в будущем снова побывать. И когда подошли к самой границе настоящего и будущего, Манарбит цепко схватил нас за грудки и проворно втянул к себе, только волосы дыбом встали от электричества. Мы ввалились в библиотеку, которая оказалась очень большим мрачным залом со сводчатым потолком.

— Это как? — обалдело спросил Стас. — Это что?

— Это магическая Дырка во Времени! — гордо сказал Манарбит.

Мы не сразу нашлись, что ответить. Потом я спросил:

— Так вы волшебник, как Кащей Бессмертный?

— Почему «как»? — давясь от смеха сказал Манарбит.— Я и есть Кащей!

Зал осветился бирюзовой вспышкой, завыл ветер, и симпатичный дядька, вытянувшись ростом чуть не до потолка, посерев и осунувшись, вскричал страшным низким голосом:

— Добро пожаловать в замок Кащея Бессмертного! Ха-ха-ха!

— Вы нас обманули! — завопил Стас.

— Нет! — крикнул в ответ Кащей, ухохатываясь. — Я же ни разу вам не соврал! Вот смеху-то! Меня и вправду Манарбит зовут! И с Кубатаем я знаком! Я не врал! И еще варенья на халяву нажрался! А вы попались! Попались!

«Вот влипли!» — подумал я. Кащей Бессмертный — это, конечно, персонаж сказочный, и бояться его вроде бы незачем. Иван-дурак Кащея всегда побеждает.

Но мы-то не Иваны. И не дураки, кажется.

А Кащей тем временем вновь принял свой прежний, не такой грозный, вид и сказал:

— Короче, мальчики, допрыгались. Теперь — делать нечего, придется вам выполнять все, что прикажу.

— Типа? — спросил Стас.

— Типа... идти за мной, — ответил Кащей и пошел к двери.

Но мы не сдвинулись с места. Остановился и Кащей:

— Ну?

— А если не пойдем? — спросил я.

— Тогда превращу в кого-нибудь. В черепах, например.

Стас толкнул меня в бок:

— Костя, хочешь быть черепахой?

— Конечно! — вскрикнул я, как мог обрадованно. — Они, во-первых, живут сто лет, а во-вторых, под водой, там интересно.

Кащей оторопело нас разглядывал, пытаясь понять, шутим мы или нет.

— А в тараканов можете? — продолжал блефовать Стас. — Хочется тараканом побыть или еще каким-нибудь насекомым. В любую щелку пролезешь, столько нового увидишь...

«Только не бросай меня под ракитов куст», — подумал я. Неужели Кащей такой тупой?

— Хе-хе, — засмеялся, словно закашлялся, Кащей. — «Побыть», говоришь. Да не побыть, а насовсем.

— Насовсем не выйдет,— уверенно заявил Стас.— При-

дет Иван-дурак, найдет яйцо, в нем иглу, иглу сломает — тут тебе и смерть. А с ней и чары спадут.

— Не придет! Не найдет! — заорал Кащей в ярости, но тут же остыл и сказал заискивающе: — Ну ладно, ребятки, пойдем, а?

— Ты нас сначала напои, накорми да спать уложи как положено, — потребовал Стас, — а завтра уж поговорим.

— Времени нету, — ответил Кащей, почти оправдываясь. Потом нахмурился, что-то в уме прикинул и сообщил: — Накормить-напоить — это пожалуйста. Но до завтра ждать не будем.

— Ладно, корми, — согласился Стас, — там посмотрим.

Кащей злобно зыркнул на него глазами, но спорить не стал, а взмахнул руками, что-то прошептал, и стол посреди библиотеки заискрился от множества появившихся из ниоткуда блюд.

Мы уселись. Признаться, самостоятельная жизнь заставила меня проголодаться, но абсурдность происходящего несколько сбила аппетит. Стас же с ходу принялся уплетать куски печеного поросенка, запивая их квасом. Потом нагло заявил:

— А медовухи нет?

— Молод еще медовухой-то баловаться, — обрезал Кащей и мечтательно сказал: — Вот они сидят, двое вредных пацанов. Вот они сидят в моем грозном замке! Как же мне расправиться с ними, чтобы погубить весь мир? Как расправиться с мальчишками, которых я так ловко заманил к себе? Об этом стоит подумать.

Стас хихикнул, чуть не подавившись свининой, мне тоже стало веселее. Кащей выглядел таким идиотом, что угрозы его только забавляли.

— Я мог бы превратить их в поросят, зажарить и съесть. О, я мог бы это сделать! Или не превращать и не жарить, а съесть сырыми...

Он говорил, посверкивая на нас подслеповатыми глазками, а у меня внезапно появился аппетит. Я взял себе полную тарелку салата, опрокинул его в блюдо с жареной щукой, подвинул к себе и принялся обедать.

— Да, я мог бы их съесть, — бредил Кащей, — или вырвать сердца у них из груди и вложить туда сердца из камня. Я мог бы сделать их своими маленькими слугами, если бы вложил им сердца из камня...

— О, преврати меня, — давясь сказал Стас, — в поросенка! Мне кажется, что ничего на свете не может быть хуже каменного сердца!

— Угу, — согласился я. Рыба была замечательная. Я

раньше никогда щуку не ел, да и видел ее только на картинках. Оказывается — вкусно. Костей только много.

Кащей Бессмертный достал из кармана маленькие круглые очки (как у Джона Леннона, я у папы портрет видел) и надел.

— А может, посадить их в башню, чтоб они умерли с голоду? — спросил он себя. — Не нужны мне свиньи, не нужны мне слуги! Да, посажу-ка я наглых пацанов в Голодную Башню, пусть подохнут с голодухи.

Он начал прохаживаться взад-вперед, погруженный в свои думы. Новая идея нравилась ему все больше и больше.

— Да, я заточу их в Голодную Башню! — бормотал Кащей. — Потом приду — а они уже померли! Кости попинаю... плюну на них... Люблю я это дело — на тех отвязываться, кто постоять за себя уже не может.

Стас принялся украдкой запихивать в карманы пирожки, за пазуху — фрукты, а в рот — все новые и новые порции поросенка.

— Ешьте-ешьте, перед голодной смертью, — милостиво позволил Кащей. Я по примеру Стаса тоже принялся наедаться впрок.

— А чем нам заниматься-то в башне? — Стас наглел все основательнее. — Дай хоть книжку почитать!

Кащею слова Стаса явно чем-то понравились. Он кивнул и сказал:

— Дам. Ох нравитесь вы мне, ребята! Даже жаль убивать...

— Так не убивай, — решил я подстраховаться.

— Да нет, надо...

— А чем это, интересно, нравимся? — недоверчиво спросил Стас, переставая жевать и уставившись на Кащея.

Тот под его взглядом поежился и сказал:

— А тем, что вредные. Почти как я.

— Ты нас еще плохо знаешь, — пригрозил Стас и продолжил трапезу. Кащея его слова задели за живое:

— То есть как, вреднее меня? Вот наглец! Я же злодей, похититель невинных девушек, людоед, садист, истерик и даже занимаюсь литературной критикой!

— Ну, до девушек мы еще не доросли,— признал Стас,— а в остальном... Ха, критик. Ты бы мое последнее сочинение почитал... Я там пишу, что Лев Толстой был французским шпионом и в тексте «Анны Карениной» зашифровал секретные донесения для начальства.

Кащей тихонько икнул. Неуверенно предположил:

— Но ведь нельзя же так... голословно... основания надобны...

— Французский больно хорошо знал, — объяснил Стас.

Подумав минуту, Кащей радостно заявил:

— Толстой еще и полинезийским шпионом был!

— Почему? — настала очередь Стаса удивляться.

— Босиком ходил!

— Способный ученик! — Стас привстал и похлопал Кащея по плечу. Тот понял, что подставился, и скрипнул зубами:

— Все равно я хуже!

— Да, да, — снисходительно подтвердил Стас.

— Побывал бы в моей шкуре, поносил бы на совести тяжесть злодеяний неслыханных, плач жертв замученных — разревелся бы! — грозно прошептал Кащей. Мне вдруг стало не по себе.

— Побывал бы в моей, походил бы в школу, поучил бы уроки — от страха бы помер, — отпарировал Стас.

Кащей запыхтел и явно собрался что-то сказать, когда я, чтобы разрядить обстановку, встрял в разговор:

— Книжки дай почитать, обещал ведь.

Стас посмотрел на меня таким взглядом, что я понял — что-то сделал не так, зря помешал. Но было уже поздно. Кащей с готовностью прервал спор и спросил:

— А вы книжки какие любите? У меня — вот... много.

— Все любим, кроме сказок, — заявил Стас. — Особенно русско-народных.

— У меня всякие есть, — гордо сказал Кащей. — Сейчас составим вам культурную программку...

Он направился к стеллажам. Я крикнул вслед:

— А фантастика есть?

— Наверное, — пожал плечами Кащей. — Я давно уже не читаю, буквы почти забыл...

— А говоришь — литературный критик! — укоризненно произнес Стас.

— Это не мешает, — захихикал Кащей. — Критик — не читатель... Так... Что же вам дать на прочтение перед смертью?

— Вот дурной, — шепнул я Стасу.

— Точно,— согласился Стас.— У тебя карманы пустые?

— Да.

— Насыпь вон тех конфет... Как ты думаешь, нас спасут или мы сами из башни убежим, возьмем волшебный меч и замочим Кащея?

— Спасут. Мне его жалко убивать.

— Мне тоже... Значит, Кубатай спасет,— Стас потупился и добавил: — Может, пойдем в ДЗР работать?

— Подумаем, — решил я.

...Толком подумать мы не успели. Кащей бухнул на стол пачку пыльных томов и гордо заявил:

— Вот!

Мы со Стасом принялись разглядывать книги. Их было семь. Я прочел названия. Это оказались: «Справочник юного энтомолога», «Мать», «Цемент», «Госпожа Бовари», «Физика для всех», «Как закалялась сталь» и «Словарь ненормативной лексики русского языка». Прочитав последнее название, Стас озадаченно глянул на меня, а затем открыл словарь на букве «Ю». Прочел что-то. Покраснел. Интересно, что за слово-то могло быть?

— Ты что, гад, издеваешься? Где фантастика?

— А нету? — сконфуженно спросил Кащей.

Я покачал головой.

— Щас, щас еще подберу, — затараторил Кащей.

— Ну нет, — решил Стас, — мы сами выберем. Пошли, Костя.

И мы стали рыться в книгах. Тут и вправду было всё. Стас принялся отбирать стопку фантастики. Помирать с голоду он явно решил долго и содержательно. Вначале он набрал всяких разрозненных томов, потом наткнулся на полное собрание сочинений Жюля Верна и попробовал унести его. Но Жюля Верна сменил Герберт Уэллс, а вскоре и Уэллс был водворен на полку, зато Стас завладел собранием своего любимого детского фантаста Решилова. Его он хоть и с натугой, но мог унести.

— Пойдем голодать, Стас, — потянул я его за руку.

— Погоди, — отстранился он. Его глаза блестели жадным огнем. — Вдруг еще чего найдем?

И тут он увидел, как Кащей, стараясь не шуметь, подсовывает под обломанную ножку платяного шкафа какой-то том.

— Ага! — взревел Стас и бросился к шкафу. — Так и думал! Самое интересное прячешь, да?

Я кинулся за братом. Тот принялся вытягивать книгу из-под шкафа, и вдруг Кащей подобострастно заявил:

— Бери, бери, только в шкафу не ройся...

— Хитрый, да? — и Стас немедленно ринулся в темноту шкафа. Кащей ловко закрыл за ним дверцу, и я услышал испуганный вскрик брата.

И тишина. Только мелкое хихиканье Кащея:

— Ой уморил! Ой какой глупый!.. Решили Кащея обхитрить... Ой умора. В Голодную Башню, ха-ха!

— Где Стас? — сжимая кулаки, крикнул я.

— В шкафу! — с готовностью заявил Кащей. — Загляни...

— Не буду! — Я сообразил, что сейчас сгину вслед за Стасом, и отбежал. Но Кащей с неожиданной ловкостью бросился за мной, схватил за воротник рубашки, на пухлых ручках вздулись арбузы мускулов — и зловеще сказал:

— Я и вправду бы вас съел или на кусочки порезал. Только кое-что позабавнее придумал...

И он понес меня, держа перед собой, как котенка. Я несколько раз лягнул коварного злодея, но он этого словно и не заметил. Он поднес меня к шкафу — и пинком отправил внутрь.

Я летел вперед, будто за шкафом была пустота. Самым обидным было то, что за спиной слышалось затихающее хихиканье Кащея. И вдруг в глаза ударила яркая белизна. Такая яркая, что я зажмурился от боли в глазах.

...А когда открыл их, понял, что лежу в снегу. Было ужасно холодно. Я поднялся на ноги и тут же провалился по колено. То, что я увидел, повергло меня в ужас. Ровный сверкающий снежный наст распростерся до горизонта. Я огляделся. Все то же, куда ни глянь. Только повернувшись кругом, я обнаружил некоторое разнообразие в этой белизне: серым пятном шагах в пяти от меня лежал Стас. Снег вокруг нас был нетронут, словно мы упали с неба. Я испугался и хотел было уже позвать брата, но тут он шевельнулся и поднял голову.

Глава четвертая,

в которой Холмс проявляет то поистине английское упрямство, то поразительную прозорливость, то — ужасающий цинизм

(Рассказывает доктор Ватсон)

— Друг мой, — обратился ко мне Шерлок, когда Мак-Смоллет и Кубату закончили свой рассказ о колдуне Кащее Бессмертном, решившем погубить весь мир. — Приходилось ли вам ранее выслушивать подобный бред?

— Не приходилось, — признался я.

— Однако, к сожалению, все то, что мы с вами пережили в последние часы, неопровержимо доказывает правоту наших потомков.

— Да, доказывает, — вынужден был согласиться я.

— Что ж, — сказал Холмс, — детей надо выручать. Из

того, что я услышал, следует, что под шкафом должна была лежать та самая книга, в которую Кащей их отправил...

— Ее там не было, — грустно сказал Кубату. — Кащей — осторожный, вынул, наверное...

Холмс задумался.

— Предлагаю провести следственный эксперимент, — произнес он наконец. — Допустим, что злоумышленник действовал не по заранее обдуманному плану, а импровизировал. Вот вы, мой друг, — обратился он ко мне, — вы будете старшим из мальчиков. А вы... — он замялся, забыв имя (видимо, сказывалась нехватка кокаина). — Вы, лысый, — младшим.

— Верное решение, — кивнул Кубату, сумев, как истинно интеллигентный человек, не заметить бестактность, — у нас всегда со Стасом родство душ ощущалось.

— А вы, — Шерлок кивнул Мак-Смоллету, — будете Кащеем.

— Всегда так, — заныл тот. — Как Кащеем, так сразу я...

— Не горюй, добрый молодец, — хлопнул его по плечу Иванду, — помоги спасти землю Русскую.

— И не только, между прочим, русскую! — одернул негра Холмс. — Так вот, вы трое должны удалиться из этой комнаты, затем быстро войти и, двигаясь к этому магическому шкафу, вести непринужденную беседу. Когда поравняетесь со шкафом, то вы, дети, — Холмс строго глянул на нас с генералом, — начнете наивно и беззаботно озираться по сторонам. А вы, сэр злодей, — ткнул Холмс пальцем в лжешотландца, — как бы невзначай возьмете первую попавшуюся книгу и подсунете ее под шкаф. Существует немалая вероятность, что это будет именно та книга.

— Как-то не слишком это научно... — начал было Кубату, но Холмс перебил его:

— По-научному сами будете следствие вести, а раз обратились ко мне, положитесь на чутье сыщика.

Мы вышли из дверей библиотеки, а затем вновь вошли и двинулись к шкафу. Мак-Смоллет затеял непринужденную беседу.

— ...Так вот, кенты. Яйца золотые — штука незаменимая.

— О да, — поддержал его Кубату, — есть в этом образе нечто фаллическое. Вы только вслушайтесь, как звонко это звучит: «золотые яйца».

Слегка недоумевая, но понимая ответственность момента, поспешил подыграть им и я:

— Лично мне такие яйца показались бы излишне щегольскими и чересчур тяжелыми...

Тем временем мы поравнялись с приоткрытой дверцей шкафа. Мак-Смоллет, повернувшись спиной к полкам, незаметно нащупал какой-то том и сунул его под шкаф.

— Вперед, друзья! — вскричал Шерлок, и мы гуськом, один за другим, вбежали в пыльную темноту. Постояли секунду, потом Кубату взволнованно приказал: — Назад, товарищи!..

— Вот они!— сдавленным полущепотом крикнул Холмс, указывая на две мальчишеские фигуры впереди, бегущие по узенькой улочке полуночного городка, где мы вдруг оказались.

Мы кинулись вслед, однако на самой окраине потеряли отроков из виду. Место было глухое, за городом простиралось кладбище. Осторожно, дабы суетой не обидеть прах усопших, двинулись мы меж гранитных надгробий и крестов. Однако все попытки обнаружить мальчиков были тщетны.

Вдруг невдалеке от нас послышались возня и сдавленная ругань. Мы двинулись на звук, и вскоре перед нами открылась следующая картина.

Возле свежевыкопанной могилы зловеще чернел открытый гроб. Луна освещала бледное лицо мертвеца. Рядом стояли трое. Один из них что-то яростно кричал другому. Тот, на кого кричали, внезапно сделал короткий удар и свалил им противника на землю.

Мы крадучись приблизились настолько, что уже могли расслышать слова, которые выкрикнул третий:

— Эй вы! Я товарища бить не позволю!

Выкрикнув это, он кинулся на ударившего, и они сцепились в рукопашной. В это время сбитый с ног поднялся, и в руке его блеснул нож. Один из дерущихся ударил другого поднятой с земли доской, но тут же нож третьего вонзился ему в грудь.

Мак-Смоллет тихонько ойкнул и зажал рот перчаткой.

В это время на луну набежали тучи и покрыли мраком страшную сцену. Но глаза уже привыкли к тьме, и вот тут-то совсем рядом с нами, но явно нас не замечая, из-за надгробий выскочили два мальчика и без оглядки бросились бежать. Мы кинулись за ними.

Они сразу далеко оторвались от нас, а еще через несколько минут мы напрочь потеряли их.

Запыхавшись, мы бежали вслепую мимо деревянных домишек окраины. Лаяли проснувшиеся сторожевые псы. Но вот луна вновь выглянула из-за туч, и в ее мертвенном

свете мы смогли увидеть, как две мальчишеские фигурки юркнули с дороги в какую-то совсем уж развалившуюся хибару.

Когда мы добрались до нее и, подойдя на цыпочках вплотную, прислушались, из-за стены доносился дрожащий детский голос:

— Гекльберри, как ты думаешь, что из всего этого будет?

— Если доктор Робинсон умрет, думаю, выйдет виселица.

— Да не может быть!

— Уж это наверное, Том.

Голоса смолкли. Я с удивлением заметил, что строгое лицо Холмса просветлело, озарилось поистине младенческой радостью. Он осторожно заглянул в окошко, вздохнул, а потом, сделав нам знак рукой, на цыпочках отошел от хибары. Мы последовали за ним. Оказавшись на приличном расстоянии от строения, Холмс шепотом спросил наших спутников:

— Как, вы говорили, зовут детей?

— Костя и Стас.

— Отсюда следует, джентльмены, что я все же ошибся в способе выбора книги.

Я как всегда поразился прозорливости своего друга и способности его к трезвой критической самооценке. А он продолжал:

— Поэтому предлагаю вернуться. Для этого нам необходим шкаф. Какие будут предложения?

— Единственный выход, — заявил Кубату, утирая с лысины пот, — зайти в первый попавшийся дом.

— Не, — отозвался негр, — по морде получить можно.

Мак-Смоллет опасливо покивал.

С ними согласился и мой гениальный друг:

— Есть подозрение... точнее, уверенность, что мы находимся в Америке в начале девятнадцатого века. А тут с непрошеными гостями не церемонятся.

Переговариваясь, мы медленно побрели по дороге к центру городка.

— Эврика! — прошептал Шерлок, уставясь на дверь небольшого каменного строения. Вглядевшись, я понял, что это церквушка.

— Тут нет никого, а уж шкаф-то найдется, — объяснил свое возбуждение Холмс и, подойдя к двери, принялся ковыряться в замочной скважине вынутой из кармана штуковиной.

— Холмс! — вскричал я. — Это святотатство!

— Спокойно, Ватсон, — ответил он невозмутимо. — Я, как вам известно, атеист. К этому мировоззрению я пришел с помощью методов дедукции и индукции. Если Бог есть, то он должен был бы сам наказывать воров и убийц. Значит, если Бог есть, то не нужен был бы я — сыщик. А раз я есть, значит, Бога нет.

Я просто онемел от такого цинизма.

Рыжий Мак-Смоллет уважительно наблюдал за действиями Холмса. Когда дверь наконец со скрипом отворилась, он присвистнул:

— Люблю специалистов! Где это вы научились?

Иванду ответил за Холмса:

— С кем, брат, поведешься, от того и наберешься.

В полутьме, проследовав через проход между рядами скамей, мы поднялись по лестнице на хоры и там действительно обнаружили платяной шкаф с висящими в нем одеяниями певчих. Не раздумывая более, мы по очереди полезли в него. Я стоял предпоследним, замыкал отступление негр.

Вдруг маленький зал осветился неровным огоньком свечи.

— Кто здесь?! — опасливо осведомился вошедший с подсвечником в руке. Судя по одежде, это был священник.

— Быстрее, — крикнул я Иванду и прыгнул вперед. Тот последовал моему примеру, и через мгновение мы вывалились на пол Кащеевой библиотеки.

— Стой, Джим! Господь покарает тебя! Я скажу вдове, и тебя продадут на Юг! — успел я еще услышать крик священника.

Интересно, за какого Джима приняли Иванду? Но этого я не узнал, так как вновь оказался в замке Кащея. Холмс стоял рядом с опасно накренившимся шкафом, любовно поглаживая вытащенную из-под ножки книгу. «Приключения Тома Сойера», — прочитал я на обложке и сразу все понял. Как же, известный юмористический романчик...

— Печально, печально, — Кубату прошелся по библиотеке, подозрительно поглядывая на отобранную Холмсом стопку книг. — Что мы имеем? Побывали в двух Вымышленных мирах, детей не нашли. Бесцельно потраченное время.

— Почему же бесцельно? — возмутился Холмс. — Все было интересно и, не побоюсь сказать, поучительно. В детстве книга о Томе Сойере оказала на меня огромное влияние! Особенно продолжение, «Том Сойер — сыщик». Том блестяще применяет дедуктивный метод, который я впоследствии развил.

Помолчав немного, Холмс смущенно добавил:

— Я и детективом-то решил стать, подражая мистеру Сойеру. Вот. Никогда никому в этом не признавался...

Шерлок достал трубку и нервно закурил. Кубату и Мак-Смоллет смущенно переглянулись, Иванду крякнул. Я подошел к Холмсу, положил руку ему на плечо и тихо сказал:

— Не смущайтесь, друг мой. Я ведь тоже... врачом стал, начитавшись «Доктора Дулитла».

— А я... я... — Кубату сглотнул комок в горле. — Я генералом-диверсантом стал, потому что в детстве «Семнадцать мгновений весны» прочитал. Хорошая книга, душевная. Я потом еще продолжения пробовал писать: «Восемнадцатое мгновение весны», «Девятнадцатое...»

— Я, — пробасил внушительно Иванду, — как грамоте обучился, так сразу бояна французского, Дюму, читывать стал. Вот... — Он сокрушенно развел руками. — Дочитался.

Мы все повернулись и уставились на Мак-Смоллета. Тот смущенно заерзал:

— Ну... а чего... нормально. Меня в детстве орфографический словарь потряс. Слов много, все разные... Стал переводчиком.

— Друзья! — Кубату обвел нас большими влажными глазами. — Возьмемся за руки, друзья! Всех нас книги наставили на путь истинный! Всем лучшим в нас мы обязаны книгам! Книга — лучший учитель! Книга...

— Лучший подарок! — радостно встрял Мак-Смоллет. Кубату поперхнулся, закашлялся и неуверенно предложил:

— Может, это... отдохнем, поспим...

Я был с ним согласен, однако Холмс почему-то придерживался иного мнения.

— Скажите, генерал, — обратился он к Кубату, — а можем ли мы отдохнуть в Вымышленном мире? Выспаться, покушать, попутно разыскивая юных джентльменов?..

— Попал в цвет, — поддержал Холмса Мак-Смоллет.

— Ребятам, конечно, трудно, но и мы устали... — почесал затылок генерал. — Холмс, вероятно, у вас есть и более серьезные аргументы в пользу этого плана?

— Есть. Этот черный маг, Кащей Бессмертный, он на свободе?

— Да, скрывается, и где — неизвестно, — признал Кубату.

— Так вот, — продолжал Шерлок, — что, если негодяй вернется в свой замок и нападет на нас, пока мы спокойно спим?

Все переглянулись. Я, хоть и не мог до конца поверить в волшебство, спросил:

— Кубату, а у вас есть... э-э-э... защита против магии? Заклинания, амулеты, молитвы?

— Как вы уже убедились, дорогой Ватсон, — сухо ответил Кубату, — нет.

— Значит, мы в опасности, — заключил Холмс. — Несмотря на ум генерала, отвагу и силу Иванду, находчивость Мак-Смоллета, а также наши скромные способности — угроза от Кащея остается. Не лучше ли нам ночевать в Вымышленных мирах?

— Там тоже опасно... — уже соглашаясь, сказал Кубату. — И магия порой бывает...

— Но не такая черная! — Холмс заявил это, не заметив, как насупился и помрачнел Иванду. Порой мой гениальный друг бывает несколько бестактен.

— Ладно, — решил Кубату. — Давайте взглянем, куда направимся на ночлег...

Он подошел к стопке книг, выбрал одну. Удивленно наморщил лоб.

— А это еще что за книга? Авторы незнакомые...

Повертел книгу в руках и сказал иронически:

— Ну а название-то... «Сегодня, мама!» Книги надо называть по-другому, интригующе и экзотически. Скажем: «Тегеран, сорок пять минут первого ночи...» Так, о чем здесь пишут-то?

Раскрыв книжку, Кубату с выражением прочитал:

«Между тем наши собеседники окончили короткое совещание, и оранжевоголовый откашлялся.

— Давайте знакомиться, детишки, — сладким голосом сказал он. — Я дядя Смолянин, младший майор космофлота Земли, переводчик.

— Земли? — ахнули мы с братом.

— А он, — Смолянин сделал жест в сторону зелено-белого, — генерал-сержант Кубатай, командующий космофлотом, лицо особо важное.

Выдержав короткую паузу, он добавил:

— На вид он — хитрый перец. Но душа у него добрая, ребятишки».

Не знаю, чем этот незатейливый отрывок так поразил Кубату и Мак-Смоллета. Кубату застыл с открытым ртом, а Мак-Смоллет отступил на шаг и прикрыл голову руками.

— Так... — прошептал Кубату. — Это... что... как же так? О ком?

— Мне кажется, — сухо сказал Холмс, — что в этом

отрывке говорится о генерале Кубатае и переводчике Смолянине. Что-то мне напоминают эти имена, джентльмены...

И тут меня осенило. Пользуясь дедуктивным методом моего друга, я сделал великое открытие раньше, чем он сам!

— Кубату! — заорал я. — Вы не Кубату, вы Кубатай! А Мак-Смоллет — это Смолянин! Я разоблачил вас!

Холмс страдальчески посмотрел на меня: видимо, своей догадливостью я уязвил его честолюбие. Сказал:

— Бесспорно, бесспорно. Ватсон прав. Так что же вы нам скажете, джентльмены?

Кубату по-прежнему смотрел в пространство и бормотал:

— Как... что... я — хитрый перец? Я, генерал-сержант, диверсант, герой, и — хитрый перец?

— Но душа у тебя добрая! — пискнул Смолянин. — И вообще все неправда, я такого не говорил!

На нас и на негра Кубату-Кубатай и Мак-Смоллет-Смолянин никакого внимания не обращали.

— Я... я же к тебе как к родному... как к сыну приемному... как к брату названому... как к другу-диверсанту относился, — шептал Кубатай. — А ты меня — «перцем», да еще «хитрым», при ребятах... Предатель...

— Джентльмены, джентльмены, — замахал руками Шерлок. — Спокойно! «Хитрый перец» — это вовсе не обидно, это даже в чем-то лестно! Успокойтесь!

Как ни странно, но замечание Холмса оказало свой эффект. Кубатай посмотрел на него и спросил:

— Вы и вправду так считаете, Холмс?

— Конечно, — не моргнув и глазом сказал Шерлок. — Всё в порядке. Объясните лишь, каким образом вы — реальные люди — оказались в книге?

Кубатай потряс томик, задумчиво предположил:

— Ну... Очевидно, ребята рассказали о своих приключениях в двадцать пятом веке и какие-то предприимчивые авторы написали строго документальную книгу. Книгу издали, она... — Кубатай постепенно воодушевлялся. — Пользовалась огромным успехом, прожила века, попала и в библиотеку замка... Вот только чего я ее раньше не читал?

— Книг много, — вздохнул Смолянин. — Я вот старые книги собираю, уже много-много собрал, а все время новые попадаются.

— Да, ты прав... Вот тут еще одна повестушка, называется... ха... «Остров Русь»... Да-с... — Кубатай осторожно

полистал томик, подозрительно вглядываясь в страницы, лукаво покосился на Смолянина, прочел:

«В этот миг дверь отворилась и на пороге показались двое — Кубатай с оголенной сабелькой в руках и Смолянин, понурый, держащийся, словно баба на сносях, за поясницу.

— Кащей, он же — Кащеев, он же — Манарбит!— вскричал Кубатай. — Именем верховного правительства Земли, вы арестованы!

— Что ж, — вздохнул Кащей, — рано или поздно это должно было случиться...»

— Помню-помню, — закивал Иванду. — Было, пленили мы ворога, а потом... Что ж дальше-то не читаешь, мудрец?

— Зачем, зачем читать? — засуетился Кубатай. — Да, отпустил я его, но ведь и ты поддержал, Иван... Так, а что еще тут интересного есть...

— Стоит ли отвлекаться? — Холмс похлопал Кубатая по плечу. — В данную книгу Кащей Бессмертный детей прятать не стал бы.

— Почему?

— Элементарно, Кубатай... позвольте называть вас подлинным именем? Отправив детишек в Вымышленный мир, где действуете вы — их отважные защитники, он ничего бы не добился. Значит, мальчики спрятаны в ином мире.

— Верно, — вздохнул Кубатай. — Ладно, отправимся еще куда-нибудь. Но знаете, Холмс, мне кажется, что вы сбили меня с интересной мысли... нет, уже забыл. Суньте какой-нибудь том под шкаф.

И мы вновь ринулись навстречу приключениям...

Глава пятая,

в которой на сцене появляется вещий мужичок

Потирая руки от удовольствия, Кащей прошептал заклинание, взмахнул руками, плюхнулся в возникшее позади него кресло-качалку и принялся ждать. Как выглядит конец света, он представлял смутно, но в том, что зрелище предстоит достойное, — уверен был.

Минуты шли, а материя мира почему-то все не расползалась по швам, не налетал разноцветный электрический смерч, сметающий с земли города и страны, не накатывала невесть откуда взявшаяся черная и густая волна небытия...

Улыбочка на устах Кащея поблекла, его раскачивания в кресле взад и вперед становились все более нервными и яростными, пока наконец, качнувшись особенно круто, он не перекувыркнулся вверх тормашками, опрокинувшись вместе с креслом на пол.

Бормоча проклятья и ругательства, он вскочил на ноги и принялся расхаживать от стены к стене библиотеки. Так и не дождавшись исчезновения ВСЕГО, он внезапно остановился и ясно произнес в пыльной тишине:

— Как же так?!

И тут же ответил себе сам:

— Их вернули! Их вернули ДЗР-овцы, кто же еще мог это сделать?! Смолянин и Кубатай — только они, проклятые, по острову шастают! Шастают да супротив меня козни вершат. А если даже и не они помешали, то только через них можно выяснить, кто это сделал. Выяснить и пресечь. Но как их найти?!

Покопавшись в широких карманах кафтана, Кащей выудил оттуда зеркальце наподобие того, что у Марьи-искусницы имелось, и вскричал:

Свет мой, зеркальце, скажи...
Или лучше покажи
(Без кокетства и утайки)
Смолянинку с Кубатайкой.

Зеркальце затуманилось, пошло рябью... и потухло. Кащей решил, что такой неверный итог его стараний связан с неудачной формулировкой приказа: то ли зеркальце не умеет работать «без кокетства и утайки», то ли оно не реагирует на уменьшительно-ласкательные формы имен искомых басурманов. Кащей поднапрягся и выпалил другое четверостишие:

Волю выполни мою,
А иначе — разобью:
Покажи мне Смолянина
С Кубатаем-осетином!

Зеркальце вновь честно попыталось выполнить его приказ, затуманилось, пошло рябью... и погасло опять.

— Проклятье! — простонал Кащей и тут только вспомнил, что сам же в целях конспирации наложил на все волшебные зеркала острова необратимое заклятье.

Шмякнув в сердцах бесполезную стекляшку об пол, так, что только острые брызги рассыпались в стороны, Кащей сплюнул и процедил сквозь зубы:

— Все равно найду.

...В княжецких палатах царило уныние. Расхворалась племянница Владимирова да жена Добрыни Никитича — Забава Путятишна. Что за хворь окаянная напала на нее, никто сказать не мог — ни лекари, ни бояны, ни даже Гакон — толстый бестолковый поп, на смену Гапону пришедший. Ясно было и неспециалисту, что скрутило ее знакомое уже царскому двору *несмеянство*, да в острейшей форме. Третью уж неделю лежмя лежала Забава на перинах пуховых, приговаривая лишь:

— Тошно мне... Ох тошно!..

Владимир с ног сбился.

Тут-то и появился в палатах его гость незваный, однако долгожданный — лохматый да бородатый мужик в лаптях. Пав пред князем на колени, вскричал мужик:

— Я — Гришка Распутин, святой старец! Лучшая водка моим именем прозвана да песенка заморская про меня сложена! Дозволь, Красно Солнышко, племяшку твою осмотреть да излечить по возможности!

— Чего ж не дозволить, валяй, — согласился Владимир. — Однако признайся, прохиндей, откуда о хвори-то ее ведаешь?

— Да как не ведать, княже?! Вся земля Русская стонет от вести сей горестной!

— Серьезно? Лестно мне это, лестно... Ну ладно, дерзни. Коли излечишь Забаву, богато, Гриша, одарен будешь. А уж коль не излечишь, не обессудь, головы лишишься.

— По рукам! — согласился Григорий. — Давай-ка, княже, поскорее сведи меня к ней, а то, не ровен час, отдаст она, сердешная, Богу душу, меня не дождавшись...

— Типун тебе на язык, Григорий! — всполошился князь и заторопился было, но тут же и осекся: — Не получится быстро. Забава-то с Добрыней на той половине царства живет, что я Емеле с Несмеянушкой на свадьбу презентовал... Покамест в отделе режима паспорт заграничный оформят, пока таможню пройдем...

— Развел ты, княже, бюрократию, — нахмурился Григорий. — Помрет Забава, то-то урок тебе будет.

Побледнел Владимир от слов эдаких, поежился... Махнул рукой, мол, была не была, и молвил:

— Айда, без документов попробуем.

— Стой, кто идет! — пронесся над границей зычный окрик богатырский.

— Кто, кто! — проворчал Владимир. — Дед Пихто! Князь это!

— А по мне — хоть князь, хоть грязь, а в чужой овин не лазь, — презрительно объявил пограничник.

— Видал?! — беспомощно глянул Владимир на Григория. — Я нонче — аки король заморский, Лиром именуемый! — Затем вновь обернулся к богатырю, напустил на чело грозности и заорал:

— Да ты чё, Илюха! Как же этот овин — мне чужой?! Земля-то сия — Русь, а я — князь русский!

Богатырь покачал головой:

— Э, нет. Руси-то две теперича. Та, что у тебя, — Русь Владимирская. А тута — Русь Емелина, сюда пускать не велено...

Григорий отстранил князя рукой, выступил вперед и вдруг гаркнул, да так, что испуганно присел и поджал уши конь под Ильей Муромцем:

— Оборзели?!!

Илья оторопело уставился на него. Григорий набрал в легкие побольше воздуха и, выпучив глаза, рявкнул еще:

— Над князем куражиться?!! У последней черты, можно сказать, стоим! Разменяли Русь, мать вашу!!!

Ноги у богатырского коня окончательно подкосились, и он тяжело плюхнулся наземь.

— Да ладно, брось орать-то, — примирительно заговорил вынужденно спешившийся Илья. — Чего надо-то?

Однако Григорий раздухарился и, видать, в сердцах о цели своего прибытия запамятовал.

— Чего надо?! — продолжал он грозно кричать. — А если даже и ничего, тогда что?!!

Илья призадумался, но промолчал. Тут вовремя встрял Владимир. Опосля Гришкиного рыка голос его казался тоненьким и слабеньким, хотя и кричал он, пытаясь попасть тому в тон:

— Лечить Забаву будем или как?!

Илья глянул на него, презрительно поморщился, но тут князя подхватил Григорий:

— ИЛИ КАК?!! — рявкнул он.

Илья почесал шлем.

— Вот это да, — сказал он, — вот это я понимаю. Глас народа. Проходите, чего уж там. Или мы — нехристи какие, не понимаем?.. Дело-то семейное...

Григорий и Владимир чинно проследовали через границу. Князь с уважением поглядывал на своего спутника.

...Обезумевший от горя Добрыня сидел перед постелью жены, время от времени роняя на дубовый пол скупую мужскую слезу.

Войдя в покои, Владимир остановился в нерешительности. Григорий же протопал прямо к постели и приказал безапелляционно:

— Очистить помещение!

— Ты кто таков? — подпрыгнул от неожиданности Добрыня.

— Лекарь это, Добрынюшка, лекарь, — успокоил его Владимир. — Из народа человек. Святой, ежели не врет. Обещался супружницу твою на ноги поставить.

— Пущай ставит, ежели обещался, — согласился Добрыня. — А не поставит, пусть на себя пеняет.

— Очистить помещение, — неприятным голосом повторил Григорий. — И ты, князь, тоже обче-то выйди, а то, не ровён час, на тебя хворь перекинется.

— Пошли, пошли, Добрынюшка, — заторопился князь и потянул богатыря за рукав.

— Да как же я жену свою... в спальне... с мужчиной... — начал Добрыня неуверенно, но Владимир тут же инициативу перехватил:

— Да ведь старец он уже, Добрыня. Святой тем более. А медицина, брат, дело темное, разумению нашему не подлежит...

Наконец князь выволок богатыря из комнаты, и Григорий с Забавой остались наедине. Григорий откашлялся и произнес в подрагивающую от рыданий спину:

— Ну, сказывай, красна девица, что у твоей болезни за симптомы?

Забава прекратила рыдать, обернулась, села на кровати, поджав под себя ноги, утерла слезы, улыбнулась во весь рот и ответила:

— А ты — страшненький, дядька. Лохматенький. Я страшненьких люблю. — И она озорно подмигнула. — Вот и Тугарин у меня был — такая страхолюдина, глянешь — дух захватывает. А я его люби-и-ла, — вновь принялась она размазывать по щекам слезы. — Страшный, зеленый, чешуйчатый, — шмыгая носом, продолжала Забава мечтательно. — Не то что этот, — презрительно кивнула она на дверь. — Розовый, гладкий, словно девка красная, аж потрогать противно! Еще и Добрыней кличут... добрый, значит. Бр-р! А Тугарин — злой был! Решительный! Настоящий мушчина. Ты, дядька, тоже злой, по глазам вижу, — заметила она, вглядываясь в дремучие распутинские космы. — Тоже, видать, решительный... Ну иди ко мне, волосатенький, — протянула она к нему руки обольстительно, — иди, развей мои печали!

— Изыди, Сатана! — вскричал Григорий, отскочив к противоположной стене. — Руки прочь, бесстыжая!

— Ругается! — умилилась Забава и ринулась за ним.

Распутин опрометью кинулся в двери и, захлопнув их перед самым Забавиным носом, подпер их собственной спиной.

С минуту за его спиной раздавались удары и толчки, потом все стихло, а затем в отдалении вновь послышалось девичье хныканье. Григорий расслабился.

— Ну что?! — обступили его с обеих сторон Добрыня и Владимир.

— Жить будет, — объявил старец авторитетно. — Случай, однако, сложный. Сглазили бабу.

Владимир охнул, а Добрыня возопил:

— Кто?! Кто сглазил?! Скажи только, из-под земли достану!!!

Вот тут-то и выложил Григорий то, ради чего ко двору Владимирову прибыл, ради чего и весь спектакль с лечением Забавы затеял:

— Знаю, знаю я, кто это сделал. Не первый то случай на Руси могучей. Шастают по ней два басурмана — Смолянин да Кубатай, они и вершат дело черное.

— Ужель Смолянин?! Ужель Кубатай?! — поразился Добрыня. — А ведь друзьями сказывались!

— То у них, у басурманов, заведено так, — наставительно молвил Владимир. — Молод ты еще, Добрынюшка, доверчив... И как же заклятье сие снять? — обратился князь к Григорию.

— Один только путь есть: поймать басурманов да пыткой выпытать. Окромя них никто этого знать не может.

— Не верится что-то, — снова вздохнул Добрыня. — Ладно, разберемся. Дозволь, княже, мне со товарищами на поиски пуститься?

— А чего ж, дозволяю, — покивал Владимир, польщенный тем, что просят его разрешения (чего давно уже не случалось). — И дурака с собой прихватите — надоел он мне пуще репы пареной. Все норовит доказать, что неверно я службу на Руси установил.

— Иван-дурак — очень даже нелишним нам будет, — согласился Добрыня. — У него к Кубатаю особый счетец имеется...

А князь, не слушая, продолжал:

— То, говорит, надобно какой-то шаг особый — «строевой» — вырабатывать, то Устав какой-то писать. Войско-то почти уж все разбежалось, а он — в воеводы метит. Отправляйтесь, короче, вчетвером. Хоть какая-то от вас польза будет.

На том и порешили.

Глава шестая,

в которой нам книги строить и жить помогают

(Рассказывает Костя)

— Стас! — Я осторожно похлопал брата по выступающей части тела. Тот встал, отряхнул часть снега и задумчиво сказал:

— Холодно.

Да, в этом он был совершенно прав. Мороз был несильным, градусов десять, но школьная форма от него спасала слабо.

— Костя, а что мы здесь делаем?

Подумав, я нашел самый правильный ответ и без колебаний поделился им с братом.

— Мы? Мы замерзаем.

— Плохо, — так же спокойно и неторопливо ответил Стас, начиная плавно притопывать ногами. — Интересно, куда нас сволочь Кащей засунул? На Северный полюс? Замерзнем...

Попадание в коварную Кащееву ловушку подействовало на него удивительным образом. Братец начисто лишился своей неуемной энергии. Сообразив, что такой вареный или, точнее, свежемороженый Стас мне в беде не помощник, я заорал:

— Стас, проснись! Делать что-то надо! Кубатай бы тебя не одобрил!

При упоминании любимого имени Стас слегка ожил. Я понял, что надо закреплять успех:

— Да что Кубатай! Разве в твоих любимых книжках так легко сдаются? Вспомни эту... как ее... «Молчание кондора». Или «Курятник в зеленом лесу». Там ни в какой беде не унывают!

На самом-то деле я этих книг не читал. Только слышал, что они учат доброте и мужеству. Но напомнил о них удачно — брат окончательно ожил. Книжки писателя Решилова были для Стаса второй святыней, почти сравнимой с генерал-сержантом. Он потер порозовевший нос, обошел вокруг меня, потом заявил:

— Стой крепче. Я тебе на плечи заберусь и осмотрю местность.

— Давай лучше я на тебя залезу! — возмутился я.

— Не стóит. Ты же выше. Если я на тебя стану, то больше смогу увидеть.

...Был тут какой-то прокол в Стасовой логике. Но спо-

рить не хотелось, да и времени не было — у меня от мороза аж уши звенели.

Я сел на корточки, Стас, пыхтя, вскарабкался мне на плечи, и началось... Кое-как распрямившись, я топтался в снегу, а Стас, стоя на моих плечах, командовал:

— Направо. Еще. Еще направо. О... О!!!

— Что? Что?! — воодушевился я.

— Подпрыгни! — потребовал Стас. — Да повыше.

Деваться было некуда. Я поднатужился — и прыгнул...

Выбираясь из снега, Стас сообщил:

— Костя, мы спасены! Там дома́!

— Молодец, — прошептал я. Стас зарделся. Сказал:

— Я смог их увидеть только потому, что стоял на твоих плечах!

Вроде и ситуация была критическая, а как мне тепло от такого признания стало! Тепло-тепло... И сонно... Тут я понял, что просто замерзать начинаю, и завопил:

— Бежим!

И мы помчались, временами проваливаясь в снег по пояс.

— Жаль, что книжки Решилова у Кащея остались, — вздыхал Стас на бегу. — Такое собрание! Все есть — и «Осиновые штанишки», и «Побудка для сестрицы», и «Шофер на каждый день». А самое главное — там был новый роман! «Правда о летчиках и самолетах»! У нас он вообще еще не написан! Представляешь — раньше писателя бы прочитали!

— Ты сейчас холода надышишься, — осадил я Стаса, — заболеешь и вообще ничего никогда не прочтешь.

— Почему?

— Да потому что помрешь!

Но Стаса мои слова лишь на время от болтовни оторвали. Так всю дорогу и разглагольствовал, даже когда от холода у него язык заплетаться начал. И лишь когда прибежали мы к домам — было их штук десять, все такие приземистые, крепкие, — замолчал. Подойдя к домам поближе, мы увидели табличку на столбе.

Станция
МОЛОДЕЖНАЯ

— Это где? — спросил Стас, который по географии знал лишь долину Нила.

— В Антарктиде, — поднатужившись, каким-то чудом вспомнил я.

— А где полярники? — возмутился Стас. Покрутил головой и вдруг воскликнул:

— Во! Глянь, у них митинг какой-то! Руками машут...

Я посмотрел в ту сторону, куда он показывал, и чуть не засмеялся, хоть нам было и не до смеха. В километре от нас и вправду по снегу прыгали черные фигурки и махали крылышками.

— Балда! Это пингвины!

— Допустим, — не смутился Стас. И повторил: — А где полярники?

Я только плечами пожал. Снег вокруг домов был чистый, нетронутый. Сразу видно — давно здесь никто не зимует.

— Надо внутрь попасть, — решил Стас, и мы принялись обходить дома. Легко сказать — внутрь! Все двери были на такие могучие замки заперты, что их и ломом не своротишь.

— Это ж надо, — возмущался Стас, стуча зубами. — Дети замерзают, а они от воров всё позакрывали.

Только одно здание, поменьше других, с вывеской «Красный уголок» было заперто халявно — на обычный английский замок. Шансов, конечно, было мало, но... Я достал из кармана наш домашний ключ и попытался повернуть...

Дверь открылась!

Мы с братом ввалились в маленькую комнатку вроде прихожей. Там еще дверь была. Зашли, видим — просторный зал, полки с книгами, как в Кащеевой библиотеке, сквозь замерзшие окошки кое-как пробивается свет. Посреди зала железная печка, на ней — коробок спичек и пачка «Беломорканала». В углу — железная койка. И холодина — как на улице.

— Все равно замерзнем, — решительно заявил Стас. — Так уж получается.

— Не замерзнем! — сказал я с неизвестно откуда взявшимся оптимизмом и стал снимать с полок подшивки газет: «Труд», «Комсомольская правда» и «Спид-ИНФО».

Когда в печке газеты как следует разгорелись, я придвинул Стаса поближе к огню, накрыл одеялом с койки, сам в другое укутался. И мы принялись оттаивать.

...Минут через сорок вся изморозь с нас сошла, а у Стаса даже ноги снова шевелиться начали.

— Газеты-то кончаются! — ехидно, словно рад был замерзнуть, заявил он. — Что делать будем?

Я оторвался от увлекательного чтения — той странички в «Спид-ИНФО», где печатают кверх ногами, — с удовольствием запустил газету в огонь и сказал:

— Твоя очередь огонь поддерживать. Вон... книжек много.

У Стаса отвисла челюсть.

— Книжками? — простонал он.

— А чем еще, — вздохнул я. — Ну чё получше — оставляй, а всякую лабуду — в огонь.

— Нехорошо... — Стас замотал головой. — Люди старались, писали... А мы — сжигаем?

Ах, он же у нас теперь начинающий писатель! Я рассвирепел:

— Запомни, Стас, жизнь человеческая, тем более детская, важнее книжек!

— Ну да, — поколебавшись, сказал брат, — об этом и Решилов писал.

— Вот! И все писатели с радостью бы сожгли свои книжки ради того, чтобы нас спасти! Уверяю! Даже Лев Толстой бы сжег, он детей очень любил.

— Вот с него и начнем, — решил Стас. Но Толстого он нашел не сразу. Вначале мы грелись Достоевским, тем более что тот сам говорил: ничто, мол, в мире детской слезинки не стоит. Потом Лермонтова нашли... но он мало написал, к сожалению. Диккенс нас окончательно согрел, а на середине Льва Толстого температура в комнате стала вполне приличной. Мы сбросили одеяла, придвинули койку к огню поближе и начали военный совет.

— Книжек нам на недельку хватит,— рассуждал Стас.— А за это время мы другие дома откроем, всяких деревяшек запасем, может, и радиостанцию включим...

— А есть что будем? — Я вытряс из карманов еду, запасенную на пиру у Кащея. — Этих конфеток и печенья надолго не хватит!

— Ну, на моржей будем охотиться, — беспечно сказал Стас, извлекая из-за пазухи подмороженные бананы, а из карманов — твердые как камень пирожки.

— Балда! В Антарктиде моржей нет... кажется. Тут только пингвины водятся.

— Значит, на пингвинов будем охотиться. Это еще лучше, они яйца откладывают. А я хорошо яичницу готовлю. Ты знаешь.

От последней фразы меня снова мороз продрал. Не для того я родную маму от фараона спасал, не для того на Венеру путешествовал, не для того Кащея пинал, чтобы от пингвиньей яичницы помереть!

— Пингвины, Стас, — как можно внушительнее сказал я, — животные редкие, исчезающие. Их охранять надо!

— Ничего, — отмахнулся Стас. — Я по телеку слышал,

что если человек в безвыходную ситуацию попал, то он может на кого угодно охотиться... Костя, ты чего почитать хочешь, Булычева или Казанцева?

— Конечно, Булычева!

— А я на нем бананы разогрел, — убитым голосом отозвался Стас. — Да ладно, книжка не очень толстая была. «Старость Алисы» называлась.

Я только вздохнул. Я книжки про Алису люблю... да и она сама мне нравится. А вот Стас никак этого не поймет.

— Давай поедим и спать ляжем, — с горя предложил я.

— Давай, — радостно согласился Стас. И мы принялись наедаться перед сном. Вначале съели пирожки, потом бананы, которые стали мокрые и липкие. Осталось у нас чуть-чуть конфет и пригоршня печенья.

— Завтра будем голодать, — вздохнул Стас. — Или на пингвинов охотиться...

Дались ему эти пингвины! Я ехидно спросил:

— Как же ты на них охотиться собрался? Муми-бластеров нету!

— Очень просто. Сделаем лук и стрелы. Как в книжке «Столяровы, старший и младший».

— Слушай, твой Решилов — это ходячая оружейная лавка! — съязвил я.

— Еще бы. Он же книжку о старинном оружии написал — «Девочка с аркебузой»... — Стас вздохнул и принялся кидать в огонь толстые тома Казанцева. Потом заметил: — Вот... Тоже полезный писатель. Много написал. И бумага хорошая, сухая.

...От вчерашних переживаний и разговоров мы даже забыли договориться, кто будет огонь поддерживать. Так что утром не ругались, по чьей вине он погас. Бросили жребий, кто будет печку растапливать — стали перечислять фантастические романы на букву «П». Кто первым остановится, тот и проиграл. Стас первым выдохся, вылез с визгом из-под одеяла и ну давай огонь разводить! И главное, со злости начал жечь именно те книжки, которые на «П» начинались. Ох и много же их было! Пляшет, противный, по полу, подкармливает печку печатной продукцией, причитает печально:

— «Путь обмана»... Простите, пожалуйста... «Пристань желтых кораблей»... Пойдет! «По грибы»... Придется... «Пляшущие человечки»...

— Подожди! — пришлось придержать потенциального писателя. — Прекрасная повесть!

Вылез я из-под одеяла, отобрал у Стаса «Человечков». На что начал замахиваться, подумать страшно! И мы принялись кидать в огонь другие детективы. Подняли температуру в помещении и «Уставом караульной службы», у которого корешок самый твердый оказался, изморозь с окна отскоблили. Смотрим: погода портится. Ветерок со снегом, тучи в небе.

— Стас, еды много осталось?

— Ну... конфеты, печенье...

— Значит, придется искать продукты, — решил я.

...Чего мы только не нашли, замотавшись в одеяла и открыв топором самые сложные замки! Четыре мясорубки, восемь кастрюль, соковыжималку, мантышницу и машинку для закатывания маринадов... А вот из еды был только замерзший насквозь аквариум с пятью золотыми рыбками и десятком улиток.

— Что же здесь случилось? — грустно сказал Стас, когда мы вернулись в теплую, согретую Человеческой Мыслью библиотеку.

И тут меня осенило! Я схватил со стола журнал учета выданных книг и стал его зачитывать, ближе к концу:

«Третье сентября. Выдано:

Иванов: "Декамерон", автор — Боккаччо.

Петров: Подшивка "Спид-ИНФО" за 1994 год.

Сидоров: "Жюльена", автор — маркиз Де Сад».

— Любопытно, — грызя замороженную карамель, сообщил Стас. — А через недельку?

Я перелистнул журнал и прочел:

«Десятое сентября. Выдано:

Иванов: "Триста блюд из картошки".

Петров: "Домашние разносолы".

Сидоров: "О вкусной и здоровой пище"».

— Ага! — воскликнул Стас, поглощая печенье. Я отобрал у него остатки продукта и стал читать дальше:

«Семнадцатое сентября. Выдано:

Иванов: "Хатха-йога".

Петров: "Голодание — основа долголетия".

Сидоров: Поль Брэгг "Пища, которая всегда с тобой"».

— Так... — мрачно произнес Стас. — Ты в конце глянь!

Глянул я в конец и с облегчением вздохнул:

— Стас, нормально! Тут написано: «Ура! Нас сегодня эвакуировали! Петров починил рацию и, прежде чем она снова сгорела, успел послать "SOS". Ура!»

— Так прямо и написано? — осведомился брат. — Прежде чем сгорела?

Я кивнул. Действительно, плохи наши дела...

— Помочь нам может только Кубатай! — Стас нервно зашагал по комнате. — Он — настоящий мужчина. Он — верный друг. Он... — тут Стас даже паузу сделал, подбирая словечки покрасивее, и изрек: — Он — неучтенный фактор в преступном замысле Кащея!

— Он — ужас на крыльях ночи, — печально добавил я.

— Кстати, о ночи! К вечеру мы проголодаемся! — как ни в чем не бывало переключился на прозу жизни Стас. — Пошли охотиться, а? Ну пошли...

— А лук и стрелы?

— Дубинками обойдемся, — и Стас начал озираться по сторонам. — Костя, пока не холодно, пойдем на охоту!

...Через час мы брели по снежному полю в сторону черных точек. Мы замотались в одеяла, на ноги поверх кроссовок надели найденные в домике сапоги. До пингвинов было еще далеко, но сомнений в том, что это именно они, не осталось.

Стас мурлыкал что-то бодрое и помахивал дубинкой — металлической ножкой от стула. Ножка была с винтом и выглядела внушительно. Зато моя дубинка, палка от швабры, была очень длинной. А это, по-моему, еще лучше.

— Костя, ты что больше любишь, ножку или крылышки? — спросил меня Стас на полпути. — Чур, ножки мои!

Я не ответил. Я глядел на пингвинов, и меня терзали смутные сомнения. А через десять минут и Стас замедлил шаг. Почесал красный от холода нос и признался:

— Наверное, нам обоим крылышка хватит...

Пингвинов оказалось штук миллион. Ростом они были повыше нас. Галдели, как вороны на помойке. И поглядывали на нас — нехорошо так, изучающе...

А вокруг было красиво! Развиднелось, солнце пригревать стало, и все вокруг засияло. Даже не думал, что лед может так сверкать, переливаться, играть всеми цветами радуги. А далеко-далеко впереди море было, темно-черное, присыпанное мелкими льдинками. Там тоже пингвины резвились...

— Все-таки пингвин — зверь редкий, — не замечая, что называет пингвина зверем, произнес Стас. — Яичница лучше.

— Лучше, — глядя на пингвиньи туши, соврал я. — Они яйца высиживают в гнездах, но иногда отходят... попить, например.

— Ну вон один и отошел. — Стас ткнул в сторону пингвина, который и вправду побрел к морю, подозрительно на нас оглядываясь. — Так, сейчас мы яичко и раздобудем...

И прежде чем я успел его остановить, брат кинулся к оставленному без присмотра гнезду — кучке камней на снегу. Порылся там, схватил что-то и побежал обратно. А вокруг пингвины орут, крылышками машут, на месте топчутся. Тот пингвин, который пошел водичку пить, оглянулся, увидел разбой да как чесанёт обратно!

— Стас, ходу! — завопил я и сам последовал своему совету. Только брат меня быстро догнал, потому что кинул дубинку, одеяло и сапоги. Но яйцо — крупное, с литровую банку — крепко прижимал к животу.

— Оглянись, он еще гонится? — спросил Стас на бегу.

— А сам не можешь?

— Страшно!

Я оглянулся — и прибавил ходу. Потому что за нами гнались даже два пингвина — тот, которого мы обворовали, и другой — здоровенный, ростом метра в два! Стас меня понял без слов.

— Бросай яйцо! — вопил я. Но Стас то ли не слышал, то ли его жадность одолела, то ли от испуга у него руки свело.

На полпути маленький пингвин повернулся и побрел обратно: наверное, новое яйцо откладывать. Но большой гнался. Лучше бы наоборот!

До библиотеки и оставалось-то всего ничего, когда Стас поскользнулся и рухнул в снег. Я остановился.

— Мне яйцо помешало, — приподымаясь, заявил Стас.

А пингвин был уже рядом. Ох и здоровый же! Наверное, это был муж маленького пингвина, самец. А может быть, даже вожак стаи! Делать было нечего: я взял дубинку наперевес, как копье, и грудью заслонил непутевого брата.

— Кря! — сказал пингвин, останавливаясь в двух шагах. И разжал свои передние плавники... то есть, тьфу ты, крылышки, которые крепко прижимал к животу. В снег шлепнулось яйцо! Еще одно!

— Кря! — добавил пингвин и вразвалку побрел обратно.

— Вот это класс! — только и выдавил я. А Стас обалдело помигал и предположил:

— Может, он решил нам помочь? Понял, что мы голодные?

Вареные пингвиньи яйца — это, скажу вам честно, гадость жуткая! Рыбой воняют, скорлупу фиг пробьешь, а до

желтка добираться просто сил никаких нет. К тому же они были немножко несвежие. Но мы мужественно съели яйца — жрать уж очень хотелось.

— Вот ведь как жизнь устроена! — начал философствовать Стас. — Нигде порядка нет, даже в Антарктиде. Станцию на произвол судьбы бросили, никаких продуктов не оставили. И ни одного ружья. Стыдно сказать — приходится яйца у пингвинов воровать! Разве так делается?

— Делается, — листая обреченного на сгорание Джерома К. Джерома, сказал я.

— Костя, но вот ты бы, будь президентом, допустил такое безобразие?

— При чем тут президент? У него других дел хватает.

— На всё надо время находить! Нет порядка в стране. Да что там в стране — нигде в мире нет. Давно надо было всем собраться и в Антарктиде лыжные базы устроить, катки... А пингвинов — в резервацию! — кровожадно добавил Стас.

— Вот вырастешь, станешь президентом, потом в ООН выступишь и всё устроишь как положено, — попытался я успокоить Стаса.

— Ждать долго... Был бы я сейчас президентом, пока молодой, с оригинальными мыслями, непьющий почти... Эх!

— Кто бы тебя слушал? Пятиклассник-президент! Ха!

— Не слушали бы? Значит, надо не президентом стать, а диктатором! И вообще, всю власть в мире детям передать. Взрослые пусть работают, старики отдыхают, дети — управляют, а пингвины — вымирают. Тебя, Костя, я бы министром сделал. Военным.

Я немножко обдумал это предложение. Было оно заманчивым, что говорить, вот только немного нереальным.

— Поспи, голова свежее будет, — посоветовал я. Стас надулся и буркнул:

— Ладно, тогда будешь министром сельского хозяйства. В наказание!

Наверное, через полчаса брат бы так разозлился, что назначил меня директором школы или сантехником в Белом доме. Но тут в дверь тихонечко стукнули!

— Ой! — подскочил Стас на месте. — Кубатай!

И бросился открывать. Распахнул дверь — а там...

— Опять пришел! — пискнул Стас, отбегая. А здоровенный пингвин потоптался у двери, разжал плавники — и высыпал у порога горку свежей рыбы!

— Он дрессированный, — понял я. — Пингвин-спасатель, как сенбернары! Стас, ура!

Глава седьмая,

в которой Иван-дурак ломает меч и это приводит к непредсказуемым результатам

(Рассказывает доктор Ватсон)

Признаться, манера Кубатая забираться в книги, названий которых мы не знали, несколько пугала меня. Вот и на этот раз Холмс не споря загрузил под шкаф книжный томик, мы влезли в магический шкаф, подождали минутку... Иванду успел сменить дикарский кинжал на огромный меч. Видно, недоброе предчувствовал черный великан.

— Пора, пожалуй, — решил Кубатай, открывая дверцу и выпрыгивая наружу. Мы услышали плеск и басовитый возглас: «Ой!» И все это — в кромешной тьме, царящей снаружи шкафа.

— Я иду на помощь! — с этим криком Смолянин выпрыгнул следом. Потом тяжело плюхнулся Иванду, и мы услышали его невозмутимый голос:

— Что разлеглись-то посередь лужи, а? Еще мудрецы... Хуже детишек малых. Глаз да глаз за вами надобен...

Осторожно выйдя из шкафа, мы оказались по колено в мутной холодной воде. Была ночь. Несколько звезд робко светили в разрывах туч.

Шкафа за нашими плечами больше не было.

— Мрачноватый мирок... — Холмс поежился и порылся в карманах. — Трубочным зельем побалуюсь — сразу уютнее станет.

Держась за руки как дети, — лишь огонек в трубке Холмса служил нам ориентиром, — мы пошли вперед.

— Очень это обидно, что я в луже промок, — сказал Смолянин. — Вот кто знал, куда и как? Сколько прошли, а еще такой лужи не встретили... чудно́. Кто здесь живет-то, в глухомани этакой?

— Это еще не глухомань, — возразил Кубатай. — Вон недалече как бы свет теплится. Люди здесь живут, может, еще кто. И мы уж давайте, друзья, маскировку соблюдать. А заодно помните — я снова не Кубатай, а Кубату. Осторожность нужна.

Мы шли в сумраке; темнота густела позади и спереди, но скоро вдали замерцали огни. Крутой косогор заслонял мутное небо, а внизу раскинулось большое селение. Туда мы и поспешили в надежде на жаркий огонь, стены с крышей и дверь — отгородиться от ночи.

Вскоре мы наткнулись на запертые ворота; впрочем, рядом была сторожка, а в сторожке сидел человек. Он изумленно вскочил и с фонарем поспешил нам навстречу.

— Кто такие, откуда едете, чего с собой везете? — неприветливо спросил он.

— Мы люди мирные, дела у нас у всех разные, добрались вот до вас, — сказал Смолянин. — Я, например, Мак-Смоллет. Чего еще-то?

— Да ничего, ничего, мы гостям завсегда рады, — заверил его привратник. — Я-то еще нелюбопытный, а вы вот погодите, вас еще доймут расспросами! Уж подумаешь, старый Горри полюбопытствовал... К нам нынче кто только не забредет. Даже эти... как их... маленькие такие... В «Пони» придете, так сами удивитесь.

Привратник пожелал нам доброй ночи, и мы прошли. Кубатай возбужденно зашептал:

— Слышали? «Маленькие такие...» Уж не о мальчишках ли он?

— Всякое случается, вот как повезет — и не встанешь от радости! — поддержал его Мак-Смоллет. — Неужто и отыщем детишек?

Я заметил, что говорить он, впрочем, как и Кубату, стал вроде как по-другому. Видимо, сказывалась книга, в которую мы попали.

Трактир, если приглядеться, обещал уют. Он стоял у дороги, два крыла его упирались в склон холма, так что окна второго этажа были сзади вровень с землей. Дверь украшала гордая вывеска:

«"ГАРЦУЮЩИЙ ПОНИ", содержит Лавр Наркисс».

Кубатай неожиданно приосанился, стал словно бы выше ростом, и от фигуры его распространилась такая сила, что все мы оробели:

— Не в добрый час попали мы сюда, друзья... Ох и тяжкая же доля досталась жителям этого мира. Тьма сползает на землю... — Кубатай ненадолго замолчал, потом встряхнулся и продолжил: — Впрочем, что нам с того? Пацанов выручим, перекусим на дорожку и — в ближайший шкаф.

— Оно бы неплохо, можно и за ужин не платить... — робко пискнул Смолянин. Я согласно покивал, но Кубатай удостоил нас таким взглядом, что я отвел глаза, а бедный переводчик присел и неохотно проронил:

— Можно и заплатить.

И мы вошли в трактир.

Навстречу нам пулей вылетел лысый краснолицый тол-

стяк в белом переднике. В руках у него был большой поднос с грудой обглоданных костей.

— Добрый вечер, добрый вечер, добрые господа, — затараторил он. — Что угодно, чем услужить могу?

— Поесть, попить, поговорить, — сурово ответил Кубатай. — Вы — господин Наркисс?

— Вот именно! — обрадовался толстяк. — А зовут Лавр. К вашим услугам! Поесть — накормим, попить — упоим, поговорить — заболтаем.

— Где дети?! — перешел прямо к делу Кубатай.

— Какие дети? — округлил глазки толстяк.

— Двое, мальчик и... мальчик. Стражник у ворот признался нам: прошли, дескать, маленькие...

— Так то ж хоббиты! — расцвел в улыбке толстяк. — Господа Крол, Брендизайк, Скромби и Накручинс!

— Дьявол, — выругался себе под нос Кубатай. — Не люблю этот перевод... Итак, Лавр, детей в трактире нет?

— Мальчик-конюх, девочка-посудомойка, поваренок...— начал перечислять трактирщик. Кубатай повернулся к нам:

— Что будем делать, друзья? Вернемся?

— По какой такой причине? — Холмс прочистил трубку и пояснил: — Мы ведь отдохнуть хотели. А потом, со свежими силами, — за поиски.

— Как бы оно не вышло чего, — изрек Смолянин. — Однако же уходить не покушав — дело скучное. Шерлок верно говорит — можно и переночевать.

Я представил себе уютный трактирный зал, пиво, мягкую постель... Взмолился:

— Давайте передохнем!

— А ты, Иванду? — Кубатай решил выяснить мнение всех. Негр пожал плечами:

— Сударь мой Кубату, я — воин и не стремлюсь к уюту. Стремление защитить малых и слабых — главное, что мной движет. Но друзья наши устали. Погреться, выпить, закусить — это все прекрасно.

— Решено! — махнул рукой Кубатай. — Лавр! Комнату с пятью постелями и вкусный ужин!

Через несколько минут мы уже сидели в маленькой уютной комнате и ели горячий бульон, заливное мясо, ежевичный джем, свежевыпеченный хлеб, вдоволь масла и полголовы сыра. Специально для Иванду принесли крынку молока и тарелку с солеными огурцами.

— Неплохо, неплохо, — бормотал Смолянин, прожевывая яства. — Только хорошо бы еще чего-нибудь домашненького, естественного... консерву какую-никакую...

— Увы, не захватил, — с явным сожалением в голосе откликнулся Кубатай.

— Если вас удовлетворят скромные достижения девятнадцатого века в искусстве консервирования... — неожиданно велеречиво начал Холмс, — то ананасовый компот — к вашим услугам!

И он извлек из кармана небольшую жестянку. На мой удивленный взгляд Холмс, потупившись, признался:

— Да, милый друг, я часто беру с собой эти простые и сытные продукты. В лондонских доках, баскервильских торфяных болотах, провинциальных гостиницах — всюду они выручали меня.

...Нередко, помогая ему в расследованиях, я испытывал невыносимый голод. И был уверен, что и друг мой испытывает то же самое.

Но я проглотил обиду. К сожалению, только обиду...

Мы уставились на жестянку. Мы предвкушали вкус ананасового сока. Мы поняли, что никогда в жизни не ели ничего вкуснее. Жалко лишь, что в трактире не оказалось консервного ножа...

Первым за банку принялся сам Холмс. Повозившись пару минут, сломав перочинный нож и погнув вилку, он смущенно отдал консерву Смолянину.

— Как бы ее открыть, так или этак, — бормотал Смолянин, вертя банку. — Если бы поддеть хорошо или подцепить крепко...

Послушав его с минуту, Иванду покровительственно хлопнул Смолянина по плечу, вынул свой огромный меч, нацелил его на банку и налег на рукоять...

Раздался треск, звяканье ломающейся стали, и в руках Иванду оказался... обломок меча!

— Кладенец... — убитым голосом запричитал негр. — Кладенец... Любимый меч... Кейсероллом даренный... Ох...

Схватив злополучную банку, он метнул ее за окно. Потом сел, баюкая в руках сломанный посередке клинок.

— Не горюй, — постарался утешить его Кубатай. — Всякое бывает. Есть здесь один герой, Арагорн, так ему сломанный меч целое королевство принесет!

— Как это? — скорбно прошептал негр.

— История долгая, — задумчиво произнес Кубатай. — Да что еще делать после ужина, как не байки трепать? Расскажу...

И он пустился в долгое повествование о каком-то кольце, малорослом народце — хоббитах, злом чародее Сауроне и прочих сказочных ужасах. Я, признаться, не слушал. Подремывал, глядя на пыхтящего трубкой Холмса, пылаю-

щий в камине огонь, выковыривающего грязь из-под ногтей Смолянина...

— Вот так все и закончится! — громко объявил Кубатай, разбудив меня. Иванду, подавшись вперед, с полуоткрытым ртом смотрел на генерала. Тихо произнес:

— Да это... это ж покруче Кащея будет!

— В какой-то мере, — признал Кубатай.

— Дела... — Иванду уставился на сломанный меч в своих руках. — Может, выйдем в общий зал, с народом пообщаемся?

— Зачем? — забеспокоился Кубатай.

— Ну... Обидно все же, в такой книжке интересной побывать, а ничего толком не увидеть.

— Пойдем...

Я неохотно вылез из кресла и последовал за спутниками.

В зале собрался самый разнообразный и пестрый народ. Я разглядел посетителей, когда глаза привыкли к тамошнему свету, чтобы не сказать полутьме. Лавр Наркисс разговаривал с какими-то коренастыми, крепкими мужичками, похожими на лондонских угольщиков. Кубатай шепотом сообщил, что это гномы, но я ему не совсем поверил. Кроме гномов и людей сельского обличья в зале толкалось немало невысоких, бойких, говорливых парнишек. Вначале я принял их за местную молодежь, потом увидел, что босые ноги «молодежи» покрыты густым слоем шерсти, и обомлел.

— Это они и есть, — тихо объявил Кубатай. — Хоббиты! Им и предстоит с врагом бороться!

— Таким малышам? — Иванду недоверчиво глянул на Кубатая. — Что творится... что творится, а?

Мы сели за пустой столик в углу и принялись попивать кисловатое пиво, разглядывая компанию хоббитов, рассказывающих какой-то вздор местным завсегдатаям. Чем дальше, тем больше умилялся Иванду:

— Какие они славные, верно? Точь-в-точь как кролики, что мне в детстве маманька подарила... Ох пропадут же они... Ох пропадут...

— Не бойся, — успокоил его Кубатай. — Им поможет Арагорн!

— А? — слабо донеслось из-под стола. — А? Я! Арагорн... всегда поможет...

Мы в ужасе уставились под стол. Там, в пивной луже, валялся крепкий, загорелый дочерна человек. Делая слабые попытки подняться, он пьяно улыбался нам.

— Ты кто? — ошалело спросил Кубатай.

— Ара... Ара... Арагорн! Вот! Руку дай... не надо, я сам...

— Где твой меч? — возмущенно спросил Иванду.

— Меч? — На мгновение глаза Арагорна протрезвели.— Да, был... Я его гномам на пиво сменял. Все равно... ик!.. сломался... Мой меч, что хочу, то и делаю...

— Тебе же пора хоббитов выручать! — прошипел Кубатай. — Очнись, герой!

— Хоббиты? — Арагорн оперся об пол. — Да, помню-помню... Так что, мы будем хоббитов спасать или так и останемся под столом?

И с этим риторическим вопросом Арагорн, блаженно щурясь, погрузился в сон. Дальнейшие попытки его поднять выдавили из бедного героя лишь жалобную фразу:

— Враг то и дело ставит мне ловушки... Тяжко! Темно!

— Да, — мрачно сказал Кубатай, — Арагорн, потомок славного рода, спился!

— Древнее золото редко блестит... — пьяно прокомментировал Арагорн из-под стола.

— Беда! Кто же хоббитов спасет? — с мукой в голосе вопросил Кубатай.

— Я.

— Кто? — взвился Кубатай. — Кто сказал «я»?

— Я, Иван-дурак, русский богатырь, — гордо ответил Иванду.

— Иван! Но ты не можешь! Ты настоящий! — вскричал Кубатай. Иван пожал плечами:

— А кто разберет, где настоящие, а где придуманные? Холмс, ты — сможешь?

Холмс покачал головой:

— Вот так-то, Кубату. Ловите Кащея сами — а я здесь правому делу подсоблю. Все одно — без кладенца я вам не помощник.

— Иван, тут отсталость... древность...

— Электричеств всяких и у нас нет, — твердо ответил Иван.

— Так оно так, но вроде как и Русь защищать надо, — вступил в разговор Смолянин, — да и дружки у тебя как-никак...

— Дураков на Руси немерено, найдутся защитнички, а друзья — поймут.

Иван был непоколебим...

— Здесь бананов нет, — неуверенно заявил Кубатай.

На мгновение Иван дрогнул, потом махнул головой:

— Выдюжу!

— Иван, но в конце-то концов ты же негр! — прибег к крайнему средству Кубатай.

— Что ж, у каждого — свои недостатки. — С этими словами Иван стащил с пьяного Арагорна зеленый, в пивных пятнах плащ, набросил на плечи и твердой поступью направился к хоббитам...

Впрессовываясь в крошечный платяной шкаф, стоящий в нашей комнате, Кубатай причитал:

— Боже! Как же так! Иван... Иван...

— Спаситель наш, — хмуро подтвердил Смолянин. — Так уж повернулось да вывернулось, что спас, не продал...

Я закрыл дверцу шкафа — и открыл ее вновь, уже в библиотеку Кащеева замка. Кубатай на четвереньках выполз из шкафа, сел у поредевшей книжной стопки и сказал:

— Если бы вы знали, Холмс, как мы обязаны Ивану! Если бы не он...

— Скопытились бы мы, верняк. — Смолянин пристроился рядом с Кубатаем и грустно добавил: — Князь-то, собака киевская, падла пустозвонная, приказал Ивану найти нас. Порешить хотел, козел...

И вот что рассказал Смолянин.

Глава восьмая,

в которой хитрость порождает благородство, а разоблаченный враг делает ноги

Нельзя сказать, что задание Владимира пришлось богатырям по вкусу. Даже с Добрыни спал первый азарт. Едучи по столице, они неспешно обсуждали ситуацию.

— Что ни говори, а нехристи чужеземные с нами в один поход ходили, за одной самобранкой хлеб-соль ели, — рассуждал Добрыня. — Зачем им Забавушку околдовывать? Даже если и замыслили они чего дурного... нехорошо нам их полонить.

— Правильно! — обрадовался таким словам Иван-дурак. — Давайте воротимся, скажем: пошли, мол, княже, других богатырей на поиски. Силы-то в супротивниках, почитай, никакой нету, тут и Федот-стрелец справится!

— Что-то ты, Иван, добрый больно, — хохотнул Илья Муромец. — Кубатай-кавказец у тебя Марью увел, а ты благородством пылаешь!

Слегка покраснев, что, к счастью, было незаметно при его цвете кожи, Иван ответил:

— Потому и благородный, что сам я хотел с Марьей от-

ношения заканчивать. Некогда мне любовь разводить, надо карьеру делать!

— А! — с уважением произнес Илья Муромец. — Вот оно что...

Хитрый Алеша Попович, как всегда, спас ситуацию:

— Друзья! К чему муки душевные? Мы же не убивать нехристей хотим, а на допрос... то есть на беседу к князю препроводить. Князь у нас строг, но справедлив. Мухи даром не обидит!

— Даром не обидит, — согласился Иван. На том и порешили. Оставалась лишь одна маленькая проблема — как найти чужеземцев?

— Давайте рассуждать по-ученому, — предложил Добрыня. — Где бы мы были, не пошли нас на поиски служба государева?

— В трактире... — пожал плечами Илья.

— Во! А нехристи не на службе! Значит — они в трактире! Поехали искать!

— Рубликов мало, — вздохнул Илья.

— Расходы на Владимира! — поднял брови Алеша. — Мы ведь не пьянствовать собрались, а врагов княжьих искать!

— Логично, логично, — оживился Илья Муромец, решив блеснуть ученым словечком. — Так, откуда поиски начнем?

— С «Града Китежа», — робко предложил Иван. — Самое людное место, да и медовуха там славная...

— Зато закуска хреновая, а я с утра не емши, — отмел предложение Добрыня. — Лучше в «Красно Солнышко» двинем...

— Это где царскую водку самогоном разбавляют? — развеселился Илья. — Молодежь... Поехали в «Булатную рукавицу», там и накормят, и напоят, и разговор поддержат.

— Так это... «Рукавичка»-то в богатырских казармах расположена, нехристей там никак быть не может! — растерялся Иван.

Но пришпорившие коней богатыри особого внимания на его слова не обратили. Лишь сердобольный Алеша бросил на ходу: «Убедиться надобно!»

К полуночи князя Владимира казна немалый урон понесла, а богатыри убедились, что хитрых нехристей в киевских трактирах нет. Друзья ехали по пустынной ночной улице, мучительно размышляя.

— По постоялым дворам пройтись... али по девкам гулящим... — рассуждал Алеша. — Или еще в трактирах поищем?

Иван его не слушал. Иван думал. В последнее время занятие это стало ему нравиться и уже не вызывало прежней испарины. Сказались, видать, беседы с мудрецом.

— А не слыхал кто, не собираются ли бояны на сходку очередную? — неожиданно спросил он. — Кубатай очень тусовки любит, обязательно придет.

— Насчет боянов — не знаю, а вот вышивальщицы княжьи этой ночью девичник устраивают, — сообщил Попович. — Кузина моя, златошвейка, говорила намедни.

Иван поскреб затылок. Решил:

— Ладно, проверим...

Через несколько минут богатырские кони весело топтались у общежития златошвеек. Богатыри торопливо расчесывали усы и поправляли кольчуги.

— Значит, так, — решил Иван, незаметно принявший командование. — Я первым пойду, проверю, там ли чужеземцы. Нечего зря девок пугать, всей толпой вваливаться.

— Правильно, — поддержал его Муромец, — пусть расслабятся сперва. Иди, Иван.

Иван пошел. Открыв дверь березовую, что вела в двухэтажный терем общежития, он наткнулся на старца, мирно сидящего на лавке.

— Куда путь держишь? — вопросил старец.

— На девичник! — признался Иван.

— Что-то я косы твоей не угляжу, красна девица! — съязвил отважный ветеран. Иван насупился и многозначительно потряс булавой.

— Богатырь, — укоряюще произнес старец, — неужто на служивого руку подымешь? Не велено пускать!

— И я на службе, — не сдавался Иван. — Не девок я портить пришел, вот те крест! Мне бы только на минуточку, одним глазком глянуть...

— Эх, бедолага, — старец, видно, понял Ивана не совсем верно, но сменил гнев на милость. — Ладно, иди глянь. Только булаву оставь, с оружием не пущу.

Отвесив доброму старику поклон, Иван стрелой каленой взвился по лесенке. Прошел по коридору, вслушиваясь... Так. Из-за одной двери доносился легкий шум... Иван приоткрыл дверь и глянул.

Уютная горенка была набита статными девками — княжецкими вышивальщицами. Горели свечи восковые, придавая их лицам загадочность и игривость. А посредине комнаты, за прялкой, сидел... Кубатай!

— Ох! — только и промолвил Иван, сам пораженный своей прозорливостью.

— Что мы имеем? — вещал девкам Кубатай. — А имеем мы нить. Не слишком прочную, но — ручной работы, что ныне модно. Вот лишь расцветки у пряжи бедноваты. А что мы предпримем? А вот что предпримем! Смолянин!

Из угла выступил толмач, бережно держа завернутый в тряпицу предмет.

— Кто поможет нам, златошвейкам? — вопрошал Кубатай, в пылу выступления причислив себя к женскому полу. — Нам поможет Смолянин! Человек с золотыми яйцами!

Девки ахнули, и взгляды их слегка затуманились.

— Вот он, — продолжал речь Кубатай. — Вот он, спаситель. Благодаря его способностям... да что говорить! Лучше один раз увидеть! Смолянин, показывай!

Девки охнули и подались вперед. Не заподозривший дурного Смолянин развернул тряпицу, извлек на свет белый золотое яйцо и передал его Кубатаю. Тот разбил его над припасенным заранее блюдечком.

— Вот оно! Золотую скорлупу пока в сторону... пригодится... белок и желток сюда, как видите, они тоже золотые... немножко сахара, для вязкости. Размешаем... Что у нас получилось?

— Золотой гоголь-моголь! — гордо ответила одна из девиц.

— Нет, что ты! Получилась позолота! Пропускаем нить через раствор, обтираем, слегка подсушиваем... Видите? Видите, как она блестит и сверкает?

— Мы видим, мудрый Кубатай, — хором ответили девки.

— Подойдите поближе. Ближе... Потрогайте нить. Чувствуете, какая она мягкая и шелковистая?

— Мы чувствуем, мудрый Кубатай...

— Итак, у нас есть дешевые и красивые нити! И что мы будем делать? Правильно, вышивать! Наладим кустарное производство...

И тут взгляд Кубатая упал на Ивана-дурака, глубоко просунувшегося в дверь.

— Ох! — повторил он недавнюю реплику Ивана.

— Дурак! — обрадовался Смолянин, не имевший причин бояться.

— Выйди на минуточку, мудрец, — позвал Иван. — Пусть пока девки ниточки пощупают, побеседуют...

Бедный мудрец медленно прошествовал к двери, бросил последний взгляд на вышивальщиц, горестно вздохнул и вышел в коридор. Иван прикрыл дверь, и наступило тягостное молчание.

— Как дела на Руси? — первым не выдержал Кубатай.

— Спокойно, — с достоинством ответил Иван. — А на Большой земле?

— Да тоже ничего... Погода скверная стоит, всё дожди да дожди...

Разговор не клеился. Мудрец прятал глаза и смущенно ковырял пальцем в ухе, Иван страдал неподвижно.

— Как Марьюшка? — спросил он наконец.

— Ничего... привыкает. Сына вот родила недавно.

— Сын — это хорошо! — свирепея, начал Иван.

— Иваном назвали... — продолжил хитрый Кубатай.

Дурак поперхнулся и робко спросил:

— Так что ж, помнит меня Марьюшка?

— А как же! — оживился Кубатай. — И я помню, и она. Порой вздохнет да и скажет: «Люблю, мол, тебя, Кубатай, а Иван-то все равно перед глазами маячит! Эх, жизнь непутевая...»

— Значит, так, — решил Иван. — Не держу я на вас обоих зла. Что делать, раз уж так повернулось... Приезжайте в гости, пображничаем. А сейчас дело у меня к тебе есть.

— Какое? — спросил обрадованный Кубатай.

— Велено тебя с толмачом к князю Владимиру доставить. На предмет вашей благонадежности. Советник новый, Гришка Распутин, чего-то против тебя имеет.

— Не пойду! — завопил Кубатай. — И не проси!

— Да я и не прошу вообще-то. Возьму вас с толмачом под мышку да и отнесу в темницу. Делов-то...

Снова наступила тишина. Мудрец откашлялся и укоризненно сказал:

— А говорил: «Зла не держу»...

— Так не держу ведь! Приказ князев!

— За приказами легко прятаться. Эх, Иван...

— Да я ни при чем!

— Знаю, знаю... Как приедет Марьюшка меня разыскивать, скажи: сгинул, мол, Кубатай, в застенках княжецких, велел кланяться, сыночка одной подымать... И не забудь уточнить, что ты — ни при чем.

Несколько мгновений Иван-дурак простоял столбом, нервно жуя воздух, потом из глаз его покатились слезы.

— Ой... ой, доля моя тяжкая... и зачем я пошел тебя искать?..

Кубатай ждал.

— Бегите! — решил Иван. — Бегите с Руси, нехристи! Да побыстрее!

— Будет сделано, Иван! — оживился Кубатай. — Береги себя, в гости приезжай, будет что нового — пиши! Смолянин!

Из дверей показался растрепанный толмач.

— Надо менять дислокацию, — сообщил ему мудрец. — Против нас строят козни!

И чужеземцы рванули по лесенке. А Иван-дурак, поглядев им вслед, зашел в горенку.

Вышивальщицы встретили его появление удивленным писком.

— Ну что, девки, будем визжать или медовуху пить? — мрачно спросил Иван.

— Медовуху? — оживились златошвейки.

— Ее самую. — Иван достал из-за пазухи бутыль медовухи и чекушку царской водки, припасенные в каком-то трактире. — Сладенькое — дамам, а нам, богатырям, — напиток покрепче!

И начался девичник.

Долго ли, коротко ли топил Иван свое горе горькое да измену нежданную, то неведомо. Только под утро вышел он из терема, провожаемый вздохами златошвеек, взял у старика служивого, укоризненно качающего головой, булаву и побрел куда глаза глядят.

На то, что три богатыря запропастились куда-то и не дождались его, Иван особого внимания не обратил. А зря! Дело было так...

Отпущенные благородным Иваном нехристи вихрем слетели по лестнице и уж совсем было собрались убегать, как вдруг...

— Мудрец с толмачом! — завопил Алеша Попович, протягивая к бедным чужеземцам карающую длань. — Никак убегли от Ивана?

— Он нас сам отпустил! — неосторожно сообщил Кубатай.

— Погубит Ваню доброта, — покачал головой Алеша Попович. — Совсем парень умом тронулся — на гнев княжий нарывается!

— Ничего, мы его спасем, — решил Илья Муромец. — Отведем басурманов в темницу, а сами скажем, что их Иван поймал.

Так и сделали. Подхватили чужеземцев, бросили поперек седел да и поскакали...

А Иван, томимый печалью и жаждой, шел по просыпающемуся Киеву. Прошел мимо Днепра, где на берегу парубки с дівчинами жгли костер и пели частушки, посидел

на завалинке какой-то хаты, под развесистой опунцией, пугнул макаку, ворующую на общинном поле батат... И решил: надо идти с повинной. Кубатай со Смолянином уже далеко, никто не догонит. А скрывать свой поступок — не богатырское дело.

Дворец Владимира возвышался невдалеке от терема Советников, где денно и нощно сидели княжьи мудрецы. Терем был обложен хворостом, а неподалеку дежурили стрельцы с огнивами — на случай, если князь решит провести перевыборы. Иван забрел в сторожку, поболтал со скучающими стрельцами, попил кваску и немного посплетничал. Тема была одна, неиссякаемая — причуды Гришки Распутина, княжьего приятеля и помощника. В последнее время Гришка взял манеру париться в бане с замужними бабами, причем на прелести их не глядел, а требовал хлестать его веником и поливать квасом... Сойдясь со стрельцами на том, что поп Гапон был не в пример лучше Гришки, Иван распрощался со служивыми и пошел сдаваться.

Долго бродил Иван по дворцу. Владимир еще почивал, а сдаваться кому попало было не с руки. Наконец, утомившись, Иван направился прямо в застенки, решив ознакомиться с будущей квартирой.

В застенках было тихо, лишь из пыточной камеры доносились голоса. Со скуки Иван решил послушать и подошел поближе...

— Признавайтесь, тати, супротив князя нашего злое замышляли?

— Опомнись, крестьянин! — урезонивал кто-то говорящего. — Нам князь твой даром не нужен!

— Ага, значит, власть ни в грош не ставите?

Иван приоткрыл дверь...

Посреди пыточной камеры стоял Гришка Распутин в алом армяке, подпоясанном веревочкой, и многозначительно крутил в руках плеть. А перед ним, привязанные к дубовым колодам, сидели... Смолянин и Кубатай. Иван в сердцах плюнул:

— Вот ведь остолопы! Всё одно — попались!

— А скажите-ка, нехристи, — голос Гришки вдруг изменился, — как вы детишек спасли?

— Каких детишек? — удивился Кубатай.

— Стаса с Костей! Я ж их спрятал надежно! А с реальностью ничего не делается!

«О чем это он?» — подумал Иван.

— Откуда про реальность знаешь, мужик? — возмутился Кубатай.

— Я всё знаю! И про ДЗР, и про остров наш, и про тебя, генерал! И вовсе я не мужик! Я сам — княжецкой крови.

«Это не Гришка, — сообразил Иван. — Кто-то другой. Но кто?»

Ивана осторожно похлопали по плечу. Богатырь обернулся.

За его спиной стоял бородатый мужичок в красном армяке, подпоясанном веревочкой. В руках мужик держал несколько бутылок.

— Друг мой, — с акцентом произнес мужик, подмигивая. — Я очень опечален! Распутин так популярен, что появилось много подделок!

Иван заморгал, чувствуя, что окончательно сходит с ума, а мужик разъяснил:

— Только тот настоящий Распутин, у кого на фуфайке написано «ORIGINAL»!

— А ну-ка, покажи, — потребовал Иван.

Мужик гордо распахнул армяк. На фуфайке действительно было написано заветное слово.

— Кто же тогда там? — Иван вгляделся в фальшивого Распутина. — Знакомо мне его лицо. Добренькое такое, ласковое... А-а-а!

Выхватив булаву, Иван снес дверь и ворвался в пыточную камеру, где лже-Распутин хвалился перед пленниками:

— Выкрал я тех пацанов да и спрятал надежно! Вся реальность погибнет, кроме меня! Потому что я...

— Кащей Бессмертный! — заорал Иван, занося булаву. Злодей присел и торопливо забормотал что-то, махая руками. За миг до соприкосновения булавы с головой он подернулся радужной дымкой и исчез.

— Вот ведь ирод! Вот злодей! Князя обманул! С нашими бабами парился! Распутина фальсифицировал! — бормотал Иван, развязывая басурманов. — Ну ладно, теперь все в порядке, все хорошо... Сейчас я вас освобожу, мы с настоящим Гришкой князю все объясним, отправим вас домой с почетом...

— Не до почета нам, — хмуро сказал Кубатай, потирая руки. — Кащей решил весь мир погубить!

— Как это? — аж присел Иван.

— Долго объяснять. Пацанов одних украл... помнишь, рассказывал когда-то? В общем, если не спасти их, всему хана.

— И земле Русской?

— И ей, родимой.

— Что делать-то?

— К Кащею снова едем, порядок наводить... — Кубатай глянул на толмача и ехидно добавил: — Не отговаривайся, что со службы военной ушел. По законам чрезвычайного времени я тебя мобилизую!

— Я же в утку превращусь, — вздохнул Смолянин. — А ты — в кота.

— Не превратимся! Я таблетки припас...

И Кубатай извлек из кармана два пузырька — один розовый, другой голубой.

— Последнее достижение нашей фармакологии! Химия против колдовства! Антиутин и антикотин! Обладают приятным вкусом, мягким ароматом, предотвращают превращение в сказочных персонажей. Заодно испытание проведем, премию получим...

...Гапон лежал на полянке, уткнувшись носом в траву, и мечтал. А представлялись ему картины сладостные: сам он на троне княжецком, Алена Соловьинишна по леву руку в уборе парчовом, богатыри скованные — на полу. А в уголку, как водится, парочка прикормленных боянов, хвалебную былинку сочиняют... Гапон зажмурился как кот, обожравшийся сметаны, и представил себя перед народом. Народ, конечно же, ликовал и просил: «Дай нам свое благословение, Гапон!» А Гапон улыбнулся и воздуху набрал для ответа...

— Дай ножницы на минутку, Гапон, — послышалось из-за спины.

— Даю! — еще не отойдя от мечтаний, ответил Гапон, машинально протягивая ножницы. А когда опомнился, вскочил и обернулся, было поздно. Рядом стоял Иван-дурак и отрезáл кусок от мотка веревки.

— Иванушка, чего это ты, а? — слабо спросил Гапон.

— Веревку режу, — явно раздосадованный недогадливостью Гапона, ответил Иван.

— А зачем?

— Ну не на целой же тебя, иуду, вешать. Жалко веревку... У тебя мыло есть?

— Нет... — обмер Гапон.

— Придется без мыла.

К Ивану тем временем подошли два чужеземца, Гапону незнакомых. Как без труда может догадаться читатель, чужеземцами этими были Кубатай и Смолянин.

— Если нет мыла, — заметил Кубатай, — можно использовать свиной жир или сливочное масло. Вон в корзине изрядный кусок лежит. Цель намыливания — не обеспече-

ние санитарии и гигиены, несколько запоздалой в таких случаях, а снижение трения.

— Мудрец! — похвалил Иван, потянувшись за шматом сала.

— Не губите! — вскричал Гапон.

— Почему это? — удивился Иван. — Али не ты Кащея выпустил?

— Я вам пригожусь! — стоял на своем Гапон.

— Как это?

— Я много чего знаю!

— А про двух мальчиков, Костю и Стаса, знаешь?

— Это те, которых Кащей в книжку спрятал? — радуясь болтливости Кащея, спросил Гапон. — Знаю, знаю!

...Минут через десять, когда Гапон рассказал всё или почти всё, что знал, Иван-дурак и Кубатай переглянулись.

— Ну так что, отложим наказание? — недовольно спросил дурак.

— Отложим, — махнул рукой Кубатай.

— А веревку я зря резал?

— Почему зря? Руки свяжем Гапону. А то как бы не сбёг, покуда до темницы доведем.

На том и порешили. Вконец павший духом поп был помещен в одну из темниц до окончательного решения своей участи. На всякий случай Иван гуманно бросил ему скатерть-самобранку. А наши герои поспешили в библиотеку. Тут-то и ждал их сюрприз — бесконечные ряды книжных полок...

— Такого не бывает, — только и вымолвил Иван, разглядывая книги. — Они же все разные!

И даже Кубатай смутился.

— Здесь нужен специалист, — со вздохом сказал он. — Сыщик.

— Так давай позовем такого, с Большой-то земли, — предложил дурак.

— Нет у нас давно сыщиков, — поморщился Кубатай. — Преступников перевоспитали, потом и сыщиков ликвидировали... Только в книжках и остались. В книжках... Да-с. В книжках! Эврика!

Он забегал вдоль стеллажей, пока не вернулся с книгой «Приключения Шерлока Холмса».

— Вот! Вот кто нам поможет! Самый гениальный сыщик всех времен и народов! Придуманный, но это не беда. И главное, привычный работать по старинке, без электричества, приборов, машин!..

Глава девятая,

где я снова понимаю истину
без помощи моего гениального друга.
И истина эта ужасна...

(Рассказывает доктор Ватсон)

Рассказ наших потомков был столь же увлекателен, сколь и запутан. Но была в нем фраза, которая немедленно привлекла мой ум, тренированный врачебными буднями, неустанным писательским трудом и борьбой с преступным миром.

— Придуманный? — гневно воскликнул я. — Что вы этим хотите сказать? Что я выдумал сэра Холмса? Что я попал в будущее не со своим верным другом — талантливым сыщиком, испытанным товарищем, — а с персонажем книжным?

Генерал-сержант глянул на говорливого Смолянина так, словно хотел отвесить ему затрещину, но боялся ненароком прибить насмерть. И глухо произнес:

— Ватсон, дорогой, успокойтесь. Истина в том...

— Почему бы вам не сделать следующего шага? — продолжал бушевать я, удивленный спокойствием Холмса. — Почему бы не предположить, что и я — всего лишь книжный персонаж!

Мысль эта требовала дальнейшего развития, и я продолжал, глядя на опустившего трубку Холмса и потупившихся Кубатая со Смолянином:

— Ведь как гладко получается! Я — лишь персонаж, выдающий себя за автора книг о Холмсе. Этакий комический друг главного героя! Ха! А автор книг о Холмсе... э-э-э... сэр Артур Конан Дойль, мой издатель.

— Ватсон, я поражен, — тихо сказал Холмс, кладя руку мне на плечо. — Я неоднократно замечал, что в вас заложена постоянная тенденция к развитию... но не думал, что вы совершите такой великолепный мыслительный взлет! Гениально! Ничего не замечая, проходя мимо бесспорных улик, не слыша иронических намеков — и вдруг выдать стопроцентный результат!

— Какой результат? — опешил я.

— Стопроцентный, — кивнул Холмс. — Вы не ослышались. Итак, джентльмены, — обратился он к ДЗР-овцам, — раз уж и доктор Ватсон понял истину — таиться далее бесполезно. Карты на стол, джентльмены!

Смолянин часто заморгал и робко достал из кармана ко-

лоду атласных игральных карт. Протянул ее Холмсу. Тот поморщился и продолжил:

— Еще в самом начале наших приключений, когда я понял, что мы попали в замок через тот же агрегат, что ведет в Вымышленные миры...

Я уже не слушал Холмса. Я бродил по библиотеке, держась за голову и с ужасом разглядывая свое отражение в стеклах шкафов.

Придуманный! Я — лишь придуманный Конан Дойлем персонаж! В моем мире сэр Артур Дойль — начинающий издатель, бывший врач, с которым мы сдружились в университете. Милейший, но абсолютно лишенный воображения и писательского дара человек. А на самом деле — он и есть писатель, автор «Записок о Шерлоке Холмсе»... Я чувствовал, что нахожусь на грани обморока.

Но не обманывают ли нас потомки? Нет! Ведь сам Холмс подтвердил, что мы — придуманные герои.

А Шерлоку я верю безоговорочно. Наверное... наверное, таким меня описал сэр Артур Конан Дойль.

Боже милосердный, как ужасно понять, что вся твоя жизнь — лишь плод чьего-то воображения! Стоит ли тогда жить вообще? Я похлопал по карману, где лежал мой старый армейский револьвер. Грех, конечно, но...

Нет, надо успокоиться. Я напрягся, пытаясь рассуждать логично. Как Шерлок. Давалось мне это с трудом, наверное, Дойль постарался, но я приложил все силы. В конце концов я — врач. Мой ум холоден как скальпель, остр как ланцет, гибок как бинт! Пусть я никудышный сыщик, но зато — опытный врач. Это чего-нибудь да стоит...

Чуть успокоившись, я принялся вспоминать свою жизнь. Всё виделось отчетливо и ясно. И окончание Лондонского университета в 1878 году, и назначение в Пятый Нортумберлендский стрелковый полк, и ранение при Майванде... Да, конечно, это могло быть описано сэром Дойлем. Но не мог же он описать в книгах такие интимные моменты, как... ну, скажем, студенческие вечеринки с веселыми девочками... или тот приступ дизентерии, что схватил меня посреди парка пешаварского госпиталя. О, ужасное, постыдное воспоминание, но сейчас я был ему рад. Такое в книгах не описывают. Значит... значит, я не просто придуманный персонаж. Я живу полнокровной жизнью! А отдельные эпизоды, придуманные Дойлем... что ж, спасибо ему за них! Они сделали мою жизнь куда увлекательнее, чем у большинства людей. И для целого мира — моего мира! — именно я — автор знаменитых рассказов о Шерлоке Холмсе.

Успокоенный и просветленный, я мирно побрел вдоль книжных полок. В конце концов, вон сколько Вымышленных миров! И у меня есть подозрение, что жить в них куда интереснее, чем в Настоящем.

А электричество мы и сами разовьем как следует!

...Холмс встретил мое возвращение ласковым взглядом и закончил обращенную к Кубатаю фразу:

— Так что — истина всегда выходит наружу! Запомните это!

— Вышла бы наружу истина, куда Кащей детишек спрятал... — пробормотал Кубатай.

— Я это давно знаю, — невозмутимо сообщил Холмс.

— Что?

— То! — внезапно разъярился мой друг. — Раз уж вы, джентльмены, позволили себе нас обманывать, то и я позволил маленькую хитрость. Я решил посмотреть на книжные миры... Крайне любопытное занятие. А в какой книге спрятаны дети, я знал сразу!

— Откуда? — замогильным голосом спросил Кубатай.

— Из сообщенных вами фактов! Вы не умеете складывать два и два, джентльмены!

— Умеем! — возмутился Смолянин. — Четыре получится!

Холмс тихо застонал и продолжил:

— Кащей — лентяй, не так ли? Значит, книга должна была находиться рядом с Магическим шкафом. Логично?

Смолянин больше не встревал — он достал из кармана юбки бумажку, карандаш и принялся что-то писать, бормоча и загибая перепончатые пальцы.

— Логично, — признал Кубатай. — Но это же — сотни книг!

— Я выбрал два десятка. Почему? Да потому, что Кащей — аккуратист! Он взял такую книгу, которая по толщине идеально подходила под отломанную ножку шкафа. Чтобы шкаф не шатался!

— Логично... — прошептал Кубатай.

— И наконец, главное. Кащей ваш, как истинный злодей, хитер. Он понимал, что в любом Вымышленном мире дети найдут помощь, найдут друзей и союзников. Ведь в книгах всегда побеждает справедливость. А значит — он засунул детей в такую книгу, где они не могли никого встретить! В книгу не художественную, а научную!

И Холмс торжествующе достал из стопки книг невзрачный томик.

— «Энциклопедия Южного полюса», джентльмены!

Книга, описывающая ненаселенный материк — Антарктиду! Книга, где детей встретят не придуманные злодеи — а беспощадный мороз!

— Кошмар! — взвизгнул Кубатай, хватаясь за саблю. — Они же замерзли! Как вы могли медлить?

— Спокойно, генерал! Как вы могли заметить, мы попадаем в Вымышленный мир без всякой системы. Иногда — даже в те события, что в книге не описаны вовсе! Значит, некий магический закон сам направляет наш путь в наиболее драматический миг повествования. Мы могли отправиться на Южный полюс вчера, а можем отправиться завтра. Все равно мы попадем именно в тот момент, когда должна произойти кульминация сюжета. А именно — спасение детей! Я кончил.

— Я тоже! — завопил Смолянин. — Я правильно говорил! Четыре получается!

Глава десятая,

в которой у нас есть два способа попасть домой, но наш друг — пингвин Орлик — пресекает оба

(Рассказывает Костя)

Эх, пошевелили бы мы мозгами раньше, прежде чем вся толпа к нам в гости завалилась! Может, и не натворили бы делов... и я в банке бы не сидел. А то разленились — рыбка жареная, ушица, на завтрак — яичница, книги и греют и развлекают, а перед ужином — футбол втроем с пингвином... Вот остолопы мы...

Но нет, так ничего не понятно, расскажу-ка я лучше по порядку.

Я проснулся от холода. У огня сегодня должен был дежурить Стас, и он, естественно, спал. Печка потухла. Резервная стопка книг — собрание сочинений братьев Стругацких, наша последняя надежда — покрылась снежным мохом.

— Стас! — заорал я. — У нас спичек — три штуки осталось!

— Прошлый раз ты проспал, значит, мы в расчете, — невозмутимо заявил он, протирая глаза.

Как-то по-идиотски это выходило: как будто главное не то, что мы тут спокойненько можем насмерть замерзнуть, а в том, кто виноват... Но крыть мне все равно было нечем.

Пока я напрягался, пытаясь придумать, как бы его пообиднее обозвать, Стас, стуча зубами, как ни в чем не бывало взял со стола коробок, вытащил оттуда спичку и чиркнул.

— Вот черт, — сказал он, — раскрошилась. Отсырела, что ли...

— Урод! — вскричал я. — Дай сюда!!!

Отобрав коробок, я выбрал одну из двух оставшихся спичек и осторожно-осторожно надавил коричневой головкой бочок коробка. Все нормально, крошиться она не собиралась. Я чиркнул. Сера, с треском вспыхнув, отделилась от спички и улетела куда-то в угол. Видно, от волнения или от холода я не рассчитал усилий.

— Каракуц плешивый, — прошипел Стас, забрал коробок назад и вынул оставшуюся спичку.

— Стас, — умоляющим голосом попросил я. — Только осторожнее! Вся наша жизнь в этой спичке...

— Не учи ученого, — объявил он.

Спичка загорелась, Стас осторожно прикрыл огонек ладонью и поднес к потухшему костру.

И в этот миг дверь станции распахнулась. Ледяной ветер маленьким вихрем промчался по комнате.

Спичка потухла.

— Хана́! — хором вскричали мы. — Хана́!

— Привет, ребятишки, — раздалось со стороны двери. Тут только мы оглянулись и изумленно уставились туда.

В проеме обнаружились четверо: Смолянин, Кубатай и два незнакомца! Кубатай почему-то был наголо выбрит, зеленые волосы лишь слегка пробивались наружу, а Смолянин — одет в короткую клетчатую юбку.

— Как делишки? — продолжал Смолянин, растирая замерзшие перепонки между пальцами.

— Ура!!! Мы спасены!!! — заорал Стас. — Доблестный Кубатай спешит на помощь! — И он кинулся на шею своему кумиру.

Я и сам так обрадовался, что всерьез подумал, не следует ли и мне расцеловать Смолянина. Но постеснялся.

Когда Стас выпустил Кубатая из объятий, тот утер накатившую слезу и представил нам незнакомцев:

— Шерлок Холмс и доктор Ватсон.

Я обалдел и, само собой, не поверил. Стас же, по-видимому, перешел некую грань, после которой не удивляются ничему.

— Очень приятно, — протянул он руку незнакомцу с трубкой. — Я представлял вас именно таким.

— Весьма польщен, — пожимая руку, ответил тот, ко-

торого Кубатай назвал Шерлоком. — Польщен и заинтригован. Не будете ли вы столь любезны объяснить, в связи с чем вы вообще меня представляли?

— Как же, — объяснил Стас. — Я про вас всё читал — и про собаку Баскервилей, и про человечков...

— Слышите, Ватсон?! — обернулся Холмс к своему спутнику. — Ваши труды не пропали даром. Они оценены по заслугам и достигли самых отдаленных точек планеты.

Тот вздохнул и принялся ковырять пол носком ботинка. Потом глянул в потолок, увидел пыльную перегоревшую электрическую лампочку на шнуре и просиял. Я хотел было поинтересоваться, какие точки планеты имеет в виду Холмс и вообще при чем тут Ватсон, писатель-то — Конан Дойль, как вдруг дверь снова распахнулась и в комнату, отряхивая снег с серебристых грив, ввалились сфинксы Шидла, Мегла и Шурла. Мы окончательно ошалели. А Ватсон с Холмсом отскочили в дальний угол комнаты — они-то раньше сфинксов не видели.

Вот тут я стесняться не стал, а кинулся к Шидле и, упав на колени, повис у него на шее.

— Полно, полно, человеческий детеныш, — промурлыкал сфинкс. — Я тоже соскучился, но давай заниматься делом.

Нервно пощипывая ус, к сфинксам обратился Кубатай:

— Что все это значит? Какое, собственно, право вы имеете вмешиваться в наши сугубо земные дела?

— Эти «дела» далеко не «сугубо земные», — парировал Шидла. — Речь идет о защите реальности, в которой, между прочим, живем и мы...

— Джентльмены,— огромными глазами глядя на сфинкса, вмешался Холмс. — По-видимому, некая старинная распря мешает вам найти друг с другом общий язык. Но, мне кажется, в нынешней ситуации ваши интересы совпадают...

— У вас чай горячий есть? — неожиданно встрял Смолянин, растирая голые коленки. — Холодно, не могу...

— Спички у нас кончились, — мрачно ответил Стас.

— Позвольте продемонстрировать вам последнее достижение европейской цивилизации, — подал голос доктор Ватсон, дрожащей рукой доставая из кармана сюртука вначале револьвер, а потом — медный цилиндрик. В комнате завоняло керосином. Ватсон крутнул большим пальцем зубчатое колесико, и сверху цилиндрика заиграл веселый язычок пламени. — Гений человеческой мысли, многоразовая зажигалка, — провозгласил доктор.

Раздался взрыв, и станция заполнилась дымом и копотью.

...Полчаса спустя, когда пожар был потушен, а огонь в печке — наоборот, разведен, вся наша пестрая компания сидела кружком возле огня и, греясь и попивая чаек, вела неторопливую беседу. Даже Холмс с Ватсоном чуть успокоились и перестали отодвигаться от сфинксов. Мы уже знали, каким образом нас нашли ДЗР-овцы, и я, более не находя сил быть дисциплинированным, во все глаза рассматривал попыхивающего трубкой Холмса. Теперь-то я знал точно, что он и Ватсон — не самозванцы. Не каждый день выпадает вот так вот, запросто, поболтать с любимыми литературными героями. Кстати, а почему они говорят по-русски? Я спросил об этом Кубатая, и тот, ни на миг не задумавшись, объяснил:

— Книжка-то из библиотеки Кащея. Раритет — русская, переводная.

— Выходит, в английской книжке — свой Холмс, который говорит по-английски? И свой мир?

— Не удивлюсь, если свой мир соответствует каждому экземпляру, — заявил Кубатай. Но тут же свое мнение изменил: — Хотя, возможно, они как-то пересекаются, для экономии. Или, может быть, так: никаких книжных миров вообще не существует, они появляются только в тот момент, когда мы в эту книжку попадаем... или читаем ее.

Его размышления вслух перебил Стас, обратившись к сфинксам:

— А вы-то как нас нашли?

— Разведка, — лаконично ответил Мегла.

— Так вот как вы выполняете условия Земельно-Венерической Конвенции?! — переключившись на новую тему, возмущенно вскричал Кубатай, сыпанул в рот из пузырька каких-то пилюль и принялся яростно, как когда-то лузгал семечки, хрустеть ими. — И это после того, как по моей личной инициативе огромные силы и средства Земли были брошены на преодоление вековой неприязни между нашими цивилизациями! Я сам ради этого, можно сказать, в кошачью шкуру влез!..

— А я — в утиную, — почему-то хихикнув, встрял Смолянин.

— Подписание Конвенции не лишило Венеру статуса самостоятельной республики и права иметь собственные спецслужбы, — веско оборвал их Мегла. — Что касается ваших личных заслуг, то, уважаемый генерал-сержант...

— Генерал-старший сержант, — поправил его Кубатай.

— Поздравляю, — кивнул головой Мегла. — Так вот, ваших личных заслуг никто и не умаляет. Вы, между прочим, занесены в Список почетных граждан Венеры. Каждый наш котенок наизусть знает вашу знаменитую, пронизанную чувством уважения к кошачьему племени былину «Сказ о том, как Кубатай-батыр остров Русь спас». А былина «Сказ о том, как Кубатай-батыр метеозондом служил», хоть и не пронизана насквозь чувством уважения к кошачьему племени и не изучается в школе, все равно является любимым приключенческим произведением наших котят...

Кубатай смущенно сделал ручкой:

— Да ладно, чего там... Тряхнул стариной... написал малость.

— Брат Мегла забыл сказать, — торжественно поддержал соплеменника Шурла, — что Список почетных граждан Венеры состоит лишь из трех имен...

— Из трех? — забеспокоился Кубатай, и в голосе его мелькнула нотка ревности. — А кто еще двое?

— Они, — поднял лапу Шурла, указывая на нас со Стасом.

— А-а, — успокоился Кубатай, — я думал, кто-то из наших...

— А лично вы, — продолжал Шурла, — удостоены еще и иной чести, которой еще не был удостоен ни один житель Земли.

— Какой чести? — слегка зардевшись, тихо спросил Кубатай.

— Ваша скульптура установлена в центральном зале Храма Матери-Кошки...

— На моем месте, — добавил Шидла.

— В виде красавца сфинкса, — закончил Шурла.

В станции воцарилась было тишина, но ее тут же прервал ехидно заржавший Смолянин. Кубатай от неожиданности пролил на себя чай и, ошпарившись, запрыгал по комнате. Слегка похихикивать стали все.

Только Стас следил за нами нахмурившись, а потом, решив защитить реноме своего кумира, попытался перевести разговор на другую тему:

— Давайте мы вам своего ученого пингвина покажем! Если бы не Орлик, мы бы тут вообще с голоду загнулись. — С этими словами он стал пробираться к выходу.

— Орлик? — переспросил Холмс. — Довольно неожиданная кличка для пингвина.

— Вообще-то его полное имя — Аурелиано Буэндиа, —

пояснил я. — Стас какую-то книжку читал, там куча персонажей и все — Буэндиа, только одни — Аркадио, а другие — Аурелиано. Пингвинов тут много, на всех имен не напасешься. Не так-то просто, между прочим, найти имя для птицы. Вот мы и назвали тех, что помельче, — Аркадио, а тех, что покрупнее, — Аурелиано. А один сильнее всех с нами подружился, мы и зовем его ласково — Орлик...

Было слышно, как на улице Стас зовет:

— Орлик, Орлик!..

— Имя для птицы, имя для птицы, — забормотал Кубатай, — что-то это знакомое...

— К тому же Орлик не просто пингвин, а королевский пингвин, — добавил я.

— Вот как? — заинтересовался Холмс. — И как же он сюда попал, побывав при дворе Ее Величества?

— Да он не в том смысле королевский, — принялся объяснять я, — а в том, что самый крупный, просто огромный. Как есть просто пуделя и королевские пуделя...

— ...Имя для птицы... — продолжал бормотать Кубатай.— Вспомнил! Так называлась повесть одного древнерусского бояна! Его звали Шефнер!

— Не Шефнер, а шифоньер, — возразил Смолянин. — И не боян это, а шкаф такой.

— Кстати, о шкафах, — подал голос Ватсон. — А как мы отсюда выберемся? Тут шкаф-то есть?

— Хорошо, что ребята случайно сами в шкаф не залезли, — заявил вдруг Кубатай. — А то вернулись бы в замок без нашей помощи... а мы так старались...

Тут нашу абсурдную беседу, заглянув снаружи, прервал Стас:

— Идите все сюда, Орлик появился!

Мы полезли к выходу, а Стас еще раз крикнул:

— Орлик, Орлик!..

Навстречу, переваливаясь с боку на бок, спешил наш любимец. Кубатай присвистнул:

— Да-а, таких особей я еще не видывал. В нем метра два росту, а то и больше!

— Это еще что! — расхвастался Стас. — А какой он умный! Рыбу и яйца нам носит! В футбол играет! Танцует! Вот, смотрите! — Он принялся бить в ладоши и напевать:

Ну-ка, Орлик, потанцуй,
Потанцуй, потанцуй!..

Приблизившись, наша мудрая птица, что-то доверчиво

лопоча, принялась подпрыгивать в такт, слегка выбрасывая вперед то левую, то правую ногу-ласту.

Некоторое время все завороженно следили за его танцем. Потом, наверное, оттого, что искусственные сфинксы более, чем люди, равнодушны к живой природе, Шурла нетерпеливо заявил:

— Все это прекрасно, но пора возвращаться на Большую землю.

— А можно, мы Орлика с собой возьмем? — отозвался Стас.

— Это исключено, — ответил Шидла. — Во-первых, вы уже знаете, что из будущего в прошлое ничего переносить нельзя, а во-вторых, еще неизвестно, чем грозит перенос на длительное время живого существа из Вымышленного мира в реальный. И в-третьих, наконец, в хроноскафе просто не хватит места.

На мой удивленный взгляд он ответил:

— Мы воссоздали аппарат. Сейчас он дожидается возле замка.

— На фиг он нужен, хроноскаф ваш? — вмешался Смолянин. — Все можно сделать проще. У Кащея в библиотеке есть книжка, «Сегодня, мама!» называется, через нее пацанов и нужно в их мир отправить. А хроноскаф ваш дурацкий ломается все время.

— Ошибаетесь, — заявил Шидла. — Повесть — это вымышленная реальность...

— Ага, вымышленная! — возмутился Смолянин. — Самая что ни на есть настоящая! Я сам читал, там все точно написано, все так, как и было!

— Думается, коллега прав, — выразил свое мнение Кубатай. — Считаю, реальный мир и мир достаточно реалистически исполненного документального произведения могут совпадать.

— Мяу!!! — возмущенно заорал Шидла, но, тронув гриву лапой, его остановил Мегла.

— Возможно, вы и правы, — дипломатично сказал он ДЗР-овцам. — Но это — лишь версия. Стоит ли рисковать, если у нас есть хроноскаф?

— Хроноскаф, хроноскаф... — скривился Смолянин. — Говорю, ломается он у вас!

— К тому же в него Орлик не влезет, — заявил Стас, как будто других преград к тому, чтобы взять птицу с собой, не было. Что мама, например, скажет?

А Орлик тем временем так раздухарился, что я не верил своим глазам. Высота его прыжков достигла чуть ли не человеческого роста. Прыгая, он стал кружить вокруг нас, а

потом вдруг завыл жутким хриплым голосом Стасову песенку:

Ну-ка, Орлик, потанцуй,
Потанцуй, потанцуй!..

Спорщики разом замолкли и уставились на него. А Орлик, не прекращая прыгать, сначала страшно захохотал, а потом заговорил:

— Что примолкли, сердешные? Не узнаете? Это ж я, Кащей! Обхитрил я вас! Давно вас тут дожидаюсь! Вот прикол-то, а?! Не могу!..

Тут, тяжело рухнув на землю, он наконец остановился и зловеще нас оглядел.

— Не вышло, не вышло у вас меня обскакать... Так, с кого начнем? С тебя, пожалуй, — ткнул он крылом в Холмса. — Вы с дружком мне пакостей еще не делали, не буду голову ломать, во что вас превратить, отправляйтесь просто в свою книжку... — С этими словами Орлик-Кащей выдернул из головы перышко, дунул и шепнул что-то.

Вспыхнуло голубое пламя, громыхнуло, словно после грозы, на миг Холмс и Ватсон окутались белесым туманом, а когда туман рассеялся, англичан на том месте уже не было.

— Так-так-так, — похлопал Орлик крыльями, что у пингвинов, по-видимому, соответствует человеческому довольному потиранию ладоней. Его взгляд остановился на мне.

— А-а! Костя! Старый друг! Помнишь, как ты меня дрессировал? Отобьешь мяч — молодец, пропустишь — снежком в живот! Нехорошо над животными издеваться, они братья наши меньшие! Они — как дети малые, беззащитные... — Кащей хихикнул. — А коли так, превращу-ка я тебя в животное. Вот только в какое?

— В тигра, — не задумываясь, предложил я.

— Не, не пойдет, — покачал головой Орлик. — В беззащитное, говорю, надо животное... И чтобы птиц боялось! Ты будешь мухой, Костя, мухой!

Он было потянулся за перышком, но вдруг остановился и затрясся от беззвучного хохота. Затем объяснил причину своего веселья:

— Превращу тебя в муху и отправлю к Холмсу в книжку. Пусть, пока мир не исчезнет, великий сыщик за мухами гоняется. Вот прикол-то, а?!

— А как он узнает, что я в его мире? — тянул я время.

— Узнает, узнает, — заверил Орлик-Кащей. — А не узнает, и ладно, невелика потеря. — Он выдернул перышко, поднес к клюву...

И тут мир стал стремительно вертеться вокруг меня, люди и сфинксы, кружась, выросли до неимоверных размеров, в ушах зазвенело, всё осветилось голубым светом, затем окуталось туманом...

А еще через мгновение я летел над пустынной грязной мостовой возле огромного, вкусно пахнущего животного. Животное махнуло хвостом и чуть не пришибло меня. Спасся я тем, что инстинктивно отскочил вверх. В ушах отчаянно жужжало. Я помотал головой, чтобы избавиться от этого шума, и вдруг понял, что жужжу-то я сам. Точнее — мои крылышки. И только тут я окончательно осознал свое положение...

Часть вторая
ЗОЛОТАЯ МУХА

Глава первая,

короткая, но зато в ней мы с Холмсом ждем конца света

(Рассказывает доктор Ватсон)

...Да, ужасная магия Кащея Бессмертного сработала! Мы с Холмсом оказались на Бейкер-стрит, в своих привычных креслах, перед пылающим камином. Я с ужасом посмотрел на Шерлока.

— Бог мой, Холмс! Нас просто-напросто вышвырнули! Нас оскорбили!

Холмс молча достал из буфета бутылочку бренди, налил изрядную дозу себе и мне, поколебался, а затем налил третью рюмочку и поставил ее в клетку с черной мышью. Мышь настороженно сверкнула на Шерлока умными глазками, но к рюмке не приблизилась. Холмс пожал плечами и занялся набивкой трубки.

— Холмс! — Я не мог понять его спокойствия. — Что же вы молчите? Нас оскорбили! Злодей торжествует! И что он сделает с бедным генералом, со Смолянином, с детьми?

— Не о том надо беспокоиться, мой друг, — печально ответил Холмс. — Подумайте лучше, что Кащей собирается осуществить свою угрозу: уничтожить детей и таким образом всю реальность.

— О да, бедная реальность, — согласился я. — Бедные потомки... а они так славно жили, у них уже было развито электричество и прочие науки... Может быть, наладить эвакуацию потомков к нам?

— Бедные не только потомки,— возразил мне Холмс.— И эвакуация не поможет. Мы в ничуть не лучшем положении. Ватсон, поймите, ведь наш мир — вторичен! Он существует лишь благодаря тому, что в реальном мире есть книги, описывающие нас. И если реальный мир исчезнет...

— То исчезнем и мы? — догадался я.

— Вновь делаете успехи, доктор, — похвалил меня Холмс. Но обычной радости от его слов я не испытал. Шерлок тем временем привычно пальнул в потолок из револьвера, и через несколько минут приковыляла одетая лишь в ночную рубашку и тапочки миссис Хадсон.

— Шампанского, — мрачно потребовал Холмс. — И побольше.

— Я и не заметила, как вы вошли, — покачала головой миссис Хадсон. — Ох, Холмс, вы меня удивляете!

Через полчаса мы с Холмсом доканчивали третью бутылку. Нам хотелось забыть о грядущем конце света, и, признаюсь, это почти удалось...

— Ват-сон, клонит вас в сон, — пьяно каламбурил Шерлок, — закройте глазки, увидите сказки... Ватсон, дорогой, как жаль, что мы вскоре погибнем!

— Ужасно... — подтвердил я. Над головой кружила назойливо гудящая муха, я скрутил в рулон «Файнэншл таймс» и метким ударом сбил ее на пол. Сострил: — Ей конец света уже не страшен!

— Одно меня утешает, — вздохнул Холмс, — преступность исчезнет тоже! И ведь мы в какой-то степени были причиной этого! Я все-таки победил преступников! И негодяя Мориарти тоже!

Некоторое время мы молчали, глядя в догорающий камин.

— Холмс, пальните в потолок, — попросил я.

— Зачем?

— Пусть Хадсон принесет нам еще шампанского...

— Доктор Ватсон! Пожалейте миссис Хадсон. Достаньте бутылку сами...

— Холмс, пальните, — продолжал настаивать я. — Понимаете... после Афганистана я полюбил запах порохового дыма...

— О! Понимаю... Но, Ватсон, полночь уже минула.

— Ну и что?

— Истек срок нашего с миссис Хадсон пари. Она более не обязана сносить мои прихоти. Увы... увы...

Я понял, что шампанского мне не дождаться. А Холмс горестно продолжил:

— Увы... увы... О женщины...

Перед лицом надвигающейся катастрофы я мог позволить себе быть бестактным:

— Холмс, мы скоро погибнем... ответьте же мне, вашему преданному другу и биографу. Почему вы не женаты?

Шерлок помолчал. Потом взмахнул рукой, уронив при этом пустую бутылку, и тихо сказал:

— Что ж, теперь я могу признаться. Правда такова... ох, Ватсон. Итак, когда мы с моим братом Майкрофтом были еще детьми, произошло событие, повлиявшее на всю нашу жизнь...

Я весь превратился в большое оттопыренное ухо. Узнать напоследок одну из тайных черт моего друга — что может быть более достойным завершением жизни? Но Холмс не успел докончить...

— Чё, не ждали? — резанул знакомый голос... и из распахнувшегося гардероба высунулся Смолянин. За ним жизнеутверждающе поблескивала лысина Кубатая.

— Бог мой! — Шерлок вскочил, с трудом удерживая равновесие, и бросился к потомкам. — Кащей повержен? Мир спасен?!!

— Хрен там, — вздохнул Смолянин, выпутываясь из разнообразных одежд Шерлока, висевших в гардеробе. Чего там только не было — от немецкого мундира до дамского бального платья, и все это сейчас обвивало голые ноги переводчика, стесняя его передвижение. — Эта падла всех нас победила! Костю... ох, не хочу вспоминать. Сфинксов и нас в настоящую реальность выкинул...

— Но мы еще не сдаемся! — жизнерадостно заявил Кубатай. — Мы еще побрыкаемся! Для начала мы решили вновь объединиться с вами. Ватсон, у вас найдется глоток виски?

— Генерал, вы же не пьете! — ужаснулся Смолянин.

— Отставить! — сверкнул глазами Кубатай, и после неизбежной суматохи мы расположились у столика. Потомки выпили, и Кубатай, откашлявшись, сказал:

— Произошло следующее...

И начал с того, что случилось с бедным Костей. Холмс схватился за голову, подлил себе из бутылки и мрачно повторил:

— В муху... — И тут же вскричал: — Муха! Ватсон!

Я тоже вспомнил про свой недавний удар, вскочил и в ужасе осмотрел пол. Хладный мушиный трупик лежал совсем рядом. Я бережно положил его на ладонь, поднес к свету. Все сгрудились вокруг.

— Неужели? — простонал Смолянин. — Костя! Чувачок!

Муха лежала на спинке, безвольно обмякнув в моей ладони. Тонкие ножки трогательно обвисли. Какая-то неземная печаль и смирение читались в ее позе. Тощенькое тельце казалось невесомым. А ведь как славно она еще недавно

жужжала надо мной... О Боже! На мгновение мне показалось, что мушиные ножки дрогнули... Увы. Это невольная слеза исказила зрение.

— Убийца! — мрачно глядя на меня, произнес Кубатай. — Ребенка... Газетой... Можно сказать — на взлете!

— Я не хотел! — простонал я, заливаясь слезами раскаяния и подумывая, не упасть ли в обморок. — Я не знал!

— Маньяк... — процедил Смолянин. — Он был такой веселый, вежливый мальчик! Русский язык знал!

— Похоронить бы надо... как положено... — пробормотал Холмс, озираясь. — Где тут горшок с геранью? Или в сад выйдем?

Кубатай всхлипнул. Достал платок, промокнул глаза... и неожиданно спросил:

— Слушайте, а вдруг это другая муха? Обычная?

Мы задумались. Я временно прекратил плакать, отставил мысли об обмороке и стал разглядывать муху попристальнее.

— Глаза вроде не такие, — заявил Смолянин. — А вот выражение лица — Костино!

— Холмс, у вас есть микроскоп? — поинтересовался Кубатай.

— Конечно! — слегка обиделся мой друг.

— Дайте-ка мне жертву, Ватсон.

...Кубатай долго разглядывал муху под микроскопом, подкручивал винты, наводил свет. Потом вздохнул и поднял голову:

— Поздравляю вас, джентльмены. Это не Костя!

— Почему? — заливаясь слезами радости, вопросил я.

— Девочка... — смущенно глядя на предметное стеклышко, ответил генерал. — Смолянин, уберите тело!

Переводчик аккуратно взял муху за крылышко, спросил:

— Похоронить?

Мы презрительно отвернулись, а Кубатай посоветовал:

— Кремировать, — и указал на камин.

Обрадованные исходом дела, мы налили себе еще виски и выпили.

— Как же искать муху? — продолжал убиваться Кубатай. — А? Холмс?

— Никак, — грустно ответил мой друг. — Только один путь возможен — если муха сама найдет нас! Костя — ребенок способный. Положимся на него. И... и будем ждать чуда.

Глава вторая,

в которой меня выручает чернильница

(Рассказывает Костя)

Вообще-то, оказывается, мухой быть не так уж плохо. Помню книжку «Баранкин, будь человеком!» — там пацан то в муравья превращается, то в воробья, и везде его разные сложности и опасности подстерегают. У муравьев, там вообще, вкалывать надо в поте лица... Ничего подобного! Когда я стал мухой, никаких сложностей не было. Летишь себе по небу, жужжишь. Есть захотел — спустился, а там *всё съедобное.* (Есть, кстати, хотелось почти все время, видно, мухи — существа очень прожорливые.) Воробьи — тупые, уйти от них — делать нечего. А если на какой-нибудь базарчик залетишь, то там вообще класс: мух не бьют, только отмахиваются, а птицы подлетать боятся.

А знаете, как муха видит, какие краски?! Если б муха человеком обернулась, она бы, наверное, художником стала. А запахи какие муха чувствует! А вкусы!

Короче, не жизнь — малина. Если бы только не человеческий разум, который все пилит и пилит: «И что, вот так — мухой — ты всю жизнь прожить и собираешься? А она, между прочим, не такая уж длинная: зима нагрянет, и хана...» Мои насекомые инстинкты пытались сопротивляться: мол, не ДОЛГО жить главное, а КРАСИВО. Мол, вот отложу личинок, и жизнь моя в них продолжится... Но тут же вскипал ЧЕЛОВЕК: «Личинок?! Да ты сам-то соображаешь, о чем думаешь?! Кстати, ты не муха, а мух! Какие там личинки...»

Человек, само собой, победил, и я принялся обдумывать пути обратного превращения. Да к тому же ведь чертов Кащей не только в муху меня превратил, но еще и в мир Шерлока Холмса загнал. В этом я без труда убедился: кэбы, клубы, полисмены, джентльмены... Вот и решил я прежде всего разыскать великого сыщика и связаться с ним.

Я все это так рассказываю, как будто ничуть не унывал. На самом-то деле время от времени я впадал в форменное отчаяние. Особенно ночью. Англия, она и в Африке Англия. Когда под утро на Лондон падает туман, мухам приходится туго. В первую ночь я спасся в газовом фонаре в сквере. Там было сухо и тепло. Но отражатель в нем был скользкий и покатый, а я еще не научился спать, удерживаясь присос-

ками на лапах; поэтому всю ночь не сомкнул глаз. А если бы уснул, сразу скатился бы в огонь.

И всякие другие были неудобства. С той же едой, например. Чувствую я своим мушиным носом благоухание, аж слюнки текут, а гляну, что́ это так пахнет, меня с души моей человеческой воротит... Другими словами, были в моем положении и минусы. Но не буду вдаваться в эти подробности, тут можно сто лет говорить, а по существу — ничего.

Так вот. Я решил искать Холмса. И вспомнил, что по книжке проживает он на Бейкер-стрит. Но как найти эту улицу? Не долго думая, я принялся кружить над тротуарами, пытаясь прочесть названия улиц на домах.

Если бы надписи были сделаны на английском, я бы очень пожалел, что лучше знаю древнеегипетский. Но «Волкстрит», «Эбби роуд», «Грин парк» и тому подобное было написано русскими буквами, так что в этом я затруднений не испытывал.

Пару раз я подлетал к своим насекомым собратьям, желая попытаться войти с ними в контакт. Ведь что мы — люди — знаем о мухах?! Возможно, думал я, нет на свете существ мудрее, просто мы не способны понять это... Ни фига. Тупее я в жизни никого не встречал. Когда я пытался заводить с ними беседы, они или шарахались от меня как от чумного, или проявляли интерес совсем иного характера (самки). В последнем случае я смывался как можно быстрее: не хотелось бы начинать свой опыт общения с женщинами с мух.

Весь следующий день я промотался по Лондону, но так ничего похожего на Бейкер-стрит и не нашел. А под вечер со мной произошла вот какая история.

Вечер этот застал меня далеко от центра города. Хотя район был чистенький и явно не самый бедный и на каждом углу тут горели фонари, я решил избрать какое-нибудь иное место ночлега. Я ведь практически не спал всю прошлую ночь и теперь буквально валился с ног. Если бы я снова забрался в фонарь, неминуемо бы изжарился.

И вот, не долго думая, я влетел в первую попавшуюся форточку и протиснулся в щель между рамой и натянутой от нас — мух — сеткой.

Я огляделся. Комната была обставлена, само собой, старомодно, но опрятно: вся мебель какая-то витиеватая, везде салфеточки, подушечки, маленькие полочки с расписными вазочками... Из соседней комнаты слышалась музыка. Музыка, между прочим, знакомая — «Турецкий марш» Моцарта. Мы его на уроках эстетики в школе про-

ходили. Сейчас кто-то играл его слишком медленно и довольно неумело.

Я порадовался, что в комнате никого нет: можно спокойно подыскать местечко, куда спрятаться и переночевать. Но прежде чем сделать это, пару раз пробежался по стенам и потолку; я просто балдел от этой своей способности и не удержался, пока в комнате пусто. А зря. Потому что музыка внезапно смолкла и за дверью послышались легкие шаги.

Я метнулся к подоконнику и спрятался в листьях какого-то растения. В комнату вошла совсем молоденькая девушка, можно даже сказать, девочка, в вечернем платье из лилового бархата и сразу же начала раздеваться. Я, конечно, смутился и отвернулся. Но потом подумал: «В конце концов я муха или нет?!» А раз муха, повернул голову обратно и стал наблюдать.

Красивая девушка. Серые глаза и такие же серые волосы до плеч. А всякой одежды на ней — ужас! Под одной юбкой — вторая, под той — третья, а там, черт, еще панталончики кружевные... И так далее... А корсет! Его расшнуровывать замучаешься. И она замучилась. Взяла со стола колокольчик и побренчала им. Буквально через несколько секунд в комнату ворвалась горничная — толстая улыбчивая негритянка.

— Сэнди, помоги мне, — велела ей девушка.

— Сию минуту, мисс Джессика, — ответила та и принялась проворно управляться со шнуром.

В конце концов я все-таки отвернулся. Мало ли что муха, совесть-то все равно иметь надо.

Скрипнула кровать, зашуршали простыни, и я услышал голос девушки:

— А теперь, Сэнди, принеси мне, пожалуйста, чашку горячего шоколада.

Ой-ой-ой. Я вдруг понял, что опять проголодался.

— Но, мисс Джессика, — возразила горничная, раздувая черные ноздри, — сэр Чарлз строго-настрого запретил есть и пить в комнатах.

— Ну Сэнди, ну миленькая, ну пожалуйста. Я хочу книжку перед сном почитать. А знаешь, как приятно читать и что-нибудь вкусное жевать... И думать: «Ах, как мило, что на свете есть Сэнди, которая мне это принесла...» А папа не рассердится, потому что не узнает. Ты ведь ничего ему не скажешь?

— Святая Мария, вы совсем еще ребенок, мисс Джессика. Ладно, что с вами поделаешь, шоколад я вам сейчас принесу. Только смотрите сами не проболтайтесь отцу, он

тогда живо выставит меня за дверь, не посмотрит, что служу вашей семье верой и правдой.

— Я скорее умру, Сэнди, чем проговорюсь! — заверила девушка с такой страстью в голосе, словно речь шла как минимум о государственной тайне.

Горничная, посмеиваясь и покачивая головой, вышла, а Джессика, беззвучно похлопав в ладоши, взяла со столика книжку. Я успел прочесть только имя автора: «Д-р Ватсон».

«Как так, — подумал я, — такого писателя не было. Он сам — персонаж Конан Дойля...» И тут же понял: в рассказах-то именно Ватсон писал о Холмсе.

Вернулась горничная с дымящейся чашкой на подносе. По комнате разнесся сладостный аромат. У меня потекли слюнки. Джессика, оторвавшись от книги лишь за тем, чтобы ее поблагодарить, принялась читать дальше, прихлебывая из чашки.

Я понял, что если сейчас не поем шоколада, я свихнусь. Тут в союз вошли и мои мушиные инстинкты, и мой человеческий вкус. Очень кстати Джессика, перевертывая страницу, поставила чашку на столик. Видимо, как раз сейчас сюжет книжки развертывался особенно лихо, потому что читала она, напряженно двигая губами, с широко раскрытыми от волнения глазами... а забытая чашка стояла на столике.

Я метнулся к ней, приземлился лапками на теплую мягкую маслянистую поверхность, торопливо сунул в нее хоботок и, кряхтя и причмокивая, с неописуемым наслаждением принялся всасывать в себя шоколад. Обе мои сущности — мушиная и человеческая — сошлись в едином блаженстве. Я сладострастно закатил глаза.

И опять же зря. Внезапно свет над моей головой померк, и инфракрасным зрением я рассмотрел фаланги пальцев прикрывшей чашку руки.

— Ах, гадкое насекомое, — услышал я приглушенный голос Джессики над своей головой. — Ешь, ешь! Все равно после твоих грязных прикосновений человек к этой пище уже не притронется.

Видимо, в свободную руку она взяла колокольчик: раздался звонок.

Я замер, дрожа от страха.

— Сэнди, я поймала муху! — заявила Джессика. — Вот, возьми. Только осторожно, не выпусти.

Чашка колыхнулась, рука над моей головой поползла и заменилась другой, коричневой, причем проделано это было так осторожно, что щелки для моего спасения не приоткрылось.

— Вот и отлично, — заявила горничная. — Я вынесу ее на задний двор, а там и прихлопну.

Обливаясь слезами жалости к себе, я судорожно, с еще бóльшим остервенением, продолжил пожирание шоколада. В последние мгновения жизни я хотел взять от нее всё.

— Что ты, Сэнди! — воскликнула Джессика. — Зачем лишать жизни божью тварь?

— Мухи — надоедливые, никчемные и даже вредные создания, — отрезала черствосердечная Сэнди.

— Но от того, что убьешь одну, род их не переведется. Так стоит ли пачкать свои руки, а главное — душу? — задала риторический вопрос добродетельная девушка.

— Ну как прикажете, мисс, как прикажете, — согласилась (как я позже удостоверился — притворно) негритянка, и по колебанию чашки я понял, что меня понесли. Обрадовавшись скорому освобождению, я принялся еще интенсивнее пожирать шоколад; надеясь наесться впрок.

Вдруг между пальцами руки горничной появилась маленькая щелка, а в нее просунулись два пальца другой руки и ухватили меня за крылышко.

— «Божья тварь...» — передразнила хозяйку Сэнди, поднося меня к выпуклым черным глазам. — Еще ничья душа, я думаю, не отправилась в ад лишь за то, что ее хозяин прихлопнул муху. — С этими словами горничная, продолжая держать меня за крылышко, наклонилась, стащила с ноги тапок, положила руку со мной на подоконник, размахнулась тапком и, быстро отдернув пальцы, ударила.

Тапок стремительно приближался ко мне. Но, к моему счастью, горничная, по-видимому, была чуть подслеповата, и только самый краешек убийственного инструмента грозил меня накрыть.

Я сумел выскользнуть из-под него, использовав совсем не мушиный прием: я всем телом перекатился в сторону.

Подошва ударила о подоконник, но я уже вскочил на ноги, отряхнул крылья и взмыл к потолку кухни (как оказалось, мы находились именно там).

— Ах, проклятая! — вскричала горничная и принялась за мной гоняться.

Я припомнил, как сам когда-то бил мух (о, жестокий!), а иногда еще и засасывал их в пылесос (о, увы мне, увы!..) и понял: главное — не садиться на какую-нибудь поверхность. Минут пять я кружил по кухне, увертываясь от ударов тапка, пока не заметил замочную скважину в двери и не ринулся к ней сломя голову. Через мгновение я уже несся под потолком коридора, а еще через мгновение про-

тискивался в щель между плохо прикрытыми рамами окна на улицу.

Я оказался на заднем дворе. Ночевать, видно, придется на улице. Ну хоть не голодным. Хотя шоколад шоколадом, а я бы не отказался от чего-нибудь более существенного. (Надо же, стоило смертельной опасности отступить, как вновь мысли переключились на еду!)

Тут очень кстати я почувствовал вкусный запах и направился в его направлении. Запах шел из двери кладовой, которая находилась в правом крыле дома. Дверь была полуоткрыта. На мешках, в которых, судя по запаху, хранили изюм, лежал явно подвыпивший человек в белом поварском колпаке, с зажатой в зубах тлеющей сигарой. Повар похрапывал.

Я принялся скрупулезно осматривать помещение. О радость! О счастье! Из-под потолка кладовки свисали окорока и колбасы. По углам громоздились бочонки меда; того слоя, который покрывал их наружные стенки, с лихвой хватило бы на сотню мушиных жизней. Тут и там стояли ящики и корзины с укутанными в солому фруктами и овощами. Ну что еще нужно для счастья?

Я принялся жадно уплетать лакомства, перелетая от одного к другому. И вдруг я почувствовал странный, совсем не аппетитный запах... Дым! Пахнет пожаром!

Я сразу понял, откуда доносится этот запах. Сигара выпала изо рта повара и лежала теперь в ящике с морковью. Тонкая березовая соломка уже не тлела, а горела вовсю. Я живо представил, чем это грозит. Еще минут десять-пятнадцать, и кладовая будет полыхать, как домна, а вскоре огонь перекинется и на весь дом.

Людей жалко вообще, а особенно — людей хороших. Я вспомнил добродушную и милую Джессику. Я должен спасти ее!

Подлетев к повару, я принялся ползать по его лицу, чтобы разбудить его. Но тот даже не шевельнулся. Пьян он был, по-видимому, мертвецки.

Пламя уже лизало соседние ящики. Как мог быстро помчался я к двери. Вынырнув на улицу, стал тыкаться от окна к окну в поисках подходящей лазейки. Наконец нашел то самое окно, через которое влез в комнату Джессики в прошлый раз, и протиснулся в ту же щель.

Если на улице царил полумрак, то тут была полная темнота. Но я-то как-никак муха, и я умею видеть в темноте. Правда, все предметы при этом приобретают странный зеленоватый фосфоресцирующий оттенок.

Я подлетел к постели Джессики, приземлился ей на кон-

чик носа, пробежал по переносице, соскочил на правое веко и стал, вороша ресницы, ползать туда-обратно.

Веко несколько раз дернулось, и тут я угловым зрением уловил, как что-то массивное угрожающе мчится на меня сбоку. Я перепрыгнул на подушку, и ладонь Джессики не задела меня, лишь ударив ее саму по щеке.

Что-то пробормотав, девушка перевернулась на бок. Внутренним взором я видел полыхающую кладовую. Нельзя терять ни минуты. Взяв круто вверх, я вознесся к потолку, а затем спикировал на лицо девушки. Приземлившись лапками на ее верхнюю губу, я, понимая, сколь рискованно для меня это действие, решительным шагом направился ей прямо в левую ноздрю.

Страшным напором воздуха меня вынесло обратно наружу. Джессика чихнула! А чихнув, села на постели. В восторге я, жужжа что было мочи, принялся метаться вокруг нее.

— Гадкое, гадкое насекомое, — пробормотала девушка, потирая нос ладонью. Затем потянулась к столику, взяла с него колокольчик и позвонила.

Из смежной комнаты появилась Сэнди в длиннющей ночной рубашке, чепчике и со свечой в руках.

— Ты была права, — к моему прискорбию, заявила ей Джессика. — Мух нужно истреблять. Эта наглая негодница совершенно не дает мне спать!

После таких слов горничная поднесла свечу к жерлу газового рожка и открыла его на полную мощность. В комнате стало почти светло, и, размахивая снятым с вешалки полотенцем, негритянка принялась охотиться за мной. Убедившись в тщетности ее попыток, присоединилась к ней и Джессика.

Я несколько раз присаживался на дверь комнаты, как бы давая им понять, что из комнаты нужно выйти, но никакого результата, кроме риска быть прихлопнутым, не добился.

— Мисс Джессика, — запыхавшись и сев на край постели, заявила горничная, — или мухи поумнели, или это — та самая муха, которая вечером морочила мне голову на кухне... Давайте просто выгоним ее в коридор?

Джессика согласно кивнула и открыла дверь. И тут же в комнату ворвался едкий запах дыма.

— Боже милостивый, что это?! — вскричала Сэнди и кинулась в коридор. И тут же оттуда раздался ее вопль: — Пожар! Пожар! Сэр Чарлз, горит кладовая!

Послышался топот множества ног — это хозяева и слуги принялись за борьбу с огнем. А я, обессиленный, рухнул на

подоконник и сразу же уснул в явно несвойственной для мухи позе — на боку, подмяв под себя одно крыло...

Меня разбудили голоса. Надо мной, внимательно меня разглядывая, склонились два лица: белоснежное — Джессики и глянцево-черное — Сэнди. За окном светало. Запах дыма в комнате почти рассеялся.

— Как жаль, — вздохнула девушка. — Что ни говори, а именно ей мы обязаны своим спасением. Что же с ней случилось? Ведь мы так и не ударили ее ни разу, правда, Сэнди?

— Говорят, у мух очень короткий срок жизни, — заявила горничная, выпучив для убедительности глаза. — Не иначе, сам Господь послал нам во спасение эту бессловесную тварь.

— И я буду молиться за нее! — воскликнула Джессика с жаром в голосе.

— Молиться?! За муху?! Что вы, мисс, это грех! Грех!

— Нет, не грех! — топнула ножкой девушка. От этого удара мушиный инстинкт сработал, и я, сам того не желая, вскочил на ноги.

— Сэнди, она живая! — закричала обрадованная Джессика и протянула ко мне руку. Я не делал попыток улететь. Осторожно взяв меня за крылышко, Джессика с улыбкой сказала:

— Скольким опасностям подвергается и без того недолгая жизнь этого бедного создания. Всякий норовит убить его, просто ищущего себе пропитания... Сэнди, ступай на кухню и принеси оттуда большую стеклянную банку. Я беру это насекомое на пожизненное содержание. Оно будет жить в такой роскоши и неге, в какой не жила еще ни одна муха в мире!

...Такой поворот событий мог иметь для меня катастрофические последствия. Любая другая муха была бы, наверное, на моем месте на вершине блаженства. У меня же никак не выходило из головы это жуткое слово «ПОЖИЗНЕННОЕ». Кстати, действительно, а как долго живут мухи?

Не скажу, чтобы Джессика прониклась ко мне какими-то особыми чувствами. Она не сидела передо мной часами, с умилением разглядывая мою хитиновую оболочку, не пыталась ласково поговорить со мной... Хотя можно ли было этого требовать от нее? Она же не идиотка, а просто справедливая и добрая девочка.

Но для меня ее доброта вылилась в настоящий кошмар.

Мое *содержание* заключалось в том, что раз в два-три дня Джессика приоткрывала крышку банки и кидала туда кусочек рыбы, ветчины или какого-либо фрукта. Пару раз в такие моменты я делал безуспешные попытки бежать, но Джессика была внимательна и осторожна. Видимо, она считала, что глупое насекомое само не понимает своего счастья... Я думал уже, что свихнусь от скуки и страха, что вот так, без надежды на обратное превращение в человека, и предстоит мне прожить всю недолгую мушиную жизнь. А надежды оставалось все меньше и меньше; у меня была масса свободного времени, и я постоянно думал об этом.

Прошло, наверное, около месяца. Однажды в комнату Джессики без стука вошел, точнее — ворвался, пожилой крупный мужчина с густыми щеточками усов и трубкой в зубах.

— Что вам угодно, папенька? — встревоженно обратилась девушка к нему.

— Прочти это, — мрачно произнес он, подавая газету.

Она развернула листок и прочла заголовок вслух:

— «Языческое поклонение мухе в доме сэра Чарлза (порочная страсть к насекомому юной леди Джессики)»... Боже, какая нелепость!

— Читай, читай дальше!

— Я не желаю читать сей бред.

— А я не желаю быть посмешищем всего лондонского света!

— Но, отец, это насекомое спасло вам дом, а возможно, и жизнь. А уж жизнь повару Гастону — это абсолютно точно.

— Вот пусть Гастон и нянчится с этой мухой. Только не в моем доме!

— Во-первых, Гастон уволен, а во-вторых, он пьяница и неблагодарная скотина.

— Сударыня, вы выражаетесь, как продавщица бакалейной лавки!

Щеки Джессики вспыхнули, и изменившимся голосом она произнесла подчеркнуто сдержанно:

— Что ж, пусть я дурно воспитана. Пусть я — грубая и непочтительная дочь. Но, отец, как вы, джентльмен, можете быть столь несправедливы к этому несчастному, спасшему вас существу?

Сэр Чарлз был явно смущен:

— Пойми меня правильно, дочка. В целом я согласен с тобой. И я не имел бы ничего против... Но эта статья... В конце концов муха — тварь неразумная...

Неразумная!!! От возмущения я принялся метаться в банке по самым нелепым траекториям. И тут в комнату заглянула Сэнди:

— К вам посетитель, сэр.

— Кто?

— Некто Шерлок Холмс, сэр. Сыщик.

Я свалился на дно банки.

— Сыщик? Не хватало только сыщика в моем доме.

— Но папочка! — взмолилась Джессика. — Это же знаменитый Шерлок Холмс! Его проницательности рукоплещет весь просвещенный мир!

— Да-да, припоминаю, что-то я читал о нем... — Сэр Чарлз вновь повернулся к негритянке:

— Он не сказал, что ему нужно?

— Он заявил, что пришел за мухой.

— Вот как? — поднял брови сэр Чарлз. — Что ж, просите его прямо сюда.

Еще через миг в комнате появилась знакомая мне парочка. Сэнди с любопытством выглядывала из-за двери.

— Шерлок Холмс.

— Доктор Ватсон, — представились визитеры.

— Итак?.. — произнес хозяин.

— Сэр Чарлз, — начал Холмс, — моя просьба, возможно, покажется вам странной, но, прочитав статью в газете, я понял, что находящаяся у вас муха — это... это... моя муха.

— Вот как? — усмехнулся хозяин и, затянувшись трубкой, выпустил к потолку облако дыма. В его глазах мелькнули какие-то сумасшедшие искорки. — Сказать по совести, как раз сейчас я пытался решить, куда бы нам это животное пристроить, и ваш визит пришелся как нельзя кстати. Однако, как вы знаете, муха эта спасла нам жизни, и мы не можем отдать ее в... хм-м... — замялся он.

— В дурные руки? — продолжил за него Холмс с ледяной улыбкой.

— Не хотел вас оскорбить. Но, помнится, писали, вы не только сыщик, а еще и естествоиспытатель. Возможно, муха нужна вам для опытов? А я считаю, это насекомое достойно лучшей участи.

— Никаких опытов, — заверил Холмс. — Видите ли, эта муха — не совсем то, что вы думаете... Вот уже месяц я разыскиваю ее.

— Вы действительно знаменитый сыщик, — хихикнула Джессика, но тут же вновь придала своему лицу серьезное выражение. — Я много читала о вас.

— Благодарите моего друга, литератора, — покраснел Холмс. Ватсон с достоинством поклонился. — Я понимаю, сэр Чарлз, что мои слова звучат недостаточно убедительно... Могу ли я хотя бы взглянуть на нее?

— Прошу, — сделал жест рукой хозяин. Я в это время сидел на дне банки. Холмс склонился надо мной:

— Если ты тот, о ком я думаю, подпрыгни.

Я подлетел на несколько сантиметров и снова уселся на дно.

— Ты хочешь пойти со мной?

Я подпрыгнул еще раз.

— Факт, достойный удивления, — покачал головой сэр Чарлз. И продолжил упрямо: — Но он еще ни о чем не говорит.

— Пожалуйста, принесите сюда чернильницу и лист бумаги, — попросил Холмс.

— Сию минуту. — Джессика, взяв с письменного стола названные предметы, подала их сыщику.

Холмс положил листок на подоконник, поставил чернильницу рядом и, открыв банку, сказал:

— Костя, напиши, это ты?

Я вылетел из банки наружу; стараясь не намочить крылышки, обмакнул в чернила лапки и принялся старательно ползать по бумаге. Затем взлетел и посмотрел на содеянное сверху. На листке получилась хотя и не очень ровная, но достаточно разборчивая буква «Я».

— Феноменально! — воскликнул сэр Чарлз. — Однако даже это не говорит о вашем праве собственности на данное насекомое. Более того, я и вовсе не слышал о праве собственности на мух...

— Полно, папенька, — вмешалась Джессика. — Упрямство — поистине одна из наиболее ярко выраженных черт истинного английского джентльмена. Но подумайте вот о чем: мистер Холмс явно знает об этом существе много больше нас, а оно, в свою очередь, недвусмысленно выразило желание отправиться с ним. Стоит ли в данной ситуации упрямиться и настаивать на своем праве? Тем паче мы, по-видимому, и так в течение целого месяца обращались с этим существом абсолютно несообразно с тем, что оно есть.

— Резонно,— помолчав, согласился сэр Чарлз.— Сэр,— обратился он к Холмсу, — не примите мое упорство за проявление дурного нрава. Дело, признаться, прежде всего в том, что меня мучает любопытство. Кем является эта муха на самом деле?

— Человеком. Жертвой черной магии.

Сэнди в проеме двери всплеснула руками, сэр Чарлз выронил изо рта трубку, а Джессика сперва задохнулась от восторга, но тут же смутилась и спросила с дрожью в голосе:

— Этот человек... мужчина или женщина?

— Юноша, — ответил Холмс, — прелестный юноша.

Не знаю, чем уж я показался ему таким прелестным. А Джессика залилась краской:

— Боже мой, я совсем не стеснялась его!

Холмс цинично ухмыльнулся и заметил:

— Хотел бы я оказаться на его месте.

— Сыщики никогда не отличались изысканностью манер, — осадил его хозяин.

Холмс сбросил с лица ухмылку.

— Итак, я забираю его? — чопорно обратился он к сэру Чарлзу.

— О да, — ответствовал тот.

Холмс вынул из кармана сюртука пустой спичечный коробок, открыл его и скомандовал:

— Сюда.

Я с удовольствием выполнил приказ и по шуршанию понял, что коробок был вновь водворен в карман. Но я продолжал слышать приглушенные голоса:

СЭР ЧАРЛЗ. Можем ли мы надеяться когда-нибудь узнать подробности той удивительной истории, невольными участниками которой оказались сами?

ХОЛМС. Об этом следует спросить моего друга Ватсона. Я всего-навсего сыщик, а писатель — он; и то, узнает ли широкая общественность подробности того или иного дела, зависит сугубо от него.

ВАТСОН. Смею заверить, когда-нибудь я обязательно опишу это наше приключение. Боюсь, однако, что повествование это будет выполнено не в привычном для меня жанре криминальной новеллы, а в новомодном жанре научной фантазии. Или не совсем научной, нечто в духе мистера По...

ДЖЕССИКА. Мистер Холмс, а смогу ли я когда-нибудь увидеть этого юношу?

ХОЛМС. Вряд ли, сударыня. Его родина — далеко-далеко отсюда. А чары, удерживающие его в незавидном образе насекомого, могут быть сняты только на его родине. Вряд ли он захочет когда-нибудь вернуться сюда.

ДЖЕССИКА (с надеждой в голосе). А вдруг?..

СЭНДИ. Боже правый, а я чуть не прихлопнула его тапком.

Глава третья,

повествующая о том, что не всё пингвину масленица

Известным уже путем: через шкаф Холмса в замок Кащея, а через библиотечный шкаф на полюс — Кубатай, Смолянин, Ватсон и Холмс (с мухой в кармане) в несколько минут добрались до знакомой уже терпеливому читателю полярной станции.

Встретить кого-нибудь они и не надеялись, а надеялись обнаружить какие-нибудь следы, по которым можно было бы догадаться, где следует искать Стаса. Каково же было их изумление, когда они увидели, что к ним, переваливаясь с боку на бок, спешит пингвин Орлик, крича на ходу:

— Наконец-то! Наконец-то! Милые, как я вас заждался!

— Гонит, — определил Смолянин. — Подляну готовит, пернатый.

Наши герои убедились, что пингвин обладает уникальным слухом.

— Не гоню, не гоню, честное кащейское! — вскричал Орлик приблизившись. — Мне помощь нужна. Что хотите за это для вас сделаю! Хотя... — Он потупился, горестно качая головой. — Хотя что я сейчас сделаю?! Ничего я сейчас не могу...

И вот что рассказал пингвин, когда они все вместе вошли в станцию и уселись возле растопленной Ватсоном печки.

Итак, Кащей превратил Костю в муху и отправил его вместе с Холмсом и Ватсоном в вымышленный Лондон, а Смолянина, Кубатая и сфинксов выбросил в реальный мир. (Кстати, вот и еще одно подтверждение непредсказуемости магических свойств: в человеческом образе ему для такой операции нужен был шкаф, а в пингвиньем — достаточно было выдернуть перышко.) И остался Кащей-Орлик один на один со Стасом.

— Что же мне с тобой-то сделать? — приплясывая от предвкушения очередного злодеяния, повторял он, хлопая крыльями по бокам.

— Может, ничего не делать? — с надеждой предложил Стас.

— Ничего не делать — это я люблю, — согласился Кащей, — потому как ленивый очень. Но тут иной случай. Тут — «кончил дело, гуляй смело». Вот превращу тебя, к примеру, в устрицу, тогда и отдыхать буду.

— В устрицу не надо, — сказал Стас. — Она мороза боится.

— А мы тебе раковину утепленную сделаем, — заверил Кащей.

— Что-то не слышал я про устриц с меховым подкладом, — слабо сопротивлялся Стас.

— Не слышал, так услышишь! Мы не будем дожидаться подарков от природы, мы создадим новый вид арктической фауны!

— Орлик, миленький, — неожиданно ласково обратился к Кащею Стас, и в глазах его мелькнул странный огонек, — у меня есть другое предложение.

— Давай! — обрадовался слегка смущенный Кащей. — Люблю, когда жертва сама инициативу проявляет.

— Преврати меня в пингвина.

— В пингвина? А почему в пингвина?

— Потому что пингвины мне очень нравятся. Они такие хорошие, такие умные, такие красивые, особенно ты, Орлик.

— Хм, логично, — пробормотал Кащей.

— Преврати меня в пингвина, точно такого, как ты...

Разомлев от лести, не вдумываясь в скрытый смысл последних слов, Кащей выдернул перышко, дунул и пробормотал:

— Превратись, Стас, в пингвина, точно такого, как я! — и топнул ластой.

Громыхнуло в небе, и вот на снегу друг против друга встали два одинаковых королевских пингвина.

Не давая Кащею опомниться, пингвин-Стас точно так же выдернул перышко, дунул и заорал:

— Потеряй Кащей-Орлик свой волшебный дар!

Громыхнуло.

— Эй-эй-эй, ты чего это?! — вскричал пингвин-Кащей, опять же выдернул перышко, опять же дунул и произнес с дрожью в голосе:

— Пусть я снова стану человеком!

Но ничего не произошло. Не громыхнуло.

Пингвин-Стас ехидно захихикал, а затем, произведя известные колдовские манипуляции, заявил:

— Пусть я стану человеком, не потеряю при этом своих волшебных способностей и окажусь в замке Кащея!

Миг спустя на снегу возле станции одиноко топтался пингвин Орлик, истерически дергая с живота перья и размахивая крылышками.

...Выслушав историю Кащея, друзья озадаченно переглянулись.

— Что-то даже не верится, — сказал Смолянин. — Кащей, и на такое фуфло попался!

— Так ведь привыкаешь, что ты — самый коварный, совсем об осторожности забываешь.

— А где Стас-то теперь, где дружок мой сердечный? — вмешался Кубатай, и скупая генеральская слеза, скатившись по щеке, сосулькой повисла на кончике его уса.

— Не ведаю я того, люди добрые,— признался Кащей.— Но вот о чем прошу вас: найдете его, заставьте меня обратно в человека превратить. Зла я теперь не сделаю, силу-то волшебную потерял. К тому же вместе со способностями магическими Стас у меня и норов злонравный отнял. Природа колдовства моего такая. А пингвином век доживать ой как не хочется...

— Посмотрим, посмотрим, — хмуро буркнул Холмс и широким шагом направился к двери станции. За ним двинулись остальные.

— Вот что, милейший, — остановившись, обратился он к Кащею, — а не отправиться ли вам на поиски вместе с нами? С одной стороны, когда найдем ребенка, не придется еще и вас разыскивать, с другой — будете нашим экспертом по магическим способностям, которые он приобрел. Ваши знания могут нам пригодиться.

— Я с радостью! — возбужденно запрыгал на месте, хлопая крыльями, истосковавшийся в одиночестве пингвин.

...Пройдя через платяной шкаф, наши герои вновь оказались в Кащеевой библиотеке, а выйдя из замка — на поляне с хроноскафом.

Дежуривший возле него Шидла кинулся к ним:

— Земляне! Рад вас видеть! А где же дети?

— Один здесь, — похлопал себя по карману Холмс. — А где младший — не знаю.

— Из замка Стас не выходил, — озадаченно промолвил Шидла.

— Думаю, он не выходил потому, — догадался Кубатай, — что с помощью Магического шкафа отправился в какую-нибудь книгу.

— Знаю, знаю в какую! — закричал Смолянин радостно. — Он же домой хотел вернуться! Он в нашу книжку отправился — в «Сегодня, мама!»...

— Выходит, сейчас он дома и нам остается только доставить туда второго? — сказал Ватсон скорее утвердительно, нежели вопросительно.

— Боюсь, что это не так, — ответил Кубатай. — Трезво рассудив, я пришел к выводу, что моя первоначальная гипотеза была неверной. Если Стас отправился в «Маму», то

он находится как раз в Вымышленном мире этой книги. — И после паузы туманно добавил: — Сознание автора преобразует действительность...

Глава четвертая,

в которой мы пытаемся предугадать будущее и немножко узнаём о судьбе Стаса

(Рассказывает доктор Ватсон)

Оглядываясь назад, я вынужден отметить, что поиски Кости были не самыми скверными днями в моей жизни. На это время я вновь поселился у нашей дорогой миссис Хадсон, в своей старой комнате. А Кубатай со Смолянином, не смущаясь простотой обстановки, заняли комнатку прислуги. Весь день они бродили по Лондону, выискивая самые густозаселенные мухами районы — помойки, выгребные ямы, скотобойни. План их был прост: Костя-муха, увидев знакомые лица, должен был приблизиться и как-либо дать о себе знать. Для полного эффекта потомки брáли с собой куски лежалого мяса и прочие продукты, аппетитные для насекомых. Самых подозрительных мух они отлавливали сачком и приносили домой — для изучения. Но Костя никак не находился, и результатом поисков был лишь густой, стойкий запах в квартире.

Я искал Костю другим путем — по ночам бродил по Лондону, в местах малодоступных людям, но заметных для мух, расклеивая плакатики с краткой инструкцией, как добраться до Бейкер-стрит. Плакатики рисовал по ночам Смолянин, оказавшийся на диво трудолюбивым и прилежным.

Как и следовало ожидать, успеха добился Холмс, применивший самый неутомительный и странный способ поиска — просмотр газет.

Найдя бедного мальчика, мы отправились на полюс, где узнали поразительную историю посрамления злого колдуна смышленым ребенком. Что ж, нам остался, как мы думали, самый простой этап приключений: найти Стаса, получившего волшебную силу...

Унылый замок Кащея был по-прежнему пуст. Сам хозяин помещения нервно замахал крылышками, оказавшись в апартаментах, но ничего не сказал. Правда, издалека доносился слабый стук, но Кубатай успокаивающе махнул рукой:

— Это Гапон, местный заключенный, в дверь колотит.

— Кушать, наверное, хочет, — предположил сердобольный Смолянин. — Мы ж его с месяц назад заперли...

— Вряд ли, у него ведь самобранка была... — нахмурился Кубатай. — Холмс, как вы думаете, чего желает заключенный?

— Ну, если он целый месяц кушал... — улыбнулся Холмс.

— А! Смолянин, сходи вынеси парашу. Мы пока книжечку подготовим...

Смолянин, страдальчески всплеснув руками, удалился, прихватив с собой покорного Кащея. А Кубатай достал с полки томик под названием «Сегодня, мама!». Полистал, то ухмыляясь каким-то приятным моментам, то мрачнея. Торжествующе поднял палец:

— Во! «Царь, царевич, король, королевич...». Это явно и есть та повесть, куда отправился Стас. Мы можем глянуть текст и убедиться, здесь ли он... да и предусмотреть возможные опасности. Гениально! Как я раньше этого не сообразил? Сейчас почитаем этого «Царя, царевича...». Странное, однако, название. При чем здесь цари и короли? Это же архаизм!

— Но-но! — в унисон воскликнули мы с Холмсом.

— Пардон, пардон, — улыбаясь, извинился Кубатай. — Я же не сказал — королевы! Королевы — это хорошо. А короли — архаизм.

Пока я размышлял, стоит ли принимать такие странные извинения, Кубатай полистал книжку и громко, выразительно прочитал:

> — «Пока я размышлял, стоит ли принимать такие странные извинения, Кубатай полистал книжку и громко, выразительно прочитал:
>
> — Пока я размышлял, стоит ли принимать такие странные извинения, Кубатай полистал книжку и громко, выразительно прочитал:
>
> — Пока я размышлял...»

Быстрым движением Холмс выхватил у Кубатая томик. Генерал-старший сержант постоял несколько мгновений с остекленевшими глазами, потом сказал:

— Что со мной было, господа?

— Похоже, вы чуть не стали жертвой этой книги, — с блеском в глазах сообщил Шерлок. — Вы читали именно о тех событиях, которые сейчас происходят. Соответственно — они происходили снова и снова! Вы могли стоять так вечно, генерал. Вы читали о том, что делаете, и делали то, о чем читали!

— О ужас! — Кубатай побледнел и осел на стул. Холмс осторожно, словно знаменитую шкатулку с отравленной иглой, открыл книгу, перелистнул страницу и прочел:

— «Через несколько минут, когда появились мрачный Смолянин и явно повеселевший пингвин, мы уже пришли в себя. Жалко было, что книга не предскажет нам будущее, но...»

— Позвольте, почему это — «не предскажет»? — возмутился Кубатай. — Полистайте книгу дальше, и мы всё узнаем!

— А дальше, — торжественно сообщил Холмс, — страницы пусты!

И он помахал книгой с девственно чистыми листами.

— Что это может означать? — слабо пискнул Кубатай.— Наверное, мы сами творим историю? И то, что будет написано в книге, зависит от того, как мы поступим?

— Можно предложить и другую версию, — вкрадчиво произнес Холмс. — Книга «Царь, царевич, король, королевич...» только еще пишется. И автор... авторы еще не решили, что будет дальше, что сделает Смолянин...

Генерал-старший сержант вздрогнул и приподнялся. Холмс потупился.

— Что вы этим хотите сказать? — гневно воскликнул Кубатай.— Что Смолянин ненастоящий? Что я путешествую по Вымышленным мирам не со своим верным другом — талантливым переводчиком, испытанным товарищем, — а с персонажем книги?

Холмс посмотрел на Кубатая так, словно хотел что-то сказать, но боялся, что его не поймут. И глухо произнес:

— Кубатай, дорогой, успокойтесь. Истина в том...

— Почему бы вам не сделать следующего шага? — продолжал бушевать генерал, удивленный спокойствием Холмса. — Почему бы не предположить, что и я — всего лишь книжный персонаж!

Мысль эта требовала дальнейшего развития, и он продолжил, глядя то на опустившего трубку Холмса, то на меня:

— Ведь как гладко получается! Я — лишь персонаж, выдающий себя за генерала Департамента Защиты Реальности! Этакий комический покровитель детей! Ха! А автор книг о Холмсе... э-э-э...

— Кубатай, не волнуйтесь, — тихо сказал Холмс, положив руку ему на плечо. — Я неоднократно замечал, что разница между Реальным и Вымышленными мирами — небольшая... но не думал, что вы совершите такой великолеп-

ный мыслительный взлет! Гениально! Ничего не упуская, не проходя мимо косвенных улик, не закрывая уши на самый тихий шорох — вы выдали стопроцентный результат!

— Какой? — слабо полюбопытствовал Кубатай.

— Стопроцентный! Я хотел сказать, что каждый мир одновременно и реален, и придуман. Значит, в какой-то мере вы...

Кубатай разразился веселым смехом:

— Холмс! Имейте чувство меры! Я, конечно, отношусь к вам, гражданам Вымышленных миров, как к равным... но нельзя же утрировать! В вас говорят комплексы, Холмс! Вы переживаете, что оказались творением чужой мысли, вот и пытаетесь нас уверить в том же!

— Что ж, — подумав, согласился Холмс. — Возможно, вы и правы. Здесь я необъективен, и дедукция может меня подводить.

Через несколько минут, когда появились мрачный Смолянин и явно повеселевший пингвин, мы уже пришли в себя. Жалко было, что книга не предскажет нам будущее, но мы были готовы к любым опасностям.

— В путь! — воскликнул неунывающий генерал, и мы втиснулись в шкаф. Несмотря на внушительные габариты Кащея-пингвина, без Ивана это было проще... бедный, бедный негр! Я представил, как он скитается по странному, населенному гномами и чародеями миру, и из глаз моих прыснули слезы.

Наверное, я и впрямь излишне сентиментален... Негра пожалел.

— Выходим, — извлекая из ножен саблю, сказал Кубатай. И смело шагнул из шкафа.

Раздался долгий удивленный вопль, и верный Смолянин прыгнул вслед за генералом. Иного пути не было, и, доставая свой верный револьвер, я последовал за ними...

Падение было долгим, но многочисленные ветки хорошо тормозили полет. Секунд двадцать я лежал, слыша покряхтывание Кубатая и оханье Смолянина. Затем дружеский голос вывел меня из оцепенения:

— Да вы с дуба рухнули, Ватсон!

— А вы, Холмс? — приоткрыв глаза, спросил я.

— А я осторожно слез.

Смолянин, распростертый в груде желудей, поднялся, потер лоб, извлек из кармана порванной юбки бинтик и аккуратно замотал голову. Пингвин, из которого после падения лез пух, как из порванной перины, что-то тихонько пробурчал себе под нос. Кубатай оказался самым неприхот-

ливым. Он отряхнулся, сметая с плеч дубовые веточки, и зорко поглядел вверх.

— Почему это выход из шкафа оказался на дереве? — полюбопытствовал он.

На этот вопрос не нашлось ответа даже у Холмса. Я тоже привел себя в порядок и огляделся.

Мы находились не в лесу, как я поначалу подумал, а в большом городском парке. Меж деревьев петляли дорожки из странного черного материала, кое-где виднелись железные столбы с белыми шарами фонарей — явно электрических! Сердце у меня забилось чаще. Издалека слышался веселый детский смех. Сквозь деревья ярко светило солнце.

— Неопасно вроде, — подбирая оброненную при падении саблю, заметил Кубатай.

— Когда нам мотоциклетчики накостыляли, тоже все мирно начиналось, — хмуро напомнил Смолянин. — Ну чё, пойдем младшóго искать?

— Боже! — воскликнул Кубатай, хлопая себя по лбу. — Холмс, как там Костя?

Холмс бережно извлек из кармана сюртука спичечный коробок и, открывая его, произнес:

— Я потому и был очень осторожен, что чувствовал ответственность за ребенка.

Мы с легким испугом заглянули в Костино пристанище. Все было в порядке. Костя недовольно жужжал, но выглядел бодрым и невредимым. Коробок его был уже порядком засижен изнутри, но мы тактично делали вид, что не замечаем этого.

— Всё в порядке, мальчик? — соболезнующе спросил пингвин-Кащей. Увидев наши негодующие взгляды, он попятился и, ломая крылья, экзальтированно воскликнул: — Ну хороший я теперь, хороший!

— Ладно, отставить разногласия, — командным тоном велел Кубатай. — У кого есть мнения, как искать Стаса?

— Посмотрим по обстоятельствам, — уклончиво пожал плечами Холмс. Я кивнул, соглашаясь.

Костя громко зажужжал, давая понять, что у него есть какие-то догадки о судьбе брата. Увы, поделиться ими он не мог.

— А что скажет наш магический консультант? — осведомился генерал.

Пингвин откашлялся, что выглядело крайне ненатурально, и произнес:

— Мужики, вспомните мои слова! Стас вместе с магией и всю вредность от меня перенял! Они по волшебным зако-

нам взаимосвязаны. Так что найти его — полдела, не получить бы по рогам...

— Ха-ха-ха!— деревянным голосом произнес Кубатай.— Стас никогда не причинит вреда мне! Ну и брату тоже. Он мальчик славный, вежливый.

Спорить было не с руки. И мы направились прочь от злополучного дуба. Впереди шли Кубатай со Смолянином, между ними, чуть отстав, семенил пингвин, мы с Холмсом замыкали процессию.

Странное, однако, дело! Сколько мы всего пережили, в стольких мирах побывали («вымышленных» добавлять не хотелось). И опасности были, и приключения... а так стало обидно, что поиски наши подходят к концу. Конечно, приятно будет вспоминать бравого генерала и добродушного переводчика, можно и обещанную мисс Джессике книгу об этом написать... правда, тогда погибнет моя репутация писателя-документалиста. А сколько всего еще можно было увидеть!..

— Ватсон! — Смолянин схватил меня за рукав. — Зырь сюда!

Мы как раз выходили из парка на улицу. Вполне обычную, разве что дома очень уж все однообразные — в пять этажей, серые, без украшений... А по улице двигалась странная машина — размером с паровоз, но с огромными окнами, на резиновых колесах и привязанная длинными железными штангами к натянутым над дорогой-проводам...

— Троллейбус! — гордо сказал Смолянин. — На электричестве ездит! Нравится, Ватсон?

Я в силах был лишь кивнуть, наслаждаясь зрелищем невиданного прогресса науки. Троллейбус тем временем остановился, через узкие дверцы из него вывалилось человек двадцать, а человек тридцать втиснулось. Видимо, всем хотелось прокатиться на чудесной машине...

— Двадцатый век, падлой буду! — гордо, словно сам этот век сделал, заявил Смолянин.

— Какие деньги здесь в ходу? — полюбопытствовал Холмс. — Я вижу газетный киоск...

— Вы и здесь хотите искать мальчика по газетам! — захохотал Кубатай. — Ну, я думаю, что шиллинги примут — хотя бы как нумизматическую редкость.

Ни слова не говоря, Холмс порылся в кармане, извлек несколько монет и направился к киоску. После недолгой беседы с продавцом он вернулся нагруженный газетами. Развернул одну и погрузился в чтение.

— Что-то интересное пишут? — оглядывая улицу, полюбопытствовал Кубатай.

— Да в общем ничего. Пишут, что Стас вернулся из поездки в Диснейленд и дал обед в честь бывшего президента Соединенных Штатов.

— Что?! — завопил Кубатай. Пингвин подпрыгнул, часто замахав крылышками, и, заглянув Холмсу через плечо, разразился смехом:

— Ох уморил... Вот прикольщик! Способный мальчик, я сразу понял!

Передовая статья в газете под смешным названием «Комсомольская правда» гласила: «Спасибо вам за Диснейленд, дядя бывший президент!» Ниже была огромная фотография: Стас, одетый в странную одежду — что-то вроде военной формы детского размера, весь увешанный медалями (я узнал орден Почетного Легиона и Пурпурное Сердце), пожимал руку здоровому, мрачному, вымученно улыбающемуся джентльмену. Кубатай бесцеремонно вырвал у Холмса газету и принялся читать:

— «Сегодня Народный Диктатор Земли Стас вернулся из неофициального визита в бывшие Соединенные Штаты Америки. Из трех дней поездки два дня он провел в Диснейленде, а в течение последнего дня общался с простыми жителями Нью-Йоркщины. На обратном пути он прихватил с собой бывшего президента Америки и дал в его честь обед, сообщив при этом, что ему всё понравилось, а Диснейленд — больше всего...»

Холмс, не прекращая улыбаться, достал из кармана коробок и выпустил Костю. Тот, возбужденно жужжа, стал виться над Кубатаем, дрожащим голосом продолжающим:

— «Спасибо тебе, Стас! Наконец-то ты разъяснил американцам, что главное их достижение — Диснейленд! И визит твой был весел и незатейлив. Зря, правда, ты сказал, что Аляску надо вернуть России, потому что Антарктиду русские открыли, а Аляска рядом с ней находится. Стас, Калифорния куда ближе к Антарктиде! Верни нам лучше Калифорнию, там тепло! Там апельсины растут!»

Кубатай издал каркающий звук и опустился прямо на землю.

— Вам плохо, генерал? — забеспокоился я. — Сердце?

— Сердце... — вяло повторил генерал. — И почки барахлят... Я этого не вынесу! Такое искажение реальности... пусть даже вымышленной... Стас, как ты мог?

— Действительно, как он успел-то? — подпрыгивая на месте, сказал Кащей. — Я вот даже остров Русь завоевать не смог... а он всю Землю в кулаке держит. Способный, способный ученик попался!

— Ну что?— потянувшись за трубкой, спросил Холмс.— Как будем к диктатору пробираться? И захочет ли он с нами пойти? Здесь ему, похоже, неплохо живется...

Глава пятая,

в которой нас пытаются арестовать безработные милиционеры, Кубатай и Смолянин приобретают новую специальность, а я наблюдаю за диктаторским окружением и шпионю за собственным телом

(Рассказывает Костя)

Мистер Шерлок Холмс, конечно, человек очень хороший. Он мне и в книжках всегда нравился, и по телеку. А в жизни мало того что на артиста Ливанова похож, он еще таким заботливым оказался! И покормить не забывал, и полетать выпускал регулярно.

Когда мы забрались в книжку, он меня выпустил, как только узнал новости про Стаса. И вот летаю я над слегка позеленевшей лысиной Кубатая, слушаю его дрожащий голос. А в голове одна мысль — добился-таки Стас своего!

Как я над ним на полюсе издевался! Мол, кто тебя слушать будет, пятиклассника! А вот он — Народный Диктатор Земли. Мой младший брат. Урод! И ведь про меня совсем забыл — искать не стал, бросил на произвол судьбы в мушином облике...

Пока я жужжал и возмущался, Холмс выгреб из карманов деньги, даже у Ватсона после долгих препирательств соверен занял и скупил в киоске все газеты: «Правду», «Известия», «Пионерскую правду», «Литературку», «Спид-ИНФО». И стали они их читать. А в каждой газете про Стаса статья какая-нибудь написана.

«Пионерка», например, писала о том, что все ребята хотят быть похожими на Стаса. Что они на него равняются, гордятся и выполняют указания Народного Диктатора. И еще объявляла конкурс детских рисунков: кто лучше Стаса изобразит. Наградой победителю был завтрак вместе с моим братом.

«Известия» сообщали о том, что за прошедший месяц,

после того как Стас принял власть над планетой, жить стало веселее. И какие-то цифры приводили, целый лист. Они вроде бы это доказывали.

«Литературка» тоже о Стасе вспомнила. Она теперь в основном о детской литературе рассуждала. Какой-то критик выступал, что самые лучшие книги у любого писателя — это те, где главные герои дети. Например, у Льва Толстого — «Филиппок», у Стивена Кинга — «Талисман», у Набокова — «Лолита». А раз так, то и править миром должен ребенок. Стас то есть.

Ну а «Спид-ИНФО» вообще выдал! Он написал, что если мальчик в какую-нибудь девочку влюбился, то надо разрешить им пожениться. Я, конечно, порадовался, что Стасу уже не пять или шесть лет. Он в этом возрасте был влюбчивый и смелый. Он бы себе целый гарем завел.

Кубатай между тем малость пришел в себя и стал выяснять, где мы находимся. Оказалось, что в Мытищах. Это вблизи Москвы. И мы пошли к вокзалу, чтобы сесть на электричку и в столицу отправиться. Стас сейчас там был, если верить «Комсомолке».

На нас, конечно, все внимание обращали. Еще бы: у Кубатая голова салатового цвета пушком покрыта и сабля на боку, Смолянин идет, весь колесом выгнулся, перепончатые руки в карманы прячет и делает вид, что у него уши нормальных размеров. Следом Холмс и Ватсон — в старомодных костюмах и котелках. Холмс трубкой попыхивает, а Ватсон как троллейбус увидит, так весь от счастья светится.

А самое главное — с нами пингвин идет! Ростом — два метра, пушистый, неуклюжий. Переваливается с боку на бок и ругается тихонько.

До вокзала мы дошли. А там нас остановили два милиционера. Я как их увидел, сразу к Холмсу на плечо сел, потому что мне страшно стало. Уж очень напряженно милиционеры держались.

— Ваши документы! — безошибочно определив главным Кубатая, потребовал один милиционер, тощий и желто-зеленый, словно всю ночь не спал.

Может, мы бы и выкрутились. Но тут Смолянин вмешался.

— Мусора́ позорные! — радостно завопил он. — Чё парашу мутите?

И я понял, что мы влипли.

Милиционеры тоже это поняли. Лица их просветлели, и тощий доходяга ледяным тоном сказал:

— Пройдемте, граждане.

— Куда? — полюбопытствовал Холмс, вынимая трубку изо рта.

— Куда следует! — радостно сообщил второй милиционер, коренастый и улыбчивый.

— Вначале гляньте мои документы, — торопливо предложил Кубатай, протягивая маленькую книжечку, напоминающую карманный разговорник. Милиционер подозрительно повертел ее в руках, спросил:

— Это на каком языке написано?

— На всеземном... вы дальше гляньте, на сорок шестой странице.

Послюнив палец, милиционер пролистал книжку и прочел:

— «Податель сей ксивы — в натуре генерал-старший сержант ДЗР. Имеет следующие обязанности: отлавливать безнадзорных кошек/котов, а также инопланетян, уничтожать запасы валерьянки всеми возможными средствами, препятствовать путешествиям во времени, запрещать колдовство и чародейство. Для выполнения оного имеет следующие права: конфисковывать прыгоходы и иные средства передвижения, размагничивать дискеты с текстами сказок, пользоваться муми-бластером, учинять диверсионные акты любой крутизны.

P.S. В порядке исключения разрешено посещать остров Русь.

Все вышесказанное удостоверяю, падлой буду, директор Департамента Защиты Реальности Ежеп».

Минуту царила полная тишина. Люди и без того старались к нам не приближаться, а теперь, когда милиция подошла, за сто метров стали обходить. Лишь вдалеке гудела электричка.

— Откуда у вас пингвин? — продемонстрировал познания в зоологии коренастый милиционер.

— Это не пингвин, это Кащей Бессмертный, в быту — Манарбит, — неосторожно признался Кубатай.

— Психи, — решил коренастый милиционер.

— Вяжем! — отважно подтвердил тощий. И они бросились на Кубатая: видно, боялись, что он саблю достанет.

Не на того напали! Эх, жалко Стаса не было, посмотреть на Кубатая-разгневанного, Кубатая-диверсанта!

Тощего милиционера Кубатай поймал за ухо и пригнул к земле. Коренастому отвесил такую оплеуху, что тот зашатался и отступил назад. А там его уже поджидал Кащей-пингвин! Он ловко подставил милиционеру ласту, и тот полетел в канаву.

— Бей ментов! — завопил Смолянин, подпрыгивая и отвешивая пинки тощему милиционеру. Холмс и Ватсон нерешительно топтались на месте, явно не готовые к нападению на представителей власти. К счастью, их вмешательство не понадобилось. Милиционеры позорно бежали. А мы не сговариваясь кинулись к электричке. Холмс так припустил, что мне пришлось спрыгнуть с его плеча и лететь следом, махая крыльями изо всех сил.

Ватсон, наверное, тоже перепугался. Он даже не стал восхищаться тем, что поезд двигается на электрической энергии. Заскочили мы в тамбур, причем я еле успел влететь между сходящихся дверей, и поезд тронулся.

— Костя, где ты, малыш?! — тревожно воскликнул Холмс. Я покружился рядом и сел ему на нос. Холмс успокоился и укоризненно сказал Кубатаю: — Генерал, стоило ли так... с полицией...

— Стоило, стоило, — хохотнул Кубатай.

— Что ж, вам виднее, — неохотно произнес Холмс. И мы в молчании поехали. Народа в тамбуре не было: видно, все пингвина боялись. Да и в вагоне через пять минут никого не осталось. Но мы туда не пошли, потому что Холмс, как всегда, дымил своей трубкой, давая время от времени затянуться разволновавшемуся Ватсону.

— Милиция — это мелочь... мусор, как метко сказал Смолянин, — веселился Кубатай. — Не то должно нас волновать! Стас! Как он захватил власть? Вот в чем вопрос! Давайте все подумаем!

Взрослые задумались. А я спорхнул с носа Холмса — очень уж там табаком воняло, подлетел к окну и стал любоваться пейзажем.

В Москве я был давным-давно, еще маленьким. И теперь разглядывал пригороды, мимо которых мы проезжали, пытаясь сообразить — настоящая это Москва или нет.

Вроде настоящая. Дома большие, люди все не ходят, а бегают, на каждом перекрестке бананами торгуют...

Электричка притормозила на какой-то станции, и в наш тамбур влетел молодой мужик с огромным чемоданом. Был он таким запыхавшимся, что пингвина даже и не заметил. Улыбнулся радостно и сказал:

— Еле успел! На последней секунде!

— Гонишь... — меланхолично ответил Смолянин. Мужик слегка смутился, но разговор продолжил:

— Вы небось приезжие?

— В какой-то мере, — осторожно ответил Холмс.

— Из провинции. За товаром, — вынес диагноз мужик. Все промолчали. И он, приняв молчание за согласие, вкрад-

чивым голосом пропел: — Хотите великолепную вещь предложу?

Все молчали.

— Набор посуды! — похлопывая по чемодану, продолжал мужик. — Швейцарский! Нержавеющий! Вилочки для куропаток, щипчики для фазаньих язычков, специальная кастрюлька для варки перепелиных яиц...

— Яйца любишь? — вступил в разговор Кащей. Мужик повернулся и впервые заметил, с кем он едет. Лицо его побледнело, он сглотнул и тихо сказал:

— Нет... никогда не ем. В них холестерина много!

— Ах, холестерина тебе много! — Кащей похлопал крылышками по бокам. — Тебе яйца наши не нравятся?!

Тут электричка притормозила, и мужик со своим чемоданом вылетел из тамбура. Пулей.

Все развеселились, и до Москвы мы ехали без приключений. Когда поезд медленно втянулся на вокзал, взрослые вышли, а я выпорхнул из вагона. Выпорхнул и сразу почувствовал знакомый с недавних пор запах. У мухи-то обоняние — ого-го! А милиционеры пахнут своеобразно, для мухи чем-то даже приятно... Через мгновение я их и увидел.

На перроне стояло штук двадцать милиционеров с дубинками, наручниками и автоматами. Все они хмуро смотрели на нас.

— Ох... — убитым голосом произнес Кубатай, обмякая. — Совсем забыл, что в двадцатом веке уже изобрели телефон...

Один из милиционеров поднял мегафон и заорал:

— Руки вверх! Шаг вправо, шаг влево — попытка к бегству! Взмах крыльями — провокация! Бросай оружие!

Ватсон тоненько охнул, стал медленно оседать и, наверное, упал бы, не подхвати его на руки Шерлок Холмс.

Кубатай преобразился. Грудь его выгнулась, как Дворцовый мост в Санкт-Петербурге, глаза метнули огонь, усы стали медленно приподниматься.

— Никогда! — воскликнул генерал. — Никогда Кубатай не бросал оружия!

Положение было хуже некуда. Московские милиционеры явно обиделись за своих мытищинских коллег. И тут Смолянин, нервно комкая юбку, заголосил:

— Люди добрые! Помогите! Честных людей обижают! Животных мучают! Помогите!

Я, конечно, догадывался, что это нам не поможет, но все-таки от смолянинской отваги стало приятно.

— Считаю до трех! — продолжал кричать милиционер. И торопливо начал считать: — Раз, два, два с половиной...

— Отставить! — раздался вдруг чей-то тонкий голос. Ватсон встрепенулся и начал озираться. А я благодаря своим мушиным глазам сразу увидел маленького, лет восьми-девяти, мальчика, который как раз вышел из соседнего вагона и наблюдал за происходящим.

А самое удивительное, что милиционеры его послушались! Опустили оружие... правда, лица у них при этом стали — смотреть страшно!

— Товарищ мальчик! — дрожащим от ненависти голосом произнес милиционер с мегафоном. — Это преступники!

— Доложить как положено, — лениво ответил мальчик, поправляя воротник джинсовой курточки.

— А-а-а! — простонал милиционер, комкая мегафон. — Товарищ мальчик, разрешите доложить?

— Разрешаю.

— Майор Брайдер. Задерживаем опасных преступников, террористов. Напали на представителей власти... хулиганили...

Мальчик подозрительно посмотрел на нас, увидел пингвина... и заулыбался. Подбежал, храбро схватил Кащея за крыло-плавник, погладил и заискивающе спросил у Кубатая:

— Это... это ваш?

— Э-э-э... Наш! — смешался Кубатай.

— Ручной?

— Дрессированный, — кокетливо улыбаясь, сообщил Смолянин. — Орликом зовут!

— Здорово... А что они на вас так разозлились?

— Не знаем, — покривил душой генерал. — Шли мы, шли, никого не трогали. Мы — знаменитые цирковые артисты. Это — рыжий клоун Смолянин, а я — зеленый клоун Кубатай. Гастролируем по миру с Орликом... всем нравимся. А тут напали, негодяи... Орлика хотели ударить!

Мальчик явно был из тех ненормальных юных натуралистов, у которых дома аквариум, клетка с канарейками, вольер с хомяками и пара дворняжек. Он побледнел, еще раз погладил пингвина и заорал на милиционеров:

— Разойдись!

— Нет! — храбро возразил майор Брайдер.

Мальчик нахмурился, прищурил глаза... И откуда-то сверху скользнули к земле быстрые серо-стальные тени! «Птицы», — понял я, метнулся к Холмсу и забрался ему под сюртук. Что ни говори, мушиные инстинкты — вещь полезная...

Только эти птицы мух не ловили. Были они металлические, с блестящими, как хрусталь, глазами и длинным клювом, на конце которого дрожал огненный шарик.

— Именем Народного Диктатора приказываю вам разойтись и не трогать порядочных людей! — велел мальчик. — И вообще... всё ваше отделение милиции — распускаю!

Милиционеры с грохотом пороняли свои автоматы и наручники. Один жалобно спросил:

— А что нам делать-то тогда?

— На завод идите работать! — строго сказал мальчик, взял Орлика за крыло и потащил за собой. Следом, волей-неволей, поплелись и мы.

Мальчика звали Славой. Он так сказал, когда мы шли по улице. И еще признался, что ужасно животных любит, особенно — птиц. А пингвинов раньше видел только в зоопарке.

Кащей, если честно, вел себя очень прилично. Как дрессированное животное, а не как заколдованный человек. Крякал, махал крылышками, один раз попытался стащить с лотка банан. Подтверждал слова Кубатая.

— А этих... железненьких... — ненатурально хихикнул Кубатай. — Тоже любишь?

— Страх-птичек? А чё их любить-то? Они неживые. Они роботы! — засмеялся мальчик.

— А откуда они взялись? — осторожно спросил Холмс.

— Ну, когда диктатор Стас вернулся из Шамбалы и увидел, что всё везде плохо, то он сказал волшебное слово... — с воодушевлением начал рассказывать мальчик. И вот что мы узнали...

Стас объявился полтора месяца назад. Первым делом он пробрался на телевидение — явно благодаря волшебству. Влез в прямой эфир во время передачи «Час пик» и объявил, что он — вечно молодой и могучий колдун из африканской страны Шамбала, явился, чтобы помочь всему миру. (Подводило его все-таки образование: про Шамбалу-то он что-то слышал, а вот где она находится — не знал.) Ведущий попытался выгнать странного мальчика из студии, да куда там... Стас пробурчал какое-то заклинание, и откуда ни возьмись появилась стая железных птиц (Стас их потом прозвал страх-птичками). Ударами тока они разогнали охранников и выступающих, техников усадили на места, и Стас свое выступление продолжил. Объявил на всю страну, что жизнь теперь будет славная — малина, а не жизнь. Что президента, парламент и прочих дармоедов он в отпуск

отправляет. А править будет сам... ну и все остальные дети старше семи, но младше двенадцати лет. Потому что они самые добрые, умные и честные. Об этом во всех книжках, мол, написано. Детей теперь никто обижать права не имеет, потому что страх-птички будут за этим следить и виновных наказывать. А взрослые пусть не волнуются — как жили, так и будут жить. Стас им все разрешает, кроме одного — управлять.

Так всё и началось. Попытались было войска подвести, но только танки и боевые вертолеты не заводились, а солдат страх-птички разрядами тока по всей Москве разогнали. Пока в США и других странах думали, что бы это всё значило, страх-птички и туда долетели. Размножались они быстро, накинутся кучей на какой-нибудь несчастный бронетранспортер, разберут по винтикам и новых птичек налепят. А подчинялись только Стасу и немножечко — другим детям. Помимо охраны моего брата и остальных детей они еще и преступников разогнали. Стоило хотя бы рубль украсть, как налетала стая и проводила экзекуцию на всю тысячу. Так что милиция уже с месяц маялась бездельем.

Через неделю в мире ни одной армии не осталось, а страх-птичек стало так много, что даже самые упрямые генералы и грабители поняли — лучше не лезть на рожон. Тем более что, когда пару птичек поймали и размонтировали, оказалось, что внутри у них нет ничего, кроме шестеренок и батареек «Крона». И как они летают да еще током бьются — одному Стасу ведомо. (Я-то, конечно, понимал, что и ему это неведомо. Слаб он был в технике. Велел птичкам летать, размножаться и военных разгонять, они и послушались. Магия!)

...Слава нам все это рассказал с удовольствием и взахлеб. И только потом удивился — вот что значит юный возраст.

— А вы ничего этого не знали?

— Не знали, — признался Кубатай и опасливо погладил мальчика по голове. — Мы это... гастролировали. В джунглях Мадагаскара. Были полностью отрезаны от цивилизации.

— На Мадагаскаре? — Слава просиял. — Ой как здорово! А вы видели там марабу?

— Да, — с сомнением ответил Кубатай.

— У него действительно красная голова, темно-зеленая спина и белый живот?

— Ну, ты довольно верно описал моро... Марабу.

— Как я вам завидую... — не по-детски тяжело вздохнул мальчик.

— Ох, нам же пора! — стремясь уйти от орнитологии, воскликнул Кубатай. — Мы обещали быть в цирке и сегодня же приступить к выступлениям. Так что извини, Славочка...

— Я вам помогу! — просиял мальчик. — Вы впятером выступаете?

— Мы? Нет, втроем. Я, пингвин и Смолянин. А эти... э... дяденьки, они просто поклонники.

— Вас сейчас доставят в цирк! И проследят, чтобы никто не мешал до самого выступления!

С этими словами заботливый мальчик Слава щелкнул пальцами, и с крыши ближайшего дома слетел десяток страх-птиц.

— Срочно отведите этих двух клоунов и пингвина в цирк! И пусть им никто не мешает репетировать и выступать! Особенно пингвина охраняйте!

Я навсегда запомню скорбный взгляд Кубатая, сообразившего, что он стал-таки клоуном. «Ищите Стаса в Кремле!» — прошептал он и побрел по улице. Смолянин понял происходящее не так быстро, и одна из страх-птичек щелкнула его по голой ноге искрой. Тот ойкнул и поспешил за Кубатаем и Орликом. А Слава еще раз печально вздохнул и посмотрел на Холмса.

— А вы никуда не торопитесь? — с надеждой спросил он. — Вам не надо помочь? Стас велел детям относиться к взрослым вежливо и помогать по мере сил.

— Спасибо, милый ребенок, — торжественно сказал Холмс. — Нам не нужна помощь. Мы справимся сами.

Эх, что-то я в этом сомневался...

Как мы до Красной площади добирались — отдельная история. Целую книжку можно написать. Холмс еще ничего, а вот Ватсон перед каждым фонарным столбом восхищался прогрессом науки, в метро же его чуть инфаркт от радости не хватил. Я проводником работал: куда полечу, туда и идут бедные англичане. Один раз я от воробья увернулся, в кусты спрятался, так Холмс с Ватсоном тоже туда ломанулись! Ужас, одним словом.

А на Красной площади мы поняли, что никакой человек до Стаса добраться не сможет. Всю кремлевскую стену страх-птички облепили, а в воздухе их было столько, что казалось — грозовая туча зависла. Глянул Холмс на это безобразие, покачал головой и сказал мне:

— Ну что ж, милый друг, на вас вся надежда. Пусть

ваши... э-э-э... миниатюрные размеры и... э-э-э... быстрые крылья совершат чудо. Летите!

И я полетел. Страх-птицы, к счастью, на меня никакого внимания не обращали. А обычных возле Кремля не было — боялись металлических, наверное.

Кремль — сооружение огромное. Но у меня был надежный ориентир — то здание, возле которого больше всего страх-птиц вилось. Отдохнул я на подоконнике и стал искать форточку. Ни одной открытой! Пришлось лезть сквозь выключенный кондиционер... страшно, между прочим, было. Такое ощущение, словно внутри завода бредешь. Пропеллеры, трубки, провода. Но я всё преодолел.

Потому что очень уж мне человеком стать хотелось.

И мне повезло: в огромном зале с увешанными картинами стенами и мозаичным потолком я увидел своего брата.

Стас сидел на самой обычной кухонной табуретке. Был он грустный и мрачный. Медалей и орденов на его костюмчике еще прибавилось. На полу перед ним стоял цветной телевизор с подключенной к нему игровой приставкой «Кенга». Отдыхал от дел небось.

Хотел было я сразу к брату кинуться, но что-то мне не по себе стало. А вдруг Стас теперь такой же противный, как Кащей? Если к его испорченному сочинительством характеру прибавилась еще и магия... ой-ей-ей! И, прилипнув к потолку, я стал наблюдать.

А Стас посидел-посидел, вынул из кармана батончик «Марс», слопал, потом почесал затылок и громовым голосом, напомнившим мне Кащея, крикнул:

— Бамбара-Чуфара! Лорики-Ёрики! Явись передо мной мой военный министр, повелитель страх-птичек, Колька Горнов!

Раздался треск, вспышка, и перед Стасом появился обеденный стол, за которым сидел мальчик лет двенадцати. В одной руке он держал кусок хлеба, в другой — ложку с борщом. Мальчик был угрюмый, остролицый, чем-то сам напоминавший страх-птицу.

— Звал, начальник? — зачем-то поинтересовался Горнов, откладывая надкушенный хлеб.

— Ага. Обедаешь?

— Ага.

Минуту Народный Диктатор и его военный министр молчали. Потом Стас спросил:

— Как в мире? Порядок соблюдается?

— В общем-то да, — уклончиво ответил Горнов. — Но если честно — не очень.

— Давай рассказывай, — оживился Стас. — Детей обижают?

— Да нет, — вздохнул Колька, с тоской поглядывая на остывающий борщ. — Дети друг друга обижают. Подерутся — и давай звать страх-птичек! Те — налетят и метелят друг друга... ну и драчунам достается. Поголовье птичье падает!

— А что делать? — растерялся брат.

— А я не знаю. Воспитывать, наверное...

Стас взмахнул рукой, и Колька Горнов вместе со своим обедом исчез. А Народный Диктатор грозно повелел:

— Чуфара-Бамбара! Скорики-Морики! Явись передо мной мой министр пропаганды, Андрэ Николя!

Николя, наверное, был французом. Говорил ли он по-русски, я так и не узнал. И вот почему. Появился он, стоя на полу на четвереньках и играя двумя модельками машинок. Перемену обстановки Андрэ заметил не сразу и еще с полминуты энергично шумел, гудел и бибикал. Да и немудрено — было ему лет восемь.

— Андрэ! — завопил оскорбленный в лучших помыслах Стас. Николя поднял голову и сморщился, готовясь заплакать. — Не надо, не надо! — сразу замахал руками Стас, и министр пропаганды исчез. Видать, достали Стаса детские слезы.

Теперь Стас был уже мрачен, как безлунная ночь в глухом лесу. Он встал, хлопнул в ладоши и зловеще прошипел:

— Лёлики-Болики! Мурики-Жмурики! Явись передо мной мой Тайный Советник, писатель Игорь Петрович Решилов!

И по глазам такой свет ударил, а грохнуло так сильно, что я чуть не свалился.

Вот, значит, как Стас дошел до жизни такой! Самого фантаста Решилова в советники взял!

Решилов оказался грузным, довольно-таки пожилым мужчиной с суровым лицом. Он появился вместе с письменным столом, на котором стояла пишущая машинка. Стас вызвал его к себе во время работы, и Игорь Петрович был так увлечен, что, подобно маленькому Андрэ, не сразу заметил диктатора. Смотрел перед собой и молотил по клавишам — «тюк-тюк», «тюк-тюк»...

— Что это вы все время тюкаете? — строго спросил Стас.

— Что значит «тюкаю»? — слегка обиделся Решилов.

— Как ни вызову вас, а вы всё печатаете... — сменил тон Стас.

— Книжку дописываю, — по-прежнему дуясь, пожал плечами Решилов. — «Черный кубик капитана Джонсона».

Стас быстренько подошел к писателю и сказал, легко перейдя на «ты»:

— Ты *очень* обиделся? Пожалуйста... Ну, пожалуйста-пожалуйста, извини меня. Ладно?

Решилов обмяк, потеплел лицом, взъерошил Стасу волосы и на мгновение взял его за бока — словно собирался зачем-то приподнять. Но передумал.

— Что случилось-то, Стасик? — осторожно спросил он.

Брат мой потупил глаза. Поковырял носком кожаного ботинка паркетный пол. Сказал:

— Игорь Петрович, ну почему у нас ничего не получается, а? Министр пропаганды... такой хороший пацан, но от работы отвлекается. Военный министр уже на все рукой махнул. Мол, не справимся. Разве что Ян Юа, министр капитальной пропаганды, старается. Во всех столицах, включая Ашхабад и Панаму, мои бронзовые скульптуры со страх-птицей на плече поставил. И Сережка Бережной молодец, не подводит...

— Сережка? — заинтересовался Решилов.

— Ну, министр экономики, пятиклассник, романтичный такой... Уже три новые фабрики шоколада под его руководством построили!

— Молодец...— приятно улыбнулся Решилов.— Познакомь, ладно?

— Познакомлю, — кивнул Стас. — Так что делать, а? Я всю власть детям передал — а они дурака валяют! Не слушаются, дерутся, страх-птичек на обидчиков натравливают, школу прогуливают, родителям грубят, курят, пиво пьют...

Стас долго бы мог перечислять детские прегрешения, но тут Решилов со вздохом его прервал:

— Малыш мой... Трудно детям управлять миром. Не могут они этого, если уж начистоту!

Народный Диктатор подскочил на табуретке. И возмущенно заорал:

— Так что ж вы врали?!

— Я? — поразился Решилов.

— Вы! В книжках своих писали, что дети лучше взрослых! Что если б они миром руководили, они бы все путем устроили! Что дети с детьми не воюют, что они за правду, за светлое будущее!

— Да, в основном так, — начал оправдываться Решилов. — Но отдельные несознательные хулиганы...

— Отдельные? — Стас уже кипел. — Я с самого детства, как прочитал ваши книжки, хороших детей искал! Таких же, как я, хороших! А они не находились! Нигде! Может, их и нет, а?

Решилов изменился в лице. Протянул руку к Стасу, собираясь что-то сказать. Но Стас крикнул: «Обратно!»

И Решилов исчез.

Стас прижал ладошки к лицу, словно заплакать собирался. Но передумал. Прошелся взад-вперед, прошептал:

— Хоть бы Костя со мной был...

Мое маленькое мушиное сердце радостно забилось. Нет, Стас меня не забыл! Помнит, скучает! А он тем временем начал говорить еще одно заклинание, явно самое мощное и страшное:

— Чуфара-Чуфара! Ёрики-Ёрики! Лорики-Лорики! Жмурики-Жмурики! Возникни передо мной, мой старший брат Костя!

Белое сияние заполнило весь огромный зал, пахну́ло озоном, засвистело, защелкало, и...

И перед Стасом оказался *я*. Один в один, не подкопаешься! В школьной форме, с сумкой в руках.

— Кто ты такой? — осторожно и почему-то устало спросил Стас.

— Я твой старший брат Костя, — грустно ответил двойник-самозванец.

— А зачем ты здесь? — чуть оживившись, продолжил Стас.

— Готов служить и выполнять твои приказания! — деревянным голосом сообщил лже-Костя.

Стас вздохнул. Сказал:

— Значит, подделка. Как прежние — в Антарктиду. Явишься к командиру сороковой пятерки, Косте-сто девяносто шестому. Скажешь — я послал. Будете лыжную базу строить.

— Слушаюсь! — радостно завопил мой двойник. Ужасное, скажу вам, зрелище — видеть себя, да еще таким придурком, со стороны.

— Отправляйся, — велел Стас, и мой двойник исчез. А Стас, снова сев на табуретку, забормотал:

— Искать его в Конан Дойле времени нет, дел по горло. А был бы он тут, я бы просто сказал: «Бамбара-Чуфара! Скорики-Морики! Стань, муха, обратно Костей!»...

Тут я почувствовал, как мои крылья втягиваются в спину, руки-ноги и все остальное — растут, зал уменьшается, а пол приближается. Падал я, короче! Трудно держаться за потолок человеческими пальцами.

Глава шестая,

где Стас делает вид, что он крутой, я с Холмсом и Ватсоном еду на принудительную экскурсию, а Кубатай, Смолянин и Орлик выступают в цирке, что едва не кончается революцией

(Рассказывает снова Костя)

Ударился я об пол. Не так чтоб уж сильно, но неприятно. А Стас, вылупив глаза, спросил:

— Ты кто?

— Твой старший брат Костя! — слегка опупев от превращения, сказал я. Стас сразу поскучнел и начал:

— Подделка... Как прежние — в Антар...

— Пошел ты на фиг! — завопил я. — Хватит, намерзся! Да и книжки мы все спалили!

Стас очумел. Потрогал меня за руку, потом неуверенно обнял и спросил:

— Костя... Это ты, что ли?

— А то кто? — огрызнулся я. — Мы все сюда добрались...

И я коротко рассказал, как скитался по Лондону, как меня нашли, как мы отправились спасать Стаса и что бедные ДЗР-овцы теперь в цирке.

— Чего меня спасать-то? — усмехнулся Стас. — Видал, как лихо я живу? В Кремле! Народный Диктатор Земли! Все меня любят!

— А Решилову чего плакался? — полюбопытствовал я. Стас помрачнел:

— Видел, да? Шпионил?

— Видел, — слегка испугавшись, ответил я. — Слушай, а что за двойников ты творил?

— А, двойников... — Стас поскучнел.

Оказалось, что, вернувшись (домой, как он думал), мой брат решил меня спасти. И приказал: «Возникни передо мной, мой старший брат Костя!» Однако оказалось, что из мира в мир заклинания не действуют. И я не перенесся из холмсовского Лондона в Стаськину Москву. Зато возник мой двойник. С виду — один в один. А на деле — тупой как бревно, робот, одним словом.

— Ты не думай, — добавил Стас. — Были и ничего... почти как ты! Вот Костя-сорок третий... или двести шестнадцатый. Тормознутые, но наглые.

— А зачем ты их в Антарктиду посылаешь?

— Лыжную базу строить. Не пропадать же добру!

Я поежился. Спросил:

— Писателем ты еще не раздумал стать?

— Нет... А откуда ты знаешь?! — И он так на меня глянул, что я понял: со Стасом теперь лучше не спорить. И не задевать. А то снова превратит или назначит директором лыжной базы в Антарктиде.

— Что, думаешь, я плохо все сделал? — наседал Стас. Медали на его курточке угрожающе позвякивали. — Думаешь, я неумеха? Волшебник-недоучка?

Остатки достоинства не дали мне соврать:

— Не знаю.

— Ладно, сам увидишь, — внезапно успокоился Стас. Наморщил лоб и велел: — Холмса и Ватсона сюда, Ёрики-Морики!

Рядом с нами возникли англичане.

— Привет, — бросил им Стас. — Сейчас я вас на экскурсию отправлю. По *моей* Москве. А то дел невпроворот. Вернетесь — побеседуем.

— Стас, а как Кубатай со Смолянином? — попытался я пробудить в нем лучшие чувства. Лицо брата дрогнуло.

— Ну... вы за ними заедьте в цирк... покатайтесь вместе. Недосуг мне!

Я сначала удивился: Стасу и не до Кубатая! А потом понял, что Стас боится Кубатаевых упреков — такого тут наворотил. А еще через секунду нас куда-то потащило...

Через миг мы уже сидели в шикарном импортном лимузине. Огромном, как полтрамвая. Я сидел посередке, а по бокам — Холмс с Ватсоном. Впереди, за продырявленным стеклом, сидели шофер и нервная очкастая девушка.

— Я экскурсовод, — обернувшись, сказала она. — Добро пожаловать на экскурсию. Напитки и шоколад — в баре, под сиденьем. Куда изволите?

Я невольно подумал, что быть братом Народного Диктатора не так уж и плохо. Поглядел на Ватсона и решил сделать ему приятное.

— Можно посетить электроламповый завод? — спросил я. Экскурсовод растерялась, но ответила:

— Можно.

И мы посетили Московский электроламповый завод.

Можете смеяться, но производство электролампочек — такое интересное дело! Оказывается, лампочки делают не на одном заводе! Стеклянную часть на одном, а металлическую на другом! Так здорово! И машины всякие разные, и вообще — интересно! Я подумал: может, стать рабочим на заводе электролампочек? А потом понял, что это несовре-

менно, и решил, что, как раньше и планировал, стану бизнесменом, владельцем торговой фирмы. Ну, или электролампового завода...

Ватсон ходил по заводу и светился ярче, чем лампочка. Всё ему нравилось. Но не зря он был другом Шерлока Холмса — возле одной из работниц он остановился и спросил:

— Простите, леди, чем вы так озабочены?

Девушка и впрямь выглядела расстроенной. Но на Холмса и Ватсона она посмотрела вполне дружелюбно. Потом перевела взгляд на меня и снова помрачнела.

— Возможно, мы сумеем помочь? — продолжал допытываться Ватсон. — Прискорбно видеть, что леди, работающая на славном поприще Электричества, столь грустна...

— Да вот мне где твое электричество! — взорвалась вдруг девушка. И засучила рукав — на коже был красный след от ожога. — Утром в автобусе такого вот шкета, — и она указала на меня пальцем, — заставляла место уступить! И получила от страх-птички... электричеством...

С завода мы шли молча. Ватсона не радовали ни гремящие и дымящие корпуса, ни огромная, с арбуз, сувенирная лампочка, которую подарил нам перепуганный директор завода. Лишь у самого лимузина (кстати, это оказался «кадиллак») Ватсон хмуро сказал:

— Да, как это ни печально, но электричество в неправедных руках способно служить несправедливости...

Хотел я ему еще про электрический стул рассказать, но пожалел. Сели мы в машину, и чуть осмелевшая экскурсоводша спросила:

— А теперь куда? Хотите — вагоноремонтный завод посетим или асфальтобетонный?

— Что мы, тронутые? — грубо спросил я. — В цирк едем!

Холмс, посасывающий нераскуренную трубку, молча кивнул, соглашаясь. Надо нам было найти Кубатая... Смолянина с Кащеем, конечно, тоже, но генерал-старший сержант оставался единственным, кто на Стаса влияние имел.

Пока мы к цирку ехали, много чего насмотрелись. Как какой-то мальчишка с прилавка ларька шоколадку стянул. А продавец замахнулся было на него, но на небо посмотрел и передумал. Как на крыше высотного здания лозунг укрепляли, универсальный такой: «Слава Великому!» Как два пацана стояли и ссорились, а над ними две стаи страх-птиц дрались. Как девчонка лет семи рабочим на стройке указания давала — как и что им строить...

Так что к цирку мы приехали мрачные и подавленные.

Народу у входа было много. Причем в основном не дети — им, видно, и без того развлечений хватало. Взрослые

стояли в длинной очереди у кассы, но нам, когда экскурсовод показала какой-то документ, дали пройти со служебного входа. По пути мы увидели двух художников, которые, дымя папиросами, рисовали афишу: Кубатай, с пышной зеленой шевелюрой, бил Смолянина по голове огромным пенопластовым молотком. Смолянин от этого потешно раскрывал рот, и оттуда вываливалась маленькая рыбка, которую на лету ловил Орлик. Видимо, в цирке решили принять ДЗР-овцев на постоянную работу.

Нас усадили в первом ряду, дали программки, пакетики с жареным арахисом, баночки с пепси-колой и вообще были очень вежливы.

— Лучше пусть выступят, — шепнул мне Холмс. — Страх-птичкам дано задание следить за ними до самого выступления. К чему лишние проблемы?

Я согласился. Зачем проблемы, да и в цирке я давно не был.

Вначале выступала дрессировщица с собачками, потом фокусник... А потом, когда над ареной стали натягивать сетку для выступления воздушных гимнастов, вышел конферансье и объявил:

— Впервые! После триумфальных гастролей по Мадагаскару! Весь вечер на арене! Рыжий и Зеленый клоуны! Смолянин и Кубатай! Пра-а-ашу!

И на арену, неумело хохоча и улюлюкая, вынеслись ДЗР-овцы. Яркие цветастые трико эффектно облегали мускулистую фигуру генерала и деликатно драпировали стройное тело переводчика. В руках Смолянина была крошечная гармошка, у Кубатая — небольшая гитара. Лица их покрывал толстый слой разноцветной гуаши. Шевелюра Смолянина сияла; отросшая на голове Кубатая щетинка нежно зеленела. На середине зала друзья остановились и с ужасом огляделись по сторонам.

Зал затих ожидая. Страх-птички, призванные проконтролировать выступление, весело вились над ареной. Два рабочих сцены торопливо вынесли вслед и поставили посреди зала большую плетеную корзину, накрытую клетчатым платком... ой, нет, смолянинovской юбкой!

Первым овладел ситуацией генерал. Видимо, подготовка диверсанта включала в себя многое. Он невесело улыбнулся и печально протянул:

— А вот и мы-ы-ы...

— А вот и вы, — жалобно согласился Смолянин, испуганно оглядывая переполненный зал.

— Мы к вам пришли, — продолжал генерал, беря гитару поудобнее.

— И будем петь, — обреченно сказал переводчик, растягивая гармонику.

Я мельком глянул на Холмса с Ватсоном. Они с любопытством наблюдали за представлением.

— *Если скучно жить на свете,*

Если вас достали дети, — пробренчал Кубатай.

— *Кто прогонит горький сплин?*

Кубатай и Смолянин! — несколько самоуверенно, но мелодично пропел младший майор.

Что-то мне эта мелодия напомнила... А зал оживился, послышались редкие боязливые аплодисменты. Ободренные ДЗР-овцы запели громче и на совсем другой мотив.

— *Сидела птичка на лугу...* — баритоном пропел Кубатай.

— *Подкралась к ней корова...* — дискантом подтянул Смолянин.

— *Ухватила за ногу.*

Птичка, будь здорова!.. — хором протянули оба.

Что тут началось! Буря аплодисментов! Овации! Крики «браво!». Я даже не сразу понял, в чем дело, а потом сообразил, что все подумали о страх-птицах. И мне стало не по себе. А ДЗР-овцы раздухарились.

Ма-ма, ма-ма, что ж я буду делать?
Ма-ма, ма-ма, как я буду жить?
У ме-ня нет ни одной страх-птицы,-
У ме-ня нет теплого пальта!

Зал ликовал. Аплодисменты смолкли лишь для того, чтобы услышать новый куплет.

Если слушаются плохо,
Не жалейте поп и спин!
Посмотри, как порют лихо
Кубатай и Смолянин!

Часть детей повскакивала со своих мест, но осмелевшие от примера ДЗР-овцев родители отвесили им подзатыльники и усадили обратно. Встревоженные страх-птицы закружили под куполом. Запахло озоном.

Видимо, сообразив, что выступление на грани срыва, Кубатай отбросил гитару, выхватил саблю... оглушительно свистнул.

И на арену выбежал наш Орлик. Но в каком виде! Выкрашенный в серебристо-серый цвет, с лампочкой, прикрученной к клюву! Сообразив, что издевательства над ненавистными роботами продолжаются, публика взвыла от восторга.

— Эт-то еще что за птичка? — риторически спросил

Кубатай. И, приплясывая, погнался за пингвином. Орлик для вида пробовал убегать, но Кубатай его догнал, запрыгнул на спину и загарцевал по арене, на ходу выкручивая лампочку из патрона.

— О-е-ей! — войдя во вкус, крикнул Смолянин. Бросился к корзине, сдернул с нее юбку... там белели сотни куриных яиц!

— Бейте яйца! — завопил Смолянин, кидаясь яйцами в пингвина и размахивая своим кильтом. — Время бить яйца! Время бить яйца!

Все встали. И принялись скандировать, слегка замахиваясь правой рукой:

— Время бить яйца! Время бить яйца!

Я понял, что присутствую при рождении Сопротивления. Наблюдаю его тайный опознавательный жест, вижу гордое клетчатое знамя и слышу смелый клич. Куда там испанцам с их «Но пасаран!».

— Время бить яйца! Время бить яйца!.. — продолжали вопить люди. Лишь иногда отдельные, видимо наиболее натерпевшиеся, уточняли тайный смысл:

— По-роть! По-роть!

Честно скажу: хоть мне и не нравилось то, что Стас с бедным миром сотворил, но тут я задумался. Как-никак родной брат... а против него зреет переворот! Что делать? Пойти против правды или против брата?

И тут в ослепительном сиянии Кубатай, Смолянин и Орлик исчезли со сцены. «Стас! — сообразил я. — Следил, негодяй. Через зеркальце волшебное или через наливное яблочко...»

А людей было уже не остановить! Люди кинулись на арену и принялись топтать ни в чем не повинный продукт. Некоторые, выхватив из брюк ремни, тут же укладывали своих детей поперек колена, спускали штаны и принимались объяснять разницу между преступлением и наказанием.

Через мгновение и нас с англичанами охватило белое свечение; Стас магически выдергивал нас из цирка.

Глава седьмая,

в которой малолетний чародей обижен и озадачен, а Кубатай признается, что он был не прав

(Рассказывает доктор Ватсон)

В апартаменты юного тирана мы вернулись, так и не досмотрев до конца замечательное цирковое представление. Вместо табуретки посреди зала стоял роскошный трон. Для

нас были приготовлены шесть зеленых, обитых бархатом кресел. Стас сидел на троне и вертел в руках маленькое блюдечко с наливным яблочком на нем.

— Так, — мрачно произнес он, глядя на генерала.

— Стас, ты не прав, — отважно сказал Кубатай, размазывая по лицу грим. — Ты совершенно не прав!

— Я все хорошо сделал! — упрямо заявил Стас. — На Земле теперь войн нет! И детей не обижают! Я еще литературе покровительствую и экспедицию на Венеру готовлю!

— Стас, во-первых, нельзя так самовольно счастье навязывать.

— Можно, — заложив ногу за ногу, ответил Стас. — Вы садитесь, садитесь, в ногах правды нет.

— Во-вторых, дети — они иногда куда хуже взрослых... — вздохнул Орлик и всплеснул крыльями.

— Ты бы уж молчал... Кащей! — отрезал Стас.

— Без магической силы я лишь мирный ученый Манарбит! — возмутился Орлик. — Заколдованный неким юным магом.

Стас щелкнул пальцами... и Орлик преобразился в Кащея! То есть — в ученого Манарбита. Вполне приличный на вид человек, похож на бакалейщика с Бейкер-стрит!

— А в-третьих, мистер Диктатор, — добывая из кармана трубку, сказал Холмс, — ты вернулся вовсе не домой. Это всего лишь книжка! «Царь, царевич, король, королевич...» И теперь мне ясно, почему она носит столь странное название.

Вот это замечание моего гениального друга уязвило Стаса. Он наморщил лоб... но потом просветлел лицом.

— Вам завидно, да? — радостно спросил он. — Завидно! Но я не жадный. Живите в моем мире, пользуйтесь. Вас, как моих друзей, все уважать будут. Всё вам будет! Холмс, вы станете министром внутренних дел. Вы, Ватсон, министром электрификации. Кубатай, ты за космос будешь отвечать. И за диверсии. И за охоту. Вместе будем охотиться — на тигров, пантер, львов! Смолянин, я тебя министром культуры сделаю. Хочешь? Кащей... ладно, Манарбит! Я даже на тебя не злюсь! Хочешь — станешь президентом Академии наук? Или советником по делам магии?

Стас соскочил с трона, возбужденно прошелся взад-вперед, потом подошел к брату, взял его за руку и тихо сказал:

— Костя... А тебе, ты ведь мой брат... Я тебе тоже магическую силу дам. Как у себя... почти. Вместе будем править.

Признаюсь, это было трогательное зрелище. Но в сердце мое закрался страх: а вдруг кто-то из нас не выдержит и

поддастся на посулы тирана? Вот я, например... Быть министром электрификации всего мира — что может быть прекраснее?

Костя молчал. Кубатай крутил ус. Смолянин улыбался, грызя ноготь. Манарбит облизывался.

— Костя, да мы же всё теперь можем! — продолжал свои уговоры Стас. — Всё! Помнишь, ты о мотоцикле мечтал?

Юный джентльмен щелкнул пальцами, и прямо в комнате появилась сверкающая никелированными частями конструкция.

— «Харли Дэвидсон»! — гордо пояснил Стас, уселся на трон, закинул ногу за ногу и продолжил уговоры: — Говорите, не всё у меня хорошо? Так помогите! Я вот ночей не сплю... похудел, кстати! А почему? Все потому, что не только о себе думаю... Костя, помнишь эту сказку дурацкую «Цветик-семицветик»? Девчонке счастье привалило, а она: «Хочу на Северный полюс...» — потом: «Ой, холодно, хочу обратно...», а листочков — уже пять осталось... Или «Шел по городу волшебник». То ему клюшку, то еще какой-нибудь ерунды... Вот другой пацан — умный, сразу миллион волшебных коробков заказал. Но он жадный был, злой, а я нет, я для всех хочу. По-государственному думать надо!

— У Стругацких в «Пикнике» парень обо всех думал... — попытался возразить Костя.

— Ну да, классно он придумал: «счастья всем и бесплатно...» Откуда этот шар-то дурацкий знает, что кому нужно? Тут пожеланиями не отделаешься — тут надо рукава засучить и вкалывать. Это во-первых. А во-вторых, одно дело — книжка, другое — на самом деле...

— Вот именно, мой юный друг, — вступил в разговор Холмс. О, его строгий дедуктивный ум не поддался на посулы Стаса! — Это мир книжный. Вымышленный. В реальном мире никаких изменений не произошло. Вам же, в целях безопасности всей Вселенной, следует как можно скорее вернуться в него.

— Кубатай сказал, что эти миры совпадают! — возмутился Стас. — А он — самый умный! Правда? — И он повернулся к генералу за поддержкой.

— Ну... — смущенно протянул Кубатай. — Ты прав, мой мальчик, но, увы, лишь наполовину. Трезво подумав, я понял, что реальный мир и мир художественного произведения, пусть и документального, несколько различны.

— Стас, да ты сам подумай, — вмешался Костя, призывая юного деспота к здравомыслию, — волшебство Кащея вне острова не должно действовать...

— А вот действует! — Стас щелкнул пальцами, подлетел в воздух, трижды перекувыркнулся через голову и вновь мягко опустился в кресло.

— Потому и действует, что мы на острове!

— Где-где?! Ты что, совсем очумел?

— Сам ты очумел. Мы в книжке. А книжка — в библиотеке. А библиотека — на острове...

Довод был убийственным. Стас замер с раскрытым ртом. А Манарбит, похохатывая, добавил:

— Я ведь потому мир завоевать и не смог, что за пределами Руси магия моя не действовала! Неужто, думаешь, я глупей тебя был?

— Глупей! — вскинулся Стас. — Ты страх-птичек не выдумал!

— Да и ты не выдумал, — вновь вмешался брат тирана. — Ты их из рассказа Шекли украл. Букву одну заменил в названии... да поколдовал малость. Подумаешь, изобретатель...

— Мистер Кубатай — недюжинного ума мужчина, — тактично сказал Холмс. — Но всем свойственно ошибаться. Тем более он и сам признал свою ошибку.

Стас, нахмурившись, молчал. Наконец пробормотал, словно проснулся:

— Значит, я книжку завоевал? Да и то, может, только потому, что мне авторы позволили? А эти двое, которые тут жили, они вроде как и ни при чем?

— Какие двое? — спросил Костя.

— Да писатели эти, что «Сегодня, мама!» сочинили. Я как власть захватил, разыскал их. Стал требовать, чтобы покаялись, извинения попросили за издевательства свои... А они кричат, мол: «Мы ничего такого не писали! Мы друг друга вообще в глаза раньше не видели! В разных городах живем!» Я не поверил... ну... хотел было в Антарктиду сослать... потом просто... заколдовал...

— Где они?! — хором воскликнули мы все.

— Да тут они, тут! Холмс с Ватсоном на них сидят. Вот эти кресла зелененькие.

Я в панике соскочил с кресла, Холмс последовал моему примеру. Виновато стряхнул с зеленой обивки оброненный пепел.

Кубатай со Смолянином почему-то наоборот: ехидно переглянулись, подошли к креслам и плюхнулись на них. На лицах их застыло блаженство.

— Расколдовывай! — махнул рукой Кубатай.

— Нет, — заупрямился Стас. — А как, например, вы объясните, что ничего из того, что здесь происходит, в

книжке написано не было? А? Мы же читали, не было там такого! Это что — уже я книжку дописываю? Всё по-настоящему? Так какая разница, значит, мир настоящий.

Тут мой друг в какой уже раз поразил окружающих своей ловкостью и проницательностью:

— Возможно, и так. Но, как подсказывают мне мои научные методы индукции и дедукции, а также небольшой опыт путешествий по Вымышленным мирам, мы находимся в продолжении книжки, которое авторы пишут как раз сейчас. Вспомните, джентльмены! В библиотеке последние страницы книги были еще девственно чисты! Если бы Стас изменил мир после описанных событий, ну, как в том мирке с мотоциклетчиками, то книжка была бы написана полностью. Увы, сейчас мы — в воле авторов!

Братья ошалело переглянулись. Логика Холмса была убийственна, а сомневаться в его честности Стас не рискнул.

— Ну дают! — возмутился Народный Диктатор, не устояв перед фактами. — Понапишут, а мы — расхлебывай?! Совсем, что ли, обнаглели?! Что хотят с нами, то и делают!

— В общем-то у вас есть возможность выйти из их власти, — вкрадчиво заявил Холмс. — Ведь вы — реальные люди, и вам просто нужно вернуться в реальный мир.

На лице его при этом почему-то появилась легкая улыбка.

— Но если всё, что сейчас происходит, придумано другими, то мы ничего не сможем сделать, пока они этого не напишут, — плаксиво заявил Стас. И посмотрел на злополучные зеленые кресла кровожадным взглядом.

— Типичный фатализм сфинксов, — непонятно ответил брату Костя. Тут позволил вмешаться в беседу и ваш покорный слуга. Ситуация явно требовала вмешательства профессионала...

— Простите, джентльмены, меня за самоуверенность, но, являясь в некотором смысле литератором, я хотел бы заметить, что в вашем понимании взаимоотношений между персонажами и автором за версту виден дилетантизм.

Стас потряс головой, и я понял, что для детского разума фраза была слишком витиеватой.

— Продолжайте, мой друг, продолжайте, — вскричал Шерлок, — вы редко высказываете свои мысли, зато они, как правило, блестящи!

Польщенный, я закончил:

— Думаю, мы можем поступать так, как нам заблагорассудится. А авторы будут вынуждены писать именно это. Более того, они будут уверены, что все наши дейст-

вия продиктованы сугубо их собственными фантазией и волей.

— Браво! — восхитился Холмс. Кубатай, подпрыгивая на кресле, зааплодировал.

Стас почесал затылок. Потом глянул на брата:

— Тогда — домой?

— Погоди, — ответил тот. — Во-первых, надо этих... которые мебель... расколдовать. А во-вторых, что с этим миром-то будет? Не оставлять же его так?

— А это не моя забота, — ощетинился Стас. — Как написали, так и будет. Что написано пером, не вырубишь топором. А я тут вообще ни при чем! Забросили ребенка в Антарктиду... оставили один на один с Кащеем...

— Давай работай, не увиливай! — нахмурился Костя. — Между прочим, кто-то сам собирался стать писателем... книжку начал сочинять...

— Ладно-ладно, молчи, — вытаращив глаза, пошел Стас на попятный. — Трудно мне, что ли? Сейчас. Дядя Кубатай, дядя Смолянин, встаньте, пожалуйста.

ДЗР-овцы неохотно подчинились. Стас щелкнул пальцами, и на месте кресел возникли два джентльмена. Один, хоть и молодой, но лысоватый. Другой, хоть и еще моложе, но толстоватый. Они обалдело оглядывались по сторонам.

— Значит, так... господа писатели, — сурово сказал Стас. — Я тут разобрался маленько... вы как бы ни при чем. Это другие писаки во всем виноваты, двойники ваши. Они про нас книжки написали. Так что — живите.

— А откуда вы взялись? — разглядывая нашу пеструю компанию, спросил писатель потолще.

— Объяснять долго, — махнул рукой Кубатай, нервно поглаживая саблю, — скажу лишь, что мы из другого мира.

— Помните, как у Стругацких в «Понедельнике», — встрял Костя, который явно стремился загладить проступки брата, — там машина была типа велосипеда...

— Ясно, догадался, — заявил писатель постарше и полысее. — Они из Вымышленного мира; из книжки, которую, вероятно, мы еще напишем.

Костя прыснул, но промолчал. А Стас ехидно произнес:

— Это еще посмотрим, найдется ли у вас время на писание.

— Что-что? — хором заволновались толстоватый и лысоватый.

— Ну... — начал объяснять Стас. — Я с помощью своей магической силы мир переделать решил, потому что писателям поверил. В том, что, если детям власть дать, они всё

устроят как надо. И переделал. Еще хуже стало. Всё писатели врут. Так что я вас накажу за вранье. Правьте вместо меня!

— Погоди, мальчик, — остановил его писатель помоложе. — А ты эту свою силу магическую тоже нам передашь?

— Не, — ответил Стас. — Нельзя такие вещи, как магия, писателям доверять. Она их портит. По себе знаю.

— Стас, жалко же людей. Как они все это расхлебают... — тихонько сказал брату Костя. Стас вздохнул.

— И чего я сегодня такой добрый? Ладно. Что б вам полегче было, вызову я сейчас к вам всех своих министров и советников.

Посмотрев на Костю, Стас ухмыльнулся чему-то, понятному лишь им, и добавил:

— Включая Тайных! Всё. Работайте.

Он повернулся к двери. Кубатай, ехидно улыбаясь, раскланялся и, подхватив под руку Смолянина, направился к выходу. Следом двинулись и мы, оставив растерянных писателей оглядываться и ожидать появления советников. За дверью Стас остановился, взмахнул руками и сказал:

— Бамбара-Чуфара! Ёрики-Морики! Перейди вся полнота власти к этим двум писакам! И явитесь к ним для доклада все мои советники и министры! Все разом!

— Садист ты все-таки, — вздохнул Костя.

Глава восьмая,

грустная, в которой Стас собирает пожитки и прощается с Решиловым, после чего все мы прощаемся друг с другом и отправляемся в разные стороны

(Рассказывает Костя)

Произнеся свое заклинание, Стас с блаженным лицом приник к двери. Я подумал и сделал то же самое. За дверью творилось черт знает что! Свежерасколдованные писатели пытались навести порядок, малолетние советники и министры орали, ревели и звали Стаса и мам. Гремел бас Решилова, пытавшегося всех успокоить. Обстановка, в общем, была взрывоопасная.

— Ходу! — скомандовал Стас. И мы двинулись от его тронного зала в спальные апартаменты, потому что Стас хотел собрать памятные вещи. Ни Кубатай со Смолянином,

ни Холмс с Ватсоном его не торопили — видать, боялись, что может передумать. Кащей, который и впрямь утратил свой западлизм, вяло брел следом.

Шапку Мономаха я Стаса уговорил оставить. Потому что это культурное достояние этого мира. И усыпанную бриллиантами шпагу, которую Ее Величество, королева Великобритании, подарила, тоже. А вот свой портрет работы художника Вальехо Стас забрал. Он на нем был очень красивый. Стоял на горном утесе, одетый только в жестяные плавки и ножны от меча, а рядом на коленях стояла девочка, одетая еще проще. Меч Стас держал в высоко поднятой руке, не то пытаясь проткнуть мрачные черные тучи, не то изображая громоотвод. Стас сказал, что портрет повесит над кроватью.

И вот когда мы совсем уж было собрались, в апартаменты ворвался писатель Решилов. Растерянно нас оглядел, подошел к Стасу и тихо-тихо, осторожно-осторожно спросил:

— Стас... Ну ты чего?

Стас затоптался на месте и, глядя в сторону, отозвался:

— Я ничего... Ухожу. Вот.

— Что с тобой?

— Со мной? — Стас неуверенно улыбнулся. — Всё в порядке.

Сцена эта была такая трогательная, что я вмешиваться не стал, а тихонечко сел рядом и стал слушать. ДЗР-овцы и Холмс с Ватсоном деликатно отошли в самый конец зала. Лишь Кубатай ревниво сверкал глазами.

— Слушай... Стасик... Я чем-то обидел тебя, да?

— Нет, что ты, — испуганно ответил Стас.

— Тогда почему ты уходишь? — Голос Решилова задрожал. — Может, тебя кто-то силой уводит? — И он покосился на Кубатая. Тот выпятил грудь. Между двумя кумирами Стаса словно электрическая искра проскочила. И я почувствовал: Стас заколебался.

— Я понимаю, — грустно сказал Решилов, привлекая Стаса к себе, — ты молодой маг, а я — просто старый писатель. Но когда ты пришел ко мне за советом, мне показалось, что мы вместе. Ты и я. И мы такого натворим... Может, даже книжку вместе напишем?

И вот тут Стас, который уже почти было сдался, помрачнел. Замотал головой.

— Нет, Игорь Петрович. Я понял: книжки одно, а жизнь — совсем другое. Нельзя в книжках жить. Неправильно это!

— Да? — как-то очень устало спросил Решилов.

— Да, — грустно подтвердил Стас.

— А как же тогда мы? — И Решилов с укором посмотрел на «настоящих» — на меня, на Кубатая со Смолянином. Те потупились. — Я ведь давно догадывался, Стасик. А сейчас с этими... молодыми... поговорил. Всё понял. Как нам жить?

— Очень просто, — вступил вдруг в разговор Ватсон. Подошел ближе, и я поразился, увидев, что он ведь уже совсем-совсем немолодой и глаза у него печальные и добрые. — Жить — и знать, что наш мир и есть Настоящий. Жить — и создавать другие миры. Какие получатся. Мы ведь умеем, правда, мистер... э... Решилов?

— Вроде бы да, — вздохнул Решилов. Этот диалог двух Вымышленных писателей был так трогателен, что Смолянин всхлипнул и утер подолом глаза. А я сообразил: если этот Решилов — придуманный, но сочиняет книги... а их герои — другие книги? Это что же — бесконечность?

— Нам пора, — вмешался Холмс, не склонный к патетике. И Стас, со вздохом разведя руками, пробормотал:

— Эники-Беники, Урики-Дурики...

Ничего не произошло. Манарбит хихикнул:

— Стас, раз уж проник сюда через шкаф... то обратно прошу так же! Я заклинание составлял строго, изменить не получится.

Шкаф нашелся рядом. Большой, совершенно пустой. Решилов печально махал нам, точнее Стасу, рукой. А в последний момент сунул ему авторучку и пробормотал:

— Любимая, я ей автографы надписываю...

Стас, хоть и старался не подавать виду, был польщен. Кубатай помрачнел еще больше. Мы залезли в шкаф, посидели там... потом Смолянин распахнул дверцы, и мы оказались в библиотеке Кащея.

— Ой! — неожиданно воскликнул Стас. — Так мы из Антарктиды так же могли вернуться?

— Если б догадались, — заявил Манарбит, по-хозяйски пройдясь по библиотеке.

Мы вышли из замка. На полянке, в тени развесистого мангового дерева, стояли два сфинкса... у одного грива заплетена в косички. А рядом...

— Хроноскаф! — завопил Стас. — Новый! С лазерной пушкой! Со спальней! Как тот, фальшивый, что нам на Венере показывали!

— Можете вернуться и с помощью магии, — вздохнул Манарбит. — Чего уж там...

— Нет! — твердо заявил Стас. — Не надо. Хватит с меня магии.

И я наконец-то облегченно взял его за руку. Преодолел Стас свои писательско-магические комплексы.

— Что ж, — глухо сказал Кубатай. — Мне трудно до конца довериться сфинксам... но один раз они уже вернули вас домой. Пусть вернут еще раз. Вы торопитесь?

— Да нет... — Стас шагнул к Кубатаю... и вдруг прижался к нему. Во! Это мой-то несентиментальный братец! Подействовало на него пребывание в шкуре диктатора-одиночки! Я понял, что вот-вот расплачусь. И вдруг, в этот торжественный момент, когда Ватсон платочком утирал глаза, Смолянин, сложив руки на животе, благостно улыбался, а суровый Холмс нервно выбивал пепел из трубки, — в этот момент... из замка вышел огромный, жизнерадостно скалящий зубы негр в золотой короне с птичьими крыльями на ней. На поясе его сиял огромный меч, тело покрывала тускло-серая кольчуга.

— Ваня! — вскричал Кубатай. — Ты ли это?!

— Я? — наморщив лоб, словно вспоминая, кто с ним говорит, вопросом ответил негр. — Я! Вот... вернулся.

— А хоббиты как? — поинтересовался Смолянин.

— Нормально. Крепкие ребята, хоть и кролики. Фродо кольцо расплавил!

Я так и не понял, о чем это он. Но видно было, что негр — человек хороший и добродушный. Ватсон выступил вперед и протянул ему руку. Негр помялся, потом улыбнулся:

— А! Доктор! Привет, привет... Ребятишек-то нашли?

— Вот они...

Даже ойкнуть я не успел, как негр взял меня на руки, приподнял, рассмотрел. Потом ту же процедуру повторил со Стасом.

— Ничего, нормальные ребята, — успокоенно заключил он.

— А что ж ты вернулся-то, Иван? — полюбопытствовал Кубатай. — Кто царствовать будет?

— Ара. Ну, Арагорн. Мы его подлечили малость, он почти не пьет. Гэндальф-то, он гипнотизер каких мало! Закодировал Арагорна от алкоголизма. А мне там оставаться недосуг, интересного ничего уже не будет. Не дóлжно богатырям русским прохлаждаться!

Я понял, что это и есть тот самый Иван-дурак — из книжки. Только почему он негр? Вернусь — обязательно прочитаю!

— Давайте тогда... отходную! — решил вдруг Кубатай.

— А давай! — улыбнулся Иван-дурак.

...Через полчаса мы сидели в Кащеевой трапезной и обе-

дали. Сфинксы, добродушно урча, пожирали вареного тунца. Люди ели бананы и сало. Мы со Стасом, не сговариваясь, питались только фруктами. А Кубатай, выпивший стакан мутной настойки на кокосах, встал и заявил:

— Друзья мои! Сегодня великий день! Встретились пять цивилизаций! — И вдруг заорал: — Мяу!!!

— Прими таблетку, Кубатай! — вскричал Смолянин.

Генерал-старший сержант судорожно сунул руку в карман:

— Это конец! А где же таблетки?! Неужели все вместо семечек сщелкал?! Давайте поспешим, с минуты на минуту может случиться непоправимое!

Сфинксы прекратили урчать. А Кубатай затараторил:

— ...Пять цивилизаций! Во-первых, мы со Смолянином. Настоящие люди! Мяу... Во-вторых — Стас и Костя! Наши предки! Прародители! В-третьих — Иван... кхе... дурак... и Манарбит. Настоящие русичи! В-четвертых — мистер Шерлок Холмс и мистер Ватсон! Граждане Вымышленного — но такого хорошего мира! И наконец — сфинксы, настоящие венерианцы!

С ним явно творилось что-то непонятное. Произнеся последнее слово, он наклонился и лизнул Шидлу в нос. Сфинкс, ошарашенно отпрыгнув, выдернул из кобуры муми-бластер.

— Простите, — бросил Кубатай. Все молчали, осмысливая событие. А Кубатай как ни в чем не бывало продолжил свою торопливую речь:

— Что же нам теперь делать?! Мир и дружба?! Бхай-бхай?! Нет, мяу! Еще живы вечные разногласия! Между нашими мирами! Думаю, венерианцы, отправив детей домой, честно возвратятся на свою планету...

— С удовольствием, — заверил Шидла, продолжая держать дистанцию.

— А Холмс и Ватсон, мяу... простите за бестактность...

— Не волнуйтесь, генерал! — раскуривая трубку, сказал Холмс. — Мы в восторге от наших приключений... но изрядно соскучились по дому. По Лондону, Бейкер-стрит, миссис Хадсон...

— Я, если вы не против, маленький ламповый заводик заведу! — блаженно щурясь, сказал Ватсон. — Я хочу внедрить в свой мир электричество!

— Внедряйте! Только быстрее. Может случиться непоправимое, — повторил Кубатай. — Кто у нас остается? Извиняюсь — Манарбит. Что прикажете с вами делать?

— Казнить нельзя, помиловать! — побледнев, попросил бывший Кащей.

— Эмоционально, лексически правильно, но, увы, неубедительно! — решил Кубатай. — Рано или поздно снова козни будешь строить, дружок! Мы тебя на Большую землю доставим.

— А что, я — за. В библиотекари пойду. Пусть меня научат... И Гапона со мной отправьте, теперь-то вижу, правильно он мои былинки раскритиковал. Критиком будет. Он мужик твердый. Вот вам, например, не признался, в какую книжку я пацанов запрятал. А ведь это он по моему приказу ее из-под шкафа обратно на полку поставил...

Холмс ударил себя по лбу и хотел что-то сказать, но Кубатай, торопясь, перебил его намерение:

— Смолянин! Бегом за Гапоном! — скомандовал он. И, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, обратился к остальным: — Итак, все решено. Поспешим! И тут же завопил совсем уже дико: — Мяу!!!

— Дядя Кубатай! — Стас тревожно посмотрел на своего героя. — С тобой все хорошо? Может, поколдовать маленько? Я умею!

— Мяв-мяв-мяв!!! — затараторил Кубатай. — Нет-нет-нет!!! Быстрее — все по местам! По шкафам! По хроноскафам!

Шерлок Холмс подошел ко мне, неумело погладил по голове и сказал:

— Желаю вам удачи в жизни, юные джентльмены... Вот-с... На память. — И протянул трубку. Свою, еще дымящуюся, обкусанную на мундштуке. Представляете — настоящая трубка Холмса!

— Только не курите, — строго предупредил Ватсон. — Курение вредит вашему здоровью!

— А я как же? — обиженно надулся Стас. Тоже мне волшебник! Сам что угодно сотворить может, а подарки клянчит!

Холмс порылся в карманах, извлек оттуда шприц, с сомнением посмотрел на него, положил обратно.

— Извини, дружок, но... Ничего нет больше.

— Ну и не надо, — гордо заявил Стас. — Шарики-Малики!

В руке его возникла точно такая же, как у меня, трубка.

Я остолбенел. Что, Стас теперь навсегда волшебником останется?

А Кубатай все торопил:

— Поспешим. Попрощаемся — и по коням! — Тут он неожиданно горячо обнял Шерлока. — До свидания, Холмс. Обещаю, я часто буду про тебя читать...

— До свидания... э-э-э... лысый, — неожиданно резко

ответил сыщик, с трудом освобождаясь из объятий. — Хотя вы уже не лысый. У вас уже растут волосы...

Кубатай смущенно провел ладонью по зеленому пушку. И мурлыкнул.

Остальные тоже обнимались, жали друг другу руки и лапы. Примчался Смолянин, волоча за руку ошалело повторяющего — «Я больше не буду... Я хорошим буду!» — Гапона...

А спустя пять минут мы уже мчались в хроноскафе через время и космос. Домой!

ПОСЛЕСЛОВИЕ,

в котором Холмс клянется больше никогда не играть на скрипке, Кубатай получает рыбу и задание, а Стас испытывает разочарование

— ...А знаете, Ватсон, — усаживаясь у камина и сняв с него огромную шотландскую туфлю с табаком, сказал мне Холмс, — я никогда больше не буду играть на скрипке!

— Почему? — слегка удивился я.

— Так... просто... Не нравится мне этот звук: м-м-мяу, м-м-мяу!

— Ну и правильно, — одобрил я друга. — Честно говоря, вы и играть-то толком не умеете.

— Знаю. — Холмс вздохнул, печально вытянул ноги к огню и поинтересовался: — Как ваш сынишка, Ватсон?

Я был поражен. Никогда, никогда Холмс не интересовался моими личными делами! И вдруг — такая заботливость! Он даже вспомнил про моего Джона...

— Всё в порядке, — растроганный до глубины души, ответил я. — Очень, знаете ли, умненький мальчик.

— А как у него со здоровьем?

— Прекрасно!

— Умный и здоровый мальчик... — тихо произнес Холмс. — Жаль, жаль...

— Чего вам жаль, Холмс?

— Жаль, что такой милый ребенок будет надолго лишен материнской ласки. Видите ли, мой друг, Мэри Морстен вовсе не так невиновна в деле Агры, как мы полагали...

— Полно, Холмс! — перебил я его. — Я уже слышал эту байку!

— Да? — удивился Холмс. — Что-то с памятью моей стало. И, неожиданно выстрелив в потолок, рявкнул: — Хадсон, кокаина!

Черная мышь, устраивающаяся для ночевки на камине, подскочила от неожиданности и с любопытством уставилась на нас.

— Сэр, срок нашего пари уже давно истек, — раздался с лестницы возмущенный голос старушки.

— Память, память, — почесал затылок Холмс. — Ну истек, ну и что. Принесите кокаина, жалко что ли...

Я с тревогой понял, что после наших удивительных приключений Холмсом вновь овладевает хандра.

— Мистер Холмс, — возникнув в дверях с принадлежностями для инъекции, произнесла Хадсон. — Там, внизу, вас ожидают пожилой джентльмен с голубым песцом на веревочке, конопатый ирландец с одной ногой и китаец в форме пожарника. Вы их примете?

Холмс выпустил клуб дыма и, слегка оживившись, сказал:

— Просите, миссис Хадсон.

— Генерал-старший сержант Кубатай! — громко объявил начальник Департамента Защиты Реальности Ережеп.

— Я!

— Выйти из строя.

Кубатай сделал шаг в направлении начальника, хотя никакого строя не было. Фраза являлась ритуальной формулой. В кабинете они были вдвоем.

— За проявленную находчивость в спасении детей из прошлого, а особенно — за успешную диверсию в цирке вам присвоено очередное звание генерал-прапорщика.

— Служу Всемирному правительству!

Ережеп вышел из-за стола и дружески пожал Кубатаю руку.

— А от себя добавлю. ДЗР-овцев много, а настоящих клоунов на Земле явно не хватает. Не подумываете ли сменить профессию?

— Честно сказать, подумываю, — смутился Кубатай. — Этот номер... с рыбкой... ну, вы читали отчет... Это, знаете ли, так приятно, когда вам хлопают...

— Что ж, чего-то подобного я ожидал. Вот и рыбку приготовил. — Он вынул из-за спины огромную банку консервов. — Как, генерал, заботливый я у вас?

Пожирая рыбу глазами, Кубатай кивнул и тихо, уютно заурчал.

— Не сейчас, не сейчас! — погрозил ему пальцем Ережеп. — Экий вы торопыга! Вначале у меня к вам предложение. У вас есть шанс совместить оба своих призвания —

клоуна и диверсанта. Вы засылаетесь на Венеру с группой дрессированных пингвинов.

— Так у сфинксов же руки не оттуда растут, они хлопать не смогут...

— Не о славе нужно думать, а о деле. Операция будет носить кодовое название «Кубатай, Смолянин и Троянский пингвин». В шкурах пингвинов будут скрываться наши самые опытные сотрудники. Так что вам еще повезло.

— А цель этой операции какая?

— А никакой. Но повод удачный. Копию вашего отчета агенты Венеры, само собой, прочитали и очень цирком заинтересовались. Что ж, пусть на Венере наши сотрудники будут. На всякий случай.

...Шидла нас подбросил до двадцатого века. И доставил не в тот день, когда нас Кащей украл, а на неделю позже. Как раз, когда папа с мамой вернуться должны были. Это я так попросил, чтобы яичницей лишние дни не питаться.

На входе в квартиру Стас забормотал с умилением:

— Сейчас кошек покормим... уберем за ними... ты пол помоешь.

Но дверь открылась, едва он коснулся замка ключом. Мы подпрыгнули от неожиданности.

— Зап карап ынакат бир-бир гелупек? — спросила мама, что на древнеегипетском означает: «Надеюсь, вы можете все объяснить?»

— Бир-бир, бир-бир, — подтвердил я торопливо, — а вы когда приехали?

— Неделю назад...

Выходит, всё это время они волновались, искали нас, все больницы и милиции, наверное, обзвонили.

И я стал торопливо рассказывать:

— Да ты не бойся, мама, мы у Кащея были. И в Антарктиде. И с Шерлоком Холмсом в цирк ходили...

Стас посмотрел на меня как на идиота и стал все «правильно» объяснять:

— Костя мухой был, а я — президентом... С Иваном-дураком познакомились... Ну вот... Мы же вернулись.

Тут раздался голос папы:

— Идите на кухню. Чтобы ужинать. Чтобы за ужином все подробнее рассказать. Потому что нам интересно.

Под аккомпанемент кошачьего мурлыканья (папа с мамой из Бельгии консервированной пингвинятины привезли) мы просидели за столом аж до полпервого ночи.

— Представляешь, мам, — размахивая вилкой с нацеп-

ленной на нее котлетой вопил Стас, — я на всей Земле порядок навел! Всем так хорошо было! Археологию сделал обязательным предметом в школе, начиная со второго класса!

— А мы там тебе не мешали? — без особого любопытства поинтересовалась мама. И я внезапно сообразил, что в Вымышленном мире папу и маму почему-то не видел...

— Ну... в общем... — Стас вдруг покраснел и замялся. — Я... это... — и во внезапном приступе честности покаялся: — Приказал, чтобы из Бельгии никого не выпускали.

— Чтобы нам тебя наказывать не пришлось? — спросил папа. И Стас протестующе, хоть и неискренне, замотал головой:

— Да нет же, нет! Вы ведь всегда говорили: пока пол не домыл до конца или картошку не дочистил, не хвастайся. Доделай вначале! Вот я и решил, что вам все покажу, только когда никаких недостатков на Земле не будет.

Прозвучало это как-то неуверенно, и родители явно в Стасову основательность не поверили. Папа даже сказал иронически:

— Пчелка ты трудолюбивая...

Пришлось мне за Стаса вступиться:

— Мам, пап, Стас же Кащеем стал! Если б он вас не держал на расстоянии, точно бы превратил. Папу, например, в сервант, нет, лучше в комод! А маму — в подсвечник! Бронзовый, старинный.

Не знаю уж с чего, вроде я так здорово Стаса отмазал, но папа с мамой посмотрели на меня мрачно.

— А вот еще был случай, — возбужденно тараторил Стас. — Объявил я конкурс на лучшую корону для себя...

— Кстати, о короне, — папа мгновенно ожил. — Мы такую древнеперуанскую корону в Антверпене видели! Она по форме напоминает космический корабль, разбившийся при посадке!

Понятно, конечно, что такая странная корона — это вещь. Но мне даже обидно было, что эта корона их больше занимает, чем то, что Стас был диктатором всей Земли. Да еще — волшебником. («А ведь он и сейчас, наверное, волшебник», — подумал я, но промолчал.) Родители наши, видать, ко всему уже привыкли. И поэтому, между прочим, ни в милиции, ни в больницы не звонили. Преспокойненько жили, кошек пингвинятиной кормили, ждали, когда мы появимся.

Вот такие у нас родители. Хотя по мне и Стаське соскучились, как нормальные. Так что мы обижаться не стали.

Сами по ним соскучились. Поэтому, когда мы в спальню зашли, я Стасу говорю:

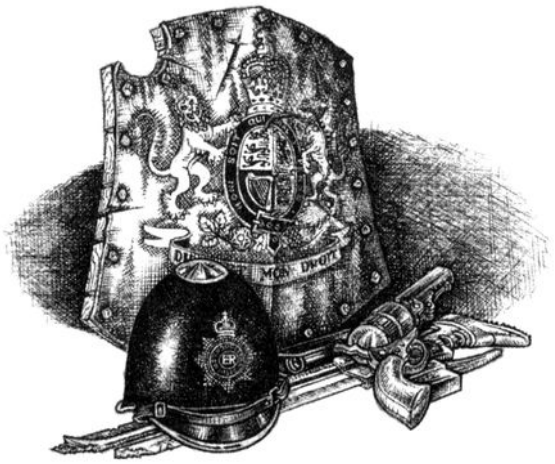
— Наколдуй им эту корону.

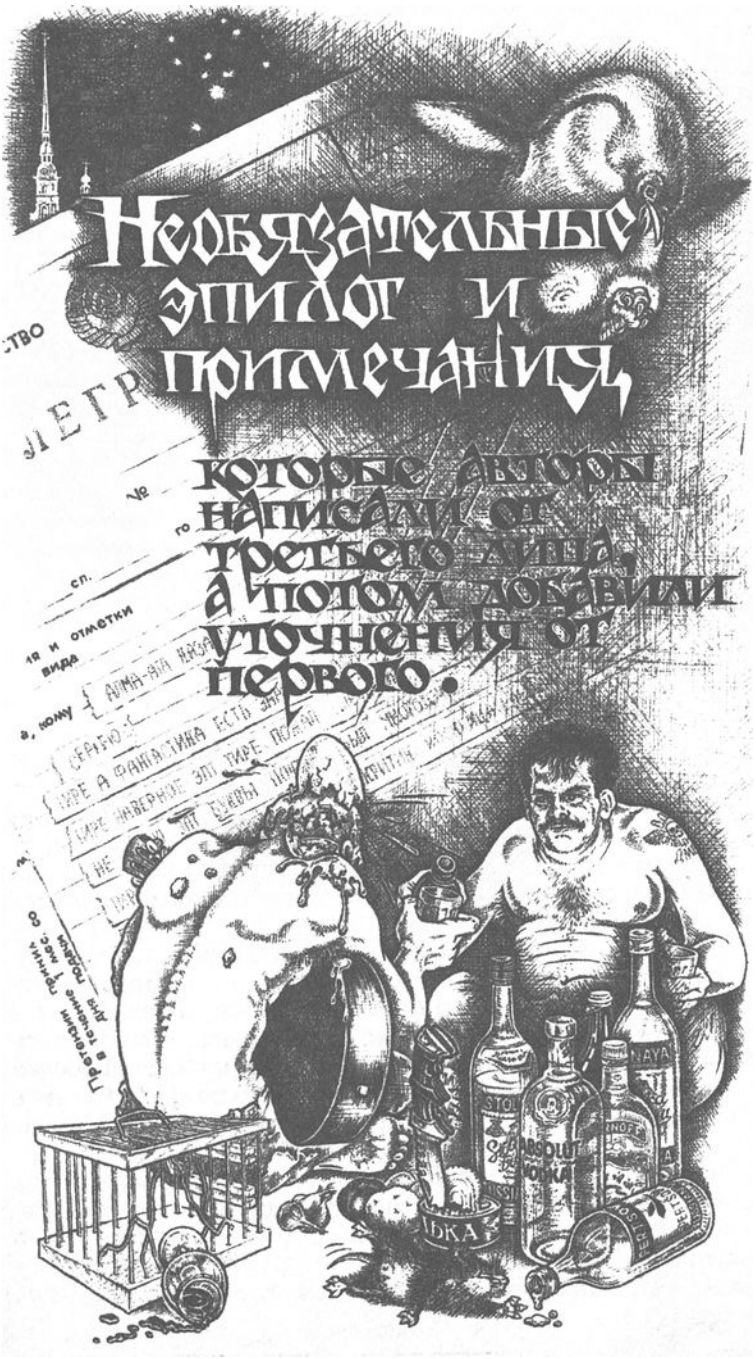
Стас на меня посмотрел недоверчиво: он, видно, и не подумал, что его способности могли сохраниться. А потом глаза у него заблестели, и он, осторожно так, говорит:

— Колотун-Болботун. Жорики-Хлорики. Шушера-Мушера. Появись передо мной корона древнеперуанская.

В комнате как будто потемнело немного, в воздухе замерцало что-то, и... ничего не произошло.

Всё. Сказка кончилась.




Необязательные эпилог и примечания,
которые автором написаны от третьего лица, а потом дополнены уточнениями от первого.

лий Буркин и Сергей Лукьяненко и думать не думали, что когда-нибудь они будут писать в соавторстве. Юлий жил в сибирском городе Томске, Сергей — в казахской Алма-Ате. Юлий сочинял замороченную бытовыми подробностями психологическую прозу, Сергей — юношеские приключенческие повести. Единственная точка соприкосновения — и тому и другому не чужда фантастика, но, сами понимаете, это абсолютно ничего не значит: Кир Булычев и Стивен Кинг, например, тоже пишут фантастику, а можно ли представить их работающими в соавторстве?

Но человек предполагает, а Бог располагает. Сергей и Юлий познакомились в Санкт-Петербурге на «Интерпресс-коне» — тогда еще «всесоюзной» сходке писателей-фантастов и фанатичных ее потребителей (фэнов). Еще до этого Сергей прочел в журнале «MEGA» повесть Юлия «Бабочка и василиск» и, будучи в восторге от нее, подарил Юлию с дарственной, само собой, надписью свою только что вышедшую книжку «Рыцари Сорока Островов».

К подарку Юлий отнесся скептически, так как, склонный судить о людях по внешности, решил, что этот пухленький усатый юноша вряд ли способен написать что-то толковое. До книжки без особого энтузиазма добрался только в поезде, возвращаясь в Томск, когда читать было уже

абсолютно нечего, и, неожиданно для себя прочитав ее залпом, находился некоторое время в эйфории. Язык Сергея был точным и ясным, повествование — ярким и увлекательным... (Верно. — *С.Л.*) Так появилась почва для будущего соавторства — взаимное уважение писателей к творчеству друг друга при всей разности их стилей, мироощущения и в конце концов возраста.

Однажды в Томске Юлий задумался над тем, почему, занимаясь фантастикой, он ни разу еще не написал ничего связанного с космосом, с путешествиями во времени, с какими-нибудь монстрами и т.п. (С монстрами ничего не написал? Юлик лукавит. Критики называют его БурКингом и в чем-то здесь правы. — *С.Л.*) Скорее, играя сам с собой, начал конструировать сюжет, в котором должно было присутствовать все вышеперечисленное. Вскоре стало ясно, что задуманная вещь не может быть серьезной, иначе она станет банальной до омерзения. Итак, юмористическая, может, даже пародийная повесть. Еще неплохо было бы главными героями сделать не взрослых дядей, а детей... И Юлий решил, что это будут его сыновья Стас и Костя... Когда сюжетный «скелет» повести в самом черновом варианте был разработан, Юлий понял, что ему с этой вещью не справиться — он засушит ее, замордует психологизмом, бытовухой и чернухой. И игра была без особого сожаления оставлена.

Весной 93-го Юлий по самым что ни на есть житейским (хотя слегка и романтическим) обстоятельствам перебрался в Алма-Ату и устроился работать в коммерческий отдел газеты «Казахстанская правда». Шеф отдела, Аркадий Кейсер, был неравнодушен к фантастике, что, собственно, и привело туда Юлия. Так что Аркадия можно считать одним из главных «виновников» появления этой книги, ведь в том же самом коммерческом отделе «Казахстанской правды» у него уже работал тогда Сергей Лукьяненко. И только благодаря этому общение Юлия и Сергея стало достаточно тесным. Там же, надо заметить, работали и известный критик-фантастовед Алан Кубатиев, и фэн Валера Смолянинов, послужившие позднее прообразами чуть ли не главных персонажей этой книги. Да что говорить, и сам Аркадий стал очень занятым и напрочь засекреченным агентом ДЗР Кейсероллом.

В первую же нашу с Сергеем встречу в Алма-Ате Юлий вспомнил о своем нереализованном сюжете и подумал вдруг, что вот Сергей-то с его гайдаровским (Да??? — *С.Л.*) стилем, пожалуй, как никто справился бы с ним. В гостинице, за рюмочкой (очередной... — *С.Л.*) коньяку, Юлий объявил сие Сергею и поведал сюжет. Сергей к по-

следнему отнесся довольно прохладно, но тут же сделал несколько толковых уточнений и дополнений. (Например, ключевые повороты, что машина времени попала в настоящее из будущего и что спасенная пацанами в Древнем Египте девочка — их собственная мать, выдуманы Сергеем именно тогда. — *Ю.Б.*) А затем, сославшись на занятость и желая в мягкой форме отвязаться от слабо заинтересовавшей его затеи, он предложил Юлию составить подробнейший план будущей повести — с разбивкой по главам, с психологическими характеристиками персонажей, со всеми перипетиями сюжета... А там уж он посмотрит — будет писать или нет.

Как истинный Овен (т.е. баран), Юлий с упорством принялся за этот кропотливый труд. Надо заметить, что доселе Юлий, как, кстати, и Сергей, ни разу не писал планов для будущей вещи. Через несколько дней план объемом в 20 машинописных страниц был готов. Сергей прочел его и повел себя совершенно по-новому: он заявил, что немедленно приступает к написанию предисловия. Вот и еще одно совпадение: по зодиаку Сергей тоже Овен... Через два дня предисловие было готово.

К тому моменту уже стало ясно, что повесть будет писаться В СОАВТОРСТВЕ. Юлий брал на себя разработку сюжета, редактуру и «отписывание» тех кусков, которые у Сергея почему-то «не шли». При этом, отписывая их, Юлий должен был имитировать стиль Сергея, т.е. брал на себя роль «литературного раба». Сначала дело шло именно так, но вскоре, когда стилистический строй был окончательно выработан, Сергей и Юлий стали писать уже более независимо друг от друга, распределив по плану участки текста, и с «рабством» было покончено.

Работа шла поразительно быстро, ни Юлий, ни Сергей никогда еще не писали в таком темпе. По-видимому, влияло возникшее ощущение соревнования. Надо сказать, что соревнование было не только количественным, но и качественным: кто интереснее, кто смешнее, кто *круче*... В то же время, понимая, что цель-то у них единая, соревнуясь, Юлий и Сергей помогали друг другу. Частенько они перезванивались (Юлий со своей подругой к тому времени уже снял в Алма-Ате квартиру) и подсказывали друг другу те или иные «приколы». Например. Звонит Сергей. «Юлик, ты сейчас про что пишешь?» — «Про то, как пацаны с Хайлине познакомились». — «Там, помнишь, она должна сказать, что сегодня с фараоном не может встретиться?..» — «Да, он на охоте, я это уже написал». — «Лучше не на охоте. А то они все что-то охотятся. Шидла на тараколли — в буду-

щем, фараон — в прошлом... Пусть он лучше примеряет свадебную юбку. Представляешь, какое важное государственное событие?..» — «Класс. Беру». Вот примерно так. И теперь уже трудно разделить, кто что придумал, кто что написал...

Сама манера работы у Сергея и Юлия абсолютно разная. Сергей садится за пишущую машинку и штампует чистовик. Юлий пишет от руки, затем всё многократно редактирует, переписывает, снова редактирует и тогда уже печатает на машинке... и снова редактирует. (Именно поэтому Аркадий Кейсер, например, к факту данного соавторства отнесся весьма скептически, заметив, что невозможно, мол, запрячь вместе «коня и трепетную лань». И как ни хотелось Юлию думать, что под «трепетной ланью» Аркадий подразумевает его, пришлось смириться с лошадиным образом.) Как-то Сергей увидел (не будем уточнять где) всю исчерканную-перечерканную страничку черновика Юлия, в которой не было буквально ни одного неперепрaвленного слова, ни одного предложения, в котором слова не были бы переставлены в ином, нежели первоначально, порядке, и заявил: «Ужас! Если бы я так мучился, я бы вообще не писал».

Легкость, с которой пишет Сергей, слегка раздражала Юлия. Но вскоре стало ясно, что на самом-то деле конечный результат (в смысле качества и количества текста, выдаваемого в определенный срок), как ни странно, у них примерно равный. Видимо, дело просто в том, что Сергей сначала основательно переваривает текст в голове, а затем выдает его «на-гора», а у Юлия процесс «переваривания» сопровождается маранием бумаги. Выход же — один.

К особенностям того, как писались «Мама» и «Остров», нужно отнести и злобное взаиморедактирование соавторов. Процесс этот проходил болезненно, Юлий и Сергей частенько ругались и ссорились, отстаивая не только тот или иной сюжетный ход, но и, например, форму какого-нибудь глагола или порядок слов в предложении. После первой редактуры, произведенной Юлием над вступлением «Мамы», Сергей пришел в ужас и решил, что процесс не пойдет. Однако следующая редактура, произведенная Сергеем над Юлием, заставила соавторов умерить пыл. Нервно потирая затылок, Юлий долго и въедливо допытывался, что испытывал Сергей, когда он его правил. То же самое? Да? Извини... Давай будем бережнее друг к другу... Иногда прибегали к помощи третейских судей, в качестве которых выступали то Кубатиев, то Смолянинов, то жена Сергея (Соня),

то подруга Юлия (Юля). (Последняя особенно помогала в работе над «Островом», чем и заслужила посвящение. — *Ю.Б.*) Зато уж окончание главы, части, тем паче целой повести сопровождалось восхитительными дружескими попойками (Не говори этого слова! — *С.Л.*), и все обиды снимались.

Вопреки задуманному стиль, выработанный в соавторстве, не похож ни на стиль Сергея, ни тем более на стиль Юлия. То же можно сказать и о вещах в целом. Стремясь поразить друг друга, овны Юлий и Сергей свалили в одну кучу всё, что только могли, хорошенько перемешали, проварили и получили эдакое джеромовское «ирландское рагу». Одни будут есть его, не различая ингредиентов, другие же, более начитанные или более дотошные, то тут то там будут натыкаться на останки уже знакомых им блюд.

Кстати, о сравнении литературного произведения с блюдом. Откровенно вставная глава в «Маме» о семинаре кулинаров дала толчок тому, чтобы персонажи повестей стали узнаваемы для узкого «фэндомовского» круга. Только хорошо знающие Бориса Натановича Стругацкого узна́ют его в Бормотане, а в семинаристах-кулинарах — членов Ленинградского семинара молодых фантастов. Подобная же петрушка и с ВБО в «Острове»: боян Шнобель — писатель Носов, ткачев сын — само собой, Ткачев и пр. Другими словами, авторы, слегка «заигрались» и всунули в повествование многих своих друзей и знакомых, ничуть сие не оправдывая сюжетно. Единственное, что оправдывает их, — то, что тот, кто этих друзей и знакомых не знает, попросту ничего и не заметит, а уж тот, кто знает, — повеселится еще и над этим.

...Итак, работа над «Мамой» шла к концу, когда Сергей робко предложил написать еще что-нибудь. Дело в том, что написание «Мамы» вывело его из первого в жизни писательского кризиса и, более того — заставило параллельно писать собственный роман. Работа в соавторстве стала для него не то мощным допингом, не то легким наркотиком. В ответ на предложение Юлий заявил Сергею, что у него есть еще одна сюжетная идея. А именно: фэнтези на основе русского фольклора. Сергей заметил, что подобные попытки уже делались, но вообще-то — заманчиво. Тут же решили, что главными героями будут три богатыря. И моментально родилась параллель с тремя мушкетерами. Значит, нужен д'Артаньян. Ну кто же может им быть, как не Иван-дурак?.. Дальше — больше, и после превращения Ивана-дурака в негра стало ясно, что и эта повесть будет не серьезной, а пародийной, возможно, даже в большей степени, чем «Ма-

ма». Новая идея так захватила их, что ждать окончания «Мамы» уже не было терпения. Труд закончить ее взял на себя Сергей, освободив Юлия для создания плана очередной повести.

Через несколько дней план (примерно того же объема, что и первый) был готов. Но были в нем кое-какие сюрпризы. Странным образом в него вновь просочились Смолянин и Кубатай; отсюда следовало, что дело происходит вовсе не в прошлом, а в будущем, отсюда — идея русской фольклорной колонии в Африке и т.д. и т.п. И вот поначалу абсолютно самостоятельная вещь превратилась в косвенное продолжение «Мамы».

Если при написании первой повести Сергей и Юлий штудировали учебник истории для пятого класса средней школы (глава «Древний Египет»), то теперь — академическое издание русских былин. До сей поры они сталкивались с былинами лишь в их прилизанном хрестоматийно-школьном варианте. Но оказалось, что настоящие, исконно народные былины — совершенно иные. Оказалось, русский богатырь — не столь глобальная монолитная фигура, каким его представляют школьникам. Наоборот, врагов побеждают богатыри часто хитростью и обманом, с девицами красными, как правило, «венчаются» не в церкви, а «под ракитовым кустом», «зелено́ вино» потребляют немерено и т.д. и т.п... Короче, хулиганы какие-то, а не богатыри... Ну, не совсем так, конечно, но близко к тому.

Ни Юлий, ни Сергей не собирались «порочить национальных святынь». Наоборот, такие богатыри показались им человечнее, а соответственно и интереснее хрестоматийных. К тому же это добавляло повествованию пародийности и комичности.

Стилевой тон, как и в прошлый раз, задал Сергей. Но тут уже сразу пошло «соавторство» в полном смысле этого слова. Так сказать, «притерлись». В этой повести царит уже полный беспредел в смысле заимствований и цитат... Сплошная игра. Повесть писалась весело, и авторы надеялись, что так же весело она будет и читаться. Если «Мама» — повесть скорее подростковая, нежели взрослая, то «Остров» — наоборот. Вновь персонажи назывались зашифрованными именами друзей и знакомых. При этом некоторые персонажи позаимствовали у своих «крестных отцов» те или иные черточки внешности, характера или манеры поведения, некоторые же, кроме имени, не имеют с ними ничего общего. Большинство прототипов, конечно же, люди куда более забавные и глубокие, чем их литературные образы. Но авторы самокритично понимали, что

широкие читательские массы не обязаны знать всех их друзей, и создавали в первую очередь литературные произведения — а не путеводитель по фэндому.

...Когда заканчивался «Остров», Сергей и Юлий уже принялись за разработку плана последней части трилогии. На этот раз и план писался вместе. А необходимость третьей повести была очевидна: она должна была свести вместе, сцементировать две предыдущие. Жанр был вычислен: всё это — фантастика, но «Мама» — сайнс фикшен-пародия + приключения; «Остров» — сайнс фикшен-пародия + сказка, а третья повесть должна быть сайнс фикшен-пародией +... ну, какой у нас еще наиболее массовый жанр остался? Конечно же, ДЕТЕКТИВ. Так же были «вычислены» и персонажи: кто перейдет из «Мамы», кто — из «Острова», кто появится новый...

Поиску названия третьей повести был посвящен целый вечер... Веселый вечер. Было много... (Не говори этого слова! — *С.Л.*)

А вот писалась она в иных условиях, нежели две предыдущие. Дело в том, что, как только был закончен ее план, Юлию пришлось вернуться в Томск. Буквально в последний день перед отъездом они по плану распределили с Сергеем, кто какие куски «отписывает»... Не было уже того бурного общения, той соревновательности и взаимопомощи. В результате, если «Мама» и «Остров» писались по месяцу (! — *С.Л.*), «Царь» писался более полугода. Здесь большую помощь оказала Соня Лукьяненко, контролируя Сергея и не давая ему слишком уж уходить в сторону от намеченного сюжета. Но все равно разночтений первоначально было много, вплоть до того, что одну главу соавторы по ошибке написали дважды — и Сергей, и Юлий. Окончательная редакция повести производилась «на нейтральной территории» в г. Новосибирске. И тут авторы не могут не воспользоваться случаем и не поблагодарить Мишу Миркеса и Женю Носова (см. ниже), организаторов фестиваля фантастики «Белое пятно». Лишь благодаря приглашению обоих авторов, в том числе и «казаха» Сергея Лукьяненко, на чисто российский (о, любимые суверенитеты!) фестиваль, повесть была «собрана» из отдельных главок.

Если в «Маме» заимствования и цитаты достаточно случайны и без них в общем-то можно было и обойтись, то в «Острове» они уже имеют большее значение: убери параллель с «Тремя мушкетерами», и повесть рассыплется. А уж «Царь» полностью построен по принципу литературной игры, ведь его персонажи путешествуют по Вымыш-

ленным мирам. Этот сюжетный ход давно уже не давал покоя Сергею, казался очень продуктивным (нечто подобное видим у Стругацких в «Понедельник начинается в субботу»). Юлий же бредил превращением персонажа в муху и связанными с этим приключениями а-ля «Золотой осел» Апулея (отсюда и название части — «Золотая муха»). Ну а произведение, в котором герой обретает всемогущество и всевластие, грезилось им обоим уже давно. (Признаемся: у писателей, которые все уверены, что знают жизнь лучше политиков, это больная тема. Примеров тому — тьма.) Вот из этих-то трех составных и сложился сюжет «Царя». Когда Сергей и Юлий писали его план, чувствовали, что эта повесть станет достойным заключением трилогии, будет самой в ней увлекательной. Однако специфические условия работы могли повлиять на итог не в лучшую сторону. Но об этом судить уже не им, а главному герою любой книги — ЧИТАТЕЛЮ.

Вот, собственно, и всё, что хотели мы рассказать вам об этой нашей работе, а для удобства говорили о самих себе в третьем лице. Если же наше послесловие показалось вам нескромным, то следует учесть, что писатели вообще скромностью не грешат.

Надеемся, вы получили удовольствие и вдоволь нахохотались, читая нашу трилогию. А ниже вас ждут кое-какие пояснения к ней. Мы постарались исчерпывающе расшифровать имена, намеки и реминисценции, которыми прочитанные вами повести просто-таки перенасыщены. Кто-то почти не замечает их и читает повести как абсолютно оригинальный текст, и мы не против такого прочтения. Кто-то замечает бóльшую, кто-то меньшую их часть, и это добавляет прочитанному комизма. Но можно сказать уверенно, что никто не видит абсолютно всех намеков, хотя бы уже потому, что порой это намеки на те или иные ситуации из нашей личной жизни, на близких нам людей, неизвестных широкому кругу. Хотите читайте эти пояснения, хотите — нет, дело сугубо ваше личное. А мы умываем руки.

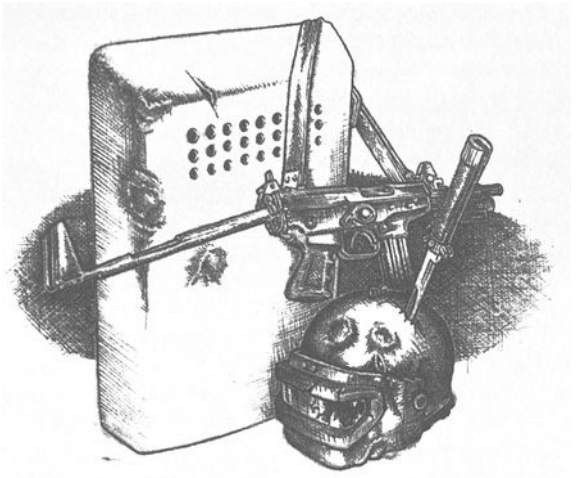
Юлий Буркин,
Сергей Лукьяненко

P.S. Между прочим, по окончании третьей повести мы торжественно поклялись друг другу никогда более не писать вместе. И хотя это тот случай, когда клятву не страшно и нарушить, скорее всего так оно и будет. Во-первых, расстояние Алма-Ата — Томск... Во-вторых, оба мы считаем себя

вполне самостоятельными писателями... Поигрались и хватит. А в-третьих, так весело, как было, уже вряд ли будет. А раз так, стоит ли продолжать?

Хотя порой так хочется сесть и составить план, ругаясь по поводу названия, сюжета, персонажей...

P.P.S. Самое забавное, что, уже отдавая книгу в печать, авторы наткнулись на большой и интересный сюжет, который им хотелось бы написать вдвоем. Так что... все возможно.



СЕГОДНЯ, МАМА!

Предисловие

О маминых кошках, папиных инопланетянах и о том, как мы учили древнеегипетский

* *Я проснулся, когда Ирбис, красный персидский кот...* — Ирбисом зовут прекрасного персидского кота столь же прекрасного московского художника, иллюстрирующего фантастику, Севы Мартыненко.

* *Каракуц* — настолько популярное др.-египетское слово, что и объяснять не хотелось. Это верблюд. (Двугорбый. В отличие от *курдепа* — одногорбого.)

* *Хухер-мухер...* — Вначале авторы честно собирались добыть учебник древнеегипетского языка. Или просто египетского. Однако «рыба», написанная вместо египетских слов, показалась им вполне удачной. Вот и родился «возможно, древнеегипетский», фонетически слегка напоминающий казахский, а лексически вполне выверенный. В определенный момент авторы были способны обменяться своими, как всегда несложными, мыслями на «возм., др.-егип.» языке.

* *Неменхотеп — это фараон, точнее — мумия фараона...* — Поначалу нашего фараона звали Аменхотеп, затем мы подумали, что имя реального исторического лица слишком конкретизирует эпоху, и решили, что это будет НЕ Аменхотеп. Так и появился НЕменхотеп.

* — *И твой начальничек Ленинбаев...* — предельная степень начальственности: Ленин + бай (*каз.*).

Часть первая. ПОСЛЕЗАВТРА

Глава первая, где мы понимаем, что произошло, но потом выясняется, что мы все поняли неправильно, а также сталкиваемся с проблемами, о которых космонавты не говорят

* — *Помнишь, мы читали книжку, не то «Трое с Мочамбы», не то «Три Мамбы»?..* — Очевидно, имеется в виду повесть В. Мелентьева «Обыкновенная Мёмба».

* — *Давайте знакомиться, детишки, — сладким голосом сказал он. — Я дядя Смолянин, младший майор космофлота Земли, переводчик.*

— *Земли? — ахнули мы с братом.*

— *А он, — Смолянин сделал жест в сторону зелено-белого, — генерал-сержант Кубатай, командующий космофлотом, лицо особо важное.* — Как уже было сказано в эпилоге, прототипами этих новых персонажей послужили фэн Валерий Смолянинов и критик-фантастовед, писатель, редактор журнала «Миры» Алан Кубатиев. Прототипы мужественно старались не обижаться. Но в рассказе Алана Кубатиева почему-то возникли Буркунский и Лукодьяненко, детские писатели-соавторы.

Глава вторая, в которой все веселятся по секрету, а Стас объявляет себя холостяком

* *Стас потирал огромную шишку на голове, и Смолянин, поправляя свой бинтик, понимающе ему улыбнулся.* — Как раз в тот момент, когда мы писали эту главу, Валера Смолянинов подвергся хулиганскому нападению и был жестоко избит. Потому и появились на голове Смолянина шишки и бинтик.

* — *Специальный инспектор Департамента Защиты Реальности Кейсеролл.* — От Аркадия Кейсера этот персонаж перенял вечные занятость и торопливость.

* — *Это Ережеп, генеральный директор Департамента, — шепнул Смолянин доверительно, — он тут самый крутой.* — Когда мы отправили уже готовую рукопись «Мамы» в журнал «MEGA» в Минск, а потом созвонились с редакцией, ее сотрудница Светлана Шидловская призналась, что над Ережепом она просто голову сломала. Всех остальных «расшифровала», а вот этого — никак... И немудрено — имя это было пришлепано «от фонаря», и создано оно нами было из случайно услышанной казахской фамилии Ережепов. Но позднее мы узнали, что действительно есть такое казахское имя — Ережеп, от него и произошла услышанная нами фамилия... Короче, казахи должны искренне гордиться: в далеком XXV веке самый главный человек Земли — генеральный директор Департамента Защиты Реальности носит казахское имя.

* *«Кильки в томатном соусе. Рыбзавод ГКО "Волгорыбхоз", пос. Завгородний Волгоградской области».* — Известнейший фэн Борис Завгородний живет в Волгограде.

Глава третья, в которой мы собирались ехать на охоту, а вместо этого попали на семинар кулинаров

* *Смолянин вздохнул и опустил голову. Без всякой связи сказал:*

— Спал сегодня отвратно... Всю ночь Кубатай мешал. Уложил меня спать, а сам ходил, семечки грыз, компьютером шумел... А лег — храпеть начал.

— Вы что, вместе живете? — спросил я.

— Да, уже два дня. — И действительно, в период написания повести Алан Кубатиев и его «ноутбук» жили у Смолянинова.

* *— Ну и когда люди опомнились, оказалось, что никто своей национальности не знает. В лучшем случае слышал, что прабабка была на четверть турчанка...* — Такая семейная легенда имеет место у Буркиных. Авторы вообще представляют собой коктейль национальностей, истинно «советскую» нацию. Это дало им моральное право смеяться над русскими, украинцами, татарами и другими популярными народностями.

* *С тех пор Кубатай стал официально признанным осетином.* — Надеемся, мы не задели национальной гордости Алана Кайсанбековича Кубатиева, который действительно по национальности — осетин. Да еще из князей.

* *— Это главный кулинар Земли, Бормотан, — тихо шепнул нам Смолянин и облизнулся.* — Есть такое прозвище у Бориса Натановича Стругацкого: БорНатан.

* *Измайлай...* — Андрей Измайлов, хороший писатель и очень веселый человек.

* *— ...творение уважаемого Витманца — кальмара, запеченного в глине.* — Намек на роман Святослава Логинова (Витмана) «Многорукий бог Далайна».

* *Толяро...* — Андрей Столяров. Тоже писатель.

* *Гуляква...* — Евгений Гуляковский.

* *Еголя...* — Александр Щеголев. Очень мягкий, но упорный в своем мнении писатель.

* *Фишманец...* — Вячеслав Рыбаков.

* *Козинец...* — Она и в Африке Козинец. А зовут — Людмила. Писательница из славного города Киева. Почему Козинец в повести стала мужчиной, мы не знаем. Прости, Люда, так получилось.

* *Ереслег...* — Сергей Переслегин, критик-фантастовед.

Глава четвертая, в которой мы все-таки попадаем в лапы инопланетян

* *Шидла...* — Имя этого сфинкса произошло от фамилии сотрудницы минского журнала «MEGA» Светланы Шидловской. Имя второго сфинкса — Меглы — от названия этого журнала, а третьего — Шурлы — от фамилии его редактора Ефима Шура. Это послужило причиной того, что все сфинксы стали носить имена белорусских писателей.

* *...брат Шитла...* — Старая, семидесятых годов, книжка белорусского фантаста В. Шитика «Последняя орбита» повествует о космическом путешествии академика Бурмакова, белорусского ученого Гущи и стажера, минского школьника Вити Осадчего (посланного в космос с целью изучения влияния невесомости на детский организм). Веселый оптимизм этой книги и заставил упомянуть ее автора в числе самых знаменитых сфинксов.

* *...брат Зелла...* — белорусский фантаст и переводчик Зеленский.

* *...брат Потла...* — белорусский фантаст, ученый и великолепный организатор Потупа.

Глава седьмая, в которой мы узнаём о древнем коварстве землян, а очередное коварство — наблюдаем

* *...брат Чадла...* — Этот сфинкс произошел от одного из постоянных авторов все того же журнала «MEGA» — фантаста Чадовича. «Ад на Венере» — одна из его первых книг.

* *Стекло завибрировало под пальцами, и мы услышали хорошо знакомый голос: — Теперь мы будем понимать друг друга и сможем во всем разобраться.*

— Мистер Кубатай! — радостно заорал Стас. — Как вы нас нашли? — Это небольшой парафраз из любимой одним из соавторов повести Роберта Янга «У начала времен».

* *— Ерунда, обсохнет — отвалится...* — Фраза из известного непристойного анекдота о поручике Ржевском.

Часть вторая. ПОЗАВЧЕРА

Глава вторая, в которой мы убеждаемся, что наш старый знакомый имеет скверный характер, однако приобретаем и более добродушных друзей

* *Доршан...* — «Виновник» появления этого имени — издатель Стас Дорошин. Авторы писали его образ с большим тщанием.

* *Аширu...* — А этого — московский книготорговец Александр Каширин.

* *Гопа...* — Так друзья называют известного московского критика-фантастоведа Владимира Гопмана.

* *...наши стражи: Ергей с Уликом...* — Сергей с Юликом. То есть это мы — ваши покорные слуги, авторы сего повествования.

* — *А можно наоборот? Дамочка вечером, а финики утром?*

— *Можно. Только финики вперед, — ответил начитанный Стас.* — Очевидно, Стас вспомнил «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова.

ОСТРОВ РУСЬ

Предисловие

Три дара отца Ивану-дураку. Битва с поленьями. Кража

* *Печь въехала на центр площади и остановилась. С печи спрыгнул молодой парень в залатанных портках и красной рубахе и принялся торопливо набирать с подводы охапку поленьев. Народ начал хихикать.* — Странная неувязка с «Тремя мушкетерами»: д'Артаньян — Иван-дурак, а издеваются над идиотской «лошадью» совсем другого персонажа. Уж не подошли ли мы таким образом вплотную к категории типического? Обалдеть можно.

* — *Алена, — сказал незнакомец, обращаясь к кому-то в соседней комнате, — эти мóлодцы на площади мне кажутся подозрительными.*

— *Да когда ж ты от людей добрых отстанешь, Гапон! — раздался в ответ низкий и мрачный женский голос.*— Понятно, что это — Миледи и Рошфор, в то же время имя Гапон перекликается с Гопой и «Мамы» и становится понятно, кто явился «крестным отцом» сего чисто русского персонажа. Да-да, вы не ошиблись, все тот же Владимир Гопман! Позднее этот же персонаж принимает на себя и роль кардинала Ришелье. Что касается Алены, то в русских былинах действительно есть такой персонаж — дочь Ильи Муромца.

* — *Зелена́ вина! — добавил Емеля.* — «Зелены́м вином» на Руси называли, между прочим, пшеничное вино. Водку, одним словом.

Часть первая. ТРИ БОГАТЫРЯ

Глава первая, в которой Иван опаздывает к собственному прибытию и готовится трижды помереть

* — *Исполать тебе, Микула Селянинович, — нараспев обратился Иван и в пояс поклонился. — Привет тебе от старого друга, Ивана Черной Руки, Грозы Морей.* — Само собой появилось прозвище из «Приключений Тома Сойера». В то же время авторы упорно намекают на цвет кожи Ивана.

* — *Сядь пока, — глухо произнес воевода и, убедившись, что его трогательная тоска по прошлому замечена, отставил кадку в угол. — А сколько ж тебе лет, дитя мое?*

— *О, очень много, сударь, восемнадцать! — с восторгом ответил Иван.* — Раз уж идет постоянная параллель с «Тремя мушкетерами», почему бы не обратиться и к одноименному музыкальному фильму?

* *Богатырь остановился и с хохотом заявил:*

— *Попал под лошадь! Ну и добры молодцы шастают по нашему двору!* — Из «Двенадцати стульев». Или из Антоши Чехонте (рассказ «Прославился»)?

Глава вторая, о том, что три головы хорошо, а четыре — лучше

* — *Знаю, знаю, что не по умыслу злому, однако ж... Походи пока в «добрых молодцах», конюшни княжецкие почисти. Конюха — Авгием зовут. И там, между прочим, подвиги совершать можно...* — Вот и греческая мифология пошла.

Глава третья, в которой Иван знакомится с невеселой историей своего нового друга

* *А Муромец рассказывал дальше:*

— *Положил я Соловьеву голову в чемодан и дальше двинул...* — Как ни странно, слово «чемодан» мы обнаружили в настоящей русской былине.

Глава пятая, в которой Иван впервые видит зеленоволосого человека и принимает участие в совещании ВБО

* *Вовремя, потому что в центр зала неспешно вышел высокий моложавый мужчина с добрыми глазами на суровом лице.* — Думается, в ВБО всякий, кто в курсе, узнал ВТО МПФ — Всесоюзное творческое объединение молодых писателей-фантастов. А в председателе его — Виталия Пищенко. Ну а кто не в курсе, тому это и неинтересно.

* *Верхушкин...* — Лев Вершинин. Yes!

* *Лапкин...* — иркутский писатель Лапин.

* *«Версты былинные»...* — Намек на ВТО-шную серию «Румбы фантастики».

* *Шнобель...* — Женя Носов, новосибирский писатель-фантаст. Отнесся к своему попаданию на остров Русь с юмором, чем снял часть сомнений с плеч авторов.

* *Боян- ткачев сын...* — Ткачев.

* *Куланьяннен... былина о сорока богатырях и заколдованном острове.* — С. Лукьяненко, роман «Рыцари Сорока Островов». Обсуждение его творчества на семинаре ВТО прошло однажды именно в этом ключе. И даже давались рекомендации — вначале петь последний куплет, потом второй, затем десятый и сорок третий. Остальные выкинуть, а двадцать шестой петь в виде припева. Что ж, на вкус и цвет...

* *Бурчалкин... текст былины срамной. «Бабушка и Василёк» называется.* — Ю. Буркин. «Бабочка и василиск». Этикетки на пачках с его одноименной книгой почему-то называли ее «Бабушка и Василиса».

* *Воха...* — Воха — он Воха и есть. Известнейший в СССР, а затем — в «странах бывшего СССР» фэн Володя Васильев.

* *Кудряшкин...* — красноярский писатель-фантаст Леонид Кудрявцев.

* *Фискалкин... заморские гусли-самогуды...* — Писатель Фисенко одним из первых стал писать на компьютере, что вызвало зависть у пишущей братии.

Глава шестая, в которой Иван торгуется за полцарства

* *В каравае спрятаны вещи хитромудрые, что бежать тебе помогут. Во-первых — пилка-самопилка, во-вторых — лесенка-чудесенка...* — Сейчас, наверное, уже мало кто помнит, что «лесенкой-чудесенкой» в детской литературе когда-то называли эскалаторы московского метрополитена.

Глава седьмая, в которой речь идет о полчищах несметных и свадьбе скорой

* *«Полчища несметные!» — догадались богатыри. «Богатыри!» — догадались полчища.* — Намек на известный анекдот о Штирлице.

* *...стал молотить супротивничков им, приговаривая: — Ах и крепкий татарин, не ломается! Не ломается да не сгинается!* — Цитата из былины.

Глава восьмая, в которой сперва выясняется, что бежать некуда, а потом — что этого и не нужно

* *...икрой заморской, баклажанною...* — Из фильма «Иван Васильевич меняет профессию».

* *Надел Иван шлем, тут Владимир невесть откуда булаву трехпудовую выхватил и ударил его по головушке. Засверкали в глазах дурака звездочки.*

— Будь же богатырем княжецким отныне! — воскликнул Владимир. Иван, ошеломленный, под гогот сотоварищей, шатаясь, двинулся к выходу. — Слово «ошеломить» имеет, между прочим, именно это происхождение: ударить по шлему.

Часть вторая. СЕРЕЖКИ ВАСИЛИСЫ

Глава первая, где Иванов авторитет растет неописуемо

* *— Любовью оскорбить нельзя, — произнесла княгиня наставительно...* — Из «Собаки на сене».

* *— Открой, жена неверная! — раздался его взволнованный голос. — Открой немедленно, я слышал в твоей комнате голос мужчины.* — Намек на сцену с Керубино из «Женитьбы Фигаро».

* *Федот-стрелец, удалой молодец...* — Персонаж, в русской литературе появившийся сравнительно недавно с легкой руки талантливого кино- и театрального актера Леонида Филатова.

Глава вторая, в которой Иван совершенствует свое искусство правду выпытывать, знакомится с оранжевоголовым человеком и становится обладателем меча-кладенца

* *— Что ты, молодец, не весел, что ты голову повесил? — поинтересовалась Марья.*— Вдруг из «Конька-горбунка» Ершова.

* *— А я боли не боюсь! — похвастался Кубатай. — Делай что хочешь, только усы мне не брей.* — Пытка эта — «подстригание уса» — была выдумана импровизационно; представьте же наше изумление, когда мы узнали, что оная действительно имела место у некоторых азиатских народов, у которых усы являлись национальным «символом мужского достоинства», в частности — у киргизов. А еще подобную му́ку удумал для Лука Порея принц Лимон из «Чиполлино» Джанни Родари.

Глава третья, в которой поднимаются вопросы национального самосознания, опускаются ответы на эти вопросы, а доблесть, коей нет границ, всех примиряет

* — *Теперь он при монастыре Киевской Богоматери звонарем работает. Глаз у него один вытек, скрючило всего, оглох...* — Намек на Квазимодо из «Собора Парижской Богоматери».

Глава четвертая, в которой хитроумный Иван-дурак побеждает искушение великое

* *Гнев, о бояны, воспойте Ивана, Иванова сына...* — Перефразировка начала гомеровской «Илиады» — «Гнев, о Афина, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...» Обращение к Гомеру не случайно, т.к. дальнейший рассказ о приключениях богатырей на море калькирует эпизод из «Одиссеи».

Глава пятая, в которой молодой боян поет загадочную былинку, а Илья наступает на горло собственным чувствам, за что те жестоко мстят

* *А еще два странных типа*
Из заморских дальних стран,
Смолянин, толмач известный,
И крутой мудрец...
— Имен не надо! — крикнул Кубатай, выхватывая саблю. Воха втянул голову в плечи и робко допел:
— Пам-пам... — Это непростительная выходка. Один из немногих случаев, когда читатель, не знающий, кто стоит за тем или иным персонажем, останется в полном недоумении. А суть — в имени Алана Кайсанбековича Кубатиева. Выходка непростительная... но мы простили ее себе, потому что уж очень смешно было.

* *Будь попрочнее старый таз,*
Длиннее был бы мой рассказ! — Маршака, надеемся, все помнят.

Глава шестая, в которой наши друзья сначала чуть было не лишились Алеши Поповича, а потом — таки лишились его

* — *Бедная Лиза, — сказал Алеша жалостливо.* — Ну вот и до Карамзина добрались.

Глава седьмая, в которой победа не радует

* — *Черт побери, черт побери! — радостно завопил Иван.* — Из к/ф «Бриллиантовая рука».

* *В течение пяти минут он освободил: Ивана-коровьего*

сына, Ивашку, Иванко, Фэт-Фрумоса, Сослана, Кобланды-батыра, Корвина и Манаса... — Иван-коровьев сын, Ивашка, Иванко — персонажи русского и украинского фольклора. Фэт-Фрумос — молдавского, Сослан — осетинского. Кобланды-батыр — казахского, а также персонаж газетно-журнальной утки «Тайна острова Барса-Кельмес», одним из инициаторов которой выступил Сергей Лукьяненко. Мистификация была выполнена столь мастерски, что версия о «временных разломах», якобы имеющих место на вышеназванном острове, признана чуть ли не непререкаемой научной истиной. Корвин — герой «Хроник Эмбера» Роджера Желязны, Манас — киргизского фольклора.

* *Слегка смущенный таким изобилием, Иван осторожно открыл дверь следующей темницы. По ней бродил восточного вида юноша в тюрбане, развевающихся штанах и белой рубашке. Время от времени юноша подпрыгивал и толкал ладонями потолок.*

— Ты кто? — ошалел Иван. Но в этот миг в потолке вывалилась плита, звонко расколовшаяся о тюрбан незнакомца, и тот его вопроса не услышал. Подпрыгнул и скрылся в открывшейся в потолке дыре.

— Не иначе принц персидский, — рассудил Иван. — Этот эпизод понятен только тем, кому довелось играть в компьютерную игру «Принц Персии». Или же читать чудесный рассказ Виктора Пелевина «Принц Госплана».

* *— Да вздумал на днях Кащей дать мне на прочтение свои былинки юмористические, боянов да богатырей высмеивающие. Прочитал я их да и скривился. Чушь собачья! И дернул меня нечистый записать в дневничке для памяти: «Кащей — парень хороший, но пишет всякое говно. Надо сказать ему об этом, но помягче, поделикатнее...»* — Почти дословное изложение записки критика Владимира Гопмана о творчестве Юлия Буркина. (Теперь ясно, почему Гопа в «Маме» и Гапон в «Острове» — самые отрицательные персонажи? И литераторам не чужда мстительность.)

Глава восьмая, последняя, в которой Кащей объявляет, что этнос порождает эпос, но Ивану это ни о чем не говорит

* *Манарбит...* — Арбитман (известный в узких фэновских кругах критик).

Послесловие, из которого любознательный читатель узнает, что веселее быль делать сказкой, чем сказку — былью, а читатель пытливый — мораль извлечь может

* *— Обо мне, может, еще оперу напишут. Роман, может быть...*

Манарбит вскинул голову и пристально посмотрел на Кубатая. Спросил:

— Звал, генерал-сержант?

— Нет.

— Значит, почудилось... — Еще одна непростительная выходка. Арбитмана зовут Роман.

* *— А у нас тут, на болоте, чудо дивное случилось, — делился впечатлениями Алеша. — Представь, почудилось вдруг мне, что никакой я не Алеша Попович, а простой мужичок по имени Васасек. И не богатырь я вовсе, а торговец мелкий, срамными картинками на базаре торговавший. Будто жил я в неведомой стране, а потом приехал на остров Русь...* — Речь идет о фэне и книготорговце Василии Спринском по прозвищу Вася Секс.

* *— Ой, ребята, а чего случилось-то со мной! Привиделось мне, что никакой я не Илья Муромец, а простой парень, с именем коротким — Яр и силенкой поболе, чем у простых людишек. Что живу я в Киев-граде, только город тот на наш Киев не похож. Бананы там не растут, и говорят не по-русски. И вот я, то есть этот Яр, почувствовал в груди томление, поехал сюда и обернулся богатырем. Вначале тридцать три года баклуши бил, как положено, а потом стал крепким да добрым...* — Прозвище Яр носит очень приятный (и весьма крепкий!) парнишка из Киева — фэн Ярослав.

* *— Добрынюшка, а не было ли чего дивного в подводном царстве?*

— Было, — согласился Добрыня. — Примерещилось мне, что я не Добрыня-богатырь, а простой парень по имени Завгар. Неплохой вроде парень, умный, но сложения не богатырского. То ногу сломаю, то другую. Скучная, одним словом, жизнь. — Вот и снова Борис Завгородний. Когда писалась эта повесть, у него была сломана нога. Ныне она зажила. Боря, будь здоров!

* *Смолянин гордо потряс в воздухе кулечком с яйцами:*

— Вот оно — мое будущее! Организую я компанию, назову ее «Я + Я». Буду яйцами торговать.

— Почему «Я + Я»? — изумился Кубатай.

— «Я плюс Яйца»! — пояснил Смолянин. — Звучит?.. — Смолянинов в момент написания этой повести действительно занимался созданием компании со странным названием «И + И».

* *— Сдерживай эмоции! — шепнул Иван Ильг. — Контролируй силу! Не поддавайся ее темной стороне!* — Намек на джидайские заморочки из фильма «Звездные войны».

* *— Моя здесь. Я — Ахмет, боян татарский...* — Наде-

емся, фантаст Спартак Фаттыхович Ахметов, большой интернационалист и увлеченный ученый-минеролог, не обидится.

* *И тут из толпы выскочил розовощекий молодец, запрыгнул на железную махину, уселся рядом с трубой и, взмахнув рукой, крикнул: — Поехали!* — Узнали Гагарина?

ЦАРЬ, ЦАРЕВИЧ, КОРОЛЬ, КОРОЛЕВИЧ...

Предисловие, в котором доктор Ватсон впервые видит Холмса растерянным

* — *Попробуйте, Ватсон. Такого вы еще не пили. Это турецкий чай, а турецкий чай есть традиция в Турции.* — Последняя фраза — из идиотской рекламы турецкого чая. Отвратительного, надо сказать. Помните его половодье в конце восьмидесятых?

* — *...когда вы кололи себе утреннюю порцию кокаина...* — Кокаин обычно употребляют другими способами. Но Холмс его именно колол — в виде семипроцентного раствора.

* — *Несколько месяцев назад, как раз после возвращения из Америки, где я повидал много интересного и поучительного, например американские библиотеки и магазины...* — Алан Кубатиев любит рассказывать о своей поездке в США.

Часть первая. КОРОЛЕВСКИЙ ПИНГВИН

Глава первая, в которой я дважды падаю в обморок, Шерлок Холмс что-то понимает и начинаются самые фантастические поиски в истории человечества

* *Перелистнув страницу, я наткнулся и на такую хамоватую фразу: «Правда, доктору Ватсону однажды довелось выслушать от своего друга слова одобрения».* — Бедняга Ватсон прочитал кусочек статьи Кагарлицкого, из которой авторы почерпнули немало малоизвестных фактов из биографий Холмса и Ватсона.

* — *Курятник? — предположил Мак-Смоллет. — Помню, однажды...*

Холмс взял на палец немного помета, рассмотрел и удовлетворенно кивнул:

— *Голуби. Это голубятня.*

...Около часа мы гуляли по набережной, с любопытством разглядывая развешанные повсюду плакаты и лозунги. Смысл их по большей части был непонятен. Вот, например: «Пятидневке — ура!» Или: «Перейдем реку досрочно и

вброд!» А самый частый и странный лозунг гласил: «Проискам нэцкистов — решительное фу!»...

Наши герои оказались в интересной и любимой авторами книге — романе Владислава Крапивина «Голубятня на желтой поляне». Авторы понимают, что их прогноз развития событий спорен... но печальная логика перерастания революции в тиранию заставляет их высказать свою версию.

А книга очень хорошая. Если не читали — найдите, не пожалеете.

Глава вторая, в которой Кащей встречает дикарей

* — *Жить дружно? С тобой, что ли, козел?* — Фраза из известного непристойного анекдота.

* — *А вдруг этот остров — необитаем? — с дрожью в голосе спросил себя Кащей. И сам же задал встречный вопрос:*

— *Совершенно необитаем?*

— *То есть абсолютно!..* — Удивительным образом многие герои трилогии знакомы с песнями из кинофильма «Красная шапочка». Авторы сами удивлены этим фактом. Начитанный мудрец Кубатай, конечно, способен спеть песенку об Африке. Но откуда малограмотный Манарбит знает другую песню из фильма? Загадка...

* — *Обитаем! Обитаем! — завопил Кащей, чуть не запрыгав от радости. На узкой полоске мокрого пляжа он обнаружил след босой ноги и, радостно приплясывая, пропел: — Я готов целовать песок, по которому ты ходил...* — Да, загадка раскрывается. Образование Манарбита, видимо, было во многом песенным, музыкальным. С чем его и поздравляем.

* *...три плетеные же полки. На них лежали мелкие коричневые яйца. Видимо, так оберегал их хозяин от местных тушканчиков.* — Однажды в телепередаче «Тема» один очень известный детский кинорежиссер сказал: «За американским кино нам не угнаться. Но мы можем делать детские телесериалы, которые будут смотреть потому, что там будет про наших людей, наши проблемы, наших тушканчиков...» Почему тушканчиков?! — поразились мы, и с тех пор тост «За наших тушканчиков» — один из любимейших. Не могли мы не ввернуть этих бедных животных и сюда.

Глава третья, в которой Стас берет инициативу в свои руки, но это не очень-то помогает

* — *Я думал, ты не очень расстроишься, если я позову друзей перекусить после футбольного матча, — смущенно ответил брат.*

— Одного-двоих — это еще куда ни шло, — рассуждал я, давясь ненавистным бутербродом. — Но целая орава проголодавшихся пятиклассников — это офигеть можно!

— Надо было спасать положение, — оправдывался Стас.— Мороженые пельмени — это идеальное решение! — Пародийный перефраз телерекламы шоколадного крема «Сникерс».

* *— А я буду писать серьезно и трогательно, как знаменитый детский писатель Игорь Петрович Решилов.* — Имеется в виду Владислав Петрович Крапивин. Детский писатель И. П. Решилов — персонаж книги В. П. Крапивина «Лоцман». Многие считают этот образ автобиографичным.

* *— Да, я мог бы их съесть, — бредил наяву Кащей, — или вырвать сердца у них из груди и вложить туда сердца из камня. Я мог бы сделать их своими маленькими слугами, если бы вложил им сердца из камня...* — Кащей ведет себя как положено сказочному злодею в детской книге. Его реплики во многом повторяют слова злого рыцаря Като из сказки Астрид Линдгрен «Мио, мой Мио» (и одноименного кинофильма, снятого одним очень известным детским кинорежиссером).

Глава пятая, в которой на сцене появляется вещий мужичок

* *...даже Гакон — толстый бестолковый поп...* — Имя это произошло от известного критика Гакова.

* *Григорий набрал в легкие побольше воздуха и, выпучив глаза, рявкнул еще:*

— Над князем куражиться?!! У последней черты, можно сказать, стоим! Разменяли Русь, мать вашу!!! — «У последней черты» — роман Пикуля, один из главных героев которого — Григорий Распутин.

Глава шестая, в которой нам книги строить и жить помогают

* *— ...Разве в твоих любимых книжках так легко сдаются? Вспомни эту... как ее... «Молчание Кондора». Или «Курятник в зеленом лесу»... — Книжки писателя Решилова были для Стаса второй святыней.* — Упомянутые здесь и далее книги Решилова представляют собой «перевертыши» произведений Владислава Крапивина: «Молчание Кондора» — это «Крик петуха»; «Курятник в зеленом лесу» — «Голубятня на желтой поляне»; «Осиновые штанишки» — «Тополиная рубашка»; «Побудка для сестрицы» — «Колыбельная для брата»; «Шофер на каждый день» — «Летчик для особых поручений»;

«Правда о летчиках и самолетах» — «Сказка о рыбаках и рыбках»; «Столяровы, старший и младший» — «Каникулы Вершинина-младшего»; «Девочка с аркебузой» — «Мальчик со шпагой»; «Черный кубик капитана Джонсона» — «Белый шарик матроса Вильсона».

Глава седьмая, в которой Иван-дурак ломает меч и это приводит к непредсказуемым результатам

* — *Двое, мальчик и... мальчик.* — На всякий случай подтвердим: да, цитируем хороший фильм «Служебный роман».

* — *Господа Крол, Брендизайк, Скромби и Накручинс!*

— *Дьявол, — выругался себе под нос Кубатай. — Не люблю этот перевод...* — Можно долго спорить, какой из переводов «Властелина колец» Дж. Р. Р. Толкина был лучше. Данный вариант написания имен был в самом первом переводе, выполненном В. Муравьевым и А. Кистяковским.

* *Мы уставились на жестянку. Мы предвкушали вкус ананасового сока. Мы поняли, что никогда в жизни не ели ничего вкуснее. Жалко лишь, что в трактире не оказалось консервного ножа...* — Сценка из «Трое в одной лодке» Джерома К. Джерома.

* — *Иван, но в конце-то концов ты же негр! — прибег к крайнему средству Кубатай.*

— *Что ж, у каждого — свои недостатки.* — Иван отвечает заключительной фразой фильма «В джазе только девушки».

Глава восьмая, в которой хитрость порождает благородство, а разоблаченный враг делает ноги

* — *Видите? Видите, как она блестит и сверкает?*

— *Мы видим, мудрый Кубатай, — хором ответили девки.*

— *Подойдите поближе. Ближе... Потрогайте нить. Чувствуете, какая она мягкая и шелковистая?*

— *Мы чувствуем, мудрый Кубатай...* — Сценка напоминает гипнотизирование обезьян удавом Каа из мультфильма «Маугли».

* — *Откуда про реальность знаешь, мужик? — возмутился Кубатай.* — Эта фраза ниоткуда не содрана. Но она достойна особого выделения. Действительно, откуда мужик может знать про реальность?!

* — *Друг мой, — с акцентом произнес мужик, подмигивая. — Я очень опечален! Распутин так популярен, что появилось много подделок!*

Иван заморгал, чувствуя, что окончательно сходит с ума, а мужик разъяснил:

— *Только тот настоящий Распутин, у кого на фуфайке написано «ORIGINAL»!* — Перефраз рекламы водки «Распутин».

Глава десятая, в которой у нас есть два способа попасть домой, но наш друг — пингвин Орлик — пресекает оба

* *...«Сказ о том, как Кубатай-батыр остров Русь спас». А былина «Сказ о том, как Кубатай-батыр метеозондом служил»...* — Почему-то названия былин приобрели на Венере казахскую интонацию, а «Кубатай-батыр» явно перекликается с упомянутым уже в «Острове Русь» Кобланды-батыром.

* — *Вообще-то его полное имя — Аурелиано Буэндиа,* — *пояснил я. — Стас какую-то книжку читал, там куча персонажей и все — Буэндиа, только одни — Хосе Аркадио, а другие — Аурелиано.* — Речь идет о романе Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества».

Часть вторая. ЗОЛОТАЯ МУХА

Глава пятая, в которой нас пытаются арестовать безработные милиционеры, Кубатай и Смолянин приобретают новую специальность, а я наблюдаю за диктаторским окружением и шпионю за собственным телом

* — *Набор посуды! — похлопывая по чемодану, продолжал мужик. — Швейцарский! Нержавеющий! Вилочки для куропаток, щипчики для фазаньих язычков, специальная кастрюлька для варки перепелиных яиц... Тут электричка притормозила, и мужик со своим чемоданом вылетел из тамбура. Пулей.* — Редактор издательства «Аргус» Олег Пуля как-то занимался продажей швейцарской посуды.

* *А милиционеры пахнут своеобразно, для мухи чем-то даже приятно...* — Намек на непристойный анекдот, в котором маленький мальчик лепит милиционера из глины, песка и пр.

* — *Майор Брайдер. Задерживаем опасных преступников, террористов...* — Брайдер — писатель-фантаст, пишущий в соавторстве с Чадовичем. По профессии — действительно мент.

* — *Ну, когда диктатор Стас вернулся из Шамбалы и увидел, что всё везде плохо...* — Шамбала — мифическая страна в Гималаях, место обитания мудрецов и чародеев. Воспета Рерихом. Каждый уважающий себя экстрасенс-аферист «бывал» в Шамбале или телепатически с ней общается.

* — *Бамбара-Чуфара! Лорики-Ёрики! Явись передо мной*

мой военный министр, повелитель страх-птичек, Колька Горнов! — Николай Горнов — издатель популярного фэнзина (малотиражного журнальчика) «Страж-Птица», юмористически повествующего о жизни фэндома, высмеивающего те или иные события, тех или иных авторов.

* — *Чуфара-Бамбара! Скорики-Морики! Явись передо мной мой министр социальной пропаганды, Андрэ Никола!* — Андрей Николаев, питерский фэн... организатор... редактор... автор... да много у него ипостасей! Вот и еще одна появилась.

* — *Разве что Ян Юа, министр капитальной пропаганды, старается.* — Раскроем секрет полишинеля: Ян Юа, известный переводчик Желязны, — это псевдоним Николая Ютанова, питерского писателя и издателя, и Яны Ашмариной, питерской художницы, иллюстрирующей фантастику. Они придумали и создали приз по фантастике «Странник» — бронзовую фигуру человека в плаще, с птицей на плече.

* — *И Сережка Бережной молодец, не подводит...* — Известный в фэндоме издатель, литагент, фэн, один из соредакторов фэнзина «Двести».

Глава шестая, где Стас делает вид, что он крутой, я с Холмсом и Ватсоном еду на принудительную экскурсию, а Кубатай, Смолянин и Орлик выступают в цирке, что едва не кончается революцией

* — *Если скучно жить на свете,*
Если вас достали дети, — пробренчал Кубатай.
— Кто прогонит горький сплин?
Кубатай и Смолянин! — несколько самоуверенно, но мелодично пропел младший майор. — Эта песенка явно имела в родословной веселую песенку из фильма «Приключения Электроника». Помните: «Если меркнет свет в окошке... на душе скребутся кошки... кто сумеет вам помочь... кто прогонит скуку прочь?»

* — *Сидела птичка на лугу... — баритоном пропел Кубатай.*
— Подкралась к ней корова... — дискантом подтянул Смолянин.
— Ухватила за ногу.
Птичка, будь здорова!.. — хором протянули оба. — Песенка из повести «Капитан Врунгель».

* — *Ма-ма, ма-ма, что ж я буду делать?*
Ма-ма, ма-ма, как я буду жить?
У ме-ня нет ни одной страх-птицы,

У ме-ня нет теплого пальта... — переделанная песня из очень популярного у фэнов к/ф «Кин-дза-дза». А в фильме, собственно, использованы старые кафешантанные куплеты.

* — *Если слушаются плохо,*
Не жалейте поп и спин!
Посмотри, как порют лихо
Кубатай и Смолянин!.. — Переделка четверостишия из Козьмы Пруткова.

* — *Время бить яйца! Время бить яйца!*
Все встали. И принялись скандировать, слегка замахиваясь правой рукой:
— *Время бить яйца! Время бить яйца!..* — По аналогии с лозунгом из «Легенды о Тиле Уленшпигеле» — «Время звенеть бокалами!»

Глава седьмая, в которой малолетний чародей обижен и озадачен, а Кубатай признается, что он был не прав

* — *Ты страх-птичек не выдумал!*
— *Да и ты не выдумал,* — вновь вмешался брат тирана. — *Ты их из рассказа Шекли украл. Букву одну заменил в названии...* — Речь идет о рассказе Роберта Шекли «Страж-птица».

Глава восьмая, грустная, в которой Стас собирает пожитки и прощается с Решиловым, после чего все мы прощаемся друг с другом и отправляемся в разные стороны

* — *Прими таблетку, Кубатай!* — *вскричал Смолянин.*— Фраза из польского фильма «Секс-миссия» (в русском прокате — «Новые амазонки»).

* *Генерал-старший сержант судорожно сунул руку в карман:* — *Это конец! А где же таблетки?!* — Из известного непристойного анекдота о Штирлице. Только Штирлиц потерял не таблетки, а пистолет.

* — *Хотя вы уже не лысый. У вас уже растут волосы...*— «Агапит, ты стал совсем большой. У тебя уже растут волосы...» — Фраза из фильма «Отроки во Вселенной».

Послесловие, в котором Холмс клянется больше никогда не играть на скрипке, Кубатай получает рыбу и задание, а Стас испытывает разочарование

* — *Да?* — *удивился Холмс.* — *Что-то с памятью моей стало.* — Строчка из известной песни на стихи Роберта Рождественского.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕГОДНЯ, МАМА!

Предисловие 9
Часть первая. ПОСЛЕЗАВТРА 23
Часть вторая. ПОЗАВЧЕРА 97
Послесловие 154

ОСТРОВ РУСЬ

Предисловие 161
Часть первая. ТРИ БОГАТЫРЯ 171
Часть вторая. СЕРЕЖКИ ВАСИЛИСЫ 229
Послесловие 291

ЦАРЬ, ЦАРЕВИЧ, КОРОЛЬ, КОРОЛЕВИЧ...

Предисловие 315
Часть первая. КОРОЛЕВСКИЙ ПИНГВИН 336
Часть вторая. ЗОЛОТАЯ МУХА 420
Послесловие 477

НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ЭПИЛОГ И ПРИМЕЧАНИЯ,

которые авторы написали от первого лица, а потом добавили от первого 482

Литературно-художественное издание

Буркин Юлий Сергеевич
Лукьяненко Сергей Васильевич

ОСТРОВ РУСЬ

Литературный редактор *О. П. Пуля*
Художественные редакторы
О. П. Пуля, А. Г. Сауков
Технический редактор *Т. И. Шеленкова*
Корректоры *Е. В. Тарариева,*
Е. А. Самолетова, А. И. Киселева
Оператор компьютерной верстки *Е. Р. Данилов*

Изд. лиц. № 061591 от 07.09.92.
Изд. лиц. № 061309 от 17.06.92.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 17.07.97.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага газетная. Усл. печ. л. 26,88.
Тираж 17 000 экз. Заказ 5022.

Издательство «Аргус»,
127018, Россия, Москва, Октябрьский пер., д.32.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО»,
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»,
170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, д.5.

ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ
КНИГА – ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

индекс: 413

«АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ»

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА

В ЭТОЙ СЕРИИ ВЫХОДЯТ КНИГИ ТАКИХ АВТОРОВ, КАК:

В.Головачев, В.Михайлов, В.Ильин, И.Стальнов, М.Ахманов, Е.Гуляковский, В.Звягинцев, Л.Вершинин, М.Симонова, О.Дивов.

Все издания объемом 400-600 стр., целлофанированный переплет, шитый блок

В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ. ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ.

*Цена одной книги **16 900** руб.*

«СТАЛЬНАЯ КРЫСА»

индекс: 423

ЗОЛОТОЙ ФОНД ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Романтика дальнего Внеземелья. Падение могущественных звездных империй. Безжалостные столкновения космических армад. Отчаянные авантюры галактических мошенников. Решительность и бескомпромиссность. Предательство и коварство. Благородство и бескорыстие. Читайте обо всем этом ***в лучших книгах, когда-либо выходивших под маркой фантастики.***

Г.Гаррисон ***«СТАЛЬНАЯ КРЫСА ПОЕТ БЛЮЗ»***
Г.Гаррисон ***«СТАЛЬНАЯ КРЫСА ОТПРАВЛЯЕТСЯ В АД»***
Э.«Док» Смит ***«БОМБА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ»***
М.Уэйс ***«ГАЛАКТИЧЕСКИЙ ВРАГ»***

Все издания объемом 450-580 стр., целлофанированный переплет, шитый блок

В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ. ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ.

*Цена одной книги **16 900** руб.*

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

Есть на далекой планете Земля сказочный остров Русь. Там живут былинные богатыри, тоскующие по славным летам, когда всякой нечисти было вдоволь. И не ведают они, что их далекие потомки уже вовсю летают в космос, путешествуют во времени, встречаются с братьями по разуму и сражаются с воинственными пришельцами из других миров.

ОСТРОВ РУСЬ

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО
ЮЛИЙ БУРКИН